М. ПОЛИЕВКТОВЪ

НИКОЛАЙ I

БІОГРАФІЯ

И ОБЗОРЪ ЦАРСТВОВАНІЯ

МОСКВА
Издательство М: и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1918

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1918.

Въ основу настоящей книги легли два различныхъ текста: составленная авторомъ для Біографическаго Словаря Императорскаго Русскаго Историческаго Общества біографія императора Николая I и курсъ, посвященный обзору николаевской эпохи, читанный имъ на Петроградскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ и застенографированный. Курсъ помогъ автору установить его основныя точки зрѣнія на николаевское царствованіе и опредѣлилъ построеніе книги; біографія дала фактическое содержаніе. Курсъ былъ разсчитанъ на два года. Въ первый годъ удалось сдѣлать лишь обзоръ правительственной дѣятельности; второй годъ предполагалось посвятить обществу и теченіямъ общественной мысли въ николаевское царствованіе. Измѣненіе въ учебномъ планѣ преподаванія русской исторіи на Курсахъ помѣшало выполнить въ цѣломъ намѣченную программу, и вторая половина курса осталась непрочитанной. Это заставляетъ автора отказаться на время отъ мысли—дать обзоръ николаевской эпохи, и ограничиться на первыхъ порахъ болѣе скромною задачею—біографіей и обзоромъ царствованія императора Николая I.

Подъ Москвою
въ Петровскомъ-Разумовскомъ,
май 1916.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1918.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Царствованіе императора Николая I—опредѣленная эпоха въ русской исторіи, эпоха, прежде всего, въ исторіи абсолютной монархіи въ Россіи. Съ середины XVII вѣка московское государство начинаетъ приближаться къ тому типу абсолютной монархіи, который сложился къ этому времени и на Западѣ, а со времени Петра Великаго и въ теченіе всего XVIII вѣка окончательно облекается въ формы западно-европейскаго полицейскаго государства. Этотъ процессъ заканчивается къ началу XIX вѣка, когда, послѣ реформы центральныхъ учрежденій въ царствованіе Александра I, въ Россіи устанавливается бюрократическая система управленія. Окончательное завершеніе этого процесса и относится ко времени царствованія императора Николая I.

Каждая форма государственнаго устройства обладаетъ извѣстною долею политической косности: возникнувъ въ свое время въ силу реальныхъ потребностей даннаго историческаго момента, она постепенно принимаетъ традиціонный характеръ и, какъ таковая, отстаетъ отъ вновь слагающихся экономическихъ, соціальныхъ и интеллектуальныхъ условій. Въ свое время прогрессъ политической эволюціи, полицейское государство въ чистомъ видѣ къ началу XIX вѣка не покрывало уже собою усложнившихся къ этому времени формъ общественной жизни. На этой почвѣ въ теченіе всего XVIII и начала XIX вв. слагаются различныя политическія теченія, ставящія себѣ задачею смягченіе чистыхъ формъ абсолютизма, теченія, временами и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе уклоняющіяся въ сторону политическаго конституціонализма. Самая эволюція формъ абсолютной монархіи въ направленіи къ бо́льшей закономѣрности тѣмъ самымъ создавала почву для роста конституціонныхъ идей. Та-

ково значеніе на русской почвѣ петровской коллегіальной системы, попытки верховниковъ въ 1730 году, началъ, возвѣщенныхъ въ „Наказѣ“ императрицы Екатерины II, политической программы Сперанскаго и наконецъ того движенія, которое охватило нѣкоторую часть русскаго общества въ исходѣ царствованія Александра I. Въ силу цѣлаго ряда условій это послѣднее движеніе пришло, какъ извѣстно, въ рѣзкое столкновеніе съ существующимъ политическимъ строемъ въ моментъ вступленія на престолъ императора Николая I, и изъ этого столкновенія абсолютная монархія вышла побѣдительницею. Царствованіе императора Николая I и имѣетъ прежде всего историческій интересъ, какъ такой періодъ въ исторіи абсолютной монархіи въ Россіи, когда эта политическая форма стала боевымъ лозунгомъ, торжествующимъ свою побѣду, и изъ простого историческаго факта окончательно превратилась въ санкціонированный политическій принципъ.

Провозглашенный какъ принципъ, политическій абсолютизмъ никогда, ни до, ни послѣ этого царствованія, за исключеніемъ пожалуй эпохи Петра Великаго, не проводился и такъ послѣдовательно, какъ при Николаѣ I. Жизнь въ теченіе XVIII и начала XIX вѣка выдвинула на очередь цѣлый рядъ крупныхъ очередныхъ задачъ, остававшихся къ моменту вступленія на престолъ императора Николая неразрѣшенными. Провозгласивъ принципъ всесторонней государственной опеки, николаевское правительство попыталось взять въ свои руки разрѣшеніе всѣхъ этихъ задачъ, но въ это разрѣшеніе неуклонно вносило всегда одну и ту же политическую окраску. Въ области внѣшней политики передъ Россіей начала XIX в. раскрывались двѣ основныя задачи: привести въ ясность русско-польскія отношенія и закрѣпить за собою то благопріятное положеніе на Востокѣ, которое началó къ этому времени тамъ для нея складываться. Польскій вопросъ разрѣшался николаевскимъ правительствомъ исключительно въ смыслѣ отрицанія за польскою національностью правъ на политическое самоопредѣленіе и полнаго подчиненія Польши Россіи, подобно тому, какъ въ самой имперіи каждый гражданинъ находился въ абсолютномъ подчиненіи у государственной власти. Въ восточномъ вопросѣ покровительство христіанскимъ народностямъ Востока не мыслилось иначе, какъ въ формѣ безраздѣльнаго вмѣшательства въ ихъ

внутреннюю жизнь русской государственной власти въ видахъ охраненія у этихъ народностей патріархальнаго уклада; на другомъ форпостѣ русской восточной политики, въ Закавказьѣ, задачи государственной власти понимались, главнымъ образомъ, въ смыслѣ насажденія на этой окраинѣ общеимперскаго бюрократическаго строя. Въ области внутренней политики основными задачами были: разрѣшеніе финансоваго кризиса и поднятіе производительныхъ силъ страны, устраненіе тѣхъ сословныхъ противорѣчій, которыя создавались на почвѣ крѣпостного права, введеніе въ общую систему государственнаго управленія такого мощнаго фактора, какъ народное образованіе, до этого времени остававшееся въ промежуточномъ состояніи. Въ области финансовой и экономической политики, въ дѣятельности Канкрина николаевское царствованіе даетъ намъ яркій образецъ протекціонизма, экономической системы, выросшей въ атмосферѣ полицейскаго государства. Крѣпостной вопросъ разрѣшается въ духѣ ослабленія личной крѣпостной зависимости крестьянина отъ помѣщика, какъ противорѣчащей принципу государственности, но въ то же время и въ духѣ сохраненія надъ личностью крестьянина извѣстной опеки. Народное образованіе складывается въ опредѣленную систему съ послѣдовательно проводимымъ принципомъ самаго строгаго правительственнаго надзора, и главною задачею народнаго просвѣщенія провозглашается воспитаніе умовъ въ правительственномъ духѣ. Само государственное управленіе въ николаевское царствованіе развивается въ сторону дальнѣйшей бюрократизаціи: проведенный въ сферѣ высшаго управленія, принципъ бюрократической централизаціи распространяется теперь на органы мѣстнаго управленія. Начало XIX в. поставило русскому государству и еще одну, новую для него проблему: русскій государственный организмъ осложнился къ этому времени рядомъ областей, жившихъ своимъ историческимъ прошлымъ—Финляндія, Польша, Бессарабія, Грузія. Сталъ на очередь окраинный вопросъ. Не ставя этотъ вопросъ въ цѣломъ, николаевская правительственная система въ отдѣльныхъ случаяхъ послѣдовательно проводитъ на окраинахъ обрусительную политику. Николаевское царствованіе не только провозгласило принципъ абсолютизма, но и формулировало послѣдовательную систему абсолютно-монархическаго управленія. И какъ самъ по себѣ этотъ принципъ къ данному вре-

мени сталъ консервативнымъ началомъ, такъ и николаевская правительственная система стала какъ бы формулою консервативной бюрократической программы.

Въ предѣлахъ очерченныхъ имъ политическихъ рамокъ императору Николаю I удалось, во всякомъ, случаѣ кое-что сдѣлать. Николаевское царствованіе далеко не пустое мѣсто въ исторіи русскаго правительства, и нѣтъ ничего болѣе неисторичнаго, какъ разсматривать всю правительственную дѣятельность этого царствованія подъ угломъ зрѣнія „краха николаевской системы". Наслѣдіе николаевскаго царствованія далеко не сводилось къ однимъ язвамъ бюрократическаго режима; это была эпоха и многихъ дѣйствительно положительныхъ достиженій. Всѣ эти достиженія не служатъ, конечно, доказательствомъ жизненности самой николаевской правительственной системы въ ея основаніяхъ. Эта система сама по себѣ для даннаго времени была уже изжитымъ прошлымъ, и въ этомъ таились корни ея разложенія, того, дѣйствительно, краха, который раскрывается во всей полнотѣ, главнымъ образомъ, во вторую половину николаевскаго царствованія. Отдѣльныя положительныя достиженія этого царствованія, быть можетъ, лишь ускоряли этотъ процессъ разложенія. Въ эпоху Петра Великаго абсолютизмъ и полицейская система управленія были творческимъ началомъ; въ николаевское царствованіе они стали уже устарѣвшимъ оружіемъ. Побѣда абсолютизма, николаевское царствованіе было, въ сущности говоря, въ то же время послѣднею эпохою въ исторіи русской абсолютной монархіи.

Опредѣляя николаевское царствованіе, какъ извѣстный моментъ въ исторіи русской абсолютной монархіи, мы не получаемъ еще полнаго опредѣленія „николаевской эпохи". Русское общество жило въ это царствованіе своею особою отъ правительства и по своему очень полною жизнью. Оно пережило за это время большой періодъ и своего экономическаго и соціальнаго роста и усложненія, и своего духовнаго созрѣванія. И только изъ совокупнаго разсмотрѣнія и правительственной дѣятельности, и общественной жизни за данное время складывается полная картина николаевской эпохи. Данное выше опредѣленіе представляется, однако, достаточнымъ, поскольку мы ограничиваемся обзоромъ николаевскаго царствованія въ собственномъ смыслѣ этого слова, т.-е. обзоромъ правительствен-

ной дѣятельности въ это царствованіе. Зато изъ такого обзора не можетъ быть исключена личная біографія императора Николая I. Никогда и нигдѣ абсолютная монархія не была такъ далека отъ извѣстнаго положенія „государь царствуетъ, но не управляетъ“, какъ при немъ, въ его царствованіе. Недостаточно сказать, что въ николаевское царствованіе управленіе принимаетъ личный характеръ. Абсолютная монархія при Николаѣ I воплощается въ его личности. Самое свое бытіе на тронѣ Николай понимаетъ, прежде всего, какъ осуществленіе опредѣленнаго принципа. Правительствуя и являясь представителемъ своей страны, въ минуты гнѣва и милости, снисходя до шутокъ и дѣтскихъ забавъ съ воспитанниками кадетскихъ корпусовъ, Николай I никогда не упускаетъ случая дать почувствовать санъ государя. Правительственная система въ николаевское царствованіе и біографія императора Николая I—двѣ стороны одного и того же историческаго явленія. А въ то же время, углубляясь въ эту біографію въ ея повседневныхъ проявленіяхъ, мы извлекаемъ изъ нея много цѣннаго для пониманія отдѣльныхъ моментовъ этого царствованія. Жизнь государя Николая Павловича уясняетъ намъ многое въ правительственной дѣятельности императора Николая I.

Дѣтство и годы ученія великаго князя Николая Павловича.

Третій сынъ цесаревича Павла Петровича, великій князь Николай Павловичъ родился въ послѣдній годъ царствованія императрицы Екатерины II, 25 іюня 1796 года. Первое время послѣ своего рожденія Николай Павловичъ, какъ въ свое время и его старшіе братья Александръ и Константинъ, былъ взятъ на попеченіе самою императрицею [1]); но уже 6 ноября того же года императрица скончалась, и заботы о его воспитаніи перешли непосредственно къ его родителямъ. Послѣ кончины императора Павла императрица Марія Ѳеодоровна офиціально передала воспитаніе своихъ младшихъ сыновей—Николая и

---

[1]) Имѣвшая обыкновеніе лично присутствовать при рожденіи своихъ внуковъ, императрица на этотъ разъ прибыла въ покои, занимаемые великой княгиней въ большомъ царскосельскомъ дворцѣ, лишь послѣ того, какъ эта послѣдняя разрѣшилась отъ бремени. Съ самаго своего рожденія Николай Павловичъ поражалъ своимъ большимъ ростомъ (14 верш.) и прекраснымъ здоровьемъ. 6-го іюля 1796 г. состоялся обрядъ крещенія; воспріемниками были великій князь Александръ Павловичъ и великая княжна Александра Павловна, заступавшая у купели мѣсто императрицы Екатерины. Обрядъ крещенія совершалъ духовникъ императрицы протоіерей Савва Исаевъ. 7 ноября т. г. Николай Павловичъ былъ назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, и первому батальону этого полка присвоено было его имя. Въ этотъ же день былъ назначенъ штатъ новорожденнаго великаго князя, который постепенно составился изъ слѣдующихъ лицъ: статсъ-дама Шарлотта Карловна Ливенъ, три дамы-гувернантки — Юлія Ѳедоровна Адлербергъ, Е. Синицина и Е. Паиаева; няня — англичанка Евгенія Васильевна Лайонъ, кормилица—красносельская крестьянка Евфросинья Ершова, двѣ камеръ-юнгферы—Ольга Никитина и Аграфена Черкасова, двѣ камеръ-медхенъ—Пелагея Винокурова и Марія Перьмякова и два камердинера — Андрей Валуевъ и Борисъ Томасонъ. Кромѣ того, при великомъ князѣ состояли лейбъ-медикъ докторъ Бекъ, аптекарь Ганеманъ и зубной врачъ Эбелингъ.

родившагося въ 1798 году Михаила—въ вѣдѣніе вступившаго на престолъ своего старшаго сына. Императоръ Александръ Павловичъ, однако, подтвердивъ распоряженія, какія были сдѣланы на этотъ счетъ его покойнымъ отцомъ, далѣе почти совершенно не вмѣшивался въ это дѣло, и фактически заботы о воспитаніи младшихъ великихъ князей по-прежнему продолжали лежать на императрицѣ-матери.

Воспитаніе великаго князя Николая протекало всецѣло въ тѣсномъ домашнемъ кругу царскаго семейства, въ обстановкѣ гатчинской придворной жизни со всѣми тѣми характерными особенностями, какія эта жизнь приняла въ царствованіе императора Павла. Самъ Павелъ Петровичъ питалъ къ своимъ младшимъ дѣтямъ теплое искреннее чувство и влагалъ въ свои отношенія къ нимъ и къ ихъ воспитателямъ много непринужденности. У великихъ князей Николая и Михаила Павловичей въ ихъ раннемъ дѣтствѣ установились довѣрчивыя отношенія къ ихъ отцу. Николай Павловичъ особенно пользовался его любовью и самъ былъ очень къ нему привязанъ. Наоборотъ, въ отношеніяхъ императрицы Маріи Ѳеодоровны къ ея младшимъ дѣтямъ преобладалъ офиціальный тонъ. Не обладавшая большою сердечностью, императрица Марія Ѳеодоровна подчинила воспитаніе своихъ младшихъ дѣтей, особенно вначалѣ, строгому этикету, была съ ними суха и холодна и рѣдко выходила изъ предѣловъ извѣстнаго церемоніала: по заведенному императрицей порядку младшіе великіе князья и княжны лишь въ теченіе немногихъ часовъ въ день видали своихъ родителей. У Николая Павловича въ его отношеніяхъ къ матери первоначально преобладало чувство учтивости, лишь позднѣе уступившее мѣсто болѣе теплому чувству.

Первоначальное воспитаніе Николая Павловича было довѣрено, главнымъ образомъ, двумъ лицамъ: статсъ-дамѣ Шарлоттѣ Карловнѣ Ливенъ и англичанкѣ миссъ Лайонъ. Обѣ онѣ были назначены еще самой императрицею Екатериною, но сумѣли снискать расположеніе и ея невѣстки. Ливенъ скоро стала личнымъ другомъ Маріи Ѳеодоровны, что въ данномъ случаѣ имѣло немалое значеніе въ виду тѣхъ натянутыхъ отношеній, какія существовали между императрицею и великокняжескою четою. Курляндская уроженка, рожденная баронесса Гаугребенъ, г-жа Ливенъ какъ нельзя болѣе пришлась по душѣ Маріи Ѳеодо-

ровнѣ. Обѣ онѣ вносили въ дѣло воспитанія извѣстную чисто-нѣмецкую аккуратность, чисто-нѣмецкую сдержанность и нѣкоторую узость педагогическихъ взглядовъ. Какъ человѣкъ, Ливенъ отличалась, повидимому, бо́льшей сердечностью, и быть можетъ подъ ея вліяніемъ развилась у Николая большая любовь къ уюту, къ частной жизни, къ семейному очагу, что впослѣдствіи постоянно такъ сильно выдвигалось у него на первый планъ. Съ ранняго дѣтства въ немъ сталъ складываться человѣкъ частной жизни, подготовлялся семьянинъ. Позднѣе и къ вопросамъ государственнаго характера онъ зачастую подходилъ съ мѣркой частной жизни, а такая мѣрка, въ свою очередь, вполнѣ совпадала съ извѣстною узостью его взглядовъ, стремленіемъ все свести къ элементарнымъ основаніямъ, не осложнять черезъ чуръ разрѣшенія вопросовъ. Особенно сильное вліяніе на развитіе характера Николая Павловича оказала его няня, шотландская уроженка миссъ Лайонъ (Jane Lyon; впослѣдствіи по мужу Вячеслова). Прямая, смѣлая и рѣшительная, миссъ Лайонъ нерѣдко брала на себя итти вразрѣзъ съ данными ей инструкціями и даже отваживалась иногда противорѣчить императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, на что рѣшались очень немногіе. Помимо воспитанія характера, миссъ Лайонъ привила своему питомцу и опредѣленныя симпатіи и антипатіи. До приглашенія ея къ великому князю она служила въ семействѣ Чичериныхъ. Съ ними ей пришлось быть въ 1794 г. въ Варшавѣ во время вспыхнувшаго тамъ возстанія противъ русскихъ. Николай Павловичъ часто слышалъ отъ миссъ Лайонъ о пережитыхъ ею въ это время страшныхъ сценахъ и унаслѣдовалъ отъ нея на всю жизнь непріязненное чувство къ полякамъ и евреямъ. Позднѣе на почвѣ этого чувства развились опредѣленные политическіе принципы [1]).

Съ 1800 г. воспитаніе Николая Павловича перешло въ муж-

[1]) Изъ другихъ воспитательницъ великаго князя можно отмѣтить еще Ю. Ѳ. Адлербергъ (урожденную Багговутъ). Она была назначена уже послѣ смерти императрицы Екатерины, въ 1797 г., по рекомендаціи довѣреннаго секретаря императора Павла, барона Николаи. Адлербергъ оставалась въ должности гувернантки великихъ князей Николая и Михаила Павловичей до 1802 г., когда была назначена начальницею Смольнаго института. Ея сынъ, графъ Владиміръ Ѳедоровичъ, скоро сталъ товарищемъ дѣтства великаго князя.

скія руки. Есть извѣстіе, что первоначально заходила рѣчь о назначеніи его воспитателемъ гр. Сем. Ром. Воронцова, бывшаго въ то время посланникомъ въ Англіи; императоръ Павелъ былъ противъ этого назначенія, такъ какъ не довѣрялъ Воронцову, зная его англоманство. Выборъ императора палъ на генерала Матвѣя Ивановича Ламздорфа, незадолго до этого назначеннаго директоромъ сухопутнаго кадетскаго корпуса (нынѣшній первый въ Петроградѣ). По общему отзыву, Ламздорфъ, не отличаясь широкимъ образованіемъ, не отличался и педагогическими способностями, обращался съ своимъ воспитанникомъ не только сурово, но и жестоко и ставилъ своею главною цѣлью переломить его на свой ладъ. Жестокая и грубая педагогика Ламздорфа столкнулась, однако, въ данномъ случаѣ съ очень неподатливымъ элементомъ—упрямымъ и рѣзкимъ характеромъ подрастающаго великаго князя, что врядъ ли могло принести благіе результаты. Одновременно съ назначеніемъ Ламздорфа къ великому князю были приставлены „кавалерами“: генералъ-майоръ Н. И. Ахвердовъ и полковники П. И. Арсеньевъ и П. П. Ушаковъ, вносившіе въ воспитаніе болѣе кроткія мѣры и имѣвшіе (особенно Ахвердовъ) больше вліянія на своего воспитанника [1]).

Первоначальное образованіе Николая Павловича носило довольно случайный характеръ. Тѣ лица, въ чьихъ рукахъ сосредоточивалось воспитаніе Николая Павловича, были отчасти и его первыми учителями. Такъ, первымъ молитвамъ (по-русски) его обучила миссъ Лайонъ; только съ 1803 г. уроки Закона Божьяго сталъ давать ему его духовникъ Павелъ Криницкій. Русскимъ языкомъ занимался съ великимъ княземъ очередной кавалеръ. Ахвердовъ давалъ, кромѣ того, уроки русской исторіи и географіи, а съ 1804 г. обучалъ ариѳметикѣ и сообщалъ первыя свѣдѣнія по артиллерійскому и инженерному искусству. Первые уроки французскаго языка давала сама императрица Марія Ѳеодоровна; въ 1802 г. на эти уроки былъ приглашенъ эмигрантъ французъ дю-Пюже (du Puget), препода-

[1]) Съ 1805 г. штатъ кавалеровъ былъ увеличенъ до шести, и вновь назначены были: дѣйствительный статскій совѣтникъ П. Г. Дивовъ, коллежскій совѣтникъ Вольфъ и майоръ А. П. Алединскій; въ 1808 г. былъ прибавленъ седьмой—статскій совѣтникъ П. Ѳ. Саврасовъ, а въ 1811 г. и восьмой—коллежскій совѣтникъ Г. А. Глинка.

вавшій также всеобщую исторію и всеобщую географію, а также и чистописаніе. Нѣмецкому языку (а позднѣе, съ 1813 г., также латинскому и греческому) обучалъ Аделунгъ, извѣстный историкъ и археологъ. Уроки англійскаго языка, начавшаго входить въ моду послѣ сверженія Наполеона, Николай Павловичъ началъ брать съ іюля 1813 г. у Седжерса. Уроки музыки, которую вначалѣ очень не любилъ Николай Павловичъ, давалъ съ 1804 г. Тепперъ. Рисованіе, любимое искусство Николая Павловича, преподавалъ сначала (съ 1804 г.) проф. Акимовъ, а съ 1810 г. проф. Шебуевъ. Танцамъ обучали Лепикъ и Юаръ (Huard), верховой ѣздѣ—берейторъ Эггеръ и фехтованію (съ 1809 г.)—Сивербрюкъ.

Съ 1809 г. возникаетъ мысль замѣнить первоначальное преподаваніе болѣе серьезнымъ систематическимъ курсомъ, который приближался бы къ университетскому типу. Помимо общихъ соображеній, здѣсь играло роль стремленіе императрицы Маріи Ѳеодоровны ослабить чрезмѣрное увлеченіе играми военнаго характера и вообще военными занятіями, естественно развивавшееся въ младшихъ великихъ князьяхъ въ условіяхъ тогдашней придворной жизни, и оживить въ нихъ мало развитый интересъ къ наукамъ. Одно время предполагалось даже отправить великихъ князей Николая и Михаила Павловичей слушать лекціи въ лейпцигскій университетъ, но эта мысль не встрѣтила сочувствія у императора Александра Павловича. Взамѣнъ этого онъ находилъ возможнымъ, чтобы его младшіе братья посѣщали лекціи въ учреждаемомъ въ то время царскосельскомъ лицеѣ. Послѣдовавшія вскорѣ за этимъ событія 1812 г., однако, и этому послужили помѣхой. Все ограничилось лишь тѣмъ, что занятія великаго князя какъ въ классахъ, такъ и во внѣклассное время, приняли болѣе систематическій характеръ, были начаты высшія науки, и сверхъ лицъ, уже преподававшихъ, было приглашено нѣсколько профессоровъ. Сравнительно широко было обставлено преподаваніе политическихъ наукъ. Съ 1809 г. Аделунгъ началъ свои лекціи по логикѣ и морали; съ 1810 г. проф. Шторхъ свой курсъ политическихъ наукъ. Этотъ курсъ подраздѣлялся на науку *общежительную*, куда входили философія исторіи, государственное и народное право и политическая экономія, и *правительственную*, куда входили теорія правительственныхъ формъ и политика; послѣдняя обнимала ученія о законодательствѣ, администраціи, судѣ, полиціи, военномъ

управленіи, государственномъ хозяйствѣ, народномъ просвѣщеніи и духовномъ управленіи. Наряду со Шторхомъ слѣдуетъ упомянуть проф. Кукольника, читавшаго великому князю естественное право, и извѣстнаго юриста того времени, чье имя ставятъ иногда наряду со Сперанскимъ, проф. Балугьянскаго, читавшаго ему энциклопедію и исторію права, а нѣсколько позднѣе, въ 1815 и 16 гг., науку о финансахъ. Сравнительно съ такой постановкой преподаванія политическихъ наукъ, приходится отмѣтить крайне слабую постановку историческаго образованія. Изученіе русской исторіи не пошло дальше элементарныхъ уроковъ Ахвердова, оборвавшихся къ тому же къ 1816 г. на эпохѣ Іоанна Грознаго и Смуты; всеобщей— дальше уроковъ дю-Пюже. Наоборотъ, на преподаваніе точныхъ наукъ и военнаго искусства было обращено, повидимому, гораздо больше вниманія. Первоначальное преподаваніе алгебры, геометріи, физики и инженернаго искусства было поручено извѣстному ученому, профессору и академику Крафту [1]). Съ конца 1808 г. Крафтъ началъ свой курсъ высшей математики и опытной и теоретической физики, куда были включены также свѣдѣнія по механикѣ, технологіи, фортификаціи и артиллеріи. Съ конца 1809 г., по предложенію Крафта, было рѣшено выдѣлить и поставить болѣе систематично преподаваніе военныхъ наукъ. Организаціей преподаванія этихъ наукъ заинтересовался самъ государь Александръ Павловичъ, почти единственный случай его вмѣшательства въ воспитаніе его младшихъ братьевъ. Выработать программу и вести преподаваніе военныхъ наукъ было поручено инженерному генералу К. И. Опперману, который предложилъ въ свои помощники полковника артиллеріи А. И. Марковича и полковника-лейтенанта Джанотти. Опперманъ и Джанотти являлись видными силами въ области военной техники; благодаря ихъ преподаванію молодой великій князь, всей окружающею его атмосферою все болѣе и болѣе увлекаемый на путь внѣшней военной выправки, посвятилъ въ свое время немало часовъ изученію болѣе насущныхъ вопросовъ военнаго искусства. Подъ вліяніемъ Оппермана, съ именемъ котораго мы встрѣтимся еще ниже, военно-

[1]) Въ 1813 г. въ помощники Крафту, главнымъ образомъ по производству опытовъ, былъ приглашенъ проф. Н. И. Вольгемутъ.

инженерное искусство стало любимымъ дѣломъ Николая Павловича; изъ него выработался на всю жизнь хорошій военный инженеръ. На урокахъ Джанотти, отличавшихся большою серьезностью, а также Марковича, Николай Павловичъ ознакомился съ началами стратегіи. Уроки сводились къ чтенію и разбору различныхъ сочиненій объ отдѣльныхъ кампаніяхъ (между прочимъ Жиро и Ллойда о послѣднихъ кампаніяхъ 1814 и 1815 гг.), а также къ разбору самостоятельныхъ проектовъ, темы которыхъ носили иногда довольно злободневный характеръ. Такъ, въ началѣ 1815 г. Николай Павловичъ давалъ отчетъ Опперману о составленномъ имъ „Трактатѣ о войнѣ противъ соединенныхъ силъ Пруссіи и Польши“ и около этого же времени разбиралъ съ Джанотти проектъ „объ изгнаніи Турокъ изъ Европы при извѣстныхъ данныхъ условіяхъ“.

Вообще надо замѣтить, что общераспространенное мнѣніе— будто бы великій князь Николай Павловичъ получилъ гораздо болѣе скудное и одностороннее образованіе, чѣмъ его старшіе братья, слѣдуетъ принимать съ большими оговорками. Трудно даже отвѣтить опредѣленно, воспитывали ли его, какъ простого великаго князя, или уже теперь принимали въ расчетъ его предназначеніе? Программа курса профессора Шторха заставляетъ предполагать послѣднее. Разсматривая въ цѣломъ программу образованія великаго князя, нельзя не признать, что передъ нами программа, въ которой политическія науки занимаютъ видное мѣсто. Правда, наряду съ этимъ видное мѣсто занимаютъ и науки военныя. Надо, однако, помнить, что въ глазахъ самого императора Александра военное дѣло получаетъ къ этому времени все большее и большее значеніе въ общей системѣ государственнаго управленія. Къ началу XIX в. государственное управленіе сравнительно съ восьмидесятыми годами XVIII в. милитаризируется, и это не могло не отразиться и на системѣ воспитанія лицъ императорской фамиліи. Новое поколѣніе великихъ князей, къ которому принадлежалъ Николай Павловичъ, проходило иную школу, чѣмъ его старшій братъ, школу, на которой сказалось вліяніе не столько вѣка политическихъ мыслителей, сколько вѣка воинскихъ потрясеній наполеоновской эпохи. Въ глазахъ самого императора Александра, однако, это и была теперь та школа, которую долженъ былъ пройти будущій правитель государства. Образованіе великаго князя Николая Павло-

вича не было скудно, но его учителя, при всей своей эрудиціи, зачастую оказывались плохими преподавателями, и это прежде всего относится къ его преподавателямъ политическихъ наукъ. Отдавая должное учености Шторха, Кукольника и Балугьянскаго, Николай Павловичъ самъ отзывался впослѣдствіи объ ихъ лекціяхъ какъ о черезчуръ отвлеченныхъ и сухихъ. Среди остальныхъ учителей, повидимому, лишь Оппермань и Джанотти выдѣлялись талантливостью и живостью преподаванія. Идеи Шторха могли оказать вліяніе на великаго князя лишь позднѣе, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Въ данный моментъ военное дѣло должно было стать его любимымъ занятіемъ. Систематическое обученіе великаго князя, къ тому же, окончилось довольно рано — къ серединѣ 1813 г. Императрица Марія Оеодоровна не прочь была его нѣсколько продолжить; современныя политическія событія съ этого времени все болѣе и болѣе начинаютъ нарушать правильный ходъ занятій. Занятія почти совершенно прерывались въ 1814 и въ началѣ 1815 гг. Съ 1815 и въ теченіе 1816 гг. читались лишь нѣкоторые курсы.

Сохранилось довольно много данныхъ, рисующихъ ту обстановку, въ какой протекли дѣтскіе и юношескіе годы Николая Павловича, тѣ отношенія, какія сложились у него къ его окружающимъ, а также его собственный характеръ, его вкусы и наклонности. Выше было сказано объ его отношеніяхъ къ отцу и матери. Его старшіе братья выросли подъ вліяніемъ тяжелыхъ отношеній между ихъ отцомъ и бабкою. Родившись въ послѣдній годъ царствованія Екатерины, Николай не могъ, конечно, сознательно воспринимать эту семейную драму. Память о покойной императрицѣ оставалась, однако, тяжелымъ воспоминаніемъ въ царской семьѣ, и отсюда—то непріязненное отношеніе къ бабкѣ, которое Николай Павловичъ унаслѣдовалъ, очевидно, отъ своихъ родителей и которое сохранилось у него до конца его жизни. Дѣтство самого великаго князя протекло подъ вліяніемъ гнетущихъ воспоминаній объ обстоятельствахъ вступленія на престолъ его старшаго брата, въ той тяжелой атмосферѣ, которая создалась во дворцѣ послѣ 11 марта 1801 года. Пятилѣтнимъ ребенкомъ Николай былъ свидѣтелемъ тѣхъ тягостныхъ сценъ, которыя разыгрались тогда во дворцѣ. Затѣмъ послѣдовали первые годы царствованія Александра, обрисовывавшіеся передъ младшимъ поколѣ-

ніемъ великихъ князей опять-таки, конечно, не какъ время широкихъ преобразованій, но какъ годы тяжелаго семейнаго разлада, прежде всего, между государемъ и императрицею-матерью,— когда Александръ, какъ бы отлученный въ своемъ собственномъ семействѣ, встрѣчалъ глухую оппозицію всѣмъ своимъ начинаніямъ среди своихъ близкихъ. Разница въ лѣтахъ между Николаемъ Павловичемъ и его старшими братьями и сестрами была слишкомъ велика для того, чтобы въ юномъ возрастѣ у него могла установиться съ ними настоящая близость. Строгостью установленнаго Маріею Ѳеодоровною этикета объясняется почти полное отсутствіе у Николая Павловича въ его дѣтствѣ товарищей въ играхъ и занятіяхъ [1]). Все его дѣтство протекало исключительно въ обществѣ его младшаго брата Михаила Павловича и ихъ младшей сестры Анны Павловны, съ которыми у него на всю жизнь остались искреннія дружескія отношенія. Это было младшее поколѣніе царской семьи, тотъ дѣтскій міръ, который стоялъ въ сторонѣ отъ протекавшихъ событій, но въ которомъ постепенно складывалось къ этимъ событіямъ опредѣленное отношеніе, не разъ сказывавшееся позднѣе, когда Николаю приходилось выступать въ зрѣломъ возрастѣ.

Въ характерѣ Николая Павловича съ дѣтства замѣчалось сочетаніе сердечности и прямоты съ жесткостью и угловатостью. Онъ былъ ласковъ и внимателенъ къ окружающимъ, но проявлялъ въ то же время иногда излишнюю рѣзкость. Совершенно чуждый жестокости, онъ могъ быть подчасъ довольно грубымъ. Вспыльчивый и стремительный, онъ обладалъ и большой долей настойчивости, но не всегда умѣлъ быть достаточно сосредоточеннымъ, что отражалось въ извѣстной степени на его занятіяхъ. Шумный въ забавахъ и играхъ, онъ обыкновенно былъ серьезенъ и задумчивъ, и только порою, по отзывамъ его воспи-

[1]) Постороннія дѣти въ обществѣ великихъ князей появляются лишь съ 1802 г. Кромѣ упомянутаго уже гр. В. Ѳ. Адлерберга, это были: принцъ Адамъ Вюртембергскій, баронъ Фитингофъ (внукъ Ш. К. Ливенъ), братья гр. Заводовскіе, гр. Апраксины, двое сыновей „кавалера“ Ушакова, племянники Ахвердова и сынъ находившейся при великомъ князѣ дамы Панаевой. Къ 1805 г. императрица Марія Ѳеодоровна, находя, что это общество развиваетъ въ великомъ князѣ недостаточно внимательное отношеніе къ наукамъ, сочла за благо постепенно удалить отъ своихъ дѣтей ихъ товарищей, и вскорѣ большинство этихъ послѣднихъ было устроено въ военно-учебныя заведенія.

тателей, на него находили періоды неудержимой веселости. Отмѣчаютъ, кромѣ того, его излишнюю робость и застѣнчивость, а также, повидимому чисто-нервную, трусливость, проявлявшуюся, однако, крайне неровно. Такъ, въ дѣтствѣ онъ очень боялся грозы и фейерверковъ и долго не могъ побороть страха, слыша выстрѣлы. Напротивъ, съ самаго начала онъ не обнаружилъ ни малѣйшей боязни ѣздить верхомъ и съ дѣтства смѣло садился на лошадь. Изъ игръ великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи любили почти исключительно военныя, начиная ихъ чуть ли не съ постели. Въ то же время Николай Павловичъ очень любилъ шахматы. Онъ любилъ рисовать, рисовалъ хорошо и занимался даже гравированіемъ. Музыку въ дѣтствѣ и юношескіе годы Николай Павловичъ, по его собственному признанію, совершенно не любилъ. Любовь къ этому искусству развилась въ немъ лишь значительно позднѣе. Но онъ всегда любилъ хорошее церковное пѣніе; самъ пѣлъ иногда съ пѣвчими и много занимался придворнымъ хоромъ. Въ своихъ учебныхъ занятіяхъ онъ предпочиталъ, повидимому, науки точныя и практическія, мало проявляя склонности къ отвлеченнымъ и умозрительнымъ дисциплинамъ. Чистая математика и политическія науки въ одинаковой степени не пользовались его симпатіями. Зато прикладная физика и механика возбуждали въ немъ большой интересъ. Особенно онъ любилъ инженерное искусство, зналъ его хорошо и позднѣе любилъ говаривать про себя: „мы, инженеры“... Вообще, какъ въ дѣтствѣ военныя игры, такъ въ юношескомъ возрастѣ военныя занятія дѣлались все болѣе и болѣе предметомъ его увлеченія. Къ гражданскимъ наукамъ онъ чувствовалъ всего менѣе склонности. Это постоянно озабочивало его воспитателей и прежде всего императрицу-мать, всячески старавшуюся отвлечь своихъ младшихъ сыновей отъ исключительнаго пристрастія къ военному дѣлу, и всегда поэтому неохотно соглашавшуюся на долгое пребываніе великихъ князей въ военной средѣ. Въ 1810 г. Николаю Павловичу было даже предложено его воспитателями написать сочиненіе на тему „доказать, что военная служба не есть единственная служба дворянина, но что и другія занятія для него столько же почтенны и полезны“. Великій князь не написалъ ничего, и дѣло кончилось тѣмъ, что Ахвердовъ самъ долженъ былъ продиктовать Николаю Павловичу все сочиненіе.

Юность и женитьба (1814—1817).

Приблизительно съ 1815 года начинается новый періодъ жизни великаго князя Николая Павловича. Правильный курсъ его ученія къ этому году прерывается. Съ этого времени начинаются его поѣздки за-границу и по Россіи, а въ 1818 г. онъ вступаетъ въ бракъ съ прусскою принцессою.

Съ 1814 по 1817 годъ великій князь трижды цобывалъ заграницей: въ 1814, 1815 и 1816—17 годахъ. Двѣ первыя его поѣздки стояли въ связи съ военными дѣйствіями того времени. Въ третью поѣздку онъ посѣтилъ Англію. Между второй и третьей поѣздками за-границу, лѣтомъ 1816 года онъ совершилъ большое путешествіе по Россіи.

Когда возгорѣлась Отечественная война, Николай Павловичъ сильно порывался на театръ военныхъ дѣйствій, но его желаніе встрѣтило рѣшительный отпоръ со стороны государя и императрицы Маріи Ѳеодоровны. Только въ 1814 году младшіе великіе князья получили разрѣшеніе отправиться въ армію. Передъ ихъ отъѣздомъ императрица-мать напутствовала ихъ пространнымъ письмомъ (отъ 5 февраля 1814 г.), какъ руководствомъ на первыхъ шагахъ ихъ самостоятельной жизни. Указывая, что всѣ ихъ слова и поступки будутъ строго, но справедливо судимы—„car l'opinion de l'armée est presque toujours impartiale et elle fixera sur Vous celle de Votre patrie“—она рекомендовала имъ слѣдовать во всемъ совѣтамъ сопровождавшаго ихъ генерала Ламздорфа и довѣряться во всемъ старшему брату-императору. Упомянувъ о томъ, что имъ будетъ назначенъ особый руководитель по военной части, она совѣтовала имъ остерегаться чрезмѣрнаго увлеченія военными мелочами („bagatelles militaires“). Далѣе слѣдовалъ рядъ общихъ совѣтовъ, заканчивавшихся пожеланіемъ „отпра-

вляться и вернуться съ Богомъ“ („allez avec Dieu et revenez avec Dieu“).

Великіе князья выѣхали изъ Петербурга 5 февраля 1814 г. въ сопровожденіи генерала Ламздорфа, кавалеровъ Саврасова, Алединскаго и Арсеньева, полковника Джаноттн и доктора Рюля. Ихъ путь шелъ черезъ Веймаръ, гдѣ они посѣтили свою сестру, великую княгиню Марію Павловну, бывшую замужемъ за Карломъ-Фридрихомъ, наслѣднымъ принцемъ саксенъ-веймарскимъ. Дальнѣйшій ихъ путь замедлился изъ-за распутицы, и императоръ Александръ, начавшій въ это время движеніе на Парижъ, распорядился, чтобы великіе князья ждали его дальнѣйшихъ повелѣній въ Базелѣ. Къ этому времени состоялось назначеніе руководителемъ по военной части къ великимъ князьямъ генерала-адъютанта П. П. Коновницына, по личному выбору государя, одобренному императрицей Маріей Ѳеодоровной. По дорогѣ въ Базель великіе князья посѣтили въ Брухзалѣ императрицу Елизавету Алексѣевну, гостившую тамъ въ то время у своей матери. Только 16 мая, уже послѣ вступленія арміи въ Парижъ, они, покинувъ Базель, поѣхали въ столицу Франціи, гдѣ и оставались до начала іюня. Они осматривали здѣсь различныя учрежденія, преимущественно военныя: Домъ Инвалидовъ, казармы, Политехническую школу и т. п. Предполагалось уже тогда, что великіе князья послѣ Парижа посѣтятъ Англію, но это не осуществилось: одною изъ причинъ къ этому было, повидимому, желаніе императрицы-матери, чтобы великіе князья скорѣе вернулись домой, къ правильнымъ занятіямъ. Ихъ обратный путь лежалъ черезъ Брюссель, Гаагу, Амстердамъ (отсюда они ѣздили въ Заандамъ) и Берлинъ. Здѣсь, въ Берлинѣ, Николай Павловичъ впервые познакомился съ своею будущею супругою, прусскою принцессою Шарлоттою. Къ концу 1814 г. великіе князья вернулись въ Россію.

Дома они оставались, однако, недолго. Послѣ того, какъ Наполеонъ покинулъ Эльбу, и начались новыя военныя дѣйствія, императоръ Александръ позволилъ своимъ младшимъ братьямъ снова отправиться въ армію. Императрица Марія Ѳеодоровна снова напутствовала своихъ сыновей письмомъ (отъ 12 мая 1816 г.), въ которомъ, наряду съ общими совѣтами обогащать свой умъ знаніями и т. п., попрежнему читаемъ увѣщеваніе— не увлекаться военнымъ режимомъ. „J'espère, mes chers enfants,—

писала она,—que le regime militaire que vous aurez sous vos yeux, ne vous fera pas adopter le ton brusque, dur, ni impérieux; il déplait chez tout le monde, mais il est insupportable dans des personnes de votre naissance, qui même dans le moment où elles sont dans le cas de réprimer une erreur ou une faute ne doivent employer que celui de fermeté, qui réprime infiniment mieux, que la vivacité et l'emportement". Одновременно съ этимъ она обращалась съ особымъ письмомъ (отъ 11 мая) и къ ген.-ад. Коновницыну, которому поручено было на этотъ разъ всецѣло руководить великими князьями во время ихъ пребыванія за-границей. Николай и Михаилъ Павловичи покинули Петербургъ 13 мая въ сопровожденіи ген. Ламздорфа, кавалеровъ Саврасова, Алединскаго и Ушакова и доктора Рюля. Ихъ путь шелъ на этотъ разъ на Берлинъ и Гейдельбергъ, гдѣ въ то время находилась русская главная квартира. Здѣсь ген. Ламздорфъ ихъ покинулъ, передавъ на попеченіе Коновницыну. Съ нимъ въ теченіе всего дальнѣйшаго пребыванія великихъ князей за-границей императрица Марія Ѳеодоровна находилась въ постоянной перепискѣ, давая всевозможнаго рода указанія и высказывая различныя свои опасенія. Великіе князья сопутствовали государю во время его похода на Парижъ и прибыли туда на другой день послѣ него, 29 іюня 1815 г. На этотъ разъ они оставались въ Парижѣ около трехъ мѣсяцевъ и покинули его 20 сентября. Ихъ дальнѣйшій путь шелъ на Баденъ, гдѣ они посѣтили императрицу Елизавету Алексѣевну, Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ произошла встрѣча съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ и великою княгинею Екатериною Павловною, бывшею замужемъ за Вильгельмомъ, наслѣднымъ принцемъ вюртембергскимъ, и на Веймаръ. Отсюда черезъ Лейпцигъ они двинулись въ Берлинъ, куда и прибыли 10 октября. Здѣсь 23 октября состоялась помолвка Николая Павловича съ принцессою Шарлоттою, которую въ своихъ письмахъ къ сыну императрица Марія Ѳеодоровна давно уже называла русскимъ именемъ „Alexandrine". Покинувъ послѣ помолвки въ самомъ концѣ октября Берлинъ, Николай Павловичъ вмѣстѣ съ братомъ вернулся въ ноябрѣ въ Петербургъ.

Разставшись съ великими князьями, генералъ Коновницынъ въ началѣ 1816 года обратился къ нимъ, въ свою очередь, съ письмомъ. Въ этомъ письмѣ, среди цѣлаго ряда пунктовъ, осо-

бенно характерны тѣ, въ которыхъ затрогивается вопросъ о взаимоотношеніи военныхъ и гражданскихъ обязанностей правителя. Представитель старшаго поколѣнія, герой „священной памяти двѣнадцатаго года“, Коновницынъ шлетъ въ этомъ письмѣ своимъ питомцамъ завѣтъ-предостереженіе противъ надвигающагося призрака мертвящей чиновничьей военщины, убивающей и дѣло государственнаго строительства, и истинный подъемъ воинскаго духа. Въ шестомъ пунктѣ его письма мы читаемъ: „умѣряйте честолюбивыя желанія, буде бъ они въ васъ вкрались. Они могутъ привести къ желанію пролитія крови вашихъ ближнихъ, за которую никто вознаградить не въ силахъ. Помните непрестанно, что вступать въ войну надобно всегда съ сожалѣніемъ крайнимъ, производить оную какъ возможно короче и въ единственныхъ видахъ продолжительнаго мира; что и самая обязанность командованія арміями есть и должна быть обязанностью начальственною, временною и даже непріятною для добрыхъ государей. Что блаженство народное не заключается въ браняхъ, а въ положеніи мирномъ; что положеніе мирное доставляетъ счастіе, свободу, изобиліе посредствомъ законовъ, и слѣдовательно изученіе оныхъ, наблюденіе за оными есть настоящее, соотвѣтственное и неразлучное съ званіемъ вашимъ дѣло. Въ прочихъ же браняхъ, могущихъ касаться до спасенія отечества, славы и независимости его, идите съ твердостью, какъ славный родъ предковъ вашихъ подвизался“. Нѣсколькими строками ниже, въ восьмомъ пунктѣ, онъ отвѣчаетъ на вопросъ, въ чемъ должно заключаться командованіе войсками. „Если придетъ время командовать вамъ частями войскъ,—пишетъ онъ,—сколько бы велики онѣ или малы ни были, да будетъ первѣйшее ваше стараніе о содержаніи ихъ вообще и о призрѣніи больныхъ и страждущихъ. Старайтесь улучшить положеніе каждаго, не требуйте отъ людей невозможнаго. Доставьте имъ прежде нужный и необходимый покой, а потомъ ужъ требуйте точнаго и строгаго исполненія истинной службы. Крикъ и угрозы только что раздражаютъ, а пользы вамъ не принесутъ. По службѣ надобно неминуемо людьми запасаться... Слѣдуйте за ними въ дѣлахъ, имъ поручаемыхъ. Не теряйте ихъ никогда изъ вида. Знайте, что они дѣлаютъ, приказывайте имъ отдавать вамъ отчетъ въ ихъ порученіяхъ. Вы увидите ихъ свойство по тому обороту, какой они примутъ и дадутъ каждому дѣлу“.

Во время своихъ первыхъ двухъ заграничныхъ путешествій великій князь Николай Павловичъ дѣйствительно сталкивался по преимуществу съ военнымъ міромъ. Теперь, послѣ его возвращенія въ Петербургъ, начались приготовленія къ его путешествію по Россіи, долженствовавшему нѣсколько ознакомить его со страною, которою ему намѣчено уже было со временемъ править. Дополненіемъ къ этому путешествію должна была служить новая намѣченная въ дальнѣйшемъ его поѣздка за-границу—въ Англію.

Императрица Марія Ѳеодоровна принимала ближайшее участіе въ организаціи обѣихъ этихъ поѣздокъ. По ея порученію была составлена (повидимому, при участіи В. П. Кочубея) записка, въ которой излагались главнѣйшія черты провинціальнаго управленія Россіи, и перечислялось все, что могло встрѣтиться интереснаго на пути великаго князя въ историческомъ, географическомъ, бытовомъ и промышленномъ отношеніи. Самою императрицею были составлены, кромѣ того, еще двѣ записки (отъ 15 и 30 апр. 1816 г.), намѣчавшія маршрутъ, общую программу и главныя частности путешествія. Въ виду назначенія къ этому времени Коновницына военнымъ министромъ возникалъ вопросъ, кто будетъ теперь сопровождать великаго князя. Для путешествія по Россіи намѣчались генералы Н. Н. Раевскій и И. В. Васильчиковъ и сенаторъ Львовъ, завѣдывавшій въ то время Воспитательнымъ домомъ. Предпочтеніе императрицы было на сторонѣ Львова, какъ свѣдущаго въ гражданскомъ управленіи, „comme le voyage du G. D. Nicolas n'est pas un voyage militaire, mais un voyage d'instruction statistique“,—не приминула подчеркнуть она по этому поводу. Государь предпочиталъ Васильчикова, а въ случаѣ его отказа предлагалъ съ своей стороны ген. А. А. Вельяминова или ген. Н. И. Демидова. Ни одно изъ этихъ лицъ почему-то назначено не было. Сопровождать великаго князя было поручено ген.-адъют. П. В. Голенищеву-Кутузову. Изъ кавалеровъ сопровождали Глинка и Саврасовъ.

Первоначально предполагалось, что путь великаго князя пойдетъ черезъ губерніи: Петербургскую, Псковскую, Смоленскую, Калужскую, захвативъ изъ Московской Можайскъ и Верею, Тульскую, Орловскую, Черниговскую, Кіевскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую; отсюда черезъ Керчь, Азовъ, Таганрогъ и Область войска Донского на Во-

ронежъ, Моршанскъ, Арзамасъ, Макарьевъ и Нижній-Новгородъ; отъ Нижняго—Волгою до Мологи и отсюда каналами на Вытегру, Петрозаводскъ и Новую Ладогу. Тогда же, однако, возникало сомнѣніе, хватитъ ли на это времени, такъ какъ на все путешествіе предполагалось удѣлить не болѣе 3—$3^1/_2$ мѣсяцевъ. При путешествіи маршрутъ былъ нѣсколько сокращенъ и измѣненъ. Выѣхавъ изъ Петербурга 9 мая 1816 г., Николай Павловичъ черезъ Лугу, Порховъ и Великіе Луки проѣхалъ на Витебскъ, Смоленскъ, Бобруйскъ и Черниговъ и слѣдовалъ далѣе по намѣченному маршруту, захвативъ, по пути изъ Полтавы въ Екатеринославъ, Харьковъ, посѣтивъ Елизаветградъ, Николаевъ, Одессу, Херсонъ, Перекопъ, Симферополь и Севастополь и проѣхавъ по южному берегу Крыма до Керчи. Съ Воронежа путь пошелъ на Курскъ, Орелъ и Тулу. Въ Тулѣ великій князь получилъ повелѣніе отправиться въ Клинъ и тамъ дожидаться государя, чтобы сопровождать его въ Москву, куда они и прибыли къ 15 августа. Въ этотъ день Николай Павловичъ сопровождалъ государя въ его торжественномъ шествіи въ Успенскій соборъ. Къ 26 августа онъ вернулся въ Петербургъ.

Во время путешествія великій князь осматривалъ различныя правительственныя учрежденія—гражданскія и военныя. Мѣстныя власти были, однако, предупреждены, что великій князь не уполномоченъ принимать какія бы то ни было просьбы. Во время пути Николай Павловичъ велъ, какъ было намѣчено императрицей-матерью, два журнала, въ которые заносилъ все, что встрѣчалъ достойнаго вниманія: „Общій журналъ по гражданской и промышленной части“ и „Журналъ по военной части“. Первый заключаетъ въ себѣ замѣтки, относящіяся ко всему пути; второй—только губерніи: С. Петербургскую, Псковскую, Витебскую, Смоленскую, Могилевскую, Черниговскую, Кіевскую, Херсонскую, Полтавскую и Харьковскую. Въ силу самаго характера путешествія эти замѣтки кратки, отрывочны и заключаютъ въ себѣ, главнымъ образомъ, тѣ свѣдѣнія, какія великій князь получалъ отъ мѣстной администраціи. Личная наблюдательность великаго князя и его умѣніе обращать вниманіе на практическую сторону дѣла нашли, тѣмъ не менѣе, въ этихъ замѣткахъ свое мѣсто. О „Журналѣ по военной части“ біографъ Николая Павловича бар. Корфъ даетъ слѣдующій от-

зывъ: „всѣ почти замѣчанія относятся до однѣхъ неважныхъ внѣшностей военной службы, одежды, выправки, маршировки и проч. и не касаются ни одной существенной части военнаго устройства, управленія или моральнаго духа и направленія войска. Даже о столь важной сторонѣ военнаго дѣла, какова стрѣльба, нѣтъ нигдѣ рѣчи, о лазаретахъ же, школахъ и тому подобномъ упоминается лишь вскользь, чрезвычайно кратко“

Почти тотчасъ же послѣ своего возвращенія въ Петербургъ Николай Павловичъ отправился вновь за-границу. Главною цѣлью заграничной поѣздки на этотъ разъ было посѣщеніе Англіи, „этой достойнѣйшей вниманія страны“ (слова императрицы Маріи Ѳеодоровны). Попутно съ этимъ, въ виду того, что отъ сокращенія маршрута путешествія по Россіи удлинялся срокъ возможнаго пребыванія великаго князя за-границей, предполагалось доставить Николаю Павловичу возможность подольше остаться въ Берлинѣ въ семейномъ кругу его невѣсты. Съ великимъ княземъ на этотъ разъ отправлялись ген.-ад. П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, кавалеры Саврасовъ и Глинка и докторъ Крейтонъ (Crighton) и, кромѣ того, такъ какъ никто изъ названныхъ лицъ Англіи не зналъ, бар. П. А. Николаи, служившій раньше въ лондонской миссіи при гр. С. Р. Воронцовѣ и знавшій хорошо эту страну. Ламздорфъ сопровождалъ великаго князя до Берлина, куда Голенищевъ-Кутузовъ долженъ былъ пріѣхать нѣсколько позже. Во всемъ, что касалось этикета и т. п., великій князь долженъ былъ слѣдовать указаніямъ нашего посла въ Лондонѣ гр. Х. А. Ливена, съ которымъ императрица Марія Ѳеодоровна, снова принявшая на себя всѣ подготовительныя по этому путешествію заботы, вступала теперь въ дѣятельную переписку. Отправляя великаго князя въ Англію съ цѣлью всесторонняго ознакомленія его съ этою страною, видимо, нѣсколько опасались увлеченія съ его стороны своеобразнымъ укладомъ англійской государственной жизни и англійскими государственными учрежденіями. Предохранить Николая Павловича отъ подобнаго рода увлеченій было поручено гр. Нессельроде, которымъ и была составлена для этой цѣли особая записка. Свою записку Нессельроде начинаетъ съ указанія на трудность для всякаго наблюдателя-путешественника вообще, а для юныхъ принцевъ въ силу понятныхъ причинъ и тѣмъ болѣе, разбираться въ своихъ впечатлѣні-

яхъ въ чужой странѣ и дѣлать на основаніи этихъ впечатлѣній правильные сужденія и выводы. Для правильнаго сужденія о бытѣ каждой страны и ея укладѣ надо разсматривать этотъ бытъ и этотъ укладъ въ связи съ мѣстными историческими условіями. Такому разсмотрѣнію и подвергаетъ далѣе Нессельроде англійскія государственныя учрежденія, наиболѣе оригинальныя въ Англіи, что прежде всего бросается въ глаза путешественнику, посѣщающему эту страну. Его выводъ: англійская конституція такъ своеобразна и такъ тѣсно связана съ историческими условіями страны, что всякая попытка пересадить англійскія учрежденія на другую почву всегда приведетъ лишь къ перенесенію внѣшнихъ формъ, но не духа этихъ учрежденій; мало того, сами основные принципы этой конституціи, несмотря на то, что они имѣютъ значеніе вѣчныхъ истинъ, поддаются заимствованію лишь путемъ подготовительныхъ мѣръ и будучи зрѣло обдуманы и комбинированы („même les principes, sur lesquels elle se fonde et qui cependant sont d'une vérité générale, ne sauraient être adoptés sans des mesures préparatoires et mûrement combinées“). Императрица Марія Ѳеодоровна, вообще хлопотавшая о томъ, чтобы у великаго князя поменьше уходило времени на офиціальные пріемы и торжества, желала, чтобы путешествіе совершалось инкогнито. Государь былъ противъ этого; лишь въ исключительныхъ случаяхъ Николаю Павловичу разрѣшено было именоваться графомъ Романовымъ.

Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Павловска 13 сентября 1816 г., прибылъ въ Берлинъ 21 сентября и пробылъ тамъ до 15 октября. Дальнѣйшій путь шелъ на Веймаръ, гдѣ великій князь снова посѣтилъ свою сестру Марію Павловну, и дальше черезъ Кассель, Кобленцъ, Кельнъ, Ахенъ и Льежъ на Брюссель, гдѣ онъ посѣтилъ другую свою сестру, друга своего дѣтства, Анну Павловну, вышедшую къ этому времени замужъ за наслѣднаго нидерландскаго принца Вильгельма Оранскаго. Проѣхавъ отсюда на Кале, Николай Павловичъ на королевской яхтѣ „Royal Sovereign“ (адм. Кекбёрнъ) переправился въ Англію и высадился 6 ноября въ Дилѣ (Deel), откуда въ экипажѣ черезъ Дувръ прибылъ 9 ноября въ Лондонъ. Пріемъ, встрѣченный Николаемъ Павловичемъ со стороны англійскаго принца-регента Георга, не расположеннаго къ Россіи и лично къ императору

Александру, на первыхъ порахъ былъ довольно холодный и не всегда даже отвѣчалъ требованіямъ этикета. Лишь позднѣе установились болѣе дружелюбныя отношенія. Во время своего пребыванія въ Лондонѣ Николай Павловичъ дважды (17 ноября 1816 г. и 15 января 1817 г.) посѣтилъ дочь принца-регента, принцессу Шарлотту, бывшую замужемъ за Леопольдомъ Кобургскимъ (впослѣдствіи—король бельгійскій) и жившую въ то время въ загородномъ замкѣ Кларемонъ. Послѣ второго изъ этихъ посѣщеній онъ проѣхалъ въ Брайтонъ, къ самому принцу-регенту, гдѣ и оставался пять дней. Въ самомъ Лондонѣ великимъ княземъ были осмотрѣны многія достопримѣчательности подъ руководствомъ капитана Конгрева (Congreve). Нѣсколько разъ его спутникомъ и руководителемъ былъ герцогъ Веллингтонъ.

Изъ Лондона Николай Павловичъ совершилъ двѣ значительныя поѣздки по Англіи. Первая поѣздка была на сѣверъ и въ Шотландію, во время которой великій князь посѣтилъ Ливерпуль, Эдинбургъ и Глазго. Шотландія произвела особенно сильное впечатлѣніе на Николая Павловича. Во время второй поѣздки, на югъ Англіи, онъ осмотрѣлъ Портсмутъ, Плимутъ и Бристоль. По офиціальнымъ отзывамъ лицъ, сопровождавшихъ великаго князя, онъ всюду встрѣчалъ весьма дружелюбный пріемъ и вездѣ завоевалъ себѣ симпатіи какъ своимъ обхожденіемъ, такъ и тою внимательностью, съ какою онъ все осматривалъ. Въ своихъ частныхъ запискахъ одинъ изъ сопровождавшихъ Николая Павловича кавалеровъ, Глинка, однако, жалуется на то, что осматривается черезчуръ много различныхъ мѣстностей, а поэтому и черезчуръ быстро, вмѣсто того, чтобы подольше остановиться на немногомъ, но наиболѣе интересномъ.

3 марта 1817 г. Николай Павловичъ покинулъ Лондонъ и черезъ Дувръ и Кале проѣхалъ во Францію, въ Мобежъ, гдѣ стоялъ въ это время русскій оккупаціонный корпусъ. Дальнѣйшій путь шелъ въ Штутгартъ черезъ Брюссель, гдѣ великій князь еще разъ навѣстилъ свою сестру Анну Павловну, и Франкфуртъ. Въ Штутгартѣ великій князь пробылъ нѣкоторое время у другой своей сестры Екатерины Павловны, мужъ которой вступилъ къ этому времени на престолъ (Вильгельмъ I Вюртембергскій).

Изъ Штутгарта великій князь направился черезъ Веймаръ въ Берлинъ, куда и прибылъ 3 апрѣля. Въ Берлинѣ Николай

Павловичъ оставался на этотъ разъ около трехъ недѣль. Его пребываніе здѣсь носило теперь уже совершенно интимный характеръ; его принимали какъ родственника. 22 апрѣля Николай Павловичъ покинулъ Берлинъ и 27 апрѣля прибылъ въ Петербургъ. Черезъ два мѣсяца послѣ этого состоялось его бракосочетаніе съ принцессою Шарлоттою.

Во время поѣздокъ великаго князя Николая Павловича заграницу довольно ярко сказались нѣкоторыя черточки его характера; съ другой стороны, сами эти поѣздки способствовали выработкѣ въ немъ опредѣленнаго отношенія къ отдѣльнымъ западнымъ странамъ, главнымъ образомъ къ Франціи, Англіи и Пруссіи. Поѣздки во Францію стояли въ значительной степени въ связи съ той борьбой, какую заканчивала въ это время Европа и оружіемъ, и дипломатическими происками противъ Наполеона, и съ тѣми реставраціонными планами, какіе къ этому времени уже назрѣвали. Самому Николаю Павловичу принять участіе въ главныхъ грандіозныхъ событіяхъ того времени не удалось. Онъ не участвовалъ, какъ мы сейчасъ видѣли, ни въ военныхъ дѣйствіяхъ 1814 г., ни въ торжественномъ вступленіи союзниковъ въ Парижъ. Тѣмъ не менѣе, прибывши туда, онъ, повидимому, попалъ въ сферу тѣхъ происковъ и интригъ, которые группировались вокругъ вопроса о низложеніи Наполеона и возстановленіи династіи Бурбоновъ. Второе пребываніе Николая Павловича въ Парижѣ въ 1816 г. имѣло для него еще большее значеніе по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія ему пришлось теперь здѣсь пережить. Это было время второй реставраціи. Впервые младшіе братья императора Александра приняли теперь личное участіе въ происходившихъ въ Парижѣ постоянныхъ смотрахъ и парадахъ, долженствовавшихъ имѣть значеніе внушительной политической демонстраціи и передъ французскимъ населеніемъ, и передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы. На смотру 29 августа въ Вертю Николай Павловичъ впервые командовалъ 2-й бригадой 3-й гренадерской дивизіи и велъ Фанагорійскій полкъ. Къ этому времени началъ сказываться уже истинный характеръ той политики, какою былъ вдохновленъ Вѣнскій конгрессъ, и есть извѣстіе, что императоръ Александръ ознакомилъ своего брата Николая съ текстомъ за-

думаннаго имъ Священнаго Союза, сказавъ будто бы ему при этомъ: „Помните, что съ сегодняшняго дня вы примкнули къ нему. Мнѣ хотѣлось бы думать, что со временемъ вы въ свою очередь будете его твердой опорой". Любопытно то, что въ это же время окружающимъ бросилась въ глаза другая черта въ поведеніи великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Во время своего пребыванія въ Парижѣ императоръ Александръ какъ будто стыдился того, что онъ—правитель Россіи, относился съ явною нелюбовью ко всему русскому и держался нѣсколько заискивающаго тона передъ своими союзниками. Въ противоположность ему великіе князья восхищались „всѣмъ тѣмъ, что есть русскаго", гордились памятью 12-го года и явно тяготились и относились съ непріязнью къ той пестрой толпѣ иностранцевъ, которая постоянно окружала Александра.

Еще во время первой своей поѣздки въ Парижъ Николай Павловичъ познакомился съ герцогомъ Орлеанскимъ, впослѣдствіи королемъ Людовикомъ-Филиппомъ, и, какъ есть извѣстіе, съ госпожей де-Сталь. На всю жизнь онъ сохранилъ любовь къ французской культурѣ, но въ его глазахъ это была прежде всего культура старой Франціи и режима реставраціи. И тѣмъ сильнѣе была его нелюбовь къ новой Франціи. Послѣ 1816 г. Николаю Павловичу не довелось больше никогда побывать въ Парижѣ, и то, что съ этого времени здѣсь происходило, то, что подготовляло 1830-й годъ и еще больше 1848-й, весь тотъ лихорадочный темпъ политической жизни, какимъ стала жить теперь Франція, пробуждалъ въ немъ къ себѣ одно только отрицательное отношеніе [1]).

Столь же двойственное впечатлѣніе вынесъ, повидимому, великій князь Николай Павловичъ и отъ своего посѣщенія Англіи.

---

[1]) Первая поѣздка великаго князя Николая Павловича за-границу имѣла, между прочимъ, для него значеніе и потому, что во время нея у него завязались отношенія съ двумя лицами, имѣвшими впослѣдствіи такое большое значеніе въ его царствованіе—съ П. А. Клейнмихелемъ, бывшимъ въ то время капитаномъ Преображенскаго полка, который привезъ въ Веймаръ великимъ князьямъ приказаніе императора Александра — ѣхать въ Базель и ждать тамъ его дальнѣйшихъ распоряженій, и, главнымъ образомъ, съ Паскевичемъ. Съ перваго же знакомства съ великимъ княземъ въ Парижѣ И. Ѳ. Паскевичъ, въ то время начальникъ 2-й гренадерской дивизіи, сталъ часто бывать у него, разбиралъ съ нимъ съ теоретической точки зрѣнія битвы 1812, 1813 и 1814 гг. и сумѣлъ завоевать его искреннее расположеніе и довѣріе.

Его поѣздка въ Англію въ 1817 г. имѣла опредѣленное политическое значеніе: предстояло упрочить соглашеніе между Россіей и Англіей, нѣсколько поколебавшееся послѣ Вѣнскаго конгресса. Какъ было сейчасъ сказано, первый пріемъ, оказанный Николаю Павловичу принцемъ-регентомъ, былъ довольно холодный. Есть извѣстія, что Николай Павловичъ обнаружилъ при этомъ много такта, сумѣлъ охранить свое достоинство и такимъ путемъ наладилъ болѣе дружелюбныя отношенія, завоевалъ всеобщія симпатіи своимъ обхожденіемъ. Пребываніе въ Англіи дало ему возможность до извѣстной степени ознакомиться съ тѣми кружками русскихъ англомановъ-аристократовъ, къ которымъ примыкалъ и нашъ представитель при лондонскомъ дворѣ князь Ливенъ, и которые группировались главнымъ образомъ около дочери гр. С. Р. Воронцова, бывшей замужемъ за лордомъ Пемброкъ [1]). Высокій уровень англійской культуры произвелъ на Николая Павловича сильное впечатлѣніе, и извѣстнаго рода англоманство всегда оставалось ему присущимъ. Какъ и увлеченіе французскою культурою, это англоманство носило, однако, чисто-платоническій характеръ. Политическій строй Англіи, повидимому, не пробудилъ въ немъ глубокаго интереса. 16 января великій князь присутствовалъ на открытіи парламента и вечеромъ въ тотъ же день былъ на засѣданіи верхней палаты и согласительной между обѣими палатами конференціи. Не изъ чего не видно, чтобы эти посѣщенія оставили въ немъ глубокое впечатлѣніе. Время его пребыванія въ Англіи совпало къ тому же съ политическимъ возбужденіемъ страны въ виду переживаемаго въ это время экономическаго кризиса [2]). Особа самого принца-регента возбуждала къ себѣ непріязненное отношеніе: его появленіе на улицахъ Лондона вызывало враждебныя демонстраціи. Тѣ формы, въ какія выливалось все это движеніе, политическія собранія и митинги вызывали въ Николаѣ Павловичѣ опредѣленное отрицательное къ себѣ отношеніе; въ его умѣ, должно быть, невольно напрашивалось при этомъ сопоставленіе съ тѣмъ, съ

---

[1]) Николай Павловичъ посѣтилъ лорда Пемброка (12 февраля 1817 г.) въ его замкѣ Вильтонъ-Гоузъ, заключавшемъ въ себѣ богатыя художественныя коллекціи.

[2]) Николай Павловичъ посѣтилъ, между прочимъ, извѣстную фабрику Оуэна въ Нью-Ланаркѣ.

чѣмъ ему пришлось встрѣтиться во Франціи, когда Александръ I ввелъ его въ семью европейскихъ государей, какъ будущаго защитника началъ Священнаго Союза. Есть извѣстія, что однажды онъ сказалъ сопровождавшему его Голенищеву-Кутузову: „Если бы, къ нашему несчастью, злой геній перенесъ къ намъ всѣ эти клубы и митинги, дѣлающіе больше шума, чѣмъ дѣла, то я просилъ бы Бога повторить чудо смѣшенія языковъ или, еще лучше, лишить дара слова всѣхъ тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ него такое употребленіе.“

Но если къ Англіи и Франціи у Николая Павловича сложилось двойственное отношеніе, то его сердце вполнѣ отдыхало, когда онъ попадалъ въ Берлинъ. Здѣсь онъ чувствовалъ себя въ своей средѣ, въ близкой его сердцу атмосферѣ военнаго командованія. И самъ онъ былъ принятъ въ Берлинѣ сперва какъ дорогой гость, скоро окончательно какъ родной. Еще задолго до перваго посѣщенія Николаемъ Павловичемъ Берлина, въ 1809 г., во время пребыванія въ Петербургѣ королевы Луизы у императрицы Маріи Ѳеодоровны явилась мысль о бракѣ ея третьяго сына съ прусскою принцессою Шарлоттою, что должно было упрочить династическую связь между русскимъ и прусскимъ дворами. 23 октября 1816 г. состоялась, какъ было уже сказано, ихъ помолвка. Въ январѣ 1817 г. императоръ Александръ и прусскій король обмѣнялись письмами, какъ бы подтверждающими рѣшеніе объ этомъ бракѣ, и въ Берлинъ былъ посланъ протоіерей И. В. Музовскій ознакомить принцессу съ ученіемъ православной церкви и давать ей уроки русскаго языка. Съ этого времени Берлинъ—неизмѣнный пунктъ остановки Николая Павловича во время его поѣздокъ за-границу. Въ концѣ 1816 г. онъ пробылъ здѣсь около мѣсяца, проведя все это время, за исключеніемъ пожалуй четырехъ дней—24, 25 и 26 сентября и 6 октября,—посвященныхъ парадамъ и маневрамъ, почти исключительно въ кругу королевской семьи въ Шарлоттенбургѣ. Къ своему будущему тестю у него быстро устанавливается чисто-сыновняя почтительность; съ братомъ невѣсты, принцемъ Вильгельмомъ (впослѣдствіи императоръ германскій Вильгельмъ I) у него завязываются дружескія отношенія. Во время слѣдующаго его посѣщенія Берлина онъ былъ назначенъ шефомъ Бранденбургскаго кирасирскаго полка. Во время большого парада Николай Павловичъ самъ велъ свой

полкъ передъ королемъ и вообще поразилъ своихъ нѣмецкихъ сослуживцевъ знаніемъ въ совершенствѣ прусскаго воинскаго устава. Обстановка, при какой совершилась поѣздка нареченной невѣсты Николая Павловича въ Россію, раскрываетъ передъ нами точно также нѣкоторыя не лишенныя интереса подробности.

Принцесса покинула Шарлоттенбургъ 31 мая въ сопровожденіи своего брата принца Вильгельма. Ея свиту составляли: оберъ-гофмейстерина графиня Трухсесъ, графиня Гааке, бывшая гофъ-дама королевы Луизы, воспитательница принцессы Вильдерметъ, оберъ-гофмейстеръ фонъ-Шильденъ, камергеръ Латтумъ, протоіерей Музовскій, лейбъ-медикъ Буссе и секретари Шамбо и Шиллеръ. Въ свитѣ принца находились: его воспитатель ген. Ольдвигъ фонъ-Нацмеръ, полковникъ Грабовъ, майоръ Лукаду, лейтенантъ фонъ-Мутіусъ и личный адъютантъ принца поручикъ гр. Шлифенъ. Сопровождавшій принца ген. Нацмеръ имѣлъ отъ короля инструкцію политическаго характера, содержаніе которой не совсѣмъ какъ-то вязалось съ радостнымъ настроеніемъ момента. Онъ долженъ былъ всѣми силами отклонять императора Александра отъ мысли о войнѣ съ Турціей и успокаивать его относительно возможности революціоннаго движенія въ Пруссіи, что является-де для Россіи лишь предлогомъ держать громадную армію. Одновременно съ этимъ Нацмеръ имѣлъ порученіе отъ прусскаго генеральнаго штаба... собирать свѣдѣнія о русскихъ пограничныхъ укрѣпленіяхъ. 8 іюня принцесса пріѣхала въ Мемель, а на другой день прибылъ сюда Николай Павловичъ. Въ этотъ же день состоялся переходъ принцессы черезъ границу. По обѣимъ сторонамъ границы были выстроены прусскія и русскія войска. Николай Павловичъ, поздоровавшись съ пруссаками, сказалъ: „Мои друзья, помните, что я наполовину вашъ соотечественникъ и, какъ вы, вхожу въ составъ арміи вашего короля“. Принцесса перешла границу пѣшкомъ. Представляя ее русскимъ войскамъ, Николай Павловичъ сказалъ офицерамъ: „Это не чужая, господа, это дочь вѣрнѣйшаго союзника и лучшаго друга нашего государя“. Все это не было лишено большого политическаго значенія. Мечты объ упроченіи династической связи между Россіей и Пруссіей, которыя лелѣялъ въ свое время императоръ Павелъ и которыя, какъ его завѣтъ, сберегла для его дѣтей императрица Марія Ѳеодоровна, теперь были близки къ осуществленію. Дружба съ Пруссіей надолго

съ этого времени становится завѣтомъ русской правительственной политики, какъ бы однимъ изъ офиціально санкціонированныхъ устоевъ русской государственности. Самъ Николай Павловичъ долго твердо держался этого начала, и только въ эпоху 1848 года симптомы новаго курса въ прусской политикѣ заставили его насторожиться и какъ измѣна легитимизму, и какъ первые провозвѣстники будущей мощи объединенной Германіи.

Въ Полангенѣ принцессу ожидалъ ея русскій штатъ, состоявшій изъ княгини Е. А. Волконской, фрейлинъ граф. Шуваловой и Ушаковой, оберъ-мундшенка гр. Г. И. Чернышева, гофмейстера П. Р. Альбедиль, камергера кн. В. В. Долгорукова и камеръ-юнкера гр. Соллогуба. Дальнѣйшій путь шелъ черезъ Ригу и Дерптъ (Юрьевъ). Императоръ Александръ, императрица Марія Ѳеодоровна и великій князь Михаилъ Павловичъ встрѣтили принцессу въ Косковѣ 18-го іюня. 19-го іюня прибыли въ Павловскъ, гдѣ произошла встрѣча принцессы съ императрицею Елизаветою Алексѣевной. 20-го былъ торжественный въѣздъ въ Петербургъ. 24-го іюня во время муропомазанія принцесса Шарлотта была наречена великою княжною Александрою Ѳеодоровною. 25-го іюня (день рожденія Николая Павловича) состоялось обрученіе, а 1-го іюля (день рожденія Александры Ѳеодоровны)—въ церкви Зимняго дворца бракосочетаніе. Первые дни послѣ свадьбы новобрачные жили въ Аничковскомъ дворцѣ, а затѣмъ переѣхали въ Павловскъ [1]).

Отъ этого времени дошло два описанія современниками внѣшности и общаго облика великаго князя Николая. Одно изъ нихъ принадлежитъ иностранцу, лейбъ-медику принца Кобургскаго, Штокмару, видѣвшему Николая Павловича въ замкѣ Кларемонъ. Онъ такъ описываетъ его внѣшній видъ и манеры: „Это—необыкновенно плѣнительный юноша; онъ выше принца Леопольда, не очень худъ и прямъ, какъ сосна. Его лицо—юношеской бѣ-

[1]) Въ день обрученія исполнилось гражданское совершеннолѣтіе Николая Павловича; ген. Ламздорфъ и весь воспитательскій и учебный штатъ великаго князя закончили теперь свои обязанности. Ламздорфъ былъ возведенъ при этомъ въ графское достоинство и получилъ высочайшіе подарки. Съ этого времени и до самой смерти (1828 г.) онъ, въ званіи члена Государственнаго Совѣта, проживалъ въ безсрочномъ отпуску въ своей деревнѣ. Николай Павловичъ до конца его жизни высказывалъ ему всегда свое расположеніе.

лизны съ необыкновенно правильными чертами, красивымъ открытымъ лбомъ, красиво изогнутыми бровями, необыкновенно красивымъ носомъ, изящнымъ маленькимъ ртомъ и тонко очерченнымъ подбородкомъ... Его манера держать себя полна оживленія, безъ натянутости, безъ смущенія и тѣмъ не менѣе очень прилична. Онъ много и прекрасно говоритъ по-французски, сопровождая слова недурными жестами. Если даже не все, что онъ говорилъ, было очень остроумно, то, по крайней мѣрѣ, все было не лишено пріятности; повидимому, онъ обладаетъ рѣшительнымъ талантомъ ухаживать. Когда въ разговорѣ онъ хочетъ оттѣнить что-либо особенное, то поднимаетъ плечи кверху и нѣсколько аффектированно возводитъ глаза къ небу. Во всемъ онъ проявляетъ большую увѣренность въ самомъ себѣ, повидимому, однако, безъ претенціозности. Онъ не очень много занимался принцессою (т.-е. женою принца Кобургскаго), которая чаще обращалась къ нему, чѣмъ онъ къ ней. Онъ былъ очень умѣренъ для своего возраста въ ѣдѣ и къ тому же не пилъ ничего, кромѣ воды. Когда послѣ обѣда графиня Ливенъ сыграла на фортепьяно, онъ поцѣловалъ ей руку, что показалось англійскимъ дамамъ крайне страннымъ, но встрѣчено съ сочувствіемъ. Мнѣ говорили, что когда всѣ разошлись спать, то для великаго князя былъ принесенъ кожаный мѣшокъ, набитый его людьми сѣномъ на конюшнѣ, на которомъ онъ всегда спитъ. Наши англичане увидѣли въ этомъ желаніе порисоваться". Другой отзывъ принадлежитъ перу соотечественника, извѣстнаго Ф. Вигеля, болѣе субъективенъ и отражаетъ на себѣ тѣ думы, какія волновали въ то время русское общество. „Два года,—пишетъ Вигель про Николая,—провелъ онъ въ походахъ, за-границей, въ третьемъ проскакалъ онъ всю Европу и Россію и, возвратясь, началъ командовать Измайловскимъ полкомъ. Онъ былъ несообщителенъ и холоденъ, весь преданный чувству долга своего; въ исполненіи его онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго, блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которыя въ первой молодости облегли чело его, были какъ будто предвѣстіемъ тѣхъ напастей, которыя посѣтятъ Россію во дни его правленія... Сіе чувство не могло привлекать къ нему сердецъ. Скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ любимъ".

Великій князь Николай Павловичъ во вторую половину александровскаго царствованія (1818—1825).

Послѣ своей женитьбы великій князь Николай Павловичъ начинаетъ все чаще и чаще выступать въ опредѣленныхъ случаяхъ и передъ русскимъ обществомъ, и передъ лицомъ Европы рядомъ съ государемъ, какъ представитель императорской фамиліи, а въ отсутствіе своего старшаго брата и прямо заступаетъ его мѣсто. Въ эти же годы опредѣляется и кругъ его государственныхъ обязанностей.

Нельзя сказать, чтобы этотъ кругъ, отмежеванный для великаго князя государемъ, былъ очень широкъ. Къ дѣламъ высшаго государственнаго управленія онъ привлеченъ не былъ [1]). Его служебныя обязанности ограничивались исключительно сферою военнаго управленія. Одинъ изъ занимаемыхъ имъ въ этомъ управленіи постовъ былъ, впрочемъ, довольно отвѣтственный. 3 іюля 1817 г. великій князь былъ назначенъ на вновь учрежденную должность генералъ-инспектора по инженерной части [2]). Отвѣчавшая его постоянной склонности къ инженерному искусству, эта дѣятельность доставляла ему большое удовлетвореніе и не прошла безслѣдной въ исторіи военно-инженернаго управленія въ Россіи. Съ учрежденіемъ этой должности въ рукахъ Николая Павловича сосредоточилось, въ сущности, все дѣло государственной обороны. Реформы, проведенныя въ этой части

---

1) Николай Павловичъ не былъ назначенъ въ Государственный Совѣтъ. Есть, правда, извѣстіе (частнаго характера), что съ 1819 г. онъ присутствовалъ при всѣхъ докладахъ государю по отдѣльнымъ отраслямъ управленія, но это извѣстіе требуетъ еще подтвержденія.

2) Одновременно съ этимъ онъ былъ назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона.

имъ или, во всякомъ случаѣ, подъ его именемъ, были далеко не незначительны: имъ, можно сказать, была создана военно-инженерная часть въ Россіи.

Уже само по себѣ учрежденіе генералъ-инспекторской должности по инженерной части имѣло существенное значеніе. До этого времени инженерныя войска, будучи подчинены начальнику инженернаго департамента Военнаго Министерства, находились тѣмъ самымъ въ подчиненіи у начальника Главнаго Штаба (должность, учрежденная въ 1815 г.). Съ учрежденіемъ генералъ-инспекторской должности, начальникъ инженернаго департамента терялъ значеніе, какъ начальникъ инженерныхъ частей, и эти послѣднія, теперь подчиненныя генералъ-инспектору, становились въ болѣе независимое положеніе по отношенію къ начальнику Главнаго Штаба [1]).

21 августа 1818 г. великимъ княземъ былъ представленъ докладъ объ устройствѣ инженернаго корпуса на новыхъ основаніяхъ, чему и была посвящена его дальнѣйшая дѣятельность. Генералъ К. И. Опперманъ, бывшій начальникомъ инженернаго департамента, съ учрежденіемъ новой должности терялъ свое значеніе; въ силу своихъ прежнихъ отношеній къ великому князю онъ и теперь, однако, остался его приближеннымъ, и именно при содѣйствіи Оппермана Николаемъ Павловичемъ были проведены главныя реформы по военно-инженерному управленію. Предстояло прежде всего уничтожить двойственность въ подчиненіи военно-инженерныхъ частей, создававшуюся съ учрежденіемъ должности генералъ-инспектора. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ большаго подчиненія этихъ

---

1) Николай Павловичъ вступилъ въ должность 20 января 1818 г. Приказъ, отданный имъ о своемъ назначеніи, гласилъ: „давая о семъ знать по инженерному корпусу, долгомъ поставляю подтвердить всѣмъ чинамъ онаго, что ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, усердіемъ къ пользѣ государственной и отличнымъ поведеніемъ всякій заслужитъ Государевы милости, а во мнѣ найдетъ усерднаго для себя ходатая предъ лицомъ Его Величества. Но въ противномъ случаѣ за малѣйшее упущеніе, которое никогда и ни въ какомъ случаѣ прощено не будетъ, взыщется по всей строгости законовъ. Отъ усердія и твердости господъ начальниковъ, отъ рвенія и полнаго повиновенія подчиненныхъ, ожидаю имѣть всегда удовольствіе; и твердо на сіе надѣясь, увѣряю всѣхъ и каждаго, что умѣю цѣнить милость Государеву, содѣлавшую меня начальникомъ столь отличнаго корпуса“.

частей генералъ-инспектору за счетъ власти начальника Главнаго Штаба. Отчасти это предусматривалось уже въ новомъ утвержденномъ 19 августа 1817 г. положеніи объ инженерныхъ частяхъ. Еще болѣе это достигалось сведеніемъ инженерныхъ батальоновъ въ бригады и введеніемъ бригаднаго управленія, утвержденнаго 7 марта 1819 г. Значеніе этой мѣры сказывалось особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда инженерные батальоны отряжались отъ корпусовъ въ крѣпости и здѣсь становились въ полное подчиненіе особому инженерному начальству. Власть бригадныхъ командировъ росла за счетъ власти общаго корпусного начальства. Черезъ это, въ свою очередь, умалялось значеніе начальника Главнаго Штаба, и инженерныя части, получая большую независимость отъ общаго военнаго управленія, становились въ болѣе тѣсную зависимость отъ своего генералъ-инспектора, получившаго теперь, на ряду съ начальникомъ Главнаго Штаба, право доклада у Государя Императора.

Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ управленіе инженерными войсками, Николай Павловичъ поставилъ себѣ двоякую цѣль: создать русскій военно-инженерный корпусъ и тѣмъ избѣгнуть необходимости обращаться къ иностраннымъ силамъ и развить военно-инженерное строительство—крѣпостное и казарменное. Красною нитью черезъ всѣ его мѣропріятія проходитъ взглядъ на военныхъ инженеровъ, какъ на офицеровъ, а не чиновниковъ. Достиженіе намѣченныхъ цѣлей осуществлялось двумя путями: развитіемъ учебной части и собственно новымъ устройствомъ инженернаго корпуса. 23 августа 1818 г. генералъ-инспекторъ вошелъ съ докладомъ къ начальнику Главнаго Штаба, въ которомъ сообщалъ высочайшее соизволеніе на учрежденіе, кромѣ существовавшаго Военно-Ученаго Комитета, особыхъ ученыхъ комитетовъ по инженерной, артиллерійской и квартирмейстерской части. Слѣдующей мѣрой за учрежденіемъ Ученаго Инженернаго Комитета было преобразованіе существовавшей инженерной школы въ главное инженерное училище. Исходя изъ предположенія, что техники, хотя бы и стоящіе на высокомъ уровнѣ, но прошедшіе гражданскую школу, не пригодны для военно-инженернаго дѣла, великій князь представилъ планъ объ учрежденіи Главнаго Инженернаго Училища, подготовленный Оппермановъ и ген.-майоромъ гр. Е. К. Сиверсомъ; этотъ

планъ и былъ учрежденъ государемъ 24 ноября 1819 г. [1]). Приступая къ новому устройству инженернаго корпуса, Николай Павловичъ обратилъ, прежде всего, вниманіе на увеличеніе окладовъ чиновъ корпуса. Для достиженія этой цѣли было признано необходимымъ уменьшить численность личнаго состава и найдено возможнымъ сократить инженерный штатъ нѣкоторыхъ изъ крѣпостей, терявшихъ теперь уже свое значеніе вслѣдствіе продвиженія границы. Существовавшее по штату 1810 г. число крѣпостей 54 было сокращено до 43 и, кромѣ того, 3 крѣпости (Динамюнде, Тирасполь и Аккерманъ) были оставлены безъ собственнаго инженернаго штата. Былъ упраздненъ астраханскій инженерный округъ. Нѣкоторыя крѣпости были понижены въ классѣ. Въ первомъ классѣ вмѣсто 19 было оставлено 14 [2]); во второй включено 19, вмѣсто 18; въ третьемъ оставлено 13, вмѣсто 25. Все это дало возможность провести къ 1 января 1819 г. новые штаты инженернаго корпуса. Крѣпостное строительство въ бытность Николая Павловича генералъ-

---

[1]) Въ Главное Инженерное Училище принимались не моложе 14 лѣтъ (въ корпуса принимались и малолѣтніе) и не иначе, какъ по экзамену. Пріемъ производился изъ вольноопредѣляющихся, поступавшихъ въ юнкера, кондукторы и унтеръ-офицеры, а также изъ воспитанниковъ частныхъ школъ, поступавшихъ въ кондукторы и унтеръ-офицеры. Экзаменъ производился изъ ариѳметики и алгебры до уравненій, географіи, одного изъ двухъ новыхъ языковъ, начальной геометріи, рисованія, исторіи и русскаго языка. Училище состояло изъ офицерскаго отдѣленія (позднѣе—Николаевская Инженерная Академія) и кондукторскаго. Начальникомъ былъ назначенъ гр. Ег. Карл. Сиверсъ. Въ училищѣ преподавались: алгебра, геометрія, тригонометрія, начертательная и аналитическая геометрія, дифференціальное и интегральное исчисленіе, физика, химія, механика, рисованіе и черченіе, архитектура, фортификація, артиллерія, русскій, французскій и нѣмецкій языки, исторія, географія и экзерциція. Въ этомъ училищѣ преподавали многіе выдающіеся ученые и спеціалисты того времени, какъ напр., полк. Х. Х. Христіани (фортификація), инженеръ-капит. А. В. Дядинъ (артиллерія), бывшій профессоръ Спб. университета К. И. Арсеньевъ (исторія и географія), удаленный изъ университета Руничемъ и Магницкимъ и приглашенный подъ личною отвѣтственностью великаго князя. Николай Павловичъ вообще близко входилъ въ жизнь училища, интересовался всѣмъ происходящимъ, часто посѣщалъ лекціи и присутствовалъ на конференціяхъ. На строевую часть въ училищѣ было обращено такое же вниманіе, какъ на учебную. Училище помѣщалось въ Михайловскомъ замкѣ.

[2]) Свеаборгъ, Выборгъ, С.-Петербургъ, Кронштадтъ, Рига, Ревель, Динабургъ, Бобруйскъ, Кіевъ, Бендеры, Измаилъ, Херсонъ, Ахтіаръ и Тифлисъ.

инспекторомъ сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ Бобруйскѣ и Динабургѣ (Двинскъ), въ гораздо меньшей степени—въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ и Севастополѣ. Внѣ вѣдѣнія генералъ-инспектора оставалась лишь постройка крѣпостей въ Грузіи, что съ 1819 г. было поручено командиру тамошняго корпуса ген. Ермолову. Въ виду сильнаго развитія казарменно-строительной части въ столицѣ и ея окрестностяхъ и неудовлетворительной постановки этого дѣла, 3 декабря 1820 г. была учреждена Гвардейская Казарменная Комиссія, и въ ея вѣдѣніе была передана постройка казармъ изъ рукъ городской комиссіи о строеніяхъ. Офицерскій составъ при начальникѣ этой комиссіи былъ сформированъ въ корпусъ гвардейскихъ инженеровъ, бывшихъ одновременно съ этимъ полевыми инженерами гвардейскихъ войскъ. Для подготовки личнаго рядового состава къ положенію 19 авг. 1818 г. было приложено наставленіе для обученія инженерныхъ войскъ, что вносило въ это дѣло, зависящее до этого исключительно отъ усмотрѣнія ротныхъ командировъ, больше единообразія. Наконецъ, составъ инженерныхъ войскъ пополнился учрежденіемъ въ 1819 г. конныхъ піонеровъ (первая попытка устройства ихъ принадлежала въ 1812 г. Кутузову) и созданіемъ въ 1820 г. учебнаго сапернаго батальона; учрежденіемъ въ 1821 г. запасныхъ инженерныхъ парковъ былъ облегченъ обозъ инженерныхъ войскъ.

Одновременно съ должностью генералъ-инспектора инженерной части великій князь занималъ болѣе скромный постъ—командира одной изъ гвардейскихъ бригадъ, а нѣсколько позднѣе—второй гвардейской дивизіи [1]). Дѣятельность Николая Павловича,

---

[1]) Назначеніе Николая Павловича командиромъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ которую входили въ то время полки лейбъ-гвардіи Измайловскій и Егерскій, послѣдовало 27 іюля 1818 г., черезъ годъ послѣ его назначенія генералъ-инспекторомъ по инженерной части. 11 мая 1821 г. командованіе надъ 1-й гвардейской дивизіей принялъ Паскевичъ. Одновременно съ этимъ, однако, командующій гвардейскимъ корпусомъ кн. П. В. Васильчиковъ вышелъ въ отставку, что стояло въ связи съ извѣстнымъ волненіемъ въ Семеновскомъ полку, а гвардейскій корпусъ получилъ повелѣніе (еще 11 апрѣля т. г.) выступить въ Вильну. Командиромъ корпуса былъ назначенъ ген.-ад. Ѳ. П. Уваровъ, но такъ какъ онъ оставался въ Петербургѣ, то командованіе корпусомъ было возложено по старшинству на Паскевича. Въ свою очередь Паскевичъ передалъ командованіе своей дивизіей великому князю Николаю Павловичу. Въ 1825 г. произошло пере-

какъ бригаднаго генерала, имѣетъ, конечно, гораздо меньше общаго значенія, чѣмъ его дѣятельность въ должности генералъ-инспектора [1]). Эта дѣятельность имѣла зато большое значеніе для него лично, такъ какъ ставила его лицомъ къ лицу съ тогдашнимъ гвардейскимъ офицерствомъ какъ разъ въ тѣ годы, когда среди этого послѣдняго началось уже политическое броженіе. Отношенія, установившіяся теперь между великимъ княземъ и гвардейскимъ офицерствомъ, во многомъ помогаютъ уяснить какъ ту позицію, какую занялъ Николай Павловичъ въ 1825 году, когда сталъ вопросъ о престолонаслѣдіи, такъ и ту оцѣнку, какую встрѣчала его личность въ извѣстныхъ кругахъ русскаго общества.

Вступивъ въ должность бригаднаго командира, Николай Павловичъ, какъ это видно изъ его собственныхъ записокъ, старался поднять во ввѣренной ему части дисциплину, сильно порасшатавшуюся вообще, по его мнѣнію, въ войскахъ послѣ возвращенія арміи изъ Франціи. По существу, въ своемъ командованіи онъ, по общимъ отзывамъ, придерживался тѣхъ же началъ по преимуществу фронтовой выучки, которыя возобладали къ этому времени въ нашей арміи и которыя вызывали рѣзкое на себя нареканіе со стороны боевыхъ генераловъ александровскаго времени, какъ, напримѣръ, Ермолова и даже—въ то время еще—со стороны Паскевича. Будучи очень требователенъ, Николай Павловичъ, какъ и его младшій братъ Михаилъ, часто бывалъ рѣзокъ и недостаточно сдержанъ, обнаруживая при этомъ крайне мелочную придирчивость. На этой почвѣ у него постоянно происходили столкновенія и непріятныя исторіи съ сослуживцами и подчиненными.

распредѣленіе гвардейскихъ полковъ по дивизіямъ: Л.-гв. Измайловскій полкъ вмѣстѣ съ л.-гв. Павловскимъ и л.-гв. Сапернымъ батальономъ, составилъ 3-ю гвардейскую бригаду; въ 4-ю бригаду вошли л.-гв. Егерскій и л.-гв. Финляндскій полки. Обѣ эти бригады составили теперь 2-ю гвардейскую дивизію, командованіе которой было поручено Николаю Павловичу.

[1]) Въ связи съ дѣятельностью Николая Павловича, какъ бригаднаго командира, стоитъ, между прочимъ, учрежденіе Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ. Эта школа, утвержденная императоромъ Александромъ 9 мая 1823 г., возникла изъ частнаго опыта Николая Павловича, находившаго, что молодые люди поступаютъ въ полки недостаточно подготовленными, и съ этою цѣлью организовавшаго въ 1822 г. подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ обученіе подпрапощиковъ ввѣренной ему бригады.

Приведенный выше отзывъ о Николаѣ Павловичѣ Вигеля, при всей своей субъективности, отражаетъ дѣйствительное отношеніе къ нему офицерства, а черезъ это послѣднее и другихъ круговъ общества. Интересно, съ другой стороны, отмѣтить, что самъ Николай Павловичъ уже въ то время въ отдѣльныхъ проявленіяхъ нарушенія дисциплины усматривалъ нѣчто большее, чѣмъ простую распущенность, истолковывалъ протестъ противъ фронтовой муштры, какъ симптомъ болѣе серьезной оппозиціи, подмѣчалъ въ этомъ связь съ тѣмъ недовольствомъ, которое распространялось въ обществѣ, и какъ бы велъ съ нарастающимъ движеніемъ опредѣленную борьбу. Въ собственныхъ запискахъ Николая Павловича читаемъ: „По мѣрѣ того, какъ я началъ знакомиться съ своими подчиненными и видѣть происходившее въ другихъ полкахъ, я возымѣлъ мысль, что подъ симъ, т.-е. военнымъ распутствомъ, крылось что-то важное, и мысль сія постоянно у меня оставалась источникомъ строгихъ наблюденій. Вскорѣ замѣтилъ я, что офицеры дѣлились на три разбора: на искренне усердныхъ и знающихъ, на добрыхъ малыхъ, но запущенныхъ, и на рѣшительно дурныхъ, т.-е. говоруновъ, дерзкихъ, лѣнивыхъ и совершенно вредныхъ; но сихъ-то послѣднихъ гналъ я безъ милосердія и всячески старался отъ оныхъ избавиться, что мнѣ и удавалось. Но дѣло сіе было нелегкое, ибо сіи-то люди составляли какъ бы цѣпь чрезъ всѣ полки и въ обществѣ имѣли покровителей, коихъ сильное вліяніе сказывалось всякій разъ тѣми нелѣпыми слухами и тѣми непріятностями, которыми удаленіе ихъ изъ полковъ мнѣ отплачивалось“. Оставляя въ сторонѣ ту личную оцѣнку назрѣвающаго движенія, которая ясно сквозитъ въ этихъ словахъ великаго князя, мы не можемъ отказать ему въ вѣрномъ пониманіи внутренней связи между тѣми явленіями, которыя ему приходилось наблюдать.

Нелюбимый офицерствомъ и обществомъ, великій князь Николай Павловичъ съ 1817 года постоянно живетъ подъ гнетомъ мысли, что готовится что-то, съ чѣмъ ему придется, быть можетъ, со временемъ сводить счеты. Эта мысль должна была тревожить его все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ передъ нимъ обрисовывалась перспектива вступленія на престолъ. Прежде чѣмъ, однако, перейти къ вопросу о томъ, какъ состоялось назначеніе Николая Павловича наслѣдникомъ престола,

будетъ не лишнимъ отмѣтить тѣ случаи, когда онъ выдвигается, прямо въ силу естественныхъ условій, какъ замѣститель государя, и обрисовать вмѣстѣ съ этимъ ту группировку, какая къ этому времени начинаетъ слагаться между отдѣльными членами царской семьи.

Съ 30 сентября 1817 г. до половины іюня 1818 г. Николай Павловичъ съ супругой провелъ время въ Москвѣ, гдѣ присутствовалъ 12 сентября вмѣстѣ съ государемъ на закладкѣ храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ. 17 апрѣля 1818 г. въ кремлевскомъ дворцѣ (Николаевскомъ) у великокняжеской четы родился первый ребенокъ—сынъ, будущій Царь-Освободитель Александръ II. Императоръ Александръ покинулъ къ этому времени Москву, отправившись въ Варшаву на открытіе польскаго сейма и затѣмъ въ Бессарабію. Лишь къ іюню государь вернулся въ Москву, куда вскорѣ послѣ этого прибылъ и тесть великаго князя Николая Павловича, прусскій король съ наслѣднымъ принцемъ: принцъ Вильгельмъ все еще со времени бракосочетанія его сестры, оставался въ Россіи.

Къ 22 іюня 1818 г. дворъ переселился въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ этого, 27 августа, государь снова уѣхалъ на конгрессъ въ Ахенъ, гдѣ и оставался до декабря. Обѣ императрицы также отправились за-границу: Марія Ѳеодоровна—повидать своихъ дочерей въ Веймаръ, Штутгартъ и Брюссель, а Елизавета Алексѣевна къ своей матери въ Баденъ; великій князь Михаилъ Павловичъ также путешествовалъ въ это время за-границей. Николай Павловичъ съ супругой остались единственными представителями царской семьи въ Петербургѣ. Мѣстомъ пребыванія великокняжеской семьи въ Петербургѣ былъ Аничковскій дворецъ; здѣсь 6 августа 1819 у великаго князя родился второй ребенокъ—дочь Марія Николаевна. За этимъ слѣдуетъ сравнительно долгій періодъ — съ лѣта 1820 г. до начала 1822 г.—отсутствія Николая Павловича изъ Петербурга. Въ іюлѣ 1820 г. великокняжеская чета отправилась за-границу, на этотъ разъ для поправленія здоровья великой княгини: 20 іюня этого года она разрѣшилась отъ бремени мертвымъ ребенкомъ. Зиму Николай Павловичъ съ супругой провелъ въ Берлинѣ, а лѣто 1821 г.—въ Эмсѣ. Настоящее пребываніе великаго князя въ Берлинѣ, совпавшее съ тѣми событіями, какія разыгрывались въ это время въ Германіи и вообще въ

Европѣ, имѣло, повидимому, большое для него значеніе въ смыслѣ развитія въ немъ охранительныхъ взглядовъ. На этотъ разъ онъ имѣлъ случай и болѣе непосредственно соприкоснуться съ политикой: въ февралѣ 1821 г. по порученію императора онъ пріѣзжалъ изъ Берлина въ Петербургъ, чтобы подготовить гвардію къ предполагавшемуся выступленію въ походъ, въ виду итальянскихъ событій (революція въ Пьемонтѣ), а по возвращеніи ѣздилъ въ Троппау, гдѣ въ то время былъ на конгрессѣ императоръ Александръ, получившій здѣсь извѣстіе о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку. Въ то же время пребываніе въ Берлинѣ еще болѣе упрочило родственныя и дружескія симпатіи Николая Павловича къ берлинскому двору и его расположеніе къ прусской арміи, а отсюда и вообще къ военному режиму. „Здѣсь порядокъ, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противорѣчія, все вытекаетъ одно изъ другого; никто не приказываетъ прежде, чѣмъ не научится повиноваться; никто безъ законнаго основанія не становится впередъ другого; все подчиняется одной опредѣленной цѣли, все имѣетъ свое назначеніе“—такъ опредѣлялъ онъ впослѣдствіи свое предпочтеніе военнаго начала гражданскому. Къ концу лѣта 1821 г. великій князь вернулся въ Россію, заѣзжая по дорогѣ къ цесаревичу Константину Павловичу въ Варшаву. Зимой съ 1821 г. на 1822 г. Николай Павловичъ проживалъ большею частью въ Вильнѣ, гдѣ находилась въ это время квартира 1-й гвардейской дивизіи, и была расположена его бригада, лишь временами навѣдываясь въ Петербургъ. Зато часть этой зимы вся царская семья провела вмѣстѣ: въ Петербургѣ гостилъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, съ 1816 г. жившій постоянно въ Варшавѣ. Это продолжалась, однако, недолго. Къ концу января 1822 г. цесаревичъ уѣхалъ, а въ концѣ лѣта того же года уѣхалъ за-границу, на вероннскій конгрессъ, и самъ государь. До января 1823 г. Николай Павловичъ снова оставался въ Петербургѣ, какъ представитель царской семьи [1]). Въ августѣ этого года Николай Павловичъ сопровождалъ государя при осмотрѣ Бобруйской крѣпости и послѣ этого былъ вмѣстѣ съ нимъ въ Брестъ-Литовскѣ на

[1]) 30 августа 1822 г у великаго князя родилась вторая дочь—Ольга Николаевна.

смотру польскихъ войскъ и войскъ литовскаго корпуса. Сюда прибылъ къ этому времени прусскій принцъ Вильгельмъ, и къ ноябрю всѣ они вмѣстѣ вернулись въ Царское Село.

Лѣтомъ 1824 г. Николай Павловичъ совершилъ свое послѣднее путешествіе въ Берлинъ, какъ великій князь [1]). За это свое пребываніе въ Берлинѣ ему пришлось выступить въ роли посредника въ нѣкоторыхъ довольно деликатныхъ династическихъ и дипломатическихъ вопросахъ между Берлинскимъ и Петербургскимъ дворами. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III вступилъ въ бракъ съ графинею Гаррахъ, получившей титулъ княгини Лигницъ, графини Гогенцоллернъ. Въ то же время принцъ Вильгельмъ предполагалъ вступить въ бракъ съ княжною Елизаветою Радзивиллъ, и король рѣшилъ обратиться къ императору Александру, какъ къ старшему представителю Гольштейнъ-Готторпскаго дома, съ просьбой объ адоптаціи княжны Радзивиллъ, чтобы сдѣлать ее равноправной Гогенцоллернамъ. Съ этимъ намѣреніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ извѣщеніемъ о своемъ собственномъ бракѣ король отправилъ въ Петербургъ Николая Павловича. Александръ благосклонно принялъ извѣщеніе о бракѣ короля, но отказалъ въ адоптаціи Радзивиллъ, и бракъ принца Вильгельма не состоялся. Великій князь съ супругой покинули Берлинъ въ январѣ 1825 г. и только 25 февраля прибыли въ Петербургъ: по дорогѣ они посѣтили снова въ Варшавѣ цесаревича и его вторую супругу, княгиню Ловичъ.

Съ апрѣля по іюнь Николаю Павловичу снова пришлось оставаться старшимъ представителемъ царской семьи въ Россіи: государь уѣхалъ въ Варшаву на открытіе польскаго сейма. 12 іюня 1825 г. родилась третья дочь великаго князя — Александра Николаевна. Осенью этого года Николай Павловичъ совершилъ въ послѣдній разъ, какъ великій князь, инспекторскій смотръ войска и укрѣпленій въ Бобруйскѣ. На этомъ смотру, какъ и на всѣхъ предыдущихъ смотрахъ и маневрахъ, онъ обращалъ, главнымъ образомъ, вниманіе на фронтовую часть, былъ особенно строгъ въ этомъ отношеніи и обнаруживалъ лично прекрасное знаніе ружейныхъ пріемовъ.

---

[1]) Великокняжеская чета совершила на этотъ разъ свой путь моремъ, выйдя 24 іюля на кораблѣ Эмгейтенъ (Amhiten) изъ Кронштадта и прибывъ въ Варнемюнде 10 августа.

Такъ протекла жизнь великаго князя Николая Павловича во вторую половину царствованія Александра I. Одновременно съ этимъ въ царской семьѣ начинала все яснѣе намѣчаться вполнѣ опредѣленная группировка. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ за это время все болѣе и болѣе отстраняется отъ непосредственнаго участія въ государственной жизни имперіи и отходитъ отъ общаго круга царской семьи. Живя почти постоянно въ Польшѣ, онъ какъ бы остается въ тѣни. Когда говорятъ о братьяхъ государя, имѣютъ въ виду прежде всего Николая и Михаила: цесаревичъ Константинъ идетъ особнякомъ. Интересно, что уже съ 1814 года, со времени первыхъ поѣздокъ младшихъ великихъ князей за-границу, тамъ привыкли видѣть и слышать о двухъ братьяхъ императора Александра: *старшемъ* Николаѣ и *младшемъ*—Михаилѣ, а въ 1816 году, во время пребыванія Николая Павловича въ Лондонѣ, въ толпѣ его прямо уже называли „наслѣдникомъ русскаго императора.“ Въ семейномъ отношеніи только бракъ великаго князя Николая Павловича можно было назвать счастливымъ. Еще съ 1806 года въ виду „особенныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ рожденіе дочери императрицы Елизаветы Алексѣевны, великой княжны Елизаветы Александровны“ [1]), трудно было разсчитывать, что у императора будутъ еще дѣти. Бракъ—съ 1796 года—цесаревича Константина Павловича съ принцессою Юліаною Кобургскою (великая княгиня Анна Ѳеодоровна) былъ несчастливъ. Дѣтей у нихъ не было. Съ 1801 года великая княгиня жила отдѣльно отъ своего супруга за-границей; 20 марта 1820 года послѣдовалъ манифестъ о расторженіи этого брака, и 12 мая того же года цесаревичъ вступилъ въ морганатическій бракъ съ польскою графинею Іоанною Грудзинскою, получившею (манифестомъ 8 іюля, оставшимся необнародованнымъ) титулъ княгини Ловичъ и наименованіе свѣтлости. Великій князь Михаилъ Павловичъ лишь въ февралѣ 1824 года вступилъ въ бракъ съ принцессою Шарлоттою виртембергскою (великая княгиня Елена Павловна). Только Николай Павловичъ къ этому времени былъ уже отцомъ многочисленнаго семейства и являлся дѣйствительно представителемъ императорской фамиліи и династіи; чрезъ него прежде всего устанавливалась

[1]) Шильдеръ. Императоръ Николай I, т. I, стр. 476, прим. 373.

связь династіи и съ европейскимъ коронованнымъ міромъ. Къ концу александровскаго царствованія вполнѣ опредѣленно уже чувствовалось, что прямымъ наслѣдникомъ послѣ Александра является Николай, и при такихъ условіяхъ вполнѣ понятнымъ становится то вниманіе, какое императоръ Александръ оказываетъ своему второму брату, не упуская случая подчеркнуть это вниманіе публично. Въ то же время у Константина Павловича, особенно со времени его пребыванія въ 1821 и 1822 годахъ въ Петербургѣ, устанавливаются болѣе близкія отношенія съ младшимъ братомъ Михаиломъ, и жизнь обоихъ великихъ князей принимаетъ все болѣе частный характеръ. По отношенію къ Николаю цесаревичъ усваиваетъ тонъ благожелательной и дружелюбной почтительности старшаго брата къ младшему по возрасту, но старшему по положенію. При свойственномъ Константину Павловичу юморѣ этотъ тонъ выражается иногда въ шутливой формѣ. Нѣтъ-нѣтъ, при встрѣчѣ во дворцѣ съ Николаемъ, цесаревичъ станетъ передъ нимъ во фронтъ или, какъ бы обмолвившись, титулуетъ его „Императорскимъ Величествомъ“. Тотъ смущенъ и удивляется, а цесаревичъ отшучивается: „Это — потому, что ты у насъ Николай Чудотворецъ“. Съ 1819 года императоръ Александръ опредѣленно заговорилъ съ Николаемъ Павловичемъ и его супругою о возможной для великаго князя въ будущемъ необходимости принять бразды правленія.

Вопросъ о престолонаслѣдіи и вступленіе на престолъ Николая.

Фактическія данныя объ отреченіи цесаревича Константина Павловича отъ престола и о назначеніи наслѣдникомъ великаго князя Николая Павловича представляются въ слѣдующемъ видѣ. Старшіе сыновья императора Павла Петровича никогда не обнаруживали большого влеченія принять на себя и нести бремя правленія. Александръ Павловичъ, при жизни отца, не разъ высказывалъ вслухъ мечтанія вести впослѣдствіи жизнь частнаго человѣка. Въ свое время, однако, эти мечты должны были уступить мѣсто дѣйствительности; позднѣе, подъ вліяніемъ событій 1812—15 гг., надломившихъ духъ императора, эти юношескія мечтанія, приблизительно къ 1817 г., возрождаются въ немъ уже въ нѣсколько иной формѣ. Около этого времени Александръ I нерѣдко высказывалъ мысль о томъ, что государь „долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока его физическія силы будутъ ему позволять это... Послѣ этого онъ долженъ удалиться". Высказывая эту мысль, онъ распространялъ ее и на самого себя. Что касается цесаревича Константина Павловича, то, тотчасъ послѣ трагической смерти его отца, онъ вполнѣ опредѣленно заявлялъ (въ разговорѣ съ полковникомъ Н. А. Саблуковымъ), что если бы престолъ и достался когда-нибудь ему, то онъ, конечно, его не принялъ бы. При томъ же мнѣніи оставался Константинъ Павловичъ въ теченіе всего царствованія своего старшаго брата. При вступленіи на престолъ Александра I въ текстъ присяги была внесена оговорка, въ сущности противорѣчащая закону о престолонаслѣдіи, и присяга была принесена государю и наслѣднику престола, „который назначенъ будетъ": по закону о престолонаслѣдіи несомнѣннымъ наслѣдникомъ являлся цесаревичъ

Константинъ. Въ суетѣ событій первыхъ дней новаго царствованія многіе этой оговорки не замѣтили, и только много позднѣе, черезъ двадцать пять лѣтъ, какъ сейчасъ увидимъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ раскрылъ ея смыслъ. Первымъ опредѣленнымъ намекомъ на то, что престолъ со временемъ, можетъ быть, не перейдетъ къ Константину, было дополнительное постановленіе къ „Учрежденію императорской фамиліи", изданное одновременно съ манифестомъ 20 марта 1820 г. о расторженіи перваго брака цесаревича, которое гласило: „если какое лицо изъ императорской фамиліи вступитъ въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, т.-е. не принадлежащимъ ни къ какому царственному или владѣтельному дому, въ такомъ случаѣ лицо императорской фамиліи не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и рождаемыя отъ такого союза дѣти не имѣютъ права на наслѣдіе престола". Вскорѣ послѣдовалъ второй бракъ цесаревича—съ графинею Іоанною Грудзинскою—и всѣ, конечно, поняли, что указанная поправка относится именно къ нему, хотя сама по себѣ такъ, какъ она была редактирована, она не лишала еще его самого его династическихъ правъ, но могла касаться лишь его будущаго потомства.

Нельзя сказать положительно, пошло ли въ тѣсномъ кругу царской семьи дальше общихъ заявленій отдѣльныхъ лицъ о своемъ нежеланіи царствовать, или сама эта поправка побудила, наконецъ, цесаревича принять окончательное рѣшеніе. Во всякомъ случаѣ, вскорѣ послѣ своего второго брака онъ привелъ въ исполненіе свою постоянную мысль и отказался и за себя лично отъ права на престолъ. О своемъ намѣреніи онъ сообщалъ своему брату Михаилу Павловичу въ бытность послѣдняго въ Варшавѣ еще лѣтомъ 1821 г. и окончательно объявилъ о своемъ рѣшеніи государю императору и императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ во время своего пребыванія въ Петербургѣ въ январѣ 1822 г. Это рѣшеніе было оформлено имъ передъ его отъѣздомъ въ Варшаву письмомъ къ государю отъ 14 января, въ которомъ цесаревичъ просилъ передать его право на престолъ „тому, кому оно принадлежитъ послѣ него". Утвердительный отвѣтъ на это со стороны государя, и опять-таки въ формѣ частнаго письма, послѣдовалъ 2 февраля т. г. При такихъ условіяхъ естественно возникалъ вопросъ о переходѣ пре-

стола къ Николаю Павловичу, имя котораго все еще прямо не называлось.

Въ семейномъ кругу, какъ мы видѣли выше, давно уже предусматривалась возможность перехода къ нему престола. На это указываетъ прежде всего программа того образованія, которое было дано великому князю. Плохо поставленное, еще хуже выполненное, отражающее въ своей односторонности духъ придворной среды своего времени, это образованіе было во всякомъ случаѣ образованіемъ наслѣдника престола, а не простого великаго князя. Умѣстно будетъ въ данномъ случаѣ вспомнить ту записку о преподаваніи Николаю Павловичу политическихъ наукъ, которую проф. Шторхъ представилъ въ 1810 г. императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и которая заканчивалась слѣдующими словами: „Que Votre Majesté se represente la satisfaction avec laquelle un citoyen éclairé, aimant son souverain et sa patrie, verrait consignées dans cet ouvrage les grandes verités morales et les maximes conservatrices des états. Ces verités, dirait-il, ont été reconnues par celui, *qui probablement nous gouvernera un jour*; ces maximes sont les siennes; c'est d'après elles, *qu'il s'engage à regner*, puisqu'il a consenti, qu'elles ussent publiées sous son nom". Еще въ 1807 г. императрица Марія Ѳеодоровна, по словамъ ея секретаря Г. И. Вилламова, говорила, что „она предвидитъ, что престолъ все-таки современемъ перейдетъ къ великому князю Николаю" [1]). Этимъ объясняется, повидимому, отчасти и ея постоянныя заботы дать въ воспитаніи своего третьяго сына преобладаніе гражданскаго и политическаго элемента надъ военнымъ.

Съ другой стороны, вся жизнь великаго князя съ 1814 года, характеръ его поѣздокъ за-границу и по Россіи, его бракъ и та роль, какую онъ начинаетъ играть съ 1817 года въ царской семьѣ,—все это ясно говоритъ о вполнѣ назрѣвшемъ, хотя и не формулированномъ еще рѣшеніи. И подобный взглядъ на Николая Павловича начиналъ устанавливаться, какъ мы видѣли, къ этому времени и въ обществѣ, и при томъ, повидимому, раньше за-границей, чѣмъ въ Россіи. Первое время этотъ взглядъ могъ не связываться непремѣнно съ мыслью *объ отреченіи* Кон-

[1]) Въ эрмитажномъ собраніи хранится медаль-жетонъ съ надписью: „Г. Ц. В. К. Николай Павловичъ" и „1810 г. Генваря 25-го".

стантина и естественно вытекалъ изъ положенія Николая Павловича среди другихъ членовъ императорской фамиліи при отсутствіи мужского потомства у его старшихъ братьевъ.

Когда вопросъ о разводѣ Константина Павловича сталъ приближаться къ разрѣшенію и цесаревичъ началъ подготовлять исполненіе своего давнишняго желанія, государь счелъ нужнымъ подготовить къ этому и самого Николая Павловича. 13 іюля 1819 г. онъ имѣлъ разговоръ съ великокняжеской четой, во время котораго сообщилъ Николаю Павловичу и его супругѣ о своемъ рѣшеніи отречься современемъ отъ правленія и о нежеланіи Константина наслѣдовать престолъ и предупредилъ, что великій князь Николай Павловичъ призывается на царское достоинство, и что это должно совершиться еще при жизни его, императора. По собственному свидѣтельству великаго князя и его супруги, разговоръ этотъ очень ихъ смутилъ. Когда въ январѣ 1822 г. происходили переговоры между государемъ, императрицею-матерью и цесаревичемъ, то Николай Павловичъ не былъ къ нимъ привлеченъ. Послѣ письма цесаревича къ государю отъ 14 января 1822 г. императрица Марія Ѳеодоровна, однако, въ разговорахъ съ Николаемъ Павловичемъ начала упоминать объ актѣ отреченія Константина въ его пользу, и Николай Павловичъ въ своихъ запискахъ самъ не отрицаетъ того, что о существованіи этого акта было ему извѣстно. Государственный вопросъ огромной важности, затрагивающій основной законъ имперіи, обсуждался и рѣшался, такимъ образомъ, чисто по-семейному и даже безъ привлеченія къ его обсужденію того представителя младшаго поколѣнія своей же семьи, который былъ прежде всего здѣсь заинтересованъ. И въ этомъ нельзя не видѣть вліянія императрицы Маріи Ѳеодоровны, вообще такъ много содѣйствовавшей въ дѣтяхъ императора Павла быстрому и прочному росту привычки вносить въ государственныя дѣла тонъ семейнаго вопроса. Только черезъ полтора года послѣ того, какъ цесаревичъ и государь обмѣнялись своими письмами, и когда вопросъ былъ уже окончательно вырѣшенъ, акту отреченія Константина и назначенія наслѣдникомъ престола Николая была придана форма акта государственнаго. Лѣтомъ 1823 г. московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, при содѣйствіи кн. А. Н. Голицына, былъ составленъ манифестъ объ отреченіи Константина Павловича и о назначеніи наслѣд-

никомъ Николая Павловича („Наслѣдникомъ нашимъ быть второму брату нашему, великому князю Николаю Павловичу"), подписанный Александромъ 16 августа 1823 г. И теперь, какъ и на всѣхъ предшествующихъ стадіяхъ этого вопроса, была усвоена строгая келейность. Манифестъ 16 августа 1823 г. остался необнародованнымъ: 27 августа т. г., въ бытность государя въ Москвѣ, манифестъ, съ приложеніемъ письма Константина Павловича отъ 14 января 1822 г., былъ переданъ государемъ тому же митрополиту Филарету въ запечатанномъ пакетѣ съ собственноручною надписью государя: „Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другого дѣянія". При этомъ государь, черезъ Аракчеева, изъявилъ митрополиту свое желаніе, чтобы это дѣло не предавалось огласкѣ. 29 августа Филаретъ, въ присутствіи протопресвитера, саккелларія и прокурора синодальной конторы, показавъ имъ пакетъ и подпись и объявивъ волю государя о строжайшемъ соблюденіи тайны, положилъ пакетъ въ ковчегъ государственныхъ актовъ въ алтарѣ Успенскаго собора, заперъ и запечаталъ ковчегъ. Копіи манифеста, собственноручно переписанныя кн. А. Н. Голицынымъ, въ пакетахъ за императорскою печатью были разосланы въ Государственный Совѣтъ, Сенатъ и Синодъ. На пакетахъ были сдѣланы собственноручно государемъ надписи: „Хранить въ (названіе учрежденія) до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть, прежде всякаго другого дѣянія, въ чрезвычайномъ собраніи". О необнародованномъ манифестѣ не было офиціально извѣстно никому, кромѣ трехъ только что названныхъ лицъ.

Тайна не была, однако, вполнѣ сохранена самимъ Александромъ Павловичемъ. Уже 5-го ноября 1823 г. онъ сообщилъ о своихъ распоряженіяхъ, упоминая вполнѣ опредѣленно имя Николая Павловича, бывшему въ то время въ Россіи прусскому принцу Вильгельму, брату супруги Николая Павловича. По своемъ возвращеніи въ Берлинъ принцъ не замедлилъ сообщить объ этомъ своему отцу, королю Фридриху-Вильгельму III. Вскорѣ послѣ этого государь говорилъ о томъ же съ историкомъ Карамзинымъ, а въ 1825 г. съ наслѣднымъ нидерландскимъ прин-

цемъ Вильгельмомъ Оранскимъ, супругомъ сестры государя, Анны Павловны. Что касается самой императрицы Маріи Ѳеодоровны, то нельзя сказать вполнѣ утвердительно, было ли ей извѣстно только объ актѣ отреченія Константина, или и о манифестѣ 16 августа 1823 г. О назначеніи Николая Павловича наслѣдникомъ престола знали, во всякомъ случаѣ, лица, наиболѣе близкія къ великому князю. Съ принцемъ Вильгельмомъ у Николая Павловича, какъ мы знаемъ, давно уже существовали дружескія отношенія; нельзя предположить, чтобы принцъ, зная, что готовится въ Россіи, зная, что тутъ затрагиваются интересы семьи его сестры (съ которой онъ точно также былъ очень друженъ), не предупредилъ бы объ этомъ свою сестру и ея мужа. Скоро дѣло получило еще большую и какъ бы уже официальную огласку: въ придворномъ берлинскомъ календарѣ на 1824 г.—а врядъ ли у Николая Павловича на письменномъ столѣ не было придворнаго берлинскаго календаря—онъ прямо былъ названъ наслѣдникомъ русскаго престола. Все это приводитъ къ заключенію, что Николай Павловичъ не могъ не знать не только объ отреченіи его брата Константина, но и о своемъ назначеніи наслѣдникомъ, хотя, быть можетъ, и не представлялъ себѣ вполнѣ опредѣленно ту форму, въ какую были облечены относящіеся до этого акты. Въ виду того, однако, что эти акты не были обнародованы во всеобщее свѣдѣніе, онъ находилъ возможнымъ не считаться съ ними, какъ съ теряющими силу въ моментъ смерти государя. Могъ онъ почесть себя и обиженнымъ тѣмъ, какъ вопросъ о его назначеніи наслѣдникомъ престола обсуждался на семейномъ совѣтѣ—безъ его участія, между матерью и старшими братьями. Эти выводы находятъ себѣ подтвержденіе и въ образѣ дѣйствій вел. кн. Николая Павловича въ первыя минуты послѣ полученія въ Петербургѣ извѣстія о смерти государя.

Въ первыхъ числахъ сентября 1825 г. императоръ Александръ Павловичъ и императрица Елизавета Алексѣевна выѣхали изъ Петербурга въ Таганрогъ. Государя сопровождали между прочими министръ двора, кн. П. М. Волконскій, и начальникъ Главнаго Штаба, бар. И. И. Дибичъ. Великій князь Николай Павловичъ, какъ бывало не разъ и раньше, остался въ столицѣ единственнымъ представителемъ царской семьи (великій князь Михаилъ Павловичъ гостилъ у цесаревича въ Варшавѣ).

Главное управленіе въ столицѣ было въ рукахъ военнаго губернатора гр. М. А. Милорадовича, героя 1812 года, въ послѣдніе годы александровскаго царствованія нѣсколько опустившагося и относившагося довольно легко къ тѣмъ слухамъ о заговорѣ среди офицерства, которые къ этому времени ходили уже довольно упорно въ городѣ. Командиромъ гвардейскаго корпуса былъ ген. А. Л. Воиновъ. Съ 18 ноября въ столицу начали приходить извѣстія о болѣзни государя, съ 25 ноября быстро принявшія крайне тревожный характеръ. Узнавъ въ этотъ день вечеромъ, что надежды на выздоровленіе почти нѣтъ, великій князь Николай Павловичъ совѣщался съ Милорадовичемъ и Воиновымъ и предложилъ имъ, при полученіи извѣстія о кончинѣ государя, немедленно *провозгласить* императоромъ Константина Павловича, говоря, что онъ первый принесетъ ему присягу [1]).

27-го утромъ происходили молебствія о здравіи государя— въ Зимнемъ дворцѣ для царскаго семейства и приближенныхъ и въ Александро-Невской лаврѣ для военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Во время молебствія во дворцѣ было получено извѣстіе (отъ Волконскаго и Дибича) о смерти государя. Присутствовавшимъ въ церкви это извѣстіе принесъ великій князь Николай Павловичъ. Съ императрицей Маріей Ѳеодоровной сдѣлалось дурно, ее вынесли изъ церкви. Вернувшись въ церковь, Николай Павловичъ принесъ присягу „государю императору Константину Павловичу“ и тотчасъ же послѣ этого привелъ къ присягѣ роту Его Величества л.-гв. Преображенскаго полка, занимавшую внутренній дворцовый караулъ. Во дворцѣ тотчасъ за великимъ княземъ присягнули Милорадовичъ, ген.-ад. кн. В. Б. Трубецкой и многіе другіе изъ свиты и приближенныхъ. Одновременно съ этимъ великій князь приказалъ дежурному генералу А. Н. Потапову привести къ присягѣ главный дворцовый караулъ. Адъютантъ великаго князя А. Ѳ. Адлербергъ былъ посланъ съ такимъ же порученіемъ въ инженерное вѣдомство, а ген. А. И. Нейдгардъ въ Александро-Невскую лавру—поручить ген. Воинову привести къ присягѣ всѣ гвардейскіе полки. Только послѣ этого великій князь сообщилъ обо всемъ происшедшемъ императрицѣ Маріи

[1]) По другимъ извѣстіямъ, на присягѣ Константину особенно настаивалъ Милорадовичъ.

Ѳеодоровнѣ. Императрица крайне этимъ встревожилась и поспѣшила сообщить Николаю Павловичу, что существуетъ актъ, по которому онъ самъ назначенъ наслѣдникомъ престола. „S'il y en a un, il ne m'est pas connu, personne ne le connait; mais nous savons tous que notre maître, notre souverain légitime est mon frère Constantin et nous avons rempli notre devoir: arrive ce qui pourra"—отвѣчалъ ей Николай Павловичъ. Вслѣдъ за этимъ сообщилъ великому князю о существованіи акта (вполнѣ опредѣленно, имѣя уже въ виду манифестъ 16 августа 1823 г.) прибывшій къ этому времени во дворецъ изъ лавры кн. А. Н. Голицынъ.

Въ тотъ же день, въ два часа состоялось въ Зимнемъ дворцѣ засѣданіе Государственнаго Совѣта. На этомъ засѣданіи возникли разногласія по вопросу, распечатать ли предварительно пакетъ, о которомъ сообщили собранію предсѣдатель Совѣта кн. Лопухинъ и кн. Голицынъ, или начать съ присяги Константину. Первое мнѣніе одержало верхъ, и пакетъ былъ распечатанъ. Ознакомленіе съ манифестомъ и письмомъ Константина отъ 14 января 1822 г. вызвало новое разногласіе, и для разрѣшенія своего недоумѣнія Совѣтъ in corpore отправился къ великому князю. Николай Павловичъ убѣждалъ Совѣтъ принести присягу его старшему брату, заявивъ при этомъ, „что онъ все это знаетъ, что дѣло это для него не было скрыто, но что онъ и тогда далъ себѣ клятвенное обѣщаніе поступить въ случаѣ подобнаго несчастья по тѣмъ правиламъ, по коимъ онъ нынѣ поступилъ". Совѣтъ, „услышавъ непреложную волю" великаго князя, рѣшилъ принести присягу и для этого снова собраться въ тотъ же день въ семь часовъ вечера. Къ этому времени, къ пяти часамъ вечера, присяга во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ была уже принесена. Вечеромъ принесъ присягу Государственный Совѣтъ, о чемъ и былъ составленъ журналъ. На другой день копія съ журнала Совѣта была послана съ адъютантомъ великаго князя Лазаревымъ въ Варшаву къ Константину Павловичу. Отправляя Лазарева, Николай Павловичъ вручилъ ему, кромѣ того, свои личныя письма къ обоимъ своимъ братьямъ. Въ тотъ же день было послано увѣдомленіе отъ Милорадовича къ московскому генералъ-губернатору кн. Д. В. Голицыну и финляндскому А. А. Закревскому о приведеніи къ присягѣ Москвы и Финляндіи, и были разосланы повсемѣстно о томъ же курьеры. Въ Москвѣ, куда вѣсти о

смерти государя стали доходить 28 ноября, митрополитъ Филаретъ сообщилъ генералъ-губернатору о существованіи пакета въ Успенскомъ соборѣ; послѣ нѣкотораго колебанія было рѣшено дѣйствовать сообразно съ тѣмъ, какъ поступятъ въ Петербургѣ, и послѣ полученія офиціальнаго увѣдомленія Москва 30 ноября спокойно присягнула Константину. Въ другихъ мѣстахъ присяга прошла точно также безъ какихъ бы то ни было осложненій. Пакеты въ Сенатѣ и Синодѣ были оставлены нераспечатанными.

Въ Варшавѣ извѣстіе о смерти государя было получено 25 ноября. По полученіи этого извѣстія цесаревичъ тотчасъ же написалъ письма къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и Николаю Павловичу, въ которыхъ заявлялъ, что уступаетъ свои права своему брату „въ силу рескрипта императора Александра отъ 2 февраля 1822 г.“. Онъ ссылался, такимъ образомъ, на документъ, безусловно извѣстный Николаю. Съ этими письмами 26 ноября былъ отправленъ вел. кн. Михаилъ Павловичъ. Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ 3 декабря. По общему совѣщанію между императрицей и обоими великими князьями было рѣшено, что такъ какъ письма Константина, привезенныя Михаиломъ Павловичемъ, были написаны цесаревичемъ до полученія имъ извѣстія о принесеніи ему присяги, то они и не могутъ считаться рѣшающими. Въ Петербургѣ „безъ опасности“ ихъ во всякомъ случаѣ нельзя обнародовать: Константинъ долженъ издать отъ себя, уже какъ государь, манифестъ, въ которомъ будетъ окончательно рѣшенъ вопросъ, кому царствовать. Съ этимъ рѣшеніемъ въ Варшаву былъ посланъ въ тотъ же день фельдъегерскій офицеръ Бѣлоусовъ. Въ городѣ начали уже распространяться слухи о томъ, что Михаилъ Павловичъ не присягалъ, и потому было сочтено за лучшее, чтобы онъ оставилъ Петербургъ. 5 декабря онъ выѣхалъ въ Варшаву подъ предлогомъ сообщенія Константину Павловичу свѣдѣній о здоровьѣ императрицы-матери. Лазаревъ прибылъ въ Варшаву 2 декабря. Узнавъ о томъ, что произошло въ Петербургѣ, Константинъ Павловичъ на другой же день отправилъ письмо къ предсѣдателю Государственнаго Совѣта, въ которомъ очень рѣзко высказывался по поводу поведенія Совѣта. Это письмо— прямой выговоръ Совѣту за незнаніе государственныхъ законовъ, выговоръ, съ юридической стороны, построенный безукоризненно. Цесаревичъ указывалъ, что Совѣтъ не имѣлъ права

приносить присягу, зная, что присяга вообще „не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по манифесту за императорскимъ подписаніемъ“, и что, кромѣ того, Совѣтъ забылъ свою собственную присягу покойному государю, когда присягали императору и наслѣднику, „который назначенъ будетъ“; для этого же надо было первоначально ознакомиться съ распоряженіями покойнаго государя. Вмѣстѣ съ этимъ Константинъ Павловичъ, отвѣчая на письма брата, заявлялъ, что его рѣшеніе непоколебимо, отклонялъ приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ и предупреждалъ, что „удалится еще далѣе, если все не устроится согласно волѣ покойнаго нашего императора“. Одновременно съ этими письмами на имя Государственнаго Совѣта и брата, цесаревичъ, письмомъ отъ 4 декабря, указалъ Дибичу обращаться къ великому князю Николаю, какъ къ государю.

Эти письма были отправлены съ тѣмъ же Лазаревымъ. На станціи Ненналь (въ 260 верстахъ отъ Петербурга) съ Лазаревымъ, везшимъ отвѣтъ Константина Павловича на письмо Николая Павловича отъ 28 ноября, встрѣтился великій князь Михаилъ Павловичъ и, понявъ въ чемъ дѣло, рѣшилъ не ѣхать дальше отъ Петербурга и ждать здѣсь возвращенія изъ Варшавы Бѣлоусова. Въ Петербургъ Лазаревъ прибылъ 9 декабря. Ознакомившись съ полученнымъ отвѣтомъ, а также съ письмомъ Константина Павловича къ предсѣдателю Государственнаго Совѣта, Николай Павловичъ точно также рѣшилъ ждать слѣдующаго курьера.

12 декабря положеніе дѣлъ, однако, еще болѣе осложнилось Въ этотъ день Николай Павловичъ получилъ отъ Дибича пакетъ изъ Таганрога съ подробнымъ сообщеніемъ о заговорѣ тайныхъ обществъ [1]). Николай Павловичъ немедленно посвятилъ въ это сообщеніе Милорадовича, кн. А. Н. Голицына и ген.-адъют. А. Х. Бенкендорфа, еще въ 1821 г. представившаго государю записку о тайныхъ обществахъ. Въ этотъ же день прибылъ изъ Варшавы Бѣлоусовъ съ письмомъ, содержавшимъ рѣшительный отказъ вел. кн. Константина Павловича. Непреклонность брата и извѣстіе объ опасности заставили Николая

[1]) Въ этотъ же день поручикъ л.-гв. Егерскаго полка Я. И. Ростовцевъ предупредилъ Николая Павловича о существованіи заговора, не называя именъ участниковъ.

Павловича уступить. 13 декабря былъ составленъ отъ имени Николая Павловича манифестъ (помѣченный при обнародованіи 12-мъ декабря) съ извѣщеніемъ о ходѣ послѣднихъ событій, объ отказѣ Константина Павловича и о принятомъ Николаемъ Павловичемъ рѣшеніи. Фактическая часть манифеста была редактирована Адлербергомъ, которому Николай Павловичъ самъ продиктовалъ главныя положенія, общая часть — Сперанскимъ (послѣ того, какъ не удостоился одобренія болѣе обширный проектъ Карамзина, въ которомъ предполагалось намѣтить характеръ новаго царствованія). Одновременно съ манифестомъ рѣшено было опубликовать манифестъ покойнаго государя отъ 16 августа 1823 г., письма цесаревича и государя отъ 14 января и 2 февраля 1822 г. и оба письма Константина Павловича къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и Николаю Павловичу отъ 26 ноября 1825 г. На вечеръ 13 декабря Николай Павловичъ запиской на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта просилъ назначить секретное засѣданіе, „имѣя порученіе отъ государя императора сообщить высочайшую волю Государственному Совѣту“. Засѣданіе открылось очень поздно, такъ какъ Николай Павловичъ желалъ присутствія на немъ Михаила Павловича, котораго ждали съ минуты на минуту. Не дождавшись брата— Бѣлоусовъ проѣхалъ по другому тракту, и Михаилъ Павловичъ былъ вызванъ лишь 12-го,—Николай Павловичъ рѣшилъ начать засѣданіе безъ него въ первомъ часу ночи. Занявъ первое отъ предсѣдателя мѣсто, онъ, начавъ словами: „я выполняю волю брата Константина Павловича“, прочелъ манифестъ о своемъ вступленіи на престолъ и „попросилъ“ министра юстиціи кн. Лобанова-Ростовскаго (какъ генералъ-прокурора) тотчасъ этотъ манифестъ и всѣ подлежащія бумаги напечатать, обнародовать и на утро привести всѣхъ къ присягѣ.

Неопредѣленнымъ положеніемъ, создавшимся вслѣдствіе всѣхъ этихъ событій, рѣшили воспользоваться члены тайныхъ политическихъ обществъ, ставившихъ себѣ цѣлью государственный переворотъ и перемѣну образа правленія: Сѣвернаго, состоявшаго главнымъ образомъ изъ офицеровъ гвардіи, и Южнаго, въ которое входили прежде всего офицеры расположенной на югѣ 2-й арміи. Существованіе этихъ обществъ было раскрыто еще при жизни императора Александра I доносами унтеръ-офицера 3-го Украинскаго уланскаго полка И. В. Шервуда, ели-

саветградскаго помѣщика А. К. Бошняка и капитана Вятскаго полка А. Майбороды [1]). Исторія возникновенія и характеристика этихъ обществъ не входятъ въ данный моментъ въ нашу задачу. Присматриваясь къ ихъ взаимоотношеніямъ, особенно въ тѣ моменты, когда въ Петербургъ по дѣламъ обществъ пріѣзжалъ глава Южнаго Общества, полковникъ Вятскаго полка П. И. Пестель, можно замѣтить, что Сѣверное Общество находилось какъ бы подъ нѣкоторымъ моральнымъ давленіемъ Южнаго, правильнѣе говоря — прежде всего самого Пестеля. „Южане“ были болѣе сорганизованы и болѣе дѣятельны и упрекали „сѣверянъ“ за недостатокъ активности. Въ то же время внѣшнія условія—близость двора и высшихъ государственныхъ учрежденій—сами по себѣ какъ бы вызывали къ дѣйствію прежде всего Сѣверное Общество. Среди „сѣверянъ“ къ этому времени начало создаваться настроеніе нѣкоторой угнетенности, сознаніе, что сдѣлано мало, и отсюда—желаніе сдѣлать хоть что-нибудь. Планъ дѣйствій въ обществахъ до самаго послѣдняго момента окончательно выработанъ не былъ. Арестъ нѣкоторыхъ изъ видныхъ членовъ (въ томъ числѣ Пестеля) заставлялъ торопиться. Слухи о томъ, что будетъ вторичная присяга, создавали, какъ казалось, благопріятный моментъ. Рѣшено было, что офицеры, участники обществъ, будутъ отговаривать въ своихъ частяхъ солдатъ отъ присяги Николаю и, выведя ихъ на Сенатскую площадь и тѣмъ отрѣзавъ сообщеніе между Сенатомъ и Зимнимъ дворцомъ, заставятъ Сенатъ, какъ верховное учрежденіе, провозгласить конституцію.

14 декабря къ 7 часамъ утра собрались для присяги Сенатъ и Синодъ, а къ 11 часамъ былъ назначенъ съѣздъ для молебствія въ Зимній дворецъ. Одновременно съ этимъ начали приводить къ присягѣ отдѣльныя войсковыя части. Во время присяги въ л.-гв. Московскомъ полку, расположенномъ въ то время на Фонтанкѣ у Семеновскаго моста, офицеры этого полка, штабсъ-капитаны кн. Щепинъ-Ростовскій, М. А. Бестужевъ и братъ послѣдняго Александръ, штабсъ-капитанъ л.-гв. драгунскаго полка, уговорили часть солдатъ не присягать. Пытавшіеся вмѣшаться полковой командиръ ген.-майоръ бар. Фредериксъ, бригадный — ген.-майоръ В. Н. Шеншинъ и полковникъ

[1]) Эти свѣдѣнія и получилъ Николай Павловичъ 12 декабря отъ Дибича.

Хвощинскій были тяжело ранены саблями, и кн. Щепинъ-Ростовскій, захвативъ знамя и выведя часть полка изъ казармъ, повелъ солдатъ по Гороховой улицѣ на Сенатскую площадь.

Одновременно съ этимъ въ л.-гв. Гренадерскомъ полку, расположенномъ въ то время, какъ и теперь, на Петербургской сторонѣ, подняли возмущеніе поручики А. Н. Сутгофъ и П. И. Пановъ, и часть полка, со знаменами, но не построенная, перейдя по льду Неву, была приведена ими нѣсколько позднѣе также на Сенатскую площадь [1]). Наконецъ, значительно позднѣе лейтенантъ Арбузовъ привелъ сюда же по Галерной улицѣ часть Гвардейскаго Экипажа, расположеннаго въ то время, какъ и теперь, на углу Екатерининскаго и Крюкова каналовъ [2]). Собравшіяся на площади войска построились въ карре, при чемъ руководство всѣми дѣйствіями принадлежало главнымъ образомъ поручику л.-гв. Финляндскаго полка кн. Е. П. Оболенскому. Сюда же явились нѣкоторые изъ штатскихъ членовъ общества, какъ напр. В. К. Кюхельбекеръ, отставной поручикъ П. А. Каховскій и др. Къ собравшимся начали примыкать и посторонніе, и вскорѣ площадь, примыкающія къ ней улицы, сосѣднія зданія и лѣса строившагося въ то время Исаакіевскаго собора покрылись густою толпою.

Узнавъ о возмущеніи [3]), Николай Павловичъ довольно быстро выработалъ общій планъ дѣйствія. Обозрѣвая мысленно расположеніе военныхъ силъ въ городѣ, онъ совершенно вѣрно принялъ въ соображеніе то обстоятельство, что наибольшій резервъ въ его распоряженіи былъ въ районѣ Милліонной улицы,

---

[1]) По дорогѣ Пановъ, предполагая, что Зимній дворецъ уже въ рукахъ возставшихъ, вошелъ было со своею частью на дворцовый дворъ. Его ввели въ заблужденіе фигуры солдатъ на дворѣ: это смѣнялся караулъ, ставились саперы, часть, преданная Николаю. Замѣтивъ свою ошибку, Пановъ повернулъ обратно и присоединился къ своимъ товарищамъ на площади.

[2]) Кромѣ названныхъ частей, замѣшательство при принесеніи присяги произошло еще въ Измайловскомъ полку. Личное присутствіе тамъ великаго князя Михаила Павловича и его рѣшительныя дѣйствія не дали, однако, этому замѣшательству разростись въ открытое волненіе. Не совсѣмъ спокойно было и въ Финляндскомъ полку. Обѣ эти части были расположены въ то время тамъ же, гдѣ и теперь.

[3]) Извѣстіе о происшедшемъ въ Московскомъ полку было доставлено прибывшимъ во дворецъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса ген.-м. А. И. Нейдгардомъ.

Литейнаго проспекта, Кирочной и Таврическаго сада. Здѣсь были расположены военныя части, на которыя онъ прежде всего могъ разсчитывать,—саперы и преображенцы. Въ этой же сторонѣ былъ расположенъ л.-гв. Павловскій полкъ и, наконецъ, внушительная кавалерійская сила въ лицѣ Кавалергардовъ. Занявъ площадь, мятежники, въ сущности, отрѣзали Зимній дворецъ, прежде всего, отъ прямого сообщенія съ Конной Гвардіей, Семеновскимъ и Егерскимъ полками. Въ то же время Измайловскій полкъ былъ ненадеженъ. Части, расположенныя въ сторону Милліонной улицы и Литейнаго проспекта, и должны были, по плану Николая Павловича, составить главную силу, предназначенную для охраны дворца и активнаго выступленія противъ мятежниковъ. Остальнымъ предстояло играть роль резервовъ и вспомогательной силы.

Поставивъ у главнаго входа во дворецъ 9-ю стрѣлковую роту л.-гв. Финляндскаго полка, только что вступившую въ караулъ, Николай Павловичъ распорядился вызвать 1-й баталіонъ Преображенскаго полка (расположенный, какъ и теперь, на Милліонной улицѣ) и Кавалергардскій полкъ, а также 2-й баталіонъ преображенцевъ и л.-гвардіи и учебный саперные баталіоны. Саперамъ была ввѣрена охрана дворца. Кавалергарды и 2-й баталіонъ преображенцевъ заняли дворцовую площадь. Вызванная и прибывшая почти въ полномъ составѣ Конная Гвардія, обогнувъ Исаакіевскій соборъ, выстроилась со стороны Адмиралтейства отъ собора до набережной Невы. Ввѣривъ защитѣ 1-го батальона преображенцевъ 7-лѣтняго наслѣдника престола, Николай Павловичъ повелъ ихъ лично и выстроилъ на углу Вознесенскаго и Адмиралтейскаго проспектовъ. Одновременно съ этимъ онъ распорядился, чтобы его дѣти были перевезены изъ Аничкова дворца въ Зимній [1]). Семеновскій полкъ былъ посланъ въ обходъ Исаакіевскаго собора къ Конногвардейскому манежу. Часть Павловскаго полка заняла мостъ у Крюкова канала и Галерную улицу. Измайловскій полкъ, приведенный вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ, былъ выстроенъ въ резервѣ по Вознесенскому проспекту отъ Синяго моста до Адмиралтейскаго проспекта. Вызванъ былъ точно также Финляндскій

---

[1]) Нѣсколько позднѣе были заготовлены экипажи для отправленія всего царскаго семейства, подъ прикрытіемъ Кавалергардовъ, въ Царское Село.

полкъ, расположенный тогда, какъ и теперь, на Васильевскомъ островѣ; но когда полкъ вступилъ на Исаакіевскій мостъ, командовавшій первымъ взводомъ, поручикъ баронъ А. Розенъ, одинъ изъ участниковъ заговора, скомандовалъ: „стой“, и это остановило дальнѣйшее движеніе всего полка; только та часть его, которая еще не взошла на мостъ, по льду перешла рѣку и присоединилась къ войскамъ, стоявшимъ у Крюкова канала. Самъ Николай Павловичъ въ теченіе всего дня занималъ мѣсто во главѣ 1-го баталіона Преображенскаго полка на углу Вознесенскаго и Адмиралтейскаго проспектовъ. Главное командованіе со стороны Почтамтской и Галерной улицъ и Крюкова канала было поручено имъ вел. кн. Михаилу Павловичу.

Противъ мятежниковъ были двинуты, такимъ образомъ, очень внушительныя силы: почти вся масса столичнаго гарнизона. Можно было подумать, что на улицахъ Петербурга готовятся къ правильному сраженію. Значительная часть дня прошла, однако, въ нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ. Попытки увѣщанія возмутившихся не имѣли результатовъ. Выѣхавшій къ нимъ въ самомъ началѣ Милорадовичъ былъ смертельно раненъ; та же участь постигла командира л.-гв. Гренадерскаго полка полковника Стюрлера (раны тому и другому были нанесены Каховскимъ). Угрозами выстрѣловъ былъ встрѣченъ и вел. кн. Михаилъ Павловичъ. Не имѣла успѣха и попытка увѣщеванія, сдѣланная митрополитомъ Серафимомъ, вышедшимъ въ полномъ облаченіи, съ хоругвями и въ сопровожденіи дьяконовъ. Къ тремъ часамъ дня рѣшено было приступить къ дѣйствіямъ, начавъ съ кавалерійской атаки. Однако атаки Конной Гвардіи, а вслѣдъ за нею Кавалергардовъ, имѣли мало успѣха: изъ-за сильной гололедицы лошади падали, палаши оказались не отпущенными, и выгода оставалась на сторонѣ противника, открывшаго уже ружейный огонь. Николай Павловичъ долго не рѣшался, съ своей стороны, открыть огонь, и только уступая настояніямъ ген.-ад. Васильчикова, выдвинулъ артиллерію. Одно орудіе было послано къ вел. кн. Михаилу Павловичу; три орудія были поставлены передъ первымъ баталіономъ преображенцевъ, на углу Адмиралтейскаго проспекта. Было сдѣлано четыре выстрѣла картечью; первый былъ взятъ слишкомъ высоко и ударилъ въ крышу Сената; слѣдующіе—два изъ орудій у Адмиралтейскаго бульвара и одинъ изъ орудія у Семеновскаго полка—

разстроили карре. Главная масса искала спасенія черезъ Неву по Исаакіевскому мосту и по Англійской набережной, нѣкоторая часть—по Галерной. Въ преслѣдованіе за бѣжавшими были двинуты черезъ Неву—измайловцы и преображенцы, по Англійской набережной—Конная Гвардія. Часть бывшаго въ карре Московскаго полка спустилась на ледъ, и здѣсь Михаилъ Бестужевъ попытался построить колонну, чтобы итти на Петропавловскую крѣпость: орудійный огонь артиллеріи, выдвинутой къ этому времени къ Исаакіевскому мосту и стрѣлявшей теперь уже ядрами, и открывшаяся на льду полынья разстроили этотъ замыселъ.

Когда возставшіе были окончательно разсѣяны, главныя силы гвардейскаго корпуса расположились бивуакомъ вокругъ Зимняго дворца и заняли всѣ проѣзды на Дворцовую площадь. Команда на этой сторонѣ Невы была поручена ген.-ад. князю Васильчикову, на Васильевскомъ Островѣ—Бенкендорфу.

Такъ кончился въ Петербургѣ день 14 декабря [1]). Тотчасъ послѣ подавленія возстанія начались розыскъ и слѣдствіе надъ его участниками. Вечеромъ въ этотъ день, по возвращеніи государя во дворецъ, было отслужено молебствіе, назначенное еще на 11 ч. утра, но отложенное въ виду происшедшихъ событій. Вскорѣ послѣ этого во дворецъ стали привозить арестованныхъ участниковъ возстанія, а также и другихъ членовъ тайныхъ обществъ. Первоначальный допросъ велъ въ значительной степени самъ государь; его помощниками были генералъ-адъютантъ гр. К. Ѳ. Толь и В. В. Левашовъ. Уже въ эту ночь были взяты и подверглись допросу нѣкоторые изъ главныхъ участниковъ тайныхъ обществъ: Рылѣевъ, кн. Оболенскій, кн. Трубецкой и др. Допросъ продолжался всю ночь и до полудня слѣдующаго дня. По мѣрѣ того, какъ шло разслѣдова-

[1]) Послѣднимъ отзвукомъ движенія было возстаніе, произведенное на югѣ, въ Васильковѣ, полковникомъ Черниговскаго полка С. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, членомъ Южнаго общества. Поднявъ 30 декабря 1825 г. свой полкъ, онъ повелъ его къ Бѣлой Церкви, надѣясь соединиться съ расположенными здѣсь войсками. Еще не доходя до Бѣлой Церкви, онъ узналъ, что войска оттуда уже вышли, и рѣшилъ измѣнить направленіе. Между деревнями Устимовской и Королевской онъ былъ настигнутъ высланнымъ противъ него отрядомъ гусаръ подъ начальствомъ ген. Гейсмара, разбитъ и, раненый, захваченъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Матвѣемъ и другими офицерами.

ніе, Николай Павловичъ извѣщалъ о его ходѣ цесаревича Константина Павловича письмомъ, которое имъ писалось одновременно съ допросомъ. Уже 15 декабря въ газетахъ появилось сообщеніе о событіяхъ предшествовавшаго дня. 17 декабря былъ учрежденъ особый комитетъ для слѣдствія о тайныхъ обществахъ (получившій вскорѣ названіе Слѣдственной Комиссіи) подъ предсѣдательствомъ военнаго министра Татищева. Членами комитета были назначены: вел. кн. Михаилъ Павловичъ, князь А. Н. Голицынъ и генералъ-адъютанты Голенищевъ-Кутузовъ, Бенкендорфъ и Левашовъ (позднѣе въ него вошли начальникъ Главнаго Штаба Дибичъ, ген.-ад. Чернышевъ и дежурный генералъ А. Н. Потаповъ); правителемъ дѣлъ комитета—состоящій при военномъ министрѣ А. Д. Боровковъ, его помощникомъ—флигель-адъютантъ государя Адлербергъ [1]). Слѣдственная Комиссія вела свои занятія непрерывно до конца мая 1826 г. Уже къ январю стали привозить въ Петербургъ взятыхъ на югѣ участниковъ тайныхъ обществъ, въ томъ числѣ полковника П. И. Пестеля и кн. С. М. Волконскаго. Первый допросъ снималъ обыкновенно Левашовъ; по полученіи показаній о нихъ немедленно сообщалось государю, который и самъ лично принималъ по временамъ участіе въ допросѣ. Какъ во время первоначальнаго допроса 15 декабря, такъ и во всемъ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла о „декабристахъ“ Николай обнаружилъ, съ одной стороны, очень суровое къ нимъ отношеніе, съ другой—большое умѣніе примѣняться къ личнымъ особенностямъ каждаго изъ нихъ. Съ одними онъ говорилъ очень мягко, стараясь пробудить къ себѣ довѣріе; на другихъ пытался воздѣйствовать угрозами и гнѣвомъ, иногда въ довольно грубой формѣ. Заключенные въ Петропавловской крѣпости содержались очень сурово. Въ цѣляхъ розыска къ нимъ примѣнялись и крайнія мѣры строгости и устрашенія: многіе изъ нихъ приводились на допросъ со связанными руками, нѣкоторые были закованы въ кандалы; прибѣгали даже къ угрозѣ пыткой. Къ отдѣльнымъ заключеннымъ, по личному указанію Николая Па-

[1]) Одновременно съ этимъ особыя военно-судныя комиссіи въ Могилевѣ вели розыскъ надъ участниками мятежа въ Черниговскомъ полку, кромѣ главныхъ зачинщиковъ и въ томъ числѣ Сергѣя Муравьева-Апостола и Михаила Бестужева-Рюмина, которые были доставлены въ Петербургъ.

вловича, примѣнялся разный режимъ и различныя мѣры воздѣйствія. 20 декабря 1825 г., на первомъ пріемѣ дипломатическаго корпуса, государь въ своей рѣчи подробно сообщилъ иностраннымъ дипломатамъ о совершившихся событіяхъ и о своемъ рѣшеніи произвести строгій судъ надъ участниками заговора. Позднѣе онъ особенно часто говорилъ о происходившемъ слѣдствіи съ французскимъ посломъ гр. Лаферроне.

Къ 30 мая 1826 г. Слѣдственная Комиссія закончила слѣдствіе и составила свое „Донесеніе“ о тайныхъ обществахъ. Актъ этотъ отличался большою односторонностью. Въ основу его легла подготовленная по порученію министра иностранныхъ дѣлъ Д. П. Блудовымъ статья о ходѣ слѣдствія, предназначавшаяся для печати, главнымъ образомъ заграничной, и составленная на основаніи матеріаловъ, представленныхъ Блудову правителемъ дѣлъ Слѣдственной Комиссіи Боровковымъ. Этотъ актъ и долженъ былъ лечь въ основу приговора суда. 1 іюня 1826 г. былъ назначенъ Верховный Уголовный Судъ надъ обвиняемыми, составленный изъ членовъ Государственнаго Совѣта, Сената и Синода. Предсѣдателемъ суда былъ назначенъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта кн. П. В. Лопухинъ; на министра юстиціи кн. Лобанова-Ростовскаго возлагались обязанности генералъ-прокурора. Членами отъ Государственнаго Совѣта были назначены: кн. Куракинъ (который долженъ былъ замѣщать предсѣдателя на случай его болѣзни), адм. Мордвиновъ, гр. Морковъ, кн. Лобановъ-Ростовскій 2-й, Ланской 1-й, гр. Толстой, Карцовъ, Сукинъ, Балашовъ, Васильчиковъ, гр. Нессельроде, Шишковъ, гр. Воронцовъ, кн. Салтыковъ, гр. Ливенъ, Болотниковъ и Сперанскій. Отъ Сената: Феншъ, царевичъ Міріанъ, кн. Гагаринъ, Ададуровъ, Обресковъ, Васильчиковъ, Михайловскій, Гладковъ, гр. Хвостовъ, Энгель, Нелидовъ, гр. Орловъ, кн. Шаховской, Хитрово, Грушецкій, Мертенсъ, гр. Кутайсовъ, Барановъ, Дивовъ, Корниловъ, Батюшковъ, Ланской, Безродный, Дубенскій, Мечниковъ, Сумароковъ, кн. Куракинъ, Хвостовъ, Щулеповъ, Болгарскій, Мавринъ, Мансуровъ, Лавровъ, Полетика, Вистицкій и Казадаевъ. Отъ Синода: митрополитъ Серафимъ, митрополитъ Евгеній и архіепископъ Авраамъ. Сверхъ этого были назначены къ участію въ Верховномъ Судѣ гр. Головкинъ, гр. Ланжеронъ, бар. Строгановъ, Воиновъ, Опперманъ, гр. де-Ламбертъ, Сенявинъ, Паскевичъ, Эммануэль,

гр. Комаровскій, Башуцкій, Закревскій, Бистромъ и Кушниковъ. Суду были преданы 121 человѣкъ.

Ознакомившись съ результатами слѣдствія и выслушавъ чтеніе тѣхъ показаній, которыя были даны обвиняемыми въ комиссіи, судъ, съ своей стороны, не вызывалъ снова подсудимыхъ и не подвергалъ ихъ новому допросу [1]), но ограничился лишь тѣмъ, что избралъ изъ своей среды новую комиссію для провѣрки произведеннаго слѣдствія. Въ эту комиссію вошли: гр. Ливенъ, ген.-ад. Балашовъ, кн. Салтыковъ, Барановъ, Болгарскій, Лавровъ, гр. Головкинъ, ген.-адъют. гр. Ламбертъ и Бороздинъ. Эта комиссія, въ свою очередь, ограничилась лишь тѣмъ, что, ознакомившись со всѣми документами, относящимися къ дѣлу, предложила каждому изъ подсудимыхъ удостовѣрить своею подписью его показанія и очныя ставки. Многіе изъ подсудимыхъ не поняли даже, что надъ ними совершается судъ, и предполагали, что они допрашиваются лишь тою же Слѣдственною Комиссіею, но въ другомъ составѣ. Къ 10-му іюня эта комиссія закончила свою работу, и Верховный Судъ избралъ новую комиссію (гр. Толстой, ген.-адъют. Васильчиковъ, Сперанскій, гр. Кутайсовъ, Барановъ, Энгель, Кушниковъ, бар. Строгановъ, ген.-ад. гр. Комаровскій) для распредѣленія виновныхъ по разрядамъ и для назначенія каждому разряду степени наказанія. Всѣ виновные были раздѣлены на 11 разрядовъ. Первый разрядъ (31 чел.) былъ приговоренъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы; остальные—къ различнымъ наказаніямъ, начиная отъ вѣчной каторги до отдачи въ солдаты съ выслугою. Пять главныхъ виновныхъ: Пестель, Рылѣевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ, Мих. Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій были поставлены внѣ разрядовъ и приговорены къ мучительной казни четвертованіемъ. Докладъ о приговорѣ, составленный Сперанскимъ, Казадаевымъ и Бороздинымъ, былъ представленъ 9 іюля государю, который указомъ 10 іюля даровалъ жизнь преступникамъ перваго разряда, смягчилъ всѣмъ разрядамъ степень наказанія (дальнѣйшее смягченіе послѣдовало черезъ мѣсяцъ послѣ этого по случаю коронаціи), а поставленныхъ внѣ разряда предалъ „рѣшенію верховнаго уго-

[1]) Есть извѣстіе, что въ данномъ случаѣ остался при особомъ мнѣніи адм. Шишковъ.

ловнаго суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится". Въ этотъ же день онъ писалъ императрицѣ-матери: „Ужасный день насталъ, милая матушка, и, согласно вашего приказанія, я сообщаю вамъ о происшедшемъ. Сегодня я получилъ докладъ верховнаго суда, составленный кратко, и онъ далъ мнѣ возможность, кромѣ пяти человѣкъ, воспользоваться даннымъ мнѣ правомъ немного убавить степень наказанія. Я отстраняю отъ себя всякій смертный приговоръ, а участь пяти наиболѣе жалкихъ предоставляю рѣшенію суда". Судъ приговорилъ ихъ къ повѣшенію. Есть извѣстіе, что Николай Павловичъ, узнавъ объ этомъ, замѣтилъ, что офицеровъ не вѣшаютъ, но разстрѣливаютъ, но на этомъ позорномъ видѣ казни настоялъ Бенкендорфъ. Въ ночь на 13 іюля на валу кронверка Петропавловской крѣпости приговоръ надъ осужденными былъ приведенъ въ исполненіе [1]).

Вскорѣ послѣ этого дворъ началъ готовиться къ коронаціи и переселился въ Москву [2]). Въ половинѣ августа здѣсь собралось все царское семейство: совершенно неожиданно прибылъ 14 августа цесаревичъ Константинъ Павловичъ, до этого времени упорно отказывавшійся покинуть Варшаву. Пріѣздъ его очень обрадовалъ государя. Цесаревичъ оставался вплоть до коронаціи. Коронація состоялась 22 августа. Въ этотъ день былъ обнародованъ манифестъ о назначеніи вел. кн. Михаила Павловича, на случай смерти императора, правителемъ государства до совершеннолѣтія наслѣдника. 23 августа цесаревичъ Константинъ Павловичъ выѣхалъ въ Варшаву; государь къ 6 октября вернулся въ Петербургъ.

---

[1]) Участь нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ возстаніи 14 декабря, была рѣшена значительно раньше: изъ нихъ былъ сформированъ сводный гвардейскій полкъ въ составѣ двухъ батальоновъ, который и былъ отправленъ уже въ февралѣ мѣсяцѣ на Кавказъ, на персидскую границу, гдѣ вскорѣ начались военныя дѣйствія.

[2]) Еще задолго до окончанія дѣла декабристовъ, 28 февраля прибыло въ Царское Село тѣло императора Александра; 6 марта состоялось перевезеніе въ Петербургъ, а 13 марта погребеніе. 4 мая того же года скончалась въ Бѣлевѣ и императрица Елизавета Алексѣевна, остановившаяся въ этомъ городѣ по пути изъ Таганрога въ Москву. Погребеніе императрицы состоялось въ Петербургѣ 21 іюня.

Новое правительство.

Постараемся теперь дать себѣ отчетъ въ томъ, какое же значеніе могли имѣть событія 14-го декабря для послѣдующаго времени и, прежде всего, для правительственной дѣятельности николаевскаго царствованія?

Первое, что приходится здѣсь отмѣтить, это то, что 14 декабря Николаю, до сихъ поръ стоявшему нѣсколько въ сторонѣ отъ теченія государственной жизни, пришлось выступить защитникомъ опредѣленнаго государственнаго порядка. 14-е декабря было, прежде всего, борьбою противъ опредѣленнаго политическаго строя. Этотъ строй сложился издавна, росъ и крѣпъ въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ, а со второй половины XVIII вѣка сталъ подвергаться колебаніямъ. Въ кратковременное царствованіе императора Павла была сдѣлана попытка реставрировать абсолютную монархію, очистивъ ее и отъ „вольнаго духа“ и отъ самоволья сильныхъ міра сего, и провозгласить абсолютизмъ, какъ единственно мыслимый принципъ русской государственной жизни. Уродливыя проявленія этого принципа въ павловское царствованіе привели лишь къ новымъ, и на этотъ разъ болѣе сильнымъ его колебаніямъ — то въ сторону преобразованій въ духѣ либеральнаго конституціонализма, то въ сторону упроченія абсолютной монархіи. До самаго конца александровскаго царствованія, даже во вторую половину его, носившую опредѣленно реакціонный характеръ, абсолютизмъ оставался, однако, скорѣе лишь извѣстнаго рода фактомъ, къ которому допустимо было различное отношеніе. Теперь въ лицѣ Николая выступалъ вполнѣ опредѣленный защитникъ абсолютной монархіи, и 14 декабря этотъ порядокъ какъ бы получилъ высшую санкцію. Въ свое время императоръ Александръ, узнавъ о зрѣвшихъ замыслахъ тайныхъ обществъ, сказалъ, что не ему

ихъ осуждать, такъ какъ самъ онъ повиненъ въ этихъ увлеченіяхъ. Великій князь Николай никогда въ подобныхъ увлеченіяхъ повиненъ не былъ; конституціонализмъ и либерализмъ всегда были чужды его мышленію. 14 декабря 1825 г. онъ побѣдилъ своихъ политическихъ противниковъ, и консервативная программа, получившая свою принципіальную формулировку еще въ 1811 г. въ „Запискѣ о древней и новой Россіи" Карамзина, становится теперь окончательно единственно пріемлемымъ для правительства принципомъ. Отнынѣ всѣ преобразованія, поскольку они будутъ носить на себѣ окраску конституціонализма, заранѣе будутъ провозглашаемы, какъ непріемлемыя, какъ бы ни была очевидна ихъ практическая необходимость.

Ниже намъ придется еще остановиться на конкретномъ содержаніи правительственной программы николаевскаго царствованія; теперь же необходимо отмѣтить другую сторону въ событіяхъ 14 декабря. Присматриваясь къ тому, какъ лица, наиболѣе заинтересованныя въ вопросѣ о престолонаслѣдіи, относятся къ этому событію, какъ говорятъ они о самомъ престолонаслѣдіи, мы замѣчаемъ одну любопытную черту. Вопросъ о престолонаслѣдіи для нихъ прежде всего вопросъ династическій. Идея *закона* о престолонаслѣдіи мыслилась въ концѣ XVIII в. какъ одно изъ условій обезпеченія закономѣрности въ абсолютной монархіи. Теперь, черезъ четверть вѣка, первый казусъ, возникшій на почвѣ практическаго осуществленія этой идеи, превращаетъ законъ о престолонаслѣдіи изъ государственнаго акта въ *семейное распоряженіе*. Не обнародованный манифестъ Александра отъ 16 августа 1823 г. отступаетъ на задній планъ передъ тѣми частными письмами, какими передъ этимъ обмѣнялись братья Константинъ и Александръ: послѣ этихъ писемъ этотъ манифестъ—простая формальность. Мятежъ 14 декабря, съ такой точки зрѣнія, прежде всего посягательство на права династіи. Приглядываясь къ тому, какъ велось слѣдствіе по дѣлу о декабристахъ, нетрудно замѣтить, какъ этотъ послѣдній пунктъ постоянно выдвигается на первый планъ и какъ, въ зависимости отъ этого, отдѣльные участники мятежа понесли болѣе суровое, сравнительно съ другими, наказаніе. Послѣ 14 декабря опредѣленный государственный порядокъ сталъ разсматриваться, прежде всего, какъ одинъ изъ устоевъ династіи, а охраненіе этого порядка, какъ ея традиція.

Какое впечатлѣніе могъ вынести императоръ Николай изъ хода событій 14 декабря и изъ той картины, какая передъ нимъ въ этихъ событіяхъ раскрылась? Извѣстно, что онъ невѣрно представлялъ себѣ характеръ отношеній декабристовъ къ западно-европейскимъ тайнымъ обществамъ. Эти отношенія не выходили, повидимому, за предѣлы чисто-идейныхъ вліяній. Императоръ Николай въ заговорѣ декабристовъ усмотрѣлъ отвѣтвленіе одного общеевропейскаго заговора, охватившаго всѣ страны—точка зрѣнія Александра на исторію въ 1820 г. въ Семеновскомъ полку—и въ немъ проснулся сторонникъ Священнаго Союза, въ свое время обѣщавшій императору Александру охранять начала этого союза. Отсюда прямой переходъ къ опредѣленнымъ легитимистическимъ принципамъ внѣшней политики императора Николая; отсюда та роль защитника Священнаго Союза, которая такъ послѣдовательно и неуклонно проводится имъ въ его политикѣ, отсюда то, какъ—хочется сказать „тѣ выходки, какими“...—Николай I реагируетъ на каждое извѣстіе о новой вспышкѣ революціоннаго движенія въ другихъ странахъ.

Съ другой стороны, императоръ Николай преувеличенно представлялъ себѣ серьезность заговора и того мятежа, въ который этотъ заговоръ вылился, а отсюда преувеличивалъ и значеніе своей побѣды надъ этимъ мятежомъ. Его побѣда 14 декабря была, въ сущности, легкая побѣда. Противъ нѣсколькихъ батальоновъ двухъ-трехъ гвардейскихъ полковъ былъ двинутъ весь столичный гарнизонъ. Участники мятежа были какъ бы задавлены лавиною войскъ, обрушившеюся на Сенатскую площадь. Но императоръ Николай вынесъ изъ этой побѣды надъ революціонною вспышкою преувеличенное представленіе о своемъ могуществѣ, и эта переоцѣнка, при той позиціи, какую, какъ сейчасъ было указано, онъ занялъ въ международныхъ вопросахъ, отразилась опять-таки прежде всего на его внѣшней политикѣ. Дѣло въ томъ, что сложившееся подъ впечатлѣніемъ событій 14 декабря у императора Николая преувеличенное представленіе о своей мощи могло поддерживаться въ немъ и еще однимъ обстоятельствомъ. Николаевское царствованіе, какъ мы еще увидимъ ниже, вовсе не представляетъ изъ себя на всемъ своемъ протяженіи такой однообразной печальной картины разложенія, какимъ его обыкновенно рисуютъ. Картина внутренняго упадка и распада, чѣмъ обыкновенно характеризуется

николаевское царствованіе, относится, главнымъ образомъ, ко второй половинѣ этого царствованія. Упадокъ и распадъ начались съ сороковыхъ годовъ. Въ первое десятилѣтіе своего царствованія императору Николаю безусловно удалось сдѣлать немало въ смыслѣ упорядоченія и укрѣпленія силъ государства сравнительно съ тѣмъ разваломъ, какой раскрывается передъ нами въ послѣдніе годы александровскаго царствованія. Укрѣпившись внутренне, онъ усвоилъ себѣ мысль о томъ, что онъ *можетъ* обрушиться на европейскую революцію и задавить европейское движеніе, какъ 14 декабря ему удалось обрушиться и задавить мятежниковъ на Сенатской площади. Взглядъ на себя, какъ на защитника принциповъ 1815 г., которому должны повиноваться не только народы, но и цари, при такихъ условіяхъ сталъ приводить императора Николая во вторую половину его царствованія къ черезчуръ смѣлымъ и рѣшительнымъ шагамъ, шагамъ, быть можетъ, въ сторону весьма насущныхъ для Россіи достиженій, но не имѣвшихъ за собою къ данному моменту достаточно реальной опоры.

Почувствовавшій себя защитникомъ опредѣленнаго политическаго порядка, какъ оплота династіи, и переоцѣнивавшій значеніе своей побѣды надъ противникомъ, императоръ Николай вынесъ, кромѣ того, изъ событій 14 декабря чувство глубокаго недовѣрія къ русскому обществу и окружающей его средѣ. Мятежъ 14 декабря рисовался ему, какъ стоящій въ прямой связи съ тѣмъ глухимъ недовольствомъ, которое широкою волною распространилось въ данное время въ русскомъ обществѣ, переходя далеко круги тайныхъ обществъ. Съ другой стороны, участниками мятежа въ преобладающемъ большинствѣ явилось гвардейское офицерство, выступавшее обыкновенно традиціоннымъ выразителемъ настроенія дворянской среды. Все русское интеллигентное общество, все русское дворянство было повинно, въ его глазахъ, за событія, разыгравшіяся на Сенатской площади (и въ данномъ случаѣ онъ былъ недалекъ отъ истины), а послѣ 14 декабря, сурово покаравъ своихъ политическихъ противниковъ, онъ читалъ въ глазахъ этого общества молчаливый упрекъ по своему адресу. И было повинно не только молодое поколѣніе русскаго общества, не только тѣ поручики и подпоручики, именами которыхъ пестритъ списокъ „декабристовъ“: еще неизвѣстно, во что отлились бы въ болѣе зрѣ-

ломъ возрастѣ эти молодыя силы. Недовѣріе Николая должно было распространяться и на такіе общественные слои, на тѣ отдѣльныя личности, которыя, такъ сказать, уже органически срослись съ государственнымъ механизмомъ. Среди самихъ декабристовъ были не одни поручики и подпоручики. Было и шестнадцать полковниковъ и два генералъ-маіора. Глава Южнаго Общества, наиболѣе крупная фигура среди всѣхъ заговорщиковъ, полковникъ Пестель былъ командиромъ полка (Вятскаго). Былъ осужденъ и прямой начальникъ Пестеля, бригадный генералъ, свиты Е. В. ген.-маіоръ кн. С. Волконскій. Среди декабристовъ пять человѣкъ было въ генеральскихъ чинахъ, и изъ нихъ трое были осуждены по первому разряду. Своимъ духовнымъ отцомъ сами декабристы считали Сперанскаго, секретаремъ котораго (по сибирскому комитету) былъ незадолго до этого декабристъ Батенковъ, авторъ одного изъ многочисленныхъ проектовъ конституціи, составляемыхъ членами тайныхъ обществъ. Сами эти проекты, по формѣ, были прямымъ продолженіемъ тѣхъ проектовъ, которые въ такомъ количествѣ въ александровское царствованіе выходили изъ-подъ пера государственныхъ сановниковъ. Къ кружкамъ декабристовъ былъ близокъ и предсѣдатель департамента экономіи Государственнаго Совѣта адм. Мордвиновъ. Въ Польшѣ при Константинѣ Павловичѣ состоялъ Н. Н. Новосильцевъ, дѣятель первыхъ лѣтъ александровскаго царствованія, душа Негласнаго Комитета, авторъ уставной грамоты 1818 г. Рѣшительно разорвавъ съ конституціонною традиціею и положивъ предѣлъ конституціоннымъ колебаніямъ въ правительствѣ, императоръ Николай не могъ опереться на общество и долженъ былъ проводить свою программу исключительно съ помощью бюрократическихъ силъ, чиновничества. За немногими исключеніями онъ искалъ не столько сотрудниковъ, сколько беззавѣтныхъ исполнителей своей воли среди лицъ, по своему происхожденію и положенію чуждыхъ тѣхъ политическихъ традицій конца XVIII и начала XIX вв., которыя изъ среды высшаго русскаго общества проникали въ русское сановничество.

Общество отвѣчало правительству тѣмъ же недовѣріемъ. 14 декабря изъ цѣлаго ряда семей выхватило близкихъ и дорогихъ. Судъ былъ проведенъ формально. Наказаніе поразило своею суровостью, а назначеніе коронаціи почти непосред-

ственно послѣ совершенія казни усугубило непріязненное отношеніе общества къ правительству и сферамъ. Не до ликованія было въ Москвѣ въ августѣ 1826 г. Николай не былъ любимъ, будучи еще великимъ княземъ. Катастрофа 14 декабря окончательно отпугнула отъ него русское общество. Съ другой стороны, какъ консервативная программа стала съ этого времени правительственною традиціею, такъ и въ русскомъ обществѣ стали развиваться съ этого времени опредѣленныя политическія традиціи, связывавшіяся точно также съ декабрьскими событіями 1825 г. Эти традиціи, основываясь на живыхъ симпатіяхъ и личныхъ отношеніяхъ, связывали оставшихся съ тѣми, кто ушелъ за Уралъ, въ Сибирь, въ каторжные рудники. Въ то же время ушедшее въ самого себя русское общество въ николаевское царствованіе ближе соприкоснулось съ государственнымъ охранительнымъ началомъ и правительственнымъ бюрократизмомъ. Въ александровское царствованіе это была отдаленная бюрократическая машина въ центрѣ; на мѣстахъ жили екатерининскими учрежденіями, въ которыхъ, какъ ни какъ, живъ былъ еще духъ сословныхъ организацій и коллегіальности. Въ николаевское царствованіе мѣстное управленіе бюрократизируется и приводится въ согласованіе съ центральнымъ управленіемъ. На ряду съ органами областного управленія, въ лицѣ чиновъ жандармскаго вѣдомства, появляются на мѣстахъ агенты правительственнаго досмотра. Правительство отстранило отъ себя общество, проникаясь къ нему недовѣріемъ, и общество пошло своимъ путемъ. Какъ для Николая консервативная программа приняла династическій характеръ, такъ и общество пріучилось отожествлять данный порядокъ съ идеей государственности вообще и воспитало въ себѣ огульно отрицательное отношеніе къ государственному началу. Отстраненное отъ практической дѣятельности, общество теряло въ своихъ программахъ реальную почву. Но также теряло реальную почву и правительство, замыкаясь и затериваясь въ бюрократическомъ бумагопроизводствѣ. И правительство, и общество въ николаевское царствованіе утрачивали чувство жизни. Въ этомъ отношеніи система секретныхъ комитетовъ приводила правительство къ тому же, къ чему приводили общество кружковыя бесѣды притаясь. 14 декабря разобщило правительство и общество, и это разобщеніе не принесло пользы ни правительству, ни обществу.

Николаевское царствованіе принято дѣлить на періоды—до 1830 г., съ 1830 г. по 1848 г. и съ 1848 г. по конецъ царствованія. Первый изъ этихъ періодовъ характеризуется обыкновенно, какъ „якобы преобразовательный и, по крайней мѣрѣ по внѣшности, не противный прогрессу“. Второй, какъ такой, когда послѣ „quasi реформаторскаго періода своего царствованія“ подъ вліяніемъ европейскихъ событій 1830 года императоръ Николай „какъ бы нашелъ самого себя. Взявъ отнынѣ новый, строго-консервативный курсъ, онъ не допускалъ уже отъ него никакихъ уклоненій“. И, наконецъ, послѣдній, какъ ознаменовавшійся послѣ французской февральской революціи „той системою реакціи, которая обусловлена была этими событіями“. Такую характеристику трехъ указанныхъ періодовъ николаевскаго царствованія даетъ въ послѣднее время профессоръ А. Корниловъ [1]). Какъ мы сейчасъ видѣли, самыя условія вступленія на престолъ императора Николая безповоротно предопредѣлили характеръ правительственной программы новаго государя. Николаю не приходилось искать себя около 1830 г.: онъ нашелъ—а еще правильнѣе сказать: „формулировалъ“—себя въ декабрѣ 1825 г. Исторію николаевскаго царствованія въ этомъ отношеніи правильнѣе не дробить на періоды, но брать всю за однѣ скобки: это—единое послѣдовательное осуществленіе консервативной программы, послѣдняя въ русской исторіи попытка практическаго обоснованія и проведенія въ жизнь безъ какихъ-либо уступокъ начала абсолютизма. Какихъ-либо принципіальныхъ колебаній въ правительственной системѣ Николая I за все его царствованіе нѣтъ. Изъ той характеристики, какую даетъ отдѣльнымъ періодамъ николаевскаго царствованія самъ проф. Корниловъ, видно, какъ блѣдны оттѣнки этой характеристики. До 1825 г. это „quasi-реформаторскій періодъ“. Послѣ 1848 г. это та же „система реакціи“, отъ которой, въ сущности, императоръ не допускалъ уклоненій и раньше. Указанная періодизація имѣетъ за собою нѣкоторое основаніе, если мы будемъ принимать во вниманіе не курсъ николаевской программы, но тѣ способы и пріемы, къ какимъ въ отдѣльные моменты прибѣгало правительство для ея осуществленія. Время

---

[1]) А. Корниловъ. Курсъ исторіи Россіи XIX в. (М 1912), ч. II, стр. 24, 38 и 101.

до начала тридцатыхъ годовъ придется тогда, дѣйствительно, выдѣлить, но не столько какъ время, характеризующееся какими-либо колебаніями въ духѣ либеральныхъ начинаній, сколько какъ періодъ, когда на правительственной дѣятельности лежитъ отпечатокъ нѣкоторой спѣшности, и когда принимаются исключительныя репрессивныя мѣры, какъ отвѣтъ на революціонное движеніе 1825 года. Учрежденіе III Отдѣленія, цензурный уставъ 1826 г. и рескриптъ 19 августа 1827 г. на имя министра народнаго просвѣщенія гораздо болѣе характерны для этого періода, чѣмъ Комитетъ 6 декабря 1826 г. Такими рисовались эти годы и современникамъ, какъ напр., Никитенко. Съ другой стороны, послѣдніе годы николаевскаго царствованія, послѣ 1848 г., рисуются скорѣе, какъ годы правительственной растерянности, когда—и дѣйствительно прежде всего подъ вліяніемъ февральской революціи — началась реакціонная горячка, вовсе не бывшая показателемъ силы правительства и иногда, даже въ глазахъ людей весьма праваго образа мыслей, какъ напр., Корфъ, свидѣтельствующая скорѣе о нарушеніи, чѣмъ о завершеніи правильной правительственной системы, какая до этого послѣдовательно проводилась.

Съ другой стороны, если мы будемъ разсматривать николаевское царствованіе съ точки зрѣнія достигнутыхъ результатовъ, то правильнѣе окажется раздѣлить его на два періода, гранью между которыми лежитъ начало сороковыхъ годовъ. Къ серединѣ тридцатыхъ годовъ императору Николаю безусловно удалось достигнуть немалыхъ результатовъ въ своей внутренней и внѣшней политикѣ: Сводъ Законовъ 1833 г., устройство государственныхъ крестьянъ къ 1837 г., финансовая реформа 1839 г.; съ другой стороны, Адріанопольскій миръ 1829 г. и Унхіаръ-Скелессійскій договоръ 1833 г.—все это несомнѣнные крупные успѣхи николаевскаго царствованія. Напротивъ, съ начала сороковыхъ годовъ картина измѣняется. Рѣдѣетъ количественно и падаетъ качественно составъ сотрудниковъ государя; послѣ 1842 г. Киселевъ считаетъ крестьянскій вопросъ проиграннымъ; финансовыя мѣры принимаютъ болѣе рискованный характеръ. Лондонскія конвенціи 1840 и 1841 гг.—начало упадка международнаго престижа Россіи. Съ этого же времени императоръ Николай начинаетъ чувствовать, что борьба съ нарастающимъ новымъ движеніемъ въ Европѣ скоро ему станетъ не подъ силу.

Съ начала сороковыхъ годовъ, главнымъ образомъ, послѣ перехода европейскихъ армій на болѣе скорострѣльное вооруженіе и главныхъ міровыхъ флотовъ на паровые двигатели, Россія начинаетъ быстро отставать отъ своихъ сосѣдей въ военномъ и морскомъ отношеніяхъ. Изучая отдѣльныя стороны николаевскаго царствованія, мы постоянно испытываемъ ощущеніе какого-то перелома, который начинается съ конца тридцатыхъ годовъ, который совпадаетъ съ переломомъ и въ личной жизни и въ личномъ настроеніи государя, а съ другой стороны—и съ началомъ перелома въ настроеніи русскаго общества.

Первые годы николаевскаго царствованія ознаменовались цѣлымъ рядомъ весьма показательныхъ перемѣнъ въ правительственныхъ сферахъ. Эти перемѣны, съ одной стороны, были какъ бы завершеніемъ тѣхъ перемѣнъ, какія произошли въ 1823 г., когда, послѣ отставки кн. А. Н. Голицына и назначенія на постъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова, министра финансовъ Канкрина и начальника Главнаго Штаба бар. И. И. Дибича, окончательно опредѣлился охранительный характеръ александровской политики. Съ другой стороны, правительство какъ бы подчеркивало теперь свою рѣшимость разорвать со всѣмъ тѣмъ, что напоминало временщичество и туманный ханжеской мистицизмъ предшествующей эпохи. Отмѣчая всѣ эти перемѣны, удобно будетъ попутно съ этимъ вообще охарактеризовать кругъ тѣхъ лицъ, которыя начинаютъ выступать теперь, какъ сотрудники новаго государя.

На первомъ мѣстѣ здѣсь надо поставить полное удаленіе отъ дѣлъ всесильнаго графа Аракчеева. Высочайшимъ рескриптомъ отъ 20 декабря 1825 г. онъ былъ уволенъ отъ занятій дѣлами Собственной Е. И. В. Канцеляріи и отъ завѣдыванія канцеляріею Комитета Министровъ, а въ апрѣлѣ 1826 г., по собственному прошенію, и отъ управленія военными поселеніями. Потерялъ теперь всякое значеніе и извѣстный Фотій. Въ 1826 г. послѣдовало паденіе вдохновителей реакціи въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, попечителей петербургскаго и казанскаго учебныхъ округовъ Рунича и Магницкаго, при чемъ надъ первымъ былъ назначенъ судъ, а второй высланъ въ Ревель. Недолго сохранялъ свой постъ и самъ министръ народнаго просвѣщенія адм. А. С. Шишковъ. Въ маѣ 1828 г. онъ былъ замѣненъ гр. К. А. Ливеномъ. Это назначеніе имѣло скорѣе

временный характеръ. Зарекомендовавшій себя передъ этимъ какъ гуманный и просвѣщенный попечитель дерптскаго округа, Ливенъ не проявилъ себя ничѣмъ какъ министръ. Въ 1833 г. онъ былъ замѣненъ гр. С. С. Уваровымъ, однимъ изъ самыхъ типичныхъ идеологовъ николаевскаго режима.

Весьма существенныя перемѣны происходили одновременно съ этимъ и въ военномъ вѣдомствѣ. Уже въ концѣ александровскаго царствованія въ военномъ дѣлѣ сталкивались какъ бы двѣ школы. Одна олицетворяла собою традиціи широкаго боевого опыта и спеціальной научной подготовки. Выразителемъ такого направленія являлся въ то время начальникъ кавказскаго корпуса А. П. Ермоловъ; подобные взгляды раздѣляли въ значительной степени и начальникъ Главнаго Штаба кн. П. М. Волконскій, и военный министръ Татищевъ. Вторая школа обнаруживала увлеченіе давно уже отжившей свой вѣкъ и теперь реставрируемой линейною фридриховскою тактикою, выдвигала на первый планъ внѣшнюю выправку, а къ боевому дѣлу относилась даже съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, какъ къ порождающему въ войскахъ сознаніе своей силы, что можетъ представить опасность въ политическомъ отношеніи. Это направленіе возобладало уже въ послѣдніе годы александровскаго царствованія, когда въ 1823 г. Волконскій получилъ отставку, и начальникомъ Главнаго Штаба былъ назначенъ бар. П. Х. Дибичъ. Дибичъ былъ ставленникомъ Аракчеева. Послѣ доноса Шервуда онъ собралъ всѣ свѣдѣнія о заговорѣ и тогда же послалъ объ этомъ рапортъ Николаю Павловичу. Послѣ 14 декабря Дибичъ принялъ энергичныя мѣры къ арестованію важнѣйшихъ изъ заговорщиковъ, а Николай Павловичъ отвѣчалъ Дибичу на его рапортъ весьма милостиво и послѣ своего вступленія на престолъ не забылъ о немъ. Впавшій въ немилость при Александрѣ кн. Волконскій снова былъ удостоенъ знаками вниманія, но получилъ теперь только почетное назначеніе—на вновь учрежденный въ 1826 г. постъ министра Императорскаго Двора. Начальникомъ Главнаго Штаба оставался Дибичъ, который и сохранялъ за собою этотъ постъ до своего отъѣзда въ 1828 г. на театръ военныхъ дѣйствій. Около этого же времени вышелъ въ отставку, правда, весьма отмѣченный знаками высочайшаго вниманія, военный министръ гр. Татищевъ, и управляющимъ военнымъ министерствомъ былъ назначенъ генералъ-

адъютантъ гр. (съ 1841 г.—свѣтлѣйшій князь) А. И. Чернышевъ, находившій поддержку у Дибича, вообще быстро начавшій возвышаться послѣ вступленія императора Николая на престолъ и неизмѣнно пользовавшійся его благосклонностью до конца царствованія. Чернышевъ былъ въ милости еще у императора Александра съ 1809 г., когда онъ былъ посланъ къ Наполеону и проявилъ большія дипломатическія способности. Онъ былъ постоянно при покойномъ государѣ во время его поѣздокъ на европейскіе конгрессы. Благосклонность Николая онъ снискалъ, главнымъ образомъ, послѣ того, какъ былъ назначенъ въ слѣдственную комиссію по дѣлу декабристовъ; здѣсь Чернышевъ проявилъ себя, какъ самый придирчивый, безжалостный и коварный судья. Послѣ отъѣзда Дибича на театръ военныхъ дѣйствій, Чернышевъ былъ назначенъ управляющимъ Главнымъ Штабомъ съ оставленіемъ въ должности военнаго министра. Этимъ назначеніемъ какъ бы завершились тѣ перемѣны въ сферѣ высшаго военнаго управленія, которыя начались въ 1823 г. и знаменовали собою побѣду аракчеевскихъ традицій. Чернышевъ оставался военнымъ министромъ почти до конца царствованія Николая I (до 26 авг. 1856; послѣ него—кн. П. А. Долгорукій) и все время неуклонно держался той системы военнаго управленія, какая окончательно установилась съ конца двадцатыхъ годовъ. Къ начальствовавшему надъ войсками на Кавказѣ Ермолову Николай всегда, еще до вступленія на престолъ, питалъ недовѣріе и прямо непріязненное чувство, что выразилось наконецъ, въ 1826 г. въ замѣнѣ Ермолова Паскевичемъ, къ которому государь былъ расположенъ еще со времени ихъ перваго знакомства въ Парижѣ, и который принималъ видное участіе въ антиреволюціонныхъ репрессіяхъ въ войскахъ въ послѣдніе годы александровскаго царствованія. Съ самаго начала николаевскаго царствованія получилъ большое значеніе кн. А. С. Меншиковъ, назначенный въ 1828 г. на вновь учрежденную должность начальника Морского Штаба и фактически ставшій во главѣ всего морского вѣдомства.

Одновременно съ этимъ произошли перемѣны въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ высшіе посты точно также были поручены двумъ генералъ-адъютантамъ, пользовавшимся большимъ довѣріемъ новаго государя: въ 1828 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ на мѣсто безличнаго В. С. Ланскаго—по сло-

вамъ Вигеля, онъ „казался быть болѣе призрак[illegible] министра, чѣмъ настоящимъ министромъ“—былъ назначенъ весьма энергичный финляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ гр. А. А. Закревскій. Государственная полиція съ 1826 г. была поручена ген.-ад. гр. А. Х. Бенкендорфу. Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, послѣ Милорадовича, былъ назначенъ генералъ-адъютантъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ.

Управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. К. В. Нессельроде сохранилъ свое положеніе въ теченіе всего царствованія Николая I. Вначалѣ государь предполагалъ ввѣрить управленіе иностранными дѣлами бар. Г. А. Строгонову (двоюродный братъ извѣстнаго александровскаго дѣятеля гр. П. С. Строгонова, члена Негласнаго Комитета), но успѣхи нашей внѣшней политики въ первые годы царствованія въ восточномъ вопросѣ упрочили положеніе Нессельроде. „Не мѣнять ничего въ установившейся политикѣ Нессельроде“ было однимъ изъ завѣтовъ и цесаревича Константина Павловича своему брату въ его послѣднемъ отказѣ отъ престола. Съ именемъ Нессельроде связывалось то направленіе, какое приняла русская политика во вторую половину александровскаго царствованія. Опредѣленный сторонникъ идей такъ называемаго легитимизма, Нессельроде являлся, однако, не столько оригинальнымъ истолкователемъ этихъ идей, сколько ихъ добросовѣстнымъ выполнителемъ. Онъ не столько наложилъ опредѣленный отпечатокъ на внѣшнюю политику николаевскаго царствованія, сколько самъ, въ области этой политики, отражалъ тѣ руководящія начала, какія были положены въ основу всей правительственной программы.

Назначенный въ 1823 г. министромъ финансовъ Е. Ф. Канкринъ, выдвинувшійся еще съ 1812 г. въ должности генералъ-интенданта и стяжавшій къ этому времени европейскую извѣстность познаніями въ области политической экономіи и военнаго хозяйства, былъ оставленъ на своемъ посту и долгое время пользовался большимъ довѣріемъ и уваженіемъ со стороны новаго государя. Типичный консерваторъ въ области финансовой науки и практики, Канкринъ стоитъ нѣсколько особнякомъ среди другихъ сотрудниковъ императора Николая, совершенно чуждый той самоувѣренности, которая такъ характерна для всего николаевскаго режима. Дѣятельность Канкрина въ извѣстной степени улучшила положеніе русскихъ финансовъ въ первую половину

николаевскаго царствованія. Позднѣе, однако, Николай началъ тяготиться большою несговорчивостью Канкрина, особенно когда дѣло шло о крупныхъ экстренныхъ расходахъ на военныя предпріятія. Къ сороковымъ годамъ значеніе Канкрина начинаетъ падать, и въ 1844 г. онъ выходитъ въ отставку. Финансовая политика николаевскаго царствованія дѣлается съ этого времени менѣе осторожной, что, въ связи съ послѣдовавшими за этимъ европейскими событіями, имѣло немалыя общегосударственныя послѣдствія.

Сотрудниками новаго государя вообще выступаютъ люди болѣе практической складки; изъ дѣятелей предшествовавшаго царствованія сохраняютъ свое значеніе либо тѣ, кто разстался къ этому времени со своими политическими мечтаніями, либо тѣ, въ чьихъ государственныхъ взглядахъ эти мечтанія всегда занимали второстепенное мѣсто. Теряютъ свое значеніе тѣ, кто помнилъ еще „дней александровыхъ прекрасное начало“, и въ особенности тѣ, кто былъ на подозрѣніи въ глазахъ государя за свои отношенія къ его „les amis du quatorze“, какъ называлъ иногда Николай декабристовъ. Александровскій сановникъ, въ которомъ не умеръ еще екатерининскій вельможа и жилъ духъ „вольности дворянской“, уступаетъ мѣсто николаевскому чиновнику, остающемуся чиновникомъ и на высшихъ ступеняхъ своей служебной карьеры. Недовѣрчивое вначалѣ отношеніе императора Николая къ Сперанскому вскорѣ уступило мѣсто полному благорасположенію. По подозрѣнію въ сношеніяхъ съ декабристами, о Сперанскомъ, какъ и объ адмиралѣ Мордвиновѣ было произведено секретное слѣдствіе; оно установило полную несостоятельность этихъ подозрѣній. Давно уже во взглядахъ Сперанскаго произошли къ этому времени большія перемѣны: послѣ крушенія его конституціонныхъ плановъ онъ съ 1810 г. сосредоточивается на мысли утвердить законность при сохраненіи самодержавія. „Были и другія черты,—говоритъ біографъ Сперанскаго проф. С. М. Середонинъ,—сблизившія его (т. е. Николая) со Сперанскимъ: вѣра въ форму, вѣра въ силу предписанія, приказы, стремленія къ наибольшей централизаціи“. Сохранилъ свое значеніе, а вначалѣ игралъ даже довольно видную роль и бывшій сотрудникъ Александра I по Негласному Комитету, гр. В. П. Кочубей, въ 1827 г. назначенный предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ.

Наиболѣе сдержанный даже въ тѣ годы, Кочубей въ Негласномъ Комитетѣ гораздо больше интересовался и работалъ не столько надъ вопросами политическими, сколько надъ вопросами администраціи и государственнаго хозяйства. Теперь онъ окончательно ушелъ въ нихъ и въ этой области былъ очень цѣнимъ, какъ опытный совѣтникъ. Напротивъ, другой участникъ Негласнаго Комитета, Н. Н. Новосильцевъ, не пользовался никакимъ значеніемъ въ николаевское царствованіе и былъ прямо антипатиченъ лично Николаю. Утратилъ теперь всякое значеніе и послѣдній представитель правительственнаго либерализма александровской эпохи, адмиралъ Мордвиновъ. Особнякомъ стоитъ графъ П. Д. Киселевъ, главный сотрудникъ Николая I по крестьянскому вопросу, долгое время пользовавшійся большимъ съ его стороны довѣріемъ, человѣкъ широкихъ государственныхъ взглядовъ.

Сотрудники императора Николая далеко не всегда были его лично приближенными. Говорить о какихъ-либо сторонніхъ вліяніяхъ въ николаевское царствованіе врядъ ли приходится; роль этихъ вліяній въ общемъ направленіи правительственной дѣятельности, во всякомъ случаѣ, невелика. Зато въ это время мы сталкиваемся нерѣдко съ другимъ явленіемъ—личнымъ воздѣйствіемъ государя на политику, шедшимъ иногда вразрѣзъ съ тѣмъ курсомъ, котораго держались его офиціальные сотрудники. Экстренныя дипломатическія миссіи, спеціальныя посылки и порученія, отдѣльныя выступленія, съ вѣдома государя, въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ Министровъ—излюбленные пріемы Николая I. И тутъ выступаютъ на сцену его приближенные. Николаю нельзя отказать въ умѣніи подбирать, въ предѣлахъ заявленной имъ программы, талантливыхъ сотрудниковъ. Сперанскій, Канкринъ, Киселевъ и даже Уваровъ—все это государственные дѣятели недюжиннаго порядка. Знакомясь съ его приближенными, мы попадаемъ въ другую среду. Въ большинствѣ случаевъ это—люди, всѣмъ своимъ воспитаніемъ и жизнью сросшіеся съ придворною сферою, съ частною жизнью царской семьи. Другіе изъ нихъ чужды русской жизни по своему происхожденію и съ чувствомъ культурнаго превосходства относятся съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ презрѣнія къ тому народу, участь котораго теперь въ ихъ рукахъ. Третьи, наконецъ, безпрекословные и усердные исполнители воли своего господина.

Изъ самихъ сотрудниковъ Николая I дольше другихъ сохранили свое значеніе люди такого типа какъ Чернышевъ, Меншиковъ, Паскевичъ, во вторую половину его царствованія совершенно заслонившіе собою тѣхъ, въ сотрудничествѣ съ кѣмъ Николай начиналъ свое правленіе. И еще одно любопытное явленіе раскрывается передъ глазами наблюдателя, когда онъ знакомится съ послужными списками этихъ людей. Съ паденіемъ Аракчеева не пали аракчеевскія традиціи: передъ нами то и дѣло мелькаютъ лица, въ свое время выдвинутыя Аракчеевымъ, пользовавшіяся его довѣріемъ. Таковы Дибичъ и Клейнмихель.

Наиболѣе близкимъ къ государю лицомъ, пользовавшимся его исключительнымъ довѣріемъ въ теченіе всего царствованія, оставался другъ его дѣтства, ген.-ад. гр. В. Ѳ. Адлербергъ, послѣ смерти Волконскаго, занявшій постъ министра императорскаго двора. Быстро начали возвышаться послѣ 14 декабря два лица: ген.-ад. гр. А. Х. Бенкендорфъ, только что упомянутый начальникъ 1-й кирасирской дивизіи, и командиръ лейбъ-гвардіи коннаго полка, А. Ѳ. Орловъ, возведенный къ Рождеству 1825 въ графское достоинство. Еще въ 1821 г. гр. Бенкендорфъ представилъ покойному государю записку съ обстоятельными свѣдѣніями о „Союзѣ Благоденствія“, объ его организаціи, цѣляхъ и составѣ и тогда же рекомендовалъ строгія мѣры, которыя могли бы еще, по его мнѣнію, пресѣчь движеніе, пока оно не приняло еще широкаго распространенія. Записка Бенкендорфа была оставлена въ то время безъ вниманія. Событія 14 декабря какъ бы оправдали его предсказаніе, и съ этого времени начинается его быстрое возвышеніе и близость къ новому государю. До 1837 г. Бенкендорфъ почти неотлучно находился при особѣ государя, сопровождалъ его въ походѣ 1828 г., въ его многочисленныхъ путешествіяхъ и былъ повѣреннымъ многихъ его предположеній. Остзеецъ по происхожденію, Бенкендорфъ по своимъ отношеніямъ былъ чуждъ тѣхъ традицій, какими жило въ двадцатыхъ годахъ русское общество. Строгій начальникъ III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, усмиритель крестьянскихъ волненій въ Лифляндіи въ 1841 г., Бенкендорфъ лично, по отзывамъ многихъ, не былъ жестокимъ человѣкомъ. И однако, съ его именемъ молва связала тотъ позорный видъ казни, какому были подвергнуты жертвы 14-го декабря. Съ 1837 г. Бенкендорфа начинаетъ постепенно

заслонять другой приближенный императора Николая, гр. А. Ѳ. Орловъ, братъ декабриста М. Орлова. Орловъ совершенно не раздѣлялъ взглядовъ своего брата. Въ свое время онъ принялъ въ своей части строгія мѣры противъ начавшихъ возникать среди офицеровъ литературныхъ обществъ и проявилъ большую твердость въ 1820 г., когда въ гвардейскихъ частяхъ стало неспокойно вслѣдствіе извѣстной исторіи въ Семеновскомъ полку. 14 декабря Орловъ первый привелъ свой полкъ, первый же двинулся въ атаку противъ мятежниковъ и вообще своею энергіею и рѣшительностью много способствовалъ быстрому усмиренію возмутившихся. Послѣ декабрьскихъ событій онъ съ особымъ рвеніемъ старался проявить свою преданность престолу и существующему порядку, какъ бы стараясь заставить забыть о своемъ родствѣ съ однимъ изъ участниковъ движенія. Николай Павловичъ возлагалъ обыкновенно на Орлова чрезвычайныя миссіи, когда не хотѣлъ поручать то или другое деликатное дѣло обыкновеннымъ дипломатическимъ агентамъ, и Орловъ всегда точно выполнялъ высочайшія повелѣнія, избѣгая проявлять свою личную иниціативу.

Съ первыхъ же дней новаго царствованія сталъ выдвигаться и П. А. Клейнмихель. Съ 1812 г. Клейнмихель служилъ у Аракчеева и быстро началъ возвышаться, главнымъ образомъ, съ 1819 г., когда онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба военныхъ поселеній. Первое знакомство съ Клейнмихелемъ Николая Павловича относится, какъ было сказано выше, еще къ 1814 г. Генералъ-адъютантъ съ 1826 г., дежурный генералъ Главнаго Штаба Е. В. съ 1831 г., Клейнмихель былъ ближайшимъ помощникомъ Николая, какъ членъ многочисленныхъ комиссій по вопросамъ о переформированіи арміи и флота и какъ завѣдывавшій различными сооруженіями и постройками. Когда въ концѣ тридцатыхъ годовъ возникъ вопросъ о сооруженіи въ Россіи желѣзныхъ дорогъ — дѣло, которое близко принималъ къ сердцу императоръ Николай—Клейнмихель былъ одинъ изъ немногихъ, высказывавшихся за этотъ новый способъ сообщенія, чѣмъ окончательно завоевалъ довѣріе государя. Въ 1845 г., послѣ смерти Толя, Клейнмихель былъ назначенъ главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями. Съ этого времени значеніе Клейнмихеля чрезвычайно вырастаетъ и выходитъ далеко за предѣлы сферы его непосредственнаго

управленія, покрывая собою тотъ развалъ, къ какому приходитъ теперь вся николаевская система. Въ лицѣ Клейнмихеля какъ бы возрождается Аракчеевъ.

Съ обоими своими братьями Николай Павловичъ въ теченіе всего своего царствованія сохранилъ теплыя дружескія отношенія. Что касается цесаревича Константина Павловича, то въ отдѣльныхъ случаяхъ приходится отмѣчать его вліяніе на политику Николая. Михаилъ Павловичъ, напротивъ, держался въ сторонѣ отъ большой политики, замкнувшись въ сферу артиллерійскаго управленія и заботъ о военно-учебныхъ заведеніяхъ.

13 іюля 1826 года правительство обратилось къ обществу съ манифестомъ о совершеніи суда надъ участниками заговора 14 декабря. Этотъ манифестъ заключалъ въ себѣ какъ бы программу предстоящаго царствованія. Оповѣщая объ очищеніи общества „отъ слѣдствій заразы, *столько лѣтъ* среди него таившейся“, отъ „*зла долголѣтняго*“, манифестъ объявлялъ „умыселъ, составленный горстью изверговъ“ „*не въ свойствахъ, не во нравахъ русскихъ*“: „сердце Россіи для него было и всегда будетъ неприступно“. Одновременно съ этимъ предуказывались и тѣ средства, какими, по мнѣнію правительства, зло могло бы быть предупреждено въ будущемъ. Родителямъ рекомендовалось обратить „все ихъ вниманіе на *нравственное воспитаніе* дѣтей. Не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ, — *недостатку твердыхъ познаній*, должно приписать сіе *своевольство мыслей*“. Домашнему воспитанію ставилась цѣль „пріуготовлять нравы и *содѣйствовать видамъ...*“ *правительства*. „*Дворянство, ограда Престола* и чести народной“, должно было стать „и на семъ поприщѣ, какъ на всѣхъ другихъ, примѣромъ всѣмъ другимъ состояніямъ“ и способствовать „усовершенію отечественнаго, природнаго, *не чужеземнаго* воспитанія“. Государственная служба указывалась какъ родъ занятій, предпочтительно свойственный дворянству: „Для него отверзты въ отечествѣ Нашемъ всѣ пути чести и заслугъ. *Правый судъ, воинскія силы, разныя части внутренняго управленія,* все зависитъ отъ ревностныхъ и знающихъ исполнителей“. „Всѣ состоянія“ призывались „соединиться въ *довѣріи къ Правительству*“. Опираясь на положеніе, что въ Россіи „любовь къ Монархамъ и преданность къ Престолу основаны на *природныхъ* свойствахъ народа“, мани-

фестъ провозглашалъ начало реформъ сверху и опредѣлялъ ту сферу и ту степень сотрудничества, которая оставлялась за обществомъ. „Не отъ дерзновенныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но *свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія*... Въ семъ порядкѣ *постепеннаго усовершенія*, всякое *скромное* желаніе къ лучшему, всякая мысль къ *утвержденію силы законовъ*, къ расширенію *истиннаго просвѣщенія и промышленности*, достигая къ *Намъ путемъ законнымъ*, для всѣхъ отверзтымъ, всегда будутъ приняты Нами съ благоволеніемъ".

Съ манифестомъ 13 іюля интересно сопоставить другой документъ. Указанными въ началѣ настоящаго очерка результатами не исчерпывается значеніе для политики николаевскаго царствованія „дѣла декабристовъ". Знакомство съ этимъ дѣломъ, тѣ показанія, какія давали обвиняемые, не ограничивавшіеся иногда отвѣтами на предлагаемые имъ вопросы и излагавшіе въ пространныхъ письмахъ къ самому государю мотивы, приведшіе ихъ къ образованію тайнаго общества, и недостатки государственнаго и общественнаго строя, все это раскрыло передъ глазами Николая широкую картину современной русской жизни въ ея отрицательныхъ сторонахъ. По порученію государя въ концѣ 1826 г. правителемъ дѣлъ слѣдственной комиссіи А. Д. Боровковымъ былъ составленъ сводъ показаній декабристовъ по вопросу о внутреннемъ состояніи государства, который и былъ представленъ имъ 6 февраля 1827 г. Этотъ сводъ всегда находился съ этого времени въ кабинетѣ у Николая, и онъ часто его перечитывалъ; два другихъ его экземпляра были переданы имъ цесаревичу Константину Павловичу и предсѣдателю Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ кн. Кочубею. Достигшій уже къ этому времени виднаго положенія, не чуждый литературѣ и пережившій свою пору довольно невиннаго либерализма, а теперь исполнительный чиновникъ, Боровковъ использовалъ для своего свода показанія, главнымъ образомъ, Пестеля, А. Бестужева, Батенкова и Штейнгеля. Сохраняя зачастую не только ихъ мысли, но и выраженія, онъ систематически излагаетъ всѣ тѣ причины современнаго неустройства, на которыя указывали декабристы. Резюмируетъ онъ и тѣ пожеланія, которыя высказывали декабристы, но значительно смягчаетъ ихъ, придаетъ имъ субъективное освѣщеніе и совершенно обходитъ вопросъ о политическомъ переустройствѣ („откинувъ,

какъ онъ выражается, пустословіе"). Въ этой своей части сводъ Боровкова можетъ быть, такимъ образомъ, разсматриваемъ скорѣе какъ планъ тѣхъ преобразованій, которыя признавались правительствомъ какъ пріемлемыя, въ предѣлахъ провозглашенной имъ программы. Не преминувъ воспользоваться соотвѣтствующими указаніями декабристовъ, чтобы подчеркнуть, что „въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ само правительство, какъ млекомъ, питало юношество свободомысліемъ", Боровковъ отмѣчаетъ прежде всего недостатокъ въ Россіи „твердыхъ, ясныхъ и короткихъ законовъ" и „чрезмѣрную сложность судопроизводства". Слѣдующая причина неустройства—недостатокъ въ управленіи „твердаго положительнаго плана". „Учрежденіе о губерніяхъ измѣнилось въ существенныхъ основаніяхъ: губернаторы присвоили себѣ всю мѣстную власть"; „коллегіи уничтожены"; „сенатъ, это хранилище законовъ... обращенъ въ простую типографію, подчиненную каждому лицу, пользующемуся довѣренностью монарха"; „учрежденіе министерствъ... составлено было на скорую руку"; „ничего невозможно было придумать лучшаго къ прикрытію всѣхъ безпорядковъ передъ государемъ и выставкѣ одного его лица передъ народомъ", какъ Комитетъ Министровъ; къ тому же „по множеству частныхъ случаевъ учреждали разные комитеты, съ такою же силою, какъ и главный". Вслѣдствіе всего этого „верховное правительство въ послѣдніе годы... расшаталось, потеряло единство и представляло нестройную громаду". Съ другой стороны, недостаточность и неравномѣрность распредѣленія жалованья чиновникамъ порождаетъ среди нихъ неудовольствіе и способствуетъ взяточничеству.

Столь же неправильно поставлено дѣло распредѣленія и взиманія податей и несенія различныхъ повинностей: вся податная система сводится къ стремленію „выколотить недоимку". Столь же вредно для народной жизни развитіе казенныхъ монополій, въ особенности винной и соляной: „подъ видомъ хозяйственныхъ способовъ правительство мало-по-малу отдѣлилось отъ народа; оно лишило пропитанія цѣлыя семьи, отнимая у нихъ промышленность". Торговля не могла развиваться вслѣдствіе шаткости тарифной системы. Флотъ, въ особенности въ управленіе морскимъ министерствомъ маркиза де-Траверсе, пришелъ въ полный упадокъ. Вмѣсто здравой реформы воинской повинности

въ смыслѣ подготовки запаса были устроены дорого стоившія и вызвавшія всеобщій ропотъ военныя поселенія. Дворянство, въ особенности мелкопомѣстное, развращено крѣпостнымъ правомъ; язву этого сословія составляетъ также быстро увеличивающійся классъ личныхъ безпомѣстныхъ дворянъ. Сельское духовенство всецѣло зависитъ отъ милости прихожанъ. Купечество разорено, а присвоеніе правъ, облагораживающихъ гражданъ, не лицу, а капиталу, порождаетъ массу несправедливостей. „Классъ мѣщанъ... почтенный въ другихъ государствахъ, у насъ ничтоженъ, бѣденъ“. Казенные крестьяне зависятъ отъ многочисленныхъ начальниковъ и въ то же время разорены: о нихъ никто не печется. Сводъ заканчивается слѣдующимъ заключеніемъ, далеко не всегда, какъ легко замѣтить, вытекающимъ изъ предшествовавшаго. „Надобно даровать ясные, положительные законы, водворить правосудіе учрежденіемъ кратчайшаго судопроизводства, возвысить нравственное образованіе духовенства, подкрѣпить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами въ кредитныхъ учрежденіяхъ, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію, улучшить положеніе земледѣльцевъ, уничтожить унизительную продажу людей, воскресить флотъ, поощрить частныхъ людей къ мореплаванію... словомъ — исправить неисчисленные безпорядки и злоупотребленія“.

Сводъ Боровкова и манифестъ 13 іюля, дѣйствительно, стали какъ бы канвою всей внутренней политики императора Николая, но канвою, далеко не цѣликомъ заполненною узоромъ. Основныя начала, провозглашенныя въ манифестѣ, неуклонно проводились въ теченіе всего царствованія. Положительныя задачи, намѣченныя въ сводѣ, нашли свое отраженіе лишь въ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ.

Внутренняя политика первыхъ лѣтъ царствованія.

Внутренняя политика первыхъ лѣтъ николаевскаго царствованія слагается подъ живымъ впечатлѣніемъ тягостныхъ событій дня вступленія на престолъ новаго государя. Она характеризуется за это время прежде всего рядомъ мѣръ полицейскаго характера, направленныхъ на охраненіе государственной безопасности и порядка и на борьбу съ нежелательными для правительства политическими идеями. За этимъ слѣдуютъ попытки отвѣтить на наиболѣе назрѣвшія общественныя и государственныя нужды, остававшіяся въ забвеніи въ послѣдніе годы предшествовавшаго царствованія.

Изъ мѣропріятій репрессивнаго характера на первомъ мѣстѣ надо поставить новую организацію государственной полиціи. Въ январѣ 1826 г. ген.-ад. Бенкендорфъ представилъ проектъ о возстановленіи министерства полиціи, существовавшаго съ 1811 по 1819 г., и объ организаціи особаго корпуса жандармовъ. Послѣдній долженъ былъ объединить въ себѣ жандармскій полкъ, несшій съ 1815 г. при отдѣльныхъ войсковыхъ частяхъ военно-полицейскую службу, и жандармскія части корпуса внутренней стражи, существовавшія съ 1817 г. по отдѣльнымъ мѣстностямъ въ вѣдѣніи мѣстной администраціи. Корпусъ жандармовъ, по проекту Бенкендорфа, долженъ былъ подчиняться министру полиціи, которому присваивалось званіе инспектора корпуса жандармовъ. Сочувственно отнесясь къ мысли Бенкендорфа, императоръ Николай не пожелалъ, однако, учреждать особое *министерство* полиціи, но предпочелъ сосредоточить новое вѣдомство при своей собственной канцеляріи. 25 іюня 1826 г. Бенкендорфъ былъ назначенъ шефомъ жандармовъ и командующимъ императорскою главною квартирою. 3 іюля того же года особая канцелярія при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ была

преобразована въ Третье Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи (о второмъ отдѣленіи этой канцеляріи будетъ сказано ниже). Шефъ жандармовъ Бенкендорфъ былъ поставленъ во главѣ этого отдѣленія; директоромъ канцеляріи Отдѣленія былъ назначенъ М. М. Фокъ. Особый корпусъ жандармовъ былъ образованъ значительно позднѣе—въ 1836 г.; со времени его образованія окончательно сливаются: должность шефа жандармовъ съ должностью главнаго начальника Третьяго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи и начальника штаба корпуса жандармовъ съ должностью управляющаго этимъ Отдѣленіемъ.

Третье Отдѣленіе вѣдало: 1. Всѣ распоряженія и извѣстія по дѣламъ высшей полиціи. 2. Свѣдѣнія о сектахъ и расколахъ. 3. Извѣстія о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, монетахъ, документахъ и т. п., дальнѣйшее разысканіе о которыхъ оставалось въ вѣдѣніи министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ. 4. Свѣдѣнія и распоряженія о всѣхъ лицахъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи. 5. Высылку подозрительныхъ лицъ. 6. Завѣдываніе всѣми мѣстами заключенія, гдѣ находились государственные преступники. 7. Всѣ постановленія объ иностранцахъ въ Россіи. 8. Вѣдомости о всѣхъ происшествіяхъ. 9. Статистическія свѣдѣнія, до полиціи относящіяся. 10. Театральную цензуру (съ 1828 г.). Для управленія жандармскими командами вся Россія дѣлилась на 5 округовъ (къ 1843 г.—на 8); каждый округъ подчинялся особому генералу. Округа дѣлились на отдѣленія (2—3 губерніи), во главѣ которыхъ стояли штабъ-офицеры. На офицерскія должности должны были назначаться лица благонадежныя, отличавшіяся обхожденіемъ, имѣвшія связи въ обществѣ, съ помощью чего имъ было легче слѣдить за настроеніемъ умовъ. Въ инструкціи жандармскому полковнику Бибикову, повторявшейся затѣмъ и при другихъ назначеніяхъ, обязанности жандармовъ опредѣляются такъ: 1. Слѣдить во всѣхъ учрежденіяхъ и состояніяхъ о всѣхъ злоупотребленіяхъ и закону противныхъ поступкахъ. 2. Наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не были нарушены какой-либо личной властью, сильными лицами или пагубнымъ направленіемъ злоумышленныхъ людей. 3. Предупреждать и пресѣкать всякое зло, поселять въ заблудшихъ стремленіе къ добру и выводить ихъ на путь истинный. 4. Ста-

раться пріобрѣсти уваженіе и довѣріе всѣхъ сословій и внушать увѣренность, что чрезъ посредство новой должности голосъ всякаго гражданина можетъ дойти до царскаго престола. 5. Отыскивать и отличать скромныхъ вѣрнослужащихъ. Со времени учрежденія Третьяго Отдѣленія начальники губерній по всѣмъ дѣламъ, входящимъ въ вѣдѣніе этого Отдѣленія, должны были доносить уже не министру внутреннихъ дѣлъ, а непосредственно Государю Императору, съ надписью: „въ Третье Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи". Съ учрежденіемъ же должности шефа жандармовъ ему было подчинено, непосредственно и независимо отъ мѣстной администраціи, все жандармское вѣдомство.

Свой проектъ объ организаціи государственной полиціи Бенкендорфъ мотивировалъ необходимостью имѣть болѣе зоркое наблюденіе за тѣми идеями, которыя распространяются въ обществѣ. Вліяніемъ вредныхъ и при томъ чужеземныхъ политическихъ идей объясняли и возникновеніе тайныхъ обществъ, и событія, имѣвшія мѣсто 14 декабря. Съ цѣлью борьбы съ нежелательными политическими идеями, на ряду съ новою организаціею государственной полиціи, въ началѣ царствованія Николая I былъ предпринятъ рядъ мѣръ въ области вѣроисповѣдной политики, цензуры и народнаго просвѣщенія.

Характерною особенностью всѣхъ этихъ мѣръ, поскольку онѣ были направлены на охраненіе вѣры и внѣдреніе религіознаго начала, былъ ихъ вѣроисповѣдный оттѣнокъ. Космополитическій мистицизмъ, столь характерный для послѣднихъ лѣтъ александровскаго царствованія, былъ признанъ теперь почвою слишкомъ благопріятною для развитія вольномыслія и антигосударственныхъ цѣлей. Выдвигалась защита ученія и постановленій православной церкви. Весною 1826 г. было закрыто Библейское Общество. Послѣ отставки Шишкова Главное Управленіе Иностранныхъ Исповѣданій было отдѣлено отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и во главѣ Управленія Иностранныхъ Исповѣданій былъ поставленъ статсъ-секретарь гр. Дм. Ник. Блудовъ, ревностно боровшійся противъ инославнаго прозелитизма. Съ 1825 года борьба съ отдѣльными сектами начинаетъ возлагаться на гражданскія власти „безъ всякаго участія духовной власти". Съ 1827 г. было разъяснено, что отступленіе въ расколъ есть уголовное преступленіе.

10 іюня 1826 г. былъ изданъ новый цензурный уставъ, очень обширный (болѣе двухсотъ параграфовъ) и значительно превосходившій по строгости цензурныя распоряженія второй половины александровскаго царствованія. Управленіе цензурою попрежнему оставалось въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но теперь для высшаго руководства цензорами учреждался особый верховный комитетъ, состоящій изъ трехъ министровъ—народнаго просвѣщенія, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ—сообразно тремъ главнымъ задачамъ, возложеннымъ на цензуру: 1) о наукахъ и воспитаніи юношества; 2) о нравахъ внутренней безопасности и 3) о направленіи общественнаго мнѣнія согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства. Самое управленіе цензурою сосредоточивалось въ Главномъ Цензурномъ Комитетѣ въ Петербургѣ, непосредственно подчиненномъ министерству, и въ комитетахъ въ Москвѣ, Дерптѣ и Вильнѣ, подчиненныхъ мѣстнымъ попечителямъ учебныхъ округовъ. Послѣ отставки Шишкова и назначенія министромъ народнаго просвѣщенія кн. Ливена цензурныя строгости были нѣсколько смягчены, а въ 1828 году (22 апрѣля) появился и новый цензурный уставъ, отступавшій нѣсколько отъ строгихъ требованій 1826 г. и рекомендовавшій цензорамъ принимать за основаніе прямой смыслъ рѣчи, не позволяя себѣ произвольно толковать его въ дурную сторону. Одновременно, однако, съ изданіемъ устава 1828 г. по жандармскому вѣдомству было сдѣлано негласное распоряженіе, по которому лица, подвергшіяся цензурной карѣ, тѣмъ самымъ подпадали подъ негласный надзоръ полиціи. Высшею инстанціею по дѣламъ цензуры стало теперь Главное Управленіе Цензуры при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, состоящее изъ президентовъ Академіи Наукъ и Академіи Художествъ, товарища министра народнаго просвѣщенія, представителей отъ духовнаго вѣдомства, министерствъ Внутреннихъ и Иностранныхъ Дѣлъ, управляющаго Третьимъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи и попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа. Мѣстные цензурные комитеты, подъ предсѣдательствомъ попечителей учебныхъ округовъ, были учреждены въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Тифлисѣ, а должности отдѣльныхъ цензоровъ — въ Дерптѣ, Ревелѣ и Казани. Кромѣ того, былъ учрежденъ Ко-

книгъ Иностранной Цензуры для привозимыхъ изъ-за границы произведеній.

Въ основу народнаго образованія былъ положенъ принципъ сословности и зависимости уровня образованія отъ общественнаго положенія лица; одновременно съ этимъ былъ усиленъ надзоръ за частными учебными заведеніями. Рескриптомъ 14 мая 1826 г. на имя министра народнаго просвѣщенія адм. А. С. Шишкова учреждался подъ предсѣдательствомъ министра особый „Комитетъ устройства учебныхъ заведеній“, въ который вошли: кн. К. А. Ливенъ, Сперанскій, гр. Ламбертъ, С. С. Уваровъ, Сиверсъ, Шторхъ, исправляющій должность попечителя харьковскаго университета Петровскій, фл.-ад. Перовскій и гр. Строгановъ. Этотъ комитетъ долженъ былъ провѣрить уставы всѣхъ учебныхъ заведеній, опредѣлить точно курсы этихъ учебныхъ заведеній и указать книги для этихъ курсовъ. Это касалось учебныхъ заведеній какъ казенныхъ, такъ и частныхъ. Другимъ рескриптомъ (19 августа 1827 г.) на имя того же министра устанавливалось, какъ основное требованіе, „чтобы повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи и, не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился черезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченію было ему суждено оставаться“. Находя, что въ настоящемъ порядкѣ многое противно предположенному правилу, рескриптъ предписывалъ: чтобы въ университеты и другія высшія учебныя заведенія, а равно въ гимназіи, принимались только люди свободныхъ состояній, не исключая, однако, и вольноотпущенныхъ; чтобы крѣпостные крестьяне и дворовые люди обучались лишь въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и частныхъ заведеніяхъ, не превышающихъ по объему своего преподаванія уѣздныя училища; чтобы крѣпостные допускались въ заведенія особаго рода для обученія сельскому хозяйству и вообще земледѣльческому и промышленному искусству, но чтобы предметы общаго преподаванія въ этихъ заведеніяхъ не превосходили по объему преподаваніе уѣздныхъ училищъ. Выполненіе

этого требованія и легло въ основу выработаннаго комитетомъ новаго устава среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній 8 декабря 1828 г. Сохраняя три существующія степени общей школы, этотъ уставъ предназначалъ приходскія училища для лицъ „самыхъ низшихъ состояній", уѣздныя—для горожанъ, гимназіи—для дворянъ и чиновниковъ. При гимназіяхъ учреждались дворянскіе благородные пансіоны.

Въ системѣ государственныхъ учрежденій въ первые же годы николаевскаго царствованія намѣтилось одно характерное явленіе, указывавшее на стремленіе государя сосредоточить въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи всѣ наиболѣе существенные очередные вопросы государственнаго устройства и управленія, а именно—ростъ значенія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Только что было указано, при какихъ обстоятельствахъ возникло Третье Отдѣленіе этой канцеляріи. Почти непосредственно послѣ вступленія императора Николая на престолъ сталъ на очередь вопросъ объ изданіи свода законовъ. Этотъ вопросъ обсуждался государемъ совмѣстно со Сперанскимъ, бывшимъ въ то время членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ. Рескриптомъ отъ 31 января 1826 г. на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта кн. П. В. Лопухина существовавшая подъ его вѣдѣніемъ Комиссія Составленія Законовъ была упразднена, и взамѣнъ ея 4 апрѣля того же года было учреждено Второе Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Начальникомъ этого Отдѣленія былъ назначенъ старшій членъ бывшей Комиссіи М. А. Балугьянскій [1]). Послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны (24 окт. 1828 г.) ея канцелярія, вѣдавшая подвѣдомственныя императрицѣ благотворительныя и учебныя заведенія, была переименована 26 октября въ Четвертое Отдѣленіе, во главѣ котораго былъ поставленъ ст.-секр. Г. И. Вилламовъ съ титуломъ статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учрежденій императрицы Маріи, и такимъ образомъ кругъ дѣятельности Собственной Е. И. В. Канцеляріи еще болѣе расширился.

---

[1]) При учрежденіи Второго Отдѣленія Сперанскій не получилъ въ немъ никакого офиціальнаго назначенія. Фактически, однако, все дѣло сосредоточилось въ его рукахъ: онъ имѣлъ личные доклады по дѣламъ этого Отдѣленія у государя, и теперь же имъ были начаты тѣ работы, которыя позднѣе привели къ изданію Свода Законовъ.

Въ области министерскаго управленія ростъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи отразился, главнымъ образомъ, на Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, компетенція котораго значительно сократилась съ учрежденіемъ Третьяго Отдѣленія. Зато въ это время появился и новый органъ министерскаго управленія. Въ день коронаціи, 22 августа 1826 г., было учреждено Министерство Императорскаго Двора, къ которому было присоединено, какъ отдѣльный департаментъ, Министерство Удѣловъ, театральная дирекція, а также управленіе Кабинетомъ Его Величества. Новый министръ былъ поставленъ въ нѣсколько особое положеніе. Онъ, какъ говорилось въ учрежденіи Министерства Двора, „имѣетъ состоять подъ собственнымъ вѣдѣніемъ Государя Императора; слѣдственно, даетъ отчетъ только Его Императорскому Величеству, равно и всѣ повелѣнія получаетъ отъ Его Величества, а другое никакое правительство никакого отчета по дѣламъ, ввѣряемымъ его распоряженію, требовать и предписаній по оному чинить права не имѣетъ". Первымъ министромъ Двора былъ назначенъ кн. П. М. Волконскій.

Къ мѣропріятіямъ второй категоріи первыхъ лѣтъ николаевскаго царствованія, носящихъ опредѣленно преобразовательный характеръ, надо отнести прежде всего такъ называемый Комитетъ 6 декабря 1826 г. Частью свѣдѣнія, полученныя отъ ознакомленія съ показаніями декабристовъ, частью многіе оставшіеся послѣ императора Александра невыполненными предположенія и планы привели императора Николая къ мысли предпринять пересмотръ всего государственнаго устройства и управленія. Съ этою цѣлью былъ учрежденъ особый секретный комитетъ (именуемый, обыкновенно, по датѣ его учрежденія, Комитетомъ 6 декабря 1826 г.) подъ предсѣдательствомъ кн. Кочубея; въ составъ комитета вошли: генералъ гр. П. А. Толстой, ген.-ад. Ил. Вас. Васильчиковъ, кн. А. Н. Голицынъ, начальникъ Главнаго Штаба ген.-ад. бар. Дибичъ и Сперанскій, (правителями дѣлъ комитета послѣдовательно были: статсъ-секретари А. Д. Блудовъ, Д. В. Дашковъ и бар. М. Корфъ).

Самъ государь такъ намѣтилъ программу работъ комитета: 1. Разсмотрѣніе бумагъ, оставшихся въ кабинетѣ покойнаго государя. 2. Разсмотрѣніе современнаго состоянія государствен-

наго устройства. 3. Выясненіе того, что предполагалось исполнить, что существуетъ и что осталось выполнить. Кромѣ бумагъ, находившихся въ кабинетѣ покойнаго государя, комитетъ получилъ на разсмотрѣніе такъ называемыя „Балашовскія бумаги“ [1]). „Уставная грамота Россійской Имперіи“ Новосильцева не была предложена на разсмотрѣніе комитету. Главные вопросы, на которыхъ остановилъ свое вниманіе комитетъ, были: вопросъ о центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ и о ненормальныхъ отношеніяхъ, установившихся къ этому времени между Государственнымъ Совѣтомъ, Сенатомъ и Комитетомъ Министровъ, вопросъ о мѣстномъ управленіи и о проектѣ введенія генералъ-губернаторскаго управленія, вопросъ о положеніи и правахъ отдѣльныхъ сословій.

Работы комитета продолжались до іюля 1832 г. Выработанные имъ проекты относятся, такимъ образомъ, уже къ послѣдующему періоду царствованія Николая, гдѣ и должны быть разсмотрѣны характеръ работъ Комитета и ихъ результаты. Въ первые годы николаевскаго царствованія дѣятельность Комитета 6 декабря заслонялась, по крайней мѣрѣ въ глазахъ общества, до котораго все же о немъ доходили слухи, другими только что отмѣченными мѣропріятіями. Тѣмъ не менѣе за данное время можно отмѣтить отдѣльныя мѣры, въ которыхъ сказывались или тѣ же побудительныя причины, что привели къ возникновенію Комитета 6 декабря, или вліяніе занятій этого Комитета, какъ напримѣръ, только что указанныя заботы о кодификаціи.

Особое вниманіе въ первые годы николаевскаго царствованія было обращено на флотъ, бывшій въ забвеніи и пришедшій въ упадокъ въ предшествующіе годы, особенно за время управленія морскою частью адм. маркиза А. А. де-Траверсе. Реформы въ морскомъ вѣдомствѣ въ эти годы стояли въ связи съ осложненіями на Востокѣ и съ военными дѣйствіями на Черномъ морѣ. Уже въ декабрѣ 1825 г. былъ учрежденъ „Комитетъ образованія флота“ подъ предсѣдательствомъ начальника Морского

[1]) Балашовъ, министръ полиціи при Александрѣ I, съ 1819 г. былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской и Воронежской губерній, что являлось пробной мѣрой передъ предполагаемымъ общимъ введеніемъ въ Россіи генералъ-губернаторскаго управленія.

Штаба вице-адм. А. В. Моллера, въ который вошли вице-адмиралы: Д. Н. Сенявинъ, С. А. Пустошкинъ и А. С. Грейгъ, контръ-адмиралъ П. М. Рожновъ и капитанъ-командоры: И. Ѳ. Крузенштернъ, М. И. Ратмановъ и И. Ѳ. Деллингсгаузенъ, а кромѣ того ген.-ад. свѣтл. кн. А. С. Меншиковъ. Этимъ комитетомъ было подготовлено утвержденное 24 августа 1827 г. „Предварительное образованіе Морского Министерства". Этимъ образованіемъ окончательно уничтожалась теперь Адмиралтействъ-Коллегія, превратившаяся въ Адмиралтействъ-Совѣтъ, совѣщательный органъ при морскомъ министрѣ, въ канцеляріи котораго сосредоточивалось главное управленіе. Въ 1828 г. былъ учрежденъ „при Е. И. В. Морской Штабъ" (съ 1831 г.—Главный Морской Штабъ), начальникомъ котораго былъ назначенъ кн. А. С. Меншиковъ, фактически ставшій въ николаевское царствованіе во главѣ всего морского вѣдомства. Начальникъ Морского Штаба входилъ съ докладомъ непосредственно къ государю. За морскимъ министромъ (съ 1828 по 1836 г.—А. В. фонъ-Моллеръ) была оставлена власть, вообще присущая министерской должности. Онъ входилъ съ всеподданнѣйшими докладами черезъ начальника Морского Штаба. Одновременно съ этимъ была усилена корабельно-строительная дѣятельность, въ интересахъ чего былъ образованъ въ 1828 г. при министерствѣ особый департаментъ корабельныхъ лѣсовъ и былъ учрежденъ корпусъ корабельныхъ инженеровъ. Было обращено также вниманіе на учебно-морскую часть. Было улучшено преподаваніе въ Морскомъ корпусѣ и преобразованы на началахъ военнаго воспитанія штурманскія училища. Къ 1827 г. были образованы корпусъ флотскихъ штурмановъ и корпусъ корабельныхъ инженеровъ. Въ 1829 г. при Морскомъ корпусѣ были учреждены офицерскіе классы, изъ которыхъ впослѣдствіи развилась Морская Академія.

Крестьянскій вопросъ, которому предстояло занять послѣ 1830 года такое видное мѣсто во внутренней политикѣ императора Николая, за данные годы почти совсѣмъ еще не выдвигался на очередь. Все дѣло ограничилось частичными мѣрами. 12 мая 1826 г. былъ изданъ манифестъ, которымъ разсѣивались ложные слухи объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ и объ освобожденіи казенныхъ отъ платежа повинностей, что давало поводъ къ крестьянскимъ волненіямъ. Двумя рескриптами на имя министра внутреннихъ дѣлъ (19 іюля и 6 сентября 1826 г.)

предписывалось дворянству „христіанское и сообразное съ законами обращеніе съ крестьянами“. Въ первомъ изъ этихъ рескриптовъ находилось, однако, уже заявленіе, что „порядокъ въ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, ихъ заботливостью и предвареніями соблюденный, всегда будетъ предметомъ... особеннаго вниманія государя“. Въ 1827 г. было запрещено отдавать крестьянъ въ работу на горные заводы, а въ 1828 г. было ограничено право помѣщиковъ ссылать крестьянъ въ Сибирь.

Внѣшняя политика императора Николая; восточный вопросъ 1825—1829.

Сдѣлавъ обзоръ внутренней политики императора Николая I за первые годы его царствованія, намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть его внѣшнюю политику приблизительно за то же время. Такому разсмотрѣнію не мѣшаетъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній о политической системѣ императора Николая I въ области внѣшнихъ отношеній.

Подобно тому, какъ внутренняя правительственная дѣятельность первыхъ лѣтъ николаевскаго царствованія разсматривается, какъ періодъ колебаній между преобразовательными начинаніями и опредѣленно-консервативной программой, такъ и внѣшнюю политику императора Николая I до 1830 г. характеризуютъ иногда какъ временное отступленіе отъ того принципа легитимизма, который позднѣе окончательно становится руководящимъ началомъ его политической системы. Подобное отступленіе видятъ обыкновенно въ соглашеніи 1826—27 гг. Россіи съ Англіей и Франціей и ихъ совмѣстномъ выступленіи по греческому вопросу. Выступивъ-де въ данномъ случаѣ, согласно традиціи русской политики на Востокѣ, защитникомъ реальныхъ интересовъ Россіи, императоръ Николай I послѣ іюльской революціи 1830 г., не оставляя вполнѣ въ забвеніи задачи русской восточной политики, видитъ въ себѣ прежде всего защитника стараго порядка въ Европѣ и, защищая отвлеченный принципъ, идетъ въ своей политикѣ иногда вразрѣзъ съ реальными интересами своей страны. Подобный взглядъ на характеръ внѣшней политики императора Николая I требуетъ, однако, значительныхъ оговорокъ.

Самое представленіе объ „отвлеченномъ“ характерѣ начала легитимизма не только по отношенію къ политикѣ императора

Николая I, но и по отношенію вообще къ европейской политикѣ первой половины XIX вѣка, страдаетъ большой односторонностью. Въ сущности говоря, не было ни одного момента въ исторіи Европы, когда то или другое государство руководствовалось бы принципами Вѣнскаго конгресса и Священнаго Союза, исключительно какъ отвлеченными началами. Эти, такъ называемые, „принципы 1815 года“ покрывали собою всегда вполнѣ опредѣленное реальное содержаніе. Легитимизмъ начала XIX вѣка былъ своего рода новымъ обоснованіемъ системы политическаго равновѣсія въ интересахъ государствъ стараго уклада. Теоретически принципъ охраненія стараго порядка, практически онъ ставилъ себѣ задачу положить преграду прежде всего новому политическому усиленію Франціи и становился на пути дальнѣйшему росту мірового значенія Англіи. Очагъ революціонныхъ движеній, Франція въ началѣ XIX вѣка какъ бы возвращается къ своей традиціонной аггрессивной политикѣ XVII—XVIII вѣковъ, что было теперь выраженіемъ мощи ея новаго общественнаго уклада, только что пережившаго внутреннее политическое обновленіе. Съ середины двадцатыхъ годовъ эта политика принимаетъ опредѣленно колоніальную окраску и, какъ таковая, сталкивается съ новымъ факторомъ—экстенсивной колоніальной политикой Англіи. Одною изъ аренъ столкновенія политическаго вліянія Англіи и Франціи дѣлается ближній Востокъ—собственно Турція, Балканскій полуостровъ и Египетъ. Двѣ соперничающія между собою силы, англійская и французская политика, идутъ подъ однимъ и тѣмъ же идейнымъ флагомъ. Этотъ флагъ—рождаемыя въ буряхъ французскихъ революцій идеи правового государства и демократическаго общества. На мало початой почвѣ странъ Востока и далекаго Запада въ Египтѣ и Турціи, на островахъ Архипелага и въ Морѣ, въ латинскихъ государствахъ Южной и Центральной Америкъ эти идеи прокладываютъ теперь новые пути и расчищаютъ новыя арены для приложенія промышленныхъ силъ Англіи и Франціи; въ центральной Европѣ они сметаютъ обветшавшія политическія и общественныя формы и даютъ выходъ новымъ стремленіямъ европейскихъ народностей, чающихъ созданія національно болѣе сплоченнаго и политически болѣе обновленнаго государства.

Можно думать, что императоръ Николай I весьма отчетливо

понималъ связь между факторами внутренней и внѣшней политики, между поступательнымъ движеніемъ новыхъ идей и ростомъ политическаго вліянія странъ, ихъ породившихъ или воспринявшихъ. Думать такъ дозволяютъ, по крайней мѣрѣ, его собственные отзывы объ отдѣльныхъ дипломатическихъ и политическихъ осложненіяхъ, бывшихъ результатомъ революціонныхъ движеній 1830 и 1848 г. Характерны въ этомъ отношеніи приводимыя ниже его слова, сказанныя имъ Муравьеву при отправленіи послѣдняго въ Турцію въ 1832 г., и въ особенности его разговоръ съ французскимъ посланникомъ Ламорисьеромъ о германскихъ событіяхъ 1848—49 гг., а также циркулярная нота Нессельроде отъ 25 іюня 1849 г. по поводу тѣхъ же событій. Поставивъ себѣ цѣлью въ своей внутренней политикѣ охраненіе стараго политическаго и общественнаго уклада, и слѣдовательно не вѣря въ возможность противопоставить политическому вліянію западныхъ державъ мощь національнаго и политическаго обновленія своей страны, онъ въ своей внѣшней политикѣ вполнѣ логически долженъ былъ держаться началъ легитимизма и Священнаго Союза. Мы можемъ въ настоящее время различно относиться какъ къ этимъ началамъ, такъ и къ самой политической системѣ императора Николая I; мы не можемъ не признать, что въ *его* глазахъ борьба во внѣшней политикѣ съ революціонными движеніями и ихъ послѣдствіями имѣла значеніе не только борьбы за охраненіе опредѣленнаго политическаго порядка, но и борьбы за реальные интересы Россіи, какъ европейской державы, и притомъ такіе, цѣнность которыхъ готовы, быть можетъ, признать и мы, при всемъ различіи нашихъ взглядовъ со взглядами сѣвернаго стража Священнаго Союза и при всемъ несогласіи съ тѣми путями, какими шла его дипломатія. Послѣдовательнымъ и безусловнымъ защитникомъ началъ легитимизма въ своей внѣшней политикѣ императоръ Николай I является съ самаго начала своего царствованія, и даже тѣ шаги его дипломатіи въ первые годы его царствованія, которые и тогда истолковывались нѣкоторыми, какъ отступленіе отъ этихъ началъ, для него самого были ни чѣмъ инымъ, какъ ихъ послѣдовательнымъ проведеніемъ.

Основною задачею внѣшней политики императора Николая I было окончательное упроченіе положенія Россіи на Востокѣ, что въ конечномъ результатѣ должно было свестись къ укрѣ-

пленію за нею соотвѣтствующей позиціи на берегахъ Чернаго моря и обезпеченію для нея свободнаго выхода черезъ проливы. Исходнымъ пунктомъ въ данномъ случаѣ должны были стать тѣ территоріальныя и политическія пріобрѣтенія, которыя были сдѣланы на Востокѣ въ екатерининское царствованіе и пріумножены къ 1812 г. по бухарестскому миру, но недостаточно использованы, а отчасти даже сведены на нѣтъ въ александровское царствованіе въ силу другихъ задачъ, отвлекавшихъ въ это время отъ Востока вниманіе русской политики. Къ этой основной задачѣ присоединялась другая—поддержаніе въ Европѣ безусловнаго престижа Россіи путемъ защиты status quo съ тѣми уступками, какія были сдѣланы новому порядку къ 1815 г., но и въ твердой рѣшимости не итти на дальнѣйшія. Обѣ эти задачи—возвращеніе, съ одной стороны, къ традиціонной восточной русской политикѣ XVIII в. и продолженіе, съ другой, политики Священнаго Союза—въ системѣ императора Николая I окрашивались въ одну и ту же легитимистическую окраску, а общій характеръ его политики и ея отдѣльныя проявленія, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, отражали на себѣ отмѣченную уже выше излишнюю увѣренность императора въ своихъ силахъ безъ достаточнаго на то основанія.

Всѣми сейчасъ указанными соображеніями обусловливалось отношеніе императора Николая къ отдѣльнымъ европейскимъ державамъ и къ Оттоманской Имперіи. Вѣрный своей основной точкѣ зрѣнія, онъ считалъ необходимымъ условіемъ общественнаго спокойствія международную опеку надъ Франціею. Такою опекою ему представлялись тѣ границы, въ какія была введена Франція на Вѣнскомъ конгрессѣ, и реставрированная династія Бурбоновъ. Франція, управляемая на основаніи хартіи, отступленія отъ которой онъ считалъ недопустимыми ни въ ту, ни въ другую сторону, и французская нація, сдерживаемая въ своихъ порывахъ въ сторону Бельгіи, Рейна и сѣвернаго побережья Африки легитимнымъ правительствомъ, въ его глазахъ—необходимое условіе для сохраненія европейскаго спокойствія, условіе, при наличности котораго съ Франціей возможно то или другое соглашеніе. Іюльскій переворотъ 1830 года и новая орлеанская династія, возсѣвшая на обломкахъ революціи, а позднѣе въ еще большей степени революція 1848 года снова превращаютъ, въ глазахъ императора

Николая I, Францію въ очагъ революціонныхъ движеній и новой болѣе смѣлой внѣшней политики, что грозило для него новыми осложненіями на Востокѣ и могло найти отзвукъ въ его собственныхъ владѣніяхъ, въ Польшѣ. Съ рѣзкимъ осужденіемъ относясь къ каждому новому перевороту во Франціи, императоръ Николай I шелъ еще дальше въ своемъ личномъ раздраженіи противъ тѣхъ, кто сочеталъ братанье съ революціей съ узурпаціей монархической власти; таковыми въ его глазахъ были Людовикъ-Филиппъ и Наполеонъ III, въ сношеніяхъ съ которыми онъ не всегда держался даже въ предѣлахъ дипломатической корректности.

Въ противоположность такой политикѣ по отношенію къ Франціи, политика императора Николая I по отношенію къ Англіи была скорѣе политикой практическихъ соображеній. Отъ его вниманія не ускользало то нарастаніе англо-русскаго соперничества, которое, по мѣрѣ развитія англійскихъ интересовъ въ Левантѣ, Египтѣ, Остъ-Индіи и Персіи и поступательнаго движенія Россіи къ Дунаю и въ Закавказье, является крупнѣйшимъ фактомъ міровой исторіи, начиная съ середины XVIII в., и которому именно въ царствованіе Николая I суждено было пережить трагическій кризисъ. По своему государственному укладу, съ другой стороны, Англія оставалась для него, конечно, всегда страной непріемлемыхъ политическихъ принциповъ. Его отрицательное отношеніе къ парламентаризму не только на континентѣ, но и на его родинѣ, какъ бы уравновѣшивалось, однако, въ императорѣ Николаѣ I вѣрою въ силу консервативныхъ элементовъ въ англійской общественной и государственной жизни, его довѣріемъ къ политикѣ англійскихъ государственныхъ дѣятелей типа герцога Веллингтона. Оставаясь постоянно настороже противъ Англіи, какъ противъ своего наиболѣе сильнаго соперника, императоръ Николай I въ гораздо меньшей степени, чѣмъ во Франціи, видѣлъ въ ней своего принципіальнаго противника и, повидимому совершенно искренне, готовъ былъ искать съ нею соглашенія по отдѣльнымъ вопросамъ, и прежде всего по восточному, и не прочь былъ при случаѣ подчеркнуть противорѣчіе между англійскими и французскими интересами.

Какъ бы различно ни относился императоръ Николай I къ Англіи и Франціи, это различіе въ его глазахъ сглаживалось при сопоставленіи обѣихъ указанныхъ державъ съ Пруссіей и

Австріей. Въ противоположность первымъ, являвшимся въ концѣ-концовъ носительницами новыхъ общественныхъ и политическихъ идей, эти послѣднія, глава и наиболѣе значительное звено Германскаго Союза, вплоть до начала пятидесятыхъ годовъ, по своему укладу, оставались воплощеніемъ „принциповъ 1815 г.“ Неопредѣленный до этого времени по составу входившихъ въ него участниковъ, Священный Союзъ именно теперь, въ царствованіе императора Николая I, окончательно откристаллизовывается въ союзъ трехъ восточно-европейскихъ монархій, какъ бы суживаясь до своего первоначальнаго состава, Англія и Франція всегда остаются для императора Николая I отдѣльными державами, съ которыми возможны тѣ или другія отношенія. Австрія и Пруссія для него—необходимыя составныя части его политической системы, которая для него немыслима безъ тѣснаго съ ними соглашенія. И именно такая точка зрѣнія заставляла его относиться очень чутко ко всему тому, что волновало политическую жизнь его ближайшихъ сосѣдей, и обнаруживать особое безпокойство, когда въ правительственной политикѣ кого-либо изъ нихъ онъ усматривалъ малѣйшую уступку новымъ вѣяніямъ. Связанный близкими родственными узами съ берлинскимъ дворомъ и искреннимъ расположеніемъ къ прусскому королевскому семейству, императоръ Николай I уже съ начала тридцатыхъ годовъ относится съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ политикѣ Пруссіи, поскольку эта политика, при всемъ консервативномъ своемъ характерѣ, пыталась использовать въ традиціонныхъ цѣляхъ монархіи Гогенцоллерновъ нарастающее національное движеніе Германіи, а тѣмъ болѣе взять на себя роль его руководителя. Съ осужденіемъ относясь ко всѣмъ подобнымъ выступленіямъ прусской политики, въ особенности послѣ 1840 г., когда на прусскій престолъ вступилъ „мечтатель“ Фридрихъ Вильгельмъ IV, императоръ Николай I не только усматривалъ въ нихъ измѣну началамъ Священнаго Союза, но и провидѣлъ будущее созданіе единой Германіи. Германія въ состояніи того разъединенія, въ которое ее повергъ Вѣнскій конгрессъ, во главѣ со слабой политически Австріей и при условіи австрійской опеки надъ наиболѣе мощнымъ національнымъ ея тѣломъ—Пруссіей, таковъ былъ идеалъ императора Николая I, не упускавшаго изъ виду при этомъ и реальныхъ интересовъ Россіи и какъ бы продолжавшимъ по отно-

шенію къ Германіи ту традиціонную политику поддержанія сосѣда въ состояніи политическаго рамолисмента, какая въ XVIII в. проводилась по отношенію къ Польшѣ и Швеціи. Эти же соображенія заставляли его въ теченіе почти всего своего царствованія искать и поддерживать тѣсное соглашеніе съ Австріей и всегда выступать съ одинаковой готовностью въ роли защитника трона Габсбурговъ, какъ только въ тѣхъ или другихъ частяхъ многоплеменной дунайской монархіи проявлялись симптомы, грозившіе ея ослабленіемъ или распаденіемъ. Наиболѣе яркимъ проявленіемъ такой готовности было, какъ извѣстно, подавленіе венгерскаго возстанія; таково же было отношеніе императора Николая I и къ волненіямъ въ итальянскихъ областяхъ, и къ славянскому движенію, при чемъ отрицательное отношеніе къ послѣднему обусловливалось, очевидно, и тѣмъ, что это движеніе ставило на очередь вопросъ о пересмотрѣ русской политики въ Польшѣ.

Таковъ былъ въ общемъ характеръ отношеній императора Николая I къ его западнымъ сосѣдямъ. Обращаясь къ Востоку, приходится прежде всего отмѣтить, что, лелѣя, повидимому, затаенную мысль о раздѣлѣ въ будущемъ Турціи и даже заводя иногда рѣчь о необходимости подумать о наслѣдствѣ „больного человѣка“, императоръ Николай I не рѣшался высказываться на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленно. До поры до времени онъ ограничивался лишь тѣмъ, что всячески старался противоборствовать въ Турціи вліянію тѣхъ державъ, чьи интересы и чье положеніе на Востокѣ наиболѣе могли бы помѣшать осуществленію его плановъ въ цѣломъ, т.-е. Англіи и Франціи. Вліянію этихъ державъ, все болѣе и болѣе отвоевывающихъ себѣ экономическую позицію на Востокѣ, онъ противопоставлялъ традиціонный принципъ русской восточной политики—защиты православнаго исповѣданія и христіанскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи. Покровительство этимъ народностямъ въ его представленіи отождествлялось съ правомъ держать ихъ подъ своей опекой и зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы во вновь слагающіеся политическіе организмы Балканскаго полуострова не проникла „зараза“ новыхъ идей, и чтобы по своей государственной структурѣ эти организмы не приблизились бы къ западно-европейскому парламентаризму, что открыло бы доступъ къ нимъ и англо-французскому политическому вліянію.

Не разъ онъ давалъ почувствовать, и притомъ очень сильно, эту опеку населенію Греціи, Сербіи и Дунайскихъ княжествъ. Не менѣе зорко слѣдилъ онъ и за тѣмъ, чтобы не произошло подобнаго же политическаго перерожденія Турціи или ея отдѣльныхъ, хотя бы и нехристіанскихъ областей, какъ напр., Египта. Политика его на Востокѣ въ этомъ отношеніи до извѣстной степени напоминала его политику по отношенію къ Германскому Союзу.

Державой, съ которой онъ считалъ возможнымъ, какъ по ея естественному положенію и характеру ея интересовъ на Востокѣ, такъ и по ея отношеніямъ въ Европѣ къ Англіи и Франціи, итти рука объ руку въ своей восточной политикѣ, была Австрія. Это не мѣшало ему въ отдѣльныхъ случаяхъ вступать въ соглашенія съ Англіею и Франціею, то стараясь противопоставить интересы одной интересамъ другой, какъ это было въ египетскомъ вопросѣ, то выступая съ ними обѣими заедино, какъ это было въ греческомъ вопросѣ въ первые годы его царствованія. Подобныя соглашенія и возникавшее иногда на ихъ почвѣ временное охлажденіе между Россіей и Австріей, какъ это и имѣло мѣсто въ первые годы николаевскаго царствованія, были не болѣе, какъ частичныя комбинаціи въ предѣлахъ все той же системы Священнаго Союза, какія и раньше создавались между отдѣльными европейскими державами.

Первые годы внѣшней политики николаевскаго царствованія не приходится, такимъ образомъ, разсматривать какъ время уклоненія отъ общей политической системы, усвоенной императоромъ. Это время должно быть, однако, выдѣлено въ исторіи его внѣшней политики въ особый періодъ по другимъ соображеніямъ. Все достигнутое съ 1825 г. по 1833 г. Россіей на Востокѣ стало какъ бы исходнымъ пунктомъ для всей дальнѣйшей политики по восточному вопросу европейскихъ державъ. Русская политика по восточному вопросу за это время получаетъ, въ этомъ отношеніи, большое общеевропейское значеніе. Тѣ достиженія Россіи, которыя знаменуются адріанопольскимъ и туркманчайскимъ мирными договорами и унхіаръ-скелессійскимъ союзнымъ соглашеніемъ, составляютъ объектъ той дипломатической борьбы между Россіей и европейскими державами, которая заполняетъ собою тридцатые, сороковые и начало пятидесятыхъ годовъ и приводитъ къ Крымской кампа-

ніи. Приступая къ разсмотрѣнію николаевской внѣшней политики за это время, мы должны, поэтому, прежде всего, дать себѣ отчетъ въ томъ, каково было положеніе дѣлъ на Востокѣ къ исходу 1825 года.

Восточныя дѣла сводились въ это время, главнымъ образомъ, къ русско-турецкимъ отношеніямъ и къ греческому вопросу. На ходъ этихъ дѣлъ не оставались безъ вліянія успѣхи Россіи въ Закавказьѣ и то, какъ складывались въ это время ея отношенія къ Персіи.

Уже въ послѣдній годъ царствованія императора Александра I намѣчался нѣкоторый поворотъ въ русской восточной политикѣ. Недовольный результатами петербургскихъ конференцій (іюнь 1824 и февраль 1825 г.) по вопросу объ умиротвореніи грековъ, императоръ Александръ заявилъ, что отнынѣ онъ оставляетъ за собой свободу дѣйствія на Востокѣ. Одновременно съ этимъ нѣкоторые изъ русскихъ представителей при иностранныхъ дворахъ, будучи запрошены объ этомъ вопросѣ, отнеслись отрицательно къ тому курсу, какого держалась до этихъ поръ въ восточномъ вопросѣ русская политика. Таковъ былъ отзывъ русскаго посла при англійскомъ дворѣ гр. Ливена и, въ особенности, посла при французскомъ дворѣ, Поццо-ди-Борго, горячо настаивавшаго на необходимости подкрѣпить заявленіе о свободѣ дѣйствія соотвѣтствующими рѣшительными мѣрами и требовать отъ Турціи удовлетворенія русскихъ претензій и интересовъ. Эти отзывы были получены, однако, въ Петербургѣ уже послѣ отъѣзда императора Александра на югъ Россіи. Въ такомъ положеніи засталъ восточный вопросъ при своемъ вступленіи на престолъ Николай I. Склоняясь лично къ тѣмъ взглядамъ, какіе были высказаны Поццо-ди-Борго и Ливеномъ, онъ, съ своей стороны, выдвигалъ при этомъ съ еще большею силою на первый планъ вопросъ объ удовлетвореніи Портою русскихъ претензій. Въ данный моментъ эти претензіи сводились къ слѣдующимъ пунктамъ: Порта, вопреки тѣмъ трактатамъ, которыми опредѣлялись русско-турецкія отношенія (ясскій мирный трактатъ 1791 г., торговый договоръ 1783 г. и бухарестскій мирный трактатъ 1812 г.), отказывалась вывести свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ и нарушала привилегіи, дарованныя этимъ княжествамъ, а также сербамъ; она стѣсняла нашу торговлю на

Черномъ морѣ и не соглашалась окончить споры о восточномъ черноморскомъ побережьѣ. Съ другой стороны, самое Порту безпокоило поступательное движеніе Россіи въ Закавказьѣ, начавшееся со второй половины царствованія Александра I. Что касается греческаго вопроса, то къ греческому возстанію императоръ Николай по существу относился несочувственно, какъ къ проявленію революціоннаго духа, и видѣлъ въ немъ „мятежъ“ грековъ противъ своего законнаго правительства. Онъ находилъ, однако, что дарованіе грекамъ полной автономіи, при введеніи у нихъ монархической формы правленія, можетъ положить предѣлъ распространенію въ Греціи революціонно-демократическихъ идей. Въ силу этого онъ находилъ желательнымъ, добившись отъ Турціи удовлетворенія русскихъ претензій, принудить ее удовлетворить въ указанныхъ рамкахъ и пожеланія греческой націи. Съ другой стороны, выдвигая на очередь греческій вопросъ, онъ могъ разсчитывать и на большое сочувствіе русскаго общества, безъ различія направленій симпатизировавшаго греческому движенію, какъ движенію единовѣрнаго племени противъ магометанскаго владычества. Что касается способовъ дѣйствія, то въ этомъ отношеніи императоръ Николай I рѣзко разграничивалъ вопросъ о русскихъ претензіяхъ, какъ частное дѣло между Россіей и Турціей, отъ греческаго вопроса, какъ вопроса общеевропейскаго. Послѣдній онъ считалъ необходимымъ разрѣшить въ соглашеніи съ другими европейскими державами, имѣя въ виду такимъ путемъ, съ одной стороны, не дать усилиться Турціи, съ другой—обезопасить себя отъ преобладанія въ Греціи, какъ на новомъ поприщѣ для европейской политики, исключительно англійскаго и французскаго вліянія, въ ущербъ русскому.

Аналогичные взгляды нашли себѣ выраженіе и во всеподданнѣйшемъ докладѣ (февраль 1829 г.) управлявшаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ гр. Нессельроде, точно также отчетливо разграничивавшаго теперь греко-турецкій споръ отъ частныхъ пререканій Россіи съ Портою и рекомендовавшаго, въ случаѣ неудачи переговоровъ по поводу русскихъ претензій, прибѣгнуть къ военной силѣ. Съ другой стороны, эти взгляды встрѣтили и сильное несочувствіе въ придворныхъ и правительственныхъ сферахъ, при чемъ особенно сильно расходился съ государемъ въ своихъ взглядахъ на восточный вопросъ цесаревичъ Кон-

Константинъ Павловичъ. Только что изложенную точку зрѣнія цесаревичъ считалъ нарушеніемъ принциповъ легитимизма; находилъ, что главная опасность Россіи грозитъ не съ Востока, но съ Запада, очага революціонныхъ идей, и опасался, что осложненія съ Турціей помѣшаютъ оставить на западной границѣ количество войска, достаточное для того, чтобы держать въ страхѣ Европу.

Къ рѣшенію императора Николая вмѣшаться въ греко-турецкую распрю особенно несочувственно отнеслась Австрія. Въ дни русскаго междуцарствія въ Вѣнѣ, зная взгляды на восточный вопросъ Константина Павловича, искренно желали, чтобы къ нему перешелъ русскій престолъ, а послѣ вступленія на престолъ Николая Меттернихъ отправилъ къ Константину Павловичу особое посольство (гр. Бомбелль) въ надеждѣ, что цесаревичъ повліяетъ въ желательномъ направленіи на своего младшаго брата. Въ этомъ же духѣ долженъ былъ дѣйствовать прибывшій въ Петербургъ для поздравленія новаго государя со вступленіемъ на престолъ австрійскій эрцгерцогъ Фердинандъ Эсте. Всѣ эти попытки не имѣли успѣха, а одно обстоятельство—въ домѣ австрійскаго посла гр. Лебцельтерна былъ взятъ его своякъ, декабристъ кн. Трубецкой—даже до извѣстной степени скомпрометировало вѣнскій дворъ въ Петербургѣ и повлекло за собою отозваніе Лебцельтерна.

Совершенно иначе отнеслись къ новому курсу русской политики въ Англіи. Глава англійскаго министерства Каннингъ считалъ въ интересахъ Англіи — пойти навстрѣчу Россіи въ греческомъ вопросѣ и тѣмъ нанести новый ударъ системѣ Меттерниха. Въ Петербургъ для поздравленія новаго государя былъ посланъ герцогъ Веллингтонъ, который по своемъ прибытіи (18 февраля 1826 г.) тотчасъ вступилъ въ переговоры по греческому вопросу съ самимъ императоромъ и Нессельроде. Переговоры съ Веллингтономъ приняли особенно оживленный характеръ послѣ того, какъ въ Петербургъ прибылъ изъ Лондона Ливенъ, и привели къ такъ называемому Петербургскому протоколу, подписанному 23 марта 1826 г. Нессельроде, Ливеномъ и Веллингтономъ, по которому Россія и Англія соглашались относительно условій умиротворенія грековъ. По этому протоколу Греція должна была получить полную внутреннюю автономію и управляться властями, избираемыми самими греками; ея

обезпечивалась свобода совѣсти, торговли и внѣшнихъ сношеній, и ея зависимость отъ Порты дѣлалась исключительно даннической. Петербургскій и лондонскій дворы присвавали себѣ посредничество въ Константинополѣ при выработкѣ подробностей и заявляли о томъ, что они не ищутъ ни территоріальныхъ пріобрѣтеній, ни какихъ-либо особыхъ преимуществъ.

По собственному признанію императора Николая, сдѣланному имъ нѣсколько позднѣе, идя навстрѣчу англійскимъ предложеніямъ, онъ имѣлъ въ виду тѣмъ самымъ склонить Англію къ болѣе умѣренному образу дѣйствія относительно Турціи, и для этого противопоставилъ первоначальному англійскому плану союза противъ Турціи для поддержанія греческаго возстанія путь совмѣстныхъ представленій передъ Портою.

Согласившись съ Англіей относительно умиротворенія Греціи, императоръ Николай и въ своихъ непосредственныхъ отношеніяхъ съ Турціей взялъ болѣе рѣшительный тонъ сравнительно съ тѣмъ, какимъ говорила до сихъ поръ русская дипломатія. На другой день послѣ подписанія Петербургскаго протокола, въ Константинополѣ былъ переданъ ультиматумъ, которымъ Портѣ предлагалось въ шестинедѣльный срокъ удовлетворить указанныя выше русскія претензіи. Порта пошла на уступки, результатомъ чего былъ съѣздъ русскихъ и турецкихъ уполномоченныхъ въ Аккерманѣ (1 іюля—25 сентября; съ русской стороны гр. (впослѣдствіи свѣтл. кн.) М. С. Воронцовъ и нашъ посолъ въ Константинополѣ, гр. А. И. Рибопьеръ; съ турецкой—Сеидъ Мехмедъ Хади Эфенди, дефтердаръ (генеральный контролеръ) анатолійскій, и Сеидъ Ибрагимъ Джафферъ Эфенди, софійскій кади); съѣздъ закончился аккерманской конвенціей (25 сентября 1826 г.).

Аккерманской конвенціей Порта обѣщала исполнять во всемъ его объемѣ бухарестскій договоръ 1812 г., а также постановленія торговаго договора 1783 г. и ясскаго мирнаго трактата 1791 г. За Россіей обезпечивалась полная свобода торговли и мореплаванія, а побережье дунайской дельты, во избѣжаніе споровъ между береговыми жителями, должно было оставаться незаселеннымъ. Относительно Молдавіи и Валахіи Порта обязывалась возстановить гатти-шерифы 1802 г. о правахъ и преимуществахъ обоихъ княжествъ и признавала за ними право избранія кандидатовъ изъ мѣстныхъ бояръ въ господари, которые на-

значались общимъ собраніемъ дивана и должны были управлять, руководствуясь указаніями русскаго посланника. За Сербіей признавались ея права на внутреннее управленіе; ей обезпечивалась свобода религіи и торговли и должны были быть возвращены отнятыя отъ нея Турціей земли. По особому акту, приложенному къ конвенціи, Порта обязывалась подтвердить всѣ условія, относящіяся къ Сербіи, особымъ фирманомъ.

Аккерманской конвенціей разрѣшался, такимъ образомъ, вопросъ о русскихъ претензіяхъ. Принужденная принять ее, Турція оказалась гораздо менѣе податливой въ греческомъ вопросѣ. Петербургскій протоколъ былъ сообщенъ вѣнскому, берлинскому и парижскому кабинетамъ съ предложеніемъ къ нему присоединиться. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ онъ былъ встрѣченъ весьма несочувственно, и Меттернихъ прямо заявилъ, что этотъ актъ— оскорбленіе Священному Союзу. Напротивъ, въ Парижѣ отнеслись къ этому акту совершенно иначе и выразили полную готовность къ нему присоединиться, результатомъ чего былъ созывъ въ Лондонѣ конференціи представителей трехъ согласившихся державъ по греческому вопросу и превращеніе петербургскаго протокола въ тройственный между Россіей, Англіей и Франціей договоръ объ умиротвореніи Греціи (лондонскій трактатъ 24 іюня 1827 г. подписанъ кн. Полиньякомъ, Дёдлей и Ливеномъ). Такова была почва, на которой въ первые годы царствованія императора Николая произошло охлажденіе между Россіей и Австріей и ея сближеніе съ Англіей и Франціей. По лондонскому трактату, заключенію котораго особенно содѣйствовали Поццо-ди-Борго и французскій посланникъ Лаферроне, союзныя державы, повторяя почти цѣликомъ петербургскій протоколъ, условливались сдѣлать Портѣ общее предложеніе о посредничествѣ и въ то же время предложить обѣимъ сторонамъ заключить перемиріе, необходимое для веденія переговоровъ. Основаніемъ этихъ переговоровъ должно было быть возстановленіе Греціи подъ владычествомъ султана, что должно было выражаться въ уплатѣ ею опредѣленнаго размѣра дани. Въ секретныхъ статьяхъ этого договора устанавливалось впервые принудительное воздѣйствіе на Турцію. Союзныя державы соглашались объявить Портѣ, что существующее положеніе вещей на Востокѣ не согласно съ ихъ торговыми интересами и можетъ вынудить ихъ установить свои торговыя сношенія съ Греціей назначеніемъ туда консу-

ловъ. Въ случаѣ, если бы Порта или греки не приняли предложенныхъ условій, державы рѣшались принять общія мѣры къ прекращенію распри, не вмѣшиваясь, однако, во враждебныя дѣйствія воюющихъ сторонъ, путемъ посылки соотвѣтствующихъ инструкцій своимъ адмираламъ, командующимъ эскадрами въ водахъ Леванта.

Порта на предложенія союзныхъ державъ о посредничествѣ отвѣчала отказомъ и обратилась за помощью къ своему вассалу, египетскому пашѣ Мегмету-Али. Энергичный правитель Египта, о которомъ придется еще говорить ниже, произвелъ передъ этимъ рядъ реформъ въ подвластной ему провинціи (александрійская военная школа по европейскому образцу и др.), за что былъ назначенъ правителемъ Аравіи и получилъ титулъ защитника Мекки и Медины. Мегметъ-Али согласился отправить войско и флотъ подъ начальствомъ своего сына Ибрагима-паши для окончательнаго усмиренія грековъ самыми жестокими мѣрами.

Къ 27 августа турецко-египетскій флотъ собрался въ Наваринской гавани[1]). Со стороны союзныхъ державъ точно также, еще до заключенія лондонскаго трактата, были начаты военныя приготовленія. 9 іюня балтійская эскадра подъ начальствомъ ген.-ад. адм. Д. Н. Сенявина послѣ смотра, произведеннаго самимъ государемъ, снялась съ кронштадтскаго рейда и направилась въ Портсмутъ, куда и прибыла къ 27 іюля, и гдѣ отъ нея была отдѣлена особая эскадра въ составѣ 4 линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ и двухъ бриговъ подъ начальствомъ контръ-адмирала гр. Л. П. Гейдена для защиты русской торговли въ Архипелагѣ. 24 сентября эскадра Гейдена прошла Мессинскій проливъ и ко 2 октября соединилась около наваринской гавани съ находившимися уже тамъ и начавшими блокаду турецко-египетскаго флота эскадрами англійской (адм. Кодрингтонъ) и французской (адм. де-Риньи). Общее начальствованіе надъ соединенными морскими силами принялъ Кодрингтонъ, заявившій передъ этимъ Ибрагиму-пашѣ, что адмиралы эскадръ берутъ на себя отвѣтственность за выполненіе лондонскаго договора. 8 октября соединенный флотъ вошелъ въ гавань Наварино, и когда во время бросанія якорей въ англійскій фрегатъ „Дарт-

---

[1]) На юго-западномъ берегу Морейскаго полуострова.

мутъ“ и французскій „Сирена“ съ противной стороны были сдѣланы выстрѣлы, завязался бой, результатомъ котораго, послѣ трехчасового сраженія, было полное уничтоженіе турецко-египетскаго флота [1]). Извѣстіе о наваринскомъ боѣ было встрѣчено съ открытымъ негодованіемъ въ Вѣнѣ, и даже въ Англіи были нѣсколько смущены тѣмъ, какой оборотъ приняло дѣло. Напротивъ, императоръ Николай открыто выражалъ по этому поводу свое чувство полнаго удовлетворенія и пожаловалъ Кодрингтону Георгія 2-й степени. Исходъ наваринскаго сраженія еще болѣе укрѣпилъ его въ мысли перейти по отношенію къ Турціи къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. На подобное рѣшеніе могло повліять и то, какой оборотъ къ этому времени начали принимать наши дѣла въ Закавказьѣ и въ Персіи.

Еще въ іюлѣ 1826 г. персы вторглись въ русскіе предѣлы и заняли Ленкорань и Карабагъ. Донося объ этомъ, главнокомандующій кавказскимъ корпусомъ ген. А. П. Ермоловъ просилъ о присылкѣ ему подкрѣпленія въ составѣ двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи. Николай Павловичъ, издавна питая недовѣріе къ Ермолову, назначилъ командующимъ кавказскими войсками ген.-ад. И. Ѳ. Паскевича, поставивъ его, однако, подъ главное начальство Ермолова. Одновременно съ этимъ 20-й дивизіи было предписано итти на усиленіе кавказскихъ войскъ, при чемъ государь выражалъ свое твердое намѣреніе „наказать персіанъ въ собственной ихъ землѣ за наглое нарушеніе мира“. Ненормальное положеніе, въ которое былъ поставленъ Паскевичъ, создало натянутыя отношенія между обоими военноначальниками, что привело къ посылкѣ на Кавказъ начальника Главнаго Штаба гр. Дибича и къ отставкѣ Ермолова (мартъ 1827 г.). Онъ былъ окончательно замѣненъ Паскевичемъ. Между тѣмъ еще 13 сентября 1826 г. Паскевичъ одержалъ побѣду надъ персами при Елизаветполѣ. Въ апрѣлѣ 1827 г. онъ вторгся въ Эриванскую область и 1-го октября былъ взятъ главный оплотъ Персіи, Эривань. Вскорѣ за этимъ послѣдовало взятіе Тавриза, а въ декабрѣ—Міяна и

[1]) Турки потеряли въ этотъ день до 6000 человѣкъ, въ томъ числѣ почти весь составъ офицеровъ изъ организованной Мегметомъ-Али на европейскій образецъ александрійской военной школы, 3 линейныхъ корабля, 21 фрегатъ и 24 корвета. Потери союзниковъ исчислялись въ 600 чел.; 4 ихъ судна требовали серьезной починки.

Ардебиля, чѣмъ открывался для русскихъ путь на Тегеранъ. Шахъ Фетъ-Али-Ханъ убѣдился въ необходимости пойти на уступки, и 10 февраля 1828 г. между Россіей и Персіей былъ заключенъ мирный договоръ въ Туркманчаѣ, подписанный съ русской стороны Паскевичемъ и русскимъ представителемъ въ Персіи А. М. Обресковымъ, съ персидской—сыномъ шаха Аббасъ-мирзою. По этому договору Персія уступала Россіи ханство Эриванское и Нахичеванское, а также нѣкоторую часть побережья Каспійскаго моря до р. Астары. Шахъ уплачивалъ военные убытки въ размѣрѣ 20 милліоновъ рублей и подтверждалъ за Россіей исключительное право держать военныя суда на Каспійскомъ морѣ, а также право назначать въ Персію консуловъ. Особымъ актомъ выговаривалось покровительство русской торговлѣ въ Персіи. Успѣшное окончаніе персидской войны и выгодное положеніе, создававшееся для Россіи послѣ заключенія туркманчайскаго мира на Каспійскомъ морѣ и въ Закавказьѣ, окончательно утвердили императора Николая въ его рѣшеніи объявить войну Турціи.

Тотчасъ послѣ Наварина въ Константинополѣ завязались переговоры по поводу происшедшаго событія между правительствомъ султана и послами союзныхъ державъ, въ которыхъ послы настаивали на исполненіи требованій лондонскаго трактата. Порта отвѣчала отказомъ, и въ началѣ декабря Стрэдфордъ Каннингъ, Гильемино и Рибопьеръ оставили Константинополь. Императоръ Николай пытался послѣ этого склонить Англію и Францію къ продолженію рѣшительныхъ дѣйствій противъ Турціи, но не имѣлъ успѣха. Въ Англіи, гдѣ послѣ смерти Каннинга (27 іюля 1827 г.) получилъ главное значеніе противникъ столкновенія съ Турціей герцогъ Веллингтонъ, начало брать перевѣсъ болѣе сдержанное отношеніе къ восточному вопросу. Даже во Франціи, гдѣ при новомъ министерствѣ Мартиньяка (декабрь 1827 г.) портфель министра иностранныхъ дѣлъ получилъ Лаферроне, бывшій въ свое время горячимъ сторонникомъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Турціи, теперь высказывались болѣе осторожно. На конференціи въ Лондонѣ (представители со стороны Россіи: кн. Ливенъ и гр. Матушевичъ) въ ноябрѣ 1828 г. союзныя державы, на случай возможности военныхъ дѣйствій, взаимно обязались, что „успѣхи, которые обѣщаетъ имъ превосходство силъ въ борьбѣ съ Турціей, не побудятъ ихъ искать какой-либо

исключительной выгоды, ни торговыхъ преимуществъ, ни увеличенія территоріи". Въ то же время Портою былъ предпринятъ рядъ непріязненныхъ дѣйствій, направленныхъ главнымъ образомъ противъ Россіи. Начались притѣсненія русскихъ купцовъ и судовладѣльцевъ, и проливы были закрыты. Султанскимъ указомъ (байянъ-немэ 8 декабря 1828 г.) Порта объявляла Россію своимъ непримиримымъ врагомъ, обвиняла ее въ подстрекательствѣ грековъ и отказывалась исполнять аккерманскую конвенцію. Всѣ мусульмане призывались къ религіозной войнѣ противъ Россіи. Императоръ Николай рѣшилъ принять вызовъ. 14 апрѣля 1828 г. были обнародованы манифестъ о войнѣ съ Турціей, декларація русскаго правительства, мотивировавшая его дѣйствія и являвшаяся какъ бы отвѣтомъ на султанскій байянъ-немэ, и манифестъ о рекрутскомъ наборѣ. Начальнику второй арміи графу П. Х. Витгенштейну и Паскевичу повелѣвалось считать войну съ Турціей съ 25 апрѣля начатою.

Для войны предназначались: на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій вторая армія, по строевому рапорту располагавшая 113.920 чел. при 384 орудіяхъ, на азіатскомъ—кавказскій корпусъ. Вторую армію предполагалось, кромѣ того, усилить гвардейскимъ корпусомъ. Николай Павловичъ весьма желалъ, чтобы въ войнѣ приняла участіе и польская армія, но это желаніе встрѣтило рѣшительное противодѣйствіе со стороны цесаревича Константина Павловича, и лишь незначительное количество польскихъ офицеровъ (18 чел.) были прикомандированы къ русской арміи. По плану кампаніи, выработанному Дибичемъ, предполагалось достаточнымъ ограничиться занятіемъ придунайскихъ княжествъ, переходомъ черезъ нижній Дунай и взятіемъ придунайскихъ крѣпостей; одновременно съ этимъ на кавказскомъ побережьѣ предполагалось взятіе Анапы. Этотъ планъ встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны Витгенштейна и ген.-ад. П. Д. Киселева, настаивавшихъ на необходимости болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, но эти возраженія не были приняты во вниманіе. Государь пожелалъ самъ отправиться въ дѣйствующую армію, въ сопровожденіи начальника Главнаго Штаба гр. Дибича, не принимая, однако, на себя главнаго командованія. Сопровождавшая его главная квартира была очень многочисленна, включая въ себя, кромѣ гофмаршальской части, нѣкоторую часть дипломатическаго корпуса и значительное количе-

ство свиты. Въ виду возможности продолжительнаго отсутствія государя были предприняты экстренныя мѣры по государственному управленію. 24 апрѣля 1828 г. была учреждена временная верховная комиссія, въ которую были назначены гр. В. П. Кочубей, кн. А. Н. Голицынъ и гр. П. А. Толстой. Вел. кн. Михаилъ Павловичъ, на случай смерти государя, облекался „саномъ и властью правителя государства".

25 апрѣля армія перешла Прутъ, заняла Яссы, Галацъ, Бухарестъ и Краіову и обложила Браиловъ. Въ Молдавіи и Валахіи немедленно было введено русское гражданское управленіе. 7 мая Николай Павловичъ прибылъ къ Браилову. Переправу черезъ Дунай рѣшено было совершить у Сатунова (на нижнемъ Дунаѣ), что давало возможность обезпечить флотомъ подвозъ продовольствія съ моря. Переправа была совершена 27 мая. 30 мая сдалась расположенная на другомъ берегу крѣпость Исакчи, и русская армія начала наступательное движеніе по Добруджѣ. Часть ея силъ оставалась, однако, занятой у Браилова. Лишь къ срединѣ іюня сдались Браиловъ (7 іюня), Гирсовъ, Кюстенджи и Тульча, и въ распоряженіи русскихъ оказались всѣ придунайскія крѣпости ниже Силистріи. Къ этому же времени (12 іюня) на кавказскомъ побережьи была взята Анапа. Къ 29 іюня главныя силы арміи были стянуты у Базарджика. Здѣсь дальнѣйшій планъ дѣйствій, по мысли Дибича, одобренной самимъ государемъ, былъ измѣненъ. Вмѣсто движенія всѣми силами на Варну рѣшено было двинуться на осаду Шумлы, гдѣ были сосредоточены главныя силы турецкой арміи подъ начальствомъ Гуссейна-паши. Къ Варнѣ была отряжена съ обсерваціонной цѣлью всего одна дивизія (подъ начальствомъ ген. П. П. Сухтелена). Это сообщило дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ затяжной характеръ и было причиною малоуспѣшности всей кампаніи. Главныя силы надолго задержались подъ Шумлою, не имѣя въ то же время, въ силу мѣстныхъ условій, возможности совершенно отрѣзать ее отъ окружающаго района. Въ тылу оставалась не взятая Силистрія, и русская армія попадала въ треугольникъ между Шумлою, Варною и Силистріею, рискуя быть отрѣзанной отъ моря. Присутствіе въ арміи самого государя стѣсняло, къ тому же, самостоятельность главнокомандующаго, а многочисленная главная квартира создавала значительныя затрудненія для провіантской и фуражной части.

21 іюля государь оставилъ лагерь подъ Шумлой и къ 24-му прибылъ къ Варнѣ. Отсюда моремъ онъ совершилъ поѣздку въ Одессу, гдѣ въ это время находилось царское семейство, и вернулся къ войскамъ къ 27 августа. 14 августа подъ Шумлою Гуссейнъ-паша атаковалъ фланги нашихъ войскъ, нанеся имъ значительный уронъ, что заставило Витгенштейна оставить позиціи, занятыя имъ въ тылу турецкой арміи. Это заставило отказаться и отъ мысли двинуть къ Шумлѣ прибывшій въ это время къ Дунаю гвардейскій корпусъ; онъ былъ направленъ къ Варнѣ, къ которой начали теперь снова стягивать главныя силы.

Съ половины сентября, послѣ прибытія лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, было приступлено къ болѣе энергичной осадѣ этой крѣпости, и 28 октября послѣдовала сдача Варны. Къ 4 октября началось отступленіе нашихъ войскъ отъ Шумлы, а къ началу ноября, за позднимъ временемъ года, рѣшено было отказаться отъ дальнѣйшей осады Силистріи, чѣмъ и закончилась кампанія 1828 г. Войска расположились на зимнія квартиры на лѣвомъ берегу Дуная и въ занятой части Болгаріи. Болѣе успѣшно прошла кампанія 1828 г. на азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Здѣсь Паскевичемъ были взяты турецкія крѣпости: Карсъ, Ахалцыхъ, Баязетъ и Ардаганъ, и окончательно заняты три пашалыка: Карсскій, Ахалцыхскій и Баязетскій. На Черномъ морѣ, кромѣ того, были заняты Поти и Сухумъ-Кале.

Ошибки кампаніи 1828 г. и ея малоуспѣшность, имѣвшія не только неблагопріятныя стратегическія, но и политическія послѣдствія, заставили императора Николая пересмотрѣть дальнѣйшій планъ военныхъ дѣйствій и обратить вниманіе на реорганизацію арміи. Большую роль сыграла въ данномъ случаѣ записка ген.-ад. И. В. Васильчикова „Aperçu sur la campagne de 1828“, представленная имъ государю, въ которой доказывался вредъ многоначалія въ дѣйствующей арміи, неуспѣхи кампаніи объяснялись столкновеніемъ двухъ властей — главнокомандующаго и начальника штаба—и проводилась мысль о безполезности главнокомандующаго, разъ въ арміи находится самъ государь. Собранный въ это время комитетъ, въ который вошли Кочубей, Толь, Чернышевъ и Васильчиковъ, подвергъ разбору планъ кампаніи и единодушно пришелъ, съ своей стороны, къ заключенію о необходимости отказаться отъ мысли о систематической

войнѣ на Дунаѣ и приступить къ выработкѣ плана забалканскаго похода на Адріанополь. 9 февраля 1829 г. главнокомандующій Витгенштейнъ получилъ отставку, о чемъ многократно просилъ уже раньше, и новымъ главнокомандующимъ былъ назначенъ Дибичъ, авторъ плана кампаніи 1828 г. и движенія къ Шумлѣ, теперь отказавшійся отъ своихъ прежнихъ мыслей и примкнувшій къ мнѣнію комитета. Самъ государь не отправлялся на театръ военныхъ дѣйствій.

Въ началѣ кампаніи положеніе дѣлъ едва не осложнилось событіями въ Персіи. 30 января 1829 г. въ Тегеранѣ произошло возмущеніе противъ русскаго посольства; былъ убитъ русскій посланникъ, авторъ „Горе отъ ума“ Грибоѣдовъ, и перебита вся миссія (кромѣ случайно спасшагося одного секретаря, С. И. Мальцева). Персидское правительство поспѣшило, однако, принести свои извиненія, снарядивъ въ Петербургъ особое посольство съ принцемъ Хозревъ-мирзою во главѣ, и подвергло строгимъ наказаніямъ виновныхъ. Благополучное разрѣшеніе тегеранскаго инцидента позволяло Паскевичу сосредоточить всѣ свои силы на дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Одновременно съ назначеніемъ главнокомандующимъ Дибича Паскевичъ получилъ званіе главнокомандующаго корпусомъ „со всѣми правами, властью и преимуществами, учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи званію главнокомандующаго присвоенными“.

Еще до назначенія главнокомандующимъ гр. Дибича, наши войска овладѣли крѣпостями Кале и Турно (за турками оставалось на лѣвомъ берегу Дуная одно лишь Журжево), а нашъ флотъ захватилъ гавань и городъ Сизополь. Въ первыхъ числахъ мая наша армія перешла Дунай у Гирсова и начала блокаду Силистріи. Къ этому времени главныя силы турецкой арміи подъ начальствомъ новаго главнокомандующаго Решида-паши, собранныя въ Шумлѣ, были выведены изъ крѣпости и совершили удачныя дѣйствія противъ ген. Рота, охранявшаго линію Силистрія—Варна. На соединеніе съ Решидъ-пашою шелъ отъ Рущука Гуссейнъ-паша. Желая предупредить ихъ соединеніе и не дать Решиду вернуться въ Шумлу, Дибичъ отвелъ главныя силы отъ Силистріи и двинулся противъ турецкой арміи. Онъ встрѣтился съ непріятелемъ при Кулевчѣ, гдѣ 30 мая было нанесено туркамъ рѣшительное пораженіе. 18 іюня сдалась Силистрія; освободившійся послѣ

этого корпусъ ген. А. И. Красовскаго былъ оставленъ около Шумлы, и 5 іюля Дибичъ съ главными силами началъ переходъ черезъ Балканы, чѣмъ обманулъ ожиданія Решида-паши, предполагавшаго, что непріятель сосредоточитъ снова все свое вниманіе на Шумлѣ. Переходъ былъ совершенъ около Кепрекіоя. Въ теченіе іюля мѣсяца были взяты Карнабатъ, Айдосъ, Ямболь и Сливно и гавани Мессемврія, Ахіоло и Бургасъ. 8 августа сдался Адріанополь, и на другой день послѣ этого былъ взятъ Люле-Бургасъ. Почти одновременно съ этимъ, еще 25 іюня въ Азіи Паскевичемъ былъ взятъ Эрзерумъ. Создавались благопріятныя условіи для вступленія въ мирные переговоры, почва для которыхъ давно уже подготовлялась съ различныхъ сторонъ. Къ тому же положеніе Дибича продолжало быть очень серьезнымъ: войска страдали отъ наступившей жары; въ тылу оставалась Шумла. Необходимо было спѣшить воспользоваться благопріятнымъ моментомъ.

Надо сказать, что открытое столкновеніе Россіи и Турціи было встрѣчено въ Европѣ несочувственно какъ со стороны Австріи, такъ и со стороны державъ, подписавшихъ вмѣстѣ съ Россіей лондонскій договоръ—Франціи и Англіи. Австрія, въ лицѣ своего канцлера князя Меттерниха, всячески старалась выступить въ роли посредницы и выдвигала мысль объ общеевропейскомъ конгрессѣ, что встрѣчало самый рѣшительный отпоръ со стороны императора Николая. Изъ двухъ его союзниковъ большее сочувствіе къ его рѣшительному образу дѣйствій проявляла, во всякомъ случаѣ, Франція. Желаніе сохранить тройственный союзъ, въ виду положенія, занятаго Австріей, заставило императора Николая оставить безъ возраженія принятое имъ съ горечью возвращеніе въ Константинополь англійскаго и французскаго пословъ. Въ то же время въ Лондонѣ продолжала засѣдать конференція по греческому вопросу. Постановленіемъ этой конференціи отъ 4 ноября 1828 г. и ея протоколомъ отъ 10 марта 1828 г. Морея, занятая въ концѣ 1828 г. французами, съ прилегающими островами была объявлена подъ охраною союзныхъ державъ, а протоколомъ отъ 10 марта 1829 г. были выработаны детали будущаго устройства Греціи. Грецію провозглашалась государствомъ подъ верховенствомъ султана; эта зависимость выражалась въ уплатѣ ежегодно дани въ $1^1/_2$ милліона піастровъ. Ея внутреннее управленіе должно

было быть независимымъ и ввѣрено князю-христіанину, не родственному династіямъ, правящимъ въ Англіи, Россіи или Франціи, при чемъ государственное устройство по возможности должно было приближаться къ монархической формѣ правленія. Сѣверная граница новаго государства должна была итти отъ залива Воло (на Эгейскомъ морѣ) до залива Арта (на Іоническомъ).

Весною 1829 г., послѣ коронаціи въ Варшавѣ, Николай I неожиданно посѣтилъ своего тестя, прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, пробывъ въ Берлинѣ съ 25 по 31 мая. Во время пребыванія государя въ Берлинѣ прусскій король предложилъ свои услуги въ качествѣ примирителя между Россіей и султаномъ, на что императоръ Николай согласился. Результатомъ этого было отправленіе въ Константинополь прусскаго генерала Мюфлинга. Еще въ концѣ 1828 г. Порта черезъ датскаго посланника въ Константинополѣ барона Гюбша, несмотря на малоуспѣшность для русскихъ кампаніи этого года, предлагала Россіи вступить въ непосредственные съ нею переговоры, на что императоръ Николай, въ принципѣ, отвѣчалъ согласіемъ. Успѣхи Дибича создавали благопріятную почву, и Мюфлингу удалось склонить Порту къ признанію лондонскаго трактата. Послѣ взятія Адріанополя англійскій и французскій послы (Гордонъ и Гильемино) черезъ прусскаго посланника Ройе увѣдомили главнокомандующаго о томъ, что Порта проситъ пощады и выражаетъ готовность вступить въ переговоры. Переговоры велись въ Адріанополѣ уполномоченными: съ русской стороны ген.-ад. А. Ѳ. Орловымъ и т. с. гр. Ф. П. Паленомъ, съ турецкой—Мехмедъ-Садикъ-Эфендіемъ, дѣйствительнымъ великимъ дефтердаремъ Порты, и Абдулъ-Кадиръ-Беемъ, кази-аскеромъ анатолійскимъ. Переговоры закончились мирнымъ договоромъ, подписаннымъ этими представителями 2 сентября 1829 г.

Основнымъ трактатомъ адріанопольскаго мирнаго договора опредѣлялись отношенія Россіи и Турціи, а также права и преимущества Молдавіи, Валахіи и Сербіи, и провозглашалось признаніе Портою внутренней независимости Греціи. Отдѣльнымъ актомъ этого договора опредѣлялись новыя преимущества Молдавіи и Валахіи. Границею между Россіей и Турціей въ Европѣ оставалась р. Прутъ, а дальше—самое южное (Георгіевское) гирло Дуная. Острова, образуемые различными гирлами этой рѣки, переходили къ Россіи съ обязательствомъ

не возводить на нихъ никакихъ укрѣпленій, кромѣ карантинныхъ. Турція, съ своей стороны, обязывалась оставить незаселеннымъ правый берегъ Георгіевскаго гирла (отъ той точки, гдѣ оно отдѣляется отъ Сулинскаго) на разстояніи двухъ часовъ пути отъ рѣки. Турецкія крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная, Браиловъ и Журжево, должны были быть срыты. Купеческія суда обѣихъ державъ получали право свободнаго плаванія по Дунаю и всѣмъ его гирламъ. Русскія военныя суда могли входить въ Георгіевское гирло, но не могли ходить по Дунаю дальше впаденія въ него Прута. На Кавказѣ и въ Азіи Россія получала все Черноморское побережье отъ р. Кубани, на сѣверъ отъ Анапы, до пристани св. Николая, на югъ отъ Поти, а также Ахалцыхскій пашалыкъ съ крѣпостями Ахалцыхъ и Ахалкалаки. Кромѣ того, Турція признавала за нею пріобрѣтенныя отъ Персіи ханства Эриванское и Нахичеванское. Въ возмѣщеніе военныхъ расходовъ Турція обязывалась уплатить 10 милл. голландскихъ дукатовъ (эта цифра была опредѣлена особымъ соглашеніемъ), а въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ русскою торговлею, $1^1/_2$ милліона дукатовъ. Подтверждалась полная свобода русской торговли на Черномъ морѣ и во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ. Русскіе подданные въ Турціи вѣдались въ полицейскомъ и судебномъ отношеніяхъ исключительно русскимъ посланникомъ и консулами. Русскія суда освобождались отъ внутренняго досмотра турецкихъ властей въ открытомъ морѣ и въ гаваняхъ. Проливы объявлялись свободными какъ для русскихъ судовъ подъ купеческимъ флагомъ, такъ и для купеческихъ судовъ другихъ державъ. Относительно Молдавіи и Валахіи устанавливалось, что внутреннее управленіе въ княжествахъ будетъ принадлежать господарямъ, избираемымъ не на семь лѣтъ, какъ это до сихъ поръ было, но пожизненно, которые будутъ рѣшать дѣла по совѣщанію съ диванами. Жители княжествъ освобождались отъ всѣхъ податей, даровъ и повинностей Портѣ, кромѣ опредѣленной подати въ установленномъ размѣрѣ (на основаніи гатти-шерифа 1802 г.). Княжества могли устанавливать карантины, а для охраненія границъ, карантиновъ и внутренняго порядка господари могли имѣть вооруженную стражу (земское войско). Жители княжествъ получали право свободнаго плаванія по Дунаю и свободной торговли въ Турціи. Магометане лишались права жительства въ

княжествахъ, а магометанскіе купцы допускались лишь по особымъ фирманамъ. Въ вознагражденіе за прежнія стѣсненія княжества на два года освобождались отъ податей.

Относительно Сербіи Турція обязывалась немедленно привести въ дѣйствіе относящіяся сюда постановленія аккерманской конвенціи и вернуть Сербіи отторгнутые отъ нея округа. Относительно Греціи Турція выражала свое согласіе на постановленіе лондонскаго трактата 24 іюня 1827 г. и протокола лондонской конференціи 10 марта 1829 г. [1]).

Въ исторіи русско-турецкихъ отношеній Адріанопольскій миръ былъ завершеніемъ той наступательной политики Россіи на Черномъ морѣ, которая была намѣчена еще Петромъ Великимъ и не забывалась при его преемникахъ, и начало которой въ широкомъ масштабѣ было положено Екатериною II. Отъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира до Адріанопольскаго—одинъ опредѣленный періодъ. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого между Россіей и Турціей было заключено союзное соглашеніе (унхіаръ-скелессійскій договоръ), и Турція согласилась, въ случаѣ войны Россіи съ кѣмъ-либо изъ европейскихъ державъ, закрыть Дарданеллы для вражескаго флота, положеніе Россіи на Черномъ морѣ окончательно упрочилось, и успѣхи ея достигли здѣсь кульминаціоннаго пункта. Это положеніе начало представлять теперь серьезную опасность для Западной Европы. Въ исторіи восточнаго вопроса начинается новый періодъ борьбы съ русскимъ вліяніемъ на Востокѣ европейскихъ державъ, во главѣ которыхъ идетъ теперь Англія. Еще до іюльской революціи начало подготовляться англо-французское сближеніе и охлажденіе отношеній между обѣими этими державами и Россіей. Іюльская революція, ея отзвукъ въ Бельгіи и польское возстаніе, способствуя новому сближенію Россіи съ Австріей и Пруссіей, способствовали и окончательной кристаллизаціи новаго международнаго положенія. Намъ и предстоитъ теперь перейти къ разбору этихъ событій и ихъ вліянія какъ на внѣшнюю, такъ и на внутреннюю политику николаевскаго царствованія.

---

[1]) Окончательное устройство греческаго королевства относится уже къ тому времени, когда во Франціи разразилась новая (іюльская) революція, въ значительной степени измѣнившая общій характеръ европейскихъ международныхъ отношеній. На положеніе дѣлъ на Востокѣ и, въ частности, на разрѣшеніе греческаго вопроса это событіе оказало точно также немалое вліяніе.

Тридцатые и сороковые годы (1830—1848); іюльская революція во Франціи и революція въ Бельгіи.

Европейскія событія 1830 и 1831 гг., іюльская революція во Франціи, бельгійская революція и польское возстаніе, отчасти въ связи съ тяжелыми событіями, происходившими одновременно съ этимъ въ самой Россіи (холерная эпидемія, бунтъ въ Севастополѣ и въ военныхъ поселеніяхъ), окончательно опредѣлили то направленіе какъ внѣшней, такъ и внутренней политики императора Николая I, которое начало уже складываться въ первые годы николаевскаго царствованія. Всѣ эти событія пробудили въ немъ съ новою силою рѣшимость бороться съ революціоннымъ духомъ и стать на защиту монархическаго принципа (что противополагалось имъ какъ республиканско-демократическому, такъ и конституціонно-монархическому строю). Правительственная политика теперь подъ вліяніемъ этихъ событій принимаетъ бо́льшую устойчивость и окончательно складывается въ консервативную программу. Во внѣшнихъ сношеніяхъ это приводитъ къ новому сближенію съ Австріей и Пруссіей, поколебленному въ первые годы николаевскаго царствованія, къ дальнѣйшему упроченію началъ Священнаго Союза, къ окончательному обращенію этого акта въ болѣе осязательныя международныя соглашенія. Во внутренней политикѣ экстренныя мѣры запретительнаго характера начала царствованія уступаютъ мѣсто послѣдовательно развитой и послѣдовательно проводимой охранительной системѣ. Прежде чѣмъ излагать внѣшнюю и внутреннюю политику тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, необходимо, поэтому, вкратцѣ остановиться на отношеніи императора Николая къ указаннымъ европейскимъ событіямъ и ознакомиться съ польскими дѣлами начала трид-

цатыхъ годовъ, имѣвшими такое рѣшающее значеніе для всей дальнѣйшей николаевской политики.

25 іюля 1830 г. во Франціи произошелъ государственный переворотъ. Нарушившій конституціонную хартію король Карлъ X былъ низложенъ и принужденъ отречься отъ престола (30 іюля). Предшествующая перевороту политика Карла X и его министра кн. Полиньяка, направленная къ упраздненію конституціи, вызывала въ свое время осужденіе императора Николая I, совѣтовавшаго французскому королю черезъ своего представителя во Франціи соблюдать конституцію, разъ она подтверждена его собственною присягою. Іюльскій переворотъ, самъ по себѣ, вызвалъ, тѣмъ не менѣе, въ немъ сильное негодованіе, въ особенности когда стало извѣстно, что дѣло не ограничилось послѣ отреченія короля простымъ переходомъ власти въ руки его законнаго наслѣдника, но что престолъ окончательно перешелъ къ представителю младшей линіи дома Бурбоновъ—герцогу Людовику Филиппу Орлеанскому, вначалѣ (30 іюля) провозглашенному лишь намѣстникомъ королевства, но вскорѣ (7 августа) избранному королемъ французовъ. Это негодованіе нашло себѣ офиціальное выраженіе въ циркулярѣ отъ 4 августа 1830 г. Одновременно съ этимъ было издано распоряженіе о непризнаніи трехцвѣтнаго флага, и было рѣшено порвать сношенія съ Франціей и отослать паспорта французскому секретарю посольства Бургоэну, замѣщавшему въ это время отсутствовавшаго посла гр. Мортемара. Личная аудіенція Бургоэна у государя, относившагося къ нему лично съ большимъ расположеніемъ, имѣла своимъ результатомъ то, что эти мѣры не были приведены въ исполненіе. Однако и послѣ этого Николай I не отказался отъ мысли о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Франціи и о выработкѣ общеевропейскихъ мѣропріятій на новомъ европейскомъ конгрессѣ. Эти мысли находили сочувствіе у нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ,—у военнаго министра Чернышева, у фельдмаршала гр. Дибича и у ген.-ад. А. Ѳ. Орлова. Съ цѣлью ознакомить Австрію и Пруссію со взглядами государя и освѣдомиться о намѣреніи ихъ правительствъ, въ августѣ (16 и 19) 1830 г. были посланы—Орловъ въ Вѣну и Дибичъ—въ Берлинъ. Съ другой стороны, предположенія государя встрѣтили сильное противодѣйствіе, главнымъ образомъ, въ лицѣ цесаревича Константина Павло-

вича, находившаго невозможнымъ возвращеніе къ политикѣ 1813—1815 гг. и настаивавшаго на политикѣ невмѣшательства. Къ этому мнѣнію примкнулъ и вице-канцлеръ Нессельроде, находившійся въ то время въ отпуску и имѣвшій въ концѣ іюля въ Карлсбадѣ разговоръ съ австрійскимъ канцлеромъ кн. Меттернихомъ. Во время разговора Меттернихъ намѣтилъ слѣдующія начала, на которыхъ было бы возможно соглашеніе (такъ называемый „карлсбадскій лоскутъ“): Австрія несклонна къ активному вмѣшательству во французскія дѣла, хотя и не прочь отъ совмѣстной конференціи съ Россіей и Пруссіей въ интересахъ охраненія мира въ собственныхъ владѣніяхъ трехъ державъ. Противъ послѣдняго была Пруссія.

Когда Орловъ и Дибичъ прибыли въ Вѣну и Берлинъ, новое правительство во Франціи было уже признано Австріей и Пруссіей безъ предварительнаго соглашенія съ Россіей. Еще до этого оно было признано Англіей. Все это заставило Николая I отказаться отъ своихъ предположеній и признать правительство Людовика Филиппа: „правительство намѣстника короля, утвержденное Карломъ X“, дѣлалось теперь въ его глазахъ, тѣмъ самымъ, законнымъ. Франція „не можетъ оставаться безъ главы, а за отсутствіемъ главы государства должна впасть въ самую ужасную анархію; поэтому фактически наиболѣе близкій къ трону, находящійся во Франціи, за неимѣніемъ тѣхъ, которые были до него, становится для насъ фактически королемъ Франціи; если же мои союзники находятъ единогласно, что мы должны помириться въ этомъ отношеніи на герцогѣ Орлеанскомъ, то, мнѣ кажется, лучше признать королевскую власть, исходящую изъ подобнаго факта, чѣмъ королевскую власть по выбору народа: страшный примѣръ, пагубный для всякаго порядка, и который подорвалъ бы наше собственное существованіе“,—такъ объяснялъ перемѣну своего рѣшенія Николай I въ письмѣ къ цесаревичу отъ 15 августа 1830 г. По существу, перемѣна, происшедшая во Франціи, продолжала оставаться въ его глазахъ „узурпаціей герцога Орлеанскаго“. Въ отвѣтъ на собственноручное письмо короля Людовика Филиппа, врученное прибывшимъ въ началѣ сентября 1830 г. въ Петербургъ ген. Аталэномъ (Atthalin), государь отвѣчалъ письмомъ отъ 6 сентября. Въ этомъ письмѣ, не называя короля французовъ „Monsieur mon frère“ и признавая совершившіяся во Франціи событія

„навѣки прискорбными“ (à jamais déplorable), онъ, „въ согласіи съ своими союзниками“, выражалъ готовность принять „желаніе короля поддерживать со всѣми европейскими государствами мирныя и дружескія сношенія“, пока эти сношенія будутъ основаны на существующихъ договорахъ, и „Европа усмотритъ въ нихъ ручательство мира, столь необходимаго даже для спокойствія Франціи“. Это письмо произвело крайне неблагопріятное впечатлѣніе во Франціи, и до самаго конца существованія монархіи Людовика Филиппа отношенія между обѣими державами оставались крайне холодными.

Почти непосредственно вслѣдъ за іюльской революціей, подъ прямымъ вліяніемъ событій во Франціи, разразилась бельгійская революція; Бельгія отложилась отъ нидерландскаго королевства (6 ноября 1830 г.), и король Вильгельмъ I Оранскій обратился къ русскому императору съ письмомъ, прося вооруженной помощи въ силу существующихъ трактатовъ. Событія въ Бельгіи снова вызвали въ государѣ мысль о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Европы. По полученіи письма короля Вильгельма было отдано распоряженіе о приведеніи арміи на военное положеніе. Объ этомъ распоряженіи былъ увѣдомленъ находившійся въ Берлинѣ фельдмаршалъ Дибичъ для сообщенія объ этомъ тестю государя, прусскому королю Фридриху-Вильгельму III. И на этотъ разъ Пруссія отнеслась къ предположеніямъ русскаго государя весьма сдержанно. Прусскій король одобрилъ мобилизацію русскихъ корпусовъ на западной границѣ, но былъ противъ предполагаемой мобилизаціи польской арміи, пока Пруссія не мобилизуетъ стоявшій въ одной линіи съ польской арміей свой первый корпусъ, на что-де она рѣшится только тогда, когда исчезнетъ всякая надежда на сохраненіе мира. Король, во всякомъ случаѣ, находилъ необходимымъ предварительно обсудить создавшееся положеніе дѣлъ совмѣстно съ лондонскимъ и вѣнскимъ кабинетами. Рѣшительно противъ вмѣшательства высказался снова цесаревичъ Константинъ Павловичъ, а также и вице-канцлеръ Нессельроде и министръ финансовъ Канкринъ, указавшій на тяжелое положеніе государственныхъ финансовъ и на полное отсутствіе источниковъ для займовъ и другихъ чрезвычайныхъ средствъ. Вспыхнувшая 17 ноября революція въ Варшавѣ, помимо всего этого, заставила отказаться отъ военныхъ приготовленій, послѣ

чего обсужденіе бельгійскихъ дѣлъ окончательно сосредоточилось на собравшейся въ Лондонѣ конференціи представителей отъ пяти великихъ державъ (Австрія, Англія, Пруссія, Россія и Франція; отъ Россіи—кн. Х. А. Ливенъ и гр. А. Ѳ. Матушевичъ) и отъ голландскаго короля Вильгельма. Протоколами 8 декабря 1830 г., 8 и 15 января 1831 г. конференція признала независимость Бельгіи, ея отдѣленіе отъ Голландіи и ея нейтралитетъ. 23 мая 1831 г. бельгійское національное собраніе въ Брюсселѣ, не дожидаясь рѣшенія конференціи, избрало королемъ намѣченнаго конференціей принца Леопольда Кобургскаго. Это избраніе вызвало протестъ со стороны короля Вильгельма, вслѣдствіе чего Россія, Австрія и Пруссія воздержались отъ немедленнаго признанія принца Леопольда бельгійскимъ королемъ; онъ былъ признанъ на первыхъ порахъ лишь Англіей и Франціей. Избраніе Леопольда было непріятно для императора Николая, всегда непріязненно относившагося къ кобургскому принцу и теперь въ особенности недовольнаго имъ за принятіе въ бельгійскую армію эмигрировавшихъ польскихъ офицеровъ. 3 ноября 1831 г. на лондонской конференціи былъ подписанъ окончательный трактатъ между пятью державами и Бельгіей, признававшій независимость бельгійскаго королевства, его вѣчный нейтралитетъ и опредѣлявшій его границы съ Голландіей. 2 декабря того же года былъ подписанъ договоръ Бельгіи съ Англіей, Австріей, Пруссіей и Россіей о срытіи пограничныхъ съ Франціей крѣпостей. Вопросъ о ратификаціи договора 3 ноября вызвалъ новыя недоразумѣнія. Ратификація со стороны Англіи и Франціи послѣдовала 19 января 1832 г. Король Вильгельмъ отказывался признать этотъ договоръ. Пруссія и Австрія заняли выжидательное положеніе. Императоръ Николай рѣшительно заявилъ, что онъ не признаетъ договора, пока на него не послѣдуетъ согласія короля Вильгельма. Одновременно съ этимъ онъ попытался склонить короля дать свое согласіе, для чего въ Гаагу былъ посланъ ген.-ад. гр. А. Ѳ. Орловъ. Миссія Орлова успѣха не имѣла. Лишь послѣ этой попытки и послѣ того, какъ Австрія и Пруссія признали (6 апрѣля 1832 года) договоръ, заключенный конференціей, послѣдовала (22 апрѣля т. г.) его ратификація и со стороны Россіи. Дальнѣйшее упорство короля Вильгельма заставило Англію и Францію прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ, кото-

рыя и были направлены противъ Антверпена, находившагося въ рукахъ голландцевъ. Австрія, Пруссія и Россія не приняли въ этомъ участія и вскорѣ послѣ этого 25 февраля 1833 г. заключили между собою секретный договоръ. По этому договору три державы, признавая необходимость принудительныхъ мѣръ, принятыхъ Англіей и Франціей, въ то же время соглашались: не возобновлять общихъ переговоровъ, пока будутъ приниматься эти мѣры; не допускать, чтобы голландскій король былъ принуждаемъ принять болѣе тяжелыя условія, чѣмъ тѣ, какія были уже выработаны; признать конференцію расторгнутой, разъ какая-либо держава попытается силою заставить голландскаго короля подписать тѣ или другія условія; совмѣстно защищать неприкосновенность голландскихъ владѣній въ тѣхъ границахъ, какія были опредѣлены договоромъ 3 ноября 1831 г. Всѣ эти недоразумѣнія на почвѣ бельгійскихъ дѣлъ все болѣе и болѣе обостряли противоположность политики западныхъ державъ—Англіи и Франціи и восточныхъ—Австріи, Пруссіи и Россіи. Лишь къ марту 1838 г. король Вильгельмъ согласился признать договоръ о независимости Бельгіи, каковой и былъ подписанъ (съ нѣкоторыми измѣненіями, сравнительно съ условіями 1831 г., относительно границъ между Бельгіей и Голландіей) пятью державами, Голландіей, Бельгіей и, сверхъ того, Пруссіей и Австріей, какъ уполномоченными отъ германскаго союза, 7 апрѣля 1839 г. 25 сентября 1840 г. король Вильгельмъ отказался отъ короны въ пользу сына, принца Вильгельма, женатаго на сестрѣ Николая I Аннѣ Павловнѣ.

Царство Польское въ началѣ царствованія императора Николая I; польская революція 1830—1831 гг. и ея усмиреніе; послѣдующая политика Николая I въ Польшѣ и Западномъ краѣ.

По Акту Вѣнскаго конгресса 28 мая (9 іюня) 1815 г. бывшее Герцогство Варшавское, за исключеніемъ тѣхъ его частей, которыя отходили къ Австріи, Пруссіи, и города Кракова, составившаго независимую республику, провозглашалось навсегда присоединеннымъ къ Россійской Имперіи, „въ силу своей конституціи... въ неразрывной съ Россіей связи и во владѣніи Е. В. Императора Всероссійскаго, наслѣдниковъ его и преемниковъ на вѣчныя времена“, „государствомъ, имѣющимъ состоять подъ особеннымъ управленіемъ“. Часть территоріи стараго польскаго государства признавалась, такимъ образомъ, по этому акту политическимъ тѣломъ, что и выражалась въ его новомъ титулѣ—Царство Польское, который включался теперь въ титулъ русскаго государя. Что касается будущихъ внутреннихъ распорядковъ въ Царствѣ и даже его территоріальныхъ предѣловъ, то въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ (какъ напр., по вопросу о внутреннемъ устройствѣ государствъ Германскаго Союза), Актъ ограничивался болѣе неопредѣленными постановленіями. Употребленный имъ, какъ сейчасъ было цитировано, терминъ „конституція“, при неопредѣленности этого термина въ началѣ XIX вѣка и въ особенности въ той легитимистической средѣ, изъ которой вышелъ Актъ Вѣнскаго конгресса, не долженъ вводить въ какія бы то ни было заблужденія. Актъ предоставлялъ „благоусмотрѣнію“ русскаго Императора опредѣлить „внутреннее распространеніе сему государству“. Что же касается внутренняго устройства Царства Польскаго и тѣмъ болѣе введенія въ немъ представительныхъ

учрежденій, то спеціально объ этомъ Актъ не говорилъ ничего; онъ ограничился лишь общимъ заявленіемъ объ особомъ польскомъ представительствѣ во всѣхъ трехъ государствахъ, подѣлившихъ между собою владѣнія старой Польши, сообразно съ особенностями государственнаго строя каждаго изъ нихъ [1]). Какъ извѣстно, въ силу этого послѣдняго заявленія, Австрія и Пруссія ограничились введеніемъ въ своихъ польскихъ владѣніяхъ лишь областныхъ земскихъ учрежденій; Александръ же даровалъ Царству Польскому конституцію съ особымъ народнымъ представительствомъ, особою казною и особою арміею. Это не привело, однако, къ окончательному разрѣшенію польскаго вопроса.

Польская политика императора Александра отличалась, какъ извѣстно, большою неопредѣленностью и неустойчивостью. Въ отдѣльныхъ своихъ разговорахъ онъ не разъ говорилъ о своемъ намѣреніи возсоединить области, отошедшія къ Россіи по раздѣламъ въ XVIII в., съ Польшей, и теперь нѣкоторыя изъ его мѣропріятій какъ будто подтверждали его слова. Такъ, главнокомандующій польской арміей, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, кстати сказать, прекрасно организовавшій эту армію, командовалъ и литовскимъ корпусомъ. Въ его же лицѣ совмѣщалась и высшая гражданская власть какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Западномъ краѣ. Всѣ дальнѣйшія заявленія на этотъ счетъ императора Александра отличались, однако, большою неопредѣленностью. Его личное отношеніе къ дарованной имъ же полякамъ конституціи далеко не всегда соотвѣтствовало сану конституціоннаго монарха, а съ 1820 г. въ Польшѣ окончательно наступаетъ періодъ реакціи и административныхъ нарушеній конституціи.

Съ другой стороны, образованіе Царства Польскаго и дарованная ему конституція не удовлетворили и поляковъ, независимо отъ характера дальнѣйшей политики императора Александра. Среди польскаго общества продолжала жить надежда на

[1]) „Поляки, какъ Россійскіе подданные, такъ равномѣрно и австрійскіе и прусскіе, будутъ имѣть народныхъ представителей и національныя государственныя учрежденія, согласныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ вышеименованныхъ правительствъ будетъ признанъ за полезнѣйшій для нихъ, въ кругу Его владѣній“ (статья I Акта Вѣнскаго конгресса.)

полную политическую и національную независимость. Эта независимость должна была, по мнѣнію сторонниковъ польской національной идеи, выразиться прежде всего въ возвращеніи Царству областей, отошедшихъ къ Россіи по раздѣламъ. Неопредѣленныя на этотъ счетъ постановленія Вѣнскаго конгресса получили соотвѣтствующее истолкованіе, а такой фактъ, какъ присоединеніе въ 1811 г. къ Великому Княжеству Финляндскому Старой Финляндіи, при всей исторической несоразмѣрности этого факта съ вопросомъ о польскихъ владѣніяхъ Россіи, получалъ въ глазахъ польскаго общественнаго мнѣнія значеніе знаменательнаго прецедента. По мнѣнію новѣйшаго польскаго историка, этотъ вопросъ сыгралъ рѣшающую роль, сравнительно съ вопросомъ собственно конституціоннымъ, въ развитіи оппозиціоннаго настроенія въ польскомъ обществѣ и сталъ „однимъ изъ главныхъ факторовъ ноябрьскаго возстанія 1830—1831 года“ [1]).

Вступленіе на россійскій престолъ императора Николая I разсѣяло послѣднія надежды на возвращеніе Польшѣ земель, отошедшихъ отъ нея къ Россіи. Взгляды новаго государя на Польшу и русско-польскія отношенія были вполнѣ ясны и опредѣленны. Съ дѣтства воспитанный въ чувствѣ антипатіи къ полякамъ, Николай ихъ не любилъ и никогда этого не скрывалъ. Поляки прекрасно знали это и тоже не любили его. Николай въ свою очередь прекрасно зналъ объ отношеніи къ нему поляковъ и опять-таки не скрывалъ, что онъ знаетъ, что поляки его не любятъ. Убѣжденный сторонникъ абсолютно-монархическаго начала, онъ не могъ относиться съ симпатіей къ польской конституціи, тяготился своимъ положеніемъ въ Польшѣ, какъ конституціоннаго монарха—это стояло въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ его неограниченною властью въ Россіи—и не скрывалъ и въ этомъ отношеніи своихъ чувствъ. Съ другой стороны, однако, унаслѣдовавъ польскую конституцію отъ своего предшественника, онъ считалъ себя обязаннымъ ее соблюдать и, дѣйствительно, вплоть до разрыва съ Польшей въ 1831 г. ни въ чемъ не отступилъ отъ своихъ обязанностей конституціоннаго монарха; конституція переставала быть для него обязательной, разъ она была бы нарушена съ противоположной

[1]) Ш. Аскенази. Царство Польское 1815—1830 (руск. перев.— М. 1915), стр. 26.

стороны. Все дѣло только въ томъ, что при тѣхъ настроеніяхъ, какія жили въ польскомъ обществѣ, она не могла не быть рано или поздно нарушена. Съ своей стороны Николай I всегда высказывался противъ возсоединенія съ Польшею земель, отошедшихъ къ Россіи по раздѣламъ, и вполнѣ опредѣленно заявлялъ, что никогда не совершитъ подобнаго шага, который, по его мнѣнію, въ корень противорѣчилъ бы интересамъ Россіи. „Пока я существую, я никакимъ образомъ не могу допустить, чтобы идеи о присоединеніи Литвы къ Польшѣ могли бы быть поощряемы, такъ какъ, по моему убѣжденію, это вещь неосуществимая и которая могла бы повлечь для имперіи самыя плачевныя послѣдствія. При всемъ томъ это не мѣшаетъ мнѣ быть столь же хорошимъ полякомъ, какъ и хорошимъ русскимъ; я доказалъ и при каждомъ случаѣ буду доказывать это строгимъ и вѣрнымъ соблюденіемъ и охраненіемъ привилегій, которыя нашъ покойный ангелъ (такъ всегда называлъ Николай Павловичъ покойнаго государя въ перепискѣ съ братьями) даровалъ королевству; но, пока я живъ, я не могу терпѣть ни малѣйшей попытки сверхъ этого, направленной ко вреду имперіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; вслѣдствіе этого я не могу питать, а еще менѣе поощрять какія-либо подобныя надежды“—писалъ онъ въ своемъ письмѣ отъ 24 октября 1827 г. своему брату Константину.

При такихъ взаимныхъ отношеніяхъ и настроеніяхъ нѣкоторыя другія причины, затруднявшія въ самой Польшѣ положеніе Николая, какъ конституціоннаго монарха, играли сравнительно второстепенную роль. Причины эти заключались, главнымъ образомъ, въ личномъ характерѣ цесаревича Константина Павловича, главнокомандующаго польской арміей, получившаго послѣ смерти намѣстника Царства Польскаго князя Заіончека (28 іюня 1826 г.) еще большее значеніе въ управленіи страною: въ его рукахъ фактически сосредоточилась теперь и гражданская власть. Взгляды Константина Павловича на русско-польскія отношенія отличались гораздо меньшею послѣдовательностью. Порою, какъ будто оправдывая стремленія къ возсоединенію западныхъ областей съ Польшей, онъ въ другихъ случаяхъ своими отзывами усиливалъ въ государѣ крайнее недовѣріе къ полякамъ. Выступая иногда передъ своимъ братомъ защитникомъ строгой конституціонности, онъ при малѣйшемъ проявленіи независимо-

сти со стороны польскихъ органовъ управленія, не сдерживалъ своего негодованія и проявлялъ его въ весьма рѣзкихъ и порою обидныхъ формахъ. Своими взглядами цесаревичъ Константинъ Павловичъ внесъ много путаницы въ русско-польскія отношенія, а своимъ необузданнымъ характеромъ и своими выходками создалъ для самого себя крайне обостренныя отношенія съ высшимъ польскимъ обществомъ. Николай Павловичъ сознавалъ тяжелыя стороны характера своего брата и проистекающія отсюда для него самого затрудненія въ Польшѣ, но въ то же время считалъ необходимымъ тамъ его присутствіе для противовѣса притязаніямъ польской аристократіи.

Еще въ послѣдніе годы александровскаго царствованія въ Польшѣ возникли тайныя общества, постепенно сгруппировавшіяся вокругъ организованнаго въ 1821 г. майоромъ Валерьяномъ Лукасинскимъ Патріотическаго Общества. Всѣ эти общества преслѣдовали, главнымъ образомъ, идею полной польской національной независимости. Уже въ 1822 г. многіе изъ членовъ этихъ обществъ, и въ томъ числѣ самъ Лукасинскій, были арестованы, судимы и заключены въ крѣпость. Слѣдствіе по дѣлу декабристовъ (показанія члена польскаго тайнаго общества кн. Яблоновскаго) окончательно раскрыло личный составъ этого общества и его сношенія съ русскими тайными организаціями. 7 февраля 1826 г. въ Варшавѣ по дѣлу польскаго тайнаго общества особымъ царскимъ рескриптомъ былъ учрежденъ слѣдственный комитетъ. Этотъ комитетъ, составленный наполовину изъ русскихъ и наполовину изъ поляковъ (предсѣдатель сената гр. Станиславъ Замойскій, д. т. с. Н. Н. Новосильцевъ, сенаторы гр. С. и гр. Ф. Грабовскіе, ген.-лейт. гр. Д. Д. Курута, военный министръ царства польскаго Гауке, ген.-лейт. А. И. Кравцовъ, дивизіонный генералъ польской службы Раутенштрухъ, бар. Моренгеймъ и адъютантъ цесаревича капит.-команд. П. А. Колзаковъ), закончилъ свое слѣдствіе лишь къ 30 декабря 1826 г. Николай вначалѣ колебался, на какихъ основаніяхъ возможно учредить судъ, чтобы судить государственныхъ преступниковъ, въ виду отличія польскаго государственнаго устройства отъ русскаго. Только слѣдуя, въ значительной степени, совѣтамъ Константина Павловича, онъ рѣшилъ, наконецъ, дѣйствовать согласно польской конституціи, не распространяя ея, однако, на поляковъ, бывшихъ въ русскомъ под-

данствѣ и привлеченныхъ къ отвѣтственности: эти послѣдніе еще въ іюлѣ 1826 г. были отправлены въ Петербургъ и заключены въ Петропавловскую крѣпость. Въ началѣ іюня 1827 г. въ Варшавѣ, согласно конституціи, былъ учрежденъ особый сеймовый судъ изъ всѣхъ членовъ польскаго сената. Предсѣдателемъ суда былъ назначенъ сенаторъ Бѣлинскій. Въ то же время въ Варшаву были откомандированы представители отъ Правительствующаго Сената для суда надъ поляками, состоявшими въ русскомъ подданствѣ, которые къ этому времени были снова привезены въ Варшаву. Сеймовый судъ призналъ подсудимыхъ виновными лишь въ недонесеніи о преступныхъ замыслахъ тайнаго сообщества россійскаго (подъ чѣмъ подразумѣвался, главнымъ образомъ, замыселъ на цареубійство) и къ лѣту 1828 г. вынесъ полное оправданіе почти всѣмъ подсудимымъ; лишь нѣкоторые изъ нихъ были приговорены къ незначительному тюремному заключенію. При этомъ предсѣдатель суда мотивировалъ приговоръ тѣмъ, что основныя цѣли польскаго тайнаго общества не только не преступны, но и вполнѣ согласны съ постановленіями Вѣнскаго конгресса и обѣщаніями покойнаго государя. Николай былъ очень недоволенъ такимъ результатомъ суда и, замедливъ конфирмаціей приговора, запросилъ о приговорѣ административный совѣтъ Царства Польскаго въ такой формѣ: „Слѣдуетъ ли приговоръ сеймоваго суда приписать ошибочнымъ представленіямъ о существѣ государственнаго преступленія или стремленію покровительствовать самымъ преступнымъ замысламъ“. Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что приговоръ слѣдуетъ приписать исключительно недостаткамъ дѣйствующаго уголовнаго судопроизводства. Въ мартѣ 1829 г. приговоръ сеймоваго суда былъ утвержденъ, но польскій сенатъ получилъ высочайшій выговоръ. Приговоръ Правительствующаго Сената надъ поляками, состоявшими въ русскомъ подданствѣ, перешедшій на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и утвержденный 24 февраля 1829 г., былъ гораздо суровѣе: подсудимые были подвергнуты различнымъ строгимъ наказаніямъ—заключенію въ крѣпость, ссылкѣ въ Сибирь, отдачѣ въ солдаты и т. п. Приговоръ сеймоваго суда и конфликтъ изъ-за него у монарха съ польскимъ сенатомъ получили политическое значеніе и способствовали наростанію въ Польшѣ оппозиціонно-революціоннаго настроенія.

Судъ надъ участниками польскаго тайнаго общества и со-

здавшіяся на этой почвѣ тренія замедлили выполненіе основного обязательства, возлагаемаго на Николая I польской конституціей — коронованіе польскою короною. Весною 1829 г. стало возможнымъ совершить этотъ обрядъ. Выполненіе этого обряда было ему очень не по душѣ; выполнить его, тѣмъ не менѣе, онъ считалъ себя обязаннымъ. Воспользовавшись тѣмъ, что обрядъ, по которому должна была совершаться коронація всѣхъ преемниковъ Александра въ Польшѣ польскими королями, о чемъ говорила 45-я статья конституціи, остался до конца царствованія Александра не установленнымъ, онъ рѣшилъ, однако, ограничиться возможно меньшими церемоніями. Особенно смущала его духовная сторона обряда. Онъ рѣшительно высказался противъ совершенія духовной церемоніи въ католическомъ соборѣ и только по настоянію цесаревича согласился на молебствіе въ соборѣ, на которомъ онъ могъ быть лишь въ качествѣ присутствующаго послѣ того, какъ коронація будетъ совершена въ королевскомъ замкѣ. Въ первыхъ числахъ мая 1829 г. государь съ государыней, наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ и вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ прибыли въ Царство Польское. 5-го мая былъ совершенъ торжественный въѣздъ въ Варшаву. 6-го мая государь присутствовалъ на разводѣ на Саксонской площади, который производилъ цесаревичъ. 9-го мая самъ государь производилъ смотръ войскамъ, собраннымъ въ Варшавѣ. 12-го мая въ королевскомъ замкѣ, въ залѣ сената, состоялась коронація. Послѣ произнесенія архіепископомъ-примасомъ молитвы государь возложилъ на себя корону, принялъ регаліи и возложилъ на императрицу знаки ордена Бѣлаго Орла. Затѣмъ имъ была принесена присяга конституціи. Послѣ этого архіепископъ-примасъ провозгласилъ троекратно „Vivat rex in aeternam“ и прочелъ молитву за короля и благоденствіе его державы. По окончаніи обряда государь, въ сопровожденіи государыни, наслѣдника, великихъ князей, княгини Ловичъ и всѣхъ присутствовавшихъ на коронаціи, прослѣдовалъ въ соборъ св. Яна, гдѣ было совершено молебствіе. Въ теченіе слѣдующихъ дней происходили придворныя и народныя увеселенія, закончившіяся 16 мая народнымъ угощеніемъ на Уяздовскомъ полѣ, которое посѣтили государь и государыня. 22-го мая государь выѣхалъ изъ Варшавы въ Берлинъ. На обратномъ пути онъ пробылъ въ Варшавѣ съ 4-го по 13-е іюня.

Здѣсь было имъ получено извѣстіе о побѣдѣ при Кулевчѣ, что и было отпраздновано молебствіемъ въ лагерѣ при Повонзкахъ [1]). На пути въ Варшаву и отъ Варшавы онъ осматривалъ польскія крѣпости и останавливался въ цѣломъ рядѣ городовъ, гдѣ производилъ смотры и маневры (Калишъ, Ловичъ, Красноставъ, Замосць, Луцкъ); 19 іюня онъ уже покинулъ предѣлы Польши. Послѣ смотра въ этотъ день войскъ гвардейскаго корпуса въ Тульчинѣ онъ посѣтилъ Кіевъ (23—26 іюня) и отсюда, черезъ Козелецъ и Черниговъ, отправился въ Бобруйскъ, гдѣ осматривалъ крѣпость (30 іюня—3 іюля). Отсюда, черезъ Могилевъ, Витебскъ, Великіе Луки и Старую Руссу, онъ вернулся къ 11 іюля въ Царское Село. По отзывамъ современниковъ, во время пребыванія въ Варшавѣ мѣстное населеніе принимало восторженно государя и государыню; во время самой церемоніи коронованія чувствовалась, однако, холодность присутствовавшихъ представителей польской націи.

Короновавшись польскимъ королемъ и выполнивъ, такимъ образомъ, обязательство, возлагаемое на него конституціей, Николай I рѣшилъ осуществить и одно изъ основныхъ правъ, утвержденныхъ этою конституціей за польской націей: на 1830 г. былъ назначенъ созывъ польскаго сейма, который не собирался еще въ его царствованіе и въ послѣдній разъ созывался императоромъ Александромъ I въ 1825 г. Мысль о созывѣ сейма была встрѣчена несочувственно цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, но государь остался твердъ въ своемъ намѣреніи. Въ февралѣ 1830 г. происходили выборы, а 25 марта послѣдовалъ манифестъ о созывѣ сейма, открытіе котораго было назначено на 16 мая. Правительственные проекты, которые предполагалось предложить на обсужденіе сейма, сводились къ предложенію о сооруженіи народнаго памятника императору Александру I, какъ возстановителю отечества, къ проекту новаго закона объ ограниченіи удобствъ къ брачному разводу, къ предложенію о продолженіи работъ по изданію гра-

---

[1]) Николай Павловичъ въ теченіе русско-турецкой войны вообще всячески старался оказать вниманіе полякамъ. Еще до коронаціи, послѣ взятія Варны, онъ подарилъ польской арміи двѣнадцать турецкихъ пушекъ въ память того, что „одинъ изъ его предшественниковъ, король Владиславъ, палъ въ славной борьбѣ“. Когда былъ заключенъ Адріанопольскій миръ, часть военныхъ трофеевъ была поставлена въ Варшавѣ, въ соборѣ св. Яна.

жданскаго кодекса и къ проекту, вносящему измѣненіе въ уголовное судопроизводство. Лично государь находилъ подобную программу работъ сейма черезчуръ скромной; онъ не хотѣлъ, однако, отсрочивать открытіе сейма, что было бы необходимо для выработки болѣе широкихъ проектовъ, и къ тому же предпочиталъ обойти на первомъ сеймѣ все, что могло бы создать поводъ къ какому бы то ни было разладу или конфликту. Николай I лично присутствовалъ при открытіи сейма и произнесъ свою тронную рѣчь на французскомъ языкѣ. Привѣтствуя въ этой рѣчи народныхъ представителей и указывая на предложенные законопроекты, государь подчеркнулъ, что имъ будутъ приняты благопріятно тѣ „поправки, какія представители націи найдутъ нужнымъ въ нихъ внести“. Впервые въ рѣчи къ польскому сейму были теперь затронуты, по поводу окончанія войнъ съ Турціей и Персіей, вопросы международной политики. „Всемогущій—говорилось въ рѣчи—благословилъ наше оружіе въ двухъ войнахъ, которыя имперія только что должна была вести. Польшѣ не пришлось нести ихъ тягостей, однако она пользуется выгодами, которыя явились слѣдствіемъ ихъ, благодаря тому братству въ славѣ и интересахъ, которое связуется отнынѣ съ ея неразрывнымъ единеніемъ съ Россіей. Польская армія не приняла активнаго участія въ войнѣ; мое довѣріе указало ей другой постъ, не менѣе важный: она составляла авангардъ арміи, долженствовавшій охранять безопасность имперіи...“ Чтобы не стѣснять работъ сейма (его засѣданія должны были продолжаться 30 дней), государь на все время сессіи покинулъ Варшаву; онъ посѣтилъ за это время, съ 25 мая по 7 іюня, Елизаветградъ, Кременчугъ, Козелецъ, Кіевъ, Ковно и Брестъ-Литовскъ.

Къ созыву сейма въ Польшѣ, въ принципѣ, отнеслись сочувственно. Въ глазахъ польскаго общества онъ получалъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ средство заявить о своихъ взглядахъ и выяснить свое отношеніе къ правительству и его представителю въ Польшѣ, цесаревичу Константину Павловичу, отношенія къ которому принимали все болѣе и болѣе натянутый характеръ. На самомъ сеймѣ образовалась довольно сильная оппозиція. Сочувственно было принято упоминаніе тронной рѣчи о событіяхъ внѣшней политики; зато заявленіе о „неразрывномъ единеніи съ Россіей“ было встрѣчено съ неудоволь-

ствіемъ. Тотъ изъ правительственныхъ законопроектовъ, которому государь придавалъ особое значеніе, объ ограниченіи удобствъ къ брачнымъ разводамъ, былъ отвергнутъ, и правительство не встрѣтило въ данномъ случаѣ поддержки со стороны католическаго духовенства, на которое оно разсчитывало. Тѣмъ не менѣе сеймъ не былъ распущенъ до срока и могъ закончить свои работы. Закрытіе сейма послѣдовало 16 іюня. Закрывая сеймъ, Николай снова обратился къ нему съ рѣчью, которая заканчивалась словами: „quoique éloigné de Vous, je veillerai perpétuellement à Votre véritable bonheur“. Съ внѣшней стороны сессія окончилась благополучно. Оппозиціонное настроеніе, однако, замѣтно наростало, и холодность въ отношеніяхъ между государемъ и его польскими подданными все увеличивалась.

Между тѣмъ идея полной національной независимости среди поляковъ не умирала. Разочаровавшись въ надеждахъ на добровольное возсоединеніе русскимъ правительствомъ западныхъ областей съ Польшей, сторонники національной идеи окончательно вступили теперь на путь революціоннаго разрыва съ Россіей. Почва къ этому была уже подготовлена упомянутыми тайными обществами 20-хъ гг. Теперь эта идея получила широкое распространеніе среди мелкой шляхты, городского населенія, учащейся молодежи, польскаго офицерства и интеллигенціи. Полученныя вскорѣ послѣ этого въ Варшавѣ извѣстія о революціи во Франціи содѣйствовали еще большему возбужденію умовъ: начались уличныя движенія, стали появляться прокламаціи, произносились рѣчи. Извѣстія о военныхъ приготовленіяхъ въ Россіи для подавленія бельгійской революціи дали послѣдній толчокъ къ революціонному взрыву. Къ ночи 17 ноября 1830 г. толпа, состоящая преимущественно изъ студентовъ и воспитанниковъ военной школы, ворвалась во дворъ Бельведерскаго замка, резиденцію цесаревича Константина Павловича. Предпринятая одновременно съ этимъ попытка обезоружить русскіе кавалерійскіе полки, захвативъ ихъ въ казармахъ, не удалась; зато мятежникамъ удалось захватить и разграбить богатый оружіемъ арсеналъ. Быстро вся Варшава была охвачена мятежомъ. Вице-президентъ города Любовицкій, генералъ Жандръ, военный министръ Гауке, генералы Трембицкій и Станиславъ Потоцкій и многіе другіе были убиты. Часть польскаго гарнизона оставалась еще спокойной

и вѣрной присягѣ. Русскія кавалерійскія войска успѣли стянуться къ Бельведеру, а русская пѣхота заняла сѣверную часть города. Съ трудомъ спасшійся изъ своего дворца цесаревичъ не пожелалъ, однако, усиливать кровопролитія вмѣшательствомъ въ дѣло русскихъ войскъ и, покинувъ городъ, расположился въ его ближайшихъ окрестностяхъ.

Въ виду наступившей въ городѣ дезорганизаціи, городской совѣтъ, въ которомъ видную роль начали играть министръ финансовъ кн. Любецкій и кн. Адамъ Чарторижскій, принялъ на себя временное правленіе „отъ имени короля Николая“ и предполагалъ спасти положеніе и добиться извѣстныхъ результатовъ, вступивъ на путь переговоровъ, черезъ цесаревича Константина, съ русскимъ правительствомъ. Къ этой программѣ примыкали и многіе изъ представителей высшей польской аристократіи и наиболѣе зажиточные слои городского населенія. Быстро возобладало, однако, другое, крайнее революціонное направленіе, нашедшее себѣ выраженіе въ возникшемъ въ это время въ Варшавѣ „патріотическомъ клубѣ“, гдѣ главную роль играли теперь писатель Маврикій Мохнацкій, адвокатъ Броніковскій и, въ особенности, историкъ Іоахимъ Лелевель, занимавшій прежде каѳедру въ Виленскомъ университетѣ и удаленный оттуда въ 1824 г. Это направленіе, надѣясь на поддержку революціонной Франціи, было противъ какихъ бы то ни было переговоровъ и стояло за немедленный и полный разрывъ съ Россіей. Любецкому удалось было вступить въ переговоры съ Константиномъ Павловичемъ, и есть извѣстіе, что послѣдній согласился ходатайствовать передъ государемъ объ амнистіи мятежникамъ и о сохраненіи конституціи, а также о присоединеніи къ Польшѣ русско-польскихъ областей или, по крайней мѣрѣ, о введеніи тамъ „національныхъ учрежденій“. Эта попытка Любецкаго была, однако, встрѣчена несочувственно въ Варшавѣ, гдѣ окончательно восторжествовала крайняя революціонная партія. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ рѣшилъ покинуть Польшу, вывести оттуда русскія войска и разрѣшилъ остававшимся при немъ польскимъ войскамъ вернуться въ Варшаву. Ему былъ обезпеченъ за это свободный проходъ къ границамъ имперіи. Польская государственная казна, польское войско, крѣпости Модлинъ и Замосць были въ рукахъ возставшихъ. Послѣ удаленія цесаревича и русскихъ войскъ было

избрано временное правительство (23 ноября) подъ предсѣдательствомъ кн. Ад. Чарторижскаго, немедленно облекшее диктаторскою властью ген. Іосифа Хлопицкаго, популярнаго среди населенія еще до возстанія и выдвинувшагося во время послѣднихъ событій. Однимъ изъ первыхъ мѣропріятій диктатора была посылка депутатовъ въ Петербургъ для переговоровъ съ императоромъ Николаемъ. Переговоры должны были вестись на началахъ сохраненія конституціи и возсоединенія отошедшихъ къ Россіи польскихъ областей. Депутатами были избраны кн. Любецкій и гр. Езерскій.

Первое извѣстіе о варшавскихъ событіяхъ Николай Павловичъ получилъ вечеромъ 25 ноября; это было краткое донесеніе отъ цесаревича о возмущеніи войскъ съ сообщеніемъ именъ убитыхъ генераловъ и указаніемъ, какія войсковыя части сохранили вѣрность. Только на другой день пришло запоздавшее, болѣе раннее, донесеніе отъ него, содержавшее въ себѣ больше подробностей, а 27 ноября и третье—о рѣшеніи цесаревича покинуть съ русскими войсками Польшу. На другой день послѣ полученія перваго изъ этихъ донесеній государь, послѣ развода 3-го баталіона Преображенскаго полка, въ манежѣ сообщилъ офицерамъ о возмущеніи въ Варшавѣ. Это извѣстіе было принято съ негодованіемъ, и офицеры громко выражали свою готовность слѣдовать повелѣніямъ государя. Генералъ-адъютанту бар. Г. В. Розену тотчасъ же было повелѣно сосредоточить Литовскій корпусъ въ Брестѣ и Бѣлостокѣ для немедленнаго движенія на Варшаву; первый корпусъ долженъ былъ поддержать его. Черезъ день, однако, это распоряженіе было измѣнено, и рѣшено было собрать противъ поляковъ сразу большое количество войскъ. 1 декабря фельдмаршаломъ дѣйствующей арміи былъ назначенъ вернувшійся изъ Берлина гр. Дибичъ, а начальникомъ штаба арміи ген.-ад. гр. К. Ѳ. Толь. 5 декабря было издано воззваніе къ народу и войску Царства Польскаго (контрасигнированное ст.-секр. Царства Польскаго гр. Станиславомъ Грабовскимъ), а 12 декабря манифестъ, коими обѣщалось прощенье подъ условіями немедленнаго возвращенія къ исполненію своего долга, отпуска плѣнныхъ и возстановленія законнаго управленія. Прибывшіе Любецкій и Езерскій были приняты — первый лишь какъ членъ правительства императора Николая, а второй—какъ его спут-

никъ, и притомъ оба порознь. Въ переговорахъ съ ними государь всецѣло остался на томъ, что было имъ заявлено въ воззваніи и манифестѣ.

Въ Варшавѣ, по полученіи извѣстій о происходившемъ въ Петербургѣ и о мѣропріятіяхъ Николая, оставались непримиримыми. Собравшійся сеймъ началъ съ того, что одобрилъ возстаніе 17 ноября и издалъ „Манифестъ польскаго народа“, въ которомъ заявлялось, что польская нація не положитъ оружія, пока не завоюетъ свою независимость и не освободитъ своихъ порабощенныхъ Россіею братьевъ. Хлопицкій при такомъ оборотѣ дѣлъ сложилъ съ себя диктатуру. 13 января 1831 г. сеймъ въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ провозгласилъ домъ Романовыхъ лишеннымъ польскаго престола. Главою національнаго правительства былъ избранъ кн. Адамъ Чарторижскій, главнокомандующимъ польскихъ войскъ—кн. Михаилъ Радзивиллъ. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ манифестъ императора Николая отъ 25 января, въ которомъ говорилось: „13 сего мѣсяца среди мятежнаго противозаконнаго сейма, присваивая себѣ имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что царствованіе наше и дома нашего прекратилось въ Польшѣ, и что тронъ, возстановленный императоромъ Александромъ, ожидаетъ иного монарха. Сіе наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломысліи исполнили мѣру преступленій; настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и Мы, призвавъ въ помощь Всевышняго Судью дѣлъ и намѣреній, повелѣли нашимъ вѣрнымъ войскамъ идти на мятежниковъ. Россіяне! Въ сей важный часъ, когда съ прискорбіемъ отца, но со спокойною твердостью царя, исполняющаго священный долгъ свой, мы извлекаемъ мечъ за честь и цѣлость державы нашей, соедините усердныя мольбы съ нашими мольбами предъ алтаремъ Всевидящаго Праведнаго Бога. Да благословитъ Онъ оружіе наше для пользы и самихъ нашихъ противниковъ; да устранитъ скорою побѣдою препятствія въ великомъ дѣлѣ успокоенія народовъ, десницею Его намъ ввѣренныхъ, и да поможетъ намъ, возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей нашей имперіи, и положить навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтаю

щихъ о раздѣленіи". Личный взглядъ императора Николая на создавшееся положеніе вещей и на будущее Польши и Россіи выясняется изъ его переписки за это время съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Въ одномъ изъ его писемъ къ цесаревичу (около 3 января 1831 г.) встрѣчается такая фраза: „Кто изъ двухъ долженъ погибнуть—такъ какъ, повидимому, погибнуть необходимо,—Россія или Польша? Рѣшайте сами".

28 декабря 1830 г. Дибичъ былъ уже въ Гроднѣ и 13 января вступилъ съ своими главными силами въ Польшу. Первыя схватки (2 февраля у Сточка и 5 февраля у Добраго) были скорѣе благопріятны для поляковъ. Но уже 7 февраля было нанесено полякамъ чувствительное пораженіе у Вавра, что отдавало въ руки русскихъ высоты, съ которыхъ открывался путь на Варшаву. 13 февраля послѣдовалъ рѣшительный бой около предмѣстья Варшавы Праги, при Гроховѣ. Поляки были разбиты на голову, въ полномъ разстройствѣ оставили Прагу и, перейдя мостъ, отступили за Вислу въ Варшаву. Дибичъ не поспѣшилъ, однако, использовать результаты побѣды и вмѣсто того, чтобы, преслѣдуя непріятеля, вступить за нимъ и перенести бой въ Варшаву или начать бомбардировку столицы, отдалъ приказъ войскамъ расположиться въ одной верстѣ отъ Праги. Этотъ шагъ главнокомандующаго—причины его остаются до сихъ поръ не вполнѣ выясненными—имѣлъ рѣшительное значеніе для всего послѣдующаго хода событій. Паника, наступившая въ Варшавѣ при извѣстіи о пораженіи, начала проходить. Кн. Радзивиллъ, совершенно растерявшійся во время сраженія, былъ отстраненъ, и главное начальствованіе надъ войсками перешло къ ген. Яну Скржинецкому, сохранившему при Гроховѣ полное самообладаніе: онъ выполнилъ тогда трудную задачу прикрытія отступленія. Скржинецкому и ген. Прондзинскому удалось выиграть нѣсколько сраженій. Возстаніе начало распространяться въ Литву, гдѣ вторгнувшіеся поляки встрѣчали содѣйствіе у мѣстнаго дворянства (гр. Цезарь Пляттеръ), и даже были попытки вторженія въ Подолію, Волынь и Украйну. Николай Павловичъ былъ очень недоволенъ мѣропріятіями Дибича послѣ Грохова. Въ то же время послѣдующія за этимъ событія убѣдили его, что положеніе дѣлъ гораздо болѣе серьезно и требуетъ большаго напряженія силъ, чѣмъ это сперва казалось. Была организована резервная армія подъ начальствомъ

гр. П. А. Толстого. Не довѣряя дѣйствіямъ и распоряженіямъ Дибича, государь самъ, съ своей стороны, выработалъ планъ дальнѣйшихъ операцій, разойдясь съ главнокомандующимъ въ вопросѣ о переходѣ черезъ Вислу (Николай Павловичъ стоялъ за переходъ черезъ нижнюю Вислу, ближе къ прусской границѣ; Дибичъ предполагалъ перейти рѣку въ ея верхнемъ теченіи). Этотъ планъ былъ сообщенъ государемъ Дибичу, однако, съ *приказаніемъ* „руководствоваться исключительно личнымъ убѣжденіемъ". Одновременно съ этимъ государь 5-го апрѣля вызвалъ изъ Тифлиса на театръ военныхъ дѣйствій фельдмаршала И. Ѳ. Паскевича. Новая рѣшительная побѣда, одержанная къ этому времени надъ поляками, замедлила, однако, смѣну главнокомандующаго. 14-го мая при Остроленкѣ Дибичъ разбилъ Скржинецкаго, начавшаго наступательное движеніе противъ русскаго гвардейскаго корпуса, стоявшаго въ то время между Наревомъ и Бугомъ. Однако, и послѣ этого Дибичъ воздержался отъ дальнѣйшихъ рѣшительныхъ дѣйствій, далъ Скржинецкому отступить къ Варшавѣ и расположился самъ между Пултускомъ, Голыминомъ и Масковымъ, готовясь перейти Вислу. 29-го мая Дибичъ скончался отъ холеры, отъ которой въ это время сильно страдала наша армія [1]). 4-го іюня главнокомандующимъ былъ назначенъ Паскевичъ.

Прибывшій въ Петербургъ еще 12-го мая, Паскевичъ отправился къ арміи моремъ и, высадившись въ Мемелѣ, къ 14-му іюня былъ въ Пултускѣ. Паскевичъ принялъ планъ государя о переходѣ черезъ Вислу въ ея нижнемъ теченіи. Переходъ былъ совершенъ у Осьска близъ самой прусской границы, при содѣйствіи со стороны Пруссіи, насколько это было возможно безъ риска вызвать какія-либо дипломатическія осложненія; такъ, провіантъ для русскихъ войскъ доставлялся изъ магазиновъ торнской области. Къ 9-му іюля шестьдесятъ тысячъ русскаго войска стояло на лѣвомъ берегу Вислы. Не рѣшивъ еще окончательно вопроса о штурмѣ Варшавы и предполагая сначала взять городъ изморомъ, Паскевичъ началъ медленное наступательное движеніе и въ 20-хъ числахъ іюля расположился у Ловича. Положеніе поляковъ стало къ этому времени оконча-

[1]) Въ ночь съ 14-го на 15-е іюня отъ эпидеміи въ Витебскѣ скончался и цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

тельно критическимъ. Возстаніе въ Литвѣ въ крупныхъ размѣрахъ не удалось, и изъ трехъ оперировавшихъ тамъ военноначальниковъ удалось вернуться въ Варшаву одному только Дембинскому. Выдвинувшій противъ Паскевича войска, главнокомандующій Скржинецкій, какъ съ своей стороны и Паскевичъ, не былъ намѣренъ рѣшать дѣло открытымъ сраженіемъ. Его заподозрили въ измѣнѣ и лишили командованія (29-го іюля). Въ Варшавѣ началась анархія. Въ началѣ августа глава національнаго правительства кн. Чарторижскій покинулъ столицу. Послѣ этого власть окончательно перешла въ руки крайней партіи. Главою правительства былъ избранъ генералъ гр. Янъ Круковицкій. Главное командованіе, въ концѣ концовъ, перешло къ Малаховскому. На военномъ совѣтѣ рѣшено было ожидать штурма непріятеля за укрѣпленіями Варшавы. Къ этому времени Паскевичъ окончательно собралъ свои силы и старательными упражненіями подготовилъ войска къ штурму. Передъ штурмомъ была сдѣлана послѣдняя попытка вступить въ переговоры. Переговоры состоялись 23-го августа между ген. Даненбергомъ, съ русской стороны, и подполковникомъ Прондзинскимъ — съ польской. Даненбергъ заявилъ, что онъ уполномоченъ обѣщать амнистію и сохраненіе конституціи подъ условіемъ сдачи и отвода польскихъ войскъ къ Плоцку. Въ Варшавѣ обсуждался вопросъ о принятіи русскихъ предложеній, но верхъ одержало мнѣніе Бонавентуры Нѣмоевскаго: переговоры могутъ вестись только на основаніяхъ „Манифеста польскаго народа“. Это рѣшило судьбу столицы Царства Польскаго. Послѣ двухдневнаго штурма Варшава была взята. Часть польской арміи (въ Варшавѣ, Модлинѣ и Замосцьѣ) сдалась; значительная часть удалилась за-границу, въ Пруссію и Австрію, куда эмигрировало и большинство изъ дѣятелей возстанія, между ними кн. Ад. Чарторижскій, а также и послѣднее революціонное правительство во главѣ съ избраннымъ на мѣсто Круковицкаго Бонавентурой Нѣмоевскимъ.

4-го сентября въ Царскомъ Селѣ было получено извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичъ былъ награжденъ титуломъ свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго. 6 октября въ Петербургѣ былъ парадъ и торжественное молебствіе на Марсовомъ полѣ; въ этотъ же день былъ обнародованъ манифестъ о прекращеніи „возженной измѣною войны“.

Польское возстаніе 1830-31 гг. имѣло глубокія историческія послѣдствія. Съ первымъ его взрывомъ въ русской правительственной политикѣ надолго умерла мысль объ исправленіи „исторической несправедливости“ польскихъ раздѣловъ XVIII в., и политика суровой безжалостной дѣйствительности вступила въ свои права. Извѣстный разговоръ Александра съ Чарторижскимъ весною 1796 г. въ аллеяхъ Таврическаго сада, когда будущій россійскій вѣнценосецъ въ бесѣдѣ съ польскимъ магнатомъ осуждалъ польскую политику своей бабки, первое проявленіе мысли о необходимости загладить „вину“ екатерининской политики, мысли, которой не чуждъ былъ позднѣе императоръ Павелъ, и которая такъ много объясняетъ въ его старшихъ сыновьяхъ, придавая имъ рыцарственный ореолъ, а черезъ нихъ всей русской политикѣ начала XIX в. своеобразный романтическій оттѣнокъ. Плохо усвоенная, не всегда искренне воспринимаемая, преисполненная недомолвокъ, столь характерныхъ и для Александра лично и вообще для дипломатіи его времени, эта мысль находитъ свое осуществленіе въ конституціи Царства Польскаго 1818 г. Для людей иной политической школы, воспитанныхъ въ суровыхъ принципахъ „raison d'état“ XVIII вѣка, эта мысль была прежде всего измѣною политическимъ традиціямъ тбй, чья политика на темномъ фонѣ павловскаго царствованія, а позднѣе неудачъ эпохи Тильзита, стала какъ бы завѣтомъ русской національной политики. Рѣзкая реплика, поданная только что назначенному министромъ иностранныхъ дѣлъ кн. Адаму Чарторижскому приближеннымъ Александра кн. П. Долгорукимъ, была выраженіемъ этого настроенія [1]). Это настроеніе было широко распространено среди старшаго поколѣнія александровскихъ совѣтниковъ; оно было не чуждо друзьямъ государя по Негласному комитету и прежде всего тому Н. Н. Новосильцеву, чье имя позднѣе предавалось въ Польшѣ проклятію, но кто въ этомъ отношеніи оставался въ 1815 г. тѣмъ же, какимъ онъ былъ десять лѣтъ тому назадъ. Оно заключало въ себѣ зерно истины и прежде всего вскрывало глубокую пропасть, раздѣлявшую думы и чувства поляка и русскаго въ то время, которая могла быть заполнена лишь много позднѣе, когда забу-

[1]) Вступивъ за царскимъ столомъ въ споръ съ Чарторижскимъ по польскому вопросу, Долгорукій ему сказалъ: „Вы разсуждаете, какъ польскій князь, а я какъ русскій князь“.

дутся старые счеты и обиды. Вошедшее въ credo русской консервативной партіи, это настроеніе въ эпоху реакціи было использовано европейской, прежде всего австро-германской, дипломатіей въ цѣляхъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ тѣмъ, за что стояли русскіе „націоналисты“ начала XIX в. и, наконецъ, послѣ 1830 г. надолго стало русскою правительственною дѣйствительностью. Польское возстаніе въ этомъ направленіи опредѣлило всю послѣдующую политику Николая I и будущее положеніе Царства Польскаго, какъ составной части единой Россійской имперіи. Съ другой стороны, оно явилось осложняющимъ фактомъ и въ области международныхъ отношеній. Наряду съ восточною политикою императора Николая I въ первые годы его царствованія оно стало какъ бы однимъ изъ исходныхъ пунктовъ не только русской, но и общеевропейской политики послѣдующаго времени. Переплетаясь между собою, восточный и польскій вопросъ въ серединѣ тридцатыхъ годовъ создаютъ ту почву, на которой складываются международные комбинаціи тройственнаго соглашенія (Россія Австрія и Пруссія) и четверного союза (Англія, Франція, Испанія и Португалія), что опредѣляетъ, въ свою очередь, весь дальнѣйшій ходъ внѣшней политики императора Николая I.

Съ подавленіемъ возстанія польское національно-революціонное движеніе не прекратилось. Значительная часть участниковъ возстанія, многіе изъ польскаго войска, эмигрировавъ, нашли убѣжище за-границей, главнымъ образомъ, во Франціи. Здѣсь изъ своей среды ими былъ избранъ центральный комитетъ подъ предсѣдательствомъ послѣдняго предсѣдателя революціоннаго польскаго правительства Бонавентуры Нѣмоевскаго. 19 октября 1831 г. императоромъ Николаемъ былъ изданъ указъ объ общей амнистіи, не распространявшійся, однако, на зачинщиковъ возстанія, членовъ революціоннаго правительства и сейма и офицеровъ, ушедшихъ послѣ сдачи Варшавы за-границу. Указомъ объ амнистіи воспользовались сравнительно немногіе. „Польская эмиграція“ становится съ этого времени извѣстнымъ реальнымъ фактомъ въ исторіи Европы. Воздѣйствуя на западно-европейское общественное мнѣніе въ неблагопріятномъ для Россіи направленіи, она осложняетъ, въ извѣстной мѣрѣ, и внѣшнюю политику императора Николая. Въ связи съ общимъ демократическимъ движеніемъ, въ 1833 г. создается

общество „Молодой Польши“, входящее въ составъ демократическаго союза „Молодой Европы“. Это общество старается развить пропаганду польской національно-революціонной идеи и въ предѣлахъ Россіи, гдѣ въ его духѣ дѣйствовало также „Общество польскаго народа“, возникшее еще въ 1831 г. въ Краковѣ. Съ 1835 г. это послѣднее начинаетъ подчиняться вліянію другого, такъ называемаго „Демократическаго Общества“, существовавшаго за-границей съ 1832 г. и имѣвшаго уже нѣсколько соціалистическій оттѣнокъ. Это повлекло за собою реорганизацію устройства „Общества“ въ смыслѣ большей централизаціи, и съ этого же времени усиленно начала пропагандироваться идея новаго возстанія: въ 1839 г. въ Вильнѣ былъ разстрѣлянъ членъ „Общества“ Симонъ Конарскій, съ 1835 г. ведшій въ Литвѣ пропаганду. Въ предѣлахъ Россіи пропаганда, въ общемъ, распространялась, однако, сравнительно слабо; центромъ пропаганды и движенія сталъ вольный городъ Краковъ.

Во время возстанія поляки не разъ обращались съ просьбою о содѣйствіи къ европейскимъ правительствамъ, встрѣчая, обыкновенно, на словахъ сочувственное отношеніе не только во Франціи, гдѣ общественное мнѣніе было на ихъ сторонѣ, но и у болѣе консервативно-настроенныхъ державъ, какъ напримѣръ, въ Австріи, которая въ началѣ какъ будто была не прочь использовать движеніе въ своихъ интересахъ, въ виду успѣховъ Россіи на Востокѣ. Въ іюлѣ 1831 г. Англія и Франція сдѣлали совмѣстное предложеніе о посредничествѣ, которое было самымъ рѣшительнымъ образомъ отклонено императоромъ Николаемъ. Дальше словъ, однако, дѣло не пошло, и какой-либо существенной поддержки въ теченіе всего возстанія поляки ни отъ кого не получили. Послѣ взятія Варшавы, что вызвало въ Парижѣ антирусскія уличныя демонстраціи и дебаты въ палатѣ, правительство Людовика-Филиппа, въ лицѣ его министра Казимира Перье, точно также не сочло возможнымъ официально поддержать польскихъ эмигрантовъ, не желая изъ-за этого нарушать только что кое-какъ наладившіяся добрыя отношенія съ Россіей. Тѣмъ не менѣе, по предложенію того же Перье, палата вотировала ассигнованіе въ извѣстный фондъ (до 3 милліоновъ франковъ) „на поддержку политическихъ изгнанниковъ“: фактически значительное большинство этихъ по-

слѣднихъ составляли поляки. Послѣ упраздненія конституціи Царства Польскаго Англія и Франція сдѣлали въ Петербургѣ новое заявленіе о томъ, что присоединеніе Царства къ Россіи на Вѣнскомъ конгрессѣ было обусловлено дарованіемъ Польшѣ „конституціи“. Въ отвѣтъ на это послѣдовала нота Нессельроде, заявлявшая, что польская конституція — исключительно даръ императора Александра, не гарантированный Вѣнскимъ конгрессомъ.

Съ своей стороны, императоръ Николай, по мѣрѣ того, какъ шли военныя дѣйствія, не разъ задавался мыслью о будущей судьбѣ Царства Польскаго. Одно время онъ останавливался на мысли ограничиться присоединеніемъ къ Россіи польскихъ земель до Вислы и Буга, предоставивъ остальныя земли Австріи и Пруссіи. Основанія этой мысли были изложены государемъ въ его собственноручной запискѣ. Отвѣчая, по всей вѣроятности, на эти мысли государя, Паскевичъ, въ свою очередь, развилъ подобный же планъ въ своей запискѣ отъ 4 іюня 1831 г. Въ противоположность мысли государя о безвозмездной отдачѣ части польскихъ земель, Паскевичъ проектировалъ обмѣнъ. По его плану, Пруссіи должны были быть предложены воеводства Мазовецкое, Калишское и Сандомирское, въ обмѣнъ за что она должна была бы уступить намъ крѣпость Торнъ, городъ Мемель и устья Нѣмана. Австрія, за уступку Краковскаго воеводства, должна была бы уступить намъ Тарнопольскую область. Всѣ эти мысли не встрѣтили, однако, сочувственнаго отклика со стороны нашихъ сосѣдей. Зато, ко времени окончанія военныхъ дѣйствій, послѣ взятія Варшавы, принципіальное сочувствіе берлинскаго и вѣнскаго дворовъ было уже всецѣло на сторонѣ Николая. Общее настроеніе умовъ заставляло названные дворы опасаться, что движеніе въ Царствѣ Польскомъ найдетъ отзвукъ и въ ихъ собственныхъ польскихъ владѣніяхъ. Въ тѣхъ соглашеніяхъ, какія въ 1833 г., какъ мы увидимъ ниже, были вновь заключены, на почвѣ опасенія революціонныхъ движеній, между Россіей, Австріей и Пруссіей, въ противовѣсъ сближенію Франціи и Англіи, нашелъ себѣ мѣсто и вопросъ о Польшѣ. Одновременно съ заключеніемъ конвенціи въ Мюнхегрецѣ между Россіей и Австріей была заключена другая (7 сентября 1833 г.)—о взаимной гарантіи польскихъ владѣній и о выдачѣ политическихъ пре-

ступниковъ, вскорѣ (въ октябрѣ т. г.) подкрѣпленная общею конвенціею между Россіей, Австріей и Пруссіей аналогичнаго содержанія. Создавалась какъ бы международная гарантія тому порядку, какой устанавливался послѣ подавленія возстанія въ русской Польшѣ. Нѣсколько позднѣе, на свиданіи императора Николая съ прусскимъ королемъ и австрійскимъ императоромъ въ Прагѣ (23—25 сентября 1835 г.), въ принципѣ было выражено согласіе трехъ державъ на присоединеніе къ Австріи польскаго вольнаго города Кракова, оформленное секретнымъ протоколомъ 2 октября т. г., подписаннымъ въ Берлинѣ. Отказъ около этого времени Кракова въ выдачѣ эмигрантовъ послужилъ поводомъ къ введенію въ Краковъ войскъ трехъ союзныхъ державъ. 3 апрѣля 1846 г. была подписана Россіей (гр. Ѳ. Ѳ. Бергъ), Австріей (гр. Фикельмонтъ) и Пруссіей (Каницъ) конвенція объ окончательномъ присоединеніи Кракова къ Австріи.

Одновременно съ этимъ въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій въ самомъ Царствѣ Польскомъ и Западномъ Краѣ послѣдовательно проводились начала болѣе тѣснаго объединенія всего края съ коренными областями имперіи и полнаго уничтоженія мѣстныхъ отличій. Мѣропріятія это выразились: въ новомъ устройствѣ управленія, постепенно приближавшемся къ управленію въ русскихъ губерніяхъ; въ мѣрахъ по ограниченію крѣпостного права; въ ограничительныхъ и исключительныхъ мѣропріятіяхъ въ области народнаго просвѣщенія; въ борьбѣ съ вліяніемъ католической церкви. Послѣ усмиренія возстанія Паскевичъ, надѣленный очень большими полномочіями, былъ оставленъ для управленія краемъ. Временное управленіе дѣлилось на 4 департамента: внутреннихъ дѣлъ и полиціи, просвѣщенія и исповѣданія, финансовъ и юстиціи. Когда былъ окончательно рѣшенъ вопросъ объ упраздненіи конституціи, 26 февраля 1832 г. былъ изданъ такъ называемый Органическій Статутъ, опредѣлявшій новый порядокъ въ Царствѣ Польскомъ. Названіе Царства Польскаго сохранялось, равно какъ сохранялся и особый статсъ-секретаріатъ Царства въ Петербургѣ. Особое короноваціе польскою короною, польское войско и сеймъ упразднялись. Внутреннее управленіе поручалось особому „Совѣту Управленія Царства Польскаго“, дѣйствовавшему именемъ Государя Императора подъ предсѣдательствомъ намѣстника, и тремъ ком-

мисіямъ: внутреннихъ дѣлъ и просвѣщенія, финансовъ и суда. Для разсмотрѣнія бюджета и законопроектовъ, касавшихся Царства, а также для разбора столкновеній между отдѣльными органами управленія и суда преступленій по должности учреждался особый Государственный Совѣтъ Царства Польскаго; но законодательныя предположенія, о которыхъ было бы признано, что они должны быть соображены съ общеимперскими постановленіями, должны были быть направляемы во вновь учрежденный особый департаментъ по дѣламъ Царства Польскаго при Государственномъ Совѣтѣ Имперіи. Сохранялось дѣленіе на воеводства, въ которыхъ управленіе сосредоточивалось въ особыхъ воеводскихъ комиссіяхъ. Вскорѣ въ Органическій Статутъ были внесены дальнѣйшія измѣненія. Къ 1837 г. воеводства были обращены въ губерніи, а воеводскія комиссіи превращены въ губернскія правленія съ подчиненіемъ ихъ губернаторамъ. Въ 1841 г. былъ окончательно упраздненъ Государственный Совѣтъ Царства Польскаго. Дѣлопроизводство въ канцеляріи намѣстника и въ Совѣтѣ Управленія велось на русскомъ языкѣ; для непонимающихъ допускался переводъ на французскій языкъ. Постепенно Царство Польское объединилось съ Имперіей и въ юридическомъ отношеніи: въ 1846 г. послѣдовало изданіе новаго свода наказаній уголовныхъ и исправительныхъ, представлявшее собою почти дословный переводъ русскаго уложенія о наказаніяхъ 1845 г.

Самъ Николай Павловичъ послѣ возстанія посѣтилъ Варшаву въ 1835 г., на обратномъ пути изъ Австріи. Онъ прибылъ въ предѣлы Царства Польскаго 2 октября и къ вечеру 4-го былъ уже въ Варшавѣ, гдѣ остановился въ Лазенковскомъ дворцѣ. На другой день онъ принялъ, въ присутствіи Паскевича и варшавскаго военнаго генералъ-губернатора Панкратьева, депутацію отъ городского управленія, долженствовавшую поднести вѣрноподданническій адресъ. Заранѣе предупредивъ, что онъ не желаетъ, чтобы депутація произносила рѣчь, и что онъ будетъ говорить самъ, онъ при пріемѣ обратился къ представлявшимся съ рѣчью, въ которой указалъ, что ему „нужны дѣйствія, а не слова“. „Вамъ предстоитъ, господа,—говорилъ онъ—выборъ между двумя путями: или упорствовать въ мечтахъ о независимой Польшѣ, или жить спокойно и вѣрноподданными подъ моимъ правленіемъ. Если вы будете упрямо

лелѣять мечту отдѣльной національности, независимой Польши и всѣ эти химеры, вы только накличете на себя большія несчастія. По повелѣнію моему воздвигнута здѣсь цитадель, и я вамъ объявляю, что при малѣйшемъ возмущеніи я прикажу разгромить вашъ городъ; я разрушу Варшаву и ужъ, конечно, не я отстрою ее снова". Послѣ пріема депутаціи государь осмотрѣлъ сооружаемую Александровскую цитадель, которая, значительно расширенная, къ тому времени была уже вооружена орудіями, направленными въ сторону города; въ тотъ же день государь оставилъ Варшаву. Осмотрѣвъ затѣмъ крѣпости Модлинъ, переименованный теперь въ Новогеоргіевскъ, и Брестъ-Литовскъ, онъ къ 10-му октября былъ въ Кіевѣ.

Приближая управленіе Царствомъ Польскимъ къ общеимперскому, императоръ Николай ставилъ, одновременно съ этимъ, себѣ задачею борьбу съ польскими національно-революціонными идеями; предпринимаемыя въ этомъ отношеніи мѣры проводились имъ не только въ Царствѣ, но и Западномъ Краѣ, т.-е. въ тѣхъ областяхъ, которыя отошли къ Россіи отъ Польши по раздѣламъ. Можно даже сказать, что въ этомъ отношеніи императоръ Николай обращалъ гораздо больше вниманія на Западный Край, чѣмъ на Царство. Политика болѣе тѣснаго объединенія и полной ассимиляціи польскихъ земель съ коренными землями Имперіи именно здѣсь окончательно откристаллизовывается въ это время въ обрусительную программу со всѣми отнынѣ присущими ей пріемами и методами. 1831 г.—дата рожденія обрусительной политики на окраинахъ; Западный Край—ея первая арена. 16 сентября 1831 г. былъ учрежденъ „Западный Комитетъ", задачею котораго было „сравнять" Западный Край во всѣхъ отношеніяхъ со внутренними великорусскими губерніями. Съ 1834 г., какъ увидимъ ниже, мысль о согласованіи литовскаго права съ русскимъ окончательно уступаетъ мѣсто мысли о полной отмѣнѣ дѣйствовавшаго еще здѣсь Литовскаго Статута, что и послѣдовало въ 1840 г. Въ своей обрусительной политикѣ въ Западномъ Краѣ правительство старалось опереться прежде всего на крестьянство. Въ этомъ краѣ въ царствованіе императора Николая были приняты довольно рѣшительныя мѣры для ограниченія крѣпостного права, подготовившія, до извѣстной степени, реформу 19 февраля 1861 г. Наиболѣе крупною мѣрою въ этомъ отношеніи было введеніе

такъ называемыхъ инвентарныхъ комитетовъ. Въ 1840 г. гр. П. Д. Киселевъ подалъ мысль о введеніи въ Западномъ Краѣ инвентарей, которые законодательнымъ путемъ опредѣляли бы норму крестьянскихъ повинностей. 15 апрѣля 1844 г. государемъ было утверждено выработанное дѣйствовавшимъ въ то время комитетомъ о западныхъ губерніяхъ положеніе объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ для введенія инвентарей. Предполагалось сперва въ теченіе шести лѣтъ составлять инвентари для каждаго имѣнія порознь съ тѣмъ, чтобы по истеченіи шести лѣтъ были введены общія положенія объ инвентаряхъ. Одновременно съ этимъ положеніе объ инвентарныхъ губернскихъ комитетахъ было распространено и на Юго-Западный край — губерніи Кіевскую, Волынскую и Подольскую. Назначенный въ 1837 г. генералъ-губернаторомъ этого края ген. Д. Г. Бибиковъ, находя, что составленіе инвентарей по каждому имѣнію въ отдѣльности затруднительно, предложилъ въ 1846 г. немедленное введеніе единообразной формы. Предложенный имъ проектъ правилъ объ инвентаряхъ былъ утвержденъ 26 апр. 1846 г. Эти правила, нѣсколько измѣненныя 29 декабря 1848 г., въ свою очередь, были распространены и на Сѣверо-Западный Край. Наибольшее сопротивленіе со стороны помѣщиковъ введеніе инвентарей встрѣтило въ Витебской и Могилевской губерніяхъ. Назначенный въ 1852 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ Бибиковъ предлагалъ распространить правила объ инвентаряхъ и на виленское генералъ-губернаторство, но эта мысль не осуществилась.

Съ другой стороны, борьба съ польскими національно-революціонными идеями вызывала и мѣры ограничительнаго и исключительнаго характера, главнымъ образомъ, въ области народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣдной политики. Въ видахъ пресѣченія сношеній съ польскою эмиграціею былъ значительно затрудненъ выѣздъ за-границу. Выѣзжать могли лишь лица не моложе 25 лѣтъ; заграничный паспортъ оплачивался 25 рублями, позже—100 р. Польская молодежь, получившая образованіе за-границей безъ разрѣшенія на то правительства, не могла занимать государственныхъ должностей. Одновременно съ этимъ была введена самая строгая цензура; въ печати не разрѣшалось даже упоминать имена Мицкевича, Словацкаго, Красинскаго и другихъ представителей польской національной

идеи. Въ 1839 г. былъ учрежденъ Варшавскій учебный округъ; попечитель округа былъ подчиненъ непосредственно министру народнаго просвѣщенія. Въ средне-учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе велось на русскомъ языкѣ. Варшавскій университетъ былъ закрытъ. Взамѣнъ этого, при гимназіяхъ, обращенныхъ изъ семиклассныхъ въ восьмиклассныя, были введены особые добавочные курсы по педагогикѣ и юриспруденціи. Въ 1846 г., однако, и эти курсы были упразднены, и вмѣсто этого въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ были учреждены каѳедры польскаго гражданскаго и уголовнаго права. Особыя мѣры были приняты точно также относительно высшихъ учебныхъ заведеній Западнаго Края, конечнымъ результатомъ чего было основаніе въ Кіевѣ университета Св. Владиміра. Видный центръ польскаго національнаго движенія въ послѣдніе годы александровскаго царствованія, отозвавшійся, въ значительной степени, на возстаніе 1831 г., Виленскій университетъ указомъ 1 мая 1832 г. былъ закрытъ, а его медицинское и богословское отдѣленія были преобразованы въ медико-хирургическую и римско-католическую духовную академіи. Взамѣнъ Виленскаго университета предполагалось первоначально устройство лицея въ Оршѣ. Черезъ годъ послѣ этого было упразднено и другое польское высшее учебное заведеніе—Кременецкій лицей. По мысли министра народнаго просвѣщенія графа Уварова рѣшено было перенести лицей въ Кіевъ съ преобразованіемъ его въ университетъ Св. Владиміра. Начатое устройство лицея въ Оршѣ было, поэтому, прекращено, и ассигнованныя на это суммы были переведены на устройство Кіевскаго университета. Университетъ Св. Владиміра былъ открытъ 15 іюля 1834 г., первоначально въ составѣ двухъ факультетовъ—историко-филологическаго и физико-математическаго. Съ 1841 г. былъ открытъ медицинскій факультетъ взамѣнъ закрытой медико-хирургической академіи въ Вильнѣ. Въ 1838 г. вслѣдствіе польскаго движенія университетъ временно былъ закрытъ, и большинство поляковъ, профессоровъ и студентовъ, были изъ него удалены.

Въ области вѣроисповѣдной политики было обращено вниманіе на упроченіе въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ Краѣ православія. Въ 1838 г. было образовано православное Варшавское епископство, переименованное въ 1840 г. въ Варшавское и

Новогеоргіевское. Одновременно съ этимъ были приняты ограничительныя мѣры относительно католическаго духовенства: были запрещены съѣзды духовенства, усиленъ надзоръ за проповѣдью, запрещены общества трезвости. Многіе изъ католическихъ монастырей были упразднены. Учрежденная въ 1836 г. варшавская римско-католическая Духовная Академія была поставлена подъ контроль комиссіи внутреннихъ дѣлъ. Въ 1841 г. послѣдовало обращеніе всѣхъ имѣній католической церкви въ государственныя имущества, и католическому духовенству было назначено отъ казны жалованье. Въ Западномъ Краѣ этимъ мѣрамъ соотвѣтствовала борьба съ католическимъ вліяніемъ въ уніатской церкви, закончившаяся возсоединеніемъ уніатовъ съ православіемъ, что подготовлялось еще съ 1828 г., когда во главѣ управленія духовныхъ дѣлъ былъ поставленъ Д. Н. Блудовъ. Послѣ возстанія воспитанники-уніаты въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ были отдѣлены отъ католиковъ. Виленская римско-католическая Духовная Академія была переведена въ 1842 г. въ Петербургъ; еще до этого въ Жаровицкомъ монастырѣ, близъ Слонима, была основана особая уніатская. Многіе уніатскіе епископы были смѣщены. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ 5-го марта 1832 г. особаго комитета по дѣламъ возвращенныхъ отъ Польши губерній было предписано на уніатскія священническія мѣста назначать по преимуществу малороссіянъ. Въ 1831 г. на соединенную брестскую и литовскую епархіи былъ назначенъ Іосифъ Сѣмашко, ревностный поборникъ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью. Еще ревностнѣе его дѣйствовалъ назначенный на православную полоцкую епархію Смарагдъ Крыжановскій, дѣятельность котораго самъ Сѣмашко находилъ „торопливой“. Въ 1833 г. Почаевскій уніатскій монастырь былъ обращенъ въ православный съ переименованіемъ въ лавру; въ это же время было закрыто до 15 базильянскихъ монастырей. 13-го января 1833 г. были утверждены выработанныя Сѣмашко правила для постепеннаго возсоединенія уніатовъ съ православіемъ. Съ 1-го января 1837 г. управленіе уніатскими дѣлами перешло къ Синоду. Одновременно съ этимъ самъ Сѣмашко энергично подготовлялъ почву для возсоединенія, не брезгая и мѣрами принудительнаго характера, какъ переводъ неугодныхъ священниковъ, назначеніе ихъ на причетническія мѣста, ссылка въ коренныя русскія губерніи. 12-го февраля 1839 г. въ По-

лоцкѣ былъ подписанъ соборный актъ о соединеніи уніатской церкви съ православной. 26-го февраля актъ былъ переданъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода Н. А. Протасову и 25-го марта получилъ утвержденіе [1]).

Мѣропріятія относительно католической и уніатской церкви вызвали недовольство со стороны римскаго первосвященника. Папа Григорій XVI громко осуждалъ возсоединеніе уніатовъ [2]) и отказывался утверждать кандидатовъ русскаго правительства на католическія епископскія каѳедры, вслѣдствіе чего большинство каѳедръ пустовали. Въ концѣ 1845 г. императоръ Николай Павловичъ, возвращаясь изъ Палермо, гдѣ должна была провести зиму императрица Александра Ѳеодоровна, посѣтилъ Римъ и имѣлъ 1-го декабря свиданіе съ римскимъ первосвященникомъ въ Ватиканѣ. Свиданіе происходило въ присутствіи лишь русскаго посланника при папскомъ дворѣ А. П. Бутенева и кардинала Антона. Во время свиданія папа говорилъ о положеніи католической церкви въ Россіи, и государь обѣщалъ, что относящееся къ этому вопросу законодательство будетъ пересмотрѣно. Весною 1846 г. въ Петербургѣ былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ гр. К. В. Нессельроде комитетъ для разсмотрѣнія папскихъ жалобъ. Совѣщанія этого комитета привели къ миссіи въ Римъ въ 1846 г. Д. Н. Блудова. Блудовъ прибылъ въ Римъ уже послѣ смерти Григорія XVI, когда на папскій престолъ вступилъ Пій IX. Переговоры затянулись, и лишь къ 22-му іюля 1847 г. закончились заключеніемъ между Россіей и папскимъ престоломъ кон-

---

[1]) Обрусительная политика императора Николая въ Западномъ Краѣ нашла свое какъ бы научное обоснованіе. Профессоръ русской исторіи въ Петербургскомъ университетѣ Н. Г. Устряловъ выступаетъ въ это время съ новымъ взглядомъ на прошлое Литвы, подчеркивая роль русской народности въ образованіи Литовскаго княжества и доказывая его исконную особенность отъ Польши. Безусловно заключавшія въ себѣ значительную долю чисто-научной истины, эти взгляды Устрялова въ данный моментъ имѣли извѣстное офиціозное значеніе. Они были встрѣчены очень благосклонно тогдашнимъ главою вѣдомства народнаго просвѣщенія, гр. С. С. Уваровымъ, и Н. А. Протасовымъ, который, сперва въ должности товарища министра народнаго просвѣщенія, а нѣсколько позднѣе — оберъ-прокурора св. Синода, и былъ однимъ изъ главныхъ насадителей обрусительной политики на нашей западной окраинѣ.

[2]) Его аллокуція въ кардинальской коллегіи 20-го іюля 1842 г.

кордата. Главныя основанія этого конкордата сводились къ слѣдующимъ пунктамъ: 1. Число католическихъ епархій было увеличено на одну: кромѣ существующихъ уже Могилевской архіепископіи, Виленской, Самогитской, Минской, Луцкой и Каменецъ-Подольской епископій, учреждалась Херсонская—для юга Россіи и Кавказа. 2. За папою признавалось право буллою опредѣлять пространство и предѣлы епархій. 3. Епископы и суффраганы назначались по соглашенію между папою и русскимъ правительствомъ, послѣ чего слѣдовало со стороны папы каноническое утвержденіе. 4. Духовный судъ и управленіе сосредоточивались въ рукахъ епископовъ, подчиненныхъ папѣ въ каноническомъ отношеніи. Консисторіи при епископахъ должны были имѣть исключительно совѣщательное значеніе. 5. Епископъ являлся руководителемъ въ семинаріяхъ. Петербургская римско-католическая Академія отдавалась въ вѣдѣніе архіепископа Могилевскаго. На профессорскія каѳедры въ Академіи должны были назначаться исключительно католики.

Внѣшняя политика императора Николая I въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Восточный вопросъ и Польша, вотъ что даетъ объясненіе внѣшней политикѣ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ императора Николая. Постановка и разрѣшеніе восточнаго вопроса находились въ это время въ гораздо большей зависимости, чѣмъ въ первые годы царствованія, отъ того, какъ складывались отношенія Россіи къ западнымъ державамъ и къ событіямъ, совершавшимся въ Европѣ. Въ свою очередь, сами эти отношенія мотивируются для императора Николая въ значительной степени тѣмъ политическимъ курсомъ, какой онъ держитъ послѣ 1830 г. въ Польшѣ.

Очередными вопросами для русской политики на Востокѣ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ становятся вопросы объ окончательномъ устройствѣ Греціи, придунайскихъ княжествъ, Молдавіи и Валахіи, и Сербіи. На фонѣ этихъ вопросовъ обрисовывается и то явленіе, къ которому сводится теперь постановка въ цѣломъ восточнаго вопроса, какъ вопроса общеевропейской политики—соперничество на Востокѣ Россіи съ Англіей и отчасти съ Австріей. Это соперничество—соперничество за упроченіе своего вліянія прежде всего на почвѣ экономическихъ отношеній во вновь призванныхъ къ политической жизни областяхъ. Отсюда—острота вопроса о назначеніи на Востокѣ консуловъ и о тѣхъ политическихъ формахъ, какія установятся въ этихъ областяхъ, вопроса, въ которомъ Англія и Николай заняли столь противоположныя позиціи. Коллизія интересовъ Россіи и европейскихъ, прежде всего двухъ указанныхъ, державъ начинается еще наканунѣ войны 1828—29 гг.; она окончательно опредѣляется къ 1833 г., когда унхіаръ-скеллессійскій договоръ закрѣпилъ за Россіей ея преобладающее положеніе на Востокѣ, а, съ другой

стороны, конвенціи этого года, покрывая собою недовѣрчивое отношеніе къ русской политикѣ на Востокѣ Австріи, намѣтили ту общую международную группировку въ Европѣ, которая выражается въ тройственномъ союзѣ Россіи, Австріи и Пруссіи и въ четверномъ соглашеніи Англіи, Франціи, Испаніи и Португаліи. Эта группировка дѣлается, въ свою очередь, отправной точкой всей дальнѣйшей политики императора Николая, которая съ этого момента вступаетъ въ свой новый фазисъ, и, соблазнясь мыслью о разъединеніи интересовъ Англіи и Франціи и о международномъ изолированіи послѣдней, оказывается къ 1840 г. лицомъ къ лицу съ утратою своей позиціи на Востокѣ. Таковъ смыслъ лондонскихъ конвенцій 1840 и 41 гг. Можно сказать, что за все это время императоръ Николай, въ политическихъ заданіяхъ котораго на Востокѣ чудится послѣдній отзвукъ широкаго размаха русской политики конца XVIII в., тщетно стремится на западномъ побережьѣ Чернаго моря къ тѣмъ же достиженіямъ, какія, въ болѣе легкихъ условіяхъ, при отсутствіи сложныхъ противоборствующихъ силъ, были, въ значительной степени, достигнуты къ этому времени въ Закавказьѣ. Выразителемъ традицій конца XVIII в. является въ это время, въ его дѣятельности въ придунайскихъ княжествахъ, Киселевъ. Новая школа русской дипломатіи вырастаетъ въ лицѣ бар. Бруннова. Когда къ началу сороковыхъ годовъ русской дипломатіи оказались не по плечу традиціи конца XVIII в., императоръ Николай начинаетъ останавливаться на мысли о болѣе тѣсномъ соглашеніи по восточнымъ дѣламъ съ державами, наиболѣе въ этихъ дѣлахъ заинтересованными или территоріально, какъ Австрія, или экономически, какъ Англія. Событія 1848 г., на время заслонившія восточный вопросъ, сами въ свою очередь ввели въ его разрѣшеніе новый факторъ, Францію второй имперіи, и подготовили ту его постановку, которая приводитъ уже непосредственно къ заключительному акту николаевской эпохи—къ крымской кампаніи.

Уже во время русско-турецкой войны 1828—29 гг. отношеніе къ Россіи ея вчерашнихъ союзницъ Англіи и Франціи, совмѣстно съ нею подписавшихъ лондонскій договоръ 1827 г., начало измѣняться. Адріанопольскій миръ еще болѣе усилилъ тревогу въ Европѣ и былъ встрѣченъ одинаково непріязненно какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Лондонѣ. Для Австріи основаніе Греческаго королевства и созданіе автономныхъ Молдавіи, Валахіи и Сербіи,

поставленныхъ теперь въ чисто номинальную зависимость отъ Порты, было равносильно сведенію монархіи Габсбурговъ на степень второстепенной державы и лишало Австрію надежды распространить свои предѣлы на Балканскій полуостровъ и усилить тамъ свое вліяніе. Съ другой стороны, усиленіе Россіи въ придунайскихъ областяхъ шло вразрѣзъ съ стремленіемъ Австріи обезпечить за собою судоходство по Дунаю и для того утвердиться на устьяхъ этой рѣки. Въ Вѣнѣ находили, что со времени подписанія лондонскаго протокола 1827 г. „великій союзъ“ 1815 г. расторгнутъ, и только событія 1830 г. создали, какъ было уже указано выше, почву для новаго сближенія обѣихъ монархій. Англію тревожило, главнымъ образомъ, усиленіе русскаго владычества на восточномъ берегу Чернаго моря, проистекающія отсюда для Англіи затрудненія въ сношеніяхъ съ азіатско-турецкими и персидскими областями, ограниченіе суверенныхъ правъ султана въ области судоходства и торговли и льготы русскимъ подданнымъ въ Турціи. Встревоженныя за судьбу Турціи, европейскія державы послѣ Адріанопольскаго мира усиленно стремятся взять въ свои руки окончательное созданіе независимой Греціи, видя теперь въ этой послѣдней оплотъ противъ дальнѣйшаго усиленія русскаго вліянія на Востокѣ. Такова была точка зрѣнія лондонскаго и парижскаго кабинетовъ, къ которымъ въ данномъ случаѣ въ значительной степени примыкалъ и вѣнскій. Послѣ подписанія адріанопольскаго договора вопросъ объ устройствѣ Греціи попрежнему составилъ содержаніе работъ лондонской конференціи. Одновременно съ этимъ Англія и Франція потребовали отъ русскаго правительства заявленія о томъ, что 10 статья трактата (о признаніи Турціей лондонскаго договора 1824 г.) „не упраздняетъ правъ союзниковъ императора, не препятствуетъ совѣщаніямъ министровъ, собранныхъ на конференцію въ Лондонѣ, и не служитъ препятствіемъ для рѣшеній, которыя три союзные двора, съ общаго согласія, признаютъ наиболѣе полезными и всего лучше соотвѣтствующими обстоятельствамъ“. Императоръ Николай согласился на это требованіе своихъ союзниковъ, и это согласіе стало исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ совмѣстныхъ мѣропріятій державъ относительно Греціи.

Еще въ 1827 г. избранный народнымъ собраніемъ въ Трезенѣ президентъ греческаго правительства, статсъ-секретарь

русской службы графъ І. А. Каподистрія, жившій съ 1822 г. въ Швейцаріи, посѣтилъ для переговоровъ по греческимъ дѣламъ Петербургъ, Лондонъ и Парижъ. Оставя русскую службу, онъ прибылъ въ январѣ 1828 г. въ Грецію, гдѣ и началъ подготовлять почву для будущаго устройства Греціи въ духѣ лондонскаго трактата, стараясь въ то же время сдерживать все наростающее народное движеніе. Первый вопросъ, съ которымъ послѣ заключенія Адріанопольскаго мира пришлось столкнуться лондонской конференціи, былъ вопросъ о кандидатѣ на греческій престолъ. Выражалось опасеніе, что врядъ-ли кто-либо изъ европейскихъ принцевъ согласится стать въ зависимыя отношенія къ турецкому султану. Въ виду этого, по предложенію Англіи, 22 января 1830 г. было постановлено требовать отъ Порты признанія полной независимости Греціи. Взамѣнъ этого сѣверная граница Греціи должна была быть отодвинута на югъ и итти отъ устьевъ Астропотамоса до Зейтунскаго залива, оставляя во владѣніи Турціи акарнанскую и этолійскую области. Послѣднее измѣненіе, внесенное конференціей въ лондонскій протоколъ 10 марта 1829 г., подтвержденный уже адріанопольскимъ трактатомъ, въ значительной степени шло уже прямо вразрѣзъ съ мыслями императора Николая, въ свое время въ письмѣ къ Дибичу отъ 29 августа 1829 г. опредѣленно заявлявшаго, что ни на какую другую границу, кромѣ Арта и Воло, онъ не согласится. Постановленіе 22 января 1830 г. не встрѣтило, однако, теперь возраженія со стороны русскаго правительства. Какъ бы желая подчеркнуть свою готовность содѣйствовать разрѣшенію труднаго вопроса, императоръ Николай проявилъ даже въ это время, съ своей стороны, большую уступчивость по отношенію къ Турціи, стараясь склонить ее къ принятію послѣдняго постановленія лондонской конференціи. Въ это время Турціею было снаряжено въ Россію особое посольство (Галиля-паши) по вопросу объ уплатѣ контрибуціи. Конвенціей 14 (26) апрѣля 1830 г. императоръ Николай согласился на уменьшеніе военной контрибуціи на два милліона, отказался отъ права десятилѣтней оккупаціи придунайскихъ княжествъ, обѣщая вывести оттуда свои войска, какъ только будутъ возмѣщены убытки русскихъ подданныхъ и удерживая за собою до окончательной уплаты контрибуціи лишь крѣпость Силистрію и военную дорогу къ ней черезъ княжества. Сверхъ

этого онъ обѣщалъ уменьшить контрибуцію еще на одинъ милліонъ, если Порта признаетъ полностью постановленіе лондонской конференціи о независимости Греціи. Турція признала независимость Греціи.

Въ самой Греціи измѣненіе сѣверной границы было встрѣчено съ большимъ неудовольствіемъ, которое раздѣлялъ и Каподистрія. Онъ поставилъ объ этомъ въ извѣстность избраннаго конференціей на греческій престолъ принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, и послѣ нѣкоторыхъ колебаній принцъ Леопольдъ отказался (3 мая 1830 г.) отъ греческой короны. Отказъ Леопольда создалъ новыя трудности въ разрѣшеніи греческаго вопроса и косвенно способствовалъ тому, что русское вліяніе въ Греціи, упрочившееся послѣ Адріанопольскаго мира, начало теперь уступать мѣсто вліянію Англіи и Франціи, враждебно настроенныхъ противъ Россіи, въ особенности послѣ іюльской революціи. Въ греческомъ движеніи намѣтились къ этому времени какъ бы три партіи: русская, опиравшаяся на простой народъ, крѣпкій православной вѣрѣ, въ среднихъ областяхъ Греціи, французская — сильная среди прибрежнаго населенія западной и восточной Греціи, и англійская—сильная среди жителей острововъ. Отказъ Леопольда поставилъ въ затруднительное положеніе президента Каподистрію, опиравшагося на русскую партію. Считая президента виновникомъ отказа Леопольда, Англія и Франція, опираясь на своихъ приверженцевъ, поддерживали назрѣвавшее противъ Каподистріи недовольство, которое къ веснѣ 1831 г. разразилось открытымъ возстаніемъ, главнымъ образомъ, на островахъ Майнѣ и Гидрѣ. 27 сентября (9 октября) 1831 г. Каподистрія палъ отъ руки убійцъ. Эти событія заставили лондонскую конференцію поспѣшить вернуться къ вопросу о кандидатѣ на греческій престолъ. Новый выборъ державъ палъ на принца Оттона Баварскаго (1/13 февраля 1832 г.). Иниціатива избранія Оттона исходила отъ русскаго двора. 25 апрѣля (7 мая) т. г. въ Лондонѣ былъ подписанъ договоръ между Россіей, Англіей, Франціей и Баваріей. По этому договору второй сынъ короля Людвига, принцъ Фридрихъ-Оттонъ вступалъ на греческій престолъ, и королевское достоинство объявлялось наслѣдственнымъ въ его родѣ. До его совершеннолѣтія, которое опредѣлялось двадцатилѣтнимъ возрастомъ (въ моментъ избранія принцу Оттону было 16 лѣтъ), управле-

ніе поручалось регентству изъ трехъ лишь, которыя должны были быть назначены королемъ баварскимъ. Регентству предоставлялось навербовать въ Баваріи 3500 чел. войска, взамѣнъ остававшихся въ Греціи отрядовъ трехъ державъ, и пригласить соотвѣтствующее количество баварскихъ офицеровъ для сформированія греческаго національнаго войска. Три союзныя державы гарантировали Греціи заемъ въ 60 милліоновъ франковъ. Къ исходу 1833 г. король Оттонъ прибылъ въ Грецію и избралъ столицею Аѳины. Регентство составилось изъ бывшаго баварскаго министра гр. Армансперга, профессора мюнхенскаго университета Маурера и полковника баварской службы Гейдега. Вопросъ о конституціи въ договорѣ 25 апрѣля былъ обойденъ молчаніемъ. О ней упоминалось лишь въ воззваніи лондонской конференціи къ греческой націи. Народное собраніе созвано не было, а въ первое министерство, составленное регентствомъ, вошли исключительно видные представители англійской и французской партіи и никого—изъ сторонниковъ Россіи. Обѣщаніе, данное баварскимъ правительствомъ русскому о томъ, что принцъ Оттонъ приметъ православную вѣру, исполнено не было. Съ представителями Россіи, адмираломъ Рикордомъ и вновь назначеннымъ посланникомъ Катакази, король и регентство обращались съ обидною холодностью.

Тѣ формы, въ какія къ 1832 г. отлилось окончательно разрѣшеніе греческаго вопроса, обусловливали до извѣстной степени и ту политику, какую къ этому времени императоръ Николай усваиваетъ по отношенію къ Турціи. Отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ успѣховъ, какіе были достигнуты Адріанопольскимъ миромъ, отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ неудачъ, какія постигли въ концѣ концовъ русскую политику въ Греціи, и вытекающей отсюда необходимости противодѣйствовать англо-французскому вліянію, онъ ставитъ теперь своею цѣлью окончательное утвержденіе исключительно русскаго вліянія въ самой Турціи путемъ защиты существованія и цѣлости Оттоманской имперіи.

Выступить въ такой роли дало случай императору Николаю возстаніе египетскаго паши Мегмета-Али, который послѣ униженія, понесеннаго Турціей въ 1829 г., сдѣлалъ теперь попытку выступить въ роли истиннаго охранителя всего магометанскаго міра и задумывалъ возродить всемірное значеніе Александріи. Взоры Мегмета-Али устремились на Сирію, какъ первый шагъ

къ осуществленію этого плана. Въ 1831 г. онъ потребовалъ отдачи этой провинціи себѣ въ управленіе. Не получая отъ султана Махмута согласія на свои требованія, Мегметъ-Али двинулъ въ Сирію въ концѣ 1831 г. свои войска подъ начальствомъ своего сына Ибрагима-паши. Къ лѣту 1832 г. египтяне взяли Сенъ-Жанъ-д'Акръ и Дамаскъ; разбивъ войска султана при Гомсѣ и Бейланѣ, они завладѣли всею Сиріею и занявъ горные проходы въ Таврѣ, тѣмъ самымъ были уже на пути въ Малую Азію и къ Константинополю. Султанъ обратился съ просьбою о помощи къ Англіи, но англійское правительство отклонило эту просьбу. Что касается Франціи, то эта послѣдняя вполнѣ опредѣленно склонялась на сторону Мегмета-Али, разсчитывая такимъ путемъ увеличить свое собственное вліяніе въ Египтѣ: это стояло въ связи съ тою политикою укрѣпленія на африканскомъ берегу Средиземнаго моря, которую Франція усваиваетъ съ начала 1830 г. (алжирская экспедиція). Съ другой стороны, предложеніе о совмѣстномъ вмѣшательствѣ въ турецко-египетскую распрю, исходившее отъ Англіи, Австріи и Франціи, было отклонено русскимъ правительствомъ, и тогда Порта просила помощи непосредственно у Россіи.

Императоръ Николай отозвался на это охотно. Это соотвѣтствовало, во-первыхъ, воспринятой имъ теперь политикѣ по отношенію къ Турціи. Кромѣ того, склонный видѣть въ египетскомъ возстаніи, мятежѣ вассала противъ своего законнаго государя, распространеніе шедшаго изъ Франціи революціоннаго духа, онъ опасался какъ дальнѣйшаго распространенія революціонныхъ идей, такъ и дальнѣйшихъ успѣховъ политическаго вліянія Франціи на Востокѣ. Еще до обращенія султана къ Россіи, въ ноябрѣ 1832 г., генералъ-лейтенантъ Н. Н. Муравьевъ былъ посланъ государемъ къ султану и Мегмету-Али. Первому онъ долженъ былъ вручить собственноручное письмо государя, порицавшаго мятежъ и подтверждавшаго свою вѣрную дружбу къ турецкому правителю. Мегмету-Али высказывалось осужденіе, и преподавался совѣтъ немедленно прекратить военныя дѣйствія и вступить въ мирные переговоры съ своимъ сюзереномъ. Отправляя Муравьева, императоръ Николай ему сказалъ: „Я хочу показать султану мою дружбу. Надобно защищать Константинополь отъ Мегмета-Али. Вся эта война ничто иное, какъ послѣдствіе возмутительнаго духа, овладѣв-

шаго нынѣ Европой и, въ особенности, Франціей. Самое завоеваніе Алжира есть дѣйствіе безпокойныхъ головъ. Нынѣ онѣ далѣе распространили вліяніе свое и возбудили египетскую войну. Надобно низвергнуть этотъ новый зародышъ зла и безпорядка. Надобно показать вліяніе мое въ дѣлахъ Востока". Одновременно съ этимъ, русскому консулу въ Египтѣ предписано было снять гербъ, спустить флагъ и прекратить всякія сношенія съ мѣстными властями, какъ съ мятежными. Когда султанъ, послѣ пораженія подъ Коніей, обратился съ просьбою о помощи къ Россіи (22 января 1833 г.), эскадра контръ-адмирала М. П. Лазарева, въ составѣ девяти судовъ, вышла изъ Севастополя и 8 (20) февраля вошла въ Босфоръ и стала въ заливѣ Буюкъ-Дере. Кромѣ того, изъ Одессы, подъ начальствомъ вернувшагося Муравьева, былъ отправленъ десятитысячный дессантный отрядъ, который и высадился 23 марта (4 апрѣля), расположившись лагеремъ въ долинѣ при Унхіаръ-Скелесси. Въ то же время командующему дунайской арміей генералу П. Д. Киселеву приказано было выдвинуть за Дунай двадцатитысячный корпусъ.

Всѣ эти мѣропріятія вызвали сильную тревогу въ Лондонѣ и Парижѣ. Сама Порта отнеслась съ недовѣріемъ и опасеніемъ къ столь внушительной поддержкѣ. Еще до прибытія русской эскадры въ Босфоръ, Мегметъ-Али, по случаю военныхъ приготовленій Россіи, далъ приказъ Ибрагиму пріостановить наступленіе. Англія и Франція, въ виду появленія русскихъ судовъ въ Мраморномъ морѣ, поспѣшили послать туда свои эскадры. Этимъ эскадрамъ не удалось, однако, пройти Дарданеллы: англійская была удержана отъ этого самимъ англійскимъ посломъ въ Константинополѣ; французская же остановилась въ заливѣ Вурла въ виду предупрежденія русскаго правительства о томъ, что ея появленіе въ Мраморномъ морѣ будетъ сочтено Россіей за объявленіе войны. Опасаясь, что турецко-египетская распря разгорится въ общеевропейскую войну, европейскія державы начали усиленно склонять султана и Мегмета-Али къ взаимному примиренію, что и было ими вскорѣ достигнуто. 24 апрѣля (6 мая) 1833 г. между султаномъ и египетскимъ пашою былъ заключенъ миръ въ Кутахіи, по которому Мегметъ-Али снова признавалъ свою зависимость отъ султана, но получалъ во владѣніе Сирію; Аданскій же

округъ, на сѣверъ отъ Тавра, отдавался въ личное владѣніе его сына Ибрагима.

Еще до примиренія Турціи съ Мегметомъ-Али возникла мысль о заключеніи новаго союзнаго оборонительнаго и наступательнаго договора между Россіей и Турціей. Мысль эта исходила изъ турецкихъ сферъ, была сообщена Муравьеву въ первый же день послѣ его прибытія съ войскомъ къ Константинополю и встрѣтила сочувствіе у императора Николая. Пребываніе русскихъ войскъ въ Турціи создавало, повидимому, благопріятную для этого обстановку. Въ виду близкаго заключенія мира между султаномъ и Мегметомъ-Али дальнѣйшее пребываніе русской эскадры и русскихъ войскъ въ водахъ и на берегахъ Босфора теряло свое оправданіе; русскія вооруженныя силы должны были быть отозваны, и мысль о союзномъ договорѣ могла остаться не приведенной въ исполненіе. Озабочиваясь тѣмъ, какой оборотъ начинали принимать дѣла въ Турціи, императоръ Николай отправилъ въ Константинополь генералъ-адъютанта гр. А. Ѳ. Орлова, назначивъ его въ то же время главнокомандующимъ русскихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ на Босфорѣ и уполномочивъ его, совмѣстно съ русскимъ посломъ въ Константинополѣ А. П. Бутеневымъ, подписать союзный договоръ, редакція котораго предварительно была выработана въ Петербургѣ и одобрена самимъ государемъ. Орловъ прибылъ въ Константинополь одновременно съ заключеніемъ кутахійскаго мира; онъ согласился на эвакуацію тѣхъ пунктовъ, какіе занимали до этого русскія войска, но еще за два дня до того, какъ эта эвакуація была закончена, 26 іюня (8 іюля) 1833 г. въ Константинополѣ былъ заключенъ союзный договоръ, подписанный съ русской стороны гр. А. Ѳ. Орловымъ и А. П. Бутеневымъ, а съ турецкой — великимъ визиремъ и сераскиромъ регулярныхъ войскъ Хосевъ-Мегметъ-пашою, муширомъ и командующимъ гвардіею Февзи-Ахметъ-пашою и рейсъ-ефендіемъ Хаджи-Мегметъ-Акифомъ и получившій, по мѣсту стоянки русскихъ войскъ, наименованіе унхіаръ-скелессійскаго.

По этому договору, состоящему изъ шести основныхъ статей, между Россіей и Турціей заключался оборонительный союзъ на восемь лѣтъ, и подтверждались предшествующіе договоры, начиная съ адріанопольскаго. Россія обязывалась, „въ случаѣ, если бы представились обстоятельства, могущія снова

побудить Блистательную Порту требовать отъ Россіи военной и морской помощи.., снабдить Турцію сухимъ путемъ и моремъ такимъ количествомъ войскъ и силъ, какое обѣ Высокодоговаривающіяся стороны признаютъ нужнымъ". Взамѣнъ этого, Турція, съ своей стороны, не имѣя возможности оказать Россіи помощь войсками, отдѣльною и секретною статьею договора брала на себя обязательство, въ соотвѣтствующемъ случаѣ, „ограничить дѣйствія свои въ пользу Императорскаго Россійскаго Двора закрытіемъ Дарданельскаго пролива, то-есть не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ оный подъ какимъ бы то ни было предлогомъ". Черезъ два дня послѣ подписанія договора русская эскадра и войска вышли съ салютаціонною пальбою изъ Босфора. Въ память этихъ событій Орловымъ и Муравьевымъ на бугрѣ Сельви-Бурунъ былъ поставленъ камень, на которомъ съ одной стороны русскими было высѣчено число рожденія императора Николая (25 іюня), а съ другой—турками слѣдующая надпись: „Сей отломокъ скалы воздвигнутъ въ память пребыванія русскихъ войскъ гостями въ этой долинѣ. Да уподобится дружба между двумя державами твердости и незыблемости этого камня и да будетъ она долго воспѣваема устами друзей".

Вмѣшательство императора Николая въ турецко-египетскую распрю, военная и морская демонстрація Россіи и заключеніе унхіаръ-скелессійскаго договора возбудили съ новою силою тревогу въ Европѣ. Франція и Англія заявили Портѣ, что онѣ считаютъ договоръ недѣйствительнымъ и оставляютъ за собою свободу дѣйствія. Такого же характера заявленіе было сдѣлано англійскимъ посломъ въ Петербургѣ въ нотѣ отъ 17 (29) октября 1833 г., а также повторено и со стороны Франціи. Въ отвѣтъ на это русское правительство заявило англійскому и французскому посламъ, что оно не понимаетъ причинъ неудовольствія, проистекающаго, вѣроятно, отъ того, что оба правительства не ознакомились съ договоромъ, составленнымъ „въ духѣ миролюбія и охранительныхъ началъ" (dans un esprit pacifique et conservateur). Съ своей стороны, русское правительство подчеркивало свое намѣреніе придерживаться указаннаго образа дѣйствія въ своихъ сношеніяхъ съ Турціей, не обращая вниманія на ничѣмъ не мотивированныя заявленія (нота 24 октября т. г.).

Подобный отвѣтъ не удовлетворилъ Англію и Францію. Старанія Англіи подыскать себѣ въ данномъ вопросѣ союзниковъ не увѣнчались, однако, успѣхомъ. Само французское правительство не обнаруживало большой склонности итти на крайнія мѣры. Что же касается Австріи и Пруссіи, то ими унхіаръ-скеллесійскій договоръ, правда, былъ признанъ безъ какихъ бы то ни было оговорокъ. Но зато встревоженная этимъ договоромъ не менѣе Англіи и Франціи, Австрія избираетъ иной путь дѣйствія: она стремится тѣснѣе связать русскую политику на Востокѣ съ тою политикою охранительныхъ принциповъ, какой держался въ это время, ближайшимъ образомъ изъ-за Польши, императоръ Николай въ Европѣ, и тѣмъ самымъ создаетъ почву для замѣны исключительно русскаго вліянія на Востокѣ вліяніемъ общеевропейскаго соглашенія. Іюльская революція, бельгійскій вопросъ, возстаніе въ Польшѣ и сближеніе, создавшееся къ 1832 г. между Англіей и правительствомъ Людовика-Филиппа во Франціи, вызвали рядъ дипломатическихъ соглашеній между Россіей, Австріей и Пруссіей, предпринятыхъ, въ значительной степени, по иниціативѣ императора Николая и имѣвшихъ своимъ результатомъ какъ бы возрожденіе тройственнаго монархическаго союза въ Европѣ на почвѣ охраненія договоровъ 1815 г. и поддержанія принциповъ консервативной политики. Въ этихъ соглашеніяхъ, прямо или косвенно, наряду съ европейскими дѣлами, нашелъ себѣ мѣсто и восточный вопросъ. Въ 1833 г. состоялся рядъ свиданій между русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ государями. Первое такое свиданіе, между австрійскимъ императоромъ Францемъ и прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, имѣло мѣсто въ Теплицѣ (въ Богеміи) съ 26 іюля по 4 августа. Приглашенный на это свиданіе, императоръ Николай задержался въ Россіи и прибылъ въ Богемію лишь въ концѣ августа. По дорогѣ туда онъ имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Шведтѣ (24—28 августа), а 29 августа—8 сентября состоялось его свиданіе съ австрійскимъ императоромъ въ Мюнхенгрецѣ; на этомъ свиданіи присутствовалъ и прусскій наслѣдный принцъ (впослѣдствіи король Фридрихъ-Вильгельмъ IV). Результатомъ свиданій было заключеніе такъ называемыхъ мюнхенгрецкихъ и берлинской конвенцій.

Первая мюнхенгрецкая конвенція (6/18 сентября 1833 г., подписанная съ русской стороны гр. Нессельроде, Д. П. Татищевымъ

и гр. А. Ѳ. Орловымъ, съ австрійской — кн. Меттернихомъ и гр. Фикельмономъ) имѣла своимъ содержаніемъ восточный вопросъ и какъ бы распространяла на него соглашеніе, какое съ 1815 г. установилось по европейскимъ дѣламъ между русской политикою и австрійскою. Во вступленіи къ этой конвенціи, напоминая, что въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ онѣ „содѣйствовали предохраненію Оттоманской имперіи отъ угрожавшихъ ей опасностей, а Европы отъ осложненій, которыя могли отъ того послѣдовать", „дѣйствуя въ духѣ охраненія, руководящемъ ихъ общею политикою, и желая оберегать безопасность и спокойствіе собственныхъ сопредѣльныхъ съ Турціею владѣній", договаривающіяся стороны заявляли теперь о своемъ намѣреніи „принять это начало единенія за основное правило ихъ будущаго образа дѣйствій по отношенію къ дѣламъ Востока", что и устанавливалось настоящей конвенціей. Содержаніе ея сводилось къ слѣдующему. Россія и Австрія взаимно обязуются поддерживать Турцію подъ управленіемъ настоящей династіи и согласовывать въ этомъ отношеніи всѣ свои дѣйствія, а по сему не допускать ничего, что посягало бы на права султана, какъ напр., назначеніе регентства или перемѣна династіи; въ случаѣ же, если бы нѣчто подобное совершилось, обѣ державы не будутъ признавать новаго порядка вещей и примутъ самыя рѣшительныя мѣры для охраненія своихъ собственныхъ владѣній, смежныхъ съ Турціей. Двумя секретными статьями конвенціи устанавливалось, что обязательства, принятыя договаривающимися сторонами, будутъ примѣнены прежде всего къ египетскому пашѣ, какъ только онъ посягнетъ прямо или косвенно на европейскія владѣнія Турціи, и что въ случаѣ, если бы, не взирая ни на что, въ Турціи былъ низвергнутъ существующій порядокъ, Россія и Австрія будутъ дѣйствовать въ полномъ согласіи между собою по отношенію къ новому порядку, какой установится въ Турціи, и „сообща будутъ имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы измѣненія, совершившіяся во внутреннемъ строѣ этой имперіи, не могли нанести ущерба ни безопасности ихъ собственныхъ владѣній, ни правамъ, обезпеченнымъ за ними трактами, ни европейскому равновѣсію".

Вторая мюнхенгрецкая конвенція (7/19 сентября 1833 г. подписанная Нессельроде, Татищевымъ и Меттернихомъ) имѣла

своимъ содержаніемъ, какъ было указано выше, польскія дѣла. Встрѣтивъ сочувственно русско-австрійское соглашеніе, поскольку оно имѣло въ виду польскія дѣла, Пруссія, тѣмъ не менѣе, нѣкоторое время колебалась примкнуть къ этому соглашенію, несмотря на то, что основныя начала этой конвенціи, какъ можно предполагать, были установлены императоромъ Николаемъ совмѣстно съ прусскимъ королемъ во время ихъ встрѣчи въ Шведтѣ, еще до совѣщанія съ Меттернихомъ въ Мюнхенгрецѣ. Только послѣ продолжительныхъ переговоровъ Нессельроде и австрійскаго уполномоченнаго гр. Фикельмона состоялось присоединеніе Пруссіи, что и выразилось въ заключеніи въ Берлинѣ 3 (15) октября общей конвенціи между Россіей, Австріей и Пруссіей (подписанной Нессельроде, Фикельмономъ и Ансильономъ). Эта конвенція являлась, по существу, возстановленіемъ системы Священнаго Союза, хотя и въ нѣсколько смягченной формѣ. Заявляя, что, „по зрѣломъ обсужденіи тѣхъ опасностей, которыя продолжаютъ угрожать порядку установленному въ Европѣ публичнымъ правомъ и договорами, въ особенности договорами 1815 г., онѣ единодушно рѣшили укрѣпить охранительную систему, составляющую незыблемое основаніе ихъ политики“, три договаривающіяся державы провозглашали, какъ основное начало, взаимную поддержку государствами другъ друга для сохраненія ихъ независимости и вытекающихъ отсюда правъ, въ интересахъ общеевропейскаго мира. Каждая договаривающаяся держава могла просить у двухъ другихъ помощи и содѣйствія какъ въ случаѣ внутреннихъ смутъ, такъ и въ случаѣ внѣшней опасности. Препятствіе этому силою со стороны постороннихъ державъ должно было разсматриваться какъ casus belli. Безъ приглашенія самой заинтересованной державы двѣ остальныя не могли, однако вмѣшиваться, хотя бы и въ интересахъ своего третьяго союзника. Этою послѣднею оговоркою берлинская конвенція существеннымъ образомъ отличалась отъ Священнаго Союза. Переговоры, приведшіе къ заключенію берлинской конвенціи, какъ бы намѣтили и распредѣлили между тремя договаривающимися сторонами и ихъ обязанности по охраненію общеевропейскаго мира, что не было, однако, включено въ текстъ конвенціи. Предполагалось, что Австрія будетъ охранять безопасность Италіи, Швейцаріи, Испаніи и Португаліи и защищать

ихъ на случай французскаго вторженія, почему Австріи принадлежалъ и первый голосъ по вопросамъ, касающимся этихъ странъ. Охрана сѣверной Германіи и Голландіи поручалась Пруссіи. Совмѣстно Австрія и Пруссія должны были слѣдить за соблюденіемъ остальными германскими государями вѣрности началамъ охранительной политики. Россія являлась какъ бы резервомъ союза и въ то же время принимала на себя исключительный надзоръ за польскими областями и Венгріей и должна была охранять миръ на всемъ протяженіи Балканскаго полуострова отъ Прута и Дуная до Босфора.

Тройственное соглашеніе, окончательно установившееся, такимъ образомъ, къ концу 1833 г., не замедлило сказаться на цѣломъ рядѣ дипломатическихъ вопросовъ. Такъ, въ бельгійскомъ вопросѣ, какъ было уже указано выше, Россія, Австрія и Пруссія еще къ февралю 1833 г. пришли къ соглашенію между собою и стали, въ противоположность Англіи и Франціи, на сторону интересовъ голландскаго короля. Одновременно съ этимъ сталъ выдвигаться на очередь вопросъ о пиринейскихъ государствахъ. И въ Испаніи, и въ Португаліи шла въ это время борьба за корону между различными претендентами, переплетавшаяся съ борьбою политическихъ партій: въ Испаніи братъ умершаго короля Фердинанда III, донъ-Карлосъ, оспаривалъ престолъ у дочери короля (отъ четвертаго брака), малолѣтней Изабеллы, до совершеннолѣтія которой должна была управлять ея мать Марія-Христина. Въ Португаліи происходило движеніе противъ донъ-Мигуэля, младшаго сына умершаго въ 1826 г. короля Іоанна VI: въ 1828 г. донъ-Мигуэль занялъ престолъ, отстранивъ законную наслѣдницу, донью-Марію браганцскую, дочь его старшаго брата, донъ-Педро, правившаго въ Бразиліи. На сторонѣ донъ-Карлоса и донъ-Мигуэля въ обоихъ королевствахъ была такъ называемая апостолическая партія (сторонники абсолютной монархіи), въ то время какъ Изабелла и Марія находили поддержку у „либераловъ“ (сторонники конституціи). За либералами стояла Англія, стремившаяся прежде всего упрочить свое вліяніе въ Португаліи, а также Франція. Державы тройственнаго соглашенія, не высказываясь открыто за донъ-Карлоса и донъ-Мигуэля, не признавали, тѣмъ не менѣе, обѣихъ королевъ и во всякомъ случаѣ опредѣленно выражали желаніе, чтобы въ обоихъ

пиринейскихъ государствахъ, независимо отъ того, кто займетъ престолъ, королевская власть осталась неограниченной. Разногласія по испанскому и португальскому вопросамъ окончательно подчеркнули то непріязненное положеніе, какое державы тройственнаго соглашенія заняли по отношенію къ политикѣ Англіи и Франціи, что и заставило эти послѣднія тѣснѣе сблизиться между собою. Къ осени 1833 г. дѣло апостолической партіи и обоихъ претендентовъ и въ Испаніи, и въ Португаліи было окончательно проиграно: въ исходѣ августа донья-Марія была провозглашена королевой въ Португаліи; въ Испаніи, послѣ смерти Фердинанда VII (29 сентября нов. ст.), Марія-Христина провозгласила себя регентшей до совершеннолѣтія своей дочери. 10 (22) апрѣля 1834 г., какъ бы въ отвѣтъ на тройственный союзъ 1833 г., былъ заключенъ четверной союзъ Англіи, Франціи, Испаніи и Португаліи. Это, въ свою очередь, повлекло за собою со стороны державъ тройственнаго соглашенія рядъ демонстративныхъ дѣйствій, которыя должны были какъ бы подчеркнуть ненарушимость и незыблемость соглашенія 1833 г. и въ которыхъ видная роль принадлежала императору Николаю. Въ августѣ 1835 г. происходили въ присутствіи Николая и прусскаго короля большіе маневры соединенныхъ русскихъ и прусскихъ войскъ въ Калишѣ. Послѣ этихъ маневровъ государь императоръ отправился въ Теплицъ, куда прибылъ 14 (26) сентября и гдѣ имѣлъ свиданіе съ новымъ австрійскимъ императоромъ, а также снова и съ прусскимъ королемъ. Это свиданіе было пріурочено къ празднествамъ по случаю закладки кульмскаго памятника въ честь русской гвардіи, состоявшимся 17 сентября стар. ст., по случаю чего въ Теплицъ съѣхались многіе изъ германскихъ государей. 23 сентября (4 октября) Николай Павловичъ проѣхалъ въ Прагу и пробылъ здѣсь три дня вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ. 26 сентября онъ отправился инкогнито въ Вѣну, гдѣ и прожилъ два дня въ домѣ русскаго посольства. Во время пребыванія государя въ Теплицѣ въ частныхъ совѣщаніяхъ Нессельроде, Меттерниха и Ансильона все время обсуждались текущіе политическіе вопросы. Здѣсь снова былъ затронутъ бельгійскій вопросъ, и было рѣшено отклонить послѣдовавшее въ это время со стороны Англіи предложеніе о сбавкѣ Бельгіи части недоимокъ, какъ нарушавшее права Голландіи по трактату

3 ноября 1831 г. Затрогивался и испанскій вопросъ; рѣшено было, въ случаѣ успѣха донъ-Карлоса, признать его королемъ, а нѣсколько позднѣе, въ Вѣнѣ, русское правительство согласилось съ австрійскимъ оказать донъ-Карлосу денежную помощь. Даже для одного изъ участниковъ самого тройственнаго соглашенія, именно для Пруссіи, участіе въ этомъ соглашеніи знаменовало собою отказъ отъ независимой политики въ Германіи, выразившейся къ этому времени въ созданіи Пруссіей таможеннаго союза, и большее ея подчиненіе вліянію Австріи. Упомянутый выше берлинскій протоколъ о польскомъ вольномъ городѣ Краковѣ былъ также однимъ изъ прямыхъ послѣдствій соглашенія 1833—1835 гг.

Только что обрисованная международная обстановка стала въ свою очередь отправной точкой для дальнѣйшей политики императора Николая и въ значительной степени обусловливала собою ходъ и направленіе этой политики во вторую половину 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, какъ въ Европѣ, такъ и на Востокѣ. Вопросъ о придунайскихъ княжествахъ, Молдавіи и Валахіи, и Сербіи выдвигается теперь на очередь. То преобладающее вліяніе, какое упрочилось къ 1833 г. за Россіей въ Турціи, создавало, казалось, благопріятныя условія для устройства этихъ областей сообразно съ интересами Россіи.

Что касается придунайскихъ княжествъ, то здѣсь положеніе дѣлъ къ данному моменту было слѣдующее. Съ начала русско-турецкой войны 1828—29 гг. Молдавія и Валахія были заняты русскими войсками, господари—молдавскій Иванъ Стурдза и валашскій Григорій Гика—были отстранены отъ управленія, и во главѣ мѣстнаго управленія былъ поставленъ русскій начальникъ, въ званіи полномочнаго предсѣдателя диванова Молдавіи и Валахіи. Первымъ полномочнымъ предсѣдателемъ былъ назначенъ гр. Ѳ. П. Паленъ, вскорѣ замѣненный кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, генераломъ П. Ѳ. Желтухинымъ. При заключеніи адріанопольскаго мира для придунайскихъ княжествъ былъ выговоренъ, какъ было указано выше, рядъ привилегій, и устанавливались начала ихъ внутренняго управленія. Послѣ заключенія мира былъ учрежденъ комитетъ въ Бухарестѣ изъ выборныхъ отъ молдавскаго и валашскаго диванова подъ предсѣдательствомъ русскаго генеральнаго консула въ княжествахъ М. Я. Минчаки для выработки „органическаго регламента“,

который долженъ былъ стать основнымъ закономъ для обоихъ княжествъ. Инструкція для этого комитета была написана статсъ-секретаремъ Я. А. Дашковымъ, посѣтившимъ княжества въ 1828 г. Одновременно съ этимъ на постъ уполномоченнаго дивановъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ П. Д. Киселевъ, который до выработки органическаго устава и управлялъ княжествами. Воспитавшійся въ духѣ политики XVIII в. и считавшій, что предѣломъ поступательнаго движенія Россіи рано или поздно долженъ стать Дунай, Киселевъ проводилъ въ княжествахъ политику болѣе тѣснаго и прочнаго присоединенія ихъ къ Россіи. Это присоединеніе должно было, по его плану, подготовляться, во-первыхъ, развитіемъ торговыхъ отношеній съ княжествами, для чего надо было выработать соотвѣтствующій тарифъ и бороться съ конкуренціей Австріи, и во-вторыхъ, привлеченіемъ молдавской и валашской молодежи въ русскія учебныя заведенія. Одною изъ причинъ, вредившихъ русскому вліянію въ княжествахъ, былъ, по мнѣнію Киселева, неудачный составъ нашего генеральнаго консульства, учрежденнаго тамъ еще при Екатеринѣ: съ 1812 г. вошло въ обычай назначать на должность русскаго генеральнаго консула въ княжествахъ не изъ природныхъ русскихъ, но изъ грековъ-фанаріотовъ, по своему происхожденію зависящихъ отъ Турціи и потому не достаточно энергично отстаивавшихъ русскіе интересы. Будучи сторонникомъ окончательнаго присоединенія княжествъ къ Россіи, Киселевъ былъ противъ вывода оттуда русскихъ войскъ.

Къ веснѣ 1830 г. бухарестскій комитетъ выработалъ проектъ устава, который затѣмъ былъ разсмотрѣнъ въ Петербургѣ въ особой комиссіи (предсѣдатель статсъ-секретарь Дашковъ, члены: чиновникъ мин. ин. дѣлъ Г. А. Катакази, Минчаки и бояре Стурдза и Валори), и послѣ этого направленъ къ Киселеву для пересмотра въ „собраніяхъ именитѣйшихъ бояръ“ каждаго изъ княжествъ. Органическій уставъ былъ принятъ валашскимъ собраніемъ въ апрѣлѣ, а молдавскимъ—въ октябрѣ 1831 г. Содержаніе этого устава сводилось къ слѣдующему. Господари избирались пожизненно на чрезвычайныхъ собраніяхъ, состоявшихъ изъ епископовъ, бояръ перваго и второго разрядовъ, депутатовъ отъ именитѣйшихъ земельныхъ собственниковъ и городовъ, всего въ Валахіи въ числѣ 190 и въ Молдавіи 132 членовъ. Для составленія бюджета, повѣрки отче-

товъ, обсужденія законопроектовъ и представленія господарю адресовъ съ жалобами и ходатайствами учреждалось обыкновенное собраніе (въ Валахіи 43, въ Молдавіи 34 члена). Устанавливалась особая финансовая система. Для текущаго управленія учреждался административный совѣтъ изъ предсѣдателя министра внутреннихъ дѣлъ (ворника), министра финансовъ (вистіара), государственнаго секретаря (постельника), къ которымъ въ болѣе важныхъ случаяхъ присоединялся министръ юстиціи и духовныхъ дѣлъ (логоѳетъ), начальникъ земской стражи и государственный контролеръ. Судебная власть отдѣлялась отъ административной, устанавливались три судебныя инстанціи. Уставъ опредѣлялъ порядокъ образованія ополченія и заключалъ въ себѣ постановленія о торговлѣ и путяхъ сообщенія, о порядкѣ гражданской службы, объ имѣніяхъ духовенства, о народномъ образованіи и о связи между обоими княжествами. Самъ Киселевъ былъ недоволенъ первоначальною редакціею устава, находя, что онъ чрезмѣрно сохраняетъ боярскія привилегіи. Благодаря его настойчивости въ уставъ были включены статьи, направленныя къ улучшенію положенія крестьянъ, постановленіе объ общей поголовной подати и объ опредѣленіи отношеній крестьянъ къ земельнымъ собственникамъ; послѣднее, правда, не въ такомъ смыслѣ, въ какомъ находилъ это желательнымъ Киселевъ.

Послѣ принятія устава собраніями, цѣлью Киселева стало скорѣйшее утвержденіе устава Портою, что, по его мнѣнію, должно было состояться до выхода русскихъ войскъ изъ княжествъ. Между тѣмъ, 14 апрѣля 1830 была заключена упомянутая выше конвенція съ Турціей, по которой Россія отказывалась отъ десятилѣтней оккупаціи княжествъ, но въ которой ничего не говорилось о предварительномъ утвержденіи устава Портою. По вопросу о дальнѣйшей оккупаціи княжествъ русскими войсками Киселевъ разошелся во взглядахъ съ Нессельроде и вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ. Осложненіе въ 1832 г. дѣлъ въ Греціи и турецко-египетскій кризисъ 1832—33 г. временно, казалось, заставили русское правительство склониться на сторону его взглядовъ, и въ октябрѣ 1832 г. Нессельроде писалъ ему, что самъ государь раздѣляетъ его взглядъ и находитъ преждевременнымъ ослаблять наше положеніе въ княжествахъ. Послѣ заключенія унхіаръ-скелессійскаго договора,

однако, и послѣ мюнхенгрецскаго свиданія снова возобладало мнѣніе о необходимости скорѣйшаго вывода русскихъ войскъ изъ княжествъ. Въ ноябрѣ 1833 г. Киселевъ по его просьбѣ, былъ уволенъ отъ должности полномочнаго предсѣдателя. Вскорѣ послѣ этого въ Петербургъ прибылъ чрезвычайный турецкій посолъ Ахметъ-паша, и 17 (29) января 1834 г. въ Петербургѣ была заключена новая конвенція съ Турціей. По этой конвенціи Турція обязывалась утвердить органическій уставъ и обнародовать его гатти-шерифомъ, черезъ два мѣсяца послѣ чего русскія войска должны были оставить княжества; русскій гарнизонъ, впредь до уплаты контрибуціи, долженъ былъ оставаться только въ Силистріи. Въ видѣ уступки Турціи императоръ Николай согласился, чтобы на первый разъ господари не были избраны чрезвычайнымъ собраніемъ, но были бы назначены султаномъ изъ лицъ, указанныхъ императорскимъ кабинетомъ. Въ апрѣлѣ 1834 г. Михаилъ Стурдза былъ назначенъ господаремъ молдавскимъ, а Александръ Гика—валашскимъ, и русскія войска выступили изъ Молдавіи и Валахіи. Это очищеніе княжествъ разсматривалось въ Европѣ, какъ уступка русскаго правительства Австріи, продиктованная нежеланіемъ усиливать тревогу въ Вѣнѣ.

Офиціальная точка зрѣнія русскаго правительства разсматривала устройство, введенное въ княжествахъ, какъ окончательное и не подлежащее дальнѣйшему расширенію. По свидѣтельству бар. Бруннова, полное освобожденіе княжествъ „отнюдь не согласовалось бы съ намѣреніями императора. Напротивъ, Его Величество пользуется всякимъ случаемъ, чтобы подорвать и разочаровать тайную надежду молдаванъ и валаховъ на достиженіе совершенной независимости“.

Болѣе сложнымъ въ своей постановкѣ и въ своемъ развитіи являлся въ 30-хъ гг. вопросъ о Сербіи. Въ исполненіе постановленій адріанопольскаго мира, касавшихся Сербіи, 18 (30) сентября 1829 г. и 22 іюля (6 августа) 1830 г. были изданы на имя ставшаго съ 1815 г. во главѣ сербскаго возстанія Милоша Обреновича два султанскихъ фирмана, опредѣлявшихъ границы Сербіи (со включеніемъ снова и бѣлградскаго пашалыка), устанавливавшихъ внутреннее управленіе страною на началахъ аккерманской конвенціи и утверждавшихъ самого Милоша въ достоинствѣ наслѣдственнаго князя сербскаго народа. И внут-

реннее устройство Сербіи, полученное ею отъ Турціи, и власть князя Милоша не встрѣтили противорѣчія ни со стороны Россіи, ни со стороны Австріи. Почти полная независимость, достигнутая теперь Сербіей, находилась, однако, въ противорѣчіи съ тѣмъ, что страна продолжала управляться на основаніи турецкихъ гатти-шерифовъ прежняго времени, опредѣлявшихъ какъ внутренній распорядокъ, такъ и самые устои государственнаго строя. Возникалъ, вслѣдствіе этого, вопросъ о выработкѣ органическаго государственнаго статута. Примѣромъ въ данномъ случаѣ могли служить сосѣднія Молдавія и Валахія, гдѣ какъ разъ въ это время былъ точно такъ же введенъ органическій статутъ. Крупные сербскіе землевладѣльцы (кнезы, великоши) особенно стремились къ этому, опасаясь растущаго самовластія Милоша, сильнаго своимъ тѣснымъ единеніемъ съ народною массою, въ глазахъ которой онъ продолжалъ оставаться борцомъ за національную независимость. Съ другой стороны, и самъ Милошъ пошелъ этому навстрѣчу, опасаясь, что дальнѣйшее противодѣйствіе съ его стороны въ этомъ вопросѣ приведетъ лишь въ концѣ-концовъ къ большему ограниченію его власти. Въ 1835 г., когда дѣло дошло уже до серьезнаго столкновенія между Милошемъ и кнезами, уставъ былъ изданъ и обнародованъ передъ скупщиной въ Крагуевацѣ 3 февраля того же года. Этотъ уставъ, составленный секретаремъ Милоша Давидовичемъ, получившимъ европейское образованіе, представлялъ собою сочетаніе, во многихъ отношеніяхъ неудачное, началъ западно-европейскихъ конституціонныхъ теорій съ историческимъ правомъ Сербіи и вводилъ, на ряду съ властью князя, власть державнаго совѣта, отвѣтственнаго передъ народной скупщиной.

Этотъ уставъ былъ встрѣченъ крайне непріязненно сосѣдними державами, Турціей, Австріей и Россіей. Турція находила его несогласнымъ съ формою правленія въ другихъ ея провинціяхъ и съ существующими у Порты съ сосѣдними державами о Сербіи договорами, что и дало поводъ Милошу вскорѣ частично измѣнить уставъ въ смыслѣ ограниченія власти державнаго совѣта. Австрія видѣла въ этомъ опасное для нея усиленіе Сербіи и не допускала, съ другой стороны, по сосѣдству у себя существованія конституціонныхъ учрежденій. На эту же послѣднюю точку зрѣнія стало и русское правительство. Поло-

женіе Россіи въ Сербіи затруднялось еще и тѣмъ, что у насъ не было тамъ въ это время своего представительства. Въ виду этого теперь былъ посланъ туда въ качествѣ комиссара русскій генеральный консулъ въ Валахіи бар. П. И. Рикманъ. Съ пренебреженіемъ относившійся къ сербскому народу, раздраженный дошедшими до него насмѣшливыми о немъ отзывами Милоша и встрѣченный съ недовѣріемъ въ Сербіи, Рикманъ, по прибытіи въ Пожаревацъ, съ самаго начала повелъ дѣло очень рѣзко, говорилъ властнымъ тономъ съ Милошемъ и князями, требовалъ уничтоженія устава и напоминалъ сербамъ объ ихъ обязательствахъ передъ Портою и Россіею. Миссія Рикмана не имѣла какихъ-либо осязательныхъ результатовъ: 15 іюля 1835 г. онъ оставилъ Пожаревацъ и лишь въ началѣ 1836 г. сообщилъ Милошу неофиціальною запискою „базисъ для устава Сербіи", составленный въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Этотъ „базисъ", исходя изъ началъ русско-турецкихъ договоровъ относительно Сербіи, исключалъ все то, что казалось конституціонными новшествами въ уставѣ 1835 г., но вмѣстѣ съ этимъ уничтожалъ и скупщину. Базисъ не былъ принятъ Милошемъ и повлекъ за собою лишь дальнѣйшее взаимное охлажденіе между Россіей и Сербіей. Это охлажденіе было использовано Австріей и Англіей, которыя съ 1836 г. учредили въ Сербіи своихъ постоянныхъ агентовъ. Особенно сильное вліяніе получилъ назначенный лѣтомъ 1837 г. въ Сербію англійскій генеральный консулъ полковникъ Ходжесъ, быстро сблизившійся съ Милошемъ, всячески старавшійся уронить значеніе Россіи и начавшій подготавливать почву для торговаго и политическаго сближенія Сербіи съ Англіей. Чтобы противодѣйствовать англійскому вліянію, императоръ Николай Павловичъ въ октябрѣ 1837 г. послалъ въ Сербію съ чрезвычайнымъ порученіемъ къ князю Милошу своего флигель-адъютанта кн. В. А. Долгорукаго. Долгорукій долженъ былъ настаивать передъ Милошемъ на составленіи устава на началахъ базиса и на учрежденіи сената (т.-е. совѣта старѣйшинъ), что соотвѣтствовало буквальному смыслу фирмана 22 іюля 1830 г. Результатомъ этого былъ составленный въ соотвѣтствующемъ духѣ указъ Милоша Совѣту 16 октября 1837 г. и послѣдовавшее за этимъ возстановленіе добрыхъ отношеній между Россіей и Сербіей. Въ февралѣ 1838 г. въ Бѣлградѣ

было учреждено русское консульство, и консуломъ былъ назначенъ Ващенко.

Одновременно съ этимъ, однако, еще осенью 1837 г. послѣдовало, съ вѣдома Россіи, требованіе отъ Порты снарядить въ Константинополь сербскую депутацію для выработки при дворѣ султана сербскаго устава. Русскій посолъ при Портѣ А. П. Бутеневъ былъ съ сентября 1837 г. въ отсутствіи—его поѣздка въ Петербургъ стояла отчасти въ связи съ сербскимъ вопросомъ—и въ Константинополѣ его замѣнялъ Рикманъ. Отсутствіемъ Бутенева попыталась воспользоваться Англія, начавшая теперь убѣждать султана въ необходимости издать уставъ на началахъ расширенія правъ князя, мотивируя это тѣмъ, что такимъ путемъ султанъ найдетъ въ немъ вѣрнаго сторонника своей власти въ Сербіи. Возвратившійся къ тому времени на свой постъ Бутеневъ, съ своей стороны, официально заявилъ теперь о согласіи русскаго правительства на составленіе сербскаго устава въ Константинополѣ, но настаивалъ на ограниченіи власти князя въ пользу совѣта старѣйшинъ. Его настоянія одержали верхъ. 13 (25) февраля 1839 г. былъ обнародованъ уставъ, подписанный султаномъ въ видѣ гатти-шерифа и фирмана совмѣстно на имя бѣлградскаго визиря и сербскаго князя. По этому уставу вся исполнительная власть и внутреннее управленіе ввѣрялись наслѣдственному князю. Законодательная власть сосредоточивалась въ рукахъ сената, или совѣта старѣйшинъ, члены котораго, въ числѣ 17 чел., назначались, но, разъ назначенные, не могли уже смѣщаться иначе, какъ по суду и съ согласія султана. Равенство передъ закономъ и неприкосновенность личности и собственности подтверждались, но о скупщинѣ уставъ не упоминалъ. 1-го іюля 1839 г. Милошъ Обреновичъ отрекся отъ престола и, за смертью его старшаго сына Милоша, княжеская власть перешла къ его младшему сыну Михаилу.

Отмѣченное выше соперничество Россіи и Англіи не ограничивалось за данные годы одною только Сербіей. То же самое наблюдалось за это время въ Греціи, гдѣ дѣятельность русскаго посланника Катакази встрѣчала противодѣйствіе со стороны его англійскаго коллеги, Эдмунда Лайона, и въ Турціи, гдѣ соперникомъ Бутенева явился англійскій посолъ Понсонби. У секретаря англійскаго посольства въ Константинополѣ Давида Урквардa находили поддержку боровшіяся въ это время за

свою независимость на Кавказѣ черкесскія племена. Въ декабрѣ 1836 г. въ Сухумъ-Кале была задержана англійская шкуна „Виксенъ“, на которой былъ обнаруженъ транспортъ пороха и оружія. Конфискація шхуны и груза повлекла за собою дипломатическія осложненія, улаженныя лишь послѣ того, какъ нашъ посолъ въ Лондонѣ Поццо-ди-Борго заявилъ Пальмерстону, что Сухумъ-Кале входитъ на неоспоримомъ правѣ въ число русскихъ владѣній. То же соперничество замѣчалось въ это время и въ Персіи, гдѣ англичанъ тревожили начавшіяся сношенія Россіи съ Афганистаномъ.

Событія, разыгравшіяся къ этому времени на Востокѣ, новое возстаніе египетскаго паши Мегмета-Али, видоизмѣнили европейскія международныя отношенія и дали иное направленіе восточной политикѣ императора Николая. Главнымъ источникомъ безпокойства для европейскихъ державъ былъ унхіаръ-скелессійскій договоръ, относительно котораго у европейской дипломатіи давно уже зрѣла мысль, какъ выразился Пальмерстонъ, „погрузить его въ какой-либо общій договоръ такого же рода“. Это было достигнуто въ такъ называемыхъ лондонскихъ конвенціяхъ, по которымъ исключительное значеніе Россіи въ Турціи къ 1840 году уступило мѣсто общеевропейскому соглашенію. Кутахійскій миръ не создалъ окончательнаго примиренія между султаномъ Махмудомъ и его египетскимъ вассаломъ. Мегметъ-Али требовалъ, чтобы его власть въ Египтѣ была признана наслѣдственной; султанъ Махмудъ не разставался съ мыслью отмстить своему вассалу и возстановить свою власть въ Сиріи. Въ апрѣлѣ 1839 г. турецкая армія подъ начальствомъ Гафиза-паши перешла Евфратъ, но ея дѣйствія были неудачны: 12 (24) іюня Ибрагимъ-паша нанесъ войскамъ Гафиза полное пораженіе у Незиба; шесть дней спустя султанъ Махмудъ скончался и на престолъ вступилъ его шестнадцатилѣтній сынъ Абдулъ-Меджидъ. Еще черезъ четыре дня турецкая эскадра подъ начальствомъ Ахметъ-Февзи-паши предалась на египетскую сторону. При первыхъ извѣстіяхъ о событіяхъ на Востокѣ англійскій министръ лордъ Пальмерстонъ, озабоченый, чтобы русскія суда не появились снова, какъ въ 1833 г., передъ Константинополемъ, обратился къ Франціи, и между обѣими державами скоро было установлено соглашеніе: Франція и Англія взаимно ручались за цѣлость Турціи, соглашались послать свои эскадры къ

Дарданелламъ и въ случаѣ, если бы русскія суда вошли въ Мраморное море, готовы были точно такъ же пройти черезъ проливъ, хотя бы цѣною открытаго столкновенія съ Турціей. Передъ этимъ соглашеніемъ отступалъ на время на задній планъ вопросъ о самомъ Египтѣ, по которому взгляды обѣихъ державъ расходились: Франція готова была поддержать Мегмета-Али; Англія была противъ него. Согласившись между собою, Англія и Франція вступили въ переговоры по восточному вопросу съ Австріей и Пруссіей, и тогда Меттернихомъ было предложено созвать въ Вѣнѣ конференцію пяти великихъ державъ по вопросу о Турціи.

Извѣстіе о соглашеніи между Англіей и Франціей было встрѣчено императоромъ Николаемъ Павловичемъ съ негодованіемъ. Въ совокупномъ ручательствѣ европейскихъ державъ за цѣлость и независимость Турціи онъ видѣлъ посягательство на свои права. На приглашеніе участвовать въ конференціи послѣдовалъ со стороны Россіи отказъ. Общеевропейскую гарантію Турціи русское правительство считало направленной исключительно противъ Россіи: требовать отъ нея подобной гарантіи значило, по мнѣнію императора Николая, требовать отъ нея невозможнаго и безразсуднаго. Одновременно съ этимъ нашему послу въ Турціи Бутеневу, на случай если Порта дастъ согласіе на проходъ англійскихъ и французскихъ судовъ черезъ Дарданеллы, предписывалось немедленно оставить Константинополь. Въ это время новый султанъ вступилъ уже въ переговоры съ Мегметомъ-Али, предлагая ему удовольствоваться признаніемъ его наслѣдственной власти только въ Египтѣ. Возставшій паша не согласился, и тогда Абдулъ-Меджидъ обратился за помощью, но не непосредственно къ Россіи, а къ представителямъ всѣхъ великихъ державъ въ Константинополѣ. Въ виду этого послы пяти державъ собрались у австрійскаго интернунція, который, какъ есть извѣстіе, сообщилъ имъ, что, по депешамъ, полученнымъ имъ изъ Вѣны, между пятью державами установлено полное соглашеніе по дѣламъ Востока.

Въ этотъ же день Бутеневъ получилъ депешу отъ нашего посла въ Вѣнѣ Д. П. Татищева отъ 4 (16) іюля, въ которой этотъ послѣдній, не имѣя еще изъ Петербурга инструкцій съ отказомъ Россіи отъ участія въ конференціи, отъ себя извѣщалъ Бутенева, что согласіе державъ установлено, и что Вѣна

избрана центромъ соглашенія. 15 (27) іюля 1839 г. послы обратились къ Портѣ съ коллективною нотою, которая гласила: „Нижеподписавшіеся получили сегодня поутру инструкціи отъ своихъ правительствъ, въ силу коихъ они имѣютъ честь сообщить Блистательной Портѣ, что согласіе по восточному вопросу обезпечено между пятью великими державами, и пригласить ее пріостановить какое бы то ни было окончательное рѣшеніе въ ожиданіи послѣдствій участія, ими къ ней питаемаго". Эта нота была подписана австрійскимъ интернунціемъ Штюрмеромъ, англійскимъ посломъ лордомъ Понсонби, французскимъ—Руссеномъ, прусскимъ—Кенигсмаркомъ и русскимъ—Бутеневымъ.

Поступокъ Бутенева, какъ самовольный и шедшій въ разрѣзъ съ только что принятымъ русскимъ правительствомъ рѣшеніемъ, возбудилъ сильное негодованіе въ императорѣ Николаѣ. Не признать присоединенія Россіи къ коллективному представленію державъ Портѣ онъ не счелъ, однако, уже возможнымъ: условія момента не позволяли думать о возвращеніи къ политикѣ 1833 г. Съ другой стороны, идя на соглашеніе по восточному вопросу, онъ думалъ отвлечь Англію отъ Франціи, и подготовивъ сближеніе Англіи съ Россіей, Австріей и Пруссіей какъ по восточному вопросу, такъ и по вопросамъ европейской политики, тѣмъ самымъ какъ бы возстановить шомонское соглашеніе, объединившее въ 1814 г. четыре державы противъ Франціи. Послѣ ноты 15 іюля Англія, успокоившаяся относительно Россіи, дѣйствительно, обратила все свое вниманіе на Египетъ и готова была принять рѣшительныя мѣры противъ Мегмета-Али, что вызвало неудовольствіе со стороны Франціи. Учитывая это, императоръ Николай въ сентябрѣ 1839 г. послалъ въ Лондонъ нашего посланника при вюртембергскомъ дворѣ бар. Ф. И. Брунова, пользовавшагося большимъ личнымъ довѣріемъ у государя. Брунновъ прибылъ въ Лондонъ 3 сентября 1839 г., и завязавшіеся здѣсь переговоры отодвинули на задній планъ мысль о конференціи въ Вѣнѣ: обсужденіе восточнаго вопроса сосредоточилось въ Лондонѣ.

Инструкція, данная бар. Бруннову, уполномочивала его вести переговоры по турецкому, греческому и персидскому вопросамъ. Русское правительство шло на отказъ отъ унхіаръ-скелессійскаго договора и на участіе въ общей гарантіи турецко-

египетскаго соглашенія, и брало на себя обязательство явиться, въ случаѣ надобности, на Босфорѣ не какъ независимая союзница Порты, но какъ уполномоченная представительница Европы. Взамѣнъ этого, однако, Англія и Франція должны были отказаться отъ объявленія неприкосновенности Турціи, согласиться на закрытіе проливовъ какъ во время мира, такъ и во время войны для военныхъ судовъ всѣхъ націй и отказаться отъ ввода своихъ судовъ въ Мраморное море въ случаѣ, если бы русскія суда появились у береговъ Босфора. При этомъ Брунновъ былъ уполномоченъ намекнуть, что государь ничего не имѣетъ противъ того, чтобы согласіе на этихъ условіяхъ державъ между собою состоялось и безъ участія Франціи. Ведшій съ Брунновымъ переговоры Пальмерстонъ, въ общемъ, встрѣтилъ эти предложенія сочувственно, но предложилъ, съ своей стороны, поправку: флотъ западныхъ державъ, на данный случай, можетъ войти въ Дарданеллы, если бы русскія суда появились въ Босфорѣ. На будущее Пальмерстонъ обѣщалъ провести закрытіе проливовъ, какъ общее международное постановленіе. Всѣ пять державъ должны согласиться о формѣ ихъ содѣйствія къ улаженію восточнаго кризиса. Насколько возможно надо поддерживать Турцію подъ властью существующей династіи. Если Мегметъ-Али окажетъ сопротивленіе мѣрамъ, выработаннымъ державами, то русскія войска въ Малой Азіи идутъ, но не дальше Тавра.

Съ этими предложеніями Брунновъ въ началѣ октября 1839 г. оставилъ Англію. Онъ оставался въ Петербургѣ до октября т. г. За это время Австрія, обезпокоенная шедшими помимо нея переговорами между Россіей и Англіей, приложила всѣ старанія, чтобы снова войти въ довѣріе у императора Николая Павловича, въ чемъ и имѣла успѣхъ. Когда въ декабрѣ Брунновъ снова былъ отправленъ въ Лондонъ, уполномоченный принять англійскія поправки и заключить на соотвѣтствующихъ основаніяхъ договоръ, въ Вѣнѣ къ нему примкнулъ австрійскій уполномоченный Нейманнъ.

Въ январѣ 1840 г., по почину Австріи, въ Лондонѣ открылась конференція великихъ державъ по восточному вопросу, къ которой Пальмерстонъ предложилъ привлечь и Турцію. Франція точно также согласилась принять участіе въ конференціи. Тѣмъ не менѣе по вопросу объ Египтѣ разногласія между Англіей и Фран-

ціей, настаивавшей на признаніи за Мегметомъ-Али Сиріи, все болѣе и болѣе увеличивались, и, несмотря на всѣ убѣжденія Пальмерстона, французское правительство оставалось непреклоннымъ. Непреклонность привела къ тому, что 3 (15) іюля Австрія, Англія, Пруссія, Россія и Турція заключили между собою конвенцію, помимо и безъ вѣдома Франціи. Эта конвенція сводилась къ слѣдующему: 1. Означенныя европейскія державы принимаютъ на себя обязательство дѣйствовать въ полномъ согласіи и соединить ихъ усилія къ побужденію Мегмета-Али принять тѣ условія уговора, которыя предложитъ ему султанъ, и о которыхъ этотъ послѣдній согласился съ державами, заключившими конвенцію; при этомъ каждая держава предоставляетъ себѣ содѣйствовать этой цѣли по мѣрѣ средствъ, ею располагаемыхъ. 2. Если Мегметъ-Али откажется приступить къ вышеозначенному уговору, то державы обѣщаютъ, по предложенію султана, принять условленныя мѣры для приведенія этого уговора въ исполненіе. Вслѣдствіе приглашенія, сдѣланнаго уже султаномъ, присоединиться къ нему для оказанія ему помощи въ пресѣченіи сообщенія моремъ между Египтомъ и Сиріей, Англія и Австрія заранѣе обязуются дать немедленно нужныя для сего приказанія начальникамъ ихъ морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ. 3. На случай, если Мегметъ-Али, отказавшись принять условія уговора, направитъ свои силы на Константинополь, державы соглашаются, по требованію султана, содѣйствовать защитѣ проливовъ Босфора и Дарданеллъ, а также самого Константинополя. Назначенныя для этого туда силы пробудутъ тамъ лишь столь долго, сколь ихъ присутствіе будетъ требоваться султаномъ. 4. При этомъ постановляется, что означенная мѣра должна считаться лишь исключительною мѣрою, принятою въ единственномъ выше означенномъ случаѣ. Эта мѣра нисколько не нарушитъ древняго правила Турціи, по которому военнымъ судамъ иностранныхъ державъ всегда возбранялось входить въ проливы Дарданеллъ и Босфора. Султанъ, съ своей стороны, объявляетъ, что онъ неизмѣнно будетъ соблюдать это правило и, когда Порта будетъ находиться въ мирѣ, не будетъ допускать никакого военнаго судна въ проливы. Австрія, Англія, Пруссія и Россія обѣщаютъ уважать это рѣшеніе и согласоваться съ означеннымъ началомъ. Особымъ актомъ, подписаннымъ въ тотъ же день,

опредѣлялись условія уговора, который будетъ предложенъ султаномъ Мегмету-Али. 1. Мегметъ-Али получаетъ въ наслѣдственное владѣніе Египетъ и въ пожизненное—южную часть Сиріи и крѣпость Сенъ-Жанъ д'Акръ (т. е. Суецкій перешеекъ и южную часть Палестины, до Тиверіадскаго озера). 2. Если въ десятидневный срокъ Мегметъ-Али не приметъ этого условія, то султанъ соглашается оставить за нимъ въ наслѣдственномъ владѣніи только Египетъ. 3. Мегметъ-Али уплачиваетъ султану ежегодную подать, размѣры которой зависятъ отъ той территоріи, которую онъ получитъ въ управленіе. 4. Мегметъ-Али долженъ сдать турецкій флотъ. 5. Всѣ трактаты и законы Турціи будутъ относиться ко всѣмъ областямъ, которыя получитъ Мегметъ-Али, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и къ прочимъ частямъ Оттоманской имперіи. Но султанъ соглашается, чтобы, подъ условіемъ правильной уплаты вышеозначенной подати, Мегметъ-Али и его потомки отъ имени султана собирали всѣ подати и налоги, которыми и должны покрываться всѣ расходы по управленію означенными провинціями. 6. Сухопутныя и морскія силы означенныхъ областей составляютъ часть силъ Турціи и считаются содержимыми для государственныхъ нуждъ. 7. Если Мегметъ-Али въ двадцатидневный срокъ вовсе не приметъ условій этого уговора, то султанъ въ правѣ взять предложенія обратно и избрать дальнѣйшій путь сообразно своимъ интересамъ и совѣтамъ своихъ сотрудниковъ. Конвенцію и особый актъ подписали: бар. Филиппъ Брунновъ (Россія), Пальмерстонъ (Англія), бар. Филиппъ Нейманнъ (Австрія), бар. Генрихъ Вильгельмъ фонъ-Бюловъ (Пруссія), Хекибъ-Эффенди (Турція). 2 (14) августа Пруссія особымъ протоколомъ оговорилась, что ея участіе въ конвенціи ограничивается нейтралитетомъ. 5 (17) сентября тѣ же уполномоченные Англіи, Австріи, Пруссіи и Россіи подписали протоколъ, удостовѣряющій, что заключеніемъ означенной конвенціи державы не намѣрены искать никакого увеличенія территоріи, никакого исключительнаго вліянія, ни полученія какого-либо преимущества въ торговлѣ.

Послѣдствіемъ лондонской конвенціи, вызвавшей, какъ и слѣдовало ожидать, громкое негодованіе во Франціи, были весьма рѣшительныя мѣры, предпринятыя союзными державами на Востокѣ. Англо-австрійская эскадра блокировала берега

Сиріи. 21 октября (2 ноября) пала крѣпость С.-Жанъ-д'Акръ, и Ибрагимъ принужденъ былъ оставить Сирію. Прежде чѣмъ извѣстія объ этомъ дошли до Египта, англійская эскадра подъ начальствомъ Непира появилась у Александріи. 13 (25) ноября т. г. между Непиромъ и Мегметомъ-Али былъ заключенъ договоръ, по которому послѣдній отказывался отъ Сиріи и соглашался на возвращеніе турецкаго флота, взамѣнъ чего его власть въ Египтѣ признавалась наслѣдственной. Во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ противъ египетскаго паши Россія, согласно съ постановленіями лондонской конвенціи, непосредственнаго участія уже не принимала. Султанскимъ фирманомъ 1 (13) февраля договоръ Непира съ Мегметомъ-Али былъ признанъ Портою.

Послѣ того какъ турецко-египетскій кризисъ разрѣшился, Пальмерстонъ предложилъ Бруннову возобновить переговоры о заключеніи новой конвенціи о проливахъ, привлекши къ этимъ переговорамъ и Францію. Со стороны императора Николая на это послѣдовало согласіе. Франція, съ своей стороны, попыталась расширить программу переговоровъ, включивъ въ нее вопросъ объ общей гарантіи неприкосновенности Турціи, о христіанскомъ населеніи Сиріи, о суецкомъ торговомъ пути и о закрытіи проливовъ. Изъ всѣхъ этихъ предложеній Россіей и Англіей было принято лишь послѣднее. 1 (13) іюля 1841 г. представителями Россіи (бар. Брунновъ), Австріи (Эстергази и бар. Нейманнъ), Англіи (Пальмерстонъ), Пруссіи (Бюловъ), Франціи (бар. Буркенэ) и Турціи (Хакибъ-Эффенди) была подписана 2-я лондонская конвенція. По этой конвенціи снова подтверждалось правило о воспрещеніи военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ Дарданеллы и Босфоръ, но султанъ оставлялъ за собою попрежнему право выдавать фирманы на проходъ легкихъ судовъ подъ военнымъ флагомъ, состоящихъ въ распоряженіи посольствъ дружественныхъ державъ.

Лондонскія конвенціи 1840 и 1841 г. упразднили унхіаръ-скелессійскій договоръ, существенно измѣняли положеніе дѣлъ на Востокѣ и создавали, взамѣнъ исключительнаго вліянія въ Турціи Россіи, зависимость Оттоманской имперіи отъ европейскаго „концерта". Уже у современниковъ эти конвенціи находили самую различную оцѣнку. Нессельроде видѣлъ въ этомъ

крупную побѣду русской дипломатіи. Въ 1850 г. во всеподданнѣйшемъ обзорѣ русской политики за истекшее двадцатипятилѣтіе онъ писалъ: „ункіаръ-скелесскій договоръ, противъ котораго тщетно протестовали Франція и Англія, хотя повиду и былъ отмѣненъ, но, въ существѣ дѣла, былъ сохраненъ навѣки подъ другою формою. Новый актъ, замѣнившій этотъ договоръ и признанный всѣми державами, воспретилъ входъ въ Дарданеллы иностраннымъ военнымъ судамъ и такимъ образомъ обезпечилъ насъ на будущее время отъ какого бы то ни было нападенія съ моря. *Замышательства на Востокъ этого времени имѣли однимъ изъ важнѣйшихъ для насъ послѣдствій распаденіе англо-французскаго союза, столь враждебнаго нашимъ политическимъ интересамъ, столь гибельнаго для консервативныхъ правительствъ*“. Пальмерстонъ смотрѣлъ нѣсколько иначе и, какъ кажется, былъ ближе къ правильному пониманію дѣла. Въ письмѣ къ сэру Уильяму Темплю отъ 15 (24) іюля 1840 г., по поводу первой конвенціи, онъ находилъ, что онъ достигъ трехъ существенныхъ результатовъ: наказалъ Францію за ея попытку освободиться отъ англійской опеки и слѣдовать самостоятельной политикѣ; добился добровольнаго отреченія Россіи отъ историческаго преобладанія въ Турціи; заставилъ Европу признать англійскую указку въ восточныхъ дѣлахъ и соотвѣтственное значеніе и вліяніе Англіи на Востокѣ.

Внѣшняя политика императора Николая Павловича за послѣдніе годы даннаго періода (до 1848 г.) какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ въ значительной степени истекала изъ того положенія, какое создавалось для Россіи лондонскими конференціями. Хотя Россія и приняла участіе въ общеевропейскомъ соглашеніи, съ фактическою утратою своего исключительнаго вліянія на Востокѣ, она оставалась въ Европѣ изолированною. Напротивъ, значеніе Англіи послѣ 1840 г. какъ въ Европѣ, такъ и на Востокѣ чрезвычайно возросло. Особенно натянутыя отношенія создались у Россіи съ Франціей, правитель которой король Людовикъ-Филиппъ былъ склоненъ объяснять всю восточную политику Россіи въ 1839—41 гг. личною непримиримою ненавистью къ нему. императора Николая. Съ конца 1841 г., когда русскій посолъ въ Парижѣ, гр. П. П. Паленъ, отбылъ въ отпускъ, петербургскій и парижскій кабинеты начали сноситься между собою чрезъ простыхъ повѣренныхъ въ

дѣлахъ и такое положеніе оставалось до 1851 г. [1]). Въ то же время временное удаленіе, съ конца 1841 г. по іюль 1846 г., отъ дѣлъ Пальмерстона (паденіе кабинета Мельбурна), непримиримаго противника французской политики, и переходъ въ новомъ кабинетѣ Роберта Пиля портфеля статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ къ лорду Абердину создавали надежду на улучшеніе отношеній между Англіей и Франціей: министерство Гизо дѣлаетъ въ это время рядъ уступокъ, чтобы снискать расположеніе лондонскаго кабинета. У самой Россіи съ Англіей прочнаго сближенія послѣ 1841 г. не установилось. Съ другой стороны, обѣ союзницы Россіи, Австрія и Пруссія, въ эти годы часто мѣняющихся дипломатическихъ комбинацій, по отдѣльнымъ вопросамъ проявляютъ солидарность съ обѣими морскими державами. Наконецъ, Австрія, пользуясь упадкомъ значенія Россіи, старается теперь поправить то положеніе, какое въ свое время создалось для нея послѣ адріанопольскаго мира: съ 1840 г. ея значеніе, наряду съ англійскимъ, на Востокѣ, главнымъ образомъ на Балканскомъ полуостровѣ, усиливается.

Положеніе дѣлъ на самомъ Востокѣ съ 1840 г. точно также становилось для Россіи болѣе затруднительнымъ. Въ 1839 г. въ Турціи, подъ вліяніемъ Решида-паши и въ значительной степени по внушенію западныхъ державъ, былъ проведенъ рядъ внутреннихъ реформъ, представлявшихъ сочетаніе правилъ корана съ идеями европейскаго либерализма и имѣвшихъ цѣлью улучшить внутреннее устройство и управленіе. Внутренне нѣсколько оправившаяся, Турція послѣ лондонской конвенціи менѣе считается съ своимъ союзникомъ 1833 г. и больше слѣдуетъ совѣтамъ и указаніямъ спасшей ее въ 1840 г. Англіи. Въ Константинополѣ получилъ теперь большое значеніе вновь назначенный англійскій посолъ Стрэдфордъ-Каннингъ (лордъ Редклифъ). Реформы, проведенныя въ Турціи, мало улучшили положеніе христіанскаго населенія на Востокѣ, попрежнему страдавшаго отъ притѣсненій магометанскаго чиновничества и терявшаго теперь надежду на покровительство со стороны Россіи. Въ то же время въ государствахъ и областяхъ Балканскаго полуострова въ 40-хъ гг. происходятъ чисто поли-

[1]) Русскій повѣренный въ Парижѣ съ 30 окт. 1841 г.—Н. Д. Киселевъ, французскій въ Петербургѣ—Мерсье.

тическія движенія, создававшіяся на почвѣ недовольства различными сторонами того устройства, какое эти государства и области передъ этимъ получили. Къ реформамъ въ самой Турціи императоръ Николай относился несочувственно какъ потому, что онѣ сулили возрожденіе Турціи, такъ и потому, что онъ видѣлъ въ нихъ проявленіе „французскихъ“ революціонныхъ принциповъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ политическимъ движеніямъ на Балканскомъ полуостровѣ онъ стоялъ вполнѣ опредѣленно на точкѣ зрѣнія Священнаго союза, видѣлъ въ нихъ проявленіе мятежнаго духа, да и независимо отъ этого требовалъ признанія за собою права на вмѣшательство.

Въ 1842 г. начались волненія въ Валахіи, гдѣ мѣстное боярство было недовольно правленіемъ господаря Александра Гики, не пользовавшагося симпатіями и въ Петербургѣ за свою дружбу съ французскимъ генеральнымъ консуломъ Билькокомъ. Мѣстный диванъ представилъ ему длинный списокъ его проступковъ и довелъ объ этомъ до свѣдѣнія какъ Турціи, такъ и Россіи. Императоръ Николай настоялъ передъ Портою, чтобы изъ Константинополя былъ назначенъ комиссаръ для разслѣдованія этого дѣла. Съ своей стороны, онъ послалъ въ Бухарестъ, въ мартѣ 1842 г., въ качествѣ комиссара, генерала А. О. Дюгамеля, который пріѣхалъ въ Бухарестъ раньше назначеннаго Турціею Хекиба-паши и еще до прибытія послѣдняго успѣлъ разслѣдовать дѣло. По настоянію русскаго правительства Гика былъ смѣщенъ и диваномъ былъ избранъ Георгій-Дмитрій Бибеско, въ свое время выдвинувшійся благодаря Киселеву. Порта не рѣшилась противорѣчить и утвердила избраніе Бибеско. Въ томъ же 1842 г. вспыхнуло подготовлявшееся еще съ 1840 г. возстаніе въ Сербіи, направленное противъ князя Михаила Обреновича и исходившее изъ либеральной партіи „уставобранителей“. Руководители возстанія (Вучичъ и Петроневичъ) нашли поддержку у турецкаго визиря бѣлградской крѣпости Кіамиля-паши. Въ августѣ 1842 г. князь Михаилъ удалился въ Австрію; въ Сербіи созванная временнымъ правительствомъ скупщина избрала княземъ Александра Карагеоргіевича, тайно поддерживаемаго Австріей. Порта утвердила это избраніе безъ уговора съ Россіей и объявила Обреновича низложеннымъ. Императоръ Николай отправилъ въ Константинополь своего флигель-адъютанта бар. В. К. Ливена

съ собственноручнымъ письмомъ къ султану и требовалъ отмѣны распоряженія относительно Сербіи и наказанія виновниковъ сербскаго возстанія. Найдя поддержку у Франціи и Англіи, Порта воспротивилась этимъ требованіямъ. Австрія пыталась занять примирительное положеніе, стараясь сохранить въ Сербіи власть за Карагеоргіевичемъ. Переговоры затягивались; весною 1843 г. императоръ Николай собирался уже ввести двадцатитысячный корпусъ войскъ въ Сербію и вступилъ въ переговоры съ Австріею о пропускѣ этого корпуса черезъ австрійскія владѣнія. Порта уступила. Избраніе Карагеоргіевича было объявлено незаконнымъ. Кіамиль-паша былъ смѣщенъ. На возстановленіи въ правахъ Михаила Обреновича Россія не стала настаивать. 3 (15) іюля 1843 г., въ присутствіи вновь назначеннаго турецкаго паши, русскаго генеральнаго консула и бар. Ливена вновь собранная скупщина вторично избрала Александра Карагеоргіевича, который былъ снова утвержденъ Портою. Это утвержденіе не встрѣтило на этотъ разъ сопротивленія со стороны Россіи. Прежде чѣмъ, однако, это утвержденіе получило силу, императоръ Николай настоялъ на другомъ своемъ требованіи—на изгнаніи изъ Сербіи Вучича и Петроневича. Въ то же время, стараясь создать противовѣсъ австрійскому вліянію въ Сербіи и Англіи, сохранявшей протекторатъ надъ Іоническими островами, онъ начинаетъ теперь покровительствовать „владыкѣ“ Черной горы Петру II Негошу.

Едва успѣлъ разрѣшиться сербскій инцидентъ, какъ вспыхнула революція въ Греціи (сентябрь 1843 г.), и король Оттонъ вынужденъ былъ созвать учредительное собраніе. 18 (30) марта 1844 г. король присягнулъ выработанной этимъ собраніемъ конституціи. Греческая революція была дѣломъ объединенія трехъ оппозиціонныхъ партій, изъ которыхъ двѣ опирались на Англію и Францію, а одна—на Россію. Послѣдняя въ движеніи была самая значительная. Въ глазахъ самого императора Николая король Оттонъ и его правительство не заслуживали симпатіи за поддержку протестантской пропаганды среди греческаго православнаго населенія. Тѣмъ не менѣе, когда вспыхнула греческая революція, русскій посланникъ Катакази былъ тотчасъ же отозванъ изъ Аѳинъ, и на его мѣсто былъ назначенъ лишь повѣренный по дѣламъ И. Э. Персіани, (съ 11 ноября 1843 г.). Новое греческое устройство было признано Россіей

значительно позже, чѣмъ Англіей и Франціей. До конца царствованія постъ русскаго посланника въ Аѳинахъ оставался незамѣщеннымъ, что создавало для Россіи затруднительное положеніе сравнительно съ другими державами, имѣвшими въ Аѳинахъ своихъ уполномоченныхъ представителей. При новомъ порядкѣ въ Греціи получили преобладаніе англійская и французская партіи. Всѣ эти движенія возбуждающимъ образомъ дѣйствовали на населеніе христіанскихъ областей Турціи. Въ виду этого въ 1844 г. нашимъ представителямъ въ Турціи и Греціи вообще было предписано поставить на видъ „старѣйшинамъ мѣстныхъ христіанъ“, что они не должны надѣяться на помощь Россіи, которая не можетъ одобрить ихъ возстанія противъ Турціи.

Затруднительное положеніе дѣлъ на Востокѣ, постоянное сопротивленіе видамъ и дѣйствіямъ русскаго правительства со стороны Англіи и Австріи и вопросъ, что будетъ съ Турціей и ея наслѣдіемъ, составляли къ серединѣ сороковыхъ годовъ предметъ постоянныхъ заботъ и думъ Николая. Къ этому времени у него начинаетъ назрѣвать мысль о новомъ болѣе тѣсномъ соглашеніи по дѣламъ Востока какъ съ Англіей, такъ и съ Австріей. Эти попытки выразились въ тѣхъ частныхъ переговорахъ, которые государь велъ во время своего пребыванія въ 1844 г. въ Лондонѣ съ лордомъ Абердиномъ и въ 1846 г. въ Вѣнѣ съ кн. Меттернихомъ. Изъ тѣхъ извѣстій, какія имѣются въ настоящее время въ наличности объ этихъ переговорахъ, трудно съ точностью установить, насколько здѣсь имѣлось въ виду дѣйствительно достигнуть новаго соглашенія и насколько — лишь успокоить союзниковъ Россіи относительно ея собственной политики на Востокѣ. Западноевропейскимъ державамъ, и прежде всего Англіи, дѣйствительно, доставляли не мало тревоги какъ отмѣченные выше случаи вмѣшательства Россіи въ дѣла христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, такъ и то, что происходило въ это время на Кавказѣ и въ Средней Азіи. На Кавказѣ, послѣ неудачъ 1843 г., съ назначеніемъ гр. М. С. Воронцова, снова начались болѣе энергичныя дѣйствія, направленныя вглубь Чечни и Дагестана и имѣвшія на этотъ разъ и болѣе счастливые результаты. Еще въ 1831 г. закрытіе транзита черезъ Грузію, въ связи съ рядомъ поощрительныхъ мѣръ, создали болѣе

благопріятныя условія для Русской торговли въ Персіи. Въ Закаспійскомъ краѣ, послѣ неудачнаго похода В. А. Перовскаго (1839 г.), въ началѣ сороковыхъ годовъ дѣла складывались точно также болѣе благопріятно: въ 1845 г. послѣдовало подданство Большой орды, русскія владѣнія продвинулись до рѣки Или, и въ 1847 г. были возведены укрѣпленія въ Копалѣ и Вѣрномъ.

Еще въ концѣ 1843 г., въ бытность свою въ Берлинѣ, императоръ Николай, въ разговорахъ съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, высказывалъ желаніе согласиться съ обоими своими союзниками на случай возможнаго раздѣла Турціи и проектировалъ новое свиданіе трехъ монарховъ, быть можетъ, съ приглашеніемъ на него и англійской королевы Викторіи. Къ этому же вопросу онъ возвращается, при встрѣчѣ въ Варшавѣ, на обратномъ пути изъ Берлина, съ австрійскимъ военнымъ министромъ гр. Фикельмономъ и снова заговариваетъ о томъ же въ мартѣ 1844 г. съ австрійскимъ генераломъ Колоредо. Всѣ эти предложенія встрѣтили довольно сдержанное отношеніе какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Вѣнѣ.

Лѣтомъ 1844 г. Николай Павловичъ неожиданно совершилъ поѣздку въ Англію и пробылъ здѣсь въ гостяхъ у королевы Викторіи и ея супруга принца Альберта съ 20 по 27 мая. Хотя эта поѣздка и носила частный характеръ, и Нессельроде не сопровождалъ государя, главною ея цѣлью было разсѣять въ Англіи предубѣжденіе противъ политики Россіи на Востокѣ. Результатъ бесѣдъ государя по этому поводу съ англійскими министрами и государственными дѣятелями, герц. Веллингтономъ, Робертомъ Пилемъ и Абердиномъ, легъ въ основу меморандума, составленнаго Нессельроде по возвращеніи Николая Павловича въ Россію и пересланнаго въ Англію на имя статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, лорда Абердина. Въ этомъ меморандумѣ намѣчались слѣдующіе начала и пункты соглашенія. Исходя изъ признанія необходимости поддерживать Оттоманскую имперію, Россія и Англія находили нужнымъ, не вмѣшиваясь въ мелочи, всегда строго требовать отъ Порты соблюденія всѣхъ принятыхъ ею договоровъ и обязательствъ. Что касается христіанскихъ народностей, подвластныхъ султану, то относительно ихъ принималось за принципъ: защищать ихъ путемъ представленій Портѣ сообща, но въ то

же время удерживать ихъ въ покорности султану. Отсюда вытекали два заключенія: стараться поддерживать Турцію, пока это будетъ возможно, въ случаѣ если можно будетъ предвидѣть ея паденіе, заблаговременно согласиться объ учрежденіи новаго порядка. Въ томъ же году, осенью, Нессельроде также былъ въ Англіи и, въ свою очередь, имѣлъ разговоръ съ Абердиномъ объ означенномъ меморандумѣ. Дальше этого документа соглашеніе не пошло: пересланный Абердину Нессельроде меморандумъ хранился въ Англіи отдѣльно отъ другихъ бумагъ и передавался, при смѣнѣ министерства, каждому вновь вступающему въ должность статсъ-секретаря лично: копія этого документа въ дѣлахъ министерства не хранилась.

Въ концѣ 1845 и въ самомъ началѣ 1846 г. императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ, на обратномъ пути изъ Рима, Вѣну и здѣсь снова имѣлъ разговоръ о Турціи съ кн. Меттернихомъ. Государь повторилъ то же, что онъ говорилъ въ 1844 г. въ Лондонѣ, и посвятилъ Меттерниха въ свои разговоры съ англійскими министрами. Эти переговоры точно также не привели къ какому-либо формальному соглашенію.

Съ другой стороны, восточный вопросъ въ глазахъ самого Николая съ начала сороковыхъ годовъ отодвигается нѣсколько на задній планъ и уступаетъ мѣсто соображеніямъ иного характера. Въ Европѣ начинаютъ показываться первые предвѣстники новой надвигающейся революціонной бури. Въ Испаніи происки донъ-Карлоса и слабость правительства королевы Изабеллы привели страну къ 1840 г. въ состояніе полной анархіи. Въ отдѣльныхъ итальянскихъ государствахъ начали усиливаться революціонныя вспышки; вступившій въ 1840 г. на престолъ сардинскій король Карлъ-Альбертъ все болѣе и болѣе склонялся къ тому, чтобы стать во главѣ итальянскаго національнаго движенія, и явно вступалъ на путь антиавстрійской политики. Политика Франціи, готовой, казалось, въ любой моментъ поддержать всѣ эти движенія, становится съ этого времени главнымъ предметомъ заботъ императора Николая, видѣвшаго въ себѣ охранителя началъ Священнаго Союза, и эти заботы заслоняютъ теперь порою въ его глазахъ другія очередныя задачи внѣшней политики. Этими заботами опредѣляются и его отношенія къ его ближайшимъ союзникамъ наканунѣ 1848 года. Въ Пруссіи, послѣ

смерти Фридриха III и вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV (1840 г.) начались новыя вѣянія. Въ прусскомъ обществѣ проявляются симптомы броженія; новый король готовъ былъ, казалось, пойти на уступки: къ 1847 г. было возвѣщено о созывѣ прусскаго соединеннаго ландтага. Николай Павловичъ осуждалъ политику „мечтателя“, какъ онъ называлъ Фридриха Вильгельма IV. Считая, что съ Пруссіей дѣло кончено, онъ пытается теперь вступить въ болѣе тѣсное сближеніе съ Австріей, какъ послѣднимъ оплотомъ монархическихъ началъ въ Европѣ. Такую попытку усматривали и въ возникшемъ въ это время проектѣ брака великой княжны Ольги Николаевны съ австрійскимъ эрцгерцогомъ Стефаномъ, чѣмъ объяснялась миссія въ 1844 г. въ Вѣну гр. А. Ѳ. Орлова. Этотъ проектъ былъ встрѣченъ несочувственно какъ со стороны римскаго папы, недовольнаго Николаемъ за мѣры, принятыя въ это время въ Западномъ краѣ, такъ и въ католически настроенныхъ придворныхъ кругахъ Вѣны. Въ 1846 г. великая княжна Ольга была выдана за кронпринца виртембергскаго.

Личная жизнь государя въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Година международныхъ потрясеній, 1830 и 1831 гг. были временемъ тяжелыхъ событій и внутри самого государства, что, конечно, должно было доставлять не мало волненій государю, утомляло его и отражалось на его характерѣ. Еще въ ноябрѣ 1829 г. Николай Павловичъ перенесъ довольно тяжелую болѣзнь на почвѣ переутомленія, отголоскомъ чего была, повидимому, та крайняя раздражительность, быстро наступающая и быстро проходящая, которая зачастую проявлялась у него вначалѣ 1830 г., когда еще ни откуда не получалось никакихъ тревожныхъ извѣстій. Въ маѣ мѣсяцѣ 1830 г. произошли волненія въ Севастополѣ среди матросовъ и жителей Корабельной слободы, недовольныхъ строгими карантинными мѣрами, предпринятыми противъ занесенія чумы изъ Турціи, и протестовавшихъ противъ предложеннаго ихъ переселенія на другое мѣсто. Эти волненія приняли довольно серьезный характеръ: временный севастопольскій военный губернаторъ ген.-лейт. Н. А. Столыпинъ, полковникъ Воробьевъ и нѣкоторые изъ чиновниковъ были убиты. За участіе въ бунтѣ было привлечено къ отвѣтственности особо назначенною слѣдственною комиссіею до 980 чел., 7 человѣкъ было разстрѣляно. Съ конца іюня начала принимать угрожающіе размѣры холерная эпидемія.

Занесенная въ 1829 г. въ Оренбургъ изъ Бухары и Хивы, холера въ 1830 г. проникла на Кавказъ и въ Астрахань, съ необычайною быстротою стала распространяться по Волгѣ, проникла въ Москву (24-го сентября) и захватила почти всю Европейскую Россію [1]). Въ 1831 г. эпидемія, затихшая зимою, во-

[1]) Холера проявилась впервые въ Россіи въ 1820 г.; въ послѣдующіе годы она проявлялась спорадически на нашихъ восточныхъ и южныхъ окраинахъ: въ Сибири, Астрахани и на Кавказѣ. Болѣзнь не была до этого времени до-

зобновилась съ особенною силою, снова распространилась повсемѣстно, кромѣ Сибири, и захватила на этотъ разъ, съ 14-го іюня, Петербургъ. Смертность отъ эпидеміи была очень велика. Въ Петербургѣ число смертей доходило до 600 чел. въ день. Общее число жертвъ исчислялось до 100.000 чел. Эпидемія распространялась среди всѣхъ классовъ населенія. Отъ холеры умерли фельдмаршалъ Дибичъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, инженеръ-генералъ Опперманъ, прусскій фельдмаршалъ гр. Гнейзенау, статсъ-дама кн. Н. И. Куракина. Съ 1832 г. холера начала затихать и въ 1833 — 1835 гг. появлялась лишь мѣстами въ слабой формѣ. Въ 1836—38 гг. она разыгралась снова довольно сильно въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ, проникнувъ сюда на этотъ разъ изъ Австріи. Мѣры, принимаемыя противъ эпидеміи, оказывались мало дѣйствительными и сводились, главнымъ образомъ, къ полной изоляціи очаговъ заразы, будь то цѣлыя селенія или отдѣльные дома, а также къ насильственному водворенію въ больницы, иногда безъ достаточнаго различія между больными и здоровыми. Проводимыя, къ тому же, зачастую очень неумѣло, всѣ эти мѣры вызывали противъ себя озлобленіе населенія, часто переходившее въ серьезныя волненія. И въ 1830 и въ 1831 гг. государь Николай Павловичъ лично находился въ мѣстностяхъ, охваченныхъ эпидеміей. Въ 1830 г., при полученіи извѣстія о холерѣ въ Москвѣ, онъ сейчасъ же поспѣшилъ туда, оставался тамъ до 7-го октября и самъ едва не подвергся болѣзни, во время, однако, пресѣченной. Въ Петербургѣ въ 1831 г. холерный бунтъ достигъ 22 іюня угрожающихъ размѣровъ. На Сѣнную площадь, гдѣ собралась пятитысячная толпа, были вызваны войска, но дѣйствовали вяло. При извѣстіи о волненіяхъ, государь, находившійся въ то время въ

статочно обслѣдована, и даже самый вопросъ о ея заразительности и путяхъ распространенія заразы оставался открытымъ. Возникали, поэтому, сомнѣнія въ цѣлесообразности примѣненія противъ него карантинной системы, и безъ того вызывавшей противъ себя нареканія, какъ стѣсняющей торговлю. Учрежденный для обсужденій этого вопроса въ 1826 г. особый комитетъ высказался въ томъ смыслѣ, что карантинами надо пользоваться съ большею осторожностью. Вслѣдствіе этого, при появленіи въ послѣдующіе годы холеры, карантинная система примѣнялась въ очень слабой степени. Въ то же время вслѣдствіе преобладающаго мнѣнія, что холера передается воздушными теченіями, не обращалось достаточно вниманія на санитарныя мѣропріятія.

Петергофѣ, немедленно (23-го іюня) прибылъ въ Петербургъ, появился самъ среди бушевавшей толпы на Сѣнной площади и своею рѣшительностью въ значительной степени содѣйствовалъ успокоенію. Холерные безпорядки возникли, въ іюлѣ 1831 г., и въ расположенныхъ въ Новгородской губерніи военныхъ поселеніяхъ, а также въ Старой Руссѣ, скоро принявъ здѣсь особенно серьезный характеръ и превратившись въ бунтъ военныхъ поселянъ противъ ихъ начальства.Ославъ предварительно для разслѣдованія ген.-ад. гр. А. Ѳ. Орлова, государь и самъ не замедлилъ прибыть въ поселенія, почти непосредственно послѣ петербургскихъ волненій. Участвовавшіе въ бунтѣ поселяне и войска, а также жители Старой Руссы были преданы военному суду и понесли суровое наказаніе [1]).

Къ серединѣ 1832 г. жизнь петербургскаго двора, послѣ тревожныхъ событій послѣднихъ двухъ лѣтъ, начала постепенно входить въ обычную колею, и это замѣтно отражалось и на состояніи духа самого государя. Тридцатые годы, вообще, можно считать временемъ, когда личная жизнь Николая Павловича складывалась наиболѣе благопріятно. Это — время торжества тѣхъ началъ и достиженія тѣхъ задачъ, какія составляли содержаніе его внѣшней политики; это же—время и наиболѣе оживленной правительственной дѣятельности въ области внутренняго управленія.

Появленіе въ Петербургѣ въ май 1832 г., польской депутаціи для принесенія государю благодарности за дарованную жителямъ Царства амнистію создало чувство удовлетворенія въ высшихъ петербургскихъ сферахъ. Въ іюнѣ того же года прибылъ англійскій чрезвычайный посолъ лордъ Дургамъ; пріемъ, оказанный послу государемъ, въ значительной степени способствовалъ

---

[1]) Отчасти въ связи со всѣми этими событіями стояли нѣкоторыя перемѣны въ личномъ составѣ высшей администраціи. Министръ внутреннихъ дѣлъ гр. А. А. Закревскій, разошедшійся въ 1830 г. съ Комитетомъ министровъ по вопросу о мѣрахъ борьбы съ холерою и считавшій причиною петербургскихъ безпорядковъ неумѣлыя распоряженія полиціи, получилъ 19-го ноября 1831 г. отставку. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ статсъ-секр. Д. Н. Блудовъ, бывшій до того времени товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Занимаемый Закревскимъ постъ финляндскаго генералъ-губернатора получилъ пользовавшійся большимъ довѣріемъ государя ген.-ад. кн. А. С. Меншиковъ.

временному улучшенію отношеній между Петербургомъ и Лондономъ, принявшихъ было подъ вліяніемъ предшествующихъ событій крайне натянутый характеръ. Начавшееся вскорѣ послѣ этого замѣшательство на Востокѣ закончилось къ лѣту слѣдующаго года такимъ крупнымъ успѣхомъ русской политики, какъ унхіаръ-скелессійскій договоръ. Кодификаціонная дѣятельность Сперанскаго, привлекавшая къ себѣ живѣйшее вниманіе государя, завершилась къ 1833 году изданіемъ Свода Законовъ. 18 августа 1833 г. государь выѣхалъ изъ Петербурга за границу для свиданія и личнаго совѣщанія по дѣламъ международной политики съ своимъ тестемъ, прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, и съ австрійскимъ императоромъ Францемъ I.

Съ этого момента старанія императора Николая I направляются, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы упрочить занятое имъ въ международныхъ отношеніяхъ положеніе. Любопытно при этомъ наблюдать, какъ, стараясь возстановить Священный Союзъ, Николай вначалѣ выступаетъ очень робко и осторожно, и какъ постепенно, по мѣрѣ того какъ онъ находитъ окончательно почву, его голосъ начинаетъ звучать все увѣреннѣе и увѣреннѣе, а обстановка его выступленій принимаетъ все болѣе и болѣе внушительный характеръ. Шведтское и мюнхенгрецкое свиданія 1833 г. и позднѣйшія свиданія восточныхъ монарховъ въ 1835 г., въ этомъ отношеніи, сами собою напрашиваются на сопоставленіе. Пребываніе государя въ Шведтѣ и Мюнхенгрецѣ протекало въ совершенно частной обстановкѣ и было лишено какой-либо торжественности. Въ тиши велись, однако, весьма чреватые послѣдствіями переговоры, которые и привели къ извѣстнымъ конвенціямъ 1833 г. Во время пребыванія Николая Павловича въ Мюнхенгрецѣ австрійскій императоръ назначилъ его шефомъ своего гусарскаго полка. Государь отнесся къ этому назначенію весьма серьезно и два дня спустя послѣ этого произнесъ передъ офицерами своего полка рѣчь, въ которой выяснялъ имъ ихъ обязанности по отношенію къ монарху Австріи и заявлялъ о чувствахъ своей искренней къ нему привязанности. Лично императоръ Николай былъ вполнѣ удовлетворенъ результатами мюнхенгрецкаго свиданія и, главнымъ образомъ, тѣмъ полнымъ согласіемъ, какое удалось установить между тремя державами по польскому вопросу. Покинувъ 8 сентября Мюн-

хенгрецъ, Николай Павловичъ направился въ Польшу. Онъ осмотрѣлъ Модлинскую крѣпость, переименованную имъ при этомъ въ Новогеоргіевскъ, дѣлалъ смотръ мѣстнымъ войскамъ и обозрѣвалъ сооружавшуюся въ это время около Варшавы Александровскую цитадель. Посѣтить столицу Царства Польскаго государь не пожелалъ и послѣ осмотра цитадели вернулся въ Новогеоргіевскъ, откуда двинулся въ дальнѣйшій путь и прибылъ 16 сентября въ Царское Село. Пассивная роль, какую пришлось играть Пруссіи во время предшествующихъ совѣщаній между тремя державами, настроили прусское общественное мнѣніе противъ императора Николая; самъ прусскій дворъ, по-видимому, чувствовалъ себя нѣсколько обиженнымъ. Николай Павловичъ постарался разсѣять неблагопріятное впечатлѣніе, посѣтивъ неожиданно осенью 1834 г., вмѣстѣ съ императрицею и наслѣдникомъ, Берлинъ и пробывъ тамъ двѣнадцать дней, съ 1-го по 13-е ноября. Во время этого посѣщенія онъ, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ, не упускалъ случая выразить передъ берлинскимъ обществомъ и прусскими войсками свою совершенно сыновнюю почтительность къ прусскому монарху. Совершенно другая картина въ 1835 г. Новые съѣзды трехъ монарховъ въ этотъ годъ, маневры въ Калишѣ, теплицкія празднества по случаю открытія Кульмскаго памятника и пребыванія императора Николая въ Прагѣ, въ противоположность шведтскому и мюнхенгрецкому свиданіямъ, были обставлены чрезвычайно торжественно. Государь съ исключительнымъ вниманіемъ старался относиться къ новому австрійскому императору Фердинанду, слабому и тѣломъ и духомъ, какъ бы напоминая присутствующимъ объ обѣщаніи, данномъ имъ покойному императору Францу, быть попечителемъ его сына и оплотомъ его имперіи. Совершенно неожиданно для всѣхъ окружающихъ и для самого императора Фердинанда Николай Павловичъ предпринялъ поѣздку въ Вѣну, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе вдовствующей австрійской императрицѣ. Настоящее пребываніе государя въ Австріи содѣйствовало новому сближенію его съ австрійскимъ канцлеромъ княземъ Меттернихомъ, къ которому онъ питалъ теперь полное довѣріе. Настоящее свиданіе монарховъ какъ бы завершало то, что въ свое время подготовили Шведтъ и Мюнхенгрецъ: оно должно было явить передъ глазами Европы твердую рѣшимость трехъ державъ дать отпоръ надвигавшемуся съ Запада либеральному

броженію. Въ то же время это было новое торжество началъ Священнаго Союза надъ тѣмъ, что стало теперь какъ бы синонимомъ революціи—надъ польскою національностью. Занятіе къ началу 1836 г. города Кракова войсками союзныхъ державъ доставило, въ этомъ отношеніи, императору Николаю не малое удовлетвореніе. Въ его глазахъ это было послѣднимъ моментомъ окончательной ликвидаціи польскаго національно-революціоннаго движенія: паденіе Краковской республики было отнынѣ вопросомъ времени.

Одновременно съ тѣмъ, какъ опредѣлялось международное положеніе, внутри государства происходили торжественныя событія, долженствовавшія подчеркнуть прочность установившагося порядка послѣ различныхъ потрясеній, пережитыхъ за послѣднее пятилѣтіе. Этотъ порядокъ теперь возстановленъ, и Николай не боится больше своихъ „amis du quatorze“, мысль о которыхъ все же не давала ему покоя послѣ 1825, и чей призракъ возсталъ передъ нимъ въ событіяхъ 1830 г. 22 апрѣля 1834 г., въ день Пасхи, происходила церемонія провозглашенія исполнившагося въ этомъ году совершеннолѣтія наслѣдника престола и принесенія имъ присяги. Государь поручилъ Сперанскому подготовить наслѣдника къ этому акту, а самая церемонія, по его желанію, была обставлена особою торжественностью. 30 августа того же года съ не меньшею торжественностью послѣдовало, въ присутствіи прусскаго принца Вильгельма, открытіе въ Петербургѣ памятника императору Александру I (Александровской колонны). Передъ началомъ церемоніальнаго марша государь, во главѣ своего штаба, имѣя около себя принца Вильгельма, самъ прослѣдовалъ мимо памятника, опустилъ передъ нимъ шпагу и, ставъ возлѣ него, пропускалъ мимо себя войска. Весною 1835 г. государь вмѣстѣ съ своимъ семействомъ посѣтилъ Москву, въ которой за послѣдніе годы бывалъ по преимуществу проѣздомъ. На этотъ разъ онъ пробылъ въ древней столицѣ почти мѣсяцъ, съ конца апрѣля до 21 мая, поселившись въ старомъ кремлевскомъ дворцѣ и обозрѣвая какъ самый городъ, такъ и нѣкоторыя изъ его окрестностей, старыя царскія вотчины, какъ напр., Царицыно и Коломенское. Происходило какъ бы примиреніе царя съ древнею столицею, въ которой продолжала жить память о расплатѣ за 1825 г. Восторжествовавшій порядокъ облекался въ реставрацію

царской власти на историческихъ началахъ. И эта реставрированная власть не упускала случая проявить свое патріархальное попечительство въ новыхъ сферахъ современной общественности. Осматривая открытую въ это время въ Москвѣ выставку мануфактурныхъ и фабричныхъ издѣлій, государь, какъ сообщаетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ Бенкендорфъ, обратился къ фабрикантамъ съ рѣчью и обращалъ ихъ вниманіе на необходимость попеченія о рабочихъ, „которые, ежегодно возрастая числомъ, требуютъ дѣятельнаго и отеческаго надзора, безъ чего эта масса людей постепенно будетъ портиться и обратится наконецъ въ сословіе столько же несчастное, сколько опасное для самихъ хозяевъ".

Всѣ указанныя событія нѣсколько отвлекали государя въ 1833, 1834 и частью въ 1835 г. отъ вопросовъ внутренняго управленія. Уже съ лѣта 1834 г., однако, въ связи съ возвращеніемъ въ Петербургъ изъ дунайскихъ княжествъ П. Д. Киселева, мысль государя начинаетъ съ новою силою сосредоточиваться на крестьянскомъ вопросѣ. Съ 1835 г. жизнь входитъ постепенно въ свою обычную колею, и вниманіе императора Николая сосредоточивается теперь прежде всего на вопросахъ внутренняго управленія. 1835—1840 гг.—пятилѣтіе николаевскаго царствованія, наиболѣе богатое крупными законодательными начинаніями, какъ бы продолжающими теперь то, починъ чему былъ положенъ изданіемъ Свода Законовъ. По возвращеніи государя въ началѣ ноября 1835 г. изъ-заграницы, возобновляются его занятія съ Киселевымъ по крестьянскому вопросу, и начиная съ 1836 г. этотъ вопросъ на долгое время дѣлается главнымъ предметомъ заботъ императора Николая. Къ 1837—1842 гг. относятся главныя мѣропріятія николаевскаго царствованія по крестьянскому вопросу, какъ напримѣръ, учрежденіе Министерства Государственныхъ Имуществъ и законъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Къ 1836 г. относятся и главныя преобразованія, произведенныя въ николаевское царствованіе въ области военно-сухопутнаго и морского управленія. Въ 1837 г. была произведена реформа мѣстнаго управленія. Съ 1839 г. вниманіе государя сосредоточивается, главнымъ образомъ, на вопросахъ финансоваго вопроса управленія. Изъ сотрудниковъ государя министръ финансовъ гр. Е. Ф. Канкринъ начинаетъ теперь все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ вниманіе обще-

ства. Одновременно со всѣми этими начинаніями министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ проводитъ свою систему народнаго образованія, одно изъ самыхъ показательныхъ явленій николаевскаго царствованія, попытка въ корень перевоспитать русское общество въ духѣ правительственныхъ взглядовъ, внѣдрить въ его плоть и кровь правительственную систему.

По мѣрѣ того, какъ шла вся эта работа, самъ императоръ какъ бы знакомился съ своей страной, старался дать подданнымъ случай и возможность лицезрѣть своего монарха. Въ тридцатыхъ годахъ онъ совершилъ рядъ поѣздокъ по Россіи. Эти поѣздки охватывали почти всегда довольно значительный районъ, но при той быстротѣ, съ какою, обыкновенно, ѣздилъ Николай Павловичъ, бывали, большею частью, не особенно продолжительны; пребываніе въ отдѣльныхъ городахъ и мѣстностяхъ точно также было почти всегда очень кратковременнымъ. Государь отправлялся, обыкновенно, въ свои поѣздки по Россіи раннею осенью, въ началѣ сентября; къ концу октября или въ первыхъ числахъ ноября онъ возвращался уже въ столицу. Цѣлью поѣздокъ были преимущественно смотры мѣстныхъ войскъ, осмотръ крѣпостей и укрѣпленій и т. п. Почти всегда, однако, государь успѣвалъ заглянуть въ мѣстныя гражданскія учрежденія, особенно приказы общественнаго призрѣнія, больницы, учебныя заведенія, различнаго рода благотворительныя учрежденія и т. п., а также осмотрѣть мѣстныя достопримѣчательности и памятники старины. За это время Николай Павловичъ объѣздилъ почти всю Европейскую Россію по ея главнымъ трактамъ; побывалъ въ Псковѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Бобруйскѣ, Кіевѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, Тамбовѣ, Воронежѣ, Орлѣ, Тулѣ; дважды проѣхалъ по Волгѣ: одинъ разъ отъ Ярославля до Нижняго, другой—отъ Нижняго до Казани; посѣтилъ Крымъ и Кавказъ и почти каждый разъ заѣзжалъ въ Москву. Самое большое путешествіе было совершено въ 1837 году. Государь выѣхалъ на этотъ разъ изъ столицы довольно рано—31 іюля. Онъ проѣхалъ черезъ Псковъ, Динабургъ, Ковно, Вильно, Бобруйскъ и Кіевъ, осматривая по пути всѣ эти города, въ Вознесенскъ, куда прибыли посѣтившая за это время Москву императрица и наслѣдникъ цесаревичъ, совершавшій въ этомъ году точно также большую образовательную поѣздку по Россіи. Въ Вознесенскѣ происходили большіе маневры въ присутствіи иностранныхъ гостей,

австрійскаго эрцгерцога Іоганна, прусскихъ принцевъ Августа и Адальберта и мн. др. Эти маневры имѣли такое же политическое значеніе, какое въ свое время имѣли Калишъ и Теплицъ. Государь оставался здѣсь болѣе двухъ недѣль, съ 17 августа по 4 сентября, и выѣхалъ отсюда, въ сопровожденіи наслѣдника, въ Николаевъ и Одессу, а отсюда уже и съ императрицею въ Севастополь. Осмотрѣвъ 13 сентября черноморскій флотъ, государь посѣтилъ Бахчисарай и Симферополь и проѣхалъ отсюда черезъ Артекъ и Массандру по южному берегу до Алупки. Оставивъ императрицу въ Алупкѣ, Николай Павловичъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ посѣтилъ Анапу, Геленджикъ и Керчь и отсюда уже одинъ двинулся на Кавказъ. Главною цѣлью поѣздки на Кавказъ было посѣщеніе Грузіи и Арменіи и осмотръ закавказскихъ укрѣпленій. Путь государя шелъ на Ретутъ-Кале, куда онъ прибылъ 27 сентября, Поти и Кутаисъ, гдѣ ему былъ устроенъ торжественный пріемъ князьями и дворянами Имеретіи. Отсюда государь проѣхалъ на Ахалцихъ, Гумры, переименованный имъ въ Александрополь, посѣтилъ Эчміадзинскій монастырь и Эривань, гдѣ принялъ наслѣдника персидскаго трона семилѣтняго принца Валіята, и двинулся отсюда въ обратный путь на Тифлисъ, куда и прибылъ 8 октября. Въ мѣстномъ управленіи, ревизуемомъ въ это время сенаторомъ Ганомъ, государь открылъ большіе недостатки и злоупотребленія и нѣкоторыхъ лицъ изъ высшей администраціи тутъ же подвергъ строгой карѣ. Съ зятя главноуправляющаго въ то время краемъ бар. Розена, князя Дадіани, своего флигель-адъютанта, Николай Павловичъ во время развода сорвалъ аксельбанты и отправилъ его прямо съ плацъ-парада въ Бобруйскую крѣпость для преданія военному суду. Вообще свое впечатлѣніе отъ посѣщенія Закавказья государь, въ разговорѣ съ Бенкендорфомъ, выразилъ такъ: „Не могу иначе изобразить Вамъ радушіе сдѣланнаго мнѣ пріема, какъ сравнивъ его со встрѣчами, дѣлаемыми мнѣ здѣсь въ Москвѣ, и нельзя не дивиться, какъ чувства народной преданности къ лицу монарха не изгладились отъ того сквернаго управленія, какое, сознаюсь къ моему стыду, такъ долго тяготѣетъ надъ этимъ краемъ“. Покинувъ 12 октября Тифлисъ, Николай Павловичъ проѣхалъ на Владикавказъ, Пятигорскъ, Георгіевскъ и Ставрополь въ Аксайскую станицу, куда прибылъ 19 октября, и гдѣ его снова встрѣтилъ

наслѣдникъ цесаревичъ, какъ атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ. 21 октября былъ торжественный въѣздъ государя и наслѣдника въ столицу земли войска Донского, Новочеркасскъ, а 23 высокіе путешественники выѣхали уже въ Воронежъ. 26 октября государь съ наслѣдникомъ прибыли въ Москву, гдѣ оставались шесть недѣль. Къ 10 декабря Николай Павловичъ вернулся въ Царское Село. Обычнымъ спутникомъ государя во всѣхъ его поѣздкахъ былъ гр. А. Х. Бенкендорфъ, ѣхавшій обыкновенно вмѣстѣ съ нимъ въ его коляскѣ. Въ 1837 г. Бенкендорфъ былъ боленъ, и въ только что описанномъ путешествіи государя сопровождалъ гр. А. Ѳ. Орловъ, который съ этого времени и начинаетъ постепенно заслонять своего предшественника.

Съ конца тридцатыхъ годовъ въ личной жизни императора Николая Павловича можно отмѣтить какъ бы переломъ, чему соотвѣтствуютъ новыя затрудненія въ области внѣшнихъ отношеній, и тревожные симптомы въ дѣлахъ внутреннихъ. Главными заботами Николая дѣлается отнынѣ охраненіе началъ Священнаго Союза, зданіе котораго, окончательно, казалось, возстановленное соглашеніями 1833—1835 г., теперь снова начинаетъ колебаться. Онъ съ новыми силами, но на этотъ разъ съ гораздо меньшимъ успѣхомъ, направляетъ всѣ свои заботы на охраненіе этого зданія. Изолировать Францію, этотъ очагъ революціонныхъ потрясеній, становится главною цѣлью политики Николая. Затрудненія на Востокѣ разсматриваются имъ теперь точно также прежде всего въ связи съ первыми признаками новаго начинающагося революціоннаго броженія въ Европѣ. Именно съ такой точки зрѣнія, прежде всего, разсматривалъ онъ и разгорѣвшееся къ 1839 г. второе возстаніе египетскаго паши, дѣйствительно поддержаннаго французскимъ правительствомъ. Политика Франціи встрѣтила противодѣйствіе со стороны Англіи и, пользуясь этимъ, Николаю Павловичу удалось поставить Францію въ изолированное положеніе. Этотъ результатъ былъ купленъ, однако, цѣною фактическаго отказа отъ унхіаръ-скелессійскаго договора: замѣнившая этотъ послѣдній лондонская конвенція, въ глазахъ самого императора, повидимому, не была такою блестящею дипломатическою побѣдою, какою ее считалъ, какъ мы уже знаемъ, Нессельроде. Къ тому же и самое соглашеніе Россіи, Австріи и Пруссіи съ Англіей по дѣламъ Востока было соглашеніемъ лишь по частному вопросу, въ которомъ ме-

нѣе всего можно было видѣть возвращеніе къ шомонскому соглашенію 1814 г., какъ того хотѣлъ бы Николай Павловичъ. А въ то же время общественное броженіе на Западѣ распространялось все шире и шире. Ото всѣхъ концовъ, изъ Италіи и изъ Франціи, изъ Испаніи и даже изъ Пруссіи, приходили постоянно дурныя вѣсти. Съ конца тридцатыхъ годовъ въ Краковѣ снова начало усиливаться польское національное движеніе, находившее отзвуки и въ русскихъ предѣлахъ: еще въ 1838 г. въ Вильнѣ былъ раскрытъ заговоръ Конарскаго, и происходили безпорядки въ Кіевскомъ университетѣ.

Здоровье самого государя, до этого времени вполнѣ удовлетворительное, начинаетъ теперь сдавать. Его личная жизнь въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ была омрачена рядомъ горестныхъ и тревожныхъ событій. Еще въ 1836 г., 26 августа, во время поѣздки государя, по дорогѣ изъ Пензы въ Тамбовъ, около Чембара, его коляска опрокинулась, и самъ онъ получилъ переломъ ключицы. Около двухъ недѣль, съ 26 августа по 9 сентября, онъ принужденъ былъ оставаться въ Чембарѣ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и двинулся въ дальнѣйшій обратный путь гораздо ранѣе, чѣмъ это позволяло, по мнѣнію докторовъ, состояніе его здоровья. По отзывамъ современниковъ, государь послѣ этого происшествія сталъ очень раздражителенъ. Съ этого времени, повидимому, начало падать и его довѣріе къ его лейбъ-медику доктору Арндту и расти довѣріе къ доктору Мандту, пріѣхавшему около 1837 г. изъ-за границы, пользовавшему въ это время императрицу и назначенному лейбъ-медикомъ на мѣсто Арндта въ 1839 г. Во время своей поѣздки въ слѣдующемъ году на Кавказъ Николай Павловичъ чувствовалъ себя точно также не вполнѣ хорошо и нѣсколько разъ недомогалъ. А вскорѣ послѣ его возвращенія на этотъ разъ въ Петербургъ, въ ночь съ 17-го на 18-е декабря, произошелъ извѣстный пожаръ Зимняго Дворца. Государь съ государынею были въ это время на представленіи въ Большомъ Театрѣ. Узнавъ о пожарѣ, государь поспѣшилъ во дворецъ и лично распоряжался спасеніемъ бумагъ и государственныхъ и личныхъ драгоцѣнностей. Тѣмъ не менѣе въ огнѣ погибло многое, а тушеніе пожара стоило жизни нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ солдатъ. Николай Павловичъ переѣхалъ послѣ пожара въ Аничкинскій дворецъ („Аничкинскій домъ“, какъ онъ его обыкно-

венно называлъ), гдѣ и оставался до начала 1839 г., пока не былъ отстроенъ Зимній. Государь былъ очень разстроенъ этимъ событіемъ и долгое время послѣ этого обнаруживалъ нервную боязнь при малѣйшемъ видѣ огня и запахѣ дыма.

Въ началѣ 1838 г. Николай Павловичъ вмѣстѣ съ супругой и наслѣдникомъ, отправлявшимся въ то время въ свое заграничное путешествіе, посѣтилъ Берлинъ, гдѣ пробылъ съ 7-го по 26-е мая. Дальнѣйшій маршрутъ наслѣдника цесаревича начинался со Швеціи. Государь, въ свою очередь, пожелалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы посѣтить лично шведскаго короля Карла-Іоанна, и вмѣстѣ съ наслѣдникомъ прибылъ 29 мая въ Стокгольмъ, гдѣ и оставался два дня. Отсюда онъ вернулся къ началу іюня въ Петербургъ, а наслѣдникъ двинулся въ свой дальнѣйшій путь, въ Данію. Здѣсь наслѣдникъ сильно простудился, а такъ какъ и безъ того его здоровье было въ это время неудовлетворительно (самое путешествіе его за-границу имѣло, отчасти, цѣлью лѣченіе въ Эмсѣ), то это обстоятельство тѣмъ болѣе встревожило государя. Рѣшено было, что наслѣдникъ проведетъ зиму въ тепломъ климатѣ, въ Италіи. Чтобы повидать передъ этимъ своего сына, Николай Павловичъ въ этомъ году, въ концѣ августа, вторично ѣздилъ за границу. Въ началѣ 1840 г. ухудшилось здоровье императрицы, и въ маѣ мѣсяцѣ она точно также выѣхала въ Эмсъ. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ пришло извѣстіе объ опасной болѣзни прусскаго короля, и Николай Павловичъ выѣхалъ поспѣшно въ Берлинъ, гдѣ еще засталъ въ живыхъ своего тестя. Смерть Фридриха-Вильгельма (26 мая) глубоко огорчила государя. Въ то же время здоровье императрицы поправлялось медленно, и зима 1840—1841 гг. прошла для Николая Павловича въ тревогахъ и волненіи. Все это, между прочимъ, заставило нѣсколько отсрочить бракъ наслѣдника цесаревича съ гессенъ-дармштадтскою принцессою, рѣшенный еще съ начала 1839 г.: бракосочетаніе состоялось 16 апрѣля 1841 г. Приблизительно съ этого времени Николай сталъ постепенно привлекать своего будущаго преемника къ дѣлу управленія, чтобы этотъ послѣдній могъ „изучить свое царственное ремесло“. Съ конца 1839 г. наслѣдникъ, по желанію государя, началъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, а съ конца 1840 г. и въ Комитетѣ Министровъ. Въ день бракосочетанія наслѣдника государь на-

значилъ его членомъ Государственнаго Совѣта. Въ августѣ 1841 г., въ виду отъѣзда государя на маневры въ Ковно и Варшаву, рескриптомъ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта кн. Васильчикова, рѣшеніе по дѣламъ Комитета Министровъ, въ отсутствіе государя, возлагалось на наслѣдника цесаревича. Когда зимою 1845 г. государь отъѣзжалъ въ Палермо, наслѣдникъ былъ облеченъ такою властью, что за-границу посылались лишь меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта и проекты высочайшихъ указовъ. Съ 1842 г. Николай Павловичъ постоянно назначалъ своего старшаго сына въ различные комитеты и, между прочимъ, въ секретные комитеты по крестьянскому вопросу.

Жизнь при петербургскомъ дворѣ въ 1842 г. прошла тихо. Государь замѣтно избѣгалъ торжественныхъ пріемовъ и выходовъ. Въ августѣ 1843 г. Николай Павловичъ уѣхалъ въ Берлинъ для отдачи визита новому прусскому королю, бывшему въ 1841 и 1842 гг. въ Россіи. Передъ отъѣздомъ онъ сказалъ военному министру кн. Чернышеву, указывая на наслѣдника: „въ случаѣ, если я не возвращусь, вотъ вашъ командиръ“. Было повелѣно, въ отсутствіе государя, „во всѣхъ непредвидимыхъ случаяхъ испрашивать повелѣніе государя-наслѣдника“. Лѣтомъ 1844 г., послѣ поѣздки государя въ маѣ мѣсяцѣ въ Англію, имѣвшей незначительные политическіе результаты, его семейная жизнь была омрачена смертью (29 іюня) его младшей дочери, вел. кн. Александры Николаевны, лишь незадолго до этого вступившей въ бракъ съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ. Зиму 1844—1845 гг. Николай Павловичъ чувствовалъ себя нехорошо; у него болѣли ноги, и онъ опасался, что у него начинается водянка. Лѣтомъ 1845 г. снова ухудшилось и начало внушать сильныя опасенія здоровье императрицы. Было рѣшено, что ближайшую зиму она проведетъ въ Палермо. Въ августѣ государыня покинула Петербургъ, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого, 21 августа, и государь отправился въ южныя губерніи для осмотра войскъ въ Елизаветградъ и Чугуевъ. Онъ посѣтилъ на этотъ разъ Николаевъ и Севастополь, гдѣ свидѣлся съ пріѣхавшимъ изъ Тифлиса новымъ главноуправляющимъ Закавказскаго края, кн. М. С. Воронцовымъ. На обратномъ пути государь изъ Харькова 16 сентября отправился за-границу, прибылъ къ 5 октября въ Миланъ, куда еще раньше пріѣхала и

императрица, и отсюда сопровождалъ ее въ Палермо. Къ 30 декабря Николай Павловичъ былъ уже въ Петербургѣ. Государыня вернулась лишь къ лѣту 1846 г. Тѣ разговоры, какіе на обратномъ пути изъ Палермо въ Вѣнѣ Николай Павловичъ имѣлъ съ кн. Меттернихомъ, обнаруживали въ немъ очень мрачный взглядъ на современное положеніе дѣлъ въ Германіи. „Пока живы Вы,—говорилъ онъ Меттерниху—государство продержится. Что будетъ, когда Васъ не станетъ?“ Нѣсколько позднѣе въ разговорѣ съ датскимъ посланникомъ Плессеномъ онъ сказалъ: „autrefois nous étions trois, à présent nous sommes un et demi. Car la Prusse, je ne peux la compter, et l'Autriche ne compte au plus que pour demi“.

Зиму 1846—1847 гг. Николаю Павловичу пришлось провести въ частыхъ разъѣздахъ, что, въ связи съ новыми огорченіями (смерть въ ноябрѣ дочери вел. кн. Михаила Павловича, великой княжны Маріи Михайловны), не могло не отразиться на здоровьѣ государя. Онъ долженъ былъ оставить почти всѣ дѣла. Въ мартѣ 1847 г. государь страдалъ столь сильными головокруженіями и приливами крови, что не былъ въ состояніи принимать участіе въ выходѣ на Свѣтлое Воскресенье. Лѣтомъ здоровье государя нѣсколько поправилось, и осенью онъ могъ предпринять свою обычную поѣздку по Россіи, но къ декабрю наступило снова сильное ухудшеніе. Совершенно больной, утомленный пережитыми семейными невзгодами, преслѣдуемый мыслью о скоромъ концѣ, съ мрачными взглядами на будущее, встрѣтилъ императоръ Николай Павловичъ 1848 г.

А между тѣмъ, внутреннее положеніе дѣлъ въ государствѣ становилось все затруднительнѣе. Односторонность всей правительственной системы сказывалась все болѣе и болѣе, особенно теперь, съ начала сороковыхъ годовъ, когда, въ силу, главнымъ образомъ, новыхъ хозяйственныхъ условій, Россіи все труднѣе и труднѣе становилось итти вровень съ своими европейскими сосѣдями. Внѣшнія условія, въ какихъ протекала правительственная дѣятельность императора Николая съ конца тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ, слагались точно также менѣе благопріятно, чѣмъ въ первыя пятнадцать лѣтъ его царствованія. Ряды лучшихъ его сотрудниковъ рѣдѣли. Съ 1839 г. начали сходить въ могилу тѣ изъ его сподвижниковъ, черезъ которыхъ создавалась связь николаевскаго царствованія съ алек-

сандровскою эпохою, и тѣ, которыхъ сближали съ государемъ пережитые вмѣстѣ трудные первые годы царствованія, тѣ, въ комъ онъ могъ встрѣтить не только исполнителей своей воли, но и совѣтниковъ. Въ то же время успѣхъ предшествовавшихъ начинаній питалъ въ императорѣ увѣренность въ безусловной правотѣ своей личной иниціативы.

11 февраля 1839 г. скончался Сперанскій. Государь былъ глубоко огорченъ этою потерею. „Сперанскаго—сказалъ онъ по этому поводу бар. М. Корфу—не всѣ понимали и не всѣ довольно умѣли цѣнить; сперва и я самъ, можетъ быть больше всѣхъ, былъ виноватъ противъ него въ этомъ отношеніи. Мнѣ столько было наговорено о его либеральныхъ идеяхъ; клевета коснулась его даже и по случаю исторіи 14 декабря! Но потомъ всѣ эти обвиненія разсыпались, какъ пыль. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго, преданнаго и ревностнаго слугу, съ огромными свѣдѣніями съ огромною опытностью. Теперь всѣ знаютъ, чѣмъ я, чѣмъ Россія ему обязаны—и клеветники умолкли. Единственный упрекъ, который могъ бы я ему сдѣлать, это чувство его къ покойному брату; но и тутъ, конечно...“. „Государь—заноситъ въ свой дневникъ Корфъ—остановился, не окончивъ своей мысли“. По распоряженію государя бумаги Сперанскаго были запечатаны, а нѣсколько позднѣе для ихъ разбора была назначена коммиссія, въ которую вошли статсъ-секретари Дашковъ, Корфъ и Танѣевъ. Государь повелѣлъ при этомъ раздѣлить всѣ бумаги на три части: относящіяся ко времени до 1812 г., бумаги, относящіяся лично до государя и не касающіяся службы („эти особенно важны“, добавилъ онъ при этомъ), и бумаги, касающіяся Государственнаго Совѣта, кодификаціи и проч. Мѣсто Сперанскаго по Второму Отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи занялъ тогдашній министръ юстиціи Д. В. Дашковъ, а послѣ его смерти, въ ноябрѣ того же года—Д. Н. Блудовъ. Еще за годъ до смерти Сперанскаго, 8 апрѣля 1838 г. скончался предсѣдатель Государственнаго Совѣта Н. Н. Новосильцевъ, къ смерти котораго Николай Павловичъ отнесся очень холодно. Преемникомъ Новосильцеву былъ назначенъ кн. И. В. Васильчиковъ, принявшій это назначеніе по личному настоянію государя императора. Въ лицѣ кн. Васильчикова Николай Павловичъ имѣлъ искренне преданнаго ему сподвижника, ревностно отстаивавшаго, однако, въ то же время, во имя чести и славы самой верховной власти, достоин-

ство и неприкосновенность Совѣта, какъ законосовѣщательнаго учрежденія. Въ этомъ отношеніи Васильчикову постоянно приходилось вступать въ пререканія и прямыя столкновенія съ попытками отдѣльныхъ министровъ итти въ обходъ Совѣта, къ чему особенно были склонны Чернышевъ, Канкринъ и даже Киселевъ, нѣсколько позднѣе Перовскій. Искренно благорасположенный къ Васильчикову, Николай Павловичъ иногда тяготился тою оппозиціею, какую онъ встрѣчалъ со стороны предсѣдателя Совѣта, и самъ лично предпочиталъ зачастую болѣе простой и быстрый способъ разрѣшенія того или другого вопроса. Это создавало холодность въ отношеніяхъ государя къ Государственному Совѣту, среди членовъ этого послѣдняго—апатію.

Кн. Васильчиковъ 21 февраля 1843 г. скончался. Въ лицѣ его преемника, назначеннаго къ 1848 г. предсѣдательствующимъ Совѣта гр. Левашева, Николай Павловичъ нашелъ болѣе безпрекословнаго исполнителя его повелѣній, въ его собственныхъ глазахъ, однако, стоявшаго гораздо ниже, чѣмъ его предшественникъ. Отнесшись въ началѣ съ полнымъ одобреніемъ и довѣріемъ къ финансовой реформѣ Канкрина, Николай вскорѣ началъ тяготиться политикою своего министра, находя ее черезчуръ осторожной и въ тоже время слишкомъ медленно приносящей свои результаты. Недовольство государя Канкринымъ стало сказываться уже къ 1840 г. Государственная роспись на этотъ годъ была составлена съ дефицитомъ до 21 мил. руб. Въ силу непреклонно выраженной воли государя Канкринъ долженъ былъ примириться съ назначеніемъ ему товарища въ лицѣ Вронченко. Послѣдующіе за этимъ годы Канкрину съ трудомъ удавалось проводить свою систему осторожной финансовой политики, въ особенности когда рѣчь заходила о новыхъ расходахъ на военныя нужды. 1-го мая 1844 г. Канкринъ получилъ, „по неоднократнымъ его просьбамъ“, увольненіе отъ званія министра финансовъ, и „статсъ-секретаремъ, управляющимъ министерствомъ финансовъ“ былъ назначенъ только что названный Вронченко, человѣкъ, по отзыву кн. Васильчикова, „неукоризненной честности правилъ, но больше чиновникъ, чѣмъ человѣкъ, способный къ государственному дѣлу“.

Тяжелый въ семейной жизни государя Николая Павловича 1844 г. былъ ознаменованъ для него, кромѣ того, смертью двухъ его приближенныхъ. 11 сентября скончался долго пользовавшійся

довѣріемъ государя, но въ послѣднее время потерявшій свое значеніе, гр. А. Х. Бенкендорфъ; 22 ноября—кн. А. Н. Голицынъ. Составъ сподвижниковъ императора Николая Павловича постепенно мѣнялся. Послѣ смерти Сперанскаго и Голицына, послѣ отставки Канкрина изъ лицъ, раздѣлявшихъ съ государемъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ его заботы по внутреннему управленію и бывшихъ свидѣтелями его законодательныхъ начинаній, оставались лишь министръ государственныхъ имуществъ гр. П. Д. Киселевъ, положеніе котораго съ 1844 г. становилось все труднѣе и труднѣе, да постоянные противники послѣдняго, по прежнему пользовавшіеся довѣріемъ у государя—военный министръ кн. А. И. Чернышевъ и свѣтлѣйшій князь А. С. Меншиковъ. Только въ отдѣльныхъ случаяхъ во вторую половину николаевскаго царствованія намѣчаются новыя фигуры, которыя частью не успѣли вполнѣ обрисоваться за тѣми общими перемѣнами, какія наступили послѣ 1855 г., частью до настоящаго времени недостаточно еще выяснены историческою наукою. Къ 1841 г. послѣдовало назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Л. А. Перовскаго. Къ декабрю 1844 г. кавказскимъ намѣстникомъ и главнокомандующимъ, послѣ цѣлаго ряда назначеній, не оправдавшихъ надеждъ государя, былъ назначенъ гр. М. С. Воронцовъ.

Николаевская система.

Даты 1830 и 1848 можно лишь съ большими оговорками класть въ основу періодизаціи николаевскаго царствованія; систематическій обзоръ внутренней дѣятельности императора Николая, тѣмъ не менѣе, очень удобно, пріурочивать къ тому моменту, когда повѣствованіе о его царствованіи доходитъ до начала тридцатыхъ годовъ. Именно теперь можно говорить о томъ, что принято называть, обыкновенно, николаевскою системою. Потрясенія, переживаемыя Западною Европою въ эпоху іюльской революціи, находившія отзвукъ и въ Россіи, оказали извѣстное вліяніе на внутреннюю политику николаевскаго царствованія въ томъ смыслѣ, что заставили Николая окончательно выдвинуть теперь на первый планъ охраненіе основъ существующаго порядка. Россія, оплотъ охранительныхъ принциповъ въ международныхъ отношеніяхъ, сама по себѣ должна была являть всѣмъ своимъ бытіемъ полное и послѣдовательное доказательство незыблемости этихъ принциповъ—такова формула николаевской системы. Полицейско-охранительныя и запретительныя мѣропріятія, вызывавшіяся въ первые годы исключительными условіями только что пережитыхъ событій, съ 1830 г. окончательно возводятся въ систему управленія. Послѣдовательно проводя начала охранительной политики, Николай и послѣ 1830 г. никогда не отказывался отъ разрѣшенія назрѣвшихъ общественныхъ и государственныхъ нуждъ и вопросовъ. Ясно и отчетливо сознавая всю трудность положенія дѣлъ, имѣя передъ собою дилемму: или охраненіе основъ существующаго строя, или полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній, онъ остановился на рѣшеніи—поддерживать сложившійся порядокъ, внося въ него частичныя поправки, не идущія вразрѣзъ съ основными устоями, и разрѣшать очередные вопросы, не допуская при этомъ какихъ-либо

коренныхъ измѣненій. Мысль о пересмотрѣ всего государственнаго устройства и управленія и о его окончательномъ упорядоченіи, хотя бы въ духѣ консервативныхъ началъ, но за то какъ единая и всеобъемлющая мѣра, что выразилось въ учрежденіи Комитета 6 декабря 1826 г., уступаетъ послѣ 1830 г. мѣсто отдѣльнымъ частичнымъ мѣропріятіямъ по различнымъ отраслямъ управленія, лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ прерывающимся крупными государственными актами, вродѣ изданія Свода Законовъ или учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ. На первый планъ выдвигаются при этомъ вопросы матеріальнаго благосостоянія общества и связанныя съ этимъ задачи финансовой и экономической политики. Борьба съ нежелательными политическими идеями и охраненіе господствующаго православнаго исповѣданія, какъ основы существующаго государственнаго строя, идутъ рука объ руку съ широкимъ поощреніемъ умственной дѣятельности въ той сферѣ и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ эта дѣятельность не соприкасалась съ областью религіи и политики. Полное отстраненіе общественныхъ силъ отъ дѣла государственнаго устроенія и осуществленіе правительственныхъ начинаній исключительно бюрократическими средствами—главная характерная черта методовъ николаевской политики. На ряду съ органами высшаго государственнаго управленія выступаетъ значеніе экстренныхъ учрежденій, создаваемыхъ ad hoc, секретныхъ комитетовъ, совѣщаній и т. п. Законъ, не соотвѣтствующій требованіямъ жизни или видамъ правительства, не отмѣняется прямо, но измѣняется частично дальнѣйшими разъясненіями, дополненіями и отдѣльными, на отдѣльные случаи, распоряженіями.

Въ послѣднее время, какъ кажется впервые проф. А. А. Корниловымъ, къ николаевской эпохѣ былъ примѣненъ терминъ „просвѣщенный абсолютизмъ“ [1]). Понятіе просвѣщеннаго абсолютизма, съ научной точки зрѣнія, съ трудомъ поддается отграниченію отъ понятія абсолютизма вообще и полицейскаго государства. И въ такомъ случаѣ правильнѣе будетъ назвать правитель-

[1]) „Подводя итоги этому замѣчательному тридцатилѣтію, мы должны признать, что правительственная система императора Николая была одной изъ самыхъ послѣдовательныхъ попытокъ осуществленія идей просвѣщеннаго абсолютизма.“ — А. Корниловъ. Курсъ исторіи Россіи XIX вѣка (М. 1912), ч. I, стр. 119.

ственную систему Николая одной изъ самыхъ послѣдовательныхъ попытокъ осуществленія идеи полицейскаго государства. Быть можетъ наиболѣе существеннымъ признакомъ просвѣщеннаго абсолютизма приходится признать отказъ государственной власти отъ конфессіонализма и начало религіозной терпимости. Просвѣщенный абсолютизмъ—извѣстная стадія въ исторіи отношеній между государствомъ и церковью, но въ этомъ смыслѣ это понятіе не примѣнимо къ николаевской эпохѣ. Въ это царствованіе вѣроисповѣдное начало неразрывно связалось съ опредѣленнымъ политическимъ лозунгомъ, и взятое подъ защиту государственной власти, само придало этой послѣдней конфессіональный оттѣнокъ. Внѣ этой сферы николаевская система, дѣйствительно, можетъ быть характеризована тѣми чертами, какими, какъ всякое полицейское государство, характеризуется и просвѣщенный абсолютизмъ: народное благо, понимаемое прежде всего, какъ удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, какъ цѣль; послѣдовательно проводимая правительственная опека, какъ средство. Заглушая все живое и искажая работу общественной мысли, николаевская система оказалась въ концѣ концовъ безсильной выполнить взятую ею на себя задачу, и въ этомъ, между прочимъ, а не въ отдѣльныхъ частностяхъ, причина краха который пережила Россія въ пятидесятыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка. Взятая сама по себѣ, въ предѣлахъ открывающихся передъ нею возможностей, николаевская система выполнила все-таки извѣстную положительную работу и въ ряду другихъ ей подобныхъ системъ отличалась и положительными качествами—отсутствіемъ политическаго шатанія и, во многихъ случаяхъ, доброкачественностью, если можно такъ выразиться, предлагаемаго ею матеріала. Взявъ на себя по истинѣ непосильную задачу, правительство въ николаевское царствованіе старалось использовать, конечно, неумолимо формуя ихъ на свой ладъ, соотвѣтствующія духовныя силы. Николаевское царствованіе—время чиновниковъ, не всегда время посредственностей. Яркое выраженіе николаевской эпохи—уваровская система народнаго просвѣщенія. Режимъ самой безпощадной опеки, эта система не только старалась заставить служить себѣ, но и дѣйствительно выдвинула крупныя научныя силы. Убивая духъ общественности, николаевская школа, тѣмъ не менѣе, высоко стояла въ научномъ отношеніи. Николаевское царствованіе не давало простора го-

сударственному творчеству широкаго размаха, но оно дало не мало опытныхъ государственныхъ дѣльцовъ, своею дѣловитостью не рѣдко выгодно отличавшихся отъ тѣхъ, кто позднѣе заступилъ ихъ мѣсто, будь то прогрессивные, но слабодушные администраторы, или люди безсильныхъ потугъ на реставрацію стараго режима.

Къ концу апрѣля 1830 г. закончились главныя работы Комитета 6 декабря 1826 г. Послѣ этого комитетъ собирался всего лишь разъ въ іюлѣ 1830 г. и нѣсколько разъ въ декабрѣ 1831 г. и февралѣ и мартѣ 1832 г. по отдѣльнымъ вопросамъ. За время съ 1826 г. по 1830 г. комитетомъ были выработаны проекты: учрежденія Государственнаго Совѣта; учрежденія Сената Правительствующаго и Судебнаго; общаго учрежденія министерствъ и учрежденія губернскаго управленія, и обсуждался вопросъ о Комитетѣ министровъ. Одновременно съ выработкою и обсужденіемъ всѣхъ этихъ проектовъ въ комитетѣ обсуждались вопросы, касающіеся положенія отдѣльныхъ сословій, и былъ выработанъ проектъ „дополнительнаго закона о состояніяхъ“. Всѣ работы комитета сосредоточились, такимъ образомъ, около двухъ главныхъ пунктовъ: около вопроса о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, ихъ взаимоотношеніяхъ между собою и объ отношеніяхъ къ нимъ мѣстныхъ учрежденій, и около вопроса о государственныхъ состояніяхъ (сословіяхъ), отчасти въ связи съ вопросомъ о порядкѣ прохожденія государственной службы. Занятія комитета живо интересовали государя. Журналы засѣданій комитета шли къ нему на утвержденіе. Предположенія комитета вызывали со стороны государя замѣчанія; попутно имъ дѣлались соотвѣтствующія отдѣльныя распоряженія.

Останавливаясь на вопросѣ о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, комитетъ обратилъ особое вниманіе на ненормальное положеніе Комитета министровъ. Первоначально простое собраніе министровъ, въ коемъ докладывались государю императору дѣла, требовавшія совокупнаго сужденія, Комитетъ министровъ превратился постепенно въ присутственное мѣсто безъ всякаго публичнаго акта, опредѣлявшаго его установленіе. Вслѣдствіе этого отдѣльные министры стали вносить однородныя дѣла то въ Комитетъ, то въ Сенатъ, то въ Государственный Совѣтъ. Занятія Комитета сдѣлались и судебными, и исполни-

тельными, и совѣщательными; взаимоотношенія высшихъ государственныхъ учрежденій стали неопредѣленными. Выходъ изъ этого положенія Комитетъ 6 декабря видѣлъ вначалѣ въ совершенномъ упраздненіи Комитета министровъ. Законосовѣщательныя функціи, къ которымъ относилось и разсмотрѣніе государственной росписи, возлагались имъ исключительно на Государственный Совѣтъ. Сенату, по мнѣнію комитета, надлежало сообщить право „верховнаго подъ державною властью судилища", назвавъ его Сенатомъ Судебнымъ. Правительственную часть Сената, входившую въ кругъ дѣйствія 1-го департамента и общаго собранія, отдѣлить совершенно и ввѣрить особому Правительствующему Сенату, составивъ его изъ главноначальствующихъ отдѣльныхъ частей управленія (т.-е. министровъ) и другихъ лицъ, удостоенныхъ довѣріемъ государя. Для того чтобы не создать подчиненія Правительствующаго Сената равному ему учрежденію, т. е. Государственному Совѣту, комитетъ предлагалъ учредить особое внѣ Сената присутствіе однихъ министровъ, подъ именемъ присутствія или Совѣта Министровъ, въ которомъ бы и обсуждались предположенія о новыхъ установленіяхъ и объ измѣненіи старыхъ, до ихъ внесенія въ Государственный Совѣтъ. Одобривъ въ общемъ всѣ эти предположенія, государь императоръ относительно послѣдняго замѣтилъ что подобное „совѣщаніе министровъ внѣ Сената... можетъ постепенно и нечувствительно присвоить себѣ особенное мѣсто въ управленіи, подобно Комитету министровъ", и что поэтому „для предупрежденія сего будетъ необходимо означить съ величайшею точностью, въ чемъ именно будутъ состоять права и обязанности сего министерскаго совѣщанія, и какія дѣла не должны никогда подлежать его вѣдѣнію". Мысль о Совѣтѣ Мыинистровъ была послѣ этого оставлена комитетомъ, и выработанные имъ проекты были построены на намѣченномъ имъ разграниченіи вѣдомствъ высшихъ государственныхъ учрежденій.

При разсмотрѣніи вопроса о мѣстномъ управленіи комитетъ отнесся отрицательно къ мысли объ учрежденіи генералъ-губернаторствъ, какимъ было образованіе въ 1819 г. „губернскаго округа" изъ губерній рязанской, тульской, орловской, тамбовской и воронежской, ввѣреннаго ген.-ад. А. Д. Балашеву Комитетъ находилъ возможнымъ лишь учрежденіе особыхъ правилъ для губерній столичныхъ и пограничныхъ. Эти мысли ко-

митета точно также получили высочайшее одобреніе. Съ другой стороны, находя необходимымъ возстановленіе екатерининскихъ губернскихъ учрежденій, комитетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдвигалъ мысль о перестройкѣ этихъ учрежденій на началахъ согласованія ихъ съ центральными учрежденіями въ томъ видѣ, въ какомъ теперь проектировались эти послѣднія, т.-е. съ Министерствами, Правительствующимъ и Судебнымъ Сенатами. Эта мысль легла въ основу разсужденія объ учрежденіи губерній, составленнаго М. А. Балугьянскимъ, и проекта учрежденія для управленія губерній, составленнаго Сперанскимъ.

„Проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ", изложенный въ формѣ манифеста, по обсужденіи его въ комитетѣ, намѣчалъ слѣдующія измѣненія въ дѣйствовавшемъ законодательствѣ о сословіяхъ. Дворянское званіе впредь могло быть получаемо только путемъ пожалованія, но не выслуги. Производство въ чины, независимо отъ должности, прекращалось, и опредѣленные чины нераздѣльно соединялись съ опредѣленными должностями. Полученіе извѣстнаго чина сообщало права тѣхъ высшихъ разрядовъ, на которые подраздѣлялось теперь „среднее состояніе". Такими подраздѣленіями были званія: чиновнаго гражданства, именитаго гражданства, почетнаго гражданства и мѣщанъ. Помимо рожденія, чиновное гражданство могло получаться достиженіемъ по службѣ оберъ-офицерскаго чина или чина VIII класса; именитое—по службѣ, достиженіемъ чина XII класса, а также отличіемъ въ наукахъ и изящныхъ художествахъ и отличіемъ въ торговлѣ и промышленности; почетное—вступленіемъ въ первую и вторую торговую гильдію и окончаніемъ курса Академіи Художествъ; сюда же, по особому высочайшему указу, заносились ходатайствовавшіе о полученіи правъ гражданства иностранные ученые, художники и капиталисты. Въ отдѣлѣ о крестьянахъ проектъ дополнительнаго закона о состояніи вводилъ запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли и опредѣлялъ положеніе крестьянъ, отпущенныхъ на волю какъ безъ земли, такъ и по указу 1803 г. о вольныхъ хлѣбопашцахъ, распространяя на тѣхъ и другихъ право имѣть земельную собственность. Къ проекту закона о состояніяхъ присоединялись проекты двухъ указовъ: о дворовыхъ людяхъ—устанавливающій рядъ ограничительныхъ мѣръ по владѣнію этимъ разрядомъ людей и запрещающій переводъ въ этотъ раз-

рядъ крестьянъ, и объ ограниченіи и раздробленіи недвижимыхъ населенныхъ имуществъ. Запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли и запрещеніе переводить ихъ въ разрядъ дворовыхъ было предуказано комитету самимъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ его собственноручной запискѣ (конецъ августа 1827 г.), которая и легла въ основу проекта дополнительнаго закона о состояніяхъ.

Выработанные комитетомъ проекты предполагалось, по обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ, облечь въ торжественную форму манифеста. Не измѣняя ничего по существу въ основахъ государственнаго и общественнаго строя, такою мѣрою думали, повидимому, удовлетворить общественное мнѣніе, удрученное исходомъ попытки декабристовъ и постигшею ихъ суровою карою. Въ дѣйствительности, дальнѣйшее движеніе получили лишь проекты дополнительнаго закона о состояніяхъ и присоединенныхъ къ нему указовъ. 6 марта 1830 г. эти проекты были внесены въ Государственный Совѣтъ, гдѣ и обсуждались до конца іюня т. г. Въ Государственномъ Совѣтѣ всѣ эти проекты встрѣтили рядъ сильныхъ возраженій, направленныхъ какъ противъ существа предполагаемыхъ измѣненій, такъ и противъ предполагаемой формы ихъ обнародованія. Проектъ вызвалъ возраженія и со стороны цесаревича Константина Павловича. Представленныя имъ по этому поводу въ Государственный Совѣтъ двѣ записки имѣли, повидимому, рѣшающее значеніе [1]). Проекты закона о состояніяхъ, равно какъ и всѣ другіе проекты Комитета 6 декабря 1826 г., въ цѣломъ никогда приведены въ исполненіе не были. Въ заключеніе своей первой записки по поводу проекта о состояніяхъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ высказывалъ убѣжденіе, „что гораздо надежнѣе можно избѣгнуть невѣрности послѣдствій закона особымъ разсмотрѣніемъ и приведеніемъ въ дѣйствіе всякаго порознь изъ главныхъ предметовъ“. Противъ этого мѣста государь сдѣлалъ отмѣтку: „Мысль сія была и моя, но причины, по коимъ я согласился на предложеніе вмѣстѣ издать сіе, столь уважительны, что я долженъ былъ уступить общему мнѣнію“.

---

[1]) Эти записки цесаревича отмѣчены нѣкоторою недосказанностью: въ нихъ какъ бы проскальзываетъ мысль, что такой манифестъ не можетъ кого-нибудь удовлетворить и скорѣе лишь усилитъ горечь разочарованія.

Не приведенные въ цѣломъ въ исполненіе, проекты Комитета 6 декабря нашли свое частичное осуществленіе, хотя и со значительными порою отступленіями отъ первоначальныхъ предположеній, въ послѣдующихъ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ николаевскаго царствованія. Намъ и предстоитъ теперь сдѣлать систематическій обзоръ внутренней дѣятельности императора Николая. Обзоръ государственныхъ учрежденій въ николаевское царствованіе раскрываетъ передъ нами картину того внѣшняго механизма, съ помощью котораго правительство осуществляло свою программу полицейскаго абсолютизма. Мѣропріятія въ области народнаго просвѣщенія уясняютъ идейныя обоснованія этой программы. Кодификація, финансовая и экономическая политика и устроеніе сословій опредѣляютъ ея конкретное содержаніе. Специфическую окраску николаевскому абсолютизму придаетъ его внѣшній милитаризмъ. Наконецъ, правительственная политика на одной изъ окраинъ, гдѣ правительству приходилось выступать какъ бы насадителемъ гражданственности, именно на Кавказѣ, при сопоставленіи съ извѣстною уже намъ политикою на другой окраинѣ, гдѣ ему приходилось выступать въ боевой роли, даетъ матеріалъ для сужденія о внутренней цѣнности той обрусительной программы, которая точно также является такой характерной чертой для всей николаевской системы.

Государственныя учрежденія въ царствованіе императора Николая I.

Вопросъ о взаимоотношеніи государственныхъ учрежденій составлялъ, какъ сейчасъ было сказано, одну изъ главныхъ работъ Комитета 6 декабря 1826 года. Работа комитета въ этомъ отношеніи какъ бы прямое продолженіе тѣхъ попытокъ создать систему координированныхъ государственныхъ учрежденій, какъ гарантію законности, при сохраненіи принципа абсолютизма, которыя красною нитью проходятъ черезъ весь восемнадцатый и начало девятнадцатаго вѣковъ; отдѣльными этапами этихъ попытокъ являются коллегіальная система Петра Великаго, созданіе системы областного управленія при Екатеринѣ II и реформа центральнаго управленія въ началѣ царствованія Александра I. Въ николаевское царствованіе, когда съ такою опредѣленностью была провозглашена незыблемость политическаго абсолютизма, этотъ вопросъ получалъ особенное значеніе. Сравнительно съ тѣми измѣненіями въ системѣ государственныхъ учрежденій, какія были намѣчены Комитетомъ 6 декабря, послѣдующее законодательство николаевскаго царствованія сдѣлало дальнѣйшій шагъ въ сторону бо́льшей централизаціи и открывало болѣе широкій просторъ началу личнаго усмотрѣнія.

Въ николаевское царствованіе не было произведено коренной перестройки системы центральныхъ учрежденій, подобно той, какая была произведена въ началѣ царствованія Александра I. Не было создано въ это царствованіе и новой системы мѣстнаго управленія. И тѣмъ не менѣе, въ исторіи русскихъ государственныхъ учрежденій николаевскому царствованію должно быть отведено очень опредѣленное мѣсто. Въ это время была проведена одна весьма существенная и очень характерная для

всей николаевской системы мѣра. Это—та бюрократизація областного управленія, которая явилась отвѣтомъ на вопросъ о необходимости большаго согласованія мѣстнаго управленія съ центральнымъ, на что указывалось еще, какъ мы знаемъ, Комитетомъ 6 декабря 1826 г. Одновременно съ этимъ въ николаевское царствованіе происходитъ процессъ разложенія системы министерскаго управленія вслѣдствіе наростанія, наряду съ министерствами, однородныхъ, но не координированныхъ съ ними учрежденій, и возникновенія новаго органа личнаго управленія—Собственной Его Величества Канцеляріи, заслоняющей собою Государственный Совѣтъ и Комитетъ министровъ.

Исходнымъ пунктомъ въ первомъ случаѣ стало то несоотвѣтствіе, какое послѣ учрежденія министерствъ создалось между екатерининскими губернскими учрежденіями и новыми органами центральнаго управленія. Съ учрежденіемъ министерствъ въ центрѣ восторжествовало раздѣленіе вѣдомствъ; въ областномъ управленіи губернское правленіе являлось органомъ смѣшаннаго управленія. Въ центрѣ было проведено единоличное начало; въ областномъ управленіи сохранялъ свое значеніе коллегіальный принципъ. Послѣ учрежденія министерствъ губернаторы были подчинены министру внутреннихъ дѣлъ, а губернскія правленія попрежнему подчинялись непосредственно Сенату. Эти противорѣчія не ускользнули въ свое время отъ вниманія Сперанскаго. Въ его планѣ 1809 года мы встрѣчаемъ попытку создать новые органы бюрократическаго управленія въ области, на началѣ ихъ бо́льшаго подчиненія центру, и въ то же время противопоставить этому управленію общественный контроль въ лицѣ выборнаго элемента въ думахъ, окружныхъ и губернскихъ. Попытка созданія намѣстничествъ съ генералъ-губернаторами, какъ министерскимъ управленіемъ, во главѣ, предпринятая во вторую половину александровскаго царствованія, должна была еще болѣе усложнить отношенія между центральными учрежденіями и областными. Эта послѣдняя попытка была осуждена Комитетомъ 1826 г., какъ неудачная. Мысли по этому поводу Комитета, тогда же одобренныя государемъ, послѣ 1830 г. были положены въ основу правительственныхъ взглядовъ, что и привело къ реформѣ мѣстнаго управленія въ 1837 г. Должность генералъ-губернаторовъ, какъ постоянный и повсемѣстный институтъ, уничтожалась и оставля-

лась лишь на окраинахъ и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ по соображеніямъ политическаго характера. Значеніе губернаторской власти, одновременно съ этимъ, усилилось. По наказу губернаторамъ 3 іюня 1837 г. губернаторъ является непосредственнымъ начальникомъ ввѣренной ему губерніи, которому подчинены всѣ мѣстныя учрежденія, и который заботится о благосостояніи и о благѣ всѣхъ жителей управляемаго имъ края. Въ то же время онъ исполнитель и оберегатель законовъ, и какъ таковой, не въ правѣ дѣлать новыя постановленія, учреждать новые налоги, измѣнять судебные приговоры и т. п., но долженъ стоять на стражѣ соблюденія законовъ, защищать притѣсненныхъ, предавать нарушителей долга суду. Онъ управлялъ теперь независимо отъ мнѣнія губернскаго правленія, и власть его надъ послѣднимъ увеличивалась. Изъ коллегіально-совѣщательнаго органа губернское правленіе превращалось въ органъ исполнительный. Въ помощь губернатору опредѣлялся вице-губернаторъ, предсѣдательствующій въ его отсутствіе въ губернскомъ правленіи; прежніе вице-губернаторы были переименованы въ предсѣдателей казенныхъ палатъ. Подчиненное губернатору, губернское правленіе черезъ него было подчинено теперь министру внутреннихъ дѣлъ. Одновременно съ этимъ была произведена соотвѣтствующая реформа земской или уѣздной полиціи. Завѣдываніе полиціею въ уѣздѣ попрежнему возлагалось на нижніе земскіе суды, членами которыхъ были земскій исправникъ съ званіемъ предсѣдателя, старшій или непремѣнный засѣдатель и еще нѣсколько засѣдателей отъ дворянъ и отъ поселянъ. Земскій исправникъ и непремѣнный засѣдатель избирались дворянами, сельскіе — казенными крестьянами и вольными хлѣбопашцами; они должны были постоянно присутствовать въ нижнемъ земскомъ судѣ. Остальные засѣдатели назначались губернаторомъ и завѣдывали отдѣльными станами, на которые разбивался уѣздъ, и назывались становыми приставами. Земскій исправникъ, какъ и оставшійся, по положенію 1775 г., въ городѣ городничій, былъ подчиненъ губернатору. За два года до этого, въ 1835 г. были значительно увеличены штаты губернскаго правленія, земской и городской полиціи.

Реформа 1837 г. вскорѣ обнаружила свои недостатки. Губернаторъ и губернскія правленія оказались перегруженными возложенными на нихъ обязанностями. Въ началѣ сороковыхъ

годовъ министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскій предложилъ проектъ, по которому фактическое предсѣдательство въ губернскомъ правленіи возлагалось на вице-губернатора, а всѣ дѣла губернскаго правленія раздѣлялись: на распорядительныя, по которымъ требовалось обсужденіе и рѣшеніе съ утвержденія губернатора, и исполнительныя, которыя рѣшались прямо вице-губернаторомъ и даже совѣтниками правленія, каждымъ по ихъ отдѣленію. Новый порядокъ долженъ былъ создать для губернатора „свободное время для важнѣйшихъ занятій“ и поднять значеніе губернскаго правленія. Проектъ Перовскаго былъ утвержденъ 2 января 1845 г. и тогда же въ видѣ опыта распространенъ на всѣ губерніи Имперіи, кромѣ азіатскихъ, сибирскихъ, Бессарабской и Кавказской области, земель казачьихъ войскъ и кочевыхъ инородцевъ [1]). Тогда же Министерство Внутреннихъ Дѣлъ собрало черезъ губернаторовъ, предводителей дворянства и жандармскихъ офицеровъ свѣдѣнія о земской полиціи и поставило на очередь вопросъ объ ея реформѣ, не получившій, однако, разрѣшенія въ царствованіе императора Николая.

Въ такихъ формахъ былъ разрѣшенъ, въ концѣ-концовъ, вопросъ о бо́льшемъ согласованіи центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій, вопросъ, постановка котораго была намѣчена еще Сперанскимъ, и который въ послѣдующихъ стадіяхъ своего развитія разрѣшался все больше и больше исключительно въ сторону бюрократизаціи областного управленія. Какъ извѣстно, это и было одною изъ причинъ, почему въ послѣдующую эпоху выдвинулся вопросъ о созданіи административно-хозяйственныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, что и привело къ земскимъ учрежденіямъ 1864 г. При всемъ исключительномъ преобладаніи бюрократическаго элемента, въ николаевское царствованіе намѣчаются уже нѣкоторыя явленія, которыя какъ бы подготовляютъ почву для земскихъ учрежденій. Здѣсь, конечно, нѣтъ и рѣчи о какихъ-либо попыткахъ построить мѣстное управленіе на началахъ самоуправленія; можно говорить лишь о тенденціи дополнять мѣстныя учрежденія цѣлымъ рядомъ новыхъ органовъ хозяйственнаго управленія, обслуживающихъ мѣстныя ну-

[1]) Съ небольшими измѣненіями оно было окончательно утверждено въ 1852 г. и тогда же было распространено и на остзейскія губерніи.

жды, съ привлеченіемъ въ нихъ мѣстнаго общественнаго элемента. Поводомъ къ этому явился выдвинувшійся въ николаевское царствованіе вопросъ о земскихъ повинностяхъ.

Въ 1827, 1842 и 1847 гг. были учреждаемы по этому вопросу особые комитеты. Самое понятіе *земскихъ* повинностей въ это время еще недостаточно установилось: подъ этимъ терминомъ понималось—то удовлетвореніе чисто мѣстныхъ нуждъ мѣстными средствами, то удовлетвореніе мѣстными средствами нуждъ общегосударственныхъ. Отдѣльныя учрежденія, создававшіяся въ николаевское царствованіе для отправленія этихъ повинностей, отражаютъ еще на себѣ эту двойственность понятія, но постепенно отводятъ все болѣе и болѣе мѣста удовлетворенію нуждъ мѣстнаго благоустройства. Въ этихъ учрежденіяхъ постепенно находитъ себѣ мѣсто, хотя и въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, на ряду съ элементомъ бюрократическимъ, и элементъ выборный. Въ 1833 г., въ связи съ раздѣленіемъ дорогъ на пять классовъ, были учреждены дорожныя губернскія и уѣздныя комиссіи, вѣдавшія земскія повинности по содержанію дорогъ всѣхъ классовъ, кромѣ перваго, подчиненнаго Главному Управленію Путей Сообщенія. Въ составъ первыхъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, входили: губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ, управляющій удѣльною конторою и губернскій землемѣръ; въ составъ вторыхъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства или уѣзднаго судьи—городничій, земскій исправникъ и уѣздный землемѣръ. Въ 1848 г. эти комиссіи сливаются со строительными комиссіями Главнаго Управленія Путей Сообщенія. Въ 1834 г. было пересмотрѣно и измѣнено положеніе 1822 г. о губернскихъ комиссіяхъ народнаго продовольствія, но составъ этихъ комиссій остался тотъ же, что и въ 1822 г. Въ томъ же 1834 г. былъ учрежденъ вспомогательный земскій капиталъ для пособія губерніямъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Для его составленія были обложены особымъ сборомъ на шесть лѣтъ податныя сословія и купцы всѣхъ трехъ гильдій. Наконецъ, въ 1851 г. были изданы общія правила о земскихъ повинностяхъ, выработанныя во Второмъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи. По этимъ правиламъ опредѣлялись различныя категоріи земскихъ повинностей. Эти повинности дѣлились: на *денежныя*, подраздѣлявшіяся на общія (для удовлетворенія всѣхъ частей Импе-

ріи) и мѣстныя (для пользы одной или нѣсколькихъ губерній), и на *натуральныя*, подраздѣлявшіяся на общія (отправляемыя всѣмъ населеніемъ губерніи) и частныя (отнесенныя на каждый городъ или селеніе особо), а также на постоянныя и временныя. Дѣла о земскихъ повинностяхъ были сосредоточены въ Министерствѣ Финансовъ, а для разрѣшенія возникавшихъ недоразумѣній учреждалось особое совѣщательное присутствіе четырехъ министровъ: финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и удѣловъ. Въ губерніяхъ учреждались комитеты о земскихъ повинностяхъ, въ которые входили какъ мѣстныя власти, такъ и представители отъ сословій: предводители и депутаты дворянства, губернскіе городскіе головы и депутаты отъ городовъ не губернскихъ. Эти комитеты завѣдывали лишь составленіемъ смѣтъ и раскладокъ повинностей на три года, которыя затѣмъ сводились въ общую табель и роспись для всей Имперіи Министерствомъ Финансовъ и, по разсмотрѣніи Государственнымъ Совѣтомъ, утверждались Государемъ Императоромъ. Исполнительная власть по земскимъ повинностямъ на мѣстахъ оставалась за мѣстными полицейскими органами.

Со всѣми указанными мѣропріятіями необходимо сопоставить то вниманіе, которое въ теченіе всего николаевскаго царствованія удѣлялось вопросу о городахъ и, главнымъ образомъ, объ упорядоченіи городского хозяйства, въ связи съ чѣмъ получалъ, какъ увидимъ еще ниже, свою постановку и разрѣшеніе и вопросъ о городскомъ состояніи. Лежавшая въ основѣ городского устройства Жалованная Грамота городамъ 1785 г. была къ этому времени дополнена и расширена цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ уставовъ и положеній, часто между собою недостаточно согласованныхъ. Съ другой стороны, основныя начала этой грамоты значительно исказились, и построенное на нихъ общегородское управленіе постепенно пришло въ совершенный упадокъ. Опредѣлить болѣе точно и широко составъ городского общества, упорядочить его внутреннее устройство и управленіе, привести въ большую ясность его отношенія къ органамъ государственнаго, и прежде всего мѣстнаго управленія—всѣ эти вопросы были поставлены жизнью и отчасти вошли уже въ правительственное сознаніе еще въ предыдущее царствованіе. Исходнымъ пунктомъ въ данномъ случаѣ являлось обнаружившееся къ этому времени полное разстройство городского хозяйства въ

Петербургѣ и Москвѣ. Въ 1820 г. въ обѣихъ столицахъ были учреждены комитеты для „устройства доходовъ и расходовъ“ мѣстныхъ думъ. Эти комитеты оказались безсильными распутать трудное положеніе, и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ было вынуждено само входить въ „самыя раздробительныя изслѣдованія“ о городскомъ столичномъ хозяйствѣ. Такое ненормальное положеніе привело уже въ 1821 г. къ мысли „устроить или преобразовать думу“, что и было поручено Комиссіи Законовъ. Съ преобразованіемъ этой Комиссіи во Второе Отдѣленіе С. Е. В. Канцеляріи эта работа была передана Балугьянскому.

Выработанный Балугьянскимъ проектъ намѣчалъ городскую реформу на слѣдующихъ основаніяхъ: расширеніе „власти“ думы въ сферѣ „управленій ей предоставленныхъ“; точное опредѣленіе отношеній полиціи къ городскому управленію; точное опредѣленіе лицъ, „городское общество составляющихъ“ и имѣющихъ права „городского состоянія“. Въ послѣднемъ отношеніи проектъ Балугьянскаго стоялъ на сословномъ началѣ. Представленный въ 1827 г. въ Государственный Совѣтъ, этотъ проектъ не получилъ дальнѣйшаго движенія. Дѣло снова вернулось въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 1827 г. при министерствѣ былъ учрежденъ особый комитетъ, составленный изъ чиновниковъ министерства и лицъ, назначенныхъ петербургскимъ и московскимъ военными генералъ-губернаторами. Выработанный этимъ комитетомъ къ слѣдующему 1828 г. проектъ былъ построенъ, въ противоположность проекту Балугьянскаго, на началахъ всесословности городского общества со включеніемъ сюда и дворянъ, и бо́льшаго подчиненія городского управленія правительственной власти, какъ центральной, такъ и мѣстной въ лицѣ военнаго генералъ-губернатора. Переданный на разсмотрѣніе въ Петербургѣ представителямъ городского общества, а въ Москвѣ, кромѣ того, и предводителю дворянства, этотъ проектъ, главнымъ образомъ, въ первомъ своемъ основаніи, встрѣтилъ сильныя возраженія, а затѣмъ былъ отвергнутъ и Государственнымъ Совѣтомъ. Столь же малорезультатна была дѣятельность и другого, учрежденнаго еще въ сентябрѣ 1825 г. при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ „Комитета для пріисканія способовъ къ улучшенію состоянія городовъ“, работавшаго, къ тому же, не надъ вопросами городского управленія, но городского благоустройства. Фактически прекра-

тившій свою дѣятельность еще въ 1827 г., этотъ комитетъ окончательно былъ закрытъ въ 1831 г. Въ Комитетѣ 6 декабря 1826 г. вопросъ о городскомъ управленіи, самъ по себѣ, не обсуждался.

Съ 1830 г. мысль объ общей городской реформѣ на нѣкоторое время замираетъ. Послѣдующія отдѣльныя мѣропріятія по этому вопросу обнаруживаютъ стремленіе, съ одной стороны, поставить городское управленіе въ большую зависимость отъ мѣстной администраціи, съ другой—расширить составъ городского общества. Въ 1830 г. циркуляромъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, признававшимъ установившуюся систему раскладокъ городскихъ расходовъ между обывателями, предписывалось, чтобы городскія думы, составляя въ сентябрѣ ежегодныя смѣты городскихъ доходовъ и расходовъ, немедленно представляли ихъ на утвержденіе губернаторамъ, а эти послѣдніе слѣдили бы за законностью и экономіей смѣтъ. Съ 1831 г. этотъ циркуляръ былъ обращенъ въ законъ съ тѣмъ дополненіемъ, что смѣты городскихъ доходовъ и расходовъ, до утвержденія ихъ губернаторами, должны были быть провѣряемы особыми депутатами отъ обывателей. Въ слѣдующемъ 1832 г. сенатомъ было разъяснено, что въ число этихъ депутатовъ допускались также дворяне и разночинцы. Въ 1836 г., по предложенію министра Д. Н. Блудова, въ городахъ стали образовываться запасные капиталы для пособія жителямъ при постройкахъ; во многихъ случаяхъ при этомъ были отпускаемы изъ казны пособія. Въ 1832 г. установлены различныя льготы для казенныхъ крестьянъ и лицъ другихъ сословій, пріобрѣтавшихъ въ городахъ осѣдлость.

Съ 1836 г. вопросъ о городской реформѣ вообще снова выдвигается на очередь и, первое время, снова совершенно безуспѣшно. Въ этомъ году при самомъ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ учреждается комиссія для составленія проектовъ положеній о доходахъ и расходахъ городовъ. Въ 1840 г. эта комиссія была выдѣлена изъ хозяйственнаго департамента министерства, въ который она до этого времени входила, и переименована въ „Комиссію для устройства разныхъ источниковъ городского хозяйства“. Въ эту комиссію были переданы дѣла закрытаго въ 1831 г. комитета о состояніи городовъ, но и на этотъ разъ серьезныхъ результатовъ достигнуто не было. Съ

1842 г., послѣ назначенія министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Л. А. Перовскаго (сентябрь 1841 г.), вообще, какъ было уже отмѣчено, обратившаго вниманіе на мѣстное управленіе, дѣло получило болѣе широкую постановку и приняло болѣе энергичный оборотъ.

Главнымъ сотрудникомъ Перовскаго въ дѣлѣ городской реформы былъ извѣстный впослѣдствіи дѣятель по освобожденію крестьянъ Н. А. Милютинъ, служившій въ то время въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Предшествующая постановка дѣла была признана неудовлетворительной, и въ основу новой программы было положено: объединеніе дѣятельности комиссіи и хозяйственнаго департамента; созданіе фактическаго контроля надъ городскимъ хозяйствомъ и ознакомленіе съ дѣйствительнымъ положеніемъ городовъ путемъ собиранія вѣрныхъ и обширныхъ свѣдѣній. Комиссія была закрыта, а при хозяйственномъ департаментѣ министерства было учреждено „временное отдѣленіе для устройства городского хозяйства“, во главѣ котораго и былъ поставленъ Милютинъ. Была предпринята ревизія городского хозяйства назначенными для этого чиновниками особыхъ порученій при министрѣ, при чемъ на первый разъ были избраны губерніи отличающіяся особыми мѣстными условіями и наиболѣе интересныя для наблюденія: двѣ земледѣльческія (саратовская и воронежская), двѣ торгово-промышленныя (тульская и ярославская) и одна остзейская (лифляндская). Одновременно съ этимъ принимались различныя мѣры для поднятія городского благосостоянія (установленіе новыхъ сборовъ въ пользу городовъ, надѣленіе городовъ выгонами и т. п.). Въ то же время городское хозяйство было поставлено подъ еще большій контроль центральныхъ органовъ, а смѣтная часть подверглась самой строгой регламентаціи. Управленіе городскимъ хозяйствомъ сосредоточилось теперь въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ глазахъ, если не самого Перовскаго, то его главнаго сотрудника въ дѣлѣ городской реформы Милютина, такой результатъ имѣлъ, однако, лишь временное значеніе и находилъ свое оправданіе въ необходимости немедленно улучшить матеріальное благосостояніе городовъ, чтобы подготовить ихъ къ воспріятію новыхъ формъ управленія. Конечною цѣлью была реформа городского хозяйства на началахъ болѣе широкаго самоуправленія. Этой цѣли должно было служить и пред-

принятое теперь въ обширныхъ размѣрахъ собираніе свѣдѣній о состояніи городовъ. Такія свѣдѣнія доставляли уже только что упомянутыя ревизіи. Съ 1842 г. начали командироваться въ различныя губерніи чиновники министерства для собиранія статистическихъ данныхъ, а къ августу 1843 г. былъ выработанъ планъ „статистики городовъ“. Обслѣдованія были произведены въ 35 губерніяхъ, и до 380 городовъ подверглись топографической съемкѣ.

Реформу рѣшено было произвести вначалѣ лишь для одного Петербурга. Къ апрѣлю 1844 года Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ были выработаны „Основанія для начертанія проекта объ общественномъ устройствѣ столичнаго города Петербурга“. Въ „Основаніяхъ“ давалось новое опредѣленіе городского общества: въ него входили обыватели, принадлежащіе къ нему или „по гражданскому состоянію“, или „по праву собственности“. Городское общество получало право самоуправленія, которое распространялось на лицъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ возрастнымъ и нравственнымъ требованіямъ и обладающихъ имущественнымъ цензомъ, каковой для активнаго избирательнаго права опредѣлялся въ размѣрѣ 300 рублей капитала, какъ minimum. Органами городского самоуправленія были: общее собраніе, собирающееся разъ въ шесть лѣтъ для избранія гласныхъ общей думы и разбивающееся на пять отдѣльныхъ сословныхъ собраній; общая дума, составляющаяся изъ гласныхъ отъ пяти сословій, и избираемая изъ ея среды распорядительная дума. Городскія учрежденія „непосредственно подчинены гражданскому губернатору, затѣмъ военному генералъ-губернатору и наконецъ—Сенату“; въ то же время они находились „въ вѣдѣніи“ и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а по „дѣламъ казеннымъ“ были въ „подчиненіи и отчетности“ у казенной палаты и Министерства Финансовъ. Въ іюнѣ 1844 г. эти основанія были утверждены Государственнымъ Совѣтомъ, и къ 1845 г. министерствомъ былъ выработанъ окончательный проектъ „Положенія объ общественномъ управленіи Петербурга“. Внесенный въ Государственный Совѣтъ, этотъ проектъ былъ возвращенъ въ министерство для переработки и только послѣ этого былъ принятъ и получилъ Высочайшее утвержденіе 13 февраля 1846 г. Главныя измѣненія, внесенныя въ законъ въ его окончательной редакціи, сравнительно съ „Основаніями“,

сводились къ слѣдующему. „Положеніе“ 1846 г., оставляя по существу тѣ же признаки принадлежности къ городскому обществу, какіе были намѣчены „Основаніями“, не давало прямого опредѣленія состава городского общества. Пять сословій, участвовавшихъ въ избраніи общей думы, были: потомственные дворяне, при условіи владѣнія ими въ городѣ недвижимою собственностью; личные дворяне, почетные граждане и разночинцы, при томъ же условіи; купцы всѣхъ гильдій; мѣщане и цеховые. Имущественный цензъ для пользованія активнымъ правомъ избранія былъ, сравнительно съ „Основаніями“, повышенъ и опредѣлялся, какъ minimum, въ сто рублей годового дохода. Органы городского самоуправленія были тѣ же, какіе намѣчались и въ „Основаніяхъ“, но въ составъ распорядительной думы вводился правительственный элементъ въ лицѣ „члена отъ короны“. При распорядительной думѣ создавались особыя коллегіальныя выборныя учрежденія—торговая полиція и городская хозяйственная полиція. Отношенія между думой распорядительной и общей не были достаточно ясно опредѣлены: первая имѣла право не исполнять рѣшенія второй „въ случаѣ разномыслія“, и тогда дѣло разрѣшалось мѣстной административной властью. Контроль администраціи надъ городскимъ управленіемъ былъ, сравнительно съ „Основаніями“, значительно усиленъ, и финансовая самостоятельность думы была ограничена очень узкими рамками.

Обзоръ государственныхъ учрежденій въ николаевское царствованіе мы не случайно начали съ мѣстнаго управленія. Менѣе замѣтныя, сравнительно съ центральными, мѣстныя учрежденія, какъ стоящія ближе къ населенію, были именно тою сферою, черезъ которую общество прежде всего соприкасалось съ правительственною системою, испытывало на себѣ воздѣйствіе бюрократическаго режима. Это соприкосновеніе должно было быть весьма ощутительно. Перерожденіе областного управленія въ николаевское время не ознаменовано какими-либо крупными законодательными актами; оно шло путемъ частичныхъ поправокъ и надстроекъ. Но если мы сведемъ воедино всѣ эти частичныя мѣропріятія, наказъ губернаторамъ 1837 г., новое положеніе о губернскомъ управленіи 1845 г., „Положеніе объ общественномъ управленіи Петербурга“ того же года, правила о земскихъ повинностяхъ 1851 г., да еще припомнимъ

учрежденіе III отдѣленія Собственной Е. В. Канцеляріи съ широко раскинувшеюся сѣтью жандармскихъ округовъ, то передъ нами развернется очень яркая картина той бюрократизаціи провинціи, которая совершилась въ это царствованіе, и надъ которой, какъ надъ основаніемъ, выростала система личнаго усмотрѣнія въ управленіи центральномъ.

Какихъ-либо существенныхъ перемѣнъ въ положеніи высшихъ государственныхъ учрежденій—Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и Сената—за все царствованіе императора Николая не происходитъ. Зато ихъ сравнительное значеніе въ общемъ механизмѣ государственнаго управленія и отчасти ихъ взаимоотношенія между собою за это время на практикѣ значительно измѣнились сравнительно съ предшествующею эпохою. Особенно характернымъ для николаевскаго царствованія является то положеніе, какое создается теперь для двухъ первыхъ изъ этихъ учрежденій: Комитета Министровъ и Государственнаго Совѣта. Исключительныя событія 1830 и 1831 гг. усилили дѣятельность Комитета Министровъ, какъ учрежденія, наиболѣе близко стоящаго къ государю и къ его собственному руководству правительственными дѣлами, и это было, быть можетъ, одною изъ причинъ, почему предположенія Комитета 6 декабря объ упраздненіи Комитета Министровъ и учрежденіи особаго Правительствующаго Сената осуществлены не были. Комитетъ Министровъ остался; но по мѣрѣ того, какъ теченіе дѣлъ входило въ свое обычное русло, его исключительное значеніе падало. Въ то же время его компетенція опредѣлилась точнѣе, и вторженіе его въ сферу дѣятельности Государственнаго Совѣта наблюдается теперь въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ александровское царствованіе. Это не повлекло, однако, за собою ни возвышенія значенія Государственнаго Совѣта, ни возвращенія Сенату его права надзора надъ администраціей. Практика предварительной разработки законопроектовъ въ отдѣльныхъ, спеціально для даннаго вопроса назначаемыхъ секретныхъ комитетахъ и фактическое предварительное одобреніе ихъ государемъ зачастую сводило обсужденіе этихъ законопроектовъ въ Государственномъ Совѣтѣ къ простой формальности. Въ правительственныхъ сферахъ николаевскаго царствованія

слагаются какъ бы двѣ точки зрѣнія на Государственный Совѣтъ. Одна, по частному случаю, была формулирована министромъ финансовъ гр. Канкринымъ, находившимъ, что „Совѣтъ мѣсто совѣщательное, куда Государь посылаетъ только то, что самому ему разсудится". На противоположной точкѣ зрѣнія стоялъ горячій защитникъ значенія Государственнаго Совѣта, его предсѣдатель (1838—1847) кн. И. В. Васильчиковъ, не разъ указывавшій самому Николаю Павловичу, что Государь непремѣнно долженъ спрашивать мнѣніе Совѣта, „потому что Совѣтъ для того и существуетъ; или надо его уничтожить, или охранять тотъ законъ, который сами Вы для него издали". Лично Николай Павловичъ скорѣе склонялся къ первой точкѣ зрѣнія. Передавая тотъ или другой законопроектъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта, онъ иногда выражалъ надежду, „что непослѣдуетъ въ Совѣтѣ невыгода излишнихъ преній"; такова, напримѣръ, резолюція государя на внесеніе въ Совѣтъ въ 1844 г. проекта указа о дворовыхъ. Иногда передача того или другого проекта въ Совѣтъ сопровождалась собственноручной запиской государя: „Желательно мнѣ, чтобы принято было...", и дальше излагалась та или другая редакція законопроекта, подлежащаго обсужденію, какъ это было при обсужденіи въ 1839 г. вопроса о мѣрахъ къ поднятію курса бумажныхъ денегъ. Въ виду такого формальнаго значенія обсужденія законопроектовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, согласіе государя большею частью было на сторонѣ мнѣнія большинства членовъ Совѣта.

Такой практикѣ соотвѣтствовали и тѣ, правда, немногія и къ тому же лишь частичныя измѣненія, какія были произведены въ николаевское царствованіе въ самомъ устройствѣ Государственнаго Совѣта. Вслѣдъ за преобразованіемъ въ 1826 г. Комиссіи составленія законовъ во II Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи въ 1835 году послѣдовало дальнѣйшее измѣненіе состава Государственнаго Совѣта: Комиссія Прошеній поступила также въ непосредственное вѣдѣніе Государя Императора. Учрежденный въ 1832 г. при Государственномъ Совѣтѣ особый департаментъ дѣлъ Царства Польскаго былъ точно также поставленъ въ болѣе непосредственное вѣдѣніе самого государя. Руководство въ департаментѣ принадлежало одному изъ его членовъ, по высочайшему назначенію, безъ участія

государственнаго секретаря; въ общее собраніе Совѣта дѣла изъ этого департамента вносились лишь по особому высочайшему повелѣнію; до 1837 г. журналы департамента въ подлинникѣ представлялись Государю Императору. Въ 1836 г. послѣдовало существенное ограниченіе вопросовъ, подлежащихъ обсужденію Государственнаго Совѣта: въ изданномъ въ этомъ году новомъ Учрежденіи Военнаго Министерства было постановлено, чтобы всѣ предположенія по военной части, поскольку они не имѣютъ никакой связи съ прочими частями государственнаго управленія, представлялись непосредственно отъ Военнаго Совѣта на Высочайшее воззрѣніе. 15-го апрѣля 1842 г. было издано новое Учрежденіе Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи. По существу это Учрежденіе не внесло въ устройство Государственнаго Совѣта ничего новаго. Установленная первоначальнымъ (1810 г.) Учрежденіемъ Совѣта формула высочайшаго утвержденія: „внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта...“, продержалась на практикѣ очень недолго; внесенная въ Сводъ Законовъ 1833 г., въ Учрежденіи 1842 г. она уже исчезаетъ.

Еще менѣе можно говорить о возвращеніи въ николаевское царствованіе какого-либо значенія Сенату—которое бы оправдывало его громкій титулъ „Правительствующій“. Императоръ Николай опредѣленно не любилъ Сенатъ и всѣ тѣ случаи, когда ему лично приходилось съ нимъ соприкасаться, приводили обыкновенно къ весьма грустнымъ для Сената послѣдствіямъ, шагъ за шагомъ низводившимъ его теперь окончательно на роль исключительно высшаго судебнаго учрежденія. Ни о какомъ сенатскомъ надзорѣ за законномѣрностью высшей администраціи при такихъ условіяхъ говорить не приходилось. Что касается финансоваго контроля, то таковой, какъ извѣстно, еще съ учрежденія министерствъ, началъ выдѣляться въ особое вѣдомство. Утвержденная еще въ 1823 г. система генеральной отчетности получила окончательное устройство къ 1836 г., когда былъ образованъ Государственный Контроль. Дѣятельность контроля ограничивалась ревизіею общихъ отчетовъ министерскихъ департаментовъ и главныхъ управленій, не касаясь провѣрки всѣхъ счетовъ и приходо-расходныхъ книгъ, но зато должна была распространяться на всѣ отрасли управленія. Предусматривалась, однако, возможность освобожденія особыми узаконеніями и вы-

сочайшими повелѣніями отъ отчетности Государственному Контролю отдѣльныхъ мѣстъ и учрежденій.

И вотъ по мѣрѣ того, какъ суживается значеніе Комитета Министровъ, урѣзывается значеніе Государственнаго Совѣта, и пренебрежительно забывается Сенатъ, продолжаетъ расти значеніе Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Мы уже видѣли, какъ разросталась эта канцелярія въ первые годы николаевскаго царствованія, пріобрѣтая въ своихъ отдѣленіяхъ значеніе крупнаго государственнаго учрежденія. Ростъ этотъ продолжается и послѣ 1830 года. Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи или отъ нея отпочковываются и превращаются въ самостоятельные министерскіе органы; такъ было, напримѣръ, съ учрежденнымъ въ 1836 году пятымъ (временнымъ) отдѣленіемъ Канцеляріи, черезъ два года превратившимся въ самостоятельное министерство—государственныхъ имуществъ. Другія изъ нихъ входятъ въ общую систему министерскаго управленія на особомъ положеніи, какъ было, напримѣръ, съ четвертымъ отдѣленіемъ. Иныя—какъ третье и второе отдѣленія—имѣютъ болѣе непосредственное отношеніе къ самой Канцеляріи. Не исключена была возможность, наконецъ, возникновенія временныхъ отдѣленій, закрывавшихся по минованіи надобности, какимъ было, напримѣръ, шестое отдѣленіе С. Е. И. В. Канцеляріи, учрежденное въ 1843 г. для устройства Закавказскаго Края.

Наряду съ ростомъ значенія Собственной Е. И. В. Канцеляріи характерною чертою высшей администраціи николаевскаго времени было, вообще, возникновеніе отдѣльныхъ частей и управленій, не входящихъ въ составъ министерствъ [1]) и на-

[1]) Въ системѣ собственно министерскаго управленія въ николаевское царствованіе не было произведено какихъ-либо коренныхъ преобразованій. Наиболѣе крупнымъ измѣненіемъ въ составѣ министерствъ, кромѣ упомянутаго выше учрежденія Министерства Двора и отдѣленія отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія Главнаго Управленія Иностранныхъ Исповѣданій, было образованіе въ 1832 г. Главнаго Управленія Путей Сообщенія и учрежденіе къ 1838 г. только что упомянутаго Министерства Государственныхъ Имуществъ. Преобразованіе внутренняго устройства отдѣльныхъ министерствъ (съ 1832 по 1846 гг. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; въ 1836—Военнаго Министерства) преслѣдовало цѣли введенія большаго единообразія въ порядкѣ управленія, уничтоженія остатковъ коллегіальности и усиленія единоличной власти министровъ.

ходящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи государя императора, и широко установившаяся практика секретныхъ комитетовъ, возникавшихъ обыкновенно съ совѣщательными функціями по тому или иному очередному вопросу, но иногда получавшихъ и извѣстное административное значеніе. О дѣятельности почти всѣхъ подобныхъ учрежденій въ николаевское царствованіе приходится судить почти исключительно по отрывочнымъ даннымъ, такъ какъ архивный матерьялъ, касающійся до ихъ дѣлопроизводства, до настоящаго времени, за самыми малыми исключеніями, еще не обнародованъ [1]). На основаніи же отдѣльныхъ наблюденій можно, какъ кажется, построить схему николаевскаго „секретнаго комитета“ приблизительно въ слѣдующемъ видѣ. Секретный комитетъ возникалъ, обыкновенно, для выработки законопроекта по тому или другому крупному очередному вопросу. Выработанный комитетомъ законопроектъ, пройдя черезъ Государственный Совѣтъ, а иногда и минуя эту стадію, обыкновенно удостаивался утвержденія государя, независимо отъ того, каково было рѣшеніе высшаго законосовѣщательнаго учрежденія, и превращался въ законъ. Пока вопросъ проходилъ всѣ эти стадіи—а дѣло иной разъ при этомъ очень затягивалось—секретный комитетъ пріобрѣталъ иногда компетенцію высшаго административнаго учрежденія, и съ нимъ сносились, какъ съ своей высшею инстанціею, соотвѣтствующія низшія учрежденія. Врѣзаясь своими мнѣніями, заранѣе забронированными высочайшимъ одобреніемъ, въ компетенцію Государственнаго Совѣта, секретные комитеты николаевскаго времени своею административною практикою перебивали внутренніе счеты органовъ центральнаго управленія и какъ бы довершали этимъ то дѣло разрушенія правильной системы высшихъ государственныхъ установленій, которое дѣлала Собственная Е. И. В. Канцелярія.

---

[1]) Весьма интересный матерьялъ для исторіи нѣкоторыхъ, главнымъ образомъ по финансовому и крестьянскому вопросамъ, секретныхъ комитетовъ николаевскаго времени представляютъ записки участника этихъ комитетовъ бар. М. К о р ф а: „Императоръ Николай I въ совѣщательныхъ собраніяхъ“ (Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., т. 98). Въ этихъ запискахъ обрисовывается, между прочимъ, личная роль въ работахъ секретныхъ комитетовъ самого Николая Павловича, далеко не ограничивавшагося ролью пассивнаго предсѣдателя, но обыкновенно произносившаго большія рѣчи, направлявшаго пренія и вообще принимавшаго самое активное участіе въ комитетскихъ работахъ.

Таковъ въ главныхъ чертахъ тотъ процессъ разложенія системы министерскаго управленія, незадачливаго дѣтища Сперанскаго, процессъ, который, на ряду съ бюрократизаціей мѣстнаго управленія, такъ характеренъ для николаевскаго царствованія.

Централизація и личное усмотрѣніе—такъ можно характеризовать состояніе государственныхъ учрежденій въ николаевское царствованіе. Таковъ былъ тотъ внѣшній аппаратъ, съ помощью котораго правительственная власть осуществляла свою программу, аппаратъ, къ этой программѣ приспособлявшійся. Эта программа имѣла и свою идеологію. Эта идеологія раскрывается передъ нами, когда мы знакомимся съ николаевской политикою въ области духовной культуры, и прежде всего въ области народнаго просвѣщенія.

Народное просвѣщеніе и вѣроисповѣдная политика въ николаевское царствованіе.

Руководящія начала и идеологія николаевской политики наиболѣе ярко и опредѣленно выразились въ области народнаго просвѣщенія и политики вѣроисповѣдной. Послѣдовательное проведеніе началъ политическаго абсолютизма и правительственной опеки и попеченіе о матеріальномъ народномъ благосостояніи—двѣ основныя черты николаевской системы. Провозглашая начало политическаго абсолютизма, николаевское правительство старается обосновать его, какъ исконно-историческую черту русскаго государственнаго быта; доказывая его „самобытность", оно тѣмъ самымъ какъ бы заранѣе парируетъ нападки на этотъ принципъ со стороны тѣхъ, кто, какъ декабристы, подходили къ нему съ мѣрками, выработанными въ условіяхъ западно-европейской борьбы за новыя политическія формы. Отсюда и старательное охраненіе чистоты началъ того вѣроисповѣданія, православія, которое въ офиціально-признанной исторической концепціи рисовалось, какъ органически сросшееся съ „русскимъ самодержавіемъ". Тотъ же принципъ проводился и въ области народнаго просвѣщенія. Правительство не упускало случая подчеркнуть свое уваженіе къ наукѣ и, дѣйствительно, оказывало ей щедрую поддержку, зорко охраняя, въ то же время, существующій порядокъ отъ малѣйшаго посягательства на него критической мысли и всячески стараясь использовать науку, какъ крупную производительную силу. Условія свободной научной дѣятельности въ николаевское царствованіе были, какъ извѣстно, не изъ легкихъ, и тѣмъ не менѣе это царствованіе должно почесться однимъ изъ самыхъ богатыхъ научными и просвѣтительными начинаніями. Всѣ эти начинанія и всѣ эти заботы подчинялись, однако, одной основ-

ной мысли—заставить науку и образованіе служить государству и правительству, чему въ николаевское царствованіе, въ принципѣ, должно было служить все. Отсюда вытекало, съ одной стороны, стремленіе создать возможно болѣе благопріятныя внѣшнія условія для научной дѣятельности и для образованія и поощреніе прикладной научной дѣятельности; съ другой стороны—подчиненіе научной и просвѣтительной дѣятельности строгому правительственному контролю и борьба запретительными мѣрами съ идеями, шедшими въ разрѣзъ съ существующимъ государственнымъ строемъ и порядкомъ. Поскольку наука оставалась въ области чистаго знанія и, въ особенности, поскольку она отдаляла отъ современности—въ сторону-ли историческаго прошлаго, или чистоты и благородства формъ словесности—она могла расчитывать на поощреніе. Дѣйственная сила науки направлялась по вполнѣ опредѣленному руслу—оправданія существующаго порядка и служенія матеріальнымъ потребностямъ государства и общества. Въ николаевское царствованіе создалась атмосфера, убивающая свободное научное творчество; подобное положеніе стало уже общимъ мѣстомъ. Менѣе выяснено, поскольку заботы, хотя и односторонніе, о созданіи благопріятной внѣшней обстановки для научной дѣятельности способствовали накопленію научныхъ знаній и тѣмъ самымъ подготовляли въ ближайшемъ будущемъ для науки большую активную роль, между прочимъ, и въ дѣлѣ разложенія того самаго порядка, поддержаніе и оправданіе котораго въ николаевское царствованіе составляло одну изъ задачъ той же науки. Имена Кавелина, Градовскаго, Менделѣева и многихъ другихъ должны заставить призадуматься надъ этимъ вопросомъ.

Указанныя начала складывались въ николаевское царствованіе во вполнѣ законченную и цѣльную программу. Послѣдовательное проведеніе этой программы въ жизнь связывается, главнымъ образомъ, съ именемъ министра народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уварова, назначеннаго на этотъ постъ послѣ отставки кн. К. А. Ливена, 21 марта 1833 г., и оставшагося до 20 октября 1849 г., когда онъ былъ замѣненъ кн. П. А. Ширинскимъ-Шахматовымъ. Формулированная и послѣдовательно проводимая гр. Уваровымъ программа была дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, легшихъ въ основаніе дѣятель-

ности комитета 1826 г. по устройству учебныхъ заведеній, членомъ котораго до своего назначенія на министерскій постъ состоялъ и въ работахъ котораго принималъ видное участіе самъ Уваровъ.

На отношеніи правительства къ народному просвѣщенію въ александровское царствованіе, какъ и на всей правительственной дѣятельности того времени, лежалъ отпечатокъ неопредѣленности и недоговоренности. Система народнаго образованія отражала на себѣ преходящія вѣянія правительственнаго либерализма, космополитизма и мистицизма—чтобы въ концѣ царствованія упереться въ грубое мракобѣсіе. Николаевское правительство сразу заговорило вполнѣ опредѣленнымъ языкомъ, стараясь, однако, найти примирительный тонъ въ своемъ обращеніи къ тому самому обществу, которое оно брало теперь подъ свою властную опеку. Заставить общество забыть о временахъ Рунича и Магницкаго, пріучить его къ мысли, что правительство не гонитель просвѣщенія и въ то же время заставить самое науку служить новому правительственному курсу—такова была его задача. Трудно было найти лицо, болѣе подходящее къ выполненію такой задачи, чѣмъ Уваровъ. Имя въ литературѣ и наукѣ, арзамасецъ и умѣренный либералъ въ прошломъ, не пошедшій по скользкому пути декабристовъ, Уваровъ, повидимому, искренне вѣрилъ въ возможность приспособленія общечеловѣческой культуры къ „исконнымъ“ особенностямъ русскаго государственнаго уклада. „Приноровить общее всемірное просвѣщеніе къ нашему народному быту, къ нашему народному духу“ и упрочить его на началахъ самодержавія, православія и народности—такова была мысль, положенная имъ въ основу его программы, развитая имъ въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ 19 ноября 1833 г. и затѣмъ не разъ проводившаяся имъ какъ во всеподданнѣйшихъ докладахъ, такъ и въ распоряженіяхъ по министерству. „Направленіе, данное Вашимъ Величествомъ Министерству, и его тройственная формула—писалъ по этому поводу Уваровъ въ 1843 г.—должны были возстановить нѣкоторымъ образомъ противъ него все, что носило еще отпечатокъ либеральныхъ и мистическихъ идей: либеральныхъ—ибо Министерство, провозглашая самодержавіе, заявило твердое желаніе возвращаться прямымъ путемъ къ русскому монархическому началу во всемъ его объемѣ; мистическихъ—

потому, что выраженіе „православіе“ довольно ясно обнаружило стремленіе Министерства ко всему положительному въ отношеніи къ предметамъ христіанскаго вѣрованія и удаленіе отъ всѣхъ мечтательныхъ призраковъ, слишкомъ часто помрачавшихъ чистоту священныхъ преданій церкви. Наконецъ, и слово „народность“ возбуждало въ недоброжелателяхъ чувство непріязненное за смѣлое утвержденіе, что Министерство считало Россію возмужалою и достойною итти не назади, а по крайней мѣрѣ рядомъ съ прочими европейскими національностями“. Въ виду того, что послѣдній членъ уваровской формулы могъ дать поводъ къ его истолкованію въ духѣ національныхъ стремленій, осужденныхъ въ николаевское царствованіе, какъ начало революціонное, правительство не преминуло указать, въ какомъ смыслѣ долженъ былъ быть понимаемъ терминъ „народности“. Въ циркулярѣ отъ 29 мая 1847 г. гр. Уваровъ писалъ: „я обращаю слово преимущественно къ тѣмъ преподавателямъ, которымъ досталось обрабатывать на ученомъ поприщѣ участокъ славный, но трудный: русскій языкъ и русскую словесность съ прочими соплеменными нарѣчіями, какъ вспомогательными средствами для роднаго языка, русскую исторію и исторію русскаго законодательства; имъ предпочтительно передъ другими принадлежитъ возбужденіе духа отечественнаго не изъ славянства, игрою фантазіи созданнаго, а изъ начала русскаго, въ предѣлахъ науки, безъ всякой примѣси современныхъ идей политическихъ“.

Отмѣтимъ сперва тѣ положительные результаты, какіе для русской науки имѣла дѣятельность гр. Уварова, какъ министра народнаго просвѣщенія. Императорская Академія Наукъ получила 8 января 1836 г. новый уставъ. По этому уставу на ряду съ существовавшими каѳедрами по наукамъ физико-математическимъ и историческимъ были учреждены каѳедры наукъ филологическихъ. Одновременно съ этимъ штаты Академіи, увеличенные еще въ 1830 г. съ 120.000 до 206.000 руб. были теперь опредѣлены въ 239.400 руб., что дало возможность значительно расширить академическіе музеи и коллекціи. Въ 1841 г. къ Академіи Наукъ, какъ ея „2-е Отдѣленіе“, была присоединена со всѣми ея средствами возстановленная въ 1818 г. Россійская Академія, и Академія Наукъ стала подраздѣляться на три отдѣленія: физико-математическихъ наукъ, русскаго языка и словесности

(прежняя Россійская Академія) и историческихъ наукъ и филологіи. Въ вѣдѣніи Академіи была и вновь учрежденная астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ. Еще въ 1830 г. астрономъ В. Я. Струве былъ командированъ за границу для изученія устройства существующихъ въ Европѣ обсерваторій. Послѣ его возвращенія, для разработки этого вопроса, былъ учрежденъ въ 1833 г. комитетъ, подъ предсѣдательствомъ адм. Грейга, въ составъ котораго вошли академики Вишневскій, Парротъ, самъ Струве и Фуссъ. Открытіе обсерваторіи послѣдовало въ 1839 г.

Обогатившаяся послѣ польскаго возстанія цѣнными собраніями книгъ варшавскихъ библіотекъ и полоцкой іезуитской академіи, Императорская Публичная Библіотека была расширена новою пристройкою. Съ назначеніемъ въ 1849 г. директоромъ Библіотеки ст.-секр. бар. М. А. Корфа было обращено особое вниманіе на полноту русскаго отдѣла, въ который должны были поступать теперь всѣ книги, печатаемыя въ Россіи. Корфомъ, кромѣ того, было положено въ Библіотекѣ основаніе отдѣла Rossica, въ которомъ собиралось все написанное о Россіи на иностранныхъ языкахъ. 7 февраля 1850 г. Публичная Библіотека, вмѣстѣ съ находившимся въ подчиненіи у нея Румянцевскимъ Музеемъ въ Москвѣ, была передана изъ вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія въ вѣдомство Двора.

Въ 1846 г. было учреждено „Археологическое-Нумизматическое Общество“, вскорѣ ставшее, на ряду съ возникшимъ еще въ 1839 г. „Императорскимъ Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей“, главнымъ научнымъ центромъ русской археологіи. Съ соизволенія государя званіе президента Общества принялъ на себя герцогъ Лейхтенбергскій, а послѣ его смерти— вел. кн. Константинъ Николаевичъ. Въ 1848 г. Обществу была назначена правительственная субсидія въ 3.000 руб.; въ 1849 г. оно было переименовано въ „Императорское Археологическое Общество“. Уже въ николаевское царствованіе оба названныя общества заявили себя цѣлымъ рядомъ изысканій, изслѣдованій и изданій. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ правительственныхъ ученыхъ начинаній николаевскаго царствованія, несомнѣнно, является учрежденіе въ 1834 г. Археографической Комиссіи, которая на первыхъ порахъ должна была разбирать и издавать матеріалы, добытые „археографической экспедиціей“ столь незаслу-

женно обиженнаго П. М. Строева [1]). Въ 1850 г. были сдѣланы первыя попытки учрежденія губернскихъ архивныхъ комиссій, а въ 1852 г. были учреждены центральные архивы въ Кіевѣ, Витебскѣ и Вильнѣ для разбора древнихъ актовъ западныхъ губерній. Къ сороковымъ годамъ относятся многія изъ тѣхъ изданій памятниковъ старины, которыми до настоящаго времени живетъ русская историческая наука, и къ тому же времени относится рядъ основныхъ трудовъ по русской исторіи, отъ которыхъ постоянно приходится исходить современнымъ изслѣдователямъ.

И наряду со всѣмъ этимъ—заботы объ охраненіи умовъ отъ вліянія западно-европейскихъ идей, цѣлая система запретительныхъ мѣропріятій! Съ 1830 г. усиливается цензурный надзоръ. Цензурный уставъ 1828 г. формально отмѣненъ не былъ и оставался въ силѣ до самаго конца царствованія императора Николая; цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ поправокъ, дополнительныхъ постановленій и распоряженій его смыслъ, однако, былъ въ корень измѣненъ, и фактически положеніе дѣлъ вернулось къ уставу 1826 г. Уже въ концѣ 1830 г. Никитенко находилъ, что „цензурный уставъ совсѣмъ ниспроверженъ“. Измѣненіе смысла цензурнаго устава послѣ 1830 г. вытекало изъ тѣхъ новыхъ задачъ, которыя ставились теперь для цен-

[1]) Судьба, постигшая такъ называемую „археографическую экспедицію“, весьма показательна для всей уваровской системы. Снаряженная въ 1829 г. Академіей Наукъ, президентомъ которой состоялъ самъ графъ Уваровъ, эта экспедиція была всецѣло обязана своимъ возникновеніемъ и осуществленіемъ неутомимой энергіи молодого археографа П. М. Строева. По плану Строева экспедиція должна была обслѣдовать и привести въ извѣстность всю письменную старину, какая могла быть найдена въ провинціальныхъ книгохранилищахъ, для чего предполагалось совершить въ теченіе ряда лѣтъ три поѣздки по сѣверной, средней и западной Россіи. Въ теченіе пяти лѣтъ поставленный во главѣ экспедиціи Строевъ и его помощникъ Я. И. Бередниковъ, преодолѣвая самыя крайнія трудности и лишенія, изъѣздили всю сѣверную и среднюю Россію. Ими было осмотрѣно до 200 библіотекъ и архивовъ, и собрано до 3000 документовъ огромной исторической важности. Къ Строеву обращались ученые изслѣдователи во время его экспедиціи за справками; его содѣйствіемъ пользовался Сперанскій при составленіи „Полнаго Собранія Законовъ“; самъ императоръ Николай прочитывалъ „отъ доски до доски“ присылаемые Строевымъ въ Академію копіи собранныхъ документовъ. Эти документы надолго составили основной фондъ источниковъ, на которыхъ стали строиться отнынѣ историческія изслѣдованія. 29 декабря 1834 г. Академія въ торжественномъ собраніи привѣтствовала отчетъ Строева, который готовился уже закончить свое дѣло и мечталъ

зуры и которыя графомъ Уваровымъ опредѣлялись, какъ умноженіе, „гдѣ только можно, числа умственныхъ плотинъ“ противъ наплыва вредныхъ европейскихъ идей. На цензуру возлагалась, поэтому, обязанность наблюдать не только за политическимъ и соціальнымъ направленіемъ въ произведеніяхъ печати, но и за литературными вкусами и даже за вольностями и неправильностями поэтическаго языка въ виду того, что „развратъ нравовъ пріуготовляется развратомъ вкуса“, а печать „дерзаетъ выступать за предѣлы благопристойности, вкуса языка и даже простирать свои покушенія къ важнѣйшимъ предметамъ государственнаго управленія и къ политическимъ понятіямъ, поколебавшимъ едва ли не всѣ государства въ Европѣ“. Особенно строгое вниманіе было обращено на періодическую печать. Въ 1836 г. было запрещено ходатайствовать о новыхъ періодическихъ изданіяхъ, и запрещалось одному лицу быть редакторомъ двухъ и болѣе изданій. Были приняты ограничительныя мѣры противъ дешевыхъ изданій. Цензура должна была слѣдить, чтобы литературная полемика не велась съ излишнею страстностью и не выходила изъ извѣстныхъ рамокъ благоприличія. Было усилено наблюденіе за переводами. Въ 1847 г. было предписано бороться со „стремленіемъ нѣкоторыхъ ав-

---

объ обслѣдованіи архивовъ и библіотекъ Западной Россіи, Литвы и Польши. И почти въ тотъ же день приказаніемъ министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова археографическая экспедиція была прекращена, и для разбора и изданія собранныхъ ею документовъ при министерствѣ была учреждена Археографическая Комиссія, во главѣ съ чиновникомъ министерства, кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, не имѣвшимъ никакого отношенія къ исторіи и археографіи. Строевъ и Бередниковъ были назначены простыми членами комиссіи. Сейчасъ же слѣдуетъ, конечно, оговориться: послѣдующею своею дѣятельностью Археографическая Комиссія сдѣлала не мало для русской исторической науки, но фактъ остается фактомъ. Возникшее по частной иниціативѣ, свободное научное предпріятіе послѣ того, какъ пережило столько невзгодъ и близко было уже къ торжеству того, кто былъ его душею, министерство народнаго просвѣщенія беретъ въ свое вѣдѣніе. Археографическая экспедиція прекращаетъ свое существованіе, и дѣло собиранія и изданія историческихъ документовъ переходитъ въ правительственныя руки въ тотъ щекотливый моментъ, когда нескромный глазъ ученаго собирался было проникнуть въ заповѣдную область русско-польскихъ отношеній, научное истолкованіе которой заранѣе предопредѣлялось правительственными предначертаніями. Министръ народнаго просвѣщенія пожинаетъ для правительства лавры беззавѣтнаго подвижника науки, котораго онъ самъ, какъ президентъ Академіи Наукъ, благословилъ на трудный научный подвигъ.

торовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необузданныхъ порывовъ патріотизма, общаго или провинціальнаго, стремленіемъ, становящимся иногда если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть". Нѣкоторые журналы были запрещены. Личный составъ цензурныхъ комитетовъ былъ усиленъ. Начавшія возникать публичныя библіотеки въ провинціи (въ 1843 г. ихъ насчитывалось до 41) съ 1843 г. были переданы въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія „для сохраненія благой въ семъ дѣлѣ цѣли и отклоненія вреда, могущаго произойти отъ фальшиваго направленія".

Съ другой стороны, характернымъ явленіемъ въ области цензурной системы являлось все наростающее стѣсненіе Главнаго Управленія Цензуры умноженіемъ спеціальныхъ цензуръ отдѣльныхъ вѣдомствъ и учрежденій, имѣвшихъ право цензуровать книги, журналы и газетныя статьи, поскольку они касались ихъ непосредственныхъ дѣлъ. Это право, оставленное уставами 1826 и 1828 гг. за немногими высшими правительственными учрежденіями, за университетами и духовными академіями, распространяется съ 1830 г. на весьма значительное число учрежденій какъ высшихъ, такъ и второстепенныхъ, а иногда даже временныхъ [1]). Къ 1848 г. это развитіе самостоятельныхъ вѣдомственныхъ цензуръ, въ связи со множествомъ отдѣльныхъ распоряженій и дополненій по цензурѣ, совершенно отодвинуло на задній планъ значеніе того вѣдомства, въ вѣдѣніи котораго цензура сосредоточивалась, т. е. Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Усиленію цензурнаго надзора за печатью соотвѣтствовало, въ сферѣ религіозной политики, стремленіе создать путемъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій преобладающее положеніе для православнаго вѣроисповѣданія. Строго вѣроисповѣдный характеръ политики первыхъ лѣтъ царствованія, пришедшій на смѣну космополитическому мистицизму александровскаго времени, съ 1830 г. окончательно упрачи-

---

[1]) Правомъ собственной цензуры въ николаевское царствованіе пользовались: Министерство Двора, Финансовъ, Военное, Внутреннихъ Дѣлъ, 2-е и 3-е Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, Военно-Топографическое Депо, Шефъ жандармовъ, Почтовый Департаментъ, Комиссія по строенію Исаакіевскаго собора, Кавказскій Комитетъ, Управленіе Коннозаводства и мн. др.

вается. Сама церковная власть, однако, при такомъ направленіи политики не только не получила болѣе независимаго положенія, но становилась въ еще большей степени, чѣмъ до этого, послушнымъ орудіемъ правительственныхъ предначертаній. Такова была та политика, которую въ сферѣ церковнаго управленія проводилъ назначенный въ 1836 г. оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода полковникъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, Н. А. Протасовъ, остававшійся въ этой должности до своей смерти (январь 1855 г.). Единомышленникъ Уварова, сблизившійся съ нимъ на почвѣ обрусительной политики въ Западномъ краѣ, властный и строгій, сумѣвшій расположить къ себѣ митрополита петербургскаго Серафима и искусно поддерживавшій непріязненныя отношенія между двумя видными членами Синода, Филаретомъ московскимъ и Филаретомъ кіевскимъ, Протасовъ возвысилъ оберъ-прокурорскую должность до министерскаго значенія, держалъ въ своихъ рукахъ Синодъ и сильно давалъ чувствовать свою власть мѣстному епархіальному начальству.

Въ значительной степени въ связи съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ Протасова стоятъ тѣ ограничительныя мѣропріятія, которыя съ тридцатыхъ годовъ начинаютъ примѣняться свѣтскими властями къ инославнымъ исповѣданіямъ и къ отпадающимъ отъ православія. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣропріятій вытекали изъ соображеній чисто политическаго характера. Таковы были отмѣченныя выше соотвѣтственныя мѣропріятія въ Западномъ краѣ, а также, въ меньшей степени, мѣры, принимаемыя, главнымъ образомъ съ начала сороковыхъ годовъ, въ Остзейскомъ краѣ въ видахъ поддержанія православной проповѣди среди мѣстнаго протестантскаго населенія. Мѣрами, имѣвшими своею непосредственною цѣлью охраненіе чистоты православнаго исповѣданія и поддержаніе государственнаго значенія православной церкви, были мѣры, направленныя противъ раскола и отдѣльныхъ сектъ. Совѣщательнымъ учрежденіемъ по дѣламъ раскола оставался учрежденный еще въ предшествовавшее царствованіе (13 марта 1825 г.) секретный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ, состоявшій изъ митрополитовъ с.-петербургскаго и кіевскаго и министровъ: внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Одновременно съ этимъ вѣдало расколъ и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, на утвержденіе

котораго шли даже судебные приговоры уголовныхъ палатъ по дѣламъ о раскольникахъ. Въ 1831 г. былъ открытъ комитетъ о раскольникахъ въ Москвѣ, въ составъ котораго вошли московскій генералъ-губернаторъ, митрополитъ и губернаторъ, а съ 1838 г. были открыты губернскіе совѣщательные комитеты: въ Петрозаводскѣ, Перми, Тамбовѣ, Черниговѣ, Саратовѣ, Твери, Вяткѣ, Иркутскѣ, Екатеринбургѣ Пермской губерніи, въ Харьковѣ, Костромѣ, Витебскѣ, Тобольскѣ, Уфѣ, Могилевѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Самарѣ, Ригѣ и др. городахъ. Въ составъ этихъ комитетовъ входили: мѣстный архіерей, губернскія гражданскія власти и мѣстный жандармскій штабъ-офицеръ. Съ 1838 г. ограничительныя мѣры противъ раскола, вообще, значительно усиливаются; ихъ задача теперь—не только борьба съ распространеніемъ раскола, но и стремленіе подавить расколъ, уже существующій [1]).

Ограниченіе гражданскихъ правъ раскольниковъ опредѣлялось, главнымъ образомъ, высочайшимъ повелѣніемъ отъ 8 октября 1835 г. Раскольники, какъ члены общества, не лишались

---

[1]) Эти мѣры преслѣдовали, главнымъ образомъ, три цѣли: ограниченіе свободнаго и явнаго отправленія раскольниками ихъ богослуженія, уменьшеніе численнаго состава раскола и ограниченіе гражданскихъ правъ лицъ, офиціально числящихся въ расколѣ. Раскольникамъ не разрѣшалось не только вновь строить общественныя молитвенныя зданія, но и чинить приходившія въ ветхость. Частныя моленныя точно также закрывались, равно какъ раскольничьи скиты и монастыри. Постепенно эти ограничительныя мѣры были распространены и на раскольничьи больницы и другія богоугодныя заведенія. Духовныя завѣщанія и другіе подобные акты въ пользу раскольничьихъ молитвенныхъ учрежденій съ 1837 г. въ законномъ порядкѣ не утверждались. Съ 1831 г. на открытіе раскольничьихъ богоугодныхъ заведеній требовалось разрѣшеніе мѣстныхъ губернаторовъ, сносившихся по этому вопросу съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Веденіе метрическихъ книгъ до 1837 г. разрѣшалось только раскольникамъ-поповцамъ. Съ 1837 г. регистрація рожденій и смертей среди раскольниковъ, какъ безпоповцевъ, такъ и поповцевъ, была передана исключительно въ вѣдѣніе полиціи. Дѣти раскольниковъ, не признававшихъ церковный бракъ, считались съ 1838 г. незаконнорожденными; за ихъ матерями, какъ за женщинами распутнаго поведенія, не признавалось право распоряжаться своими дѣтьми въ вопросахъ религіи. Такихъ дѣтей крестили по православному обряду: мальчиковъ было предписано отдавать въ военные кантонисты, а дѣвочекъ пристраивать по распоряженію приказовъ общественнаго призрѣнія. Въ 1839 г., по частному случаю, для разрѣшенія недоумѣнія, возникшаго у рижскаго генералъ-губернатора, было издано весьма характерное

права участвовать въ общественныхъ выборахъ, но въ присяжныхъ должностяхъ могли быть утверждены лишь тѣ изъ нихъ, которые по роду своихъ сектъ не устраняются безусловно закономъ отъ занятія общественныхъ должностей и пріемлютъ священство. Изъ такихъ раскольниковъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшалось допускать къ присяжнымъ должностямъ не больше одной четвертой доли противъ числа православныхъ. Коренного различія между раскольниками и сектантами не проводилось. Съ 1835 г. въ законодательствѣ устанавливается опредѣленіе особенно вредныхъ сектъ, въ которымъ были отнесены духоборы, иконоборцы, молокане, іудействующіе, скопцы, сектанты, немолящіеся за царя, и тѣ изъ раскольниковъ, которые, по мѣстнымъ условіямъ, будутъ признаны министромъ внутреннихъ дѣлъ вредными для общества.

За все это время учреждались миссіи для обращенія раскольниковъ въ православіе, пользовавшіяся, конечно, соотвѣтствующимъ содѣйствіемъ мѣстной администраціи. Съ начала сороковыхъ годовъ входитъ въ практику посылка на мѣста чиновниковъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ для разслѣдованія и изученія раскола и сектъ. Эти посылки собрали въ министерствѣ богатый матеріалъ по расколу и сектантству и

для николаевской политики высочайшее повелѣніе, слѣдующимъ образомъ ограничившее и изъяснявшее предшествующее постановленіе: 1. На основаніи изданныхъ о раскольникахъ постановленій, они не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ и могутъ спокойно исполнять принятые ими обряды, слѣдственно и крещеніе рождающихся младенцевъ, лишь бы не было при семъ публичнаго оказательства сихъ обрядовъ и ученія раскольническаго. 2. Таковыя благостныя постановленія изъ снисхожденія къ заблудшимъ, въ руководство мѣстнымъ начальствамъ преподанныя, уже отстраняютъ всякое ихъ толкованіе и не требуютъ новаго положенія. 3. Вездѣ незаконнорожденными признаются дѣти, рожденныя отъ лицъ женскаго пола, не сожительствующихъ мужу по правиламъ своего вѣрованія, или подкинутыя для сокрытія виновниковъ преступнаго рожденія, на которыхъ единственно и должно распространиться Высочайшее повелѣніе 1838 г. 4. Не слѣдуетъ возбуждать вопросовъ и желать точности въ такихъ предметахъ, которые негласно допускаются, какъ изъятія изъ общихъ законовъ, единственно по снисхожденію къ заблужденіямъ раскольниковъ или въ надеждѣ, что они, восчувствовавъ благость къ нимъ Правительства, обратятся на путь истины и воспользуются законными правами, всѣмъ вообще вѣрноподданнымъ дарованными. 5. Настоящее разрѣшеніе надлежитъ генералъ-губернатору принять къ собственному руководству, не дѣлая по оному никакого объявленія раскольникамъ.

дали цѣлый рядъ изслѣдованій по этимъ вопросамъ, какъ напр., изслѣдованіе Надеждина „О скопческой ереси“ и др. Результатомъ этого явилось учрежденіе 18 февраля 1853 г., по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, особаго секретнаго комитета для пересмотра постановленій о раскольникахъ и для составленія основного проекта правилъ, которыя служили бы руководствомъ для административныхъ распоряженій, а также въ судебныхъ дѣлахъ, касающихся раскольниковъ. Въ своихъ выводахъ комитетъ остался на той же полицейско-запретительной точкѣ зрѣнія, на какой стояли и всѣ предшествующія мѣропріятія николаевскаго царствованія относительно раскола. По мнѣнію комитета расколъ поддерживается: несоблюденіемъ правительственныхъ постановленій относительно раскольниковъ и нерѣшительностью дѣйствій противъ нихъ; невѣжествомъ народной массы; самоуправленіемъ, установившимся въ гражданскомъ и духовномъ быту раскольниковъ. Мѣры, намѣченныя относительно раскольниковъ самимъ комитетомъ, точно также, по существу, не отличались отъ тѣхъ, какія были принимаемы ранѣе.

Возвращаясь теперь опять къ уваровской программѣ и переходя къ области народнаго образованія, необходимо отмѣтить, что правительственная политика въ этой области въ николаевское царствованіе точно также характеризуется, съ одной стороны, широкими заботами о благоустройствѣ учебныхъ заведеній и о поднятіи ихъ научнаго уровня, съ другой— строгимъ правительственнымъ контролемъ за духомъ и направленіемъ преподаванія. Вниманіе правительства было обращено, главнымъ образомъ, на высшее и среднее образованіе; гораздо меньше было сдѣлано для низшаго. Главными мѣропріятіями въ этомъ отношеніи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ были: новое устройство учебныхъ округовъ; университетскій уставъ 1835 г.; широкое развитіе системы спеціальныхъ учебныхъ заведеній, утвержденіе системы средняго классическаго образованія и, наряду съ этимъ, развитіе отдѣльныхъ отраслей спеціальнаго образованія; усиленіе контроля надъ частными учебными заведеніями; строгое проведеніе начала сословности и проведеніе на отдѣльныхъ окраинахъ системы народнаго образованія въ общегосударственномъ духѣ.

Для того, чтобы уяснить себѣ значеніе первыхъ двухъ изъ

указанныхъ мѣропріятій—новое устройство учебныхъ округовъ и университетскій уставъ 1835 года—надо прежде всего помнить, что университетъ того времени былъ не совсѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ является въ наши дни. Современный университетъ, высшее *учебное* заведеніе—въ значительной степени дѣтище николаевскаго царствованія и, прежде всего, именно указанныхъ преобразованій 1835 года. До этого времени онъ былъ не только высшимъ учебнымъ заведеніемъ, но и извѣстнымъ *ученымъ* органомъ, не только школою, но и учебно-административнымъ центромъ. Въ александровскомъ университетѣ сохранялось еще немало отъ Академіи Наукъ восемнадцатаго вѣка. Академія въ восемнадцатомъ вѣкѣ была высшимъ ученымъ учрежденіемъ, около котораго группировалось и высшее народное образованіе. Александровскій университетъ точно также выходилъ въ своей дѣятельности за предѣлы своихъ аудиторій и былъ органомъ, вѣдавшимъ народное образованіе въ данномъ округѣ. Отсюда—тѣсная связь въ александровское царствованіе между попечителемъ и университетомъ не въ смыслѣ подчиненія послѣдняго первому, какъ отдѣльнаго учебнаго заведенія, но какъ результатъ почти полнаго совпаденія университета и окружнаго управленія. Съ другой стороны, пользуясь, по своему внутреннему устройству, довольно большою автономіей, университетъ, созданный въ эпоху министерскаго преобразованія государственныхъ учрежденій, носилъ на себѣ какъ бы отпечатокъ коллегіальной вѣдомственной независимости. Съ момента преобразованій 1835 года понятія университета и округа окончательно раздѣлились, и университетъ былъ теперь подчиненъ попечителю, какъ одно изъ учебныхъ заведеній. Въ александровское царствованіе оставалась еще нѣкоторая несогласованность между университетомъ и вновь создаваемой министерской системой, нѣчто подобное тому, что было между новыми центральными учрежденіями и старыми екатерининскими мѣстными. Преобразованія 1835 года проводили въ области народнаго образованія тотъ же принципъ бюрократической централизаціи, какой въ это время, какъ было указано выше, былъ проведенъ въ системѣ областного управленія.

„Положеніе 25 іюня 1835 г. объ учебныхъ округахъ“ окончательно передавало управленіе учебными заведеніями округа изъ вѣдѣнія университетовъ въ вѣдѣніе особыхъ назначаемыхъ

высочайшими повелѣніями попечителей. При попечителѣ, для обсужденія учебныхъ и хозяйственныхъ вопросовъ, учреждался особый совѣтъ, состоящій изъ помощника попечителя, ректора университета, инспектора казенныхъ училищъ и одного или двухъ директоровъ гимназій. Этотъ совѣтъ былъ лишенъ, однако, права иниціативы, и передача дѣлъ на его обсужденіе зависѣла отъ усмотрѣнія попечителя. По дѣламъ, требующимъ ученыхъ соображеній, попечитель испрашивалъ мнѣніе университетскаго совѣта. Въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ управленіе нѣкоторыми учебными округами (харьковскимъ, кіевскимъ и виленскимъ) было передано непосредственно мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ.

„Общій уставъ Императорскихъ россійскихъ университетовъ“ 26 іюля 1835 г. завершалъ реформу, проведенную „Положеніемъ“, распространивъ и на самые университеты начала бюрократическаго управленія. Уставъ 1835 г. долженъ былъ „сблизить наши университеты, бывшіе доселѣ только блѣдными оттѣнками иностранныхъ, съ коренными и спасительными началами русскаго управленія“. По новому уставу университетъ переставалъ быть ученымъ обществомъ, имѣвшимъ своею цѣлью самостоятельную разработку науки, и разсматривался исключительно какъ высшее учебное заведеніе. Онъ находился „подъ непосредственнымъ начальствомъ“ попечителя учебнаго округа, который долженъ былъ наблюдать за дѣятельностью университетскаго совѣта и правленія. Совѣтъ вѣдалъ исключительно учебныя дѣла, возведеніе въ ученыя степени, а также избраніе ректора, профессоровъ и преподавателей и почетныхъ членовъ. Хозяйственныя и административныя дѣла сосредоточивались въ правленіи, состоящемъ изъ ректора, декановъ и назначаемаго попечителемъ синдика; само правленіе зависѣло не отъ совѣта, но отъ попечителя. Ректоръ, профессора и преподаватели избирались совѣтомъ, но министру предоставлялось право „по собственному усмотрѣнію назначать въ профессоры и адъюнкты“ лицъ, извѣстныхъ своею ученою дѣятельностью и имѣющихъ соотвѣтствующую ученую степень. Университетскій судъ упразднялся; для наблюденія за студентами учреждались должности инспектора и его помощниковъ, изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ, находившихся подъ непосредственнымъ начальствомъ попечителя. Таковы были основы, на которыхъ

съ 1835 года стало строиться университетское управленіе. Характерно, что въ основу общаго университетскаго устава легъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, изданный за два года до этого уставъ Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ. Самъ по себѣ уставъ 1835 г. открывалъ доступъ въ университетъ лицамъ всѣхъ сословій. Рядомъ послѣдующихъ отдѣльныхъ мѣръ этотъ доступъ для лицъ низшихъ сословій былъ ограниченъ. Такими мѣрами были: увеличеніе платы за слушаніе лекцій съ своекоштныхъ студентовъ, въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ—до 50 р. сер., въ Харьковскомъ и Казанскомъ—до 40 р. и т. п., требованіе отъ дѣтей купцовъ и мѣщанъ увольнительныхъ отъ обществъ свидѣтельствъ; запрещеніе поступать въ университеты вольноотпущеннымъ, не приписаннымъ къ податному состоянію.

По уставу 1835 г. университеты состояли изъ трехъ факультетовъ: философскаго, подраздѣлявшагося на два отдѣленія: историко-филологическое и физико-математическое, юридическаго и медицинскаго. Историко-филологическое отдѣленіе философскаго факультета обогатилось особыми каѳедрами русской исторіи [1]), исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій; къ этому же отдѣленію были отнесены каѳедры философіи, политической экономіи и статистики. На юридическомъ факультетѣ,

[1]) Вновь учреждаемая каѳедра русской исторіи, какъ и слѣдовало ожидать, стала предметомъ особаго вниманія для правительства: надо было озаботиться подысканіемъ лицъ, которыя, выгодно зарекомендовавъ себя или какъ самостоятельные ученые, или какъ талантливые лекторы, проводили бы, въ то же время, въ своихъ мнѣніяхъ взгляды, соотвѣтствующіе официальной концепціи русской исторіи. Каѳедру русской исторіи занялъ въ Московскомъ университетѣ Погодинъ, въ Петербургскомъ—Устряловъ. Первый успѣлъ уже зарекомендовать себя къ этому времени, какъ самостоятельный изслѣдователь. Устряловъ въ первые годы своего профессорства, по отзывамъ слушавшихъ его въ то время, своею манерою читать лекціи выгодно отличался отъ многихъ своихъ сотоварищей и сумѣлъ заинтересовать студентовъ своимъ предметомъ. Оба они, и Погодинъ, и Устряловъ, были, въ то же время, весьма опредѣленными представителями такъ называемой „теоріи официальной народности“. Вышедшая въ свѣтъ въ 1836 г. докторская диссертація Устрялова „О системѣ прагматической русской исторіи“ была какъ бы приложеніемъ къ русской исторіи тѣхъ взглядовъ на взаимоотношеніе между всемірнымъ просвѣщеніемъ и русскимъ, какіе развивалъ въ своей программѣ Уваровъ, и проводила взглядъ на царствованіе Николая I, какъ на время полнаго раскрытія самобытныхъ началъ русской народной и государственной жизни.

какъ сталъ теперь называться прежній факультетъ нравственно-политическихъ наукъ, была упразднена каѳедра естественнаго права, и большая половина каѳедръ была посвящена изученію дѣйствующаго русскаго законодательства и преслѣдовала практическія цѣли. Еще въ 1828 г. былъ учрежденъ въ Дерптѣ институтъ для приготовленія профессоровъ, въ который были командированы молодые люди изъ различныхъ университетовъ, а вскорѣ послѣ этого рядъ молодыхъ ученыхъ былъ командированъ за-границу. Къ 1834 г. многія изъ этихъ лицъ вошли въ преподавательскій составъ преобразованныхъ теперь университетовъ. Заграничныя командировки, за которыя особенно стоялъ гр. Уваровъ, какъ за живую связь отечественной образованности съ европейскою наукою, продолжались и послѣ этого, и въ 1844 г. лицамъ, командируемымъ для усовершенствованія въ наукахъ, разрѣшено было выдавать безплатные заграничные паспорта. Одновременно съ введеніемъ устава 1835 г. штаты университетовъ были значительно расширены. Какъ бы дополненіемъ къ университетамъ, въ видѣ ихъ особыхъ отдѣленій, являлись преобразованныя въ 1832—1833 г. въ высшія учебныя заведенія, подъ именемъ лицеевъ, гимназіи высшихъ наукъ: кн. Безбородко въ Нѣжинѣ и Демидовская въ Ярославлѣ, а также реформированный въ 1837 г. Ришельевскій лицей въ Одессѣ.

Одновременно съ тѣмъ, какъ система университетскаго образованія приводилась въ соотвѣтствіе съ общимъ порядкомъ государственнаго управленія, расширялось высшее спеціальное образованіе. Еще въ 1828 г. былъ возстановленъ Главный Педагогическій институтъ, преобразованный въ свое время въ С.-Петербургскій университетъ. Онъ былъ возстановленъ по мысли гр. Сиверса, находившаго, что „образованіе учителей достигнуто быть можетъ не университетскими лекціями, но основательнымъ обученіемъ и практическимъ приготовленіемъ достойныхъ и охотно себя сему званію посвящающихъ молодыхъ людей“. Это учебное заведеніе, изъятое изъ вѣдѣнія попечителя учебнаго округа, было поставлено подъ непосредственное завѣдываніе министра народнаго просвѣщенія, который и назначалъ директора института. „Для образованія благороднаго юношества на службу по судебной части“ было учреждено въ 1835 г., по мысли и на средства принца Петра Георгіевича

Ольденбургскаго, Училище Правовѣдѣнія. Уставъ училища былъ выработанъ на основаніи записки, составленной Сперанскимъ. Особое вниманіе было обращено на „приспособленіе главнѣйшихъ началъ наукъ общихъ къ техническимъ потребностямъ ремесленной, фабричной и земледѣльческой промышленности“ и на развитіе высшаго техническаго образованія. При самихъ университетахъ былъ учрежденъ рядъ каѳедръ по прикладнымъ знаніямъ: по сельскому хозяйству и лѣсоводству при петербургскомъ университетѣ; по сельскому хозяйству, агрономіи и практической механикѣ — при московскомъ; по отдѣльнымъ отраслямъ технологіи — при дерптскомъ и т. д. Еще въ 1828 г. былъ учрежденъ С.-Петербургскій Технологическій институтъ. Учрежденныя въ 1830 г. архитектурное училище и въ 1832 г. училище гражданскихъ инженеровъ въ 1842 г. были соединены въ одно учебное заведеніе, получившее наименованіе Строительнаго Училища и устроенное по военному образцу. Позднѣе, въ 1851 г., это училище было причислено къ первому разряду. Открытое въ 1840 г. въ Горыгорецкомъ казенномъ имѣніи Оршанскаго у. Могилевской губ. земледѣльческое училище было преобразовано въ 1848 г. въ земледѣльческій институтъ. Практическое учебное заведеніе сельскаго хозяйства было учреждено въ 1834 г. въ Альткустгофѣ близъ Дерпта. Въ 1844 г. въ Москвѣ былъ открытъ Константиновскій Межевой институтъ. Ветеринарныя школы были устроены: въ 1839 г. въ Харьковѣ (состоявшая до 1851 г. при университетѣ) и въ 1848 г. въ Дерптѣ. Къ этому можно добавить, что и въ самомъ университетѣ преподаваніе, по крайней мѣрѣ на двухъ факультетахъ, носило, отчасти, профессіонально-практическій характеръ. Медицинскій факультетъ имѣлъ такой характеръ при самомъ своемъ учрежденіи. Теперь такой же характеръ принимаетъ, какъ мы сейчасъ видѣли, преподаваніе и на юридическомъ факультетѣ: этотъ факультетъ долженъ былъ выпускать не ученыхъ юристовъ, но чиновниковъ. Убѣжищемъ чистой науки остается философскій факультетъ, дѣйствительно объединявшій въ себѣ въ то время и точныя науки, и гуманитарныя, и теоретическую часть наукъ общественныхъ, и только къ 1850 году окончательно подраздѣлившійся на два самостоятельныхъ факультета: историко-филологическій и физико-математическій.

Начало сословности, положенное въ основу устава 1828 г. среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, нашло въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ свое дальнѣйшее развитіе въ мѣропріятіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по среднему образованію. Эти мѣропріятія имѣли въ виду, главнымъ образомъ, сдѣлать гимназіи доступными исключительно для дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Съ этою цѣлью плата за ученіе въ гимназіяхъ была въ 1845 г. значительно повышена. Еще ранѣе, въ 1833 г., дворянскіе пансіоны, бывшіе по уставу исключительно воспитательными учрежденіями при гимназіяхъ, стали превращаться въ самостоятельныя спеціальныя дворянскія учебныя заведенія. Ставшая теперь фактически сословно-дворянскою, гимназія попрежнему разсматривалась прежде всего, какъ подготовительная ступень къ университету. Системою, наиболѣе удовлетворявшею этому назначенію, была признана теперь классическая: новыя учебныя программы 1832 г. окончательно утверждали эту систему въ гимназіяхъ. Съ другой стороны, въ виду все болѣе и болѣе назрѣвавшей потребности создать такой типъ школы, который давалъ бы законченное среднее образованіе, въ тридцатыхъ годахъ въ отдѣльныхъ гимназіяхъ стали вводиться параллельные курсы „реальныхъ“ наукъ, освобождавшіе отъ изученія древнихъ языковъ. Впервые такіе курсы, начиная съ третьяго класса, были введены въ 1834 г. въ учебные планы С.-Петербургской Ларинской гимназіи; въ 1839 г., начиная съ четвертаго класса, въ 3-й Московской гимназіи. Въ другихъ случаяхъ вводились отдѣльные классы и уроки реальныхъ наукъ и спеціальныхъ техническихъ знаній.

Женское образованіе въ николаевское царствованіе всецѣло находилось въ вѣдѣніи IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, и женскія учебныя заведенія состояли подъ покровительствомъ императрицы. Утвердившаяся въ предшествующее царствованіе система институтскаго воспитанія получила теперь свое дальнѣйшее развитіе и широко распространилась изъ столицъ въ провинцію. Въ царствованіе императора Николая I было открыто болѣе 20 новыхъ институтовъ и другихъ приближавшихся къ нимъ, по типу, учебныхъ заведеній. Въ самые первые годы царствованія были закончены устройствомъ Патріотическій институтъ въ Петербургѣ и институтъ въ Полтавѣ. Новые институты были

учреждены: въ Петербургѣ и Москвѣ (Сиротскіе институты въ 1830 и 1831 гг.), въ Керчи (1836 г.), Астрахани (1837 г.), Бѣлостокѣ (1837 г.), Варшавѣ (1837 г.), Кіевѣ (1838 г.), Тифлисѣ (1840 г.), Казани (1841 г.), Тамбовѣ (1843 г.), Иркутскѣ (1845 г.), Новочеркасскѣ (1852 г.), Нижнемъ-Новгородѣ (1854 г.) и Саратовѣ (1854 г.). Одновременно съ этимъ были преобразованы существовавшія въ то время дѣвичьи училища и вновь устроены въ Кіевѣ, Оренбургѣ и Тобольскѣ. Во многихъ губернскихъ городахъ были устроены дома трудолюбія. Цѣлью женскаго образованія ставилось, какъ это было провозглашено въ Положеніи, данномъ Патріотическому Институту, образовать „добрыхъ женъ, попечительныхъ матерей, примѣрныхъ наставницъ для дѣтей, хозяекъ, способныхъ трудами своими и пріобрѣтенными искусствами доставлять самимъ себѣ и ихъ семействамъ средства къ существованію". Въ 1844 г. былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, комитетъ, задачею котораго являлось приноровить женское образованіе къ тому, что провозглашалось главною цѣлью женскаго воспитанія—„образованію добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ, дабы съ образованіемъ, въ надлежащей мѣрѣ, ума и сердца, воспитанницы могли приготовляться къ будущему великому ихъ назначенію". Главнымъ результатомъ работъ этого комитета, къ январю 1845 г., было раздѣленіе всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній на четыре разряда сообразно съ званіемъ и общественнымъ положеніемъ воспитанницъ, къ чему приноровлялись и учебные планы и программы каждаго изъ этихъ разрядовъ. Одновременно съ этимъ былъ учрежденъ Главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, почти совершенно оттѣснившій совѣты, существовавшіе въ то время въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и Положеніе объ управленіи ими. Программа преподаванія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ была сокращена. Были выдвинуты на первый планъ знанія, необходимыя въ домашнемъ быту. Самому занятію рукодѣліемъ былъ придалъ болѣе практическій характеръ.

Строя такъ систему народнаго образованія, Министерство Народнаго Просвѣщенія въ николаевское царствованіе послѣдовательно проводило при этомъ принципъ государственной школы и всячески старалось ограничить частныя учебныя заведенія и до-

машнее образованіе. Въ 1833 г. было запрещено открывать новые частные пансіоны въ столицахъ, а въ провинціяхъ разрѣшалось открывать ихъ лишь въ томъ случаѣ, если „не представляется возможности къ образованію юношества въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ“. Открытіе частныхъ пансіоновъ было предоставлено лишь русскимъ подданнымъ; за ними устанавливался правительственный надзоръ. Эти распоряженія и послѣдовавшія за ними другія были сведены въ 1835 г. въ общее „Положеніе о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ“. „Положеніе 1 іюля 1834 г. о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ“, тогда же распространенное и на лицъ женскаго пола, регламентировало домашнее образованіе. Званіе домашняго наставника или домашняго учителя пріобрѣталось лишь послѣ выдержанія извѣстнаго испытанія. Его могли получать лишь лица свободныхъ состояній, христіанскаго исповѣданія, доброй нравственности и преимущественно русскіе подданные. Иностранцы допускались къ педагогической дѣятельности лишь по представленіи одобрительныхъ свидѣтельствъ. Домашніе наставники и учителя считались на государственной службѣ и пользовались связанными съ этимъ преимуществами; на иностранцевъ эти права и преимущества не распространялись.

Наконецъ, въ общую систему государственной школы были введены и особыя еврейскія учебныя заведенія. Въ теченіе всего царствованія императора Николая евреи могли обучаться, безъ всякаго отличія отъ другихъ національностей, во всѣхъ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, поскольку этому не противорѣчило ихъ сословное состояніе. Съ 1835 г. Министерство Народнаго Просвѣщенія приступило къ выработкѣ плана казенныхъ еврейскихъ училищъ, цѣлью которыхъ было постепенное сближеніе евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ и „искорененіе суевѣрія и вредныхъ предразсудковъ, внушаемыхъ ученіемъ талмуда“. Съ этою цѣлью въ 1842 г. всѣ еврейскія ученыя и учебныя заведенія были подчинены надзору Министерства Народнаго Просвѣщенія, а въ 1844 г. были изданы „Положенія“ о казенныхъ еврейскихъ училищахъ, о раввинскихъ училищахъ и о еврейскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и о домашнихъ учителяхъ.

Послѣдовательно проводя принципы государственности и сословности, стараясь сдѣлать высшее общее образованіе досто-

яніемъ немногихъ и дополняя это заботами о широкомъ распространеніи практическихъ знаній, правительство въ николаевское царствованіе впервые вполнѣ опредѣленно использовало народное образованіе на окраинахъ, какъ орудіе обрусительной политики. Интересно, однако, отмѣтить, что цѣли, къ которымъ оно въ данномъ случаѣ стремилось, и средства, какія имъ избирались, въ отдѣльныхъ случаяхъ были не одинаковы. Въ Западномъ краѣ, какъ было указано выше, цѣлью была борьба съ польскимъ національнымъ движеніемъ и подавленіе польской національной идеи. Отсюда боевой характеръ русской школы на западной окраинѣ и ея нарочито вѣроисповѣдный оттѣнокъ, вплоть до наименованія, даннаго кіевскому университету. Въ Прибалтійскомъ краѣ правительство ставило себѣ задачею — постепенное устраненіе изстари сложившихся здѣсь особенностей въ строѣ учебныхъ заведеній, соединяя это съ извѣстною долею снисхожденія къ этимъ особенностямъ, въ виду офиціально признаваемой „лойяльности“ мѣстнаго населенія, за каковое въ николаевское царствованіе почиталась здѣсь, конечно, одна нѣмецкая народность. Сравнивая задачи правительства въ Западномъ краѣ и Прибалтійскихъ губерніяхъ, Уваровъ въ 1843 г. писалъ: „Гдѣ политическая вѣрность сопутствуетъ политическимъ предразсудкамъ, гдѣ чувство преданности Государю большею частью покрываетъ, такъ сказать, странность обветшалыхъ понятій, тамъ, гдѣ враждебная недовѣрчивость, пополамъ съ природною гордостью и разсчетливостью, ищетъ и находитъ въ нашей исторіи нѣсколько поводовъ думать, что просвѣщеніемъ и талантами жители Балтійскихъ береговъ, нѣкогда превышая насъ, имѣли прямое вліяніе на судьбу Имперіи, тамъ вопросъ принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ. Истинное и главное заблужденіе нѣмецкихъ губерній состоитъ въ томъ, что онѣ до сихъ поръ не постигаютъ, что Россія возмужала; онѣ видѣли въ пеленахъ нашъ государственный бытъ; весьма часто были призываемы въ пѣстуны его колыбели и въ свидѣтели всѣхъ недоумѣній, всѣхъ ошибокъ, всѣхъ колебаній нашего внутренняго образованія. Оттого, что они угнетали Россію Императрицы Анны; оттого, что они вблизи видѣли Россію Елизаветы и Екатерины II, они упорно заключаютъ, что Россія тотъ же младенецъ, къ охраненію коего и они платили дань усердія, не всегда безпристрастнаго, не

всегда безкорыстнаго. Словомъ — они не постигаютъ Россіи Николая I.... Нѣмцевъ налету схватить нельзя; противъ нихъ надобно вести, такъ сказать, осаду: они сдадутся, но не вдругъ". Сторонникъ окончательнаго сближенія Дерптскаго университета и учебныхъ заведеній дерптскаго округа съ русскими учебными заведеніями, Уваровъ, по условіямъ времени, находилъ возможнымъ лишь ихъ приготовительное преобразованіе, „предполагающее только примѣненіе нѣкоторыхъ статей изъ уставовъ россійскихъ университетовъ и училищъ". На Дерптскій университетъ отдѣльными распоряженіями, при сохраненіи его особаго устава, было распространено право министра замѣщать каѳедры по своему назначенію, были сокращены его судебныя права, были введены новыя правила для студентовъ, и было обращено вниманіе на знаніе и преподаваніе русскаго языка. Въ среднихъ и низшихъ училищахъ было точно также обращено вниманіе на усиленіе преподаванія русскаго языка, что и легло въ основу начатаго съ 1842 г. преобразованія учебныхъ плановъ дерптскаго округа.

Николай I и искусство.

Въ біографіи и обзорѣ царствованія императора Николая не можетъ быть обойдено молчаніемъ отношеніе Николая къ искусству. Личные вкусы императора Николая въ области литературы мало интересны, а отношеніе правительства къ литературѣ въ его царствованіе выражалось исключительно въ запретительныхъ мѣропріятіяхъ. Не такъ обстояло дѣло съ искусствомъ. Николай безусловно понималъ искусство, а въ одной области, именно въ архитектурѣ, былъ къ тому же и самъ хорошимъ спеціалистомъ. Его любовь къ искусству претворялась въ рядъ положительныхъ правительственныхъ начинаній и мѣропріятій, направленныхъ на поощреніе художественной и строительной дѣятельности. Царствованіе этого послѣдняго, въ полномъ смыслѣ слова, самодержца было и послѣднею эпохою существованія офиціальнаго искусства. На офиціальномъ искусствѣ николаевскаго времени отразились, конечно, прежде всего личные художественные вкусы императора; на этомъ искусствѣ чувствуется, однако, и тотъ глубокій процессъ внутренней перестройки, который происходилъ въ это время въ русскомъ обществѣ. Умираніе классицизма и его смѣна эклектизмомъ и національными, хотя и ложно понятыми, исканіями символично для николаевской эпохи, когда разлагались сословныя перегородки, и нарождалась безсословная интеллигенція, преграду чему ставила вся николаевская система, но съ чѣмъ въ отдѣльныхъ случаяхъ она сама не могла не считаться. Николаевская политика въ области народнаго просвѣщенія и въ области вѣроисповѣдныхъ вопросовъ — яркое выраженіе идеаловъ николаевскаго царствованія. Судьбы офиціальнаго искусства въ это царствованіе—символъ всей николаевской эпохи въ ея полномъ объемѣ.

Принципъ служенія искусства государству проводился въ широкихъ размѣрахъ въ николаевское царствованіе. Какъ и въ предшествующія эпохи, это выражалось въ заботахъ правительства о художественномъ образованіи, въ порученіи крупныхъ строительныхъ заказовъ выдающимся художественнымъ силамъ того времени, наконецъ, въ поощреніи тѣхъ художественныхъ направленій, которыя, въ идейномъ отношеніи, соотвѣтствовали основнымъ началамъ николаевской политики. Въ сравненіи съ предшествующими эпохами—Екатерины II и Александра I—всѣ эти начинанія отмѣчены менѣе широкимъ размахомъ, что зависѣло зачастую прямо отъ финансовыхъ условій; съ другой стороны, на всѣхъ этихъ начинаніяхъ въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ въ предшествующее царствованіе, лежитъ отпечатокъ личныхъ вкусовъ и личной воли императора. Николай I любилъ искусство и считалъ себя по своему положенію призваннымъ быть его руководителемъ. Выступая въ такой роли, онъ не былъ склоненъ считаться съ личными замыслами художника и подчинялъ ихъ, и притомъ очень круто, своей волѣ, волѣ державнаго заказчика. Въ своемъ отношеніи къ искусству онъ руководился порою не только художественными соображеніями, но и личными и политическими симпатіями и антипатіями. Личный вкусъ государя нерѣдко рѣшалъ, и иногда роковымъ образомъ, судьбу капитальныхъ памятниковъ искусства. Но императоръ понималъ образовательное значеніе искусства. Онъ былъ озабоченъ сохраненіемъ памятниковъ художественной старины, хотя и не всегда шелъ въ этомъ отношеніи по вѣрному пути, а его строительная дѣятельность составила эпоху въ исторіи новаго русскаго зодчества. Наконецъ, его имя связано съ созданіемъ главнаго художественнаго хранилища въ Россіи — Императорскаго Эрмитажа.

Разсадникъ художественнаго образованія, Академія Художествъ, въ 1850 г. изъ вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія перешла въ вѣдѣніе Министерства Двора, что благопріятно отразилось на матеріальномъ положеніи этого учрежденія. Штаты Академіи были увеличены, и это дало возможность поставить болѣе широко дѣло ежегодныхъ отправокъ молодыхъ художниковъ для довершенія ихъ художественнаго образованія за-границу, въ Италію. Нѣкоторымъ изъ заграниц-

ныхъ пансіонеровъ Академіи, какъ напр., Ѳ. Бруни и К. Брюллову, скульпторамъ Логановскому, бар. Клодту и Рамазанову, по возвращеніи ихъ изъ-за границы, равно какъ и художникамъ болѣе старшаго поколѣнія, были поручены крупные художественные заказы, главнымъ образомъ, въ двухъ строившихся въ николаевское царствованіе храмахъ — въ Исаакіевскомъ соборѣ въ Петербургѣ и въ Храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ. Въ Римѣ была устроена особая мозаичная мастерская, въ которой обучались русскіе художники, что также стояло въ связи съ мозаичными работами для двухъ названныхъ храмовъ. Вскорѣ эта мастерская была переведена въ Петербургъ и составила мозаичное отдѣленіе Академіи Художествъ, помѣщавшееся въ то время на стеклянной мануфактурѣ. Для мозаичныхъ работъ были вызваны первоначально итальянскіе мастера (Рафаели, братья Бонафеде, Рубиконди) и русскіе, обучавшіеся этому дѣлу за границей—Е. Солнцевъ, В. Раевъ, Шаповаловъ и Ѳедоровъ. Вскорѣ мозаичное отдѣленіе стало выпускать своихъ собственныхъ мастеровъ—Аминева, Бурухина, П. Васильева, Голубцева, Фролова и др. Въ 1843 г. было упразднено существовавшее при Академіи закрытое воспитательное училище. Это лишило внутреннюю жизнь Академіи прежней замкнутости и позднѣе облегчило доступъ въ нее новымъ вѣяніямъ. Частичными измѣненіями преподаваніе въ Академіи было расширено, чѣмъ была подготовлена почва для новаго устава, введеннаго нѣсколько позднѣе, въ 1859 г. Благоволеніе императора Николая къ Академіи выразилось въ назначеніи ея президентомъ въ 1843 г., послѣ смерти много сдѣлавшаго для Академіи А. Н. Оленина, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, а послѣ смерти герцога въ 1852 г. — его супруги, великой княгини Маріи Николаевны. Большое значеніе въ дѣлахъ Академіи имѣлъ въ николаевское царствованіе ея вице-президентъ (съ 1828 г.) скульпторъ гр. Ѳ. П. Толстой и конференцъ-секретарь В. И. Григоровичъ.

Крупнымъ художественнымъ начинаніемъ императора Николая было учрежденіе Императорскаго Эрмитажа. Богатое дворцовое собраніе художественныхъ сокровищъ, основанное Екатериною Великою и значительно расширенное многочисленными пріобрѣтеніями при Александрѣ I, по мысли Николая I, было превращено въ національный музей, доступный для публики.

Для лучшаго размѣщенія коллекцій было сооружено, по проекту вызваннаго въ 1840 г. изъ Мюнхена знаменитаго архитектора Лео фонъ-Кленце, новое зданіе, на мѣстѣ прежняго Шепелевскаго дома, занявшее все пространство отъ Невы до Милліонной улицы и отъ деламоттова павильона Зимняго дворца до Зимней канавки. Для систематическаго разбора сокровищъ, частью собранныхъ въ покояхъ екатерининскаго Эрмитажа (корпусъ, выходящій на Неву), частью разсѣянныхъ по различнымъ дворцамъ, была назначена особая комиссія, составленная изъ профессоровъ Бруни и Басина. Какъ въ работахъ этой комиссіи, такъ и въ сооруженіи зданія Николай Павловичъ принималъ самое живое участіе. Въ теченіе всего его царствованія эрмитажныя коллекціи обогащались новыми пріобрѣтеніями: въ 1829 г.—изъ мальмезонской галлереи королевы Гортензіи, въ 1831 г.—изъ галлереи принца Годоя, въ 1836 г.—купленными у Кузвельта, въ 1845 г.—по завѣщанію Д. П. Татищева и, главное, въ 1850 г. изъ галлереи Барбариго въ Венеціи. Бывали, однако, въ царствованіе Николая въ жизни Эрмитажа и менѣе счастливыя минуты. Въ 1853 г. эрмитажныя коллекціи были подвергнуты новому разбору, и для распродажи второстепенныхъ произведеній въ іюнѣ 1854 г. былъ устроенъ аукціонъ. На этомъ аукціонѣ было сбыто за безцѣнокъ не мало первоклассныхъ произведеній, какъ напримѣръ, пріобрѣтенныя въ свое время изъ галлерей Брюля и Барбариго, изъ которыхъ лишь немногія позднѣе снова вернулись въ Эрмитажъ за цѣну, во много разъ превосходящую вырученное за нихъ на аукціонѣ.

Выше уже было сказано объ учрежденіи въ николаевское царствованіе археологическихъ обществъ — Императорскаго Русскаго Археологическаго и Одесскаго Исторіи и Древностей, тогда же заявившихъ себя цѣнными изданіями. При сочувственномъ отношеніи со стороны правительства и при пробужденіи въ самомъ обществѣ интереса съ памятникамъ русской старины, стало возможно появленіе въ концѣ николаевскаго царствованія и такихъ капитальныхъ для уразумѣнія русскаго художественнаго прошлаго изданій, какъ „Древности Россійскаго Государства“ (1849—1853), „Памятники московскихъ древностей“ (изд. И. М. Снегиревымъ съ 1842 по 1845 г.), „Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества“ и др.

Областью искусства, наиболѣе близкой сердцу императора Николая, какъ приходилось уже отмѣчать, было строительство. Самъ хорошій рисовальщикъ и инженеръ, онъ живо интересовался возводимыми въ его время постройками—какъ въ столицахъ и резиденціяхъ, такъ и въ провинціи. На его утвержденіе восходили проекты всѣхъ строившихся въ Петербургѣ общественныхъ зданій и многихъ частныхъ. Строго регламентировано было строительство и въ любимой резиденціи государя—Петергофѣ.

Въ цѣломъ, архитектура николаевскаго царствованія отличается меньшимъ единствомъ художественнаго стиля, чѣмъ архитектура предшествовавшаго царствованія; на ней отразилось характерное вообще для европейскаго искусства тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ разложеніе строго-классическаго стиля и увлеченіе одновременно различными художественными теоріями и направленіями. Личные вкусы государя и въ этомъ отношеніи имѣли рѣшающее значеніе. Поклонникъ строгаго этикета во всѣхъ официальныхъ выступленіяхъ, Николай I въ общественныхъ сооруженіяхъ предпочиталъ строгія холодныя монументальныя формы. Въ началѣ его царствованія преобладаетъ классическій стиль (empire), столь блестяще развернувшійся въ русской архитектурѣ еще въ александровское царствованіе. Съ тридцатыхъ годовъ начинаются попытки возрожденія „русскаго“ стиля, однако еще въ очень условныхъ формахъ. Въ своихъ частныхъ постройкахъ, какъ и въ своей личной и семейной жизни, Николай Павловичъ искалъ большей простоты и уютности. Лишь въ послѣдніе годы своего царствованія онъ съ особою роскошью отдѣлываетъ помѣщенія, предназначавшіяся для его дѣтей. Въ дворцовыхъ постройкахъ николаевскаго царствованія строгія классическія формы, послѣ недолговременнаго увлеченія „готикой“, скоро уступаютъ мѣсто возродившемуся стилю „ренессансъ“ и „помпейскому“, а позднѣе—„рококо“. Въ особенности послѣ поѣздки въ 1845 г. въ Италію у Николая Павловича развивается любовь къ легкой архитектурѣ итальянскихъ виллъ.

Въ началѣ николаевскаго царствованія подвизались еще нѣкоторые изъ выдающихся архитекторовъ александровскаго времени—Росси, В. Стасовъ, Лукини, Смарагдъ Шустовъ. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ этими художниками былъ

выполненъ въ Петербургѣ рядъ правительственныхъ заказовъ, завершившихъ общій архитектурный ансамбль сѣверной столицы въ духѣ строгаго классицизма. Въ 1829—1834 гг. Росси были сооружены соединенныя аркою зданія Сената и Синода, составившія достойный pendant къ захаровскому Адмиралтейству. Одновременно съ этимъ Лукини были возведены: домъ таможеннаго присутствія (нынѣ морская таможня) и корпуса по сторонамъ Биржи, что, вмѣстѣ съ самою Биржею Томона, создало такое же архитектурное цѣлое на сліяніи Большой и Малой Невы, какое выростало на противоположной сторонѣ. Въ тѣ же годы (1827—1832) Росси было создано другое законченное художественное цѣлое — Александринскій театръ и зданія Театральной улицы, съ чѣмъ гармонировалъ относящійся къ тому же времени и принадлежащій также Росси, выходящій на площадь фасадъ Публичной Библіотеки. Въ тяжелыхъ формахъ строго-классическаго стиля В. Стасовымъ были возведены памятники военныхъ тріумфовъ 1826—1831 гг.: тріумфальныя ворота за Московской заставой (1833—1838 гг.) и Спасо-Преображенскій соборъ (1826—1828 гг.), а также Троицкій соборъ въ Измайловскомъ полку (1824 — 1835 гг.). Въ зелени петербургскихъ „острововъ“ тотъ же стиль, сохраняя свою выдержанность, принималъ болѣе легкія очертанія — Каменноостровскій театръ, постройка С. Шустова (1827 г.). Къ 1829 г. Росси, закончивъ сооруженіе зданій и арокъ Главнаго Штаба, замкнулъ Дворцовую площадь. „Петра твореніе“ окончательно приняло свой „строгій, стройный видъ“.

Новыя теченія въ николаевскомъ строительствѣ начинаютъ опредѣляться со второй половины тридцатыхъ годовъ. Съ одной стороны, подъ вліяніемъ усилившагося въ то время интереса къ отечественному прошлому и къ памятникамъ русской старины, начинаются попытки возрожденія русскаго національнаго архитектурнаго стиля; съ другой стороны, выдержанный классическій стиль уступаетъ мѣсто новымъ вліяніямъ, шедшимъ съ Запада. Зодчимъ, пытавшимся возродить древне-русскія архитектурныя формы — плохо къ тому же понятыя — былъ К. А. Тонъ. Попытка примѣнить эти формы къ дворцовому строительству, при постройкѣ Большого Кремлевскаго дворца въ Москвѣ, повидимому, не удовлетворила императора Николая. Въ Петербургѣ русскія архитектурныя формы совер-

шенно уже не гармонировали съ общимъ обликомъ гражданской архитектуры. Національный стиль утверждается въ церковномъ зодчествѣ; въ дворцовыхъ постройкахъ попрежнему примѣняются западно-европейскія архитектурныя формы.

Дворцовое строительство въ николаевское царствованіе оживляется съ конца тридцатыхъ годовъ — когда, послѣ пожара 1837 г., былъ заново отдѣланъ Зимній дворецъ и когда, по повелѣнію государя, въ Петербургѣ и окрестныхъ резиденціяхъ былъ возведенъ рядъ дворцовыхъ построекъ для дѣтей Его Величества. Въ богатой отдѣлкѣ залъ Зимняго дворца, порученной Стасову и ряду другихъ архитекторовъ (Александръ Брюловъ, А. Штаубертъ, Монферанъ и др.), строгія классическія формы разнообразятся мотивами, эклектически заимствованными изъ различныхъ стилей: помпейскій орнаментъ и карнизы въ духѣ итальянскаго ренессанса, каріатиды и славянскіе доспѣхи. Типичнымъ представителемъ этого эклектизма, столь характернаго для николаевской эпохи, былъ неизмѣнно пользовавшійся благоволеніемъ государя архитекторъ Штакеншнейдеръ. Имъ были построены дворцы: для вел. кн. Маріи Николаевны, Маріинскій, нынѣшнее зданіе Государственнаго Совѣта, лучшій образецъ николаевской дворцовой архитектуры, и для великихъ князей: Николая Николаевича, нынѣ Ксеніинскій институтъ, и Михаила Николаевича, на Дворцовой набережной, и рядъ дворцовыхъ строеній въ Петергофѣ: павильоны на Ольгиномъ островѣ, на Царицыномъ островѣ и Озерки, Бельведеръ на Бабьемъ-гонѣ и Собственная Его Величества дача. Вызванный въ 1840 г. для постройки Эрмитажа, Лео фонъ-Кленце далъ Петербургу законченный образецъ нео-греческаго стиля. Въ отдѣльныхъ постройкахъ въ Петергофѣ (царскія конюшни раб. Н. Бенуа; построенная еще около 1833 г. берлинскимъ архитекторомъ Шинкелемъ церковь въ Александріи и нѣкоторыя другія) не безъ успѣха примѣнена готика. Все это придавало николаевской архитектурѣ своеобразный отпечатокъ, хотя и не такой выдержанный и строгій, какой лежитъ на архитектурѣ александровской эпохи. Архитектурный эклектизмъ дворцоваго строительства дѣлается образцомъ для подражанія въ частныхъ постройкахъ. Ему слѣдуетъ сперва знать, затѣмъ и болѣе мелкіе собственники. Въ концѣ николаевскаго царство-

ванія постепенно подготовляется измѣненіе всего архитектурнаго облика Петербурга.

Еще во вторую половину александровскаго царствованія были начаты постройкою новый Исаакіевскій соборъ въ Петербургѣ (съ 1816 г.) и, послѣ 1812 г., Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Исаакіевскій соборъ, законченный лишь въ 1857 г., строился Монферраномъ по планамъ и рисункамъ, утвержденнымъ еще Александромъ I, но видоизмѣнявшимся позднѣе сообразно новымъ архитектурнымъ вѣяніямъ. Только къ 1842 г. былъ выработанъ проектъ внутренней архитектуры храма; сравнительно съ первоначальнымъ замысломъ, все зданіе получило болѣе роскошную и болѣе тяжелую отдѣлку. Живопись и скульптурныя украшенія храма, порученныя художникамъ: К. Брюлову, Бруни, Басину, Шебуеву, Завьялову, А. Маркову, Н. Майкову и др., и скульпторамъ Витали, бар. Клодту и Логановскому, въ цѣломъ, должны были выражать торжество вѣры и защиту церкви государствомъ. Больше измѣненій претерпѣла въ николаевское царствованіе постройка Храма Христа Спасителя. Первоначальный проектъ храма въ классическомъ стилѣ архитектора А. Витберга въ 1832 г. былъ оставленъ, и высочайшаго утвержденія удостоился планъ академика Тона въ „византійско-русскомъ“ стилѣ. Къ 1853 г. была закончена кладка стѣнъ и куполовъ храма, и еще съ 1843 г. было приступлено къ скульптурнымъ работамъ, порученнымъ Клодту, Логановскому и Рамазанову. Программа художественныхъ украшеній храма, воздвигавшагося въ память 1812 г., должна была выражать прославленіе молитвенниковъ и заступниковъ за Землю Русскую—ея подвижниковъ православія и ея князей. Проектъ Тона очень понравился императору Николаю, и, по порученію государя, Тономъ былъ возведенъ въ Петербургѣ рядъ церковныхъ построекъ, частью по образцу Храма Христа Спасителя (ц. Введенія въ Семеновскомъ полку, ц. св. Екатерины на Петергофскомъ проспектѣ), частью въ ложно истолкованномъ стилѣ русскихъ шатровыхъ церквей (ц. Благовѣщенія въ Конногвардейскомъ, ц. св. Миронія въ Егерскомъ полку). Тоновскій „національный“ стиль получаетъ съ этого времени официальную санкцію въ церковномъ зодчествѣ, окончательно вытѣсняя отсюда классицизмъ, послѣднимъ отголоскомъ котораго былъ монферановскій Исаакіевскій соборъ.

Кодификація.

Мысль о кодификаціи законовъ, восходящая въ своемъ первомъ возникновеніи къ началу XVIII вѣка, пробуждается въ николаевское царствованіе впервые, какъ мы знаемъ, еще до учрежденія Второго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, въ которомъ и сосредоточились съ 1826 г. главныя кодификаціонныя работы.

По мысли Сперанскаго, высказанной имъ въ его запискѣ, представленной императору Николаю еще до учрежденія этого Отдѣленія, задача предполагаемыхъ кодификаціонныхъ работъ должна была состоять: въ скорѣйшемъ изданіи свода законовъ гражданскихъ, уголовныхъ, полицейскихъ и хозяйственныхъ; въ изданіи учебной книги законовъ судебныхъ; въ изданіи полнаго собранія законовъ въ хронологическомъ порядкѣ, и въ составленіи уложеній гражданскаго и уголовнаго. Самъ государь не вполнѣ согласился съ этими мыслями и пожелалъ, чтобы сперва былъ сдѣланъ сводъ законовъ, а составленіе уложеній до поры до времени было бы отложено. Эти пожеланія и легли въ основу работъ вновь учрежденнаго Второго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи. Планъ работъ этого отдѣленія такъ былъ намѣченъ Сперанскимъ въ составленномъ имъ „Наставленіи II-му отдѣленію..:“ „Двѣ главныя работы составляютъ настоящій предметъ II-го отдѣленія: 1) Составленіе сводовъ на законы земскіе; 2) Изданіе всѣхъ вообще законовъ, доселѣ состоявшихся, въ видѣ полнаго собранія, по порядку времени“. Приступивъ къ своимъ занятіямъ, II Отдѣленіе начало одновременно работы по собранію и изданію законовъ, а также и по составленію подготовительныхъ сводовъ. Въ основу собранія законовъ было положено—раздѣлить все собраніе на

двѣ эпохи: отъ Уложенія царя Алексѣя до 12 декабря 1825 г., дня изданія перваго манифеста о вступленіи на престолъ Императора Николая I, и съ 12 дек. 1825 г. до даннаго времени, продолжая затѣмъ ежегоднымъ изданіемъ законовъ минувшаго года. Такъ намѣтилось изданіе 1-го и 2-го Полнаго Собранія Законовъ.

Къ работамъ по Первому Собранію было приступлено 25 апрѣля 1826 г. Для его составленія были предприняты значительныя архивныя разысканія, въ результатѣ чего число указовъ, полученныхъ II Отдѣленіемъ отъ бывшей Комиссіи составленія законовъ, 18.025 возросло до 30.920. Старательно разыскивая указы, Сперанскій обратилъ вниманіе, чтобы сюда вошли также трактаты съ иностранными державами, а также чертежи, рисунки и планы, относящіеся къ различнымъ узаконеніямъ. При изданіи было принято за правило: вносить всѣ постановленія, исходящія къ исполненію отъ верховной власти и отъ учрежденныхъ ею мѣстъ и постановленій, не исключая и утратившихъ силу; вносить судебныя рѣшенія, получившія затѣмъ значеніе общихъ образцовъ; не помѣщать указовъ, назначенныхъ въ свое время къ уничтоженію и отобранію, если затѣмъ они не были возстановлены; въ послѣднемъ случаѣ помѣчать какъ указы, ихъ отмѣнившіе, такъ и снова возстановившіе. На основаніи послѣдняго, по особому каждый разъ высочайшему повелѣнію, въ 1-е Полное Собраніе не вошли: формула присяги 21 февраля 1730 г., манифесты 5 и 17 октября 1740 г., проектъ манифеста 6 іюля 1762 года и нѣкоторые другіе. Къ 15 марта 1829 г. было напечатано четыре первыхъ тома, къ 1 апрѣля 1830 г. всѣ 45 томовъ, въ 48 книгахъ, 1-го Полнаго Собранія Законовъ. Немедленно послѣ этого было приступлено къ изданію 2-го Полнаго Собранія, весь матеріалъ для котораго, по 1-е января 1830 г., къ концу 1830 г. былъ уже собранъ. По представленію Сперанскаго, удостоившемуся высочайшаго утвержденія, во 2-е Полное Собраніе впервые была внесена аккерманская конвенція 1826 г., въ свое время лишь сообщенная нашимъ миссіямъ при иностранныхъ дворахъ и обнародованная въ пограничныхъ съ Турціей областяхъ, но зато не были внесены многіе отдѣльные акты, а также всѣ постановленія, рескрипты и повелѣнія съ помѣтою: сообщить оныя, куда слѣдуетъ, письменно или безъ огласки. Къ 1832 г. было

издано 6 томовъ, въ 8 книгахъ, 2-го Полнаго Собранія, заключавшихъ въ себѣ 5.073 указа.

Одновременно съ этимъ шли работы по изданію Свода Законовъ. Какого либо предварительнаго общаго плана работъ въ письменномъ видѣ не сохранилось. Самый матеріалъ въ Сводѣ былъ расположенъ по слѣдующимъ категоріямъ: 1) законы, опредѣляющіе союзъ государственный: а) порядокъ, коимъ верховная власть образуется и дѣйствуетъ; б) органы дѣйствія этой власти; в) силы, предназначаемыя для сего дѣйствія (повинности и уставы казеннаго управленія), г) участіе подданныхъ въ составѣ этихъ органовъ и силъ (законы о состояніяхъ); 2) законы, опредѣляющіе союзъ гражданскій: а) отношенія семейственныя и имущественныя и гражданское судопроизводство; б) порядокъ дѣйствія имущественныхъ правъ въ особомъ ихъ отношеніи къ государственному и частному кредиту, торговли и промышленности; 3) уставы благочинія и уголовные. Предварительно изготовлялись историческіе своды по главнымъ предметамъ законодательства, изъ которыхъ устранялось лишь все недѣйствующее. Историческіе своды были составлены не ко всѣмъ частямъ законодательства. Къ іюню 1827 г. эта работа въ значительной степени была уже закончена. Съ августа 1826 г. было приступлено къ составленію частей догматическаго свода въ значительной степени на основаніяхъ историческихъ. Здѣсь уже исключались повторенія, сокращалось многословіе и изъ нѣсколькихъ противорѣчащихъ законовъ выбирался позднѣйшій безъ его принципіальной оцѣнки. Въ отдѣльныхъ случаяхъ приходилось, конечно, прибѣгать и къ самостоятельному истолкованію текста. Самое сведеніе воедино отдѣльныхъ указовъ и законовъ и даже простой пересмотръ ихъ редакціи вносилъ иногда измѣненія въ ихъ смыслъ. Такъ, новая редакція, какую получилъ въ Сводѣ законъ императора Павла о престолонаслѣдіи, внесла нѣкоторую неясность въ пунктъ о наслѣдованіи по женской линіи, которая, по мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей, можетъ быть устранена лишь соотвѣтствующимъ законодательнымъ актомъ [1]). Есть, наконецъ, въ Сводѣ и такія статьи, которыя не находятъ себѣ источниковъ въ Полномъ Собраніи, и заимствованіи изъ иностранныхъ законодательствъ.

[1]) К. Зайцевъ. Къ вопросу о порядкѣ престолонаслѣдія въ Россіи.— „Право“ 1912, № 12.

23 апрѣля 1828 г. былъ составленъ комитетъ для провѣрки Свода, куда вошли сенаторы Болгарскій и Челищевъ, одинъ изъ оберъ-прокуроровъ сената, одинъ изъ директоровъ департамента Министерства Юстиціи, одинъ юрисконсультъ и одинъ оберъ-секретарь по назначенію министра юстиціи. Занятія этого комитета начались лишь въ августѣ 1829 г. Одновременно съ этимъ отдѣльныя части сводовъ разсылались по соотвѣтствующимъ министерствамъ для ихъ предварительнаго обозрѣнія. Всѣ эти предварительныя работы были закончены къ 1830 г., и тогда было приступлено къ печатанію Свода. Предѣльною датою для него было взято начало 1832 г. Къ концу 1832 г. были закончены печатаніемъ всѣ 15 томовъ Свода, и 19 января 1833 г. онъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Императоръ Николай I самъ открылъ это засѣданіе рѣчью, которая въ бумагахъ Сперанскаго приводится такъ:

„Его Величество изъяснилъ Совѣту, что при самомъ восшествіи на престолъ онъ счелъ долгомъ обратить вниманіе на разныя части управленія, о коихъ не имѣлъ почти никакого свѣдѣнія. Первый предметъ, къ коему Государь Императоръ *по важности онаго* устремилъ все свое вниманіе, было правосудіе, составляющее, такъ сказать, первую надобность всякаго государства. Его Величество съ самой молодости своей слышалъ о недостаткахъ у насъ въ ономъ, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о неимѣніи полныхъ законовъ или о смѣшеніи оныхъ, отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко одинъ другому противорѣчащихъ. Сіе побудило Государя Императора съ первыхъ дней правленія Его разсмотрѣть, въ какомъ состояніи находится комиссія, для составленія законовъ учрежденная. Къ сожалѣнію, представленныя свѣдѣнія удостовѣрили Его Величество, что труды комиссіи сей не имѣли никакихъ послѣдствій. Не трудно было открыть, что сіе главнѣйше происходило отъ того, что всегда обращались къ составленію новыхъ законовъ, а не къ соглашенію на твердыхъ началахъ старыхъ. Посему Государь Императоръ признать за благо изволилъ прежде всего опредѣлить, къ чему по законодательству правительство должно направлять свои виды, и вслѣдствіе сего Его Величество обратиться изволилъ къ началамъ, противоположнымъ тѣмъ, коими комиссіи, для составленія законовъ доселѣ учреждаемыя, руководствовались, то-есть, чтобы не созидать новыхъ законовъ,

но привести въ порядокъ старые. Соотвѣтственно сему положено было раздѣлить труды на 3 разныя и постепенныя дѣйствія, а именно: 1) обозрѣть то, что нынѣ существуетъ, т.-е. собрать всѣ указы и привесть оные въ хронологическій порядокъ. *Сіе исполнено и напечатано 48 томовъ собранія указовъ, которое въ присутствіи Совѣта находится*; 2) составить изъ всѣхъ многочисленныхъ указовъ своды тѣхъ узаконеній, которыя дѣйствительно силу нынѣ имѣютъ. *Сіе второе предположеніе Его Величества исполнено нынѣ по Высочайшему повелѣнію* и внесенъ въ Государственный Совѣтъ сводъ законовъ; 3) по окончаніи второй части работы, когда сдѣлается извѣстнымъ, что мы имѣемъ и въ чемъ могутъ состоять недостатки наши, приступить къ усовершенствованію и дополненію законовъ. Симъ Государь Императоръ занимался, симъ занимается нынѣ и впредь непрестанно заниматься будетъ, и Государственный Совѣтъ доселѣ всякій годъ разсматривалъ многія постановленія, всегда ту цѣль имѣвшія, чтобы исправлять открывающіеся въ узаконеніяхъ нашихъ недостатки, нужными поясненіями и дополненіями. Въ семъ состояли Его распоряженія, и Второму Отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи, замѣнившему собою комиссію составленія законовъ, предоставлено было исполненіе начертаннаго плана“.

„Но прежде, нежели Государь Императоръ предложить изволитъ цѣль настоящаго созыва Государственнаго Совѣта, Его Величество призналъ за благо упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ. Въ Сводѣ помѣщены, по собственному Его Величества повелѣнію, основные законы, собственно до него и до Августѣйшаго дома Его относящіеся. Всѣмъ извѣстны разныя превращенія, въ наслѣдствѣ престола происходившія. Блаженной памяти Императоръ, Родитель Его, установилъ первый на твердыхъ основаніяхъ права наслѣдія и издалъ учрежденіе объ Императорской Фамиліи, которое Онъ, такъ сказать, освятилъ, положивъ на Престолъ въ Успенскомъ Соборѣ. Такъ императоръ Александръ I дополнилъ постановленія сіи, когда великій князь Константинъ Павловичъ сочетался бракомъ съ княгиней Ловичъ. Такъ Самъ Государь Императоръ дополнилъ узаконенія сіи постановленіемъ о правителѣ государства. Акты, кои также освящены тѣмъ, что тамъ же, гдѣ и первые Императора Павла I, находятся. Государь Императоръ счелъ нужнымъ сіи

основные законы, впрочемъ, уже давно изданные и всѣмъ извѣстные, соединить нынѣ вмѣстѣ".

По вопросу о томъ, въ какомъ отношеніи долженъ былъ стоять новый Сводъ Законовъ къ дѣйствующему законодательству, голоса въ Государственномъ Совѣтѣ раздѣлились. Государь предложилъ Государственному Совѣту на разсмотрѣніе слѣд. вопросы: 1) Признать ли статьи Свода единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи дѣлъ, такъ чтобы текстъ законовъ служилъ только доказательствомъ источниковъ, изъ коихъ статьи составлены, но не былъ бы самъ собою въ дѣлахъ употребляемъ? 2) Признать ли статьи Свода закономъ дѣйствующимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постановить, чтобъ въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ можно было обращаться къ самому тексту закона и въ немъ искать разрѣшенія? 3) Признать ли прежній текстъ закона единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ рѣшенія, а статьи Свода считать токмо средствомъ совѣщательнымъ къ пріисканію ихъ и познанію ихъ смысла? 4) Признать ли въ теченіе нѣкотораго времени текстъ закона основаніемъ къ рѣшенію, какъ онъ признается и нынѣ, но въ то же время постановить, чтобы вмѣстѣ съ нимъ приводимы были статьи Свода, имъ соотвѣтствующія?

Девятнадцать членовъ Совѣта подали голосъ за первое рѣшеніе; 13, и въ томъ числѣ Сперанскій—за второе. Результатомъ этого было постановленіе—Сводъ Законовъ издать нынѣ же и разослать во всѣ присутственныя мѣста; при семъ изданіи объявить, что Сводъ содержитъ одни дѣйствующія только нынѣ узаконенія, и что черезъ два года, т.-е. съ 1-го января 1835 года, получитъ онъ исключительную силу закона. Министру юстиціи составить положеніе, какимъ образомъ учреждена быть можетъ, на основаніи предыдущихъ статей, негласная ревизія въ удостовѣреніе, не откроется ли при производствѣ дѣлъ противорѣчій или неясности въ Сводѣ Законовъ, или же пропусковъ, изъясненія и дополненія требующихъ. Департаменту законовъ предоставить разсмотрѣть совмѣстно съ министромъ юстиціи какъ упомянутый проектъ положенія для предполагаемой ревизіи, такъ и проектъ манифеста, при коемъ Сводъ Законовъ имѣетъ быть изданъ, и заключеніе департамента законовъ внести на уваженіе общаго собранія Государственнаго Совѣта. Это постановленіе было утверждено государемъ. Обнародованный

манифестъ о Сводѣ Законовъ помѣченъ 31 января 1833 г. Одновременно съ этимъ министру юстиціи Д. В. Дашкову было сообщено объ учрежденіи негласной ревизіи Свода для удостовѣренія, нѣтъ ли въ немъ противорѣчій или пропусковъ. Изъ получившихся отсюда примѣчаній и изъ измѣненій по новымъ постановленіямъ возникали „Продолженія“ Свода, которыя въ царствованіе Николая издавались ежегодно съ 1834 по 1839 г. включительно. Къ 1840 гр. Д. Н. Блудовъ представилъ соображенія о новомъ изданіи Свода и возбуждалъ вопросъ, издавать ли Сводъ въ прежней формѣ или въ формѣ уложеній. Императоръ положилъ резолюцію: „необходимо издать по-прежнему.“ Новое изданіе 1842 г. было лишь подновленіемъ стараго въ смыслѣ внесенія въ него позднѣйшихъ узаконеній, но, какъ общее правило, не позже 1 іюля 1842 г.; оно было обнародовано 4 марта 1843 г.

За труды по составленію Свода Законовъ Сперанскій былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, знаки котораго императоръ Николай, снявъ съ себя, самъ возложилъ на него въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 19 января. Нѣсколько позднѣе, 1 января 1839 г., незадолго до смерти, Сперанскій былъ возведенъ въ графское достоинство.

Послѣ изданія Свода Сперанскій считалъ благовременнымъ приступить къ его дальнѣйшему усовершенствованію, а для этого начать съ обозрѣнія главныхъ предметовъ и разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые, ранѣе начатые, остались неоконченными, но которые составляютъ самыя существенныя начала государственнаго управленія. Государь приказалъ начать съ Уголовнаго Уложенія, что и было возложено на самого Сперанскаго и министра юстиціи Д. В. Дашкова. 26 ноября 1839 г., менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ Сперанскаго, умеръ и Дашковъ, и дѣло изданія Уголовнаго Уложенія перешло въ руки гр. Д. Н. Блудова. Для приведенія этого дѣла въ исполненіе Блудовымъ была намѣчена очень широкая программа: рѣшено было выбрать и систематизировать всѣ узаконенія о преступленіяхъ и наказаніяхъ изъ Полнаго Собранія Законовъ и Свода; сдѣлать извлеченія изъ замѣчаній на XV томъ Свода (законы уголовные); сочинить историческое обозрѣніе русскаго уголовнаго права; составить за нѣсколько лѣтъ табель уголовныхъ дѣяній; составить сравнительное обозрѣніе многихъ западно-

европейскихъ кодексовъ и проектовъ кодексовъ. Императоръ Николай одобрилъ эту программу, но установилъ: не созидать новаго уложенія, а только привести въ надлежащее между собою соглашеніе разнородныя части онаго на одинакихъ началахъ и въ одномъ духѣ: устранить всякую неточность выраженій и самихъ положеній и сдѣлать всѣ требуемыя временемъ и указанныя опытомъ дополненія. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ было утверждено 15 августа 1845 г.

Наконецъ, одновременно съ изданіемъ Свода и Уголовнаго Уложенія въ николаевское царствованіе былъ изданъ цѣлый рядъ собраній и сводовъ узаконеній по отдѣльнымъ частямъ, а также предпринимались работы по кодификаціи мѣстнаго права. Всѣ эти изданія и работы, въ большинствѣ случаевъ, выходили точно также изъ Второго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи. 25 іюня 1839 г. былъ изданъ сводъ военныхъ постановленій, составленный по плану ген.-маіора Дм. Ив. Ахшарумова подъ руководствомъ Сперанскаго, а позднѣе выпускались періодическія его продолженія. Тотчасъ послѣ его изданія было приступлено къ работамъ по изданію военноуголовнаго устава. Въ 1845 г. эти работы замедлились изданіемъ Уголовнаго Уложенія и не были доведены до конца въ царствованіе Николая I. Въ 1837 г. былъ изданъ составленный Сибирскимъ Комитетомъ „Сводъ степныхъ законовъ кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири“. Послѣ закрытія Комитета (1838 г.) это изданіе было пересмотрѣно II Отдѣленіемъ, дополнено примѣчаніями и историческимъ обозрѣніемъ и снова издано въ 1841 г. 7-го октября 1848 г. былъ изданъ общій счетный уставъ, а 15 іюня 1851 г. — уставъ о земскихъ повинностяхъ. Съ 1836 г. были начаты работы по „Полному собранію духовныхъ узаконеній въ Россіи со временъ учрежденія Святѣйшаго Синода“, но самое изданіе этого Собранія, по высочайшему повелѣнію, было отложено. Въ связи съ изданіемъ Свода Законовъ Россійской имперіи, по иниціативѣ кн. Меншикова, возникла мысль объ изданіи свода морскихъ постановленій, что было возложено на „Комитетъ по образованію флота,“ а съ 1848 г. на оставшуюся, послѣ упраздненія этого комитета, его канцелярію, съ переименованіемъ ея въ канцелярію по своду морскихъ постановленій. Съ 1851 г. было начато изданіе свода уголовныхъ морскихъ законовъ; въ 1852 г. было издано „Собраніе морскихъ узаконеній отъ 1845 г. по 1851 г.“

Въ 1853 г. канцелярія по своду морскихъ установленій была также упразднена, а составленіе свода по частямъ было возложено на цѣлый рядъ комитетовъ. Одновременно съ этимъ, въ виду устарѣлости морскихъ уставовъ Петра Великаго и Павла I, въ 1850 г. былъ учрежденъ особый комитетъ для составленія новаго морского устава, въ работахъ котораго принималъ участіе вел. кн. Константинъ Николаевичъ. Новый морской уставъ былъ изданъ въ 1853 г.

Вскорѣ послѣ учрежденія Второго Отдѣленія были затребованы свѣдѣнія о работахъ мѣстныхъ комитетовъ, учрежденныхъ въ свое время въ губерніяхъ, присоединенныхъ въ XVIII в. отъ Польши, и въ Малороссіи. Работы эти оказались весьма незначительны, а мѣстами комитеты не были даже еще и открыты. Въ виду этого 26 марта 1830 г. было постановлено эти комитеты закрыть, а ихъ работы передать во Второе Отдѣленіе С. Е. И. В. Канцеляріи. Для работъ по Своду для западныхъ губерній на польскомъ языкѣ былъ приглашенъ проф. Харьковскаго университета И. Н. Даниловичъ, а работы на русскомъ языкѣ были поручены чиновнику II Отдѣленія А. Д. Илличевскому. Ихъ работы въ 1836 г. подверглись ревизіи въ особомъ комитетѣ, составленномъ, подъ предсѣдательствомъ Сперанскаго, изъ представителей дворянства западныхъ губерній, назначенныхъ мѣстными властями. Поправки, внесенныя этимъ комитетомъ, въ духѣ общей политики императора Николая въ Западномъ краѣ, были направлены въ сторону проведенія большаго различія между бывшими литовскими землями (Сѣверо-Западный край) и бывшими землями польской короны (Юго-Западный край) и въ сторону большаго согласованія мѣстнаго свода съ общимъ. Въ слѣдующемъ 1834 г. проектъ свода подвергся второй ревизіи со стороны представителей Министерства Юстиціи и самихъ его составителей съ цѣлью практическаго его согласованія съ дѣлопроизводствомъ въ Сенатѣ и въ губернскихъ учрежденіяхъ. Проектъ свода мѣстныхъ законовъ для западныхъ губерній встрѣтилъ, однако, возраженія, по соображеніямъ политическаго характера, со стороны вновь назначеннаго генералъ-губернатора Юго-Западнаго края Бибикова. Это поставило на очередь противоположный вопросъ—о полной отмѣнѣ Литовскаго статута, до этого времени отмѣненнаго, въ 1834 г., лишь въ Бѣлоруссіи. Этотъ вопросъ обсуждался въ

1839 г. въ „Западномъ Комитетѣ“. 25 іюня 1840 г. послѣдовала отмѣна литовскаго статута во всемъ Западномъ краѣ, т.-е. въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской, Минской, Виленской и Гродненской и въ области Бѣлостокской, а 4 марта 1843 г. въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской. Вопросъ объ особомъ сводѣ для всѣхъ этихъ губерній тѣмъ самымъ окончательно отпадалъ. Въ 1845 г. были изданы два тома, а въ 1854 г. третій, свода мѣстныхъ узаконеній Прибалтійскихъ губерній на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ 1826 г. было переведено на русскій языкъ шведское Уложеніе 1734 г., дѣйствовавшее въ Финляндіи. Въ 1835 г. въ Гельсингфорсѣ былъ учрежденъ кодификаціонный комитетъ финляндскихъ законовъ, которому было предписано сноситься по этому дѣлу со Сперанскимъ. Въ 1842 г. Блудовъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ и высказывалъ предположенія вести дѣло кодификаціи финляндскихъ законовъ по плану, принятому для кодификаціонныхъ работъ Имперіи. Эти предположенія встрѣтили возраженія со стороны особаго ревизіоннаго комитета, составленнаго изъ представителей отъ финляндскаго сената, что было поддержано также финляндскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Меншиковымъ. Въ 1846 г. было повелѣно возвратить въ кодификаціонную комиссію всѣ матеріалы для свода финляндскихъ законовъ и приступить къ собранію въ хронологическомъ порядкѣ всѣхъ постановленій, измѣняющихъ или дополняющихъ Уложеніе 1734 г. Этотъ трудъ и долженъ былъ лечь въ основу будущаго Свода финляндскихъ законовъ. Къ концу николаевскаго царствованія такое изданіе было уже подготовлено къ печати.

Труды по кодификаціи мѣстнаго права на Кавказѣ и въ Закавказьѣ въ царствованіе Николая I тѣсно связываются съ его общею политикою на этой окраинѣ и будутъ отмѣчены ниже [1]).

---

[1]) Кодификаціонныя работы николаевскаго царствованія, кромѣ практическаго значенія, имѣли и чисто научное—для разработки вопросовъ русской исторической науки и исторіи русскаго права. Не говоря уже о Полномъ Собраніи Законовъ и о Сводѣ, здѣсь долженъ быть отмѣченъ цѣлый рядъ изданій, попутно съ этимъ возникшихъ, какъ напр., изданіе разрядныхъ книгъ, статейныхъ списковъ (съ 1474 г.), дворцовыхъ разрядовъ (съ 1612 г.), журналовъ Петра Великаго и камеръ-фурьерскихъ журналовъ (съ 1734 г.).

Экономическая политика, пути сообщенія и финансы.

Къ концу александровскаго царствованія курсъ экономической и финансовой политики окончательно опредѣлился въ сторону протекціонизма и пересмотра денежной системы. Таковъ былъ смыслъ назначенія въ 1823 году министромъ финансовъ гр. Егора Францевича Канкрина, выдвинувшагося съ 1812 г. въ должности генералъ-интенданта и стяжавшаго къ этому времени европейскую извѣстность познаніями въ области политико-экономической и въ частности военнаго хозяйства и остававшагося на министерскомъ посту до 1844 года.

Въ лицѣ Канкрина передъ нами выступаетъ весьма типичная фигура администратора конца александровской и начала николаевской эпохи, администратора-консерватора, но строгаго государственника. Съ недовѣріемъ относясь къ общественному мнѣнію и отстаивая и опираясь на неограниченную полноту власти монарха, онъ, въ то же время, недовѣрчиво относится и къ личной политикѣ этого послѣдняго, поскольку эта политика обнаруживаетъ уклонъ въ сторону агрессивнаго легитимизма, до чего былъ такимъ охотникомъ Николай I. Съ другой стороны, система самого Канкрина была довольно вѣрнымъ отраженіемъ, въ сферѣ экономической и финансовой политики, общей политической системы императора Николая.

Свои теоретическіе взгляды Канкринъ изложилъ въ вышедшемъ въ свѣтъ еще въ 1821 г. сочиненіи „Всемірное богатство, національное богатство и государственное хозяйство“. Являясь во многомъ противникомъ Адама Смита, Канкринъ противопоставлялъ понятію мірового богатства понятіе богатства даннаго народа, считалъ задачею финансоваго управленія не столько умноженіе общаго государственнаго дохода, сколько благосо-

стояніе каждаго гражданина, и находя большое сходство между государственнымъ хозяйствомъ и частнымъ, рекомендовалъ въ финансовомъ управленіи большую бережливость въ сочетаніи съ возможнымъ усиленіемъ производительныхъ силъ страны. На практикѣ, въ примѣненіи къ условіямъ русской дѣйствительности, въ данный моментъ Канкринъ считалъ необходимымъ держаться сокращенія расходовъ, осторожно пользоваться кредитомъ, вводить строгій порядокъ въ денежномъ обращеніи и проводить протекціонную систему. Эти начала финансовой и экономической политики были изложены Канкринымъ и въ его всеподданнѣйшемъ отчетѣ по Министерству Финансовъ за 1826 г.

Не касаясь принциповъ канкриновской системы, нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ пріемовъ канкриновскаго управленія, вполнѣ естественныхъ, поскольку эта система была отраженіемъ общей николаевской системы, но, конечно, ослаблявшихъ тѣ положительные результаты, какіе она могла бы имѣть, при всей своей односторонности. Послѣдовательный бюрократъ, Канкринъ былъ безусловнымъ противникомъ гласности, и тѣмъ самымъ, конечно, лишалъ себя очень цѣннаго голоса практической жизни, и это— въ той сферѣ государственнаго управленія, которая соприкасается съ наиболѣе чувствительными нервами этой жизни. Въ данномъ случаѣ мы сталкиваемся совершенно съ тѣмъ же явленіемъ, съ какимъ встрѣтимся еще, когда будемъ говорить о николаевской политикѣ по крестьянскому вопросу. Отсутствіе гласности и бюрократическіе пріемы управленія въ одинаковой степени въ николаевское царствованіе тормозили крестьянскій вопросъ и помѣшали вполнѣ согласовать финансовую и экономическую политику съ народными нуждами и нуждами русской промышленности и торговли. Съ другой стороны, на нѣкоторыхъ односторонностяхъ въ построеніи канкриновской программы сказывалось вліяніе общихъ крѣпостныхъ условій эпохи. Пока масса земледѣльческаго населенія была отграждена отъ правительства стѣною вотчинныхъ и имущественныхъ привилегій землевладѣльческаго класса, не могъ быть поставленъ во всей широтѣ и, въ значительной степени, оказывался изъятымъ изъ области правительственной политики и вопросъ о сельскомъ хозяйствѣ, и болѣе общій вопросъ—о всей налоговой системѣ.

При проведеніи своей программы Канкрину приходилось зачастую считаться, какъ съ противоборствующею силою, съ лич-

нымъ вмѣшательствомъ въ финансовую политику самого государя, далеко не всегда склоннаго итти, по соображеніямъ государственной экономіи, на уступки въ своихъ агрессивныхъ намѣреніяхъ. Канкринъ былъ лично извѣстенъ Николаю еще по своей службѣ въ военномъ вѣдомствѣ. Въ началѣ весьма мало освѣдомленный въ финансовыхъ вопросахъ, Николай въ этомъ отношеніи, въ значительной степени, воспитался на взглядахъ Канкрина. Позднѣе, освоившись съ этими вопросами, онъ, во вторую половину своего царствованія, выступалъ уже иногда болѣе самостоятельно и проводилъ свои собственные проекты, шедшіе вразрѣзъ съ мнѣніями его министра финансовъ. Такъ было, напримѣръ, въ вопросѣ о замѣнѣ всѣхъ ассигнацій новыми бумажными кредитными знаками. Постепенно это разногласіе все нарастало. Въ 1844 г. Канкринъ выступилъ съ возраженіями противъ той политики, какая велась въ это время на Кавказѣ, и указывалъ на необходимость или немедленно подавить возстаніе горцевъ, или, въ случаѣ невозможности, прекратить военныя дѣйствія. Его представленіе было оставлено безъ вниманія. На ряду съ разстроеннымъ здоровьемъ это послужило окончательнымъ поводомъ къ выходу Канкрина въ отставку (1 мая 1844 г.). На его мѣсто былъ назначенъ его товарищъ по управленію министерствомъ, Ѳ. П. Вронченко. Назначеніе Вронченка, а послѣ него (съ 6 апрѣля 1852 г.) П. Ф. Брока не внесло какихъ-либо крупныхъ принципіальныхъ измѣненій въ систему, установленную Канкринымъ, хотя съ 1844 г. и начинаютъ постепенно отступать отъ началъ строго протекціонной политики. Но зато въ лицѣ Канкрина императоръ Николай лишился твердаго и смѣлаго сотрудника, рѣшавшагося противопоставлять свои соображенія личной волѣ и желаніямъ государя. Финансовая политика николаевскаго царствованія дѣлается съ этого временн менѣе осторожной, что, въ связи съ послѣдовавшими за этимъ европейскими событіями, имѣло не малыя общегосударственныя послѣдствія.

Общее положеніе русской обрабатывающей промышленности въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія обрисовывается, главнымъ образомъ, на состояніи отдѣльныхъ видовъ текстильной промышленности и на промышленности ме-

таллообрабатывающей. Въ это время замѣчается сильное развитіе бумаготкацкаго производства, что стояло въ связи съ низкими цѣнами на англійскую пряжу, по преимуществу потребляемую русскими мануфактурами. Наоборотъ, русское льняное, парусинное и полотняное, производство, жившее до этого времени, главнымъ образомъ, спросомъ англійскаго паруснаго флота, теперь, съ переходомъ морскихъ силъ на паровые двигатели, начинаетъ значительно падать и постепенно вытѣсняется бумажными тканями. Наконецъ, что касается суконнаго производства, то оно встрѣчаетъ въ это время сильнаго конкурента въ лицѣ польской суконной промышленности, поставленной въ болѣе благопріятныя условія, благодаря развитію въ Польшѣ овцеводства и возможности получать дешевую шерсть изъ сосѣдней Силезіи. Въ Польшѣ возникаетъ въ это время крупный центръ шерстяного производства—Лодзь, который начинаетъ конкурировать съ Москвою. Сильное развитіе бумаготкацкаго производства, кризисъ льняного производства и трудныя условія конкуренціи для производства суконнаго дѣлали для русской текстильной промышленности очень существеннымъ вопросъ о переходѣ къ машинному способу обработки. Этотъ переходъ, въ свою очередь, однако, сильно затруднялся различными причинами. Вывозъ ткацкихъ и прядильныхъ машинъ изъ Англіи до 1843 г. англійскими законами былъ очень затрудненъ. Отечественное русское машиностроеніе, начавшее замѣтно развиваться съ 1825 г. (казенный Александровскій чугунолитейный и механическій заводъ и нѣсколько позднѣе заводы герцога Лейхтенбергскаго и Нобеля въ Петербургѣ, заводъ Доброва и Набгольца въ Москвѣ, казенный Луганскій заводъ на югѣ и др.), должно было въ тридцатыхъ и, въ особенности, въ сороковыхъ годахъ обслуживать прежде всего начавшееся въ это время желѣзнодорожное строительство и не всегда могло въ достаточной мѣрѣ удовлетворить запросы текстильной промышленности. Всѣ эти трудныя условія, и особенно конкуренція польской промышленности, усиливались еще существовавшею въ то время тарифною системою.

При вступленіи на престолъ императора Николая дѣйствовалъ запретительный тарифъ 1822 г. съ тѣми частичными повышеніями пошлинъ на допущенные къ ввозу товары, какія были внесены въ него, главнымъ образомъ по фискальнымъ сообра-

женіямъ, въ 1824 году. Въ то же время законами отъ 1 августа 1822 г. и 30 іюня 1824 г. была возстановлена таможенная черта между Имперіей и Царствомъ Польскимъ, при чемъ издѣлія, выработанныя внутри обѣихъ странъ изъ собственнаго сырья, при провозѣ черезъ черту, облагались значительно меньшею пошлиною, чѣмъ издѣлія изъ чужестранныхъ сырыхъ продуктовъ. Вслѣдствіе этого польскія сукна, при провозѣ въ Россію, были обложены 3%-ною пошлиною, а русскія хлопчатобумажныя издѣлія, какъ изготовляемыя прежде всего изъ англійской пряжи, при провозѣ въ Польшу—15%-ною. Это создавало возможность для польской суконной промышленности не только завладѣть внутреннимъ русскимъ рынкомъ, но и выгодно использовать открытый для нея транзитъ черезъ Россію въ Китай. Къ тому же съ 1821 г. былъ разрѣшенъ почти безпошлинный транзитъ европейскихъ товаровъ черезъ Закавказье въ Персію, что опять-таки было использовано между прочимъ и польскою промышленностью. Хотя Канкринъ участвовалъ въ выработкѣ тарифа 1822 г., самъ лично онъ не сочувствовалъ системѣ таможенныхъ запрещеній и скорѣе стоялъ за охраненіе отдѣльныхъ видовъ отечественной промышленности высокими пошлинами на привозные товары. Съ другой стороны, онъ былъ противъ какого-либо повышенія пошлинъ по фискальнымъ соображеніямъ, не сочувствовалъ свободному транзиту и находилъ необходимымъ пересмотръ русско-польскаго таможеннаго тарифа въ интересахъ русской промышленности. Эти взгляды были имъ развиты въ его отчетахъ по управленію Министерствомъ Финансовъ за первые годы николаевскаго царствованія и удостоились высочайшаго одобренія.

Канкрину въ его торгово-промышленной политикѣ приходилось сталкиваться со стремленіями самого государя къ чрезмѣрному повышенію пошлинъ по фискальнымъ соображеніямъ, главнымъ образомъ, для удовлетворенія нуждъ военнаго характера. Въ вопросѣ о русско-польской таможенной чертѣ его противникомъ явился министръ финансовъ царства Польскаго кн. Любецкій, ходатайствовавшій передъ государемъ о полномъ уничтоженіи таможенной черты между Имперіей и Царствомъ, что какъ будто, дѣйствительно, болѣе соотвѣтствовало общему духу николаевской политики, но создало бы еще болѣе невыгодныя условія для русской промышленности. По вопросу о тамо-

женныхъ ставкахъ Канкрину приходилось итти на уступки въ виду тѣхъ крупныхъ расходовъ, какіе были вызваны турецкою войною 1827—28 гг. и подавленіемъ польскаго возстанія 1830—31 гг., что очень нарушило равновѣсіе государственнаго бюджета. Вопросъ о русско-польской таможенной чертѣ разрѣшился въ смыслѣ ея полнаго снятія лишь послѣ отставки Канкрина, въ связи съ общимъ пересмотромъ русской таможенной системы.

Въ первые годы николаевскаго царствованія частичными измѣненіями тарифа, произведенными въ 1825, 1826 и 1830 гг., были разрѣшены къ ввозу, съ обложеніемъ ихъ высокими пошлинами, многіе изъ товаровъ, подлежащихъ по тарифу 1822 г. полному запрету. Послѣ польскаго возстанія, по представленію самого Канкрина, таможенныя пошлины были огульно повышены на $12^1/_2\%$ «впредь до усмотрѣнія"; это повышеніе вошло и въ новое изданіе таможеннаго тарифа, послѣдовавшее въ 1833 г. Въ 1836 и 1838 г. послѣдовали дальнѣйшія частичныя ограниченія таможенныхъ запрещеній, а съ 1841 г.—общій пересмотръ тарифа, произведенный, „для соблюденія секрета", единолично министромъ финансовъ. Основаніемъ для этого пересмотра была необходимость по фискальнымъ соображеніямъ повысить таможенный доходъ, къ чему Канкринъ склонялся „весьма неохотно". Новый тарифъ былъ утвержденъ 28 ноября 1841 г. и частично измѣненъ и дополненъ 2 декабря 1842 г. Запретительныя статьи по этому тарифу были сведены къ самому незначительному числу; зато пошлина въ общемъ повышалась, и $12^1/_2\%$-ная надбавка 1831 г. по многимъ статьямъ была включена въ общій окладъ.

Всѣ тарифныя измѣненія 1825 — 1841 гг. отразились и на тѣхъ ставкахъ, которыя имѣли значеніе для текстильной промышленности. Привозимый до 1841 г. безпошлинно, хлопокъ-сырецъ подвергся теперь пошлинному обложенію; значительно повышалась постепенно и пошлина на шерсть, а также на льняную, хлопчатобумажную и шерстяную пряжи. Почти полное запрещеніе ввоза бумажныхъ тканей къ 1841 г. было совершенно отмѣнено, но пошлины на хлопчатобумажныя издѣлія, равно какъ и на разрѣшенныя къ ввозу льняныя ткани, оставались очень высокими, а самимъ тарифомъ 1841 г. были и еще повышены. Высокою оставалась пошлина на привозимыя сукна.

Исходъ польскаго возстанія привелъ и къ пересмотру русско-польскихъ таможенныхъ отношеній. Ходатайство Любецкаго о снятіи русско-польской таможенной черты, сдѣланное имъ еще въ 1826 году, встрѣтило сильныя возраженія со стороны Канкрина, и государь согласился съ этимъ послѣднимъ. 2 января 1831 г., послѣ того какъ разразилось возстаніе, ввозъ товаровъ изъ Польши въ Россію былъ запрещенъ, что дало поводъ московскимъ сукнопромышленникамъ еще до окончанія возстанія ходатайствовать передъ государемъ, чтобы впредь польскія сукна были обложены такою же пошлиною, какъ и иностранныя. Назначенный послѣ возстанія намѣстникомъ въ Польшу и пользовавшійся большимъ довѣріемъ у государя кн. Паскевичъ возражалъ, однако, противъ какихъ бы то ни было таможенныхъ измѣненій, которыя могли бы нанести ущербъ промышленности ввѣреннаго ему края. Императоръ Николай въ данномъ случаѣ сталъ, въ концѣ-концовъ, на сторону Канкрина, находившаго неудобнымъ сравнивать Царство Польское въ торговомъ отношеніи съ иностранными государствами, но считавшаго необходимымъ измѣнить таможенныя условія въ интересахъ русской промышленности. Положеніемъ 12 ноября 1831 измѣнялись основанія русско-польскаго таможеннаго тарифа въ смыслѣ уравненія и, частью, повышенія пошлинъ на русскія и польскія издѣлія „какъ въ защиту обоюдной промышленности, такъ и для полученія умѣреннаго дохода, по крайней мѣрѣ для покрытія издержекъ по таможенной части.“ Эти измѣненія уравнивали теперь и пошлину на польскія сукна привозимыя въ Россію, съ пошлиною на русскія бумажныя издѣлія при ввозѣ ихъ въ Польшу, устанавливая ту и другую въ размѣрѣ 15%. Новый тарифъ былъ окончательно опубликованъ 13 ноября 1834 г. Закрытый съ 1831 г. льготный транзитъ для польскихъ суконъ въ Китай былъ снова возстановленъ 11 марта 1832 г. Положеніе 1831 г. въ значительной степени возстанавливало равновѣсіе въ торговомъ балансѣ между Россіей и Польшей, до этого времени сильно нарушавшееся въ ущербъ русской торговлѣ и промышленности.

Еще съ 1827 г. Канкринъ дѣлалъ представленія объ ограниченіи транзита европейскихъ товаровъ черезъ Закавказье, но встрѣтилъ тогда возраженія со стороны Нессельроде. Императоръ Николай согласился съ послѣднимъ и повелѣлъ „счи-

тать сіе дѣло отложеннымъ до окончанія персидской войны и тогда войти съ онымъ вновь съ докладомъ". Въ 1831 г. этотъ транзитъ былъ закрытъ, но зато въ послѣдующіе годы былъ предпринятъ рядъ поощрительныхъ мѣръ для развитія взаимной торговли между Россіей и Персіей.

Поворотъ въ таможенной политикѣ императора Николая наступаетъ съ начала сороковыхъ годовъ, когда все больше значенія начинаетъ получать упомянутый выше Любецкій и выдвинутый имъ польскій экономистъ Тенгоборскій. Вполнѣ опредѣлился этотъ поворотъ лишь послѣ отставки Канкрина, въ 1844 г. Возраставшій ввозъ въ Европу изъ Америки и Австраліи хлѣба, сала, мяса, словомъ тѣхъ товаровъ, которые поставлялись на европейскій рынокъ до этого времени, главнымъ образомъ, Россіей, но на которые въ русскомъ тарифѣ продолжали существовать вывозныя пошлины, заставлялъ опасаться за будущее русской оптовой торговли. Появившаяся въ это время записка коммерсанта Попова указывала на необходимость, въ видахъ поддержанія русской внѣшней торговли, снять вывозныя пошлины и уменьшить пошлины на привозные товары. Съ этимъ совпалъ поворотъ и въ таможенной политикѣ Англіи, которая съ начала 40-хъ годовъ, въ интересахъ своей фабричной промышленности, начинаетъ входить въ соглашенія съ отдѣльными странами о взаимномъ облегченіи ввоза; съ такимъ же предложеніемъ Англія обратилась въ 1844 г. и къ Россіи. Еще въ 1842 г., когда нанкинскій торговый договоръ между Китаемъ и Англіей открылъ для ввоза европейскихъ товаровъ рядъ китайскихъ гаваней, Кантонъ, Амой, Фучжоу, Нинъ-бо и Шанхай, что могло невыгодно отразиться на русской кяхтинской торговлѣ, большія льготы были установлены для ввоза въ Россію китайскихъ товаровъ. Разсмотрѣніе только что упомянутой записки Попова было поручено особому комитету, подъ предсѣдательствомъ гр. А. Ѳ. Орлова, членами котораго были назначены министръ путей сообщенія Клейнмихель, финансовъ—Вронченко, внутреннихъ дѣлъ—Перовскій а нѣсколько позже кн. А. С. Меньшиковъ и гр. П. Д. Киселевъ. Комитетъ пришелъ къ заключенію о необходимости назначить особую комиссію изъ чиновниковъ отъ Министерства Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ, Иностранныхъ и Внутреннихъ Дѣлъ, съ правомъ приглашать отдѣльныхъ лицъ изъ купцовъ

и фабрикантовъ для всесторонняго обсужденія вопроса. Одновременно съ этимъ министръ финансовъ составилъ новую роспись, значительно уменьшавшую число запретительныхъ статей. И заключеніе комитета, и роспись министра финансовъ были утверждены 17 апрѣля 1845 г. Съ другой стороны, самъ государь предрѣшилъ къ этому времени вопросъ о снятіи таможенной черты между Россіею и Польшею и о таможенномъ объединеніи обѣихъ частей государства. Для разсмотрѣнія этого вопроса былъ точно такъ же назначенъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ наслѣдника, въ который вошли: Нессельроде, Орловъ, Вронченко, Туркулъ и Самойловъ. Комитетъ пришелъ къ заключенію, что таможенное объединеніе Россіи и Польши невозможно безъ общаго измѣненія русскаго тарифа, такъ какъ этотъ послѣдній въ его настоящемъ видѣ неминуемо нанесетъ ущербъ польской промышленности. Въ 1846 г. пересмотръ тарифа, по представленію канцлера Нессельроде и министра финансовъ Вронченко, былъ возложенъ на польскаго экономиста Тенгоборскаго. Выработанный этимъ послѣднимъ проектъ тарифа былъ переданъ на разсмотрѣніе въ комитетъ, составленный, подъ предсѣдательствомъ самого Тенгоборскаго, изъ членовъ отъ Министерства Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Иностранныхъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, а затѣмъ, для окончательной разработки, въ особую комиссію при Министерствѣ Финансовъ. Прошедшій затѣмъ черезъ Государственный Совѣтъ, новый тарифъ былъ утвержденъ 13 октября 1850 г. и вступилъ въ силу съ 1 января 1851 г.

Тарифомъ 1850 г. было произведено, въ общемъ, довольно сильное пониженіе пошлинъ на большинство привозимыхъ товаровъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ это пониженіе было лишь возвращеніемъ къ ставкамъ до 1831 г. Въ частности, была нѣсколько понижена пошлина на привозимую бумажную и, въ значительной степени, на льняную и шерстяную пряжи. Съ другой стороны, понизилась пошлина и на бумажныя и льняныя ткани и сукно. Пошлина была сильно понижена на привозимыя изъ-за границы машины и, отчасти, даже на чугунъ въ сыромъ видѣ, провозимый сухимъ путемъ; ввозъ чугуна моремъ оставался попрежнему подъ запретомъ. Вывозныя пошлины, въ общемъ, были сильно понижены, и вывозъ почти всѣхъ запрещенныхъ до этого времени товаровъ былъ

разрѣшенъ. Таможенная черта между Имперіей и Царствомъ Польскимъ уничтожалась, но для Россіи и Польши по отношенію къ иностранной торговлѣ устанавливались диференціальныя пошлины. Закавказскій тарифъ, точно такъ же съ сохраненіемъ особыхъ ставокъ, былъ включенъ теперь въ общій. Въ 1851 г. были подтверждены ранѣе установленныя льготы для кяхтинской торговли, а въ слѣдующемъ году русско-китайскимъ торговымъ договоромъ, заключеннымъ 21 іюля 1852 г. въ Кульджѣ, для русской торговли были открыты Кульджа и Чугучакъ. Тарифъ 1850 г. долженъ былъ быть пересмотрѣнъ черезъ три года, но начавшаяся война этому помѣшала. Въ 1854 г., въ виду того, что русская морская торговля почти совершенно прекратилась, были лишь уменьшены пошлины для сухопутной торговли.

Новый тарифъ повліялъ нѣсколько на увеличеніе ввоза, но гораздо болѣе на увеличеніе вывоза товаровъ изъ Россіи. Достигавшій въ 1850 г. 77.383 тысячъ рублей, ввозъ съ 1852 г. поднялся до 83.118 тысячъ. Въ то же время вывозъ, равнявшійся въ 1850 г. 85.445 тысячамъ рублей, поднялся въ 1852 г. до 160.050 тысячъ. Въ 1854 г., очевидно въ связи съ войною, послѣдовало сильное сокращеніе торговаго оборота: ввозъ упалъ до 54.425 тысячъ, а вывозъ до 33.521 тысячи рублей.

Такія событія, какъ паденіе континентальной системы, признаніе независимости Греціи и южно-американскихъ колоній Испаніи и Португаліи, созданіе въ 1832 г. германскаго таможеннаго союза, обострившееся съ конца 20-хъ годовъ колоніальное соперничество въ Африкѣ Англіи и Франціи и постепенное включеніе въ кругъ торговыхъ интересовъ европейскихъ державъ странъ Дальняго Востока, все это въ корень измѣнило въ тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка положеніе европейской международной торговли. Всѣ эти событія не могли остаться безъ вліянія и на русскую экономическую политику. Представлялось необходимымъ опредѣлить отношеніе русской внѣшней торговли къ вновь создавшимся условіямъ и обезпечить ея интересы въ международныхъ сношеніяхъ. Въ николаевское царствованіе съ этою цѣлью былъ заключенъ рядъ торговыхъ договоровъ и конвенцій. Большинство этихъ договоровъ упадаетъ точно такъ же на вторую половину царствованія, когда начинается уклонъ отъ строго-протекціонистской

политики. Свобода русской торговли и мореплаванія, выговоренная аккерманской конвенціей 1816 г. и адріанопольскимъ трактатомъ 1829 г., была въ 1846 г. подтверждена новымъ русско-турецкимъ торговымъ договоромъ, распространявшимъ теперь торговыя условія предыдущихъ соглашеній и на египетскій пашалыкъ. Въ 1832 г. взаимныя торговыя льготы, выговоренныя между Россіей и Даніей, были распространены на Курляндію и Великое Княжество Финляндское. Въ 1843 г. былъ заключенъ торговый договоръ на началахъ полной взаимности съ Англіей, чѣмъ окончательно ликвидировались послѣдніе отголоски континентальной системы. Такіе же договоры были заключены въ 1845 г. съ королевствами обѣихъ Сицилій и Сардинскимъ; въ 1846—съ Австріей, Франціей (не распространявшійся на русскія произведенія изъ Азовскихъ и Черноморскихъ портовъ и на французскія—изъ Средиземноморскихъ портовъ) и съ Голландіей; въ 1850 г.—съ Бельгіей и Греціей; въ 1851 г.—съ Португаліей (не распространявшійся на товары, шедшіе на русскихъ или португальскихъ судахъ изъ Индіи и Китая). Торговый договоръ со Швеціей и Норвегіей былъ заключенъ еще въ 1826 г.; въ 1838 г. онъ былъ возобновленъ на прежнихъ основаніяхъ. Съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами были заключены: въ 1832 г. договоръ о торговлѣ и мореплаваніи на началахъ взаимности и въ 1855 г.—конвенція о морскомъ нейтралитетѣ. Наконецъ, въ 1848 г. Россія примкнула къ договору, заключенному между Англіей, Австріей, Бельгіей, Пруссіей и Франціей объ уничтоженіи торговли невольниками.

Въ связи съ экономическими мѣропріятіями николаевскаго царствованія должны быть отмѣчены заботы о развитіи путей сообщенія. Хорошо освѣдомленный въ инженерномъ дѣлѣ, императоръ Николай самъ лично особенно интересовался этою отраслью управленія, хотя, быть можетъ, и выдвигалъ на первый планъ не столько экономическое, сколько стратегическое и политическое значеніе путей сообщенія. На его царствованіе относится почти половина всей сѣти шоссейныхъ дорогъ, построенныхъ государствомъ до послѣдняго времени; ему принадлежитъ починъ и проведеніе первыхъ желѣзныхъ дорогъ

въ Россіи. Вѣдомство путей сообщенія сосредоточивалось въ николаевское царствованіе попрежнему въ Главномъ Управленіи водными и сухопутными сообщеніями, но компетенція этого послѣдняго была теперь значительно расширена. Въ 1832 г. къ нему была присоединена изъятая изъ вѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ строительная часть гражданскаго вѣдомства, и управленіе было переименовано въ Главное Управленіе Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Дальнѣйшее расширеніе компетенціи этого вѣдомства послѣдовало въ 1842 г., когда при немъ былъ учрежденъ особый департаментъ желѣзныхъ дорогъ. Во главѣ Управленія стоялъ съ 1822 г. до 1833 г. герцогъ Александръ Вюртембергскій, съ 1833 по 1842 г.—гр. К. Ѳ. Толь, а съ 1842 г.—гр. П. А. Клейнмихель, служившій раньше при Аракчеевѣ, выдвинувшійся быстрою отстройкою Зимняго Дворца послѣ пожара 1838 г. и пользовавшійся большимъ довѣріемъ у государя. Постройки производились, по преимуществу, корпусомъ военныхъ инженеровъ. Общія условія бюрократическаго управленія не могли, конечно, не отражаться особенно чувствительно на такомъ живомъ дѣлѣ, какъ дорожное строительство. Недостаточность контроля, порождавшая большія злоупотребленія, чрезмѣрная дороговизна работъ, недостаточное соблюденіе гигіеническихъ условій для рабочихъ—слабыя стороны дорожнаго строительства николаевскаго времени.

Для развитія грунтового сообщенія имѣлъ большое значеніе законъ 24 марта 1833 г., устанавливавшій основныя правила устройства и содержанія дорогъ въ государствѣ. Всѣ дороги раздѣлялись на пять классовъ: 1. дороги главныхъ сообщеній, или государственныя, содержимыя отъ казны на счетъ особаго 25-копѣечнаго сбора; 2. дороги большихъ губернскихъ сообщеній, содержимыя на счетъ земскихъ повинностей губернскими властями подъ главнымъ распоряженіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; 3. дороги обыкновенныхъ почтовыхъ сообщеній, изъ губерніи въ губернію, оставленныя въ вѣдѣніи губернскихъ учрежденій; 4. дороги уѣздныхъ сообщеній—въ вѣдѣніи земской полиціи и 5. дороги сельскія и полевыя—на обязанности мѣстныхъ владѣльцевъ и казенныхъ крестьянъ. Для перваго и второго классовъ намѣчалась цѣлая сѣть шоссейныхъ дорогъ, частью уже открытыхъ, частью лишь проекти-

руемыхъ (изъ послѣднихъ не всѣ были открыты, а направленіе нѣкоторыхъ было измѣнено). Съ 1842 г. въ вѣдѣніе Главнаго Управленія Путей Сообщенія были переданы, кромѣ перваго класса, и всѣ губернскія шоссе. При императорѣ Николаѣ частью были закончены, частью вновь построены: С.-Петербургско-Московское шоссе, С.-Петербургско-Варшавское, черезъ Динабургъ (Двинскъ) и Ковно, Московско-Брестское, Московско-Нижегородское и Кіево-Брестское; при немъ же была закончена постройка Военно-Грузинской дороги. Въ общей сложности въ николаевское царствованіе было проложено болѣе 8.000 верстъ шоссейныхъ дорогъ. Отсутствіе достаточнаго контроля надъ вѣдомствомъ путей сообщенія, въ особенности, когда во главѣ его былъ поставленъ пользовавшійся исключительнымъ довѣріемъ государя Клейнмихель, и отсюда нерадивость мѣстныхъ властей были причиною того, что въ концѣ царствованія Николая дороги далеко не всегда находились въ исправномъ состояніи, и это дало себя особенно чувствовать, когда началась крымская кампанія.

Начало желѣзнодорожнаго строительства въ Россіи при императорѣ Николаѣ относится къ 1837 г. Вопросъ о преимуществѣ желѣзныхъ дорогъ передъ грунтовыми, какъ въ смыслѣ проложенія рельсовой колеи, такъ и въ смыслѣ замѣны конной тяги паровою, въ это время на Западѣ не являлся еще окончательно рѣшеннымъ, и желѣзнодорожная сѣть въ Европѣ была еще очень слабо развита. Къ 1838 г. въ Англіи было около 650 килом., во Франціи — около 400 килом., во всей Германіи—140 килом., въ Австріи—18 килом. желѣзнодорожнаго пути. Въ 1835 г. профессоръ Вѣнскаго Политехническаго Института фонъ-Герстнеръ ходатайствовалъ о предоставленіи ему на 20 лѣтъ привилегіи, на исключительно льготныхъ для него условіяхъ, на постройку желѣзныхъ дорогъ во всей Россійской Имперіи, въ Царствѣ Польскомъ и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Ходатайство Герстнера разсматривалось въ особомъ комитетѣ, въ составъ котораго, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя входили: предсѣдатель Государственнаго Совѣта Новосильцевъ, главноуправляющій Путями Сообщенія гр. Толь; министры: финансовъ гр. Канкринъ, военный гр. Чернышевъ и внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудовъ, Сперанскій, ген.-ад. кн. Волконскій и гр. Бенкендорфъ, Толь,

и въ особенности Канкринъ, высказывались противъ желѣзныхъ дорогъ. Государь съ самаго начала былъ твердо убѣжденъ въ ихъ пользѣ. Комитетъ призналъ пользу постройки желѣзныхъ дорогъ, но отклонилъ ходатайство Герстнера, находя его недостаточно обоснованнымъ. Герстнеръ вошелъ съ новымъ ходатайствомъ — о разрѣшеніи ему, въ видѣ опыта, постройки желѣзной дороги отъ С.-Петербурга до Царскаго Села. Это ходатайство было удовлетворено, и съ 30 октября 1837 г. открылось движеніе по рельсовому пути между означенными пунктами (25 верстъ), при чемъ поѣзда съ паровою тягою первое время ходили лишь по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ, по буднямъ же—примѣнялась конная тяга. Ежедневное отправленіе поѣздовъ съ паровою тягою по царскосельской желѣзной дорогѣ началось лишь съ 4 апрѣля 1838 г.

Черезъ-чуръ высокая стоимость постройки царскосельской дороги возбудила новыя сомнѣнія въ пользѣ этого вида путей сообщенія, и когда, въ концѣ того же 1838 г., въ Комитетъ Министровъ была передана для обсужденія поданная государю записка о желѣзныхъ дорогахъ т. сов. Н. Муравьева, то Комитетъ и на этотъ разъ отнесся къ этой мысли отрицательно. Николай Павловичъ предписалъ, однако, Толю заняться подробнѣе соображеніями о проведеніи желѣзной дороги отъ Петербурга до Рыбинска. Къ этому времени была уже начата постройкою (съ 1839 г.) Варшавско-Вѣнская желѣзная дорога въ Царствѣ Польскомъ (308 верстъ). Съ 1837 по 1840 г. состоялись командировки, для ознакомленія съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ на Западѣ, военныхъ инженеровъ, полковника Крафта, подполковника Мельникова и капитана Кербедза. Доклады этихъ лицъ, сдѣланные ими по ихъ возвращеніи, не измѣнили взглядовъ большинства министровъ, которые, по прежнему, относились къ вопросу о желѣзныхъ дорогахъ отрицательно. Есть извѣстіе, что послѣ обсужденія этого вопроса въ Комитетѣ государь объявилъ свою высочайшую волю, чтобы было немедленно приступлено къ сооруженію желѣзныхъ дорогъ между обѣими столицами. При этомъ онъ будто бы добавилъ, что такъ какъ всѣ министры высказались противъ этого, то онъ назначаетъ для этого особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ наслѣдника, а при комитетѣ—строительную коммиссію.

Комитетъ былъ открытъ 29 января 1842 г.; членами его

были назначены: Толь, Канкринъ, Бенкендорфъ, Орловъ, Левашовъ, Киселевъ, А. Перовскій, М. Дестремъ, герцогъ М. Лейхтенбергскій и гр. Бобринскій. 11 апрѣля 1842 г. умеръ гр. Толь, и на его мѣсто былъ назначенъ Клейнмихель, одинъ изъ немногихъ высказывавшійся за желѣзныя дороги. Строительная коммиссія была упразднена и, взамѣнъ ея, при Главномъ Управленіи былъ учрежденъ департаментъ желѣзныхъ дорогъ. Постройкою С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги вѣдалъ попрежнему особый комитетъ. По вопросу о направленіи этой сороги мнѣнія въ комитетѣ раздѣлились: одни стояли за то, чтобы вести дорогу черезъ Новгородъ, другіе—за прямое направленіе на Москву. Резолюція государя рѣшила этотъ вопросъ въ пользу второго направленія. Въ 1847 г. было открыто движеніе отъ Петербурга до Колпина; 1 ноября 1851 г. послѣдовало открытіе всей дороги до Москвы (605 верстъ). Еще 15 февраля 1851 г. состоялось высочайшее повелѣніе о постройкѣ желѣзной дороги между Петербургомъ и Варшавою. Война остановила начатыя работы, и при Николаѣ I движеніе было открыто, въ 1853 г., лишь до Гатчины (42 вер.).

Всего въ николаевское царствованіе было построено 980 верстъ желѣзнодорожной сѣти. Къ 1855 году во Франціи было уже 5.535 килом., а въ Германіи болѣе 6,000 килом. желѣзнодорожнаго пути.

Консерваторъ до мозга костей, Канкринъ туго шелъ на какія либо новшества, вродѣ новыхъ способовъ передвиженія, а тѣмъ болѣе на уклоненія отъ его системы. Условія жизни въ концѣ-концовъ оказались бы, конечно, сильнѣе Канкрина, и самому ему, если бы онъ оставался на министерскомъ посту, пришлось бы отступить отъ своей экономической системы. Перемѣна въ личномъ составѣ министерства сыграла въ данномъ случаѣ второстепенную роль. Причины, повлекшія за собою отставку Канкрина, лежали, къ тому же, не столько въ области экономической, сколько финансовой политики.

Финансовая политика николаевскаго царствованія выразилась въ реформѣ питейныхъ сборовъ и, главнымъ образомъ, въ реформѣ денежнаго обращенія.

Еще въ 1826 г. была возстановлена откупная система питейныхъ сборовъ. Введенная въ 1819 г. система казеннаго за-

вѣдыванія продажею питей оказалась невыгодной, главнымъ образомъ, вслѣдствіе огромныхъ злоупотребленій со стороны чиновъ казеннаго вѣдомства, и доходъ съ питей недостаточно увеличивался. Въ маѣ 1826 г. Канкринъ представилъ составленную имъ по порученію государя записку „о разныхъ способахъ взиманія питейнаго дохода", въ которой развивалъ довольно своеобразную аргументацію въ пользу откупной системы. Находя въ принципѣ вообще желательной замѣну питейнаго сбора другими налогами, Канкринъ считалъ, однако, на практикѣ это невозможнымъ, такъ какъ „ни одинъ изъ нихъ не можетъ дать столько, сколько даетъ казнѣ питейный доходъ, а увеличеніе существующихъ налоговъ можетъ вызвать большія неудовольствія". Разбирая дальше различныя системы питейнаго сбора, онъ находилъ систему казенной монополіи невыгодной, систему акциза теоретически наилучшей, но непримѣнимой при низкомъ нравственномъ уровнѣ чиновничества, а систему передачи питейныхъ сборовъ органамъ общественнаго самоуправленія неосуществимой въ виду такой же нравственной несостоятельности дворянства, и признавалъ откупную систему при данныхъ условіяхъ единственно возможной. Не закрывая глазъ на то, что при откупной системѣ откупщики будутъ наживаться на счетъ народа, министръ финансовъ находилъ, что подобное накопленіе капиталовъ пойдетъ въ конечномъ результатѣ на пользу промышленности и, такимъ образомъ, все же принесетъ менѣе вреда, чѣмъ хищенія правительственныхъ чиновниковъ. Государственный Совѣтъ одобрилъ соображенія министра финансовъ, и 31 августа 1826 г. состоялось высочайшее повелѣніе начать торги на питейные откупа съ 1827 г. на четыре года. Съ 1 сентября 1827 г. откупа были вновь введены въ 29 великороссійскихъ губерніяхъ, въ которыхъ съ 1819 г. существовало казенное завѣдываніе продажею питей, и съ этихъ поръ сдача питейныхъ откуповъ возобновлялась повсемѣстно каждые четыре года въ продолженіе всего николаевскаго царствованія.

Питейный сборъ, послѣ введенія откуповъ, значительно повысился и вплоть до 1855 г. все время постепенно возрасталъ. Для самихъ откупщиковъ новая система представляла весьма выгодную операцію, и торги на откупа проходили зачастую съ большими наддачами. Такъ, въ 1838 г. наддача по 17 отку-

намъ превысила на 20% общую сумму откуповъ за истекавшее четырехлѣтіе. Канкринъ относился, однако, къ этому явленію съ большимъ недовѣріемъ, усматривая въ этомъ результатъ извѣстнаго ажіотажа, и при составленіи государственной росписи на 1839 г. предлагалъ увеличить обыкновенное исключеніе изъ дохода на счетъ недоимокъ и недобора на случай неисправности нѣкоторой части откупщиковъ. За этимъ предложеніемъ скрывалось, повидимому, все то же опасеніе—что самъ государь увлечется прибыльностью этой статьи доходовъ. И дѣйствительно, Николай Павловичъ посмотрѣлъ болѣе оптимистично. Въ наддачахъ онъ видѣлъ успѣхъ реформы и на послѣднее предложеніе Канкрина положилъ резолюцію: „Я съ этимъ несогласенъ, ибо по опыту вижу, что опасенія эти не оправдываются, и потому выключка на предметъ недобора должна остаться въ прежней препорціи". Однако уже въ слѣдующее четырехлѣтіе 1839—1844 г. злоупотребленія откупщиковъ достигли крайнихъ предѣловъ. Государю была представлена анонимная записка „Обзоръ финансовой части Россіи", подвергавшая сильной критикѣ откупную систему. Для обсужденія этой записки былъ образованъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Левашова, въ который вошли Вилламовъ, Тучковъ, Паленъ, Меншиковъ и Друцкій-Любецкій. Комитетъ отрицательно отнесся къ откупной системѣ и предложилъ для полнаго ея пересмотра учредить особый комитетъ. Этотъ комитетъ и былъ учрежденъ въ 1841 году; въ него, подъ предсѣдательствомъ кн. А. С. Меншикова, вошли: Друцкій-Любецкій, А. Дмитріевъ, Муравьевъ и Никитинъ. Откупныя условія на послѣдующее четырехлѣтіе 1843—47 гг. были составлены, однако, безъ какихъ-либо существенныхъ перемѣнъ. Число несостоятельныхъ откуповъ за это время значительно увеличилось, и отъ откупщиковъ поступали постоянно ходатайства о предоставленіи имъ различныхъ льготъ. Для разсмотрѣнія этихъ льготъ въ 1844 г. былъ учрежденъ еще другой комитетъ, подъ предсѣдательствомъ гр. А. Ѳ. Орлова, который и просуществовалъ до конца царствованія Николая I.

Одновременно съ этимъ, однако, шли занятія и только что упомянутаго комитета по пересмотру всей откупной системы. Въ 1844 г., по предложенію Кокорева, этимъ комитетомъ было выработано „Положеніе объ акцизно-откупномъ комиссіонерствѣ." По этому „Положенію" каждый городъ съ уѣздомъ дол-

жны были составить особый округъ, въ которомъ сборъ акцизныхъ статей сдавался на откупъ, а лицо, взявшее такой откупъ, дѣлалось коммиссіонеромъ по продажѣ заготовляемаго казною вина. Вино должно было продаваться по той же цѣнѣ, какую откупщикъ уплачивалъ за него казнѣ, но за коммиссію этотъ послѣдній удерживалъ въ свою пользу извѣстный процентъ. Къ сентябрю 1846 г. это „Положеніе“ было окончательно узаконено, и съ этого времени откупа сдавались уже на новыхъ основаніяхъ. Система акцизно-откупного комиссіонерства повела, однако, лишь къ новымъ злоупотребленіямъ, вслѣдствіе чего въ послѣдніе годы николаевскаго царствованія былъ снова поставленъ на очередь вопросъ о казенной продажѣ вина. Проектъ особой системы казенной продажи былъ внесенъ въ 1852 г. министромъ финансовъ Брокомъ въ секретный комитетъ для разсмотрѣнія ходатайствъ откупщиковъ. Въ 1853 г. Комитетомъ Министровъ было уже разсмотрѣно и одобрено „Положеніе о продажѣ казеннаго вина“, но вспыхнувшая вскорѣ послѣ этого война помѣшала ввести это „Положеніе“ въ дѣйствіе. 2 апрѣля 1854 г. было повелѣно предложить откупщикамъ оставить питейные сборы за собой безъ торговъ еще на два года.

Весьма значительная по своимъ послѣдствіямъ, хотя и не оправдавшая возлагаемыхъ на нее ожиданій, откупная система сама по себѣ была однимъ изъ частичныхъ мѣропріятій финансовой политики николаевскаго царствованія. Мы сейчасъ видѣли, съ какими оговорками самъ Канкринъ допускалъ эту систему. Если, тѣмъ не менѣе, онъ считалъ необходимымъ ея держаться, то, быть можетъ, въ этомъ играли извѣстную роль опасенія увеличенія государственнаго долга. Черезъ всю финансовую систему Канкрина эти опасенія проходятъ красною нитью. Къ значительной степени эти опасенія лежатъ и въ основѣ проведенной имъ реформы денежнаго обращенія.

При вступленіи на престолъ императора Николая русскіе государственные финансы находились въ весьма разстроенномъ состояніи. Неустойчивость и разнообразіе курса бумажнаго рубля неблагопріятно отражались на торговомъ обращеніи, что въ свою очередь увеличивало государственную задолженность. Войны александровскаго царствованія, съ другой стороны, потребовали огромнаго напряженія финансовыхъ силъ страны и точно также привели къ значительному увеличенію государ-

ственнаго долга. Къ концу царствованія Александра I внѣшній долгъ достигалъ 102 мил. руб. серебромъ. Получавшійся ежегодно бюджетный дефицитъ, въ виду большихъ налоговыхъ недоборовъ, покрывался, главнымъ образомъ, двумя источниками: новыми выпусками ассигнацій и „позаимствованіями“ государственнаго казначейства изъ вкладовъ, поступавшихъ въ государственныя кредитныя учрежденія отъ частныхъ лицъ и учрежденій, и изъ спеціальныхъ капиталовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Безпроцентный долгъ по ассигнаціямъ къ концу 1825 г. равнялся 595 мил. руб.; процентный внутренній долгъ—106 мил. руб. серебромъ. Чрезмѣрное увеличеніе государственнаго долга, сопровождавшееся иногда временными задержками платежей, колебало русскій государственный кредитъ за-границей. Чрезмѣрное увеличеніе выпускаемыхъ ассигнацій приводило къ колебанію курса бумажнаго рубля на внутреннемъ денежномъ рынкѣ. Кромѣ казеннаго курса, по которому ассигнаціи принимались въ уплату податей, существовалъ курсъ вексельный, при сдѣлкѣ съ иностранными фирмами, и курсъ простонародный, при внутреннихъ сдѣлкахъ, подвергавшійся особенно сильнымъ и частымъ колебаніямъ и неодинаковый въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи, и тѣмъ самымъ создававшій почву для развитія спекуляціи. Къ концу александровскаго царствованія казенный курсъ равнялся 350—360 к. ассигнаціями за серебряный рубль; простонародный понижался до 420 коп. за рубль. Все это путало денежные разсчеты, порождало большія затрудненія и тормозило развитіе торговыхъ сношеній.

Реформа денежнаго обращенія въ николаевское царствованіе выразилась въ замѣнѣ ассигнацій кредитными билетами, размѣнивавшимися полностью на серебро и потому обязательными, при платежахъ, къ пріему по ихъ нарицательному достоинству. Осуществленію этой реформы благопріятствовала, въ значительной степени, кредитная политика первой половины николаевскаго царствованія. Въ основу этой политики гр. Канкринымъ было положено требованіе по возможности „избѣгать новыхъ займовъ, а особливо заграничныхъ“. Выполнить это требованіе цѣликомъ мѣшали, однако, экстренныя обстоятельства—дорого стоившія войны 1828—29 гг. и подавленіе польскаго возстанія, а также такія бѣдствія, какъ неурожаи и холерная эпидемія. Въ 1828—31 гг. правительство принуждено

было заключить для покрытія военныхъ расходовъ два новыхъ внѣшнихъ займа (5%) въ общей сложности на нарицательную сумму около 24 милліоновъ рублей. Не обойдясь совершенно безъ внѣшнихъ займовъ, Канкринъ старался покрывать оставшійся за этимъ дефицитъ внутреннимъ кредитомъ. Источникомъ для послѣдняго явилось старое средство—„позаимствованія“ государственнаго казначейства изъ государственныхъ кредитныхъ установленій; съ 1831 г. къ этому средству прибавилось новое—выпускъ „билетовъ государственнаго казначейства“ (серій), являвшихся краткосрочнымъ процентнымъ внутреннимъ займомъ.

Съ 1831 г. по 1840 г. правительству удалось обойтись совершенно безъ внѣшнихъ займовъ; только въ 1840 г. былъ заключенъ новый 4%-ный заемъ на 25 милл. руб. Внутренній процентный долгъ, зато, съ начала царствованія, увеличился: по „позаимствованіямъ“ (главнымъ образомъ, изъ Заемнаго Банка и сохранныхъ казенъ) на 117 милліоновъ руб. сер.; по выпускамъ серій—на 72 милл. руб. асс. Практика „позаимствованій“ позволяла государственнымъ кредитнымъ установленіямъ платить довольно высокій процентъ на притекавшіе въ нихъ частные вклады, что, въ свою очередь, значительно увеличивало эти послѣдніе. Вкладные банковые билеты имѣли, на ряду съ деньгами, широкое обращеніе, вексельный курсъ стоялъ довольно высоко, и приливъ звонкой монеты въ Россіи увеличивался. Создавались благопріятныя условія для образованія размѣннаго металлическаго фонда, необходимаго для обезпеченія бумажныхъ денегъ.

Для привлеченія звонкой монеты въ государственное казначейство еще съ 1827 г. былъ разрѣшенъ пріемъ серебра по тѣмъ казеннымъ платежамъ, которые до этого времени обязательно производились ассигнаціями. Серебро принималось правительствомъ по заблаговременно назначаемому министромъ финансовъ курсу, и это постепенно создало большую устойчивость въ отношеніи между серебрянымъ рублемъ и ассигнаціоннымъ. Въ 1834 г. были приняты первыя принудительныя мѣры противъ „простонароднаго лажа“: высочайшимъ указомъ 8 октября этого года были запрещены заключеніе и писаніе денежныхъ обязательствъ, а также расчеты по найму рабочихъ, хотя бы и словесные, „по курсу на монету“. Съ конца 1836 г.

казеннымъ палатамъ было предписано всѣ выдачи, опредѣленныя звонкою монетою, непремѣнно такъ и производить, такъ какъ получатели „не имѣютъ права отказываться отъ принятія оной и требовать вмѣсто того ассигнацій“. Курсъ на ассигнаціи подымался, но „простонародный лажъ“ не уничтожался. Въ 1837 г. императоръ Николай обратилъ на это особое вниманіе и указалъ, что „сей предметъ повсемѣстной жалобы требуетъ необходимо соображеній министра финансовъ“. Канкринъ представилъ по этому поводу въ Государственный Совѣтъ свои соображенія, которыя и обсуждались, неоднократно видоизмѣняясь, въ 1837 и по 1839 г. въ общемъ собраніи Совѣта и на засѣданіяхъ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Государственной Экономіи. Результатомъ этого былъ Высочайшій Манифестъ отъ 1 іюля 1839 г. объ устройствѣ денежной системы и указъ отъ того же числа Правительствующему Сенату объ учрежденіи депозитной кассы.

Манифестомъ устанавливалось новое серебряное обращеніе; главною монетною единицею, на которую исчислялись всѣ государственные платежи, и на которую единственно и могли заключаться, съ 1 января 1840 г., всѣ сдѣлки и условія какъ между частными лицами, такъ и съ казною, объявлялся серебряный рубль. Государственныя ассигнаціи объявлялись вспомогательнымъ знакомъ цѣнности съ единожды навсегда установленнымъ курсомъ въ 3 р. 50 к. за серебряный рубль. Производить платежи предоставлялось на волю какъ серебромъ, такъ и ассигнаціями, но послѣдними—лишь по установленному курсу. Казначействамъ вмѣнялось въ обязанность свободно обмѣнивать серебро на ассигнаціи и обратно до 100 руб. на однѣ руки. Манифестомъ 1 іюля 1839 г. признавалось, такимъ образомъ, частичное банкротство государства. Указомъ Правительствующему Сенату при Государственномъ Коммерческомъ Банкѣ учреждалась особая депозитная касса для пріема на неприкосновенное храненіе серебряной монеты, а съ 1841 г. также серебра и золота въ слиткахъ, съ тѣмъ, чтобы эти вклады ни на какой расходъ, кромѣ обратнаго промѣна, не употреблялись. Взамѣнъ вкладовъ касса выдавала билеты („депозитки“), вначалѣ лишь 25-рублеваго, а потомъ и болѣе мелкаго достоинства, которымъ, наравнѣ съ серебряною монетою, присваивалось свободное обращеніе безъ всякаго

лажа, и которыя всегда обязательно обмѣнивались обратно на серебро.

Притокъ въ депозитную кассу частныхъ вкладовъ, вначалѣ весьма незначительный, съ 1841 г. началъ быстро возрастать. Къ 1-му сентября 1843 г. въ обращеніи находилось депозитныхъ билетовъ на сумму 48,5 милліоновъ р. сер.; дальнѣйшій выпускъ ихъ былъ прекращенъ. Почти одновременно съ реформою денежнаго обращенія и учрежденіемъ депозитной кассы возникла мысль и о замѣнѣ самихъ ассигнацій новыми бумажными знаками („кредитными билетами"), которые исчислялись бы на серебро. Мысль объ этомъ, въ ея первоначальной формѣ, принадлежала самому Николаю Павловичу.

Въ виду тяжелыхъ условій (повсемѣстный неурожай) для поступленія государственныхъ доходовъ на 1841 г., государь собралъ подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ комитетъ, составленный изъ наслѣдника и нѣсколькихъ министровъ и членовъ Государственнаго Совѣта, и предложилъ отъ себя проектъ выпуска, для выдачи ссудъ кредитнымъ установленіемъ, особыхъ билетовъ-ассигнацій, которымъ присваивалось наименованіе „сохранныхъ". Эти билеты получали право свободнаго обращенія наравнѣ со звонкою монетою и приносили въ годъ 3,65%. Это предложеніе, еще до внесенія въ комитетъ, встрѣтило возраженія со стороны Канкрина, который указалъ, что нельзя выпускать билеты съ процентомъ ниже банковаго (4%) и въ то же время съ принудительнымъ обращеніемъ, не подвергаясь опасности, что они упадутъ въ цѣнѣ. При дальнѣйшемъ обсужденіи въ комитетѣ записки государя и возраженій на нее Канкрина, остановились на новомъ предложеніи Николая Павловича — выпустить безпроцентные билеты, обезпеченіемъ для которыхъ явился бы свободный во всякое время размѣнъ ихъ на звонкую монету. 1-го іюля 1841 г. былъ обнародованъ Высочайшій манифестъ о выпускѣ „кредитныхъ билетовъ"—„для облегченія оборотовъ государственныхъ кредитныхъ установленій и для умноженія, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ народномъ обращеніи массы легкоподвижныхъ денежныхъ знаковъ". Всего новыхъ билетовъ предназначалось къ выпуску на сумму 30 милл. р. по 50 р. каждый. Они обезпечивались всѣмъ достояніемъ государственныхъ кредитныхъ установленій и свободнымъ во всякое время размѣномъ на звонкую монету,

для чего образовывался, по мѣрѣ выпуска билетовъ, особый металлическій фондъ въ размѣрѣ $^1/_6$ суммы всѣхъ выпущенныхъ билетовъ. Операція была произведена успѣшно, и тогда у Николая Павловича появилась новая мысль—о замѣнѣ всѣхъ обращавшихся бумажныхъ денегъ, т.-е. и ассигнацій и депозитокъ, кредитными билетами.

Обмѣнъ мнѣній между государемъ и министромъ финансовъ по этому вопросу вызвалъ со стороны перваго двѣ записки, ходъ разсужденія которыхъ сводился къ слѣдующему. Для выкупа 595 милл. руб. ассигнаціями по курсу 1839 г., т.-е. 3 р. 50 к. за рубль серебра, требуется серебряный фондъ въ 170 милл. руб. Этотъ фондъ можетъ быть замѣненъ выпускомъ соотвѣтствующей суммы кредитныхъ билетовъ, а для обезпеченія этихъ послѣднихъ, какъ было уже признано, необходимо имѣть металлическій фондъ въ размѣрѣ $^1/_6$ всѣхъ вышеуказанныхъ билетовъ. Такимъ образомъ, для выкупа кредитными билетами 595 милл. руб. ассигнаціями требуется всего 28,5 милл. серебр. монеты. Въ данный моментъ такимъ фондомъ располагать можно; къ тому же можно, извѣстнымъ образомъ, использовать и фондъ депозитной кассы. Обращать его прямо на обезпеченіе кредитныхъ билетовъ, конечно, нельзя. Но дальнѣйшій выпускъ депозитокъ долженъ быть прекращенъ; поступающія въ казну по платежамъ депозитки подлежатъ уничтоженію, а соотвѣтствующая часть депозитнаго фонда идетъ на обезпеченіе кредитныхъ билетовъ.

Канкринъ отнесся къ этимъ мыслямъ государя съ большимъ опасеніемъ, предвидя, что впослѣдствіи кредитные билеты постигнетъ та же судьба, какая постигла въ свое время ассигнаціи. Его собственное положеніе къ этому времени, однако, уже нѣсколько пошатнулось, и въ своихъ возраженіяхъ государю онъ не былъ поддержанъ другими министрами. 1 іюня 1843 г. послѣдовалъ высочайшій манифестъ о замѣнѣ ассигнацій и другихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ кредитными билетами. Въ тотъ же день былъ обнародованъ уставъ вновь учреждаемой экспедиціи кредитныхъ билетовъ. Первоначальный проектъ манифеста и устава былъ составленъ Канкринымъ; въ окончательной редакціи часть правилъ, касающихся выпуска кредитныхъ билетовъ и оборотовъ фонда, была перенесена изъ манифеста въ особую инструкцію экспедиціи, не подлежащую опубликованію.

Обращавшіяся на сумму 595.776.310 р. ассигнаціи подлежали замѣнѣ кредитными билетами на сумму 170.221.800 р. Сверхъ обращавшихся уже 50-рублевыхъ билетовъ теперь выпускались билеты въ 25, 10, 5, 3 и 1 руб., а позднѣе и въ 100 руб. Для обезпеченія кредитныхъ билетовъ составлялся металлическій фондъ въ 28,5 милл. руб.: 14,5 милл. руб.—изъ государственныхъ запасныхъ капиталовъ, а 14 милл.—изъ количества звонкой монеты, поступавшей сюда за перешедшіе въ собственность казны депозитные билеты.

Реформа денежнаго обращенія, завершившаяся обмѣномъ всѣхъ бумажныхъ знаковъ на кредитные билеты, на первыхъ порахъ имѣла результаты, благопріятные для внѣшняго и внутренняго оборота. Денежная система получила бо́льшую устойчивость. Одновременно съ этимъ высокій денежный курсъ способствовалъ дальнѣйшему приливу въ Россію звонкой монеты. Къ послѣднему сроку, назначенному для обмѣна ассигнацій, къ 13 апрѣля 1851 г., осталось не обмѣненными всего около 3,5 милл. рублей асс. Кредитные билеты выпускались первыя пять лѣтъ послѣ манифеста 1843 г. сравнительно въ умѣренномъ количествѣ, и обезпечивающій ихъ металлическій фондъ значительно превосходилъ $^1/_6$ суммы общаго количества билетовъ. Къ 1 января 1848 г. было выпущено кредитныхъ билетовъ на сумму 289,6 милл. руб.; обезпечивающій ихъ фондъ достигалъ 117,9 милл. руб. Но уже въ 1848 г., въ связи съ политическими потрясеніями на Западѣ и стѣсненіемъ европейскаго денежнаго рынка, нашъ вексельный курсъ понизился, спросъ на звонкую монету увеличился, и на серебро возникъ небольшой лажъ. Вмѣшательства Россіи въ западноевропейскія событія, съ цѣлью подавленія революціонныхъ движеній, приведеніе для этого арміи на военное положеніе и венгерская кампанія, потребовали крупныхъ экстренныхъ расходовъ на военныя нужды. Къ 1 января 1853 г. сумма всѣхъ выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ увеличилась уже до 311,4 милл. руб. Съ 1853 г. новыхъ крупныхъ расходовъ потребовала начавшаяся крымская кампанія, что вызвало и новый выпускъ кредитныхъ билетовъ, и значительное сокращеніе металлическаго размѣннаго фонда. Къ концу царствованія императора Николая I государственный долгъ въ кредитныхъ билетахъ достигъ уже 356,3 милл. р. Съ февраля 1854 г.

свободный размѣнъ ихъ былъ ограниченъ, и къ февралю 1855 г. кредитный рубль упалъ до 96 коп. серебр.

Одновременно съ этимъ, во вторую половину николаевскаго царствованія наблюдается гораздо болѣе быстрое, сравнительно съ первой половиной, возрастаніе государственнаго процентнаго долга, что почти совпадаетъ съ уходомъ въ отставку гр. Канкрина. Внѣшній долгъ начинаетъ возрастать съ 1842 г., что вызывалось сперва крупными издержками по постройкѣ желѣзной дороги Москва—Петербургъ, а позднѣе все тѣми же военными расходами. Съ 1842 по 1849 г. было заключено четыре 4%-ныхъ займа на общую номинальную сумму 42 мил. руб. Участіе въ венгерской кампаніи привело къ заключенію еще одного 4,5%-наго займа приблизительно на 35 мил. руб. Для покрытія расходовъ крымской кампаніи былъ заключенъ въ 1854 г. 5%-ный заемъ на 50 мил. руб. Внѣшній долгъ увеличился въ общемъ на 127 мил. руб. и возросъ къ концу царствованія до 278 мил. руб. Одновременно съ этимъ „позаимствованія“ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій увеличились за тѣ же годы до 284 мил. руб.; общая сумма ихъ къ 1855 г. достигала цифры 507 мил. руб. Наконецъ, билетовъ государственнаго казначейства въ 1855 г. находилось въ обращеніи на 75 мил. руб. Общая сумма государственнаго долга, какъ процентнаго, такъ и безпроцентнаго, достигла такимъ образомъ 1.216 мил. руб., т.-е. увеличилась, сравнительно съ нач. 1826 г., болѣе чѣмъ на 800 мил. руб. Въ то время, какъ съ 1821 г. по 1840 г. государственный долгъ возросъ съ 377 мил. на 464 мил. руб. серебромъ, т.-е. увеличился немного болѣе чѣмъ на $^1/_4$, съ 1840 по 1855 г. онъ увеличился почти втрое.

Николаевское законодательство о государственныхъ состояніяхъ.

Разрѣшить назрѣвшія экономическія нужды и привести въ ясность установившійся гражданскій правопорядокъ — таковы были главныя задачи николаевской правительственной программы. Въ значительной степени изъ этихъ задачъ вытекала для правительства необходимость устроенія на извѣстныхъ началахъ самого общества, что выразилось въ законодательствѣ николаевскаго царствованія о государственныхъ состояніяхъ. Въ періодъ правительственныхъ конституціонныхъ начинаній политическая реформа мыслилась, какъ необходимое условіе упроченія законности и упорядоченія финансовъ. Для новаго царствованія, ликвидировавшаго въ правительственномъ сознаніи конституціонный вопросъ, разрѣшеніе тѣхъ же задачъ стало какъ бы своего рода оправданіемъ программы политическаго абсолютизма. Сперанскій строитъ свой планъ конституціонной реформы на соотвѣтствующей перестройкѣ общественнаго уклада. Отказавшись отъ мысли о коренной общественной перестройкѣ точно также, какъ отъ мысли о конституціонной реформѣ, николаевское правительство ставитъ себѣ задачею примирить исторически развившійся въ теченіе XVIII вѣка сословно-крѣпостной укладъ съ тѣми новыми условіями и требованіями жизни, изъ которыхъ вырастали понятія гражданскаго личнаго полноправія, а также ввести въ этотъ укладъ новый соціальный элементъ—многосословное городское общество, объединенное болѣе сложными задачами городского хозяйства и управленія. Отсюда, прежде всего, тѣ мѣропріятія, которыя должны были сгладить рѣзкія грани между отдѣльными сословными группами путемъ введенія болѣе дробной градаціи отъ одного состоянія къ другому. На двухъ концахъ воздвигаемой такимъ путемъ общественной

лѣстницы стали тѣ два сословія, исторически сложившіяся отношенія между которыми налагали отпечатокъ на весь русскій сословный строй восемнадцатаго и начала девятнадцатаго вѣковъ: наверху—лишенное теперь всякаго политическаго значенія, но тщательно отбираемое правительствомъ, какъ служилый классъ, дворянство; внизу — попрежнему закрѣпощенное, но постепенно возвращающее себѣ гражданскія права, главнымъ образомъ, имущественныя, и тѣмъ самымъ получающее доступъ въ среднія, промежуточныя состоянія крестьянство.

Созданіе болѣе дробной градаціи между отдѣльными общественными состояніями выразилось главнымъ образомъ въ манифестѣ 10 февраля 1832 г. о почетномъ гражданствѣ, а также въ болѣе позднемъ законѣ 1845 г. о чинахъ и связанныхъ съ ними преимуществахъ. Оба эти закона были частичнымъ осуществленіемъ, въ видоизмѣненной формѣ, извѣстнаго уже намъ проекта дополнительнаго закона о состояніяхъ, составленнаго Комитетомъ 6 декабря 1823 года. Почетное гражданство освобождало отъ рекрутской повинности, подушнаго оклада и тѣлеснаго наказанія, т.-е. давало тѣ же права, какія были присущи первогильдейскому купечеству. Оно раздѣлялось на потомственное и личное. Потомственное почетное гражданство присваивалось: по рожденію—дѣтямъ личныхъ дворянъ и церковнослужителей, имѣвшихъ образовательный цензъ; по ходатайству—коммерцъ- и мануфактуръ-совѣтникамъ, купцамъ, если они пробыли въ первой гильдіи подъ рядъ 20 лѣтъ или получили, не будучи на службѣ, чинъ или орденъ, и ученымъ и художникамъ, имѣющимъ степень. Личное почетное гражданство присваивалось: по рожденію—дѣтямъ церковнослужителей, не имѣющимъ образовательнаго ценза; по ходатайству—лицамъ, окончившимъ университетъ и другія учебныя заведенія; по службѣ — лицамъ, получившимъ чины, не дававшіе права на дворянство. Ближайшею цѣлью манифеста 1832 г. было создать болѣе почетное положеніе для коренного купечества, хотя бы и обѣднѣвшаго и принужденнаго тѣмъ самымъ записываться въ мѣщанство. Въ этомъ отношеніи манифестъ 1832 г. стоитъ, прежде всего, въ связи съ отмѣченными уже выше заботами объ устроеніи городского общества, какъ извѣстной хозяй-

ственной единицы. Онъ закрѣпляетъ за купечествомъ положеніе верховъ этого общества. Съ другой стороны, мы видимъ, что въ разрядъ почетнаго гражданства входятъ и низы дворянскаго общества, а также тѣ, кто по своему служебному и общественному положенію могъ претендовать на извѣстный почетъ, недостаточный, однако, съ точки зрѣнія законодателя, для того, чтобы ввести его въ среду „благородныхъ“. Положеніе о почетномъ гражданствѣ, по существу своему исходившее изъ условій, прежде всего, городской жизни, сближало, въ то же время, городъ съ уѣзднымъ дворянскимъ обществомъ, создавая въ лицѣ почетныхъ гражданъ новый разрядъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Это положеніе получаетъ свое логическое завершеніе къ 1845 г., когда, съ окончательнымъ установленіемъ порядка полученія преимуществъ по государственной службѣ, были подняты требованія для полученія потомственнаго дворянства. Манифестъ 11 іюня 1845 г. обусловливалъ полученіе по службѣ потомственнаго дворянства пріобрѣтеніемъ перваго штабъ-офицерскаго чина на военной службѣ или чина V класса на гражданской. Первый оберъ-офицерскій чинъ или чинъ IX класса давали лишь личное дворянство; чинъ XIV класса—лишь личное почетное гражданство. Полученіе ордена для лицъ всѣхъ званій, кромѣ купечества, духовенства римско-католическаго исповѣданія и чиновъ башкирскаго войска, съ 1839 г., точно такъ же давало право лишь личнаго дворянства.

Законодательство николаевскаго царствованія о дворянствѣ отражаетъ на себѣ вполнѣ опредѣленный взглядъ на это сословіе, какъ на сословіе государственной службы. Въ послѣдніе годы своего царствованія императоръ Николай, повидимому подъ вліяніемъ европейскихъ потрясеній 1848 г., какъ бы обнаруживаетъ извѣстное стремленіе пойти навстрѣчу дворянству и ищетъ въ немъ опоры. Ниже еще придется упоминать о его рѣчи 26 марта 1848 г. къ петербургскому дворянству, въ которой онъ предлагалъ „забыть всѣ непріятности одного къ другому“, разумѣя, очевидно, подъ этимъ съ своей стороны — мѣропріятія по крестьянскому вопросу, со стороны дворянства—четырнадцатое декабря 1825 года. Считать николаевское царствованіе дворянскимъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ

можно говорить, напримѣръ, объ эпохѣ Екатерины II, было бы, однако, историческою ошибкою. Охраненіе чистоты дворянскаго сословія своеобразно сочетается въ это время съ полнымъ отрицаніемъ за дворянствомъ роли руководящаго общественнаго класса. Это время — прямое продолженіе павловскихъ антидворянскихъ традицій, свободное, конечно, отъ павловскихъ эксцессовъ. Дворянское дѣло есть преимущественно служба— эта мысль послѣдовательно проводится николаевскимъ законодательствомъ; въ послѣдній разъ звучатъ здѣсь традиціи обязательной государственной службы. Отсюда же вполнѣ опредѣленное стремленіе повысить матеріальный и имущественный уровень этого сословія и придать ему больше замкнутости, но не въ цѣляхъ развитія въ немъ сословно-корпоративнаго духа, а прежде всего въ видахъ государственной службы. На ряду съ этимъ не менѣе опредѣленно и послѣдовательно сказывается недовѣрчивое отношеніе къ дворянской сословной независимости; это приводитъ, однако, не къ упраздненію дворянскаго корпоративнаго устройства, но къ стремленію урегулировать его правительственными мѣропріятіями, въ правительственныхъ же видахъ, и использовать дворянскую выборную службу, какъ особый видъ службы государственной.

Наиболѣе крупною мѣрою николаевскаго законодательства о дворянствѣ было положеніе о дворянскихъ обществахъ 6 декабря 1831 г., законъ о порядкѣ дворянскихъ собраній, выборовъ и службы по онымъ. Поводомъ къ его изданію явилась полная неупорядоченность дворянскихъ собраній, обратившая на себя вниманіе правительства уже въ концѣ царствованія Александра I. Со времени изданія Жалованной Грамоты не было установлено съ достаточной ясностью, кто изъ дворянъ имѣетъ право участвовать въ выборахъ, и не былъ достаточно точно опредѣленъ кругъ вѣдѣнія дворянскихъ собраній. Былъ и еще одинъ пунктъ, въ екатерининское царствованіе въ глаза не бросавшійся, это — вопросъ объ отношеніи дворянства къ мѣстнымъ правительственнымъ органамъ. Дворянство являлось тогда неоспоримо преобладающимъ классомъ, въ рукахъ котораго сосредоточивались судъ и администрація въ уѣздѣ; при такихъ условіяхъ, разграниченія между уѣздными органами дворянскаго самоуправленія и уѣздными органами общаго управленія фактически стирались. Въ то же время право дворян-

ства дѣлать представленія непосредственно верховной власти какъ бы признавало за нимъ право контроля надъ мѣстными правительственными органами. Въ николаевское царствованіе проводится, какъ извѣстно, перестройка всей системы мѣстнаго управленія въ смыслѣ его централизаціи и бюрократизаціи. Мы уже знаемъ, что нѣсколько позднѣе, къ 1837 г., былъ усиленъ правительственный элементъ въ губернскомъ и уѣздномъ управленіи, и значеніе дворянскаго выборнаго элемента было низведено на исключительно служебное положеніе. Необходимо долженъ былъ, поэтому, возникнуть вопросъ и объ отношеніяхъ органовъ дворянскаго самоуправленія, окончательно утрачивающихъ теперь значеніе общественнаго контроля и замыкающихся въ сферу внутренняго сословнаго распорядка, къ мѣстнымъ правительственнымъ органамъ. На всѣ эти вопросы и отвѣчало, въ значительной степени, положеніе 1831 г. о дворянскихъ обществахъ. Законъ 6 декабря возникъ изъ проекта, выработаннаго въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и внесеннаго въ Комитетъ 6 декабря 1826 г., обсуждавшагося здѣсь одновременно съ проектомъ самого комитета о состояніяхъ и въ концѣ-концовъ значительно измѣненнаго. Вскорѣ послѣ своего обнародованія, при внесеніи въ Сводъ Законовъ, положеніе 6 декабря 1831 г. подверглось новымъ, хотя и незначительнымъ, поправкамъ.

Положеніе 1831 г., прежде всего, точнѣе опредѣляло составъ дворянскихъ собраній и повышало имущественный цензъ, дающій право участія въ этихъ собраніяхъ. Правомъ голоса на собраніяхъ пользовались одни потомственные дворяне не моложе 21 года, данной губерніи или уѣзда, безукоризненнаго поведенія, имѣющіе здѣсь недвижимую собственность, получившіе, по крайней мѣрѣ, чинъ XIV класса на дѣйствительной службѣ, или прослужившіе 3 года по дворянскимъ выборамъ, или получившіе на службѣ русскій орденъ. Избирательнымъ голосомъ пользовались лишь тѣ, кто имѣлъ не менѣе 100 душъ крестьянъ и не менѣе 3000 десятинъ земли въ одной губерніи; для лицъ, получившихъ на службѣ чинъ полковника или дѣйствительнаго статскаго совѣтника, этотъ цензъ, съ 1836 г., былъ пониженъ до 5 душъ и 150 десятинъ земли. Дворяне, вообще имѣвшіе не менѣе 5 душъ и 150 десятинъ, участвовали въ выборахъ черезъ уполномоченныхъ, складываясь до

полнаго ценза. Участіе въ собраніяхъ для тѣхъ лицъ, кто имѣлъ на это право, являлось обязанностью. Точнѣе была опредѣлена и компетенція дворянскихъ собраній. Положеніе 1831 г. проводило строгое различіе между дворянскими собраніями уѣздными и губернскими; обыкновенными, собиравшимися разъ въ три года, и чрезвычайными, созывавшимися по мѣрѣ надобности. Предметами занятій дворянскихъ собраній, по положенію 1831 г., являлись: выборы должностныхъ лицъ, теперь точно опредѣленные; дворянскія денежныя складки; представленія начальству о нуждахъ и пользахъ. По положенію 1831 г. это послѣднее право было расширено: дворянскія представленія могли теперь указывать на злоупотребленія и неудобства въ мѣстномъ управленіи и проистекающія изъ общихъ постановленій. Съ другой стороны, дворянскія общества считались теперь подъ началомъ у Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Отмѣненное въ 1797 г. право дворянскихъ собраній дѣлать представленія черезъ своихъ депутатовъ Сенату въ 1831 г. возстановлено не было. Обыкновенныя уѣздныя собранія могли заниматься только: подготовкою къ губернскимъ выборамъ и провѣркою мѣстныхъ дворянскихъ суммъ. Контроль надъ дворянскими собраніями мѣстной правительственной власти, въ лицѣ губернатора, по положенію 1831 г., значительно усиливался.

Служба по дворянскимъ выборамъ, въ смыслѣ прохожденія и полученія чиновъ и наградъ, по положенію 1831 г. окончательно приравнивалась къ государственной. Должность губернскаго предводителя считалась въ IV-мъ классѣ, уѣзднаго—въ VI-мъ. Число должностей по общему губернскому управленію, избираемыхъ дворянами, увеличивалось; по мѣрѣ того, какъ изъ корпоративныхъ правъ дворянства вытравливался всякій политическій элементъ, создавалась какъ бы своеобразная система дворянской государственной службы. Они избирали теперь не только членовъ, но и предсѣдателей обѣихъ судебныхъ палатъ, а также почетнаго попечителя мѣстной гимназіи. Позднѣе, какъ было уже сказано, ихъ представители появляются въ различныхъ хозяйственныхъ губернскихъ комиссіяхъ, а съ сороковыхъ годовъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ различныхъ губернскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Съ другой стороны, разрастается число общеадминистративныхъ обязан-

ностей, возлагаемыхъ на предводителей дворянства, главнымъ образомъ полицейскаго характера. Только въ 1850 г. предводители были освобождены отъ многихъ изъ этихъ обязанностей.

Дальнѣйшее законодательство николаевскаго царствованія о дворянствѣ, въ значительной степени, являлось какъ бы логическимъ развитіемъ тѣхъ началъ, какими было проникнуто положеніе 1831 г. Таковы, прежде всего, мѣры, ограничивающія доступъ въ дворянство и способы его полученія, какъ извѣстный уже намъ манифестъ 1845 г. Съ другой стороны, замѣтны заботы объ улучшеніи матеріальнаго благосостоянія дворянъ. Въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ неимущіе дворяне надѣлялись казенными зѣмлями на правахъ ограниченной собственности съ пособіемъ отъ казны. Еще въ Комитетѣ 6 декабря 1826 г. возбуждался вопросъ объ учрежденіи майоратовъ. Въ видѣ общей мѣры это осуществлено не было, но съ 1831 г., по просьбѣ дворянъ, учреждается цѣлый рядъ отдѣльныхъ майоратовъ [1]). Въ 1845 г. было издано общее положеніе о заповѣдныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ. Заповѣдныя имѣнія учреждались или по волѣ самого владѣльца, или по высочайшему повелѣнію, при самомъ пожалованіи имѣнія. Заповѣдное имѣніе должно было заключать въ себѣ не менѣе 400 и не болѣе 4000 крестьянскихъ дворовъ или не менѣе 100.000 дес. удобной земли; оно должно было приносить не менѣе 12.000 и не болѣе 200.000 р. с. годового дохода. Заповѣдное имѣніе объявлялось собственностью рода и могло быть завѣщаемо лишь законному потомству по нисходящей линіи, съ правомъ первородства и съ предпочтеніемъ мужского колѣна женскому. Одновременно съ этимъ проявляются заботы и о поднятіи духовнаго уровня дворянства. Въ 1843 г. было положено дѣтей бѣдныхъ дворянъ отдавать для обученія въ батальоны военныхъ кантонистовъ, а съ 1852 г. и въ аудиторское училище. Въ мѣропріятіяхъ по народному образованію въ николаевское царствованіе одною изъ характерныхъ чертъ является, какъ было уже отмѣчено, широкое развитіе спеціаль-

---

[1]) Гр. Строгоновой—въ 1831 г., кн. Голицыныхъ—въ 1833 и 1834 гг., гр. Бенкендорфа—въ 1837 и 1844 гг., кн. Витгенштейна—въ 1845 г., кн. Паскевича-Эриванскаго—въ 1847 и 1849 гг. и др.

ко дворянскихъ учебныхъ заведеній. Отсюда вытекало и сокращеніе для дворянъ сроковъ службы для производства въ чины. Еще въ 1829 г. срокъ службы для производства въ офицеры вольноопредѣляющихся былъ установленъ: для дворянъ 4-хлѣтній, для другихъ сословій — отъ 6 до 12 лѣтъ. Съ 1830 г., послѣ устройства кадетскихъ корпусовъ, дворяне одно время выпускались изъ корпусовъ, черезъ дворянскій полкъ, прямо офицерами. Съ другой стороны, однако, самая служба дворянъ была болѣе строго регламентирована. Такъ, въ 1837 г. послѣдовало запрещеніе, повторенное въ 1840 г., принимать дворянъ въ центральныя учрежденія ранѣе извѣстнаго срока службы въ мѣстныхъ.

Всѣ эти преимущества для дворянъ въ николаевское царствованіе вытекали изъ одного стремленія—устроить дворянство, какъ классъ, предназначенный, главнымъ образомъ, для государственной службы. Видя въ дворянахъ прежде всего чиновниковъ и, въ силу этого, заботясь прежде всего и о матеріальномъ благосостояніи этого класса, и объ его благородствѣ, и о чистотѣ его состава, правительство въ николаевское царствованіе съ такой точки зрѣнія подходило и къ тѣмъ злоупотребленіямъ со стороны дворянъ ихъ положеніемъ, которыя могли бы ронять достоинство всего дворянства, какъ государственнаго состоянія, и прежде всего къ злоупотребленіямъ крѣпостнымъ правомъ. Закономъ 1829 г., наказомъ гражданскимъ губернаторамъ и отдѣльными позднѣйшими указами были подробно установлены правила о наложеніи на дворянъ за подобныя злоупотребленія опеки, чѣмъ значительно дополнялся и точнѣе опредѣлялся законъ объ опекахъ 1817 г.

Ко времени вступленія на престолъ императора Николая вполнѣ уже выяснилась какъ несовмѣстимость крѣпостного права съ понятіемъ гражданскаго равноправія, такъ и меньшая продуктивность крѣпостного труда сравнительно съ трудомъ свободнымъ. Въ александровское царствованіе выдвинулся на первую очередь вопросъ о личной крѣпостной зависимости крестьянъ, и главное вниманіе правительства было направлено на возстановленіе личныхъ гражданскихъ правъ крестьянина. Такая постановка вопроса выдвигала, въ свою

очередь, вопросъ объ ограниченіи практиковавшейся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ продажи крестьянъ безъ земли и вопросъ о дворовыхъ. Самъ по себѣ, однако, крестьянскій вопросъ въ александровское царствованіе не обращалъ еще въ достаточной степени на себя вниманія правительства и отступалъ на задній планъ передъ вопросомъ о государственныхъ преобразованіяхъ, а его постановка, какъ видно изъ только что сказаннаго, оставалась исключительно въ плоскости опредѣленныхъ политическихъ принциповъ. Правительственная точка зрѣнія на преимущество того или другого вида освобожденія до конца александровскаго царствованія поэтому оставалась недостаточно выясненной, и вопросъ о необходимости освобожденія крестьянъ съ землею не могъ считаться еще окончательно рѣшеннымъ. Только въ концѣ александровскаго царствованія и притомъ, однако, не въ правительственныхъ сферахъ, но въ общественномъ мнѣніи, крестьянскій вопросъ окончательно выдвигается на первую очередь и разрѣшается преимущественно въ формѣ освобожденія крестьянъ съ землею. Въ николаевское царствованіе, одновременно съ полной ликвидаціей вопроса о политической реформѣ, крестьянскій вопросъ въ правительственномъ сознаніи окончательно выдвигается на первую очередь. Результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи въ царствованіе самого Николая не соотвѣтствовали затраченнымъ усиліямъ. Причину этого надо искать въ личныхъ взглядахъ государя на крестьянскій вопросъ, въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ ему приходилось проводить свою политику по этому вопросу, и въ тѣхъ способахъ, какими въ николаевское царствованіе этотъ вопросъ разрѣшался.

Лично императоръ Николай относился къ существующему крѣпостному строю вполнѣ отрицательно, вынеся такое отношеніе къ нему, прежде всего, изъ непосредственныхъ столкновеній съ дѣйствительностью, въ качествѣ начальника войсковыхъ частей и въ качествѣ сторонняго наблюдателя во время своихъ поѣздокъ по Россіи. Въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ, офицерамъ и солдатамъ, Николай, какъ извѣстно, излишнею мягкостью не отличался. Соприкасаясь съ солдатскою массою на дѣлѣ и расцѣнивая ея съ чисто служебной точки зрѣнія, онъ не могъ, однако, не замѣтить того истощающаго вліянія, какое крѣпостной укладъ жизни оказывалъ на крестьянское населеніе, что подтверждалось и офи-

ціальными отчетами этого времени. Знакомство съ дѣломъ декабристовъ должно было уяснить ему многія частности этого вопроса и укрѣпило его въ убѣжденіи, что въ этомъ вопросѣ правительство встрѣтитъ сочувствіе въ нѣкоторой части общества. Говоря объ отрицательномъ отношеніи императора Николая къ крѣпостному строю, указываютъ обыкновенно еще на вліяніе его учителя, профессора Шторха, который въ читаемомъ имъ великимъ князьямъ курсѣ политической экономіи доказывалъ ненормальность крѣпостного права и указывалъ на преимущества свободнаго труда надъ крѣпостнымъ. Какъ мы уже знаемъ изъ отзыва самого Николая Павловича, лекціи Шторха были для него и его брата Михаила черезъ-чуръ серьезны и отвлеченны, а потому и преувеличивать вліянія Шторха на взгляды императора Николая не слѣдуетъ. Позднѣе, выработавъ въ себѣ отрицательное отношеніе къ существующему крѣпостному строю, онъ вспоминалъ то, что въ свое время болѣе или менѣе механически воспринималъ на лекціяхъ своего профессора. Само по себѣ это отрицательное отношеніе выработалось въ немъ прежде всего подъ вліяніемъ условій дѣйствительности. Къ тому же Шторхъ, отстаивая принципъ личнаго освобожденія, не рѣшалъ вопросъ категорически въ сторону освобожденія съ землею. Въ собственныхъ же взглядахъ императора Николая этотъ послѣдній моментъ — стремленіе создать имущественно обезпеченный классъ гражданъ, пользующійся правомъ земельнаго владѣнія, — имѣетъ очень большое значеніе и, пожалуй, даже преобладаетъ надъ сознаніемъ ненормальности личнаго несвободнаго состоянія крестьянъ. Съ этой точки зрѣнія приходится опредѣлять и положительные взгляды Николая на крестьянскій вопросъ.

Отрицательно относясь къ существующему крѣпостному строю, императоръ Николай вовсе не былъ сторонникомъ полнаго освобожденія крестьянъ въ современномъ смыслѣ этого слова — въ смыслѣ перехода къ безсословному строю. Его положительные взгляды на крестьянскій вопросъ вытекали, въ значительной степени, изъ его общихъ воззрѣній на сословныя отношенія. Разъ за дворянствомъ не признается политическая независимость, разъ эта независимость противорѣчитъ принципу абсолютизма, то за нимъ не можетъ быть признано и право владѣнія другимъ *государственнымъ* разрядомъ населенія, какъ

извѣстнымъ видомъ *собственности*. Эта мысль, а также мысль о томъ, что такое владѣніе нарушаетъ и матеріальные интересы страны, весьма отчетливо сознавалась императоромъ Николаемъ; отсюда его стремленіе — вернуть крестьянамъ ихъ гражданскія права, признать въ крестьянской личности, въ крестьянствѣ въ цѣломъ, особый разрядъ населенія, *государственное состояніе*. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, онъ не только считалъ, однако, преждевременнымъ полное освобожденіе крестьянъ, но, повидимому, не представлялъ вообще возможнымъ такой строй, въ которомъ народная масса вполнѣ была бы освобождена отъ какой-либо государственной опеки. Такая опека и должна была оставаться за дворянствомъ, но прежде всего какъ одна изъ его служебныхъ функцій, какъ опека одного класса, призваннаго, прежде всего, быть агентами правительственной власти, надъ другимъ, опекаемымъ, по политическимъ соображеніямъ, во имя охраненія извѣстнаго политическаго порядка. Въ этихъ свойствахъ взгляда императора Николая, а не въ какихъ-либо побочныхъ условіяхъ, надо искать объясненія „нерѣшительнаго характера“ мѣръ по крестьянскому вопросу въ николаевское царствованіе. По соображеніямъ политическаго характера, онъ и не могъ принимать въ крестьянскомъ вопросѣ какія-либо рѣшительныя мѣры, такъ какъ это было бы началомъ крушенія того порядка, который охранять онъ считалъ себя призваннымъ.

Избравши, въ силу этого, въ крестьянскомъ вопросѣ единственно возможный для него путь, путь частичныхъ поправокъ и измѣненій, императоръ Николай не находилъ, даже въ такихъ рамкахъ, достаточной поддержки въ этомъ дѣлѣ со стороны его окружавшихъ, и притомъ даже наиболѣе близкихъ къ нему лицъ. Исключеніе составляли весьма немногіе, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ гр. П. Д. Киселевъ, привлеченіе коего съ 1836 г. къ крестьянскому вопросу составляетъ, въ этомъ отношеніи, эпоху. Быть можетъ, самому государю Киселевъ уяснилъ многія ускользавшія до этого времени отъ его вниманія стороны дѣла. Изъ другихъ сотрудниковъ Николая, сочувствующихъ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, надо отмѣтить Сперанскаго и Канкрина, стоявшихъ, однако, еще на точкѣ зрѣнія безземельнаго освобожденія. Главными противниками какихъ бы то ни было мѣръ въ пользу крестьянъ, въ

теченіе всего царствованія, оставались Чернышевъ и Меншиковъ. Столь же мало сочувствія своимъ начинаніямъ встрѣчалъ императоръ Николай и у другихъ своихъ приближенныхъ, цесаревича Константина Павловича и даже кн. Васильчикова. Довольно своеобразную позицію въ данномъ вопросѣ занималъ министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Л. Перовскій. По всему своему облику типичный консерваторъ, выступая обыкновенно критикомъ всѣхъ предлагаемыхъ въ пользу крестьянъ мѣропріятій, но мѣтко указывая при этомъ иногда ихъ половинчатость, Перовскій представилъ въ 1845 г. свой проектъ, далеко не отличавшійся такимъ уже палліативнымъ характеромъ, какой ему обыкновенно приписываютъ, и во всякомъ случаѣ являвшійся одной изъ наиболѣе отчетливыхъ формулировокъ того, подъ чѣмъ, какъ подъ maximum'омъ, могъ бы подписаться самъ Николай.

Наконецъ, малоуспѣшность предпринимаемыхъ въ николаевское царствованіе мѣръ къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса объясняется и тѣмъ способомъ веденія дѣла, какой въ данномъ случаѣ былъ избранъ. Недовѣрчиво относясь вообще къ общественному мнѣнію и къ общественной иниціативѣ, а въ сущности также не довѣряя и государственнымъ учрежденіямъ, императоръ Николай избралъ въ данномъ случаѣ излюбленный имъ способъ веденія дѣла — въ секретныхъ комитетахъ. Крестьянскій вопросъ разрѣшался при немъ чисто бюрократическимъ путемъ, оставаясь запретною тайною для общества, совершенно изъятой со страницъ печати.

Небогатыя практическими результатами, мѣропріятія николаевскаго царствованія по крестьянскому вопросу имѣли зато огромное принципіальное значеніе: они способствовали уясненію многихъ основныхъ сторонъ этого вопроса и не только выяснили необходимость немедленнаго освобожденія, какъ общей государственной мѣры, но и опредѣлили тѣ формы, въ какихъ это освобожденіе должно было совершиться.

Уже въ Комитетѣ 6 декабря 1826 г., какъ было указано выше, обсуждался крестьянскій вопросъ, при чемъ самая постановка его, въ данномъ случаѣ, цѣликомъ вытекала изъ постановки этого вопроса въ александровское царствованіе. Выработанный комитетомъ дополнительный законъ о состояніяхъ затрагивалъ вопросъ о продажѣ крестьянъ безъ земли, о правѣ крестьянъ на земельную собственность и о дворовыхъ и не ста-

вилъ въ общей формѣ вопроса о крѣпостномъ правѣ. Отмѣченныя выше правительственныя мѣры, одновременно съ этимъ предпринятыя, точно также отличались частичнымъ характеромъ. Послѣ прекращенія работъ Комитета 6 декабря въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1833 и 1834 гг. снова обсуждался вопросъ о запрещеніи продажи крестьянъ безъ земли. Разрѣшеніе вопроса въ общей формѣ было отложено до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, и результатомъ обсужденій явился лишь указъ 2 мая 1833 г., запрещавшій продажу людей съ публичнаго торга и продажу семействъ враздробь, чѣмъ возстановлялись въ силѣ соотвѣтствующіе указы 1771 и 1798 гг. По этому указу запрещалось обезпечивать и удовлетворять частные долги крѣпостными людьми безъ земли; предписывалось крестьянъ, подлежащихъ продажѣ по обязательствамъ, заключеннымъ до настоящаго указа, причислять къ казенному вѣдомству безъ раздробленія ихъ семействъ, и запрещалась продажа и уступка по дарственнымъ крестьянъ отдѣльно отъ семействъ, какъ съ землею, такъ и безъ земли.

Въ мартѣ 1835 г. былъ учрежденъ „Секретный Комитетъ для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій“, въ составъ котораго, подъ предсѣдательствомъ кн. Ил. Вас. Васильчикова, вошли: Сперанскій, Канкринъ, Дашковъ и вызванный передъ этимъ, въ маѣ 1834 г., въ Петербургъ П. Д. Киселевъ, управлявшій до этого Молдавіей и Валахіей, проведшій тамъ крестьянскую реформу и по всему своему складу мыслей являвшійся сторонникомъ наиболѣе широкаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Комитетъ долженъ быть заняться вопросомъ о крестьянахъ въ Западномъ краѣ, въ конфискованныхъ тамъ послѣ польскаго возстанія имѣніяхъ, преобразовать управленіе казенными крестьянами и выработать мѣры для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Комитетъ пришелъ къ заключенію, что всѣ эти мѣры должны быть объединены однимъ общимъ началомъ и поставилъ себѣ цѣлью „установленіе для крестьянъ вѣрнаго и со всею осторожностью размѣреннаго перехода отъ одной степени на высшую, и, такъ сказать, нечувствительнаго возведенія ихъ отъ состоянія крѣпостного до состоянія свободы въ той мѣрѣ, какую законъ справедливости и польза государственная допустить могутъ“. Такими „тремя степенями состоянія крестьянъ всѣхъ наимено-

ваній, казенныхъ и помѣщичьихъ“ комитетъ считалъ: состояніе крѣпостныхъ съ ограниченіемъ работы на владѣльца тремя днями на основаніи манифеста 1797 г.; состояніе крестьянъ, обязанныхъ мѣрною работою: они остаются крѣпкими землѣ; состояніе крестьянъ, пользующихся правомъ свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому и обрабатывающихъ помѣщичьи земли на основаніи заключаемыхъ договоровъ, каковой порядокъ установленъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Комитетъ 1835 г. считалъ, что съ переходомъ всѣхъ крестьянъ на эту послѣднюю степень „исполнится желаніе правительства и удовлетворится потребность государственная для будущаго спокойствія и процвѣтанія Россіи“. Онъ останавливался, такимъ образомъ, на безземельномъ освобожденіи.

Главная роль въ Комитетѣ 1835 г. принадлежала Сперанскому и Канкрину. Киселевъ въ этомъ комитетѣ видной роли не игралъ. Одновременно съ работами комитета, однако, съ Киселевымъ велъ оживленные разговоры по крестьянскому вопросу самъ государь. Еще въ 1834 г., тотчасъ послѣ возвращенія Киселева въ Петербургъ, государь обратилъ вниманіе на представленный Киселевымъ отчетъ объ управленіи Дунайскими княжествами и съ особымъ интересомъ отнесся къ тому, что было сдѣлано тамъ Киселевымъ по крестьянскому вопросу. Тогда же государь сказалъ ему, что они съ нимъ „займутся этимъ какъ-нибудь“, такъ какъ „мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ“. Вскорѣ послѣ этого государь въ разговорѣ съ Киселевымъ снова вернулся къ этому вопросу и высказался еще опредѣленнѣе. Онъ признавалъ теперь „преобразованіе крѣпостного права, которое въ настоящемъ его положеніи оставаться не можетъ, необходимѣйшимъ“. „Я — продолжалъ государь — говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія; даже и въ семействѣ моемъ нѣкоторые (Константинъ и Михаилъ Павловичи) были совершенно противны. Несмотря на то, я учредилъ комитетъ изъ 7 членовъ для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ. Я нашелъ противодѣйствіе. По твоему отчету о княжествахъ я видѣлъ, что ты этимъ дѣломъ занимался и тѣмъ положилъ основаніе къ будущему довершенію этого важнаго преобразованія; помогай

мнѣ въ этомъ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи, и для того подумай, какимъ образомъ надлежитъ приступить безъ огласки къ собранію нужныхъ матеріаловъ и составленію проекта или руководства къ постепенному осуществленію мысли, которая меня постоянно занимаетъ, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу". Тутъ же государь посвятилъ Киселева въ свое намѣреніе открыть для этой цѣли особое отдѣленіе при Собственной Его Величества Канцеляріи. Къ январю 1836 г. выяснилось, что работы комитета врядъ ли приведутъ къ какимъ-либо значительнымъ результатамъ, и тогда государь остановился на мысли выдѣлить изъ общаго вопроса вопросъ объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ и поручилъ это дѣло Киселеву. 29 апрѣля состоялись указы министру финансовъ и генералъ-адъютанту Киселеву объ учрежденіи V Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи и о передачѣ въ это Отдѣленіе всѣхъ дѣлъ, относящихся до управленія казенными крестьянами, оброчными статьями и лѣсами петербургской губерніи. Киселевъ сталъ съ этого времени, по выраженію Николая Павловича, его „начальникомъ штаба по крестьянской части".

Всѣ дальнѣйшія мѣропріятія николаевскаго царствованія по крестьянскому вопросу шли въ двухъ направленіяхъ: устройство крестьянъ казенныхъ, получившихъ теперь наименованіе крестьянъ государственныхъ, и упорядоченіе положенія крестьянъ частновладѣльческихъ. Казенные крестьяне представляли къ этому времени очень пестрый по составу классъ населенія. Въ него входили: жившіе на сѣверѣ искони на государственной землѣ „черносошные" крестьяне, „однодворцы", „старыхъ службъ служилые люди" и другіе потомки мелкихъ служилыхъ людей московскаго государства на югѣ, при Петрѣ Великомъ записанные въ подушный окладъ, восточные инородцы, мелкіе разряды свободныхъ землевладѣльцевъ въ западныхъ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, крестьяне церковные и монастырскіе (экономическіе), а послѣ закона 1803 г. и вольные хлѣбопашцы. Обложенные податью, по закону казенные крестьяне считались „свободнымъ сельскимъ сословіемъ" и пользовались личными и имущественными правами; на практикѣ правительство усвоило на нихъ взглядъ какъ на своихъ крѣпостныхъ: ихъ зачисляли въ военныя поселенія, переводили въ

разрядъ удѣльныхъ, т.-е. обращали въ крѣпостныхъ Императорскаго Дома и т. п. Казенныхъ крестьянъ въ 1833 г. исчислялось до $7^1/_2$ милл., что составляло около $^1/_3$ всего сельскаго населенія. Управленіе казенными крестьянами было совершенно не устроено. Ихъ поселенія дѣлились на волости, и на выборныхъ „волостныхъ головъ“ было возложены сложныя полицейскія обязанности. Въ полицейскомъ отношеніи волость была подчинена нижнему земскому суду и земскому исправнику, въ хозяйственномъ—хозяйственному отдѣленію казенной палаты. Вѣдались казенные крестьяне въ Министерствѣ Финансовъ, которое усвоило на нихъ исключительно фискальную точку зрѣнія — какъ на одну изъ доходныхъ статей государственныхъ имуществъ. Управленіе государственными имуществами, съ другой стороны, само по себѣ оставалось до этого времени точно также крайне неупорядоченнымъ и запущеннымъ, и доходы съ этихъ имуществъ получались крайне незначительные. Вопросъ о необходимости упорядочить управленіе государственными имуществами, путемъ учрежденія особаго вѣдомства, не разъ возникалъ еще въ царствованіе Александра I. Онъ снова былъ поднятъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1834 г. Съ начала царствованія Николая I навстрѣчу этому идетъ другая мысль— о реформѣ въ управленіи казенными крестьянами, которое должно было теперь строиться не на фискальныхъ соображеніяхъ, но на началахъ попеченія о благосостояніи самихъ крестьянъ: улучшенія въ ихъ бытѣ и управленіи могли бы послужить, въ такомъ случаѣ, примѣромъ и для помѣщиковъ, которые, видя благіе результаты этихъ мѣръ, начнутъ улучшать, съ своей стороны, положеніе своихъ крѣпостныхъ. Такъ ставился вопросъ уже въ Комитетѣ 6 декабря 1826 г. Нѣкоторыя частичныя мѣры въ этомъ направленіи предпринимались Министерствомъ Финансовъ въ 1834 г., а въ 1835 г. Канкринымъ былъ представленъ проектъ общаго преобразованія управленія казенными крестьянами, который и былъ переданъ въ учрежденный при этомъ вышеупомянутый секретный комитетъ. Разочарованіе государя въ работахъ Комитета 1835 г. и, съ другой стороны, незабытая мысль о необходимости упорядочить управленіе государственными имуществами и привели къ созданію V Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

Поручивъ Киселеву устройство этого Отдѣленія, Николай

Павловичъ не далъ ему при этомъ какой-либо опредѣленной программы. Въ маѣ 1836 г., по мысли Киселева, была предпринята ревизія государственныхъ имуществъ въ четырехъ губерніяхъ: псковской, московской, курской и тамбовской, а въ августѣ того же года Киселевъ самъ объѣхалъ нѣкоторые уѣзды петербургской губерніи, а потомъ псковской, московской и курской. Результатомъ всего этого былъ докладъ Киселева 6-го октября т. г. государю о положеніи казенныхъ крестьянъ, въ которомъ онъ приходилъ къ выводу о необходимости правильно устроить прежде всего администрацію государственныхъ имуществъ, и только затѣмъ уже начать думать объ улучшеніи хозяйственнаго быта крестьянъ. Первымъ шагомъ къ этому Киселевъ считалъ учрежденіе „особаго управленія государственными имуществами въ губерніяхъ“. Государь на докладѣ написалъ: „переговоримъ“ и только послѣ второго прочтенія доклада, 23 ноября, разрѣшилъ Киселеву „распорядиться по его усмотрѣнію о введеніи управленія въ 4-хъ обревизованныхъ губерніяхъ“. Высочайшимъ указомъ Сенату отъ 7 сентября 1837 г. послѣдовало отдѣленіе департамента государственныхъ имуществъ отъ Министерства Финансовъ и учрежденіе временнаго управленія этимъ департаментомъ, которое ввѣрялось особому совѣту, составленному изъ сенаторовъ Княжнина, Фролова и Кочубея. Совѣту присваивалась власть и отвѣтственность, лежащія на директорѣ департамента и на министрѣ; дѣла представлялись государю черезъ докладывающаго по дѣламъ V Отдѣленія. Къ ноябрю того же года Киселевымъ были представлены проекты: учрежденій управленія государственными имуществами и крестьянами; сельскаго полицейскаго устава; сельскаго судебнаго устава и главныхъ основаній хозяйственнаго устава. Въ проектахъ Киселева финансовыя соображенія окончательно были отодвинуты на задній планъ и, въ противоположность этому, послѣдовательно проводилось начало попечительства. По высочайшему повелѣнію эти проекты были переданы на предварительное разсмотрѣніе въ особый комитетъ, въ составъ котораго вошли, подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова, Сперанскій, Канкринъ и ст.-секр. Дашковъ. Въ декабрѣ 1837 г. проекты обсуждались въ Государственномъ Совѣтѣ, и 26 декабря этого года государемъ было утверждено учрежденіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, создававшагося „для

управленія государственными имуществами, для попечительства надъ свободными сельскими обывателями и для завѣдыванія сельскимъ хозяйствомъ". Министромъ государственныхъ имуществъ былъ назначенъ Киселевъ. 30 апрѣля 1838 г. было утверждено положеніе объ управленіи государственными имуществами въ губерніяхъ и сельскіе уставы: полицейскій и судебные. Въ первый годъ это управленіе было введено въ пяти губерніяхъ: петербургской, московской, псковской, курской и тамбовской; въ 1839 г. оно было распространено на западныя губерніи, въ 1841 г.—на остзейскія. Къ 1842 г. послѣдовало его введеніе во всѣхъ губерніяхъ, а въ 1843 г.—его окончательное утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ.

Въ губернскихъ городахъ учреждались палаты государственныхъ имуществъ, занимавшія мѣсто на ряду съ другими губернскими палатами. Во главѣ палаты стоялъ управляющій государственными имуществами; изъ совѣтниковъ палатъ одинъ завѣдывалъ попечительствомъ надъ государственными крестьянами и вольными хлѣбопашцами и управленіемъ оброчными статьями и землями; другой—лѣсною частью (губернскій лѣсничій). Палата находилась подъ общимъ надзоромъ губернатора, но предметы управленія были точно распредѣлены на требовавшіе утвержденія губернатора или министерства, и на рѣшавшіеся на основаніи собственнаго опредѣленія палаты. Вся губернія раздѣлялась на нѣсколько округовъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, то совпадавшихъ съ уѣздами, то охватывавшихъ нѣсколько уѣздовъ. Во главѣ округовъ были поставлены окружные начальники, имѣвшіе двухъ помощниковъ — одного по хозяйственной, другого — по лѣсной части. На окружныхъ начальниковъ была возложена обязанность оберегать общество государственныхъ крестьянъ отъ притѣсненія земской полиціи; за послѣдней оставлялись лишь общеполицейскія распоряженія и производство слѣдствій. Это были высшіе распорядительные и попечительные органы бюрократическаго характера; низшая же администрація и хозяйственный распорядокъ сосредоточивались въ волостномъ управленіи, построенномъ на выборномъ началѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ общей своей распланировкѣ, система вновь вводимыхъ учрежденій приближалась, до извѣстной степени, къ той схемѣ, какую далъ въ своемъ „Планѣ" 1809 г. Сперанскій. Волость включала въ себѣ нѣсколько сельскихъ об-

ществъ государственныхъ крестьянъ, охватывая округъ радіусомъ до 40 верстъ съ населеніемъ государственныхъ крестьянъ до 6.000 душъ мужского пола. Во главѣ волости было поставлено избираемое на три года волостное правленіе, состоящее изъ волостного головы и двухъ засѣдателей — по полицейской и по хозяйственной части, и волостная расправа (судъ). Сельскіе уставы до мельчайшихъ подробностей опредѣляли полицейскія и хозяйственныя обязанности волостныхъ правленій и головъ. Аналогичное устройство имѣли сельскія общества, составлявшіяся изъ нѣсколькихъ селеній, расположенныхъ не далѣе 15 верстъ другъ отъ друга съ общею численностью до 15.000 душъ. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ проводился послѣдовательно взглядъ на государственныхъ крестьянъ, какъ на свободныхъ обывателей, сидящихъ на казенной землѣ, не какъ на крѣпостныхъ.

Императоръ Николай лично близко интересовался проведеніемъ въ жизнь реформы, и на первыхъ порахъ Киселевъ былъ обязанъ, независимо отъ личныхъ еженедѣльныхъ докладовъ, отъ времени до времени представлять государю промеморіи о дѣятельности новыхъ учрежденій. Въ особенности государя интересовалъ вопросъ о состояніи продовольственнаго дѣла въ государственныхъ селеніяхъ: съ 1839 г. всѣ распоряженія по устройству запасныхъ магазиновъ и по сбору хлѣба и выдачѣ хлѣбныхъ ссудъ были сосредоточены въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ. Введеніе новыхъ учрежденій позволило развить въ послѣдующіе годы широкую попечительную дѣятельность о государственныхъ крестьянахъ. Заботы правительства были направлены на покупку въ казну помѣщичьихъ имѣній и, слѣдовательно, на обращеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ свободныхъ сельскихъ обывателей [1]); на реформу податей и повинностей въ смыслѣ большей соразмѣрности ихъ съ мѣстными хозяйственными условіями; на созданіе мелкаго кредита для крестьянъ, какъ напр., учрежденіе „вспомогательныхъ ссудъ“, выдававшихъ ежегодно до 1.600 тысячъ руб. Много вниманія было обращено также на „полицію благосостоянія“: на санитарную часть, противопожарныя мѣры, устройство училищъ и т. п. Во всѣхъ этихъ заботахъ было, конечно, черезъ-чуръ много вѣры

[1]) Всего при Николаѣ I было куплено до 178 имѣній съ 54.349 душами крестьянъ.

въ силу бюрократическаго начала, что вообще такъ свойственно было и самому Киселеву. Его инструкціи мѣстнымъ органамъ управленія государственными имуществами какъ бы послѣдній отзвукъ петровскихъ инструкцій воеводамъ, земскимъ комиссарамъ и проч. Та же широта размаха и то же несоотвѣтствіе заданія условіямъ дѣйствительности. Не слѣдуетъ, однако, и преуменьшать того, что было сдѣлано. Положительные результаты достигнуты были, и эти результаты, къ концу николаевскаго царствованія, сказались въ повышеніи платежной способности государственныхъ крестьянъ, что было достигнуто безъ повышенія размѣра податей. За послѣднія 19 лѣтъ передъ учрежденіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ съ государственныхъ крестьянъ должно было поступить 424 милліона рублей, а поступило всего 391 милліонъ, что составляло недоимку въ 7,7% всего оклада. За 19 лѣтъ со времени учрежденія Министерства должно было поступить 523 милліона, а поступило 506 мил. — недоимка всего 3,2%. 26 марта 1839 г. Киселеву было пожаловано графское достоинство.

Одновременно съ тѣмъ, какъ принимались мѣры по устроенію государственныхъ крестьянъ, въ концѣ 30-хъ годовъ съ новою силою былъ выдвинутъ вопросъ и о крестьянахъ частновладѣльческихъ. 10-го ноября 1839 г. былъ учрежденъ новый секретный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова, куда вошли гр. Орловъ, гр. Киселевъ, министръ юстиціи гр. Панинъ, статсъ-секретарь Блудовъ, членъ Государственнаго Совѣта Тучковъ, статсъ-секретарь Танѣевъ и управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Строгановъ; правителемъ дѣлъ комитета былъ назначенъ камергеръ Ханыковъ. Повелѣвалось „все дѣло сохранить въ тайнѣ“: гласно комитетъ именовался „Комитетомъ о повинностяхъ въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній“. Какъ можно судить по переданнымъ въ комитетъ бумагамъ, обсужденіе должно было сосредоточиться на мнѣніи кн. А. С. Меншикова о неудобныхъ сторонахъ закона 1803 г. о вольныхъ хлѣбопашцахъ, „ибо передаются крестьянамъ земли помѣщиковъ“. Въ предварительной запискѣ, представленной въ комитетъ 1839 г., развивалась программа скорѣе безземельнаго освобожденія. Это дало поводъ Киселеву выступить съ противоположной программой, которая и была имъ развита въ его запискѣ „о средствахъ къ усиленію дѣйствій закона

о свободныхъ хлѣбопашцахъ". Энергично возставая противъ безземельнаго освобожденія, какъ постояннаго источника революціонныхъ смутъ, и въ то же время соглашаясь съ мыслью о необходимости охранять дворянское землевладѣніе, Киселевъ предлагалъ, чтобы за помѣщиками было оставлено право собственности на землю, а за крестьянами, поселенными на этихъ земляхъ, право полной личной свободы: помѣщики обязаны дать своимъ крестьянамъ опредѣленные надѣлы и лишаются послѣ этого права отнимать эти надѣлы назадъ; крестьяне обязаны по отношенію къ помѣщику повинностями, но могутъ заключать съ нимъ договоры и о полномъ выкупѣ. Свою записку Киселевъ предварительно представилъ лично государю и лишь съ его одобренія и разрѣшенія внесъ ее въ комитетъ въ мартѣ 1840 г. Въ комитетѣ записка Киселева вызвала сильныя возраженія со стороны членовъ комитета, а главнымъ образомъ— со стороны принимавшаго участіе въ ея обсужденіи кн. Меншикова; у послѣдняго съ Киселевымъ произошелъ горячій обмѣнъ мнѣній. Обсужденіе записки тянулось въ теченіе цѣлаго года. 25 февраля 1841 г. предсѣдатель комитета кн. Васильчиковъ объявилъ высочайшее повелѣніе комитету, что „такъ какъ возложенныя на него занятія истекаютъ изъ существа указа 1803 года, предоставляющаго помѣщикамъ право увольнять крестьянъ съ землею или безъ земли, по собственному желанію, то Его Величество, какъ прежде не имѣлъ, такъ и нынѣ не имѣетъ намѣренія дать когда-либо предлагаемому дополненію указа 1803 г. силу обязательнаго закона, и потому Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы собственное желаніе помѣщиковъ на увольненіе крестьянъ было принято за основаніе означеннаго дополненія". Обмѣнъ мнѣній между Киселевымъ и кн. Меншиковымъ продолжался и послѣ этого. Къ іюню 1841 г. комитетомъ было составлено „Положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ", въ основу котораго была положена мысль Киселева объ обезпеченіи помѣщиками своихъ крестьянъ земельными надѣлами, но съ оговоркою, въ силу которой подобное надѣленіе предоставлялось добровольному соглашенію помѣщика съ его крестьянами безъ опредѣленія какихъ-либо нормъ. На журналѣ комитета, заключавшемъ проектъ этого положенія, была положена высочайшая резолюція: „исполнить"; но тутъ же рукою предсѣдателя комитета кн. Васильчикова

было помѣчено: „оставлено безъ исполненія по особо данному словесному Высочайшему повелѣнію“.

Проектъ обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ лишь 20 марта 1842 г. Государь лично присутствовалъ на этомъ засѣданіи, о чемъ въ журналѣ засѣданія записано такъ: „По назначеніи къ докладу въ семъ засѣданіи журнала соединенныхъ департаментовъ законовъ и экономіи, касательно договоровъ помѣщиковъ съ крестьянами, Государь Императоръ, прибывъ въ Государственный Совѣтъ, объявить изволилъ, что, прежде слушанія сего дѣла, нужнымъ считаетъ ознакомить членовъ съ своимъ образомъ мыслей по сему предмету и съ руководившими Его Величествомъ побужденіями. Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право, въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи, есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ. Блаженныя памяти императоръ Александръ I, въ намѣреніяхъ коего, въ началѣ Его царствованія, было даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, впослѣдствіи самъ отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи. Его Величество также не изволитъ никогда на сіе рѣшиться, считая, что если время, когда можно будетъ къ тому приступить, вообще весьма еще далеко, то въ настоящую эпоху всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства. Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ достигнуть буйство черни. Позднѣйшія событія и попытки сего рода доселѣ всегда были счастливо прекращаемы, что, конечно, и впредь точно также будетъ предметомъ особенной и, съ помощью Божіею, успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, что нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться *навсегда*. Причины сей перемѣны мыслей и чаще повторяющихся въ послѣднее время безпокойствъ нельзя не отнести главнѣйше: во 1-хъ, къ собственной неосторожности помѣщиковъ, которые даютъ крѣпостнымъ своимъ людямъ несвойственное имъ высшее воспитаніе, и чрезъ то, развивая въ нихъ новый кругъ понятій, дѣлаютъ положеніе ихъ еще болѣе тягостнымъ; и, во 2-хъ, къ тому, что нѣкоторые помѣщики, хотя, благодаря Богу, самое меньшее ихъ число,

забывая благородный долгъ, употребляютъ во зло свою власть, а къ пресѣченію сихъ злоупотребленій дворянскіе предводители, какъ многіе изъ нихъ Его Величеству отзывались, не находятъ средствъ въ законѣ, ничѣмъ почти неограничивающемъ помѣщичьей власти. Но если настоящее положеніе таково, что не можетъ продолжаться, а рѣшительныя къ прекращенію онаго мѣры, безъ общаго потрясенія, невозможны, то необходимо по крайности предуготовить средства для постепеннаго перехода къ иному порядку вещей и, не устрашаясь предъ всякою перемѣною, хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія. Не должно давать вольности, но должно открыть путь ко другому, переходному состоянію, связавъ съ нимъ ненарушимое охраненіе вотчинной собственности на землю. Государь Императоръ почитаетъ сіе священною своею обязанностію и обязанностію преемниковъ Своихъ на престолѣ, а средства къ тому, по мнѣнію Его Величества, вполнѣ представляются въ предложенномъ нынѣ Государственному Совѣту проектѣ указа. Онъ, во 1-хъ, не есть законъ *новый*, а лишь послѣдствіе и, такъ сказать, развитіе существующаго сорокъ лѣтъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ; во 2-хъ, устраняетъ, однако же, вредное начало помянутаго закона — отчужденіе отъ помѣщиковъ поземельной собственности, которую, напротивъ, столько по всему желательно видѣть навсегда неприкосновенною въ рукахъ дворянства, мысль, отъ коей Его Величество никогда не отступитъ; въ 3-хъ, выражаетъ прямо волю и убѣжденіе правительства, что земля есть собственность не населенныхъ на ней крестьянъ, а помѣщиковъ, предметъ — также первостепенной важности для будущаго спокойствія; наконецъ, въ 4-хъ, безъ всякихъ крутыхъ переворотовъ, безъ вида даже нововведенія, даетъ каждому благонамѣренному владѣльцу средства улучшить положеніе его крестьянъ и, отнюдь не полагая сего по принужденію или со стѣсненіемъ правъ собственности, предоставляетъ *его единственно доброй его волѣ и влеченію собственнаго сердца.* Съ другой стороны, оставляя крестьянъ крѣпкими той землѣ, на коей они записаны, проектъ избѣгаетъ неудобствъ тѣхъ положеній, которыя доселѣ дѣйствовали въ Остзейскихъ губерніяхъ, положеній, доведшихъ крестьянъ до самаго жалкаго состоянія, обратившихъ ихъ въ батраковъ и побудившихъ нынѣ тамошнее дворянство единодушно просить именно того же, что

теперь здѣсь предполагается. Между тѣмъ, Его Величество изволитъ повторить, что все должно идти постепенно и не можетъ и не должно быть сдѣлано разомъ или вдругъ. Настоящій проектъ содержитъ въ себѣ однѣ главныя начала и указанія. Онъ открываетъ, какъ уже сказано, всякому способъ, подъ защитою и при пособіи закона, слѣдовать сердечному своему влеченію. Въ огражденіе интереса помѣщиковъ ставится добрая ихъ воля и собственная заботливость, а интересъ крестьянъ будетъ ограждаться разсмотрѣніемъ проектовъ условій не только мѣстными властями, но и высшимъ правительствомъ, съ утвержденія власти самодержавной. Идти теперь далѣе и обнять впередъ прочія, можетъ статься, весьма обширныя развитія сихъ главныхъ началъ невозможно. При желаніи помѣщиковъ воспользоваться дѣйствіемъ указа, представляемые отъ нихъ проекты условій, на мѣстностяхъ и на различныхъ родахъ хозяйства основанные, будучи соображаемы тѣмъ же порядкомъ, какъ договоры съ свободными хлѣбопашцами, по практическимъ даннымъ укажутъ, что нужно и можно будетъ сдѣлать въ подробностяхъ, и что теперь, при всей осторожности и предусмотрительности, легко могло бы быть упущено. Но отлагать начинаніе, котораго польза очевидна, и отлагать потому лишь, что нѣкоторые вопросы съ намѣреніемъ оставляются неразрѣшенными, и что на первый разъ предвидятся нѣкоторыя недоумѣнія, Государь Императоръ не изволитъ находить никакой причины. Невозможно ожидать, чтобы дѣло сіе принялось вдругъ и повсемѣстно. Это не соотвѣтствовало бы даже и видамъ правительства. Между тѣмъ при постепенномъ и, вѣроятно, медленномъ развитіи на различныхъ пунктахъ Имперіи опытъ всего лучше придетъ здѣсь на помощь. Имъ развяжутся всего надежнѣе и такіе вопросы, которые теперь, безъ пособія его, кажутся затруднительными. Въ законѣ должны быть одни главныя начала; частности разрѣшатся при частныхъ случаяхъ, и совокупный сводъ сихъ случаевъ впослѣдствіи будетъ основою цѣлаго положительнаго уже законодательства“....

Во время послѣдовавшаго обмѣна мнѣній многіе говорили противъ проекта, а кн. Д. В. Голицынъ, исходя изъ того, что договоры, если ихъ оставить на волю помѣщиковъ, врядъ ли будутъ кѣмъ заключаемы, предложилъ прямо ограничить власть помѣщиковъ инвентарями. На это послѣднее государь возразилъ: „Я, ко-

нечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключать договоры; это должно быть дѣломъ доброй ихъ воли, и только опытъ укажетъ, въ какой степени можно будетъ перейти отъ добровольнаго къ обязанному". Проектъ былъ принятъ въ редакціи Комитета, и указъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ подписанъ 2 апрѣля 1842 г.

Первоначальный проектъ Киселева потерпѣлъ, такимъ образомъ, существенное измѣненіе и изъ крупной мѣры государственнаго характера превратился въ новый видъ отпуска крестьянъ на волю по желанію помѣщика. Основная мысль его автора—крестьянское освобожденіе неразрывно соединено съ земельнымъ обезпеченіемъ крестьянина—окончательно входитъ, за то, съ этого времени въ правительственное сознаніе, и всѣ послѣдующія мѣропріятія николаевскаго царствованія не отступаютъ уже отъ этого начала. Самъ императоръ Николай не упускалъ случая оказать личное воздѣйствіе на дворянство и понудить дворянъ болѣе широко примѣнять указъ 2 апрѣля 1842 г. Такъ, при пріемѣ въ 1847 г. депутаціи отъ смоленскаго дворянства, онъ въ своей рѣчи выразилъ желаніе поговорить съ депутатами *„келейно* объ обязанныхъ крестьянахъ" и убѣждалъ дворянъ примѣнять законъ 1842 г., какъ лучшій постепенный переходъ, „предупреждающій крутой переломъ". Въ своихъ словахъ, съ которыми Николай обратился къ депутаціи петербургскаго дворянства 21 марта 1848 года, онъ снова возвращается къ вопросу о крѣпостномъ правѣ, указываетъ съ „прискорбіемъ, что у насъ мало хорошихъ и попечительныхъ помѣщиковъ", убѣждаетъ дворянъ „для собственнаго своего интереса заботиться о благосостояніи ввѣренныхъ имъ людей", хотя и отвергаетъ „приписываемыя ему.... намѣренія" освободить крестьянъ съ землею. Эти увѣщеванія государя не всегда имѣли желательный результатъ и встрѣчали зачастую со стороны дворянъ пассивное отношеніе, а со стороны окружающихъ государя—скрытое противодѣйствіе. Однимъ изъ главныхъ противниковъ закона 2 апрѣля 1842 г. считался назначенный въ 1841 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Левъ Алексѣевичъ Перовскій.

Одновременно съ тѣмъ, какъ вырабатывался законъ 2 апрѣля, и въ ближайшіе годы послѣ его введенія былъ принятъ

рядъ новыхъ мѣръ къ ограниченію крѣпостного права. Въ 1841 г. было запрещено пріобрѣтать крестьянъ безъ земли помѣщикамъ, не владѣющимъ населенными имѣніями. Въ 1842 г. послѣдовало запрещеніе лицамъ, возведеннымъ въ дворянство изъ крестьянъ, владѣть населенными имѣніями, въ которыхъ они, отцы или дѣды ихъ были записаны въ ревизскія сказки. Въ 1845 и 1846 гг. были приведены въ систему и опредѣлены юридически родъ и мѣра наказаній, какимъ помѣщикъ могъ подвергать крѣпостныхъ, что и было внесено въ новое изданіе Свода Законовъ. 15 февраля 1840 г. былъ учрежденъ особый секретный комитетъ для обсужденія записки о дворовыхъ, представленной государю Блудовымъ. Въ составъ комитета входили: кн. Васильчиковъ, кн. А. Голицынъ, кн. Меншиковъ, Нессельроде, Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашовъ, Киселевъ, А. Строгановъ, В. Панинъ, С. Уваровъ, Блудовъ и государственный секретарь бар. М. Корфъ. Записка Блудова встрѣтила возраженія со стороны военнаго министра гр. Чернышева, и занятія комитета окончились безрезультатно. Въ 1844 г. государь самъ набросалъ записку о дворовыхъ и передалъ ее министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому. Содержаніе записки сводилось къ слѣдующему: „Классъ дворовыхъ подраздѣляется на 4 класса: 1. дворовыхъ, составляющихъ внутреннюю и надворную прислугу при домахъ въ городахъ; 2. таковыхъ въ помѣстьяхъ; 3. дворовыхъ ремесленниковъ, 4. заводскихъ фабрикантовъ... Послѣдній разрядъ, живя въ своихъ домахъ, по крайней мѣрѣ, большею частью, и даже имѣя часто свое хлѣбопашество, составляетъ подраздѣленіе, имѣющее нѣчто общее съ крестьянскимъ бытомъ— потому можетъ быть отчисляемъ къ сему разряду крѣпостного состоянія. Первые же три разряда должно дѣлить еще на непосредственно составляющихъ господскую дворню и на ходящихъ по паспортамъ. Ходящихъ по паспортамъ, въ какой бы должности не находились, слѣдуетъ принимать въ цехи, т.-е. въ служебный цехъ, новоучреждаемый, или въ ремесленный, ежели кто изъ нихъ какимъ ремесломъ промышляетъ. Сихъ людей, кромѣ паспортовъ, обложить слѣдуетъ четвертными подушными, дабы побудить помѣщиковъ отпускать ихъ на волю. Съ сихъ мѣръ начать, сдѣлавъ самую вѣрную перепись“. Для обсужденія вопроса о дворовыхъ былъ учрежденъ новый

секретный комитетъ, въ который вошли: кн. Васильчиковъ, кн. Волконскій, кн. Чернышевъ, кн. Меншиковъ, гр. Левашевъ, гр. Бенкендорфъ, гр. Киселевъ, Перовскій, Вронченко и бар. Корфъ; дѣлопроизводителемъ комитета былъ назначенъ Бахтинъ. Государь съ наслѣдникомъ самъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ комитета. Въ комитетѣ о дворовыхъ снова столкнулись мнѣнія Киселева и Меншикова. 12 іюня 1844 г. состоялось два постановленія: указъ, предоставлявшій помѣщикамъ право отпускать дворовыхъ на волю безъ земли по обоюднымъ договорамъ, и высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ отпускѣ на волю дворовыхъ изъ имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, безъ испрошенія разрѣшенія этихъ послѣднихъ.

Всѣ эти отдѣльныя мѣропріятія, хотя и очень скромныя, естественно приводили къ принципіальной постановкѣ вопроса въ категорической формѣ. Въ ноябрѣ 1845 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій представилъ государю записку „объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи“. Оставаясь на почвѣ земельнаго освобожденія, Перовскій подготовительными мѣрами къ тому считалъ: введеніе обязательныхъ инвентарей; законодательное признаніе за крестьянами права на собственность движимую и недвижимую; приписку всѣхъ крѣпостныхъ къ опредѣленной землѣ и запрещеніе принимать подъ залогъ души, а не земли; запрещеніе отчуждать крестьянъ отъ земли и переводить ихъ въ разрядъ дворовыхъ; ограниченіе, а затѣмъ и уничтоженіе права оброка; и разрѣшеніе крѣпостнымъ по ихъ собственному желанію поступать въ военную службу. Для обсужденія этой записки въ 1846 г. составленъ новый секретный комитетъ, въ который вошли: наслѣдникъ цесаревичъ, гр. А. Орловъ, кн. Васильчиковъ и Перовскій. Комитетъ, признавъ въ принципѣ многое изъ намѣченнаго Перовскимъ, отклонилъ немедленное принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ по соображеніямъ политическаго характера.

Къ послѣдующимъ 1847 и 1848 гг. относятся два закона о крестьянахъ—указъ 8 ноября о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ дворянскихъ имѣній съ публичнаго торга и законъ 3-го марта 1848 года о недвижимой собственности крѣпостныхъ. Первое изъ этихъ постановленій возникло

по мысли барона Корфа, предложившаго въ іюнѣ 1847 г. распространить на всю Россію законъ 1824 г., разрѣшавшій грузинскимъ крестьянамъ выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ публичнаго торга. Для обсужденія этого предложенія былъ составленъ комитетъ, въ которой вошли: гр. Орловъ, гр. Левашовъ, гр. Киселевъ и гр. Панинъ, министры: финансовъ—Вронченко и внутреннихъ дѣлъ—Перовскій и самъ бар. Корфъ. Самое предложеніе заранѣе было уже одобрено государемъ и, собирая комитетъ, Николай Павловичъ предложилъ лишь „обсудить“ подробности сего важнаго дѣла, коего пользу и главныя начала онъ считалъ уже, впрочемъ, рѣшенными. Первоначальное предложеніе само по себѣ не встрѣтило большихъ возраженій ни въ комитетѣ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ и скоро получило силу закона. Самъ законъ 8 ноября 1847 г. возбудилъ, однако, какъ и болѣе ранніе, направленные къ ограниченію крѣпостного права, сильное неудовольствіе и тревогу со стороны защитниковъ непоколебимости дворянскихъ преимуществъ. Теперь эта тревога усиливалась еще болѣе ввиду тѣхъ горячихъ споровъ, какіе шли какъ разъ въ это время въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу другого предложенія, исходившаго отъ Киселева—о пересмотрѣ законодательства о крестьянской собственности. Въ августѣ 1847 г. бывшіе крестьяне графини Самойловой жаловались, что ихъ владѣльцы, при продажѣ имѣній, продали земли, купленныя крестьянами на свои деньги. Киселевъ выступилъ съ указаннымъ предложеніемъ. Это предложеніе встрѣтило возраженіе со стороны Панина и гр. С. С. Уварова, но было поддержано Левашовымъ и Адлербергомъ, и Комитетъ Министровъ постановилъ испросить высочайшее разрѣшеніе на пересмотръ соотвѣтствующихъ законовъ. Государь на это согласился и поставилъ срокомъ къ окончанію этого дѣла 1-е декабря т. г. Въ частномъ разговорѣ съ Киселевымъ государь по этому поводу ему говорилъ: „Я разрѣшилъ представленіе Комитета Министровъ; это будетъ доброе дѣло, хотя говорятъ, что будетъ ропотъ, и стращаютъ разными послѣдствіями; но я твердо положилъ отсѣкать все то, что въ понятіи добрыхъ людей не можетъ безвредно болѣе сохраняться, и тихо и осторожно, но безостановочно буду выполнять свою обязанность; прежде

утвердимъ за крѣпостными недвижимую собственность, ими пріобрѣтенную, потомъ и движимую, но не разомъ и не теперь; пока человѣкъ есть вещь, другому принадлежащая, нельзя движимость его признать собственностью, но при случаѣ и въ свою очередь и это сдѣлается". Пройдя черезъ Государственный Совѣтъ, предложеніе Киселева получило силу закона съ значительными оговорками. Законъ 3 марта 1848 г. разрѣшалъ крестьянамъ пріобрѣтать недвижимую собственность, но лишь съ согласія помѣщиковъ. Что же касается недвижимыхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ уже къ этому времени крестьянами, то относительно ихъ было постановлено „никакихъ о томъ отъ крѣпостныхъ людей споровъ не допускать и никакихъ по онымъ разысканій не дѣлать".

По поводу указа 8 ноября 1847 г. государю было представлено нѣсколько записокъ, критиковавшихъ этотъ законъ. Такова записка тульскаго предводителя дворянства Норова и записка анонимнаго автора, озаглавленная „О возмутительныхъ началахъ, развивающихся въ Россіи вслѣдствіе новаго распоряженія, предоставляющаго крестьянамъ право выкупа пріобрѣтеніемъ достоянія прежнихъ ихъ владѣльцевъ". Эти записки были переданы на разсмотрѣніе секретнаго Комитета, собиравшагося въ 1848 г. и составленнаго, подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича, изъ гр. Орлова, гр. Левашова, принца Ольденбургскаго, министровъ Киселева, Вронченко, Перовскаго и Чернышева и статсъ-секретаря Гофмана. Указъ 8 ноября 1847 г. формально отмѣненъ не былъ, но во вновь составленное въ 1849 г. „Положеніе о порядкѣ продажи имѣній съ публичныхъ торговъ" онъ былъ внесенъ съ оговоркою, ставившей право крестьянъ въ зависимость отъ согласія помѣщиковъ.

Съ 1849 г., когда въ Европѣ разыгрались революціонныя событія, крестьянскій вопросъ въ правительственной дѣятельности отступаетъ на задній планъ. Къ послѣднимъ годамъ николаевскаго царствованія относится всего лишь нѣсколько частичныхъ постановленій по крестьянскому вопросу. Таковъ законъ 1853 г., запрещавшій сдачу въ аренду населенныхъ имѣній, и законъ 1854 г., запрещавшій управителямъ удаленіе крестьянъ изъ имѣній или сдачу ихъ въ рекруты безъ вѣдома

помѣщика. Введеніе въ эти годы въ Западномъ краѣ „инвентарей“, послужившихъ при преемникѣ императора Николая ближайшимъ поводомъ къ болѣе рѣшительной постановкѣ крестьянскаго вопроса, не столько находилось въ связи съ другими мѣропріятіями по ограниченію крѣпостного права, сколько вытекало, какъ было уже отмѣчено выше, изъ соображеній общей политики николаевскаго царствованія на западныхъ окраинахъ.

Военное дѣло и флотъ.

Николаевское царствованіе рисуется намъ обыкновенно, какъ время преобладанія военнаго элемента. И дѣйствительно, гражданское управленіе принимаетъ въ это царствованіе своеобразный военный оттѣнокъ. Цѣлыя отрасли управленія и отдѣльныя вѣдомства получаютъ военное устройство, образуя, въ такомъ случаѣ, особые корпуса: корпусъ лѣсничихъ, главное управленіе путей сообщенія и корпусъ инженеровъ путей сообщенія и т. п. Во главѣ отдѣльныхъ отраслей гражданскаго управленія очень часто стоятъ представители военнаго вѣдомства: министръ государственныхъ имуществъ генералъ-адъютантъ гр. Киселевъ, министръ финансовъ бывшій генералъ-интендантъ гр. Канкринъ, министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ и даже оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода полковникъ и впослѣдствіи генералъ-адъютантъ гр. Протасовъ, не говоря о другихъ. Чтобы дать, однако, правильную оцѣнку этому явленію, его необходимо сопоставить съ тѣмъ, что одновременно съ этимъ происходитъ въ сферѣ самого военнаго дѣла и военнаго управленія. И здѣсь передъ нами раскрывается довольно любопытная картина. Въ то время, какъ во главѣ отдѣльныхъ отраслей гражданскаго управленія мы видимъ лицъ нерѣдко крупнаго государственнаго масштаба и въ то же время имѣющихъ въ своемъ прошломъ значительную военную карьеру, на верхахъ военнаго управленія начинаютъ выдвигаться люди не военнаго дѣла, но военной канцеляріи. Въ военное дѣло въ николаевское царствованіе проникаетъ чиновникъ, и военное управленіе, оставаясь попрежнему выдѣленнымъ изъ общей системы государственнаго управленія, преобразовывается въ это царствованіе въ смыслѣ большаго объединенія и преобладанія въ немъ бюрократическаго элемента.

Къ первой четверти девятнадцатаго вѣка въ военномъ дѣлѣ намѣтились какъ бы два теченія, двѣ школы. Одно изъ нихъ продолжало жить традиціями линейной „фридриховской“ тактики восемнадцатаго вѣка. Отличительною чертою этихъ традицій являлась непоколебимая вѣра въ значеніе сомкнутыхъ, стройныхъ массъ, которыя во время боя должны были устрашить непріятеля своими правильными движеніями. Въ мирное время большое значеніе придавалось маневрированію колоннами, съ строгимъ соблюденіемъ интерваловъ и дистанцій. Для дѣйствія во время боя, по образцу этихъ маневрированій, устанавливались нормальные „боевые порядки“ для пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, предусматривавшіе до мелочей движенія отдѣльныхъ частей, но совершенно игнорировавшія мѣстныя условія. Значеніе разсыпного строя не достаточно оцѣнивалось; при построеніи въ цѣпь обращалось большое вниманія на соблюденіе равненія и дистанціи, чѣмъ на созданіе условій, обезпечивающихъ для каждаго отдѣльнаго солдата наибольшую мѣткость стрѣльбы.

Для даннаго времени все это должно было уже быть признано отжившимъ свой вѣкъ. Въ эпоху наполеоновскихъ войнъ и суворовскихъ походовъ вся эта система подверглась уничтожающей критикѣ. Новое направленіе выдвинуло значеніе индивидуальнаго начала, воспитывало личную иниціативу. Вѣра въ „боевые порядки“ уступала мѣсто сознанію необходимости больше сообразоваться съ данными условіями мѣстности и тѣмъ самымъ воспитывалась бо́льшая личная иниціатива.

Это новое теченіе, порожденіе новыхъ условій эпохи, знаменовало въ военномъ дѣлѣ, въ сущности говоря, революцію, по своимъ основнымъ началамъ аналогичную той, какая происходила въ это время во всемъ политическомъ и соціальномъ укладѣ Европы. Когда послѣ Вѣнскаго Конгресса Европа вступаетъ въ полосу политической реакціи, въ военномъ дѣлѣ происходитъ своего рода реакція въ смыслѣ возвращенія къ старымъ принципамъ линейной тактики. Новые принципы въ военномъ дѣлѣ представляются опасными и въ политическомъ отношеніи. Войска должны представлять изъ себя стройно-сплоченную, безпрекословно подчиняющуюся командѣ массу. Войско—мертвый механизмъ, изъ него вытравляется всякое живое чувство воодушевленія. Говорятъ, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не любилъ, когда войска привѣтствовали его криками „ура“: кто сегодня выражаетъ

одобреніе, завтра можетъ выразить порицаніе; подчиненный можетъ говорить лишь „радъ стараться“.

Всѣмъ извѣстна картина николаевскаго войска, которое на парадахъ, какъ по ниткѣ вытянутое, представляла изъ себя такую стройную картину:

Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость.

Ошибочно было бы видѣть въ этомъ одно лишь пристрастіе къ показной сторонѣ военнаго дѣла. На „марсовыхъ поляхъ“ думали создать боевую силу, что, конечно, было ошибкой; „однообразная красивость“ была такимъ же выраженіемъ политической реакціи, наступившей послѣ 14 декабря 1825 г., какимъ была административная централизація, система народнаго просвѣщенія гр. Уварова, экономическая и финансовая политика гр. Канкрина. Представители боевыхъ традицій наполеоновской эпохи въ николаевское царствованіе не у дѣлъ и даже прямо въ опалѣ, какъ Ермоловъ; другіе изъ нихъ, какъ Киселевъ, уходятъ въ гражданское управленіе; третьи, какъ блестящій теоретикъ и прекрасно образованный въ своей спеціальности генералъ Жомини не имѣютъ вѣса въ военномъ управленіи. Выдвигаются люди старыхъ традицій линейной тактики: таковъ Дибичъ, Нейдгардъ и прежде всего Паскевичъ. Къ этому же направленію примыкали и управлявшій военнымъ министерствомъ кн. Чернышевъ и стоявшій во главѣ морского вѣдомства Меншиковъ. Съ такой точки зрѣнія приходится оцѣнивать и тѣ перемѣны въ личномъ составѣ высшаго военнаго управленія и тѣ преобразованія въ его устройствѣ, которыя, начавшись еще въ послѣдніе годы александровскаго царствованія, получили свое завершеніе въ первое десятилѣтіе царствованія императора Николая I.

Въ концѣ александровскаго царствованія высшее военное управленіе дѣлилось между двумя лицами: начальникомъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, сосредоточивавшемъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи строевую часть, и военнымъ министромъ, вѣдавшимъ хозяйственную часть. Начальникомъ Главнаго Штаба былъ въ то время гр. Дибичъ; военнымъ министромъ—гр. Татищевъ. Военный министръ былъ

подчиненъ начальнику Главнаго Штаба и не имѣлъ права непосредственнаго доклада у государя императора. Къ тому же графъ Татищевъ лично не пользовался знаніемъ въ глазахъ Александра. Кромѣ того, нѣкоторыя отрасли военнаго управленія, какъ напр., военныя учебныя заведенія, находившіяся въ вѣдѣніи цесаревича Константина Павловича, и военныя поселенія стояли особнякомъ, и лица поставленныя во главѣ этихъ отраслей имѣли особый докладъ у государя императора. Особый докладъ имѣли, наконецъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ и генералъ-инспекторъ инженерной части. Служба Генеральнаго Штаба лежала на Свитѣ Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, во главѣ которой стоялъ особый генералъ-квартирмейстеръ, входившій въ составъ Главнаго Штаба Его Величества.

26 августа 1828 года, послѣ выхода въ отставку гр. Татищева, управляющимъ военнымъ министерствомъ былъ назначенъ гр. А. И. Чернышевъ [1]), пользовавшійся, какъ мы уже знаемъ, большимъ довѣріемъ у новаго государя, находившій поддержку и у Дибича и, вообще, быстро начавшій возвышаться послѣ вступленія Николая Павловича на престолъ. 11 апрѣля 1828 г., за отъѣздомъ Дибича на театръ военныхъ дѣйствій, Чернышевъ былъ назначенъ управляющимъ Главнымъ Штабомъ съ оставленіемъ въ должности военнаго министра, и такимъ образомъ строевая и хозяйственная части военнаго управленія фактически объединились, а тѣмъ самымъ и военный министръ получилъ права доклада. Такая перемѣна объяснялась, конечно, личнымъ положеніемъ Чернышева.

Какихъ-либо систематическихъ преобразованій въ высшемъ военномъ управленіи въ первые годы николаевскаго царствованія произведено, однако, не было: вниманіе военнаго вѣдомства было поглощено войнами 1826—29 гг. и польскимъ возстаніемъ, и все дѣло ограничилось до поры до времени лишь частичными мѣропріятіями. Въ 1831 г. гр. Чернышевъ представилъ государю записку „Краткое обозрѣніе порядка военнаго управленія и способа преобразованія онаго“, въ которой излагалъ планъ преобразованія военнаго управленія на началахъ полнаго объединенія строевой и хозяйственной частей. Николай

[1]) Съ 16 апр. 1841 г.—свѣтлѣйшій князь.

Павловичъ отнесся къ запискѣ Чернышева очень внимательно, сдѣлалъ на ней рядъ замѣчаній и въ особой запискѣ самъ, съ своей стороны, намѣтилъ тѣ основанія, на которыхъ должно было быть преобразовано военное управленіе. Эти основанія сводились къ слѣдующему. Во главѣ военной части стоитъ военный министръ, единственный докладчикъ государю по всѣмъ частямъ военнаго управленія. При военномъ министерствѣ учреждается военный совѣтъ, которому поручается управленіе всею хозяйственною частью военнаго вѣдомства: департаментами— артиллерійскимъ, инженернымъ, комиссаріатскимъ, провіантскимъ и медицинскимъ и хозяйственною частью военныхъ поселеній по части отчетной. Самъ военный министръ непосредственно управляетъ строевою частью: инспекторскимъ департаментомъ, квартирмейстерскою частью, артиллерійскою и инженерною частями, во главѣ которыхъ оставлялись генералъ-фельцейхмейстеръ и генералъ-инспекторъ по инженерной части, но безъ права доклада государю, и главнымъ штабомъ военныхъ поселеній и военно-учебными заведеніями. Главный Штабъ Его Императорскаго Величества, какъ учрежденіе, упраздняется; наименованіе главнаго штаба сохраняется лишь для совокупности нѣкоторыхъ должностей: самого военнаго министра, генералъ-квартирмейстера, генералъ-фельдцейхмейстера, генералъ-инспектора инженеровъ и др. Аудиторіатъ составляетъ особый департаментъ военнаго министерства подъ начальствомъ генералъ-аудитора. Управленіе генералъ-квартирмейстера остается на прежнемъ основаніи. На этихъ началахъ и былъ выработанъ „проектъ образованія военнаго министерства“, утвержденный 1-го мая 1832 г. и приведшій къ окончательному „учрежденію военнаго министерства“ 29 мая 1836. Новое учрежденіе придало военному управленію больше объединенности и какъ бы приблизило его къ общимъ формамъ, установившимся въ другихъ министерствахъ. Это вѣдомство попрежнему оставалось, однако, обособленнымъ отъ общей системы министерскаго управленія и входило скорѣе въ сферу личнаго управленія монарха. Рѣшенія военнаго совѣта по вопросамъ военнаго законодательства, какъ было уже указано выше, представляются непосредственно Государю Императору, помимо Государственнаго Совѣта. Никакое учрежденіе или лицо не было въ правѣ требовать объясненій или давать указанія военному совѣту, какъ учрежденію, непосредственно подчинен-

ному Верховной Власти. Позднѣе, когда въ 1848 г. Чернышевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, интересы военнаго управленія нашли въ немъ вліятельнаго защитника и въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ. Съ другой стороны, въ преобразованіяхъ 1832—36 гг., на ряду съ этими формальными измѣненіями, получала, конечно, особое значеніе внутренняя сторона дѣла. Это было личное возвышеніе Чернышева, а въ его лицѣ окончательное торжество и того направленія, которое побѣдило еще въ 1823 г., когда начальникомъ Штаба былъ назначенъ Дибичъ.

Реформа 1832—36 гг., окончательно объединившая военное вѣдомство и поставившая во главѣ его военнаго министра, повлекла за собою рядъ видоизмѣненій во взаимоотношеніи отдѣльныхъ частей военнаго управленія, что, въ свою очередь, налагало опредѣленный отпечатокъ на общій характеръ этого управленія въ николаевское царствованіе. Изъ этихъ измѣненій особенно существеннымъ является измѣненіе положенія Свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части. Эта часть сосредоточивала въ себѣ цвѣтъ военной интеллигенціи; она пользовалась большимъ значеніемъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ александровскаго царствованія, но послѣ вступленія на престолъ Николая правительство смотрѣло на нее съ предубѣжденіемъ, что объяснилось преувеличеннымъ представленіемъ объ участіи офицеровъ свиты въ заговорѣ 14 декабря. Въ іюнѣ 1827 года послѣдовало переименованіе свиты по квартирмейстерской части въ Генеральный Штабъ, съ присоединеніемъ къ нему военно-топографическаго депо и корпуса топографовъ, въ чемъ уже видѣли пониженіе службы бывшихъ „свитскихъ офицеровъ“. Стоявшій во главѣ Генеральнаго Штаба генералъ-квартирмейстеръ былъ поставленъ на четвертое мѣсто послѣ военнаго министра; самъ Генеральный Штабъ составилъ одинъ изъ департаментовъ военнаго министерства. Одновременно съ этимъ измѣнился и способъ комплектованія бывшей квартирмейстерской части, а вмѣстѣ съ этимъ въ самую эту часть начали проникать и новыя вѣянія.

Въ концѣ александровскаго царствованія было два учебныхъ заведенія, изъ которыхъ по преимуществу выходили въ квартирмейстерскую часть: устроенное въ 1819 г. М. Н. Муравьевымъ въ Москвѣ „Учебное заведеніе для колонновожатыхъ“, въ которомъ было обращено главное вниманіе на спеціальную науч-

ную подготовку, что согласовалось съ общей постановкой дѣла въ квартирмейстерской части, когда во главѣ ея стоялъ тогдашній начальникъ Главнаго Штаба свѣтл. кн. П. М. Волконскій, и открытое въ 1820 г., по предложенію бар. И. И. Дибича, офицерское училище при штабѣ 1-й арміи въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, отличавшееся болѣе элементарнымъ характеромъ преподаванія, но зато болѣе строгими требованіями по строевой части. Въ 1823 г. Волконскаго постигла высочайшая немилость, и начальникомъ Главнаго Штаба былъ назначенъ Дибичъ. Въ военномъ управленіи боевыя традиціи 1812 — 14 гг. уступили мѣсто увлеченію фридриховскою линейною тактикою; личный составъ муравьевскаго учебнаго заведенія былъ переведенъ въ Петербургъ, и здѣсь было открыто казенное училище колонновожатыхъ, закрытое учебное заведеніе, приближавшееся уже по своему характеру къ могилевской офицерской школѣ. Послѣ вступленія на престолъ императора Николая, 14 іюля 1826 г. училище для колонновожатыхъ было упразднено. Одновременно съ этимъ состоялось повелѣніе не переводить въ квартирмейстерскую часть ниже поручичьяго чина, вслѣдствіе чего могилевская офицерская школа стала единственнымъ источникомъ комплектованія квартирмейстерской части.

Недостаточность подготовки, получаемой въ могилевской школѣ, выдвинула вопросъ объ устройствѣ высшаго военно-учебнаго заведенія. Въ томъ же 1826 г. императоръ Николай, отчасти, быть можетъ, въ виду общихъ политическихъ условій даннаго момента, поручилъ ген.-ад. Жомини изложить свои соображенія о преподаваніи военныхъ наукъ, имѣющихъ отношеніе къ веденію „большой войны“, въ связи съ устройствомъ особой „стратегической школы“. 21 марта того же года ген. Жомини представилъ записку на французскомъ языкѣ объ учрежденіи Центральной школы Высшей Тактики (Ecole Centrale de grande Tactique), въ которой должны были преподаваться тактика, стратегія, военная географія Европы, военная и морская статистика, обозрѣніе оборонительныхъ и наступательныхъ системъ европейскихъ государствъ, хозяйственная система и система снабженія и военная исторія, начиная съ Петра Великаго.

Государь одобрилъ записку Жомини и положилъ на нее резолюцію: „Il y a de fort bonnes idées. Cette école sera formée de meilleurs sujets de tous les corps sans exception, placés sous

les ordres de Jomini et sous les ordres immediats du Major Général; elle sera tenue dans la plus exacte discipline, et seront logés tout le monde ensemble; le cours sera de deux ans; et je n'y veux que la haute Strategie, la Geographie et l'Histoire militaire". Военныя событія ближайшихъ за этимъ годовъ заставили отложить на нѣкоторое время поднятый вопросъ въ сторону, и только въ октябрѣ 1829 г. была учреждена комиссія, вскорѣ переименованная въ комитетъ, для составленія положенія о высшемъ учебномъ заведеніи, въ которую, подъ предсѣдательствомъ Жомини, вошли: гр. Сухтеленъ, ген-лейт. Хатовъ, ген.-маіоръ Шубертъ и, нѣсколько позднѣе, ген.-ад. Нейдгардъ. При этомъ, письмомъ Чернышева на имя Жомини отъ 3 октября 1829 г., была выражена высочайшая воля, чтобы это заведеніе не предназначалось исключительно для Генеральнаго Штаба, но было бы Военною Академіею, которая распространяла бы свое вліяніе и на другія части арміи, и чтобы въ Академіи одинъ часъ въ недѣлю посвящался строевому ученію, „дабы эти занятія отнюдь не были пренебрегаемы, а напротивъ того тѣсно связаны съ теоретическимъ преподаваніемъ другихъ отраслей военнаго искусства". Въ комиссіи мнѣнія разошлись: самъ Жомини понималъ поставленную задачу болѣе широко, связывалъ съ нею преобразованіе самого Генеральнаго Штаба и настаивалъ на томъ, чтобы во время прохожденія курса учащіеся въ Академіи были совершенно освобождены отъ строевой службы. Члены комиссіи, и въ особенности Нейдгардъ, стояли на противоположной точкѣ зрѣнія. Послѣднее мнѣніе поддерживалъ и Чернышевъ. Предположенія ген. Жомини, въ общемъ, не удостоились и высочайшаго одобренія. Выработанное комитетомъ положеніе объ Академіи, по высочайшему повелѣнію, было передѣлано, согласно со сдѣланными на него замѣчаніями Чернышева, ген. Нейдгардомъ, отдано на заключеніе Дибичу и утверждено 4 октября 1830 г. какъ „Уставъ Военной Академіи". Самое открытіе Академіи послѣдовало въ началѣ 1832 г.

Увлеченіе отжившею свой вѣкъ линейною тактикою, окончательно восторжествовавшее въ высшемъ военномъ управленіи, постепенно проникло и въ Академію, а отсутствіе съ 1832 г. и почти вплоть до послѣднихъ лѣтъ николаевскаго царствованія настоящаго боевого опыта не позволяло создать этому

увлеченію необходимый противовѣсъ. Не малое значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ при императорѣ Николаѣ фельдмаршалъ Паскевичъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ у государя, стяжавшій себѣ славу своими дѣйствіями на Кавказѣ, но не оправдавшій своей репутаціи въ Венгерскую компанію и во время войны 1853—55 гг.

Мы уже знаемъ, къ чему сводилось восторжествовавшая теперь въ военномъ дѣлѣ система. Глубже вникая, чѣмъ многіе изъ его сотрудниковъ, въ существо военнаго дѣла, самъ Николай Павловичъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ раздѣлялъ вѣру въ подобную систему. При полученіи извѣстій о ходѣ военныхъ дѣйствій въ 1849 г., „государь хвалилъ боевые порядки,—пишетъ въ своемъ дневникѣ Н. Н. Муравьевъ,—говоря, что фельдмаршалъ (Паскевичъ) описываетъ ему пользу ихъ на практикѣ". „Стало быть", продолжалъ государь, „все, что мы нынѣ въ мирное время дѣлаемъ при образованіи войскъ, правильно и необходимо для военнаго времени". Критикуя отдѣльныя дѣйствія военноначальниковъ въ боевое время, Николай Павловичъ часто дѣлалъ очень вѣскія замѣчанія, но всегда притомъ и самъ держался „тактическихъ правилъ, утвержденныхъ уставомъ".

Подобная система отражалась въ николаевское время и на вооруженіи и обмундированіи войскъ. Преувеличенная оцѣнка массовыхъ движеній и, въ послѣдній моментъ наступленія, атаки холоднымъ оружіемъ приводили къ тому, что на стрѣльбу не обращалось достаточно вниманія. Среди военныхъ авторитетовъ того времени существовало даже мнѣніе, что „привычку (много стрѣлять) надо бы извести въ войскахъ, а не усиливать оружіемъ, дающимъ способъ къ сему"; иначе „войска перестанутъ драться, и недостанетъ никогда патроновъ" (Н. Н. Муравьевъ-Карсскій). До конца николаевскаго царствованія, поэтому, большая часть войскъ была вооружена гладкоствольными, заряжавшимися съ дула, кремневыми ружьями старыхъ образцовъ, лишь нѣкоторая часть—ударными ружьями, и только въ стрѣлковыхъ батальонахъ, у саперъ и въ кавалеріи были нарѣзные штуцера и карабины. Сильное отбиваніе темповъ при ружейныхъ пріемахъ, чрезмѣрная чистка оружія ради внѣшняго блеска совершенно, къ тому же, расшатывало и выполировывало ружье, дѣлая его не только совершенно негоднымъ, но зачастую даже небезопаснымъ при стрѣльбѣ.

Запасъ оружія, на случай войны, полагался очень невеликій, а въ дѣйствительности, какъ это выяснилось къ 1853 г., достигалъ лишь половины положеннаго числа. Обмундированіе войскъ, разсчитанное на внѣшнюю красивость, стѣсняло движеніе людей, а боевое снаряженіе, которое солдату приходилось носить во время похода на себѣ, отличалось чрезмѣрною тяжестью и доходило до 2 пудовъ 7 фунтовъ [1]).

Въ 1831 г. былъ изданъ новый рекрутскій уставъ, по которому и производилось комплектованіе войскъ до самаго конца николаевскаго царствованія. По этому уставу военная служба попрежнему оставалась обязательной лишь для лицъ податнаго сословія — крестьянъ, мѣщанъ и солдатскихъ дѣтей. Отъ рекрутской повинности можно было избавиться пріобрѣтеніемъ выпускаемыхъ правительствомъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій, а также выставляя за себя замѣстителя по найму. Ежегодно, при наборѣ, въ среднемъ, около 80.000 чел. въ годъ, поступало въ армію до 10.000 чел. наемниковъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что самъ императоръ Николай считалъ рекрутскую повинность несправедливой и невыгодной и отдавалъ предпочтеніе всеобщей повинности. „Всякій наборъ, говорилъ онъ 1845 г. кн. А. С. Меншикову, счетомъ съ 500 или другого участка душъ, а также вербовкою, есть мѣра неправильная, и справедлива лишь одна конскрипція, обязывающая всѣхъ служить, но много препятствій существуетъ къ ея введенію". Ближайшіе сотрудники государя по военному управленію, и тотъ же кн. Меншиковъ, этого взгляда не раздѣляли. Къ концу николаевскаго царствованія общая численность войскъ, какъ регулярныхъ, такъ и иррегулярныхъ, достигала 1.396.000 чел., т.-е. почти равнялась современной русской арміи въ мирное время. За то запасъ арміи въ николаевское время былъ очень незначителенъ, что не позволяло почти совершенно увеличить численность арміи въ боевое время. Только съ 1834 г. начали принимать мѣры къ созданію запаса, путемъ преждевременнаго увольненія въ такъ называемые безсрочные отпуска; ежегодно въ такіе отпуска увольнялись до 17.000 чел. Мѣры эти были принимаемы, въ значительной степени, по личному указанію императора вполнѣ сознававшаго значеніе запаса. „Не ошибайся въ отношеніи резервовъ — пи-

[1]) Боевое снаряженіе во французской арміи въ то время—56 фунтовъ.

салъ Николай Павловичъ кн. Горчакову 20 октября 1853 г.— Въ прежнія войны резервовъ въ полномъ смыслѣ значенія слова, *какъ я его понимаю,* не было. Оттого полки таяли, не получая подкрѣпленія или получая голыхъ, не обутыхъ, изнуренныхъ рекрутовъ; полки таяли, гибли и за ними — *никого!* Теперь на каждый полкъ 2 батальона резерва. Но... надо резервамъ быть на мѣстѣ, въ покоѣ и не обременять ихъ сверхъ мѣры караулами и другими посторонними заботами, а еще менѣе употреблять ихъ безъ крайности противъ непріятеля". Многими изъ военачальниковъ николаевскаго времени не сознавалось, однако, настоящее значеніе запаса, а сокращеніе срока службы считалось даже вреднымъ въ государственномъ отношеніи, такъ какъ отъ этого деревни „наполнятся людьми безъ дѣла и безъ средства къ жизни, отчего можно ожидать большихъ безпорядковъ" (Н. Н. Муравьевъ-Карсскій).

Рука объ руку съ преобразованіями военнаго управленія въ николаевское царствованіе шло и преобразованіе военно-учебной системы. Еще въ 1826 г. до выработки общаго учебнаго плана для всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, былъ учрежденъ комитетъ по разсмотрѣнію учебныхъ курсовъ военно-учебныхъ заведеній, въ который, подъ предсѣдательствомъ инженеръ-генерала Оппермана, вошли: ген.-адъютанты Жомини и Демидовъ I, ген.-лейтенанты Гогель и гр. Сиверсъ, ген.-маіоры Перскій, Маркевичъ, Засядко, Козенъ и Арсеньевъ, контръ-адмиралъ Крузенштернъ и флигель-адъютантъ полковникъ Деллингаузенъ. Комитетъ выработалъ въ 1830 г. „Общее положеніе" и „Уставъ для военно-учебныхъ заведеній", и проектъ учрежденія новыхъ губернскихъ корпусовъ. Въ октябрѣ 1830 г. былъ учрежденъ Совѣтъ о военно-учебныхъ заведеніяхъ. 25 іюня 1831 г., послѣ смерти цесаревича Константина Павловича, вел. князь Михаилъ Павловичъ былъ поставленъ во главѣ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, съ подчиненіемъ ему и означеннаго Совѣта; послѣ смерти Михаила Павловича 28 іюня 1848 г. на этотъ постъ былъ назначенъ наслѣдникъ цесаревичъ. До 1843 г. управленіе военно-учебными заведеніями было подчинено военному министру. 25 марта 1843 г. было издано „Положеніе объ управленіи главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній", по которому этотъ послѣдній получилъ право непосредственнаго доклада у государя императора, а Совѣту

о военно-учебныхъ заведеніяхъ были присвоены власть и права Военнаго Совѣта. Въ 1849 г. въ полное вѣдѣніе главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній были переданы артиллерійское и инженерное училища, а въ 1854 г. и Военная Академія.

Кромѣ преобразованія существовавшихъ уже военно-учебныхъ заведеній, въ николаевское царствованіе были вновь открыты 9 корпусовъ: Александровскій въ Царскомъ Селѣ для подготовки малолѣтнихъ къ поступленію въ столичные корпуса (1830 г.), Новгородскій гр. Аракчеева (1834 г.), Полоцкій (1835 г.), Петровскій въ Полтавѣ (1840 г.), Александровскій-Брестскій въ Брестъ-Литовскѣ (1842 г.), Орловскій Бахтина (1843 г.), Михайловскій-Воронежскій (1845 г.), 2-й Московскій (1849 г.) и Владимірскій въ Кіевѣ (1852 г.). Цѣлью военно-учебныхъ заведеній поставлялось „доставленіе юному россійскому дворянству приличнаго сему званію воспитанія, дабы, укоренивъ въ воспитанникахъ сихъ правила благочестія и чистой нравственности и обучивъ ихъ всему, что въ предопредѣленномъ для нихъ военномъ званіи знать необходимо нужно, сдѣлать ихъ способными съ пользою и честью служить Государю и благосостояніе всей жизни ихъ основать на непоколебимой преверженности Престолу". „Христіанинъ, вѣрноподданный, русскій, добрый сынъ, надежный товарищъ, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпѣливый и расторопный офицеръ", говорилось въ законѣ, „вотъ качества, съ которыми воспитанникъ военно-учебныхъ заведеній долженъ переходить со школьной скамьи въ ряды Императорскихъ армій, съ чистымъ желаніемъ отплатить Государю за Его благодѣянія честною службою, честною жизнью и честною смертью". Несмотря на значительное количество вновь открытыхъ при императорѣ Николаѣ военно-учебныхъ заведеній, число ихъ оказывалось недостаточнымъ сравнительно съ числомъ желающихъ поступить въ нихъ, и многимъ приходилось отказывать. Съ другой стороны, значительная часть окончившихъ корпуса (въ среднемъ болѣе 40%) шла въ гвардію, артиллерію и инженерныя войска; въ арміи же до двухъ третей офицерскихъ вакансій пополнялось выслужившимися изъ нижнихъ чиновъ, не получившими правильнаго военнаго образованія.

Любимое дѣло Николая Павловича, еще въ бытность его великимъ княземъ, военное и крѣпостное строительство про-

должало развиваться и въ продолженіе всего его царствованія. Съ помощью созданнаго имъ корпуса военныхъ инженеровъ былъ выполненъ цѣлый рядъ работъ, положившихъ основаніе и отчасти осуществившихъ на долгое время систему обороны границъ государства. Большинство этихъ работъ привлекало къ себѣ постоянное вниманіе самого государя, входившаго въ самыя мелочныя подробности исполненія крѣпостныхъ построекъ. Намѣченный планъ укрѣпленія границъ не былъ, однако, вполнѣ законченъ къ концу николаевскаго царствованія, и къ 1853 г. часть пограничной линіи оставалась недостаточно защищенной. Въ царствованіе императора Николая I были вновь построены слѣдующія крѣпости и укрѣпленія: Бомарзундъ (на Аландскихъ островахъ), Александровская цитадель въ Варшавѣ, Новогеоргіевскъ, Ивангородъ, Брестъ-Литовскъ, Виленская цитадель, Новые Закаталлы, Александрополь (Гумры), Шуша, Ленкорань, рядъ укрѣпленій по закаспійской границѣ (новая Оренбургская линія, Оренбургское укрѣпленіе, Уральское, Новопетровское и др.) и по кордонной линіи Западной Сибири. Кромѣ того, покорены и завоеваны: Модлинская (Новогеоргіевскъ), Замосцкая, Эривань, Ахалцихъ, Анапа и Поти. Кронштадтъ, Ревель, Рига, Динабургъ (Двинскъ), Бобруйскъ, Кіевская крѣпость, Измаилъ и Севастополь были перестроены и частью расширены. Къ концу николаевскаго царствованія недостаточность пограничной обороны выражалась, между прочимъ, въ слѣдующемъ. Кронштадтскія укрѣпленія частью были незакончены, частью заключали въ себѣ немалые техническіе недостатки. Существовавшее мнѣніе о непреодолимости Кронштадта, которое раздѣлялъ и самъ императоръ Николай, было преувеличеннымъ; сѣверный форватеръ, вопреки этому мнѣнію, оказывался проходимымъ для военныхъ судовъ. Не были закончены работы въ Бомарзундѣ, Свеаборгѣ, Ивангородѣ, Брестъ-Литовскѣ и Кіевѣ. На всей западной границѣ вполнѣ удовлетворяла современнымъ требованіямъ одна лишь Новогеоргіевская крѣпость. Оставались слабо защищенными: эстляндское побережье, пограничная линія съ Персіей и закаспійская граница. Почти совершенно незащищены были: сѣверная граница (отъ Норвегіи до Сѣверной Двины), гдѣ была всего одна Новодвинская крѣпость, и дальне-восточная граница, гдѣ единственнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ былъ Петропавловскій портъ.

Одновременно съ реформою военнаго управленія была произведена, послѣ волненій 1831 г., реформа военныхъ поселеній, въ сущности совершенно ихъ упразднившая. Въ пѣхотѣ округа военныхъ поселеній были переименованы въ округа пѣхотныхъ солдатъ, предназначенные лишь для расквартированія войскъ и обязанные сами лишь обыкновенною рекрутскою повинностью. Въ кавалеріи дѣйствующая часть полковъ была отдѣлена отъ поселенной, и на послѣднюю точно также была возложена рекрутская повинность. Новыя военныя поселенія на такихъ началахъ были устроены въ николаевское царствованіе въ 1837 г. въ кіевской и подольской губерніяхъ, изъ конфискованныхъ имѣній польскихъ мятежниковъ и, съ 1838 г., г. Умань, на Кавказѣ и въ Закавказѣ. Съ 1835 г. департаментъ военныхъ поселеній вѣдалъ и иррегулярныя казачьи войска. На устройство и развитіе послѣднихъ въ николаевское царствованіе было обращено большое вниманіе, главнымъ образомъ въ виду необходимости заселенія и обороны вновь занятыхъ земель на Кавказѣ, въ Закаспійскомъ краѣ и на Амурѣ. Отдѣльныя казачьи войска получили новыя положенія [1]).

Отличительной чертой этихъ положеній было: бо́льшее подчиненіе казачьихъ войскъ центральному военному управленію; введеніе въ казачьихъ войскахъ правильныхъ строевыхъ уставовъ; бо́льшее разграниченіе въ мѣстномъ казачьемъ управленій военной и гражданской части и бо́льшее обособленіе казачьяго населенія отъ другихъ сословій при лучшемъ обезпеченіи его землею.

Кн. А. И. Чернышевъ оставался военнымъ министромъ почти до конца царствованія императора Николая I [2]). Онъ неуклонно держался той системы военнаго управленія, какая окончательно установилась съ тридцатыхъ годовъ. Самъ императоръ Николай, какъ приходилось уже отмѣчать выше, сознавалъ отдѣльныя отрицательныя стороны этой системы. Отъ него могли ускользать, однако, многіе изъ тѣхъ вредныхъ результатовъ,

---

[1]) Въ 1835 г.—положеніе войска Донского, послужившее образцомъ и для другихъ; въ 1840—для Оренбургскаго, въ 1842 г.—для Черноморскаго, въ 1844—для вновь образованнаго въ 1828 г. Дунайскаго, въ 1845 г.—для Кавказскаго линейнаго и Астраханскаго; въ 1846—для Сибирскаго линейнаго.

[2]) До 26 авг. 1853 г.; послѣ него—кн. Вас. Андр. Долгорукій.

къ какимъ эта система приводила на практикѣ. Со своей стороны, Чернышевъ, въ своихъ ежегодныхъ докладахъ по военному министерству, всегда указывалъ, что въ военномъ управленіи все вполнѣ благополучно, и ничто не требуетъ никакихъ измѣненій.

Дѣятельность морского вѣдомства, подвергшаяся въ началѣ николаевскаго царствованія значительнымъ преобразованіямъ, въ послѣдующіе годы была направлена на увеличеніе и усовершенствованіе морскихъ силъ государства, заботиться о чемъ заставляли тѣ, въ общемъ натянутыя, отношенія, какія складываются къ этому времени у Россіи къ западнымъ морскимъ державамъ. Эта дѣятельность, вначалѣ довольно оживленная, къ сороковымъ годамъ начинаетъ постепенно ослабѣвать, и ростъ русскихъ морскихъ силъ, шедшій до этого времени въ значительной степени вровень съ морскими державами, приблизительно съ 1844 г. и количественно, и качественно начинаетъ замѣтно отставать. Главнымъ руководителемъ дѣятельности морского вѣдомства въ теченіе всего царствованія императора Николая оставался начальникъ морского штаба свѣтлѣйшій князь А. С. Меншиковъ. Значеніе занимаемой имъ должности въ морскомъ вѣдомствѣ особенно опредѣлилось къ 1836 г., когда послѣдовало новое преобразованіе морского министерства, и во главѣ флота и министерства было поставлено одно лицо съ правами министра—начальникъ Главнаго Морского Штаба. Остававшійся до конца николаевскаго царствованія на этой должности кн. А. С. Меншиковъ пользовался очень большимъ довѣріемъ у Николая. Въ теченіе всего царствованія онъ получалъ неоднократно порученія и назначенія, далеко выходящія за предѣлы его вѣдомства. Такъ въ 1831 г., какъ было уже указано выше, онъ былъ назначенъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками въ Финляндіи. Въ 1833 и 1835 гг. онъ сопровождалъ государя за границу и былъ при немъ во время свиданій монарховъ въ Мюнхенгрецѣ и Теплицѣ. Въ 1853 г. онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь. Всегда живо интересовавшійся флотомъ, Николай Павловичъ въ лицѣ Меншикова имѣлъ своего ближайшаго сотрудника, взгляды котораго, въ

значительной степени, опредѣлили все направленіе дѣятельности морского вѣдомства за данное царствованіе. Фактическое значеніе въ морскомъ вѣдомствѣ назначеннаго въ 1831 г. генералъ-адмираломъ флота вел. князя Константина Николаевича становится замѣтнымъ лишь въ самые послѣдніе годы царствованія, когда великій князь былъ назначенъ, въ 1852 г., товарищемъ начальника Морского Штаба, а въ 1853 г., за отъѣздомъ Меншикова въ Турцію, управляющимъ морскимъ министерствомъ. Начавшаяся вскорѣ послѣ этого война помѣшала, однако, дальнѣйшему развитію дѣятельности морского вѣдомства; съ новою силою эта дѣятельность оживляется лишь въ послѣдующее царствованіе.

Къ 1830 г. опредѣлились результаты усиленной судостроительной дѣятельности первыхъ лѣтъ царствованія. Балтійскій флотъ, насчитывавшій къ 1825 г. всего 5 кораблей и 10 фрегатовъ, не считая мелкихъ судовъ, къ 1830 г. заключалъ въ себѣ 28 кораблей и 17 фрегатовъ. Численность судовъ соотвѣтствующихъ ранговъ въ черноморскомъ флотѣ къ этому же времени выражалась въ 11 корабляхъ и 8 фрегатахъ. Съ 1833 г. эта дѣятельность была введена въ болѣе скромныя рамки, и для поддержанія судового комплекта было положено строить ежегодно въ Петербургѣ по 2 корабля, по 1 фрегату и по 3 мелкихъ судна; въ Архангельскѣ—по 1 кораблю, 1 фрегату и 1 транспорту. Всего въ николаевское царствованіе было спущено на воду въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ: 69 кораблей, 47 фрегатовъ, до 220 легкихъ судовъ и транспортовъ, 143 судна гребного флота и до 306 портовыхъ судовъ. Къ концу царствованія, однако, большинство изъ этихъ кораблей и фрегатовъ были неспособны къ военной службѣ. Николаевское царствованіе является какъ бы послѣднею эпохою нашего парусного флота. Парусныя суда и количественно, и качественно занимали въ немъ первенствующее мѣсто; ихъ организація была доведена до возможнаго совершенства. На ряду съ этимъ, съ начала николаевскаго царствованія, впервые появляются въ нашемъ флотѣ и паровыя суда. Въ 1826 г. въ Балтійскомъ флотѣ было 3 парохода, въ Черноморскомъ — 2; въ 1830 г. въ первомъ—7, а во второмъ—4. Въ теченіе всего царствованія, однако, паровыя суда играли въ русскомъ флотѣ второстепенное значеніе, чему не мало способствовало и отрицательное

отношеніе къ судамъ этого типа кн. Меншикова, да, повидимому, и самого государя, особенно къ паровымъ судамъ съ винтовымъ двигателемъ, а также отсутствіе въ то время въ Россіи заводовъ и техниковъ для желѣзнаго и парового судостроенія. Съ 1844 г. паровой двигатель занялъ преобладающее мѣсто во флотахъ Англіи, Франціи, и Америки, и быстро начали входить въ употребленіе винтовыя суда. Въ Россіи первая попытка примѣненія винтового двигателя въ единичномъ случаѣ была сдѣлана въ царствованіе Николая Павловича въ 1848 г. [1]). Дальнѣйшіе заказы судовъ этого типа въ Англіи были выполнены до начала Крымской кампаніи лишь отчасти—всего два судна. Къ 1855 г. въ русскомъ флотѣ всего паровыхъ судовъ было: на Балтійскомъ морѣ 1 винтовой корабль и 1 винтовой фрегатъ, 10 колесныхъ пароходо-фрегатовъ, 18 небольшихъ пароходовъ и 40 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ; на Бѣломъ—2 небольшихъ колесныхъ парохода; на Каспійскомъ—8 такихъ же пароходовъ; на Черномъ—12; на Восточномъ океанѣ—1 винтовая шхуна и 3 небольшихъ парохода.

Наряду съ судостроительной дѣятельностью вниманіе морского вѣдомства въ николаевское царствованіе было обращено на строительную дѣятельность и на преобразованія въ портахъ. Окончательно были упразднены теперь многія учрежденія, сохранявшіяся какъ пережитокъ, какъ напр. иркутское адмиралтейство и байкальская флотилія; казанское адмиралтейство было перенесено въ расширенные теперь астраханскій портъ и верфи. Съ другой стороны, были расширены и улучшены портовыя сооруженія и доки въ Кронштадтѣ, Ревелѣ, Свеаборгѣ, Севастополѣ и Архангельскѣ. Въ Кронштадтѣ были сооружены каменные форты Петра I-го, Александра I-го, Павла I-го и батарея кн. Меншикова. На Черномъ морѣ была устроена Черноморская береговая линія изъ 12 укрѣпленій между Анапою и Сухумъ-Кале. Въ Камчатской области Охотскій портъ былъ перенесенъ въ Петропавловскъ, и была сформирована особая сибирская флотилія. Для строительныхъ работъ морского вѣдомства былъ учрежденъ въ 1837 г. особый корпусъ инженеровъ морской строительной части.

Параллельно съ этимъ шли гидрографическія работы, находившіяся до 1837 г. въ вѣдѣніи генералъ-гидрографа, а затѣмъ—

[1]) Фрегатъ „Архимедъ“, потерпѣвшій крушеніе въ 1850 г. въ Балтійскомъ морѣ.

Гидрографическаго Департамента Морского Министерства. Съ 1833 г. начались почти во всѣхъ моряхъ, омывающихъ русскіе берега, систематическія гидрографическія работы, видное участіе въ которыхъ принадлежало кап.-лейтенанту М. Ф. Рейнеке (Балтійское и Бѣлое моря), лейтенанту бар. Б. В. Врангелю (Балтійское море), кап. Е. П. Манганари (Черное и Азовское моря), лейт. А. И. Шестакову (Черное море) и лейт. А. И Бутакову (Аральское и Черное моря). Результатомъ всѣхъ этихъ работъ были подробныя лоціи и описанія русскихъ береговъ названныхъ морей, румелійскаго берега Чернаго моря отъ Босфора до Дарданеллъ, а также опись Мраморнаго моря (кап. Манганари 1845—48 гг.). Отчасти въ связи съ этими работами стояли и предпринимаемыя экспедиціи, главнымъ образомъ въ сѣверныхъ водахъ. Таковы были экспедиціи подпоручика корпуса флотскихъ штурмановъ П. К. Пахтусова (1832—33 и 1834 гг.), давшія описаніе восточнаго берега Новой Земли; экспедиція академика К. М. Бера (1837 г.) къ берегамъ Лапландіи и Новой Земли и экспедиція прапорщика корпуса штурмановъ А. К. Цивольки (1838 г.) для описанія сѣверной и сѣверо-восточной части Новой Земли, не закончившая, за смертью Цивольки, всѣхъ намѣченныхъ ею работъ. Для изученія посѣщаемыхъ странъ еще въ 1828 — 29 гг. было предпринято кругосвѣтное плаваніе (шлюпы „Сенявинъ“ и „Моллеръ“ подъ начальствомъ лейтенантовъ Ѳ. П. Литке и М. Н. Станюковича), давшее описаніе Берингова моря и береговъ Камчатки. Укоренившееся мнѣніе о томъ, что Сахалинъ—полуостровъ, и что, поэтому, съ сѣвера нѣтъ доступа въ устье р. Амура, было разсѣяно плаваніемъ капитана-лейтенанта Невельскаго, поднявшаго 1 августа 1850 г. на устьѣ Амура русскій военный флагъ [1]).

[1]) Исторія „открытія“ о. Сахалина и устья р. Амура весьма ярко иллюстрируетъ николаевскую правительственную систему. Въ правительственныхъ сферахъ и, главнымъ образомъ, въ дипломатическомъ вѣдомствѣ, боявшемся международныхъ осложненій, было усвоено отрицательное отношеніе ко всякой мысли о возможности занятія устья Амура. Послѣ доклада академика Миддендорфа, указывавшаго, что фактически Амуръ не занятъ Китаемъ, и статья Полевого въ „Сѣверной Пчелѣ“, разбиравшаго значеніе утраты Амура, Николай приказалъ снарядить экспедицію для изслѣдованія устья этой рѣки. Выполняя нежелательное для него порученіе, министръ финансовъ не преминулъ подчеркнуть, что экспедиція снаряжается съ цѣлью „удостовѣриться въ справедливости сложившагося убѣжденія о не-

Кавказъ въ царствованіе Николая I.

Въ обзорѣ царствованія императора Николая I дѣламъ на Кавказѣ должна быть посвящена отдѣльная глава. Только послѣ адріанопольскаго мира Россія могла утвердиться въ своихъ закавказскихъ владѣніяхъ, и только теперь, за то, сталъ во всей своей остротѣ вопросъ о покореніи и замиреніи тѣхъ горскихъ племенъ, которыя сплошною полосою отдѣляли Имперію отъ вновь пріобрѣтенной территоріи и постоянно угрожали тѣмъ тонкимъ нитямъ, какими коренныя области государства связывались съ кавказскою окраиною: каспійскому побережью

доступности устья р. Амура". Экспедиція исполнила порученіе начальства и доложила о томъ, что прежнее мнѣніе, что Сахалинъ полуостровъ правильно, и что, поэтому, входъ въ Амуръ съ сѣвера невозможенъ. Нессельроде доложилъ государю, что „Сахалинъ полуостровъ, почему р. Амуръ не имѣетъ для Россіи никакого значенія". Николай положилъ резолюцію: „Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ безполезной, оставить". Въ 1847 г. капитанъ-лейтенантъ Невельской, отправляясь на транспортѣ „Байкалъ" изъ Гельсингфорса на Камчатку, просилъ Меншикова содѣйствовать разрѣшенію ему ознакомиться съ юго-восточнымъ берегомъ Охотскаго моря, указывая, что въ устье Амура его „официально занесутъ и свѣжіе вѣтры и теченія". Придя въ Петропавловскъ и не получивъ здѣсь отвѣта на свою просьбу, Невельской на свой страхъ отправился къ восточному берегу Сахалина и въ сентябрѣ 1849 г. обогнулъ островъ съ юга. За такое „открытіе", не соотвѣтствующее „видамъ" начальства, Невельской былъ признанъ „подлежащимъ наказанію" и былъ лишенъ наградъ. Покровительствовавшій Невельскому восточносибирскій генералъ-губернаторъ Муравьевъ выхлопоталъ ему разрѣшеніе основать зимовье для торга съ гиляками на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, съ приказаніемъ, однако, „ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не касаться лимана и р. Амура". 1 августа 1850 г. Невельской водрузилъ русскій флагъ на устьяхъ Амура. За такіе „въ высшей степени дерзкіе поступки" особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ Нессельроде постановилъ разжаловать его въ матросы, и только новое заступничество Муравьева спасло его отъ бѣды.

и военно-грузинской дорогѣ. Новый неисчерпаемый источникъ для поэтическаго вдохновенія, край новыхъ экономическихъ возможностей, открывавшій широкіе горизонты русской хозяйственной жизни, Кавказъ въ николаевское царствованіе требовалъ и большого напряженія государственной мощи, и большого изощренія политическаго такта въ дѣлѣ, для русской государственности еще не привычномъ. Въ Польшѣ правительственная система императора Николая I выступила съ программою воинствующей обрусительной политики. На противоположной окраинѣ, на Кавказѣ, передъ ней раскрывались задачи замиренія края и внесенія началъ культуры и гражданственности. Кавказъ сталъ для этой системы, какъ бы пробнымъ камнемъ: ея неудачи здѣсь были для нея приговоромъ съ точки зрѣнія ея культурной доброкачественности.

Трудность положенія дѣлъ на Кавказѣ въ николаевское царствованіе обусловливалась, съ одной стороны, необходимостью вести постоянную войну съ незамиренными горскими племенами, съ другой—сложными внутренними отношеніями въ Закавказьѣ.

Не прекращавшіяся въ теченіе всего николаевскаго царствованія военныя дѣйствія на Кавказѣ сосредоточивались на двухъ флангахъ: въ Чечнѣ и Дагестанѣ, на западномъ Кавказѣ и на черноморскомъ побережьѣ. Присутствіе въ краѣ Паскевича, правда, поддерживало наружное спокойствіе; но уже тогда въ тиши зрѣло мюридское движеніе, во главѣ котораго сталъ Кази-Мула, объединившій племена восточнаго Кавказа и съ 1830 г. поднявшій открытое возстаніе. Отозваніе Паскевича въ Польшу и послѣдовавшія затѣмъ неудачи русскихъ войскъ въ борьбѣ съ горцами увеличили число приверженцевъ Кази-Мулы. Съ назначеніемъ въ 1832 г. начальникомъ кавказскаго корпуса бар. Розена, обстоятельства стали складываться болѣе благопріятно: 17 октября былъ взятъ аулъ Гимры, и Кази-Мула былъ убитъ; къ октябрю 1832 г. былъ взятъ главный оплотъ мюридовъ, аулъ Гоцатль. Эти успѣхи были, однако, непрочны. Съ 1835 г. во главѣ мюридскаго движенія сталъ Шамиль, вскорѣ укрѣпившійся въ аулѣ Ахульго и придавшій всему движенію не бывалые до этого времени размѣры и упорство. Послѣ взятія Ахульго (лѣто 1839 г.) и бѣгства Шамиля въ Дарго борьба приняла особенно ожесточенный характеръ; на сторонѣ возставшихъ была вся Чечня и сѣверный Дагестанъ; опасность гро-

зила военно-грузинской дорогѣ, главному сообщенію Имперіи съ Закавказьемъ. [1]) По настоянію военнаго министра кн. Чернышева, посѣтившаго лѣтомъ 1842 г. Кавказъ, наступательныя экспедиціи были прекращены, и къ 1843 г. край фактически оказался въ рукахъ непріятеля. Новыя энергичныя дѣйствія начались съ конца 1844 г., когда главнокомандующимъ на Кавказѣ былъ назначенъ гр. М. С. Воронцовъ. Въ теченіе послѣдующихъ трехъ лѣтъ былъ взятъ рядъ пунктовъ, имѣвшихъ для горцевъ большое стратегическое значеніе. Со взятіемъ аула Гергебиля (7 іюля 1848 г.) въ краѣ наступило сравнительное спокойствіе. Съ 1850 по 1853 гг. въ Чечнѣ шло систематическое поступательное движеніе, выражавшееся въ рядѣ планомѣрныхъ дѣйствій и сопровождавшееся постоянными стычками, перевѣсъ въ которыхъ чаще оставался уже на сторонѣ русскихъ.

Дѣйствія на западномъ Кавказѣ и на черноморскомъ побережьѣ, входившія въ одинъ общій планъ съ дѣйствіями въ Чечнѣ и Дагестанѣ, имѣли главною цѣлью укрѣпленіе и дальнѣйшее распространеніе такъ называемой кавказской кордонной линіи, шедшей по Кубани, Малкѣ и Тереку, съ передовыми пунктами по Ладѣ, Сунжѣ и по сѣвернымъ склонамъ главнаго и Андійскаго хребтовъ. Эти дѣйствія начались въ 1834 г. экспедиціей ген. Вельяминова въ Закубанье, закончившейся къ 1837 г. возведеніемъ укрѣпленій въ устьяхъ Пшада (Новотроицкое) и Вулана (Михайловское). Къ 1839 г. былъ возведенъ рядъ укрѣпленій по Черноморскому побережью—Навагинское, Вельяминовское, Тенгинское, Головинское, Раевское и фортъ Лазаревъ—и заложена крѣпость и военная гавань Новороссійскъ. Большинство этихъ укрѣпленій было, однако, очень плохо оборудовано, и къ началу 1840 г. фортъ Лазаревъ и укрѣпленія Вельяминовское, Михайловское и Николаевское очутились въ рукахъ у непріятеля. До 1844 г. возстановленіе всѣхъ этихъ пунктовъ шло очень медленно, и черноморское побережье оставалось открытымъ для сношеній горцевъ съ турками и англійскими агентами, доставлявшими имъ оружіе. Только съ 1845 г. удалось болѣе или менѣе здѣсь упрочиться, а къ 1851 г. на-

[1]) Къ этому времени относится дѣло на р. Валерикъ 11 іюля 1840 г., давшее тему Лермонтову въ его извѣстномъ стихотвореніи.

чалось занятіе плодородныхъ земель между рѣками Лабою и Бѣлою, закончившееся возведеніемъ Бѣлорѣченскаго укрѣпленія. Къ концу николаевскаго царствованія на западномъ Кавказѣ незамиренныя горскія племена оказались отрѣзанными отъ моря и стиснутыми въ ущельяхъ передовыми русскими укрѣпленіями кавказской кордонной линіи, значительно выдвинувшейся теперь къ югу. На восточномъ Кавказѣ русское владычество укрѣпилось къ этому времени въ сѣверной части Чечни, а также въ области, ближайшей къ Каспійскому морю, и въ области, пограничной съ Грузіей.

Разрывъ въ 1854 г. съ Турціей повелъ къ новымъ осложненіямъ и въ значительной степени свелъ на нѣтъ достигнутые результаты. Командующій турецкой анатолійской арміей вошелъ въ сношенія съ Шамилемъ, и послѣдній совершилъ вторженіе, правда неудачное, въ Кахетію. Тяжелѣе было положеніе дѣлъ на Черноморскомъ побережьѣ: пространство отъ устья Кубани до Новороссійска было оставлено совершенно; укрѣпленія по всей береговой линіи были взорваны; гарнизоны были отведены въ Крымъ; все побережье оставалось беззащитнымъ.

Попытки установить какой-либо порядокъ въ управленіи Закавказьемъ до послѣднихъ лѣтъ николаевскаго царствованія точно также имѣли очень незначительные результаты. Весь край состоялъ изъ нѣсколькихъ областей, весьма различныхъ и по историческому прошлому, и по своему внутреннему управленію, и по общественному укладу. Такими областями были: присоединенныя къ Россіи, въ 1801 г. Грузія, въ 1810 г. Имеретія и въ 1829 г. Гурія; пріобрѣтенныя отъ Персіи по туркманчайскому миру ханства эриванское и нахичеванское и полученныя отъ Турціи по адріанопольскому миру черноморское побережье около Поти и ахалцыхскій пашалыкъ. Въ предѣлахъ указанныхъ областей, въ теченіе всего николаевскаго царствованія, правительствомъ дѣлались неоднократныя попытки ввести то или другое единообразное управленіе и такъ или иначе согласовать мѣстный общественный укладъ съ общеимперскимъ гражданскимъ строемъ. Что касается принявшей въ 1803 г. покровительство Россіи Мингреліи, то эта область въ теченіе всего николаевскаго царствованія сохраняла свою внутреннюю само-

стоятельность, управлялась своими собственными князьями и находилась какъ бы въ вассальной зависимости отъ Имперіи.

Тотчасъ послѣ заключенія туркманчайскаго мира изъ вновь пріобрѣтенныхъ отъ Персіи земель была образована армянская область, подраздѣленная на два уѣзда: эриванскій и нахичеванскій. Вначалѣ устроенная сообразно съ мѣстными обычаями, эта область въ 1833 г. получила новое устройство, аналогичное съ общеимперскимъ губернскимъ управленіемъ. Перешедшій къ Россіи отъ Турціи ахалцыхскій пашалыкъ вплоть до 8 40 г., когда было введено общее «учрежденіе управленія Закавказскимъ краемъ» управлялся на особомъ положеніи. Гурія, сохранившая свою внутреннюю самостоятельность, въ 1830 г. была присоединена къ Имеретіи. Къ тому же году жившія въ Кахетіи джаро-белаканскія лезгинскія вольныя общины составили особую съ русскимъ управленіемъ область, которая была присоединена къ Грузіи. Устройство самой Грузіи оставалось въ томъ неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ оно пребывало въ теченіе всего александровскаго царствованія.

Занятые, главнымъ образомъ, военными дѣйствіями, Ермоловъ, а первое время и Паскевичъ, не имѣли возможности сосредоточиться на вопросахъ внутренняго управленія. Эти вопросы выдвигаются на очередь лишь послѣ адріанопольскаго мира. Обративъ вниманіе, въ послѣдніе годы своего пребыванія на Кавказѣ на внутреннее состояніе подвѣдомственнаго ему края, самъ Паскевичъ находилъ, что исцѣлить зло мѣстнаго неустройства можно лишь рѣшительною мѣрою—„упразднивъ всѣ существующія здѣсь учрежденія, ввести во всѣхъ закавказскихъ провинціяхъ россійскій образъ управленія и законы“. Въ такомъ духѣ Паскевичемъ уже въ 1829 г. былъ составленъ проектъ преобразованія гражданскаго управленія краемъ. Смѣнившій Паскевича бар. Розенъ держался противоположныхъ взглядовъ и въ теченіе своего шестилѣтняго управленія краемъ неоднократно убѣждалъ государя и всѣхъ министровъ не торопиться преобразованіями, и лишь постепенно улучшать и устраивать внутреннія отношенія согласно съ мѣстными обычаями. Въ іюлѣ 1833 г. въ Петербургѣ былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ Чернышева, комитетъ объ устройствѣ Закавказскаго края. Выработанный черезъ два года этимъ комитетомъ проектъ вызвалъ со стороны Розена сильныя возраженія. Ввиду такого разногласія было рѣшено отправить на Кавказъ особую комиссію, подъ предсѣдатель-

ствомъ одного изъ сенаторовъ, и поручить ей все дѣло Закавказскаго края. По представленію Блудова и Чернышева выборъ государя остановился на сенаторѣ бар. Ганѣ, который къ іюню 1837 г. и явился съ комиссіей въ Тифлисъ. У Гана очень скоро установились крайне натянутыя отношенія съ Розеномъ. Посѣтивъ осенью того же 1837 г. Тифлисъ, Николай остался крайне недоволенъ положеніемъ дѣлъ въ краѣ и, довѣряя представленіямъ Гана, счелъ главнымъ виновникомъ всѣхъ непорядковъ Розена. Послѣдняго постигла опала: въ ноябрѣ 1837 г. на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Головинъ. Не встрѣчая возраженій со стороны новаго главноуправляющаго краемъ, Ганъ очень быстро выработалъ проектъ управленія, совершенно игнорируя мѣстныя условія. Этотъ проектъ, несмотря на рядъ серьезныхъ возраженій, главнымъ образомъ со стороны Киселева, получилъ 10 апрѣля 1840 г. законодательное утвержденіе.

По „Учрежденію 1840 г. для управленія Закавказскимъ краемъ“ весь край, за исключеніемъ Абхазіи, Мингреліи и Сванетіи, дѣлился на двѣ части: грузино-имеретинскую губернію (куда включались также области: армянская, джаро-белаканская и ахалцихская и Гурія) съ главнымъ городомъ Тифлисомъ и каспійскую область съ главнымъ городомъ Шемахою. Во главѣ управленія оставался главноуправляющій краемъ, сравненный въ правахъ и обязанностяхъ съ генералъ-губернаторами внутреннихъ губерній, но облеченный особыми полномочіями. Его помощникомъ являлся тифлисскій военный губернаторъ. Губернское управленіе въ каждой изъ двухъ частей края, а также уѣздное и городское, устраивались вполнѣ по образцу соотвѣтствующихъ общерусскихъ учрежденій. Ближайшею къ населенію властью, судьею и администраторомъ являлся мелкій полицейскій чиновникъ — участковый засѣдатель. Уже къ январю 1841 г. это „Учрежденіе“ было повсемѣстно введено въ Закавказскомъ краѣ и тотчасъ же вызвало всеобщее неудовольствіе. Населеніе начало волноваться, и во многихъ мѣстахъ вспыхнули бунты, что представлялось особенно серьезнымъ въ виду неспокойнаго состоянія Чечни и Дагестана. Сами чиновники находили новое устройство по мѣстнымъ условіямъ черезчуръ сложнымъ. Неудача кавказской реформы была использована въ Европѣ и подверглась ѣдкимъ насмѣшкамъ въ „Souvenirs de voyage“ путешествовавшаго въ то время по Кавказу гр. Сюзанне (Suzannet).

Императоръ Николай Павловичъ былъ всѣмъ этимъ очень встревоженъ, и въ 1842 г. на Кавказъ были посланы кн. Чернышевъ и статсъ-секретарь Позенъ. Результатъ ихъ командировки былъ крайне неблагопріятенъ для только что произведенной реформы и для ея автора, бар. Гана. На рапортѣ Позена государемъ была положена слѣдующая резолюція: „Нельзя безъ сожалѣнія читать; такъ искажаются всѣ благія намѣренія правительства такими лицами, на мнѣніе и опытность которыхъ, казалось, можно было положиться. Предъявить сей рапортъ комитету министровъ, чтобы всѣ убѣдились въ непростительной неосновательности барона Гана, котораго надменность привела въ заблужденіе правительство и принуждаетъ безотлагательно *приступить къ отмѣнѣ* еще столь недавно утвержденнаго". Результатомъ этого было учрежденіе особаго комитета, на который возлагалось „предварительное разсмотрѣніе и соображеніе всѣхъ дѣлъ по управленію краемъ, подлежащихъ законодательнымъ измѣненіямъ". Окончательная обработка всѣхъ этихъ предположеній была возложена на учрежденное въ 1843 г. VI Отдѣленіе С. Е. И. В. Канцеляріи, докладчикомъ по дѣламъ котораго былъ назначенъ Позенъ. 30 октября 1843 г. Головинъ уволился въ отставку, и на его мѣсто былъ назначенъ Нейдгардтъ.

Рѣшительный поворотъ въ политикѣ императора Николая на Кавказѣ наступаетъ, однако, лишь съ 1845 г. Принявъ въ этомъ году отставку Нейдгардта, государь остановилъ свой выборъ на новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ, кн. М. С. Воронцовѣ, обратившись къ нему съ милостивымъ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ предлагалъ ему занять новый постъ съ титуломъ кавказскаго намѣстника и главнокомандующаго и съ сохраненіемъ прежняго званія. Выборъ государя былъ встрѣченъ въ обществѣ очень сочувственно, и 26 марта 1846 г. Воронцовъ вступилъ на новую должность.

Основною задачею управленія Воронцовъ поставилъ себѣ упорядоченіе мѣстнаго общественнаго уклада и мѣстныхъ обычаевъ и подъемъ духовнаго и матеріальнаго благосостоянія края, какъ лучшее средство для сближенія этой окраины съ Имперіей. Было обращено вниманіе на улучшеніе путей сообщенія и устроено пароходное сообщеніе по Черному и Каспійскому морямъ. Была предпринята въ широкихъ размѣрахъ разработка естественныхъ богатствъ края, и для оживленія мѣстной торговли и промышленности привлекались русскіе капиталисты.

Были приняты во вниманіе духовныя нужды края. Въ 1848 г. былъ устроенъ Закавказскій учебный округъ, причемъ общая система преподаванія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ была приспособлена къ мѣстнымъ условіямъ. Въ закавказскихъ гимназіяхъ, число которыхъ къ концу царствованія Николая Павловича возросло до трехъ (двѣ въ Тифлисѣ и одна въ Кутаисѣ), а также въ гимназіяхъ въ Ставрополѣ и Екатеринодарѣ, латинскій и греческій языки были замѣнены почти вполнѣ языками мѣстными и изученіемъ россійскаго законовѣдѣнія и судопроизводства. Для избранной части кавказской молодежи были учреждены стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи. Упорядочивая мѣстный общественный укладъ, Воронцовъ въ особенности заботился объ устройствѣ поземельныхъ отношеній. Во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ отобранныя въ административномъ порядкѣ земли, какъ ненаселенныя, такъ и населенныя, возвращались ихъ владѣльцамъ. При этомъ въ положенія, опредѣлявшія отношенія между собственниками земель и жившими на нихъ поселянами, вносились по настоянію гр. Киселева, въ пользу этихъ послѣднихъ поправки, обезпечивавшія имъ извѣстную долю личной независимости и внутренняго самоуправленія. Еще въ 1845 г. II Отдѣленіе С. Е. И. В. Канцеляріи возбудило вопросъ о включеніи дѣйствовавшаго въ Грузіи собранія гражданскихъ законовъ царя Вахтанга въ I томъ Свода Законовъ Имперіи. Это предположеніе было передано на заключеніе Воронцова и обсуждалось въ особой комиссіи, составленной изъ мѣстныхъ чиновниковъ, уроженцевъ края. Комиссія полагала сохранить лишь очень немногое изъ прежняго грузинскаго законодательства. Къ 1854 г. въ совѣтѣ намѣстника былъ подготовленъ проектъ включенія въ общій Сводъ Законовъ нѣкоторыхъ особыхъ для Грузіи узаконеній, получившій высочайшее утвержденіе уже при преемникѣ императора Николая I, въ 1859 г. Весь Закавказскій край былъ раздѣленъ на пять губерній (тифлисскую, кутаисскую, шемахинскую, дербентскую и эриванскую), а самое управленіе получило болѣе упрощенныя формы.

Къ 1854 г. утомленный трудами и болѣзнью Воронцовъ оставилъ постъ кавказскаго намѣстника. Его заботы о благосостояніи края загладили было во многомъ неудачи административныхъ опытовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Новыя политическія осложненія снова прервали начатую имъ работу.

1848 годъ. Внѣшняя политика и внутреннія мѣропріятія.

22 февраля 1848 г., въ воскресенье на масленицѣ, пришли въ Петербургъ извѣстія о революціи въ Парижѣ, о томъ, что король Людовикъ-Филиппъ бѣжалъ, и что во Франціи провозглашена республика. Эти извѣстія произвели очень сильное впечатлѣніе на императора Николая. Сами по себѣ событія, разыгравшіяся во Франціи, не являлись для него неожиданностью: какъ уже было отмѣчено выше, начиная съ 1840 г., положеніе дѣлъ въ Европѣ представлялось Николаю крайне тревожнымъ и внушающимъ серьезныя опасенія. Личная судьба Людовика-Филиппа, къ которому онъ никогда не относился съ симпатіей, не внушала ему никакого сожалѣнія. Новый переворотъ вызывалъ вначалѣ его негодованіе исключительно, какъ нарушеніе тѣхъ принциповъ, которые онъ считалъ непоколебимыми послѣ соглашеній 1833—35 гг. и на защитѣ которыхъ зиждилась вся его государственная система.

Пока революціонное движеніе не выходило изъ предѣловъ Франціи, императоръ Николай I реагировалъ на него сравнительно умѣренно.

Дипломатическія сношенія съ Франціей были прерваны, и русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ Н. Д. Киселевъ оставался тамъ съ этого времени лишь въ качествѣ частнаго лица безъ офиціальныхъ полномочій. Находившимся въ Парижѣ русскимъ подданнымъ было предложено покинуть предѣлы Франціи. Французскій повѣренный въ дѣлахъ при петербургскомъ дворѣ Мерсье послѣ февральскаго переворота былъ принятъ Николаемъ точно также лишь, какъ частное лицо, при чемъ государь высказалъ ему свой взглядъ на совершившіяся событія во Франціи, какъ на заслуженное возмездіе іюльской монар-

хіи, возникшей въ свое время изъ революціи. Одновременно съ этимъ, проживавшимъ въ Петербургѣ французамъ шефъ жандармовъ графъ Орловъ сообщилъ именемъ государя, что они по-прежнему будутъ пользоваться покровительствомъ русскаго правительства, при условіи соблюденія тишины и спокойствія, но что каждый изъ нихъ, если пожелаетъ, свободно можетъ покинуть Россію.

Негодованіе Николая возросло, и его политика по отношенію къ революціонному движенію стала рѣшительнѣе, когда это движеніе приняло общеевропейскій характеръ, распространилось на Австрію, отразилось въ Дунайскихъ княжествахъ и на политикѣ Сардинскаго короля, нашло отзвукъ въ Пруссіи и охватило всю Германію. Съ перваго же момента заявляя, что „не будетъ пролито ни одной капли русской крови“ ради возстановленія прежняго порядка въ самой Франціи, Николай въ то же время, въ видахъ поддержанія спокойствія въ остальной Европѣ, предполагалъ первоначально двинуть сильную армію на Рейнъ. Многіе изъ его приближенныхъ и министровъ—кн. П. М. Волконскій, гр. П. Д. Киселевъ, гр. А. Ѳ. Орловъ и др.—высказались, однако, противъ подобнаго плана, по соображеніямъ, главнымъ образомъ, финансоваго характера. Тѣмъ не менѣе въ виду происходившихъ во Франціи и въ Австріи событій и въ виду начавшагося движенія среди поляковъ, 420.000-ная армія была сосредоточена на нашей западной границѣ, а въ Вѣнѣ и Берлинѣ были сдѣланы представленія о необходимости подавить смуту въ Галиціи и Познани. Чувства Николая и его рѣшеніе силою оружія противодѣйствовать дальнѣйшему распространенію революціоннаго движенія нашли выраженіе въ его извѣстномъ манифестѣ отъ 14 марта 1848 г. Этотъ манифестъ былъ составленъ самимъ государемъ, послѣ полученія имъ извѣстія о революціи въ Берлинѣ, и лишь слегка исправленъ со стороны слога бар. М. А. Корфомъ. „Послѣ благословеній долголѣтняго мира — провозглашалось въ манифестѣ—западъ Европы внезапно взволнованъ новыми смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства. Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи, и разливаясь повсемѣстно съ наглостью, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительства, разрушительный потокъ сей прикоснулся, нако-

нецъ, и союзныхъ намъ имперіи Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ въ безуміи своемъ и нашей Богомъ намъ ввѣренной Россіи. Но да не будетъ такъ! По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ на помощь Бога всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ со святою нашею Русью защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ. Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный нашъ, отвѣтитъ радостью на призывъ своего государя; что древній нашъ возгласъ: за вѣру, царя и отечество, и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святого на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ: „Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!“ Отправленному въ это время на свой постъ русскому уполномоченному при австрійскомъ дворѣ гр. П. И. Медему было поручено сообщить въ Вѣнѣ о принятыхъ мѣрахъ. О томъ же было сообщено въ Парижѣ черезъ секретаря нашей парижской миссіи Балабина.

Манифестъ вызвалъ сильное раздраженіе во Франціи. Еще 20 февраля Ламартиномъ былъ изданъ циркуляръ, объявлявшій договоры 1815 г. упраздненными. Одновременно съ появленіемъ манифеста императора Николая, французское временное правительство, какъ бы осуществляя циркуляръ Ламартина, рѣшило оказать помощь сардинскому королю Карлу-Альберту, начавшему военныя дѣйствія противъ Австріи. 13 мая Національное Собраніе вотировало резолюцію, провозглашенную руководящими началами французской политики: „братскій союзъ съ Германіей, возстановленіе независимой и свободной Польши, освобожденіе Италіи“. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ французскаго революціоннаго правительства императоръ Николай I усматривалъ вызовъ, направленный прежде всего противъ него самого и его политики. Въ своей собственной дальнѣйшей политикѣ онъ не ограничился по отношенію къ европейскимъ событіямъ ролью пассивнаго зрителя. Французское революціонное движеніе получаетъ съ этого момента въ его глазахъ безспорно агрессивный характеръ. Создававшееся положеніе дѣлъ въ Германіи и въ отдѣльныхъ частяхъ австрійскихъ владѣній, событія въ Дунай-

скихъ княжествахъ и датско-нѣмецкая распря изъ-за Шлезвига вызвали съ его стороны въ теченіе 1848—1852 г. вмѣшательство почти во всѣ очередные вопросы европейской политики. Выполненіе договоровъ 1833—35 гг., это вмѣшательство было проникнуто, въ тоже время, тѣми основными стремленіями, которыя еще съ середины тридцатыхъ годовъ такъ отчетливо опредѣлились въ николаевской политикѣ: преобладаніе Россіи на Востокѣ, борьба съ польскою національностью, защита Австріи и внутренняго status quo Германскаго союза. Главными противниками, съ которыми при этомъ сталкивается императоръ Николай I, являются Франція и Англія въ лицѣ руководителя внѣшней политики послѣдней лорда Пальмерстона, вернувшагося въ 1846 г. въ министерство и шедшаго теперь рука объ руку съ французскимъ кабинетомъ.

Лѣтомъ 1848 г. подъ вліяніемъ французской революціи начались смуты въ Дунайскихъ княжествахъ. Въ Валахіи произошло возстаніе, и русскій ставленникъ, господарь Дмитрій Бибеско, принужденный отречься отъ власти, удалился въ Австрію. Замѣшательства происходили и въ Молдавіи, гдѣ у мѣстнаго дивана вышли недоразумѣнія съ господаремъ Стурдзою, и движеніе въ обоихъ княжествахъ начало уже принимать общерумынскій національный характеръ, грозя захватить и русскую Бессарабію. Румынскіе патріоты разсчитывали на сочувствіе Франціи и находили поддержку у англійскаго посла въ Константинополѣ лорда Стратфорда-Каннинга. Съ другой стороны Порта, обнадеживая первое время руководителей движенія неопредѣленными обѣщаніями, постаралась воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы снова утвердиться въ княжествахъ: турецкія войска перешли Дунай и взяли съ бою Бухарестъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, а также въ виду начинавшагося уже броженья въ сосѣднихъ съ княжествами австрійскихъ владѣніяхъ, Николай, сосредоточивъ вдоль юго-западной границы внушительныя силы, ввелъ въ іюлѣ 1848 г. корпусъ войскъ въ Молдавію и Валахію, и генералъ Дюгамель, въ качествѣ императорскаго комиссара, принялъ на себя управленіе княжествами. Особымъ циркуляромъ министра иностранныхъ дѣлъ отъ 19 іюля 1848 г. русское правительство постаралось успокоить европейскія державы относительно принятыхъ имъ мѣръ. Занятая своими собственными внутренними неурядицами, Австрія не возра-

жала противъ этихъ мѣръ; Англія и Франція были встревожены и поддерживали Порту въ ея настояніяхъ передъ петербургскимъ кабинетомъ пересмотрѣть вопросъ о княжествахъ. Результатомъ этого было заключеніе 19 апрѣля 1849 г. декларації (сенеда) въ Балта-Лиманѣ, подписанной великимъ визиремъ Решидъ-пашею, турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Аали-пашею и русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ В. П. Титовымъ. По этой декларації утверждался выработанный передъ этимъ генераломъ Дюгамелемъ и русскимъ генеральнымъ консуломъ и утвержденный въ Петербургѣ проектъ внутренняго устройства княжествъ, вносившій существенныя перемѣны въ порядокъ, установленный въ 1831 г. Молдавія и Валахія лишались права избранія господарей, которые теперь должны были назначаться, и, при томъ, не пожизненно, а на семь лѣтъ, султаномъ. Диваны упразднялись и замѣнялись совѣщательными собраніями изъ бояръ и высшаго духовенства, по назначенію господарей, созываемыми ad hoc на неопредѣленное время. До полнаго устройства внутренняго порядка въ княжествахъ, Россія и Турція продолжали ихъ оккупировать, и высшее наблюденіе за управленіемъ поручалось совмѣстно русскому и турецкому комиссарамъ. Декларація заключалась на семь лѣтъ. Передъ ея заключеніемъ императоръ Николай обратился къ султану съ собственноручнымъ письмомъ, приглашая его принять предлагаемый проектъ. По соглашенію Турціи съ Россіей валашскимъ господаремъ былъ назначенъ Дмитрій Стирбей, а молдавскимъ— Григорій Гика.

Всѣ эти мѣры, принятыя въ Дунайскихъ княжествахъ, входили до извѣстной степени въ тотъ общій планъ дѣйствій, какимъ императоръ Николай отозвался на событія въ габсбургскихъ владѣніяхъ. Вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ монархіи Габсбурговъ, быстро ставшій къ этому времени на очередь, вообще весьма его тревожилъ. Князю Меттерниху, извѣщавшему его о своемъ паденіи, онъ писалъ: „Въ глазахъ моихъ исчезаетъ вмѣстѣ съ Вами цѣлая система взаимныхъ отношеній, мыслей, интересовъ и дѣйствій сообща“. (письмо отъ 23 марта 1848 г.). Къ самому правительству императора Фердинанда I, пошедшему послѣ отставки Меттерниха (1 марта 1848 г.) на уступки народному движенію, Николай относился съ недовѣріемъ. Указывая на то, что новое австрійское

министерство, не предпринимаетъ никакихъ мѣръ противъ начавшагося движенія въ Галиціи, онъ угрожалъ Австріи разрывомъ, если она не будетъ выполнять союзныхъ обязательствъ.

Одновременно съ этимъ онъ оказалъ поддержку Австріи въ вопросѣ объ ея итальянскихъ владѣніяхъ. Когда сардинскій король Карлъ-Альбертъ, ставъ во главѣ итальянскаго національнаго движенія, объявилъ войну Австріи и въ маѣ 1848 г. вступилъ въ Ломбардію, австрійскому правительству изъ средствъ русскаго казначейства было отпущено заимообразно шесть милліоновъ рублей. Политика Карла-Альберта находила сочувствіе со стороны Англіи. Русскому посланнику въ Лондонѣ бар. Брунову было поручено предупредить англійское правительство, что Россія поддержитъ Австрію во всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, какія эта послѣдняя приметъ въ Ломбардіи; если же нападеніе на Австрію со стороны какого-либо другого итальянскаго государства будетъ поддержано извнѣ иностранною державою, то государь-императоръ сочтетъ такое дѣйствіе за поводъ къ европейской войнѣ и направитъ всѣ свои силы на защиту австрійскаго правительства. Нравственная и матеріальная поддержка со стороны Россіи позволила Австріи отклонить предложеніе Англіи и Франціи о посредничествѣ въ вопросѣ о передачѣ Сардиніи Ломбардіи и протянуть дѣло до тѣхъ поръ, пока побѣда Радецкаго надъ Карломъ-Альбертомъ при Кустоццѣ (29 іюня 1848 г.) не создала для нея болѣе благопріятнаго положенія въ Италіи: Ломбардія осталась за Австріей.

Къ концу іюня 1848 г. фельдмаршаломъ княземъ Виндишгрецомъ, послѣ бомбардированія Праги, была подавлена чешская революція. Въ ноябрѣ того же года императоръ Фердинандъ I отрекся отъ престола въ пользу своего племянника Франца-Іосифа, назначивъ передъ этимъ первымъ министромъ князя Шварценберга. Императоръ Николай нашелъ возможнымъ снова войти въ соглашеніе съ Австріей по очереднымъ вопросамъ международной политики. Для Австріи это создало возможность искать помощи Россіи противъ Венгріи, объятой къ началу 1849 г. возстаніемъ.

Еще въ январѣ 1848 г., по просьбѣ начальника австрійскихъ войскъ въ Трансильваніи ген. Пухнера, отъ корпуса русскихъ войскъ, находившагося въ Дунайскихъ княжествахъ, съ высочайшаго разрѣшенія были отдѣлены и введены въ Трансильва-

нію два отряда въ общей сложности около 6.000 человѣкъ подъ начальствомъ ген.-маіора Энгельгардта и полковника Скарятина. 27 февраля начальникъ народнаго венгерскаго войска польскій эмигрантъ ген. Бемъ нанесъ отряду Скарятина пораженіе при Гроссъ-Ширенѣ, и тогда оба отряда получили отъ командовавшаго дунайскимъ корпусомъ ген. Лидерса приказаніе оставить Трансильванію. Николай былъ больно задѣтъ извѣстіемъ о пораженіи, нанесенномъ его войскамъ польскимъ генераломъ, бывшимъ участникомъ кампаніи 1830—31 гг. Когда вслѣдъ за этимъ австрійское правительство обратилось къ нему за помощью на основаніи мюнхенгрецкой конвенціи, онъ отвѣчалъ согласіемъ. Манифестомъ отъ 26 апрѣля было возвѣщено о вступленіи русскихъ войскъ въ Венгрію. 23 апрѣля 100-тысячная армія, состоявшая изъ 3-го и 4-го корпусовъ, подъ начальствомъ фельдмаршала Паскевича была введена въ Галицію. Главныя силы перешли 5 іюня Карпаты около Дукли и въ двадцатыхъ числахъ того же мѣсяца сосредоточились въ Мишкольцѣ, угрожая Пешту и тылу венгерской арміи Гергея, стоявшей около Коморна. Передъ вступленіемъ въ Венгрію одна дивизія, подъ начальствомъ Панютина, была отдѣлена отъ главныхъ силъ и направлена къ Вѣнѣ на соединеніе съ австрійскимъ главнокомандующимъ бар. Гайнау. Одновременно съ этимъ въ Трансильванію вступили: отрядъ ген. Лидерса изъ Валахіи и ген. Гротенгельма изъ Буковины.

Своевременное прибытіе отряда ген. Панютина помогло Гайнау нанести Гергею рядъ пораженій, и послѣдній, чтобы не быть отрѣзаннымъ главными русскими силами, оставивъ Комориъ, сталъ отступать по лѣвому берегу Дуная къ Пешту. Столкнувшись съ передовыми русскими у Вайтена, Гергей измѣнилъ свой планъ и поспѣшилъ къ Токаю на соединеніе съ войсками, находившимися въ южной Венгріи. Паскевичу не удалось предупредить этотъ маневръ: движеніе русскихъ силъ замедлялось огромнымъ обозомъ; войска страдали отъ холеры; главная квартира не была достаточно освѣдомлена о дѣйствіяхъ противника; самъ фельдмаршалъ обнаруживалъ колебаніе и нерѣшительность. 17 іюля Гергей переправился черезъ Тиссу около Токая и ушелъ въ южную Венгрію. Къ 28 іюня, однако, южно-венгерскія войска были окончательно разбиты около Темешвара Гайнау совмѣстно съ русской дивизіей Панютина.

Узнавъ объ этомъ, настигаемый Паскевичемъ Гергей, достигшій къ тому времени крѣпости Арада, рѣшилъ сдаться. Обращаясь съ письмомъ къ Паскевичу, Гергей заявлялъ, что онъ сдается русскимъ, а не австрійцамъ, и ставилъ условіемъ своей сдачи, чтобы судьба Венгріи была рѣшена самимъ императоромъ Николаемъ, безъ участія Австріи. Паскевичъ, не сносясь съ государемъ, принялъ эти условія, и 1 августа Гергей у Вилагоша сложилъ оружіе передъ русскимъ авангардомъ, шедшимъ подъ начальствомъ ген. Ридигера. Его примѣру послѣдовали тринадцать венгерскихъ генераловъ. Одновременно съ этимъ русскіе отряды въ Трансильваніи вели трудную горную войну съ войсками Бема, и только 25 іюля ему было нанесено Лидерсомъ окончательное пораженіе при Германштадтѣ. Остававшіеся послѣ этого отдѣльные венгерскіе отряды были разсѣяны и сдались, и къ серединѣ сентября русскія войска оставили предѣлы Венгріи. Въ Трансильваніи была оставлена одна дивизія на помощь австрійцамъ для окончательнаго возстановленія порядка. Главные начальники венгерскихъ войскъ, Бемъ и другіе польскіе генералы—Дембинскій, Высоцкій и гр. Владиславъ Замойскій искали убѣжища на турецкой территоріи.

Императоръ Николай привѣтствовалъ побѣду Австріи въ Италіи и Венгріи. Радецкій былъ награжденъ титуломъ русскаго фельдмаршала. Извѣстіе о побѣдахъ русскихъ въ Венгріи было отпраздновано парадомъ въ новонзскомъ лагерѣ около Варшавы. Гайнау былъ пожалованъ орденъ Андрея Первозваннаго. Гергей и сдавшіеся Паскевичу венгерскіе генералы были выданы Австріи. Николай предстательствовалъ о ихъ судьбѣ передъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, и съ этою миссіею въ Вѣну былъ посланъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Францъ-Іосифъ помиловалъ только Гергея; остальные тринадцать были казнены Гайнау въ Арадѣ. Узнавъ объ этомъ, императоръ Николай поручилъ Нессельроде выразить свое „неодобреніе подобной безцѣльной жестокости“ и тотчасъ же отозвалъ вел. кн. Константина изъ Вѣны обратно. Бо́льшую суровость проявилъ онъ по отношенію къ польскимъ генераламъ, участвовавшимъ въ венгерскомъ возстаніи и бѣжавшимъ въ Турцію. Въ Константинополь былъ посланъ съ собственноручнымъ письмомъ государя его адъютантъ князь Левъ Радзивилъ о выдачѣ командующему русскимъ корпусомъ въ Дунайскихъ

эняжествахъ Бема, Дембинскаго, Высоцкаго и Замойскаго. До удовлетворенія этого требованія дипломатическія сношенія съ Турціей были прерваны. Это требованіе встревожило Англію и Францію. Поддерживаемая ихъ представителями въ Константинополѣ, Порта отвѣчала на требованіе императора Николая очень уклончиво. Для переговоровъ въ началѣ октября 1849 года въ Петербургъ былъ посланъ Фуадъ-Эффенди. Одновременно съ этимъ англійскій посланникъ въ Константинополѣ лордъ Стратфордъ-Каннингъ получилъ полномочія ввести, въ случаѣ необходимости, англійскую эскадру въ Мраморное и даже Черное моря. Императоръ Николай выразилъ согласіе не настаивать на выдачѣ польскихъ эмигрантовъ. Одновременно съ этимъ Портѣ было предложено изгнать изъ турецкихъ предѣловъ всѣхъ поляковъ русскаго подданства, хотя бы и натурализовавшихся послѣ этого въ другихъ государствахъ. Это новое требованіе вызвало новое рѣзкое вмѣшательство со стороны Англіи; французская эскадра, точно также, подошла къ Константинополю. Турція, со своей стороны, отвѣчала уклончиво, ссылаясь на то, что иностранные подданные выдаются въ предѣлахъ Оттоманской имперіи въ соотвѣтствующихъ посольствахъ, и что вслѣдствіе этого русское требованіе должно быть обращено къ тѣмъ державамъ, чье подданство приняли русскіе эмигранты. Императоръ Николай удовлетворился этимъ отвѣтомъ, и къ 1850 г. дипломатическія сношенія съ Турціей были возстановлены.

Послѣ подавленія венгерскаго возстанія у Австріи развязывались руки для возстановленія порядка въ самой Германіи. И въ этомъ отношеніи она точно также могла разсчитывать на полное сочувствіе со стороны императора Николая. Германское революціонное движеніе, ставившее себѣ цѣлью создать болѣе прочныя формы національнаго объединенія, встрѣчало въ лицѣ Николая своего непримиримаго противника не только какъ шедшее въ разрѣзъ съ принципами легитимизма, но и какъ грозившее крупными политическими осложненіями для всей Европы, какъ первый шагъ къ созданію единой Германіи. Эта сторона революціоннаго движенія 1848—49 г.г. не ускользала отъ императора Николая, и онъ не разъ обращалъ на нее вниманіе европейскихъ державъ, объясняя и оправдывая свою собственную политику. Циркулярная нота Нессельроде отъ 25 іюня 1849 г. подчеркивала опасность для обще-европейскаго мира

притязаній Франкфуртскаго парламента на балтійскія провинціи Россіи, на Польшу и на датскія владѣнія, и порицала „L'idée de cette unité matérielle que la rêvait une démocratie avide de nivellement et d'agrandissement et qui mettrait tôt ou tard infailliblement l'Allemagne en état de guerre avec ses voisins". Почти одновременно съ этимъ самъ императоръ Николай, въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ Ламорисьеромъ, такъ отозвался о германскомъ объединеніи: „Si l'unité de l'Allemagne, que vous ne désirez sans doute pas plus que moi, venait à se faire, il faudrait encore pour la manier un homme capable de ce que Napoléon lui même n'a pu exécuter; et si cet homme se rencontrait, si cette masse en armes devenait menaçante, ce serait notre affaire à vous et à moi". Первый случай, когда императору Николаю пришлось открыто высказаться по этому поводу, былъ вопросъ о Шлезвигѣ.

Послѣ смерти датскаго короля Христіана VIII (8 января 1848 г.) и вступленія на престолъ его сына Фредерика VII принадлежавшія Даніи герцогства Шлезвигъ и Голштинія потребовали отъ датскаго правительства включенія Шлезвига въ Германскій союзъ и сліянія ихъ въ одно цѣлое. Это требованіе было поддержано германскимъ союзнымъ сеймомъ, и Пруссія начала военныя дѣйствія противъ Даніи. Политика Пруссіи встрѣтила одобреніе со стороны собравшагося въ маѣ 1848 г. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ германскаго Національнаго Учредительнаго Собранія. Копенгагенскій дворъ обратился къ европейскимъ державамъ, заинтересованнымъ въ сохраненіи спокойствія на Сѣверѣ—къ Англіи, Россіи и Швеціи, и императоръ Николай предупредилъ берлинскій дворъ, что онъ принужденъ будетъ объявить Пруссіи войну, если она не откажется отъ своихъ посягательствъ на порядокъ, установленный вѣнскимъ конгрессомъ. Весною нѣсколько русскихъ военныхъ судовъ появились въ виду Киля. Пруссія вынуждена была уступить. Прусскія войска тотчасъ же оставили Ютландію и Шлезвигъ, и 14 (26) августа въ Мальмö между Даніей и Пруссіей было заключено перемиріе, по которому окончательное разрѣшеніе шлезвигъ-голштинскаго вопроса переносилось на имѣвшую собраться конференцію въ Лондонѣ при участіи Англіи, Россіи, Франціи и Швеціи. Въ связи въ шлезвигскимъ вопросомъ стояла политика Пруссіи въ 1849 и въ началѣ 1850 гг. въ самой Германіи. Уронивъ себя въ

глазахъ нѣмецкаго общественнаго мнѣнія своею уступчивостію въ шлезвигскомъ вопросѣ и своимъ отказомъ принять императорскую корону изъ рукъ Учредительнаго Собранія (мартъ 1849 г.), король Фридрихъ-Вильгельмъ выступилъ теперь со своимъ собственнымъ проектомъ переустройства Германскаго союза на началахъ болѣе тѣснаго національнаго объединенія и въ то же время преобладанія Пруссіи. Императоръ Николай отнесся съ рѣзкимъ порицаніемъ къ такой политикѣ своего шурина и не желалъ признавать „другого законнаго базиса для европейскаго порядка, кромѣ утвержденнаго трактатами 1815 г.“. Свиданія императора Николая съ прусскимъ принцемъ Вильгельмомъ въ маѣ 1850 г. въ Варшавѣ, гдѣ происходили въ это время переговоры между австрійскимъ и прусскимъ министрами, и въ октябрѣ того же года съ Францемъ-Іосифомъ, и съѣздъ въ Ольмюцѣ рѣшили и этотъ вопросъ въ пользу Австріи. Пруссія должна была отказаться отъ своихъ плановъ. Одновременно съ этимъ протоколомъ лондонской конвенціи отъ 21 іюня 1850 г., подписаннымъ Англіей, Австріей, Даніей, Россіей, Франціей и Швеціей, были признаны права датскаго короля на Шлезвигъ. 26 апрѣля 1852 г. этотъ протоколъ былъ обращенъ въ трактатъ, который подписала и Пруссія.

Къ исходу 1850 г. наступило общее успокоеніе въ Европѣ. Въ связи съ этимъ и положеніе на Востокѣ, казалось, становилось сравнительно менѣе натянутымъ. Въ началѣ 1851 г. русскія войска оставили Дунайскія княжества.

Результатомъ революціи 1848 г. и вызванныхъ ею осложненій было, какъ въ свое время и послѣ революціи 1830 г., болѣе тѣсное сближеніе Англіи и Франціи и обособленіе ихъ политики отъ политики остальныхъ великихъ державъ. Меньше единодушія замѣчалось на этотъ разъ на Востокѣ Европы. Австрія недовѣрчиво слѣдила за политикою Россіи въ Турціи и была нѣсколько обезпокоена тою рѣшительностью, съ какою императоръ Николай вмѣшивался въ европейскія дѣла, хотя бы и въ интересахъ самой имперіи Габсбурговъ. Пережившая Ольмюцъ, Пруссія затаила обиду и за Шлезвигъ, и за неудачу своей германской политики. Что касается непосредственныхъ отношеній императора Николая къ Англіи и Франціи, то эти отношенія обрисовываются уже отчасти на только что отмѣчен-

ныхъ событіяхъ. Подводя итогъ всему, что имѣло мѣсто за послѣдніе два года на Востокѣ, императоръ Николай не могъ не замѣчать, какъ въ Турціи русское вліяніе окончательно уступало мѣсто англійскому, и какъ турецкіе министры все больше и больше подпадали подъ опеку англійскаго посла. Англо-русскій антагонизмъ, такъ опредѣленно сказавшійся въ вопросѣ о Дунайскихъ княжествахъ и о польскихъ эмигрантахъ, остро давалъ себя чувствовать въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ второстепенныхъ случаевъ. Такъ было, напримѣръ, когда императоръ Николай въ началѣ 1850 года вступился за Грецію, отъ которой Англія требовала возмѣщенія убытковъ, понесенныхъ гибралтарскимъ жителемъ Пачифико во время безпорядковъ въ Аѳинахъ въ 1847 г. Этотъ антагонизмъ продолжалъ сказываться и на кавказскомъ побережьѣ Чернаго моря, и въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, а въ самый послѣдній годъ николаевскаго царствованія и на Дальнемъ Востокѣ—послѣ появленія русскихъ поселеній на Амурѣ и на Камчаткѣ.

Дипломатическія сношенія съ Франціей, на первыхъ порахъ послѣ февральской революціи, были прерваны. Энергичное подавленіе генераломъ Кавеньякомъ іюльскаго возстанія вызвало одобреніе со стороны императора Николая, что и было передано генералу канцлеромъ Нессельроде черезъ остававшагося въ Парижѣ П. Д. Киселева. Присланный въ сентябрѣ 1848 г. въ Петербургъ французскимъ временнымъ правительствомъ генералъ Лефло встрѣтилъ самый благосклонный пріемъ, но дѣло о возобновленіи дипломатическихъ сношеній затянулось вслѣдствіе избранія президентомъ республики принца Людовика-Наполеона Бонапарта: императоръ Николай желалъ видѣть на президентскомъ посту ген. Кавеньяка. Тѣмъ не менѣе вскорѣ послѣ этого французская республика была офиціально признана русскимъ правительствомъ, и 14 мая 1849 г. Киселевъ возобновилъ свои полномочія. Послѣдующая политика президента примирила съ нимъ императора Николая, и переворотъ 2 декабря 1851 г., какъ усиливающій власть президента, былъ встрѣченъ имъ сочувственно. Все время, однако, императоръ Николай относился къ принцу Людовику-Наполеону, лишь какъ ко главѣ французскаго правительства, не считалъ его равнымъ по положенію съ коронованными государями и одобряя всѣ его шаги къ усиленію своей власти, прямо заявлялъ, что всякая

попытка со стороны президента провозгласить себя наслѣдственнымъ монархомъ была бы большою неосторожностью. Присвоенный 2 декабря 1852 г. президентомъ титулъ „Наполеона III, императора французовъ“, какъ возстанавливающій династію низложеннаго Александромъ I Бонапарта, не былъ признанъ императоромъ Николаемъ. По соглашенію съ Австріей и Пруссіей была выработана формула, признававшая новое правительство безъ обычнаго между коронованными особами обращенія къ императору французовъ со словами „monsieur mon frère“. Соотвѣтствующее письмо Государя Императора носило обращеніе: „Très sérénissime, très excellant et très puissant Prince, notre très cher ami Napoleon, Empereur des Français“ и подпись: „Votre bon ami Nicolas“. Берлинскій и вѣнскій дворъ въ это время признали Наполеона съ титуломъ „III“, измѣнивъ своему первоначальному рѣшенію. Такое обращеніе русскаго императора очень задѣло Наполеона III и содѣйствовало обостренію возникшаго еще въ 1850 г. вопроса о Святыхъ мѣстахъ, а вся антиреволюціонная политика императора Николая послѣ 1848 г., въ отдѣльныхъ ея проявленіяхъ, подготовила обстановку восточнаго конфликта 1853—1856 гг.

Европейскія событія 1848 г. дали поводъ къ цѣлому ряду исключительныхъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью усиленіе надзора за состояніемъ умовъ въ русскомъ обществѣ и борьбу съ новыми политическими и соціальными идеями. Эти мѣропріятія касались прежде всего цензуры. Уже 12 марта 1848 г. министру народнаго просвѣщенія было повелѣно: предупредить цензоровъ черезъ ихъ начальство, что за всякое дурное направленіе статей въ журналахъ цензура подвергнется строгой отвѣтственности; предписать Главному Управленію теперь же строго взыскивать съ цензоровъ за подобныя упущенія; не пропускать въ печати намековъ на строгость цензуры и пояснить, что запрещеніе въ Россіи нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ заключаетъ въ себѣ запрещеніе и говорить о нихъ въ печати, а тѣмъ болѣе печатать изъ нихъ отрывки. Еще 27 февраля, по мысли свѣтлѣйшаго князя А. С. Меншикова, а главнымъ образомъ, статсъ-секретаря барона М. А. Корфа, былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ перваго изъ этихъ лицъ, особый комитетъ,

въ который вошли д. т. сов. Дм. Пет. Бутурлинъ, ген.-ад. гр. А. Г. Строгановъ 2-й, статсъ-секретари Дегай и Корфъ, а нѣсколько позднѣе начальникъ штаба жандармовъ генералъ Дубельтъ, для негласнаго надзора какъ за самою цензурою, такъ и непосредственно за печатью. 11 марта на засѣданіи этого комитета редакторамъ всѣхъ петербургскихъ журналовъ было объявлено, что „за напечатаніе либеральныхъ и коммунистическихъ статей они подвергнутся личному взысканію независимо отъ отвѣтственности цензуры". 2 апрѣля того же года этотъ комитетъ былъ превращенъ въ постоянное учрежденіе, сосредоточившее въ себѣ фактическое завѣдываніе цензурою. Комитетъ, по выраженію Николая, долженъ былъ стать „имъ самимъ" въ дѣлѣ цензуры. Министерство Народнаго Просвѣщенія съ этого времени лишь исполняло повелѣнія, сообщаемыя ему или черезъ Комитетъ 2 апрѣля, или черезъ III Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Цѣлый рядъ темъ, охватывающій собою почти всѣ общественные вопросы, отдѣльными распоряженіями 1848—1854 гг. былъ окончательно изъятъ изъ обсужденія на страницахъ печати.

Одновременно съ этимъ былъ предпринятъ рядъ ограничительныхъ и запретительныхъ мѣръ по отношенію къ университетамъ, а также къ среднему образованію. На первыхъ порахъ эти мѣры носили частный характеръ. 19 марта 1848 г. послѣдовалъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова, въ которомъ обращалось вниманіе на европейскія событія. Въ 1849 г. комплектъ студентовъ въ университетахъ былъ ограниченъ 300 чел., и послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы всѣ литографированныя лекціи профессоровъ, за ихъ подписями, доставлялись въ Публичную Библіотеку. Самъ Уваровъ не сочувствовалъ реакціоннымъ крайностямъ, видѣлъ въ нихъ разрушеніе своей собственной системы и дѣлалъ, что могъ, въ предѣлахъ своей программы, чтобы спасти университеты отъ надвигавшейся на нихъ грозы, въ которой даже такіе консерваторы, какъ Никитенко, усматривали какъ бы возвращеніе къ временамъ Рунича и Магницкаго. Лично осмотрѣвъ осенью 1848 г. Московскій Университетъ, въ своемъ докладѣ объ этомъ осмотрѣ онъ далъ весьма благопріятный для университета отзывъ и указывалъ тѣ мѣры, какія были предприняты имъ для укрѣпленія дисциплины. Совѣту университета было

поручено, между прочимъ, пересмотрѣть программы политическихъ и юридическихъ наукъ съ цѣлью ихъ сокращенія. Въ виду появившихся слуховъ о предстоящемъ полномъ закрытіи университетовъ, въ мартовской книжкѣ „Современника“ за 1849 г. была помѣщена инспирированная Уваровымъ статья проф. И. И. Давыдова „О назначеніи русскихъ университетовъ“. За эту статью Уваровъ получилъ высочайшій выговоръ и 20 октября того же года вышелъ въ отставку. На его мѣсто былъ назначенъ его товарищъ кн. Ширинскій-Шихматовъ, передъ этимъ представившій записку объ университетскомъ преподаваніи, въ которой требовалось, „чтобы впредь всѣ положенія и науки были основаны не на умствованіяхъ, а на религіозныхъ истинахъ въ связи богословіемъ“. При Ширинскомъ-Шихматовѣ назначеніе ректоровъ всѣхъ университетовъ, кромѣ Дерптскаго, было поручено министру. Въ слѣдующемъ году министромъ народнаго просвѣщенія были составлены особыя инструкціи для ректоровъ и декановъ съ „исключительною цѣлью усилить надзоръ за университетскимъ преподаваніемъ“. Было усилено наблюденіе за духомъ ученыхъ диссертацій. Съ осенняго семестра 1849 г. было пріостановлено преподаваніе государственнаго права, а съ 1850 г. упразднено преподаваніе философіи; преподаваніе же логики и психологіи поручено профессорамъ богословія. Заграничныя командировки и приглашенія иностранныхъ ученыхъ на русскія каѳедры были прекращены. Окончившіе университетъ косвенными мѣрами привлекались, по возможности, на государственную службу, въ департаментахъ и министерствахъ и удерживались отъ „скользкаго поприща“ журналистики.

Въ области средняго образованія исключительныя мѣропріятія выразились въ разрушеніи установившейся въ предшествующее двадцатилѣтіе системы классическаго образованія. Еще наканунѣ 1848 г. раздавались голоса о томъ, что „было бы полезно образованію молодыхъ людей въ учебныхъ заведеніяхъ дать направленіе болѣе матеріальное, которое, занимая ихъ знаніями положительными, не давало бы времени воображенію отвлекать ихъ отъ полезныхъ занятій“ (Записка 1847 г. кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова). Съ 1848 г. въ классическомъ образованіи, съ одной стороны, окончательно стали усматривать „обманы воображенія“, непониманіе „народности“ и проистекающее отсюда неуваженіе законовъ. Съ другой сто-

роны, эта система оказывалась несоотвѣтствующей новымъ правительственнымъ требованіямъ, въ виду стремленія ограничить доступъ въ университеты, а среднему образованію дать преимущественно законченный практическій характеръ. То, что въ системѣ Уварова имѣло дополнительное значеніе, выступило теперь на первый планъ. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 21 марта 1849 г. вводился новый учебный планъ гимназіи, въ основу котораго была положена бифуркація курса, начиная съ четвертаго класса, со спеціальными дополнительными курсами въ старшихъ классахъ русскаго языка, математики и законовѣдѣнія—для поступающихъ прямо на службу, и древнихъ языковъ — для тѣхъ, кто шелъ въ университеты.

Говоря о запретительныхъ и ограниченныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ подъ вліяніемъ событій 1848 г., необходимо отмѣтить отношеніе въ это время правительства къ дворянству. Съ одной стороны, было какъ будто замѣтно стремленіе опереться на дворянство и привлечь его на свою сторону. Это сказывалось уже въ отсрочкѣ разрѣшенія крѣпостного вопроса. То же стремленіе прозвучало и въ словахъ самого государя, сказанныхъ имъ 21 марта 1848 г. на пріемѣ депутаціи петербургскаго дворянства. „Забудемъ всѣ непріятности, говорилъ онъ, одного къ другому. Подайте между собою руку дружбы, какъ братья, какъ дѣти родного края, такъ чтобы послѣдняя рука дошла до меня, и тогда, подъ моею главою, будьте увѣрены, что никакая сила земная насъ не потревожитъ". Съ другой стороны, параллельно съ этимъ идутъ мѣропріятія, возстанавливающія, до извѣстной степени, обязательную дворянскую службу. Эти мѣропріятія, имѣвшія безусловно политическій характеръ, коснулись прежде всего западныхъ губерній. Указомъ 21 апрѣля 1851 г. для дворянъ западныхъ губерній были возстановлены обязательная служба и ежегодные смотры. Дѣти дворянъ неправославнаго исповѣданія, обладавшихъ не менѣе, чѣмъ ста душами крестьянъ, обязаны были служить съ 18-лѣтняго возраста. Неспособные и слабые здоровьемъ получали отсрочку и числились недорослями до 25-лѣтняго возраста. Разборъ дворянъ долженъ производиться на ежегодныхъ смотрахъ генералъ-губернаторами. Воспитывавшіеся въ учебныхъ заведеніяхъ получали отсрочку до окончанія курса. Добровольно

поступившіе на службу могли выходить въ отставку, прослуживъ пять лѣтъ; поступившіе по принужденію — по прошествіи десяти лѣтъ. Общей инструкціей генералъ-губернаторамъ 1853 г. предписывалось наблюдать во всѣхъ губерніяхъ, чтобы дворяне не находились во вредной праздности, но посвящали себя государственной службѣ.

Къ 1851 г. самыя сношенія съ западной Европой были крайне стѣснены сильнымъ повышеніемъ платы за заграничный паспортъ до 250 р., вмѣсто 50, и сокращеніемъ сроковъ дозволеннаго всѣмъ русскимъ пребыванія въ чужихъ краяхъ.

Указанныя выше запретительныя и охранительныя мѣропріятія выразились точно также въ цѣломъ рядѣ каръ, которымъ подверглись въ то время различныя направленія общественной мысли и нѣкоторые изъ существовавшихъ въ то время кружковъ политической окраски. Таково было дѣло „петрашевцевъ" — кружокъ М. В. Буташевича-Петрашевскаго, въ которомъ участвовалъ между прочимъ Достоевскій, — обвинявшихся въ либерализмѣ и соціалистическихъ стремленіяхъ, высылка въ Вятку Салтыкова-Щедрина и арестъ Тургенева, рядъ цензурныхъ каръ, запрещеніе славянофиламъ К. Аксакову, Хомякову, Ю. Самарину и Кошелеву печатать свои произведенія, закрытіе „Кирилло-Меѳодіевскаго общества", заподозрѣннаго въ федералистическихъ стремленіяхъ. За попытку помѣстить на страницахъ „Чтеній въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей" переводъ сочиненія Флетчера „Of the russe common wealth" (Описаніе Россіи въ концѣ XVI вѣка) названное общество понесло кару: „Чтенія" были прекращены, и редактировавшій ихъ секретарь общества профессоръ Московскаго Университета Бодянскій долженъ былъ подать въ отставку.

Не мѣшаетъ отмѣтить, что исключительныя мѣропріятія въ области цензуры и народнаго просвѣщенія были встрѣчены, какъ это позволяетъ предполагать цѣлый рядъ отдѣльныхъ указаній, въ это время несочувственно въ средѣ самихъ сторонниковъ николаевской правительственной системы. Въ своихъ дневникахъ кн. Меншиковъ намекаетъ, что однимъ изъ поводовъ къ учрежденію особаго Комитета по дѣламъ цензуры былъ отказъ шефа жандармовъ гр. А. Ѳ. Орлова сдѣлать лично внушеніе редакторамъ журналовъ. Отставка гр. Уварова, какъ сейчасъ было сказано, была вынужденной — послѣ того, какъ для него стало

ясно, что созданная имъ система обречена на разрушеніе. Въ своихъ запискахъ бар. М. Корфъ отмѣчаетъ, что установленіе комплекта студентовъ возбудило въ то время «общее неудовольствіе» и даже въ людяхъ самыхъ благонамѣренныхъ общее сокрушеніе. Киселевъ считалъ крестьянскій вопросъ «лопнувшимъ». Въ указанныхъ исключительныхъ мѣропріятіяхъ усматривали нѣкоторую растерянность правительства и даже отступленіе отъ основныхъ началъ строго и послѣдовательно проводимой программы всего царствованія.

Восточный вопросъ въ началѣ 50-хъ годовъ и Крымская кампанія; послѣдніе годы жизни императора Николая Павловича.

Ближайшими причинами Восточной войны 1853—56 гг. былъ тотъ общій характеръ политики Наполеона III, какой эта политика приняла еще съ момента избранія его президентомъ французской республики, и тѣ стремленія, какія обнаружилъ къ этому времени въ своей восточной политикѣ императоръ Николай I. Поводомъ къ войнѣ послужилъ возникшій въ 1850 г. вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ и проистекшія отсюда недоразумѣнія между Россіей и Турціей.

Основною цѣлью своей политики Наполеонъ III ставилъ разрушеніе монархическаго союза 1833 г., а тѣмъ самымъ и легшихъ въ основу этого союза договоровъ 1815 г., какъ принципіально противорѣчившихъ тѣмъ началамъ, на которыхъ строился теперь новый порядокъ во Франціи. Удачно выбравъ моментъ, когда создалось охлажденіе у Россіи съ Пруссіей, а отчасти и съ Австріей, онъ направилъ свои удары на первую изъ этихъ трехъ державъ, какъ на наиболѣе послѣдовательно проводившую въ своей политикѣ начала легитимизма, и притомъ на такую область ея политики, которая не была включена въ обязательства, связывавшія съ Россіей ея союзницъ. Съ другой стороны, выдвигая Восточный вопросъ въ формѣ вопроса о защитѣ Франціей на Востокѣ интересовъ католической церкви, онъ какъ бы возрождалъ поколебленныя въ эпоху революціи и въ началѣ XIX вѣка исконныя традиціи французской восточной политики, что должно было тѣснѣе сблизить его съ католическими кругами Франціи. Со своей стороны, занявъ съ самаго начала вполнѣ опредѣленно оборонительную позицію, упоенный внѣшнимъ успѣхомъ своей политики послѣ 1848

года, императоръ Николай I видѣлъ въ сложившихся обстоятельствахъ благопріятный моментъ для того, чтобы вернуть все, утраченное русскою политикою въ Восточномъ вопросѣ, начиная съ конца тридцатыхъ годовъ.

Въ іюнѣ 1850 г. Франція, основываясь на своемъ договорѣ 1740 г. съ Турціей, потребовала, чтобы католикамъ были предоставлены нѣкоторыя изъ святынь, утвержденныхъ съ начала XIX в. за православными, а также право починки купола надъ храмомъ Гроба Господня, т.-е. уничтоженіе того, что было сдѣлано греками послѣ пожара въ этомъ храмѣ въ 1808 г. Императоръ Николай вступился за интересы православныхъ и вошелъ по этому поводу въ переговоры съ Турціей и Франціей; онъ соглашался на нѣкоторыя уступки католикамъ съ тѣмъ, однако, чтобы были подтверждены права православныхъ на тѣ святыни, какими они до сихъ поръ владѣли, и чтобы имъ, а не католикамъ, было предоставлено произвести починку купола Св. Гроба. Фирманомъ отъ 30 января 1852 г. Порта отвергла притязанія католиковъ, подтвердила установившіяся права обоихъ исповѣданій, а въ видѣ уступки Франціи разрѣшила католикамъ, наравнѣ съ православными и армяно-грегоріанами, имѣть доступъ въ пещеру Рождества Христова въ Виѳлеемскомъ храмѣ. Черезъ недѣлю, 8 февраля, этотъ фирманъ, по настоянію французскаго посла Лавалетта, подошедшаго къ Константинополю на военномъ суднѣ, былъ отмѣненъ, и католикамъ были предоставлены и право починки купола, и ключи отъ главнаго входа въ Виѳлеемскую церковь, находившіеся до этого времени у православнаго патріарха. Возгоравшійся споръ вызвалъ волненіе среди мѣстнаго христіанскаго населенія, скоро нашедшее отзвукъ и въ другихъ частяхъ Оттоманской имперіи. Въ іюнѣ 1852 г. вспыхнуло возстаніе въ Черногоріи, стремившейся пробиться къ морю и находившей поддержку у Россіи. Съ декабря 1852 г., послѣ непризнанія русскимъ монархомъ императорскаго титула за Наполеономъ III, отношенія Франціи къ Россіи приняли очень натянутый характеръ, что отражалось и на переговорахъ о Святыхъ Мѣстахъ. Императоръ Николай рѣшилъ произвести давленіе на Порту, и въ концѣ января 1853 г. отправилъ въ Константинополь чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ ген.-адъютанта свѣтл. кн. Меншикова. Одновременно съ этимъ пятый армейскій корпусъ былъ сосредоточенъ на югѣ Россіи.

Принимая эти мѣры, императоръ Николай разсчитывалъ найти поддержку со стороны Австріи, потребовавшей въ это время отъ Порты вывода ея войскъ изъ Черногоріи, что было поддержано и Россіей. Одновременно съ этимъ онъ вступилъ въ переговоры по Восточному вопросу съ Англіей и соглашаясь поддерживать существованіе Оттоманской имперіи, предлагалъ сговориться на случай ея паденія. При такомъ оборотѣ дѣлъ, по его мнѣнію, Дунайскія княжества, а также Сербія и Болгарія, должны были образовать самостоятельныя государства подъ покровительствомъ Россіи. Англіи онъ соглашался предоставить Египетъ и Критъ. Вопросъ о Константинополѣ разрѣшался не вполнѣ ясно. Заявляя, что онъ не допуститъ ни утвержденія въ Константинополѣ Англіи или Франціи, ни возстановленія греческой Византійской имперіи, императоръ Николай обѣщалъ не утверждаться въ Константинополѣ навсегда, хотя и предусматривалъ возможность его временнаго занятія Россіей. Одновременно съ этимъ имъ самимъ былъ выработанъ планъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, сводившійся къ „сильной экспедиціи, съ помощью флота, прямо въ Босфоръ и Царьградъ“ и долженствовавшій закончиться занятіемъ Дарданеллъ. Переговоры съ Англіей не имѣли успѣха. Они лишь встревожили англійское правительство: когда Меншиковъ появился въ Константинополѣ, англійскій посолъ лордъ Стратфордъ-Каннингъ былъ уже на сторожѣ противъ его миссіи.

Меншикову, какъ видно изъ данной ему инструкціи отъ 24 января 1853 г., поручалось стараться о возстановленіи прежняго значенія Россіи на Востокѣ и, въ виду этого, требовать отъ Порты торжественнаго объявленія фирмана 30 января 1852 г., отставки враждебнаго Россіи министра иностранныхъ дѣлъ Фуада-Эффенди, отмѣны всѣхъ новыхъ привилегій католиковъ и признанія за православными права починки купола св. Гроба, заключенія особаго акта (сенеда) въ формѣ конвенціи съ Россіей, обезпечивающаго status quo православной церкви, и, если бы оказалось необходимымъ, заключенія тайнаго оборонительнаго союза между Россіей и Турціей, направленнаго противъ Франціи. Если бы Порта отвергла эти требованія, Меншикову предписывалось, по истеченіи трехдневнаго срока, со всѣмъ русскимъ посольствомъ, покинуть Константинополь. Меншиковъ прибылъ въ Константинополь 16 февраля. Его переговоры съ турецкимъ

правительствомъ не имѣли успѣха вслѣдствіе противодѣйствія со стороны Англіи и Франціи. Порта не соглашалась, главнымъ образомъ, на заключеніе конвенціи. 9 мая Меншиковъ оставилъ Константинополь. Дипломатическія сношенія съ Турціей были прерваны, и 14 іюня 1853 г. манифестъ императора Николая возвѣстилъ о рѣшеніи государя занять Дунайскія княжества въ обезпеченіе правъ православной церкви на Востокѣ, защита которыхъ принадлежала Россіи въ силу кучукъ-кайнарджійскаго мира. 80-тысячная русская армія вошла въ княжества подъ начальствомъ кн. М. Д. Горчакова.

Послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній обсужденіе недоразумѣній между Россіей и Турціей сосредоточилось въ Вѣнѣ, гдѣ 19 іюля 1853 г. представителями Англіи, Пруссіи и Франціи, подъ личнымъ вліяніемъ австрійскаго императора, былъ выработанъ текстъ ноты, заключавшей въ себѣ обѣщаніе султана охранять неприкосновенность правъ и преимуществъ православной церкви, какъ обязательство, вытекавшее, изъ предшествовавшихъ договоровъ Россіи съ Турціей—кучукъ-кайнарджійскаго и адріанопольскаго. Императоръ Николай согласился принять эту ноту подъ условіемъ, чтобы при обращеніи ея въ договоръ она была принята турецкимъ правительствомъ безъ всякихъ оговорокъ, и чтобы, въ случаѣ отказа Порты подписать таковой договоръ, это согласіе ни въ чемъ не связывало ему руки. Подъ вліяніемъ Англіи Порта потребовала измѣненія „вѣнской ноты“, редактируя ее такъ, что покровительство надъ православными въ Турціи признавалось не за Россіей, но за султаномъ. Предварительнымъ условіемъ подписанія договора Порта ставила выходъ русскихъ войскъ изъ княжествъ. Императоръ Николай отвергъ эти условія. Въ виду того, что сочувствіе Англіи и Франціи было явно на сторонѣ Турціи, онъ сдѣлалъ попытку войти въ соглашеніе съ Австріей и Пруссіей. 14 (26) сентября 1853 г. состоялось свиданіе императора Николая съ Францемъ-Іосифомъ въ Ольмюцѣ, на которомъ былъ выработанъ новый планъ примиренія. 21 сентября состоялось свиданіе обоихъ императоровъ и короля прусскаго въ Варшавѣ. Пруссія отказалась подписать ольмюцкій планъ. Еще болѣе рѣшительнымъ отказомъ отвѣчали Англія и Франція. 28 сентября главнокомандующій турецкой дунайской арміей Омеръ-паша потребовалъ у кн. Горчакова, чтобы русскія войска оставили

княжества, на что послѣдовалъ отказъ. 4 октября 1853 г. Турція объявила войну императору Николаю. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ начались военныя дѣйствія на Дунаѣ, на азіатской границѣ и на черноморскомъ побережьѣ. 27 октября англійскій и французскій флоты, стоявшіе на готовѣ въ Безикскомъ заливѣ подошли къ Босфору.

Въ отвѣтъ на объявленіе войны Турціей 19 октября послѣдовалъ манифестъ Николая, оповѣщавшій его подданныхъ о томъ, что война начата, „дабы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя наши требованія, на законную заботливость нашу о защитѣ на Востокѣ православной вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ“. Не разсчитывая болѣе на содѣйствіе европейскихъ державъ, императоръ Николай предполагалъ первоначально придать войнѣ широкій освободительный характеръ и провозгласить дѣйствительную независимость „молдаво-валаховъ, сербовъ, болгаръ и грековъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ этихъ народовъ вступилъ въ обладаніе страною, въ которой живетъ уже цѣлые вѣка, и управлялся человѣкомъ, по собственному выбору, избраннымъ имъ самимъ изъ среды своихъ же соотечественниковъ“ (записка государя для канцлера гр. Нессельроде отъ начала ноября 1853 г.). Эти предположенія встрѣтили возраженія со стороны Нессельроде, находившаго въ мысляхъ государя противорѣчіе съ тѣмъ направленіемъ, какого держалась русская политика въ теченіе полстолѣтія, и считавшаго невозможнымъ для „консервативной Европы“ слѣдовать по пути, предначертанномъ государемъ. Мнѣніе Нессельроде восторжествовало. 5 декабря 1853 г. представители Австріи, Англіи, Пруссіи и Франціи подписали протоколъ, въ которомъ европейскія державы предлагали свое посредничество Россіи и Турціи, и напоминали императору Николаю о его обѣщаніи не посягать на цѣлостность Оттоманской имперіи. Еще до этого, однако, 18 ноября турецкая эскадра изъ 11 кораблей, стоявшая на Синопскомъ рейдѣ, была уничтожена вице-адмираломъ Нахимовымъ. На предложеніе державъ отъ 5 декабря императоръ Николай отвѣтилъ отказомъ. 23 декабря англо-французская эскадра вошла въ Черное море, и Россіи было предложено со стороны морскихъ державъ установить на Черномъ морѣ демаркаціонную линію, за кото-

рую не должны были переходить русскія суда. 28 февраля 1854 г. Англія и Франція заключили оборонительный и наступательный союзъ съ Турціей. 1 марта союзныя державы предъявили Николаю ультиматумъ объ очищеніи княжествъ. Какъ предложенія объ установленіи демаркаціонной линіи, такъ и ультиматумъ были отвергнуты. 15 и 16 марта Англія и Франція объявили войну Россіи; въ январѣ 1855 г. къ нимъ присоединилась Сардинія. 28 марта въ Вѣнѣ, на конференціи представителей Австріи, Англіи, Пруссіи и Франціи, былъ подписанъ протоколъ, заявлявшій о единомысліи четырехъ державъ по восточнымъ дѣламъ и объ ихъ рѣшеніи не вступать съ Россіей ни въ какіе переговоры о мирѣ безъ предварительнаго общаго соглашенія между собою. Предложеніе, сдѣланное Россіей Австріи и Пруссіи, подписать протоколъ о нейтралитетѣ было этими послѣдними отвергнуто. 4 іюня Австрія, ссылаясь на протоколъ 28 марта, потребовала „во имя политическихъ и коммерческихъ интересовъ Германіи“ очищенія Дунайскихъ княжествъ; это требованіе было поддержано и Пруссіей. Императоръ Николай отвѣчалъ отказомъ. 14 іюня Австрія заключила договоръ съ Турціей и обязалась добиться очищенія княжествъ. Еще въ мартѣ 1854 г. русскія войска перешли Дунай, а главное начальствованіе надъ ними было передано Паскевичу. Его военныя дѣйствія были неудачны. 8 іюля войска перешли обратно на лѣвый берегъ Дуная и начали отступать. 16 августа Омеръ-паша вступилъ въ Бухарестъ. Въ сентябрѣ русскія войска отступили за Прутъ, а княжества, по соглашенію съ Турціей, были заняты австрійскими войсками.

Послѣ начала военныхъ дѣйствій и вплоть до смерти императора Николая переговоры Россіи съ державами, объявившими ей войну, не прерывались. Они сосредоточивались по прежнему на „вѣнской конференціи“, русскимъ представителемъ на которой былъ кн. А. М. Горчаковъ. Здѣсь четырьмя державами были выработаны такъ называемые „четыре пункта“: 1. замѣна русскаго протектората въ княжествахъ и Сербіи общеевропейскою опекою; 2. свобода судоходства по Дунаю; 3. пересмотръ договора 1841 г. о проливахъ; 4. общее представленіе Портѣ о восточныхъ христіанахъ. Русское правительство 16 ноября приняло эти пункты, какъ исходные для дальнѣйшихъ переговоровъ, и позднѣе они легли въ основу парижскаго трактата.

Въ началѣ 1854 г. императоромъ Николаемъ былъ намѣченъ новый планъ военныхъ дѣйствій. Исходя изъ того, что враждебное отношеніе къ Россіи Англіи, Франціи и Австріи опредѣлилось съ достаточной ясностью, этотъ новый планъ, взамѣнъ прежняго проекта морской экспедиціи на Константинополь, предусматривалъ встрѣчу съ непріятелемъ въ Крыму, на Кавказѣ и въ Бессарабіи. Въ теченіе лѣта 1854 г. англійскимъ флотомъ были сдѣланы попытки нападенія на наши берега на Балтійскомъ морѣ, на Бѣломъ и на Тихомъ океанѣ. Эти попытки успѣха не имѣли. Военныя дѣйствія въ Закавказьѣ и на Черноморскомъ побережьѣ, въ началѣ для насъ успѣшныя, потеряли свое значеніе въ виду того, что скоро войска начали стягиваться въ Крымъ. Къ сентябрю, послѣ очищенія Дунайскихъ княжествъ и десанта въ Крыму англо-французскихъ войскъ, здѣсь и сосредоточились всѣ военныя дѣйствія.

Общее количество союзныхъ десантныхъ войскъ достигало 62 тысячъ. Русскихъ войскъ на всемъ полуостровѣ было не болѣе 52 тысячъ. Положеніе затруднялось еще и тѣмъ, что отдѣльныя части войскъ находились подъ разнымъ командованіемъ, и старшій изъ начальниковъ, кн. Меншиковъ, пользуясь правами лишь корпуснаго командира, былъ стѣсненъ центральнымъ вѣдомствомъ въ своихъ распоряженіяхъ. Его просьбы о присылкѣ подкрѣпленія встрѣчали противодѣйствіе со стороны Паскевича, долгое время стремившагося сосредоточить у себя главныя силы. Первая встрѣча съ противникомъ, на другой день послѣ его десанта, 7 сентября на Альмѣ, окончилась неудачей, и русскія войска отступили на южную сторону, закрывъ входъ въ Севастопольскую бухту затопленными старыми судами. Опасаясь быть отрѣзаннымъ съ главными силами отъ остальной Россіи, Меншиковъ вышелъ изъ Севастополя, и съ 11 сентября началась знаменитая осада этого города союзными войсками. Севастопольскій гарнизонъ имѣлъ всего лишь 18 тыс. человѣкъ, главнымъ образомъ, флотскаго экипажа. Главное командованіе принадлежало адмираламъ Корнилову и Нахимову; фортификаціонныя работы велись инженеръ-подполковникомъ Тотлебеномъ. 5 октября послѣдовало первое бомбардированіе Севастополя, стоившее намъ около 1200 чел., а непріятелю около 1000 чел., но не принесшее никакой пользы осаждавшимъ. Въ это время къ Меншикову подходили новыя войска, но очень

медленно, вслѣдствіе плохого состоянія дорогъ и неисправности интендантской части. Тѣмъ не менѣе, къ октябрю у него было уже около ста тысячъ человѣкъ и онъ попытался перейти въ наступленіе. Эта попытка не удалась, и на Инкерманскихъ высотахъ мы потеряли до 12 тысячъ человѣкъ. Положеніе осажденныхъ становилось крайне затруднительнымъ. Въ концѣ 1854 г. было повелѣно засчитывать мѣсяцъ службы въ Севастополѣ за годъ. Въ концѣ января 1855 г. въ Евпаторіи высадился турецкій 20-тысячный корпусъ Омера-паши. Попытка атаковать Евпаторію, предпринятая ген. Хрулевымъ, успѣха не имѣла, и эта новая неудача побудила, наконецъ, Николая Павловича смѣнить главнокомандующаго. Меншиковъ былъ отозванъ, и на его мѣсто былъ назначенъ кн. М. Д. Горчаковъ. Осада союзниковъ сосредоточилась къ этому времени у Малахова кургана. Во время работъ, долженствовавшихъ отразить здѣсь ударъ союзниковъ, въ Севастополь пришло извѣстіе о смерти императора Николая I.

Послѣдніе годы жизни императора Николая Павловича прошли, главнымъ образомъ, въ заботахъ, вызываемыхъ сперва европейскими событіями, а съ начала пятидесятыхъ годовъ—новыми осложненіями на Востокѣ. Личная жизнь государя за это время, сравнительно съ предшествующею эпохою, протекала болѣе спокойно, но за то была и менѣе богата какими либо радостными событіями. Кругъ его приближенныхъ и сотрудниковъ постепенно рѣдѣлъ. Одни, какъ кн. Чернышевъ и кн. Меншиковъ, приходили уже въ преклонный возрастъ: другіе, болѣе энергичные, какъ напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, не пользовались полнымъ довѣріемъ государя. Съ 1849 г. особенно началъ выдвигаться гр. Клейнмихель, въ вѣдѣніе котораго съ осени этого года, совершенно неожиданно для Перовскаго, было передано управленіе всею дорожною частію имперіи.

Николай Павловичъ внимательно слѣдилъ за событіями, развертывавшимися въ 1848 г. въ Европѣ; приходившія изъ-за границы извѣстія тревожили его не только какъ государя, но и какъ человѣка. Его огорчала политика берлинскаго двора, съ которымъ онъ былъ связанъ родственными узами. Онъ безпокоился за судьбу своего личнаго друга принца Вильгельма, которому суждено было

сыграть роковую роль въ извѣстные „мартовскіе дни“. Съ другой стороны, современники отмѣчаютъ въ это время какъ бы стремленіе Николая стать ближе къ своимъ подданнымъ, разсѣять чувство разобщенности двора и населенія. Чаще прежняго показывался онъ въ это время пѣшкомъ на улицахъ Петербурга.

30 августа 1848 г. въ Петербургѣ состоялось бракосочетаніе второго сына государя, великаго князя Константина Николаевича, со старшею дочерью герцога саксенъ-альтенбургскаго. Согласіе на этотъ бракъ, за два года до этого, было дано лишь въ виду непреклонно выраженнаго рѣшенія со стороны юнаго князя.

Страстную и Пасху 1849 г. государь со всѣмъ своимъ семействомъ провелъ въ Москвѣ, гдѣ къ этому времени былъ законченъ постройкою Большой кремлевскій дворецъ. Пребываніе государя въ древней столицѣ было обставлено особою торжественностью и, опять-таки, сопровождалось частымъ появленіемъ Николая среди народной толпы. Особенно милостивое вниманіе было оказано Преображенскому полку. Въ Георгіевской залѣ новаго дворца, во время церемоніи прибитія досокъ съ именами всѣхъ полковъ, имѣющихъ георгіевскія знамена, когда была поднята доска съ именемъ Преображенскаго полка, государь провозгласилъ лично полку «ура!» и, обращаясь къ солдатамъ, сказалъ, намекая на событія 14 декабря 1825 г.: „Вы—мой первый полкъ, и надѣюсь, что и останетесь имъ навсегда; передайте же товарищамъ, какъ я васъ награждаю за вашу вѣрность“.

Вскорѣ послѣ возвращенія государя изъ Москвы Петербургъ былъ взволнованъ „дѣломъ Петрашевскаго“. Николай былъ очень встревоженъ и раздраженъ этимъ обстоятельствомъ; правильно, съ своей точки зрѣнія, усматривая въ этомъ извѣстный симптомъ, онъ преувеличенно судилъ объ этомъ дѣлѣ, какъ о „заговорѣ“, и сомнѣвался, не былъ ли прикосновененъ къ нему кто либо „повыше“. Надъ виновными былъ назначенъ судъ, закончившійся, какъ извѣстно, суровымъ приговоромъ.

Лѣтомъ государь вскорѣ опять покинулъ столицу, отправившись въ Варшаву и на венгерскую границу. Въ Варшавѣ, ставшей въ это время какъ бы центромъ дипломатическихъ сношеній между восточными державами, Николай Павловичъ

имѣлъ свиданіе съ австрійскимъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ. Здѣсь были выработаны условія русской помощи Австріи. Въ Варшавѣ онъ оставался на этотъ разъ до сентября, пріѣзжая лишь на нѣсколько дней въ Петербургъ въ концѣ іюня, ко дню рожденія государыни. Сопровождавшій его великій князь Константинъ Николаевичъ отправился отсюда въ дѣйствующую армію. 28 августа въ Варшавѣ скончался на рукахъ у государя великій князь Михаилъ Павловичъ. Эта смерть была большою потерею для Николая Павловича, связаннаго съ своимъ братомъ тѣсною дружбою. Не мало тревогъ доставляло ему и все ухудшавшееся здоровье государыни-императрицы.

Такъ какъ на этотъ разъ столицу покидалъ и наслѣдникъ, то въ отсутствіе государя была назначена особая правительственная комиссія, въ которую входили кн. П. М. Волконскій, кн. Чернышевъ, гр. Блудовъ и, правителемъ дѣлъ, государственный секретарь Бахтинъ. Такая же комиссія назначалась и въ слѣдующемъ 1850 г., въ виду продолжавшихся и въ этомъ году частыхъ отлучекъ государя.

Весною 1850 г. Николай Павловичъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ-цесаревичемъ совершилъ поѣздку по Западному краю и Польшѣ для осмотра войскъ и крѣпостей. Пробывъ лѣто въ столицѣ, 7 сентября онъ отправился на смотръ войскъ въ Чугуевъ, а оттуда черезъ Москву въ Варшаву, гдѣ, по предписанію врачей, должна была проводить осень государыня. И на этотъ разъ пребываніе Николая въ Варшавѣ носило опредѣленный политическій характеръ. Здѣсь собрались многіе изъ европейскихъ коронованныхъ особъ: австрійскій императоръ, принцъ Фридрихъ нидерландскій съ супругою, Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій, принцъ Христіанъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зонденбургъ-Глюксбургскій и принцъ Евгеній Виртембергскій. Прусскій король отсутствовалъ; его замѣнялъ его министръ графъ Бранденбургъ. Въ Варшавѣ вокругъ русскаго монарха коронованный міръ германскаго союза какъ бы торжествовалъ ликвидацію революціи и національныхъ движеній. Здѣсь же торжественно былъ отпразднованъ Николаемъ Павловичемъ пятидесятилѣтній юбилей кн. Паскевича, въ награду фельдмаршалу за только-что оконченную венгерскую кампанію. Къ 21 октября государь вернулся изъ Варшавы въ Царское Село. Настроеніе высшаго петербургскаго общества въ 1850—1851 гг. отличалось, по отзыву со-

временниковъ, какъ бы успокоеніемъ послѣ только что пережитыхъ тревожныхъ годовъ. Придворная жизнь протекала, однако, по-прежнему тихо. Исполнившееся въ ноябрѣ этого года двадцатипятилѣтіе царствованія Николая, по его повелѣнію, не было отмѣчено никакими особенными торжествами. Освященіе и открытіе 21 ноября вновь построеннаго Николаевскаго моста точно также состоялось съ большою простотою. Такъ же тихо протекала жизнь двора и въ 1851, и 1852 г.г.: здоровье государыни все ухудшалось.

Однимъ изъ крупныхъ событій этого времени было открытіе Николаевской желѣзной дороги. 19 августа въ 4 часа утра государь съ государынею, наслѣдникомъ цесаревичемъ, двумя младшими сыновьями и многими другими членами царской семьи выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Москву, куда и прибылъ къ 11 часамъ вечера.

Къ началу 1853 г. положеніе дѣлъ на Востокѣ стало критическимъ. Въ виду возможности разрыва съ Англіей и Франціей и неопредѣленнаго положенія, занятаго Австріей и Пруссіей, Николай Павловичъ пожелалъ лично свидѣться со своими союзниками. Въ началѣ сентября онъ былъ на маневрахъ въ Ольмюцѣ и оттуда проѣхалъ—въ послѣдній разъ—въ Берлинъ. Вслѣдъ за этимъ австрійскій императоръ и прусскій король отдали ему визитъ въ Варшавѣ. Вплоть до самаго объявленія войны новыя осложненія на Востокѣ оставались втайнѣ отъ петербургскаго общества. Смыслъ посольства въ Константинополь Меншикова для многихъ былъ не ясенъ. Черезъ три мѣсяца послѣ свиданій въ Ольмюцѣ, Берлинѣ и Варшавѣ Австрія и Пруссія отвергли предложенія императора Николая соблюдать нейтралитетъ въ его предстоящей борьбѣ съ морскими державами. Къ лѣту слѣдующаго года, одновременно съ началомъ военныхъ дѣйствій въ Крыму, англійскій флотъ появился передъ Кронштадтомъ, и Николай изъ своего дворца въ Александріи почасту смотрѣлъ въ телескопъ на непріятельскія силы. Тяжелымъ ударомъ для него было заключеніе Австріей союзнаго договора съ Англіей и Франціей. „L'empereur d'Autriche, sur lequel je comptais tant, a tourné le fer dans mon coeur par sa conduite“, сказалъ онъ по этому поводу. Съ полнымъ самообладаніемъ выслушалъ онъ, какъ громомъ поразившее его извѣстіе объ Альминскомъ пораженіи. Изъ Севастополя продолжали

приходить тяжелыя извѣстія. „Буди воля Божія, буду нести крестъ мой до истощенія силъ“ писалъ императоръ Николай Павловичъ главнокомандующему арміей кн. Горчакову (письмо 25 ноября 1854 г.).

Весь погруженный въ дѣла, Николай, какъ бы сознательно, не берегъ себя. Достаточно было незначительной причины, чтобы истомленное здоровье, въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, окончательно надломилось. Въ концѣ января 1855 г., передъ масленицей, Николай Павловичъ слегка простудился на свадьбѣ дочери гр. Клейнмихеля. Первые дни онъ не обратилъ на это особаго вниманія, но на первой недѣлѣ великаго поста почувствовалъ себя худо и не могъ, противъ обыкновенія, пріобщаться вмѣстѣ со своею семьею. Простуда перешла въ воспаленіе легкихъ, и болѣзнь быстро начала прогрессировать. Бюллетеней о здоровьѣ государя не обнародовывалось, и потому въ народѣ и обществѣ о его болѣзни знали очень мало. Въ самомъ дворцѣ до послѣдняго дня оставались въ неизвѣстности, такъ какъ лейбъ-медикъ Мандтъ продолжалъ увѣрять, что опасности нѣтъ. Только за день до смерти, 17 февраля, истинное положеніе дѣлъ стало извѣстно, и слухи объ опасности быстро распространились по городу. Мандтъ, исполняя обѣщаніе, данное имъ года за полтора до этого, предупредилъ государя о неизбѣжности конца. Государь встрѣтилъ это извѣстіе съ полнымъ спокойствіемъ и выразилъ желаніе пріобщиться Св. Таинъ. 18 февраля двадцать минутъ перваго пополудни, простившись съ императрицею, со всѣми членами царской семьи, бывшими въ то время въ Петербургѣ, съ приближенными и слугами, императоръ Николай I скончался. Его послѣднія слова наслѣднику цесаревичу были: „Мнѣ хотѣлось, принявъ на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи, я васъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ. Служи Россіи“.

Въ столицѣ тотчасъ же начала ходить молва о томъ, что государь, не переживъ послѣднихъ огорченій, отравился; въ обществѣ были очень враждебно настроены противъ Мандта. До настоящаго времени нѣтъ достаточно данныхъ, чтобы су-

дить, насколько всѣ эти слухи были обоснованы. Хотя бы и лишенные фактическаго основанія, они имѣли свой логическій смыслъ. Все существо покойнаго императора всецѣло сраслось съ тою правительственною системою, выраженіемъ которой было все его царствованіе. Онъ самъ былъ живымъ олицетвореніемъ того порядка, защитѣ котораго посвятилъ всю свою жизнь. Онъ пережилъ время дѣйствительныхъ успѣховъ своей политики и одно время могъ, казалось, торжествовать правоту своего дѣла. Позднѣе наступили годы испытанія и разочарованія. Теперь, когда раскрылась во всей полнотѣ несостоятельность николаевской системы, жизнь государя Николая Павловича была изжита. Въ легендахъ общественный инстинктъ въ конкретномъ образѣ часто безсознательно символизируетъ тѣ общія положенія, къ какимъ, путемъ анализа, приходитъ научная мысль.

Послѣсловіе.

Настоящій очеркъ былъ написанъ и почти законченъ въ типографскомъ наборѣ еще до великаго февральскаго переворота 1917 года. Углубляясь въ николаевскую эпоху, авторъ изъ изученія этой эпохи самаго безграничнаго абсолютизма выносилъ, какъ это ни покажется страннымъ, своеобразное чувство бодрости и увѣренности за будущее. Ему выяснялась во всей своей логической неизбѣжности гибель всякаго строя, въ основѣ котораго, хотя бы въ компромиссной формѣ, лежалъ политическій абсолютизмъ. Не крахъ николаевской системы — крахъ всего русскаго политическаго уклада раскрывался передъ его глазами, крахъ, непредотвратимый никакими ни репрессивными, ни палліативными мѣрами. И отсюда росла въ немъ свѣтлая увѣренность въ конечномъ торжествѣ народной воли, народной правды. Этою увѣренностью только и остается жить теперь въ дни тѣхъ страшныхъ испытаній, какія выпали на долю нашей родины...

И проникнутый этою увѣренностью, обращаясь къ прошлому, авторъ не считалъ нужнымъ брать публицистическій тонъ при описаніи эпохи, которая можетъ почесться образцовымъ доказательствомъ несостоятельности абсолютизма. Онъ не взялъ бы этого тона и теперь, когда о царствованіи Николая I можно говорить гораздо свободнѣе, чѣмъ годъ тому назадъ. Тонъ, въ какомъ написанъ настоящій очеркъ, обусловливался не какими либо посторонними соображеніями, но существомъ дѣла. Николаевская эпоха давно уже ждетъ спокойнаго объективнаго изслѣдованія, какъ эпоха, достаточно далеко отошедшая въ прошлое. Не претендуя на роль подобнаго изслѣдованія, на-

стоящій очеркъ является какъ бы предварительнымъ подведеніемъ итоговъ того, что въ этой области уже сдѣлано. Авторъ радъ, что исполнивъ—худо ли, хорошо ли, другой вопросъ—такую задачу, онъ выпускаетъ въ свѣтъ свой трудъ въ такіе дни, когда изученіе николаевской эпохи не будетъ уже встрѣчать никакихъ преградъ, никакихъ династическихъ табу.

Если въ Россіи утвердится когда-нибудь желанная свобода печатнаго слова она откроетъ историку доступъ во многія, до сихъ поръ заповѣдныя для него области. Для николаевской эпохи это должно выразиться прежде всего въ появленіи на свѣтъ Божій новыхъ матеріаловъ, остававшихся подъ спудомъ, въ заполненіи досадныхъ лакунъ, въ тѣхъ источникахъ, которые уже обнародованы, но обнародованы въ урѣзанномъ, изуродованномъ видѣ. Тогда, быть можетъ, измѣнится и общая точка зрѣнія автора настоящаго очерка на николаевскую эпоху. Современныя событія всегда отбрасываютъ извѣстный свѣтъ и на прошлое, въ зависимости отъ чего это прошлое выступаетъ передъ изслѣдователемъ то той, то другой своею гранью. Исторія русскаго политическаго абсолютизма, на нашихъ глазахъ закончившаяся, въ этомъ смыслѣ несомнѣнно должна быть теперь перестроена. То мѣсто, какое николаевская эпоха занимала до сихъ поръ въ этой исторіи, останется за нею и впредь. Сама по себѣ, уже для своего времени изжитое прошлое, николаевская система не сводилась къ однѣмъ язвамъ бюрократическаго режима: эта система, въ предѣлахъ поставленныхъ ею себѣ рамокъ, знала и извѣстныя положительныя достиженія. Такова была точка зрѣнія автора настоящаго очерка на николаевскую эпоху, когда онъ писалъ свой трудъ; такою она остается и теперь. Въ общей картинѣ того разложенія политическаго абсолютизма, которое началось еще задолго до Николая I и которое лишь теперь раскрылось передъ нами во всей своей убѣдительности, всѣ эти положительныя достиженія послѣдняго русскаго самодержца, конечно,—незначительныя мелочи, окончательно блекнущія въ яркомъ заревѣ современности. Въ этомъ заревѣ блекнутъ и болѣе яркія страницы русскаго прошлаго: либерализмъ начала девятнадцатаго вѣка, „эпоха великихъ реформъ“. Обойти эти мелочи молчаніемъ было бы теперь такою же научною несправедливостью, какъ и до второго марта тысяча девятьсотъ семнадцатаго года.

А Николай I былъ, дѣйствительно, послѣднимъ русскимъ самодержцемъ... О немъ можно повторить то, что въ свое время онъ самъ писалъ о Меттернихѣ: съ Николаемъ I исчезала цѣлая система взаимныхъ отношеній, мыслей, интересовъ и дѣйствій. Послѣ него, въ сущности говоря, начинается уже реставрація политическаго абсолютизма, реставрація да половинчатыя поправки.

И какіе пигмеи всѣ герои этой реставраціи и этихъ половинчатыхъ уступокъ, всѣ эти „освободители“, „миротворцы“ и просто „благополучно царствующіе“ въ сравненіи съ желѣзною фигурою тюремщика русской свободы! И часто многое, что позднѣе выдвигалось, какъ нѣчто самобытное и оригинальное, на повѣрку оказывалось заржавленнымъ оружіемъ, извлеченнымъ изъ арсенала николаевской правительственной эпохи. Теперь ворота арсенала сломаны, и старинное оружіе перенесено въ музей. Мы можемъ спокойно изучать его, не боясь, что оно кого-нибудь поранитъ. Будемъ только остерегаться, чтобы намъ не преподнесли его подъ видомъ какого-нибудь, якобы самоновѣйшаго государственнаго механизма. Вѣдь и николаевское правительство вѣрило въ силу „декретовъ“; вѣдь и оно оставляло за собою монополію понимать народныя нужды, позволяло дышать только, тѣмъ кто „стоялъ цѣликомъ на платформѣ самодержавія“... Трупъ не оживетъ, но исторія знаетъ своихъ политическихъ и соціальныхъ оборотней.

Петроградъ, 31 октября 1917 года.

Библіографія.

Источники.

I. Акты, сборники документовъ и бумагъ, письма къ императору Николаю I, и поданныя ему записки и т. п.

Второе Полное Собраніе Законовъ.—Ѳ. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій, тт. IV (ч. 1 и 2), VIII, XI, XII (Спб. 1874 слѣд.). — Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ, политическіе и торговые (Спб. 1860). — Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, тт. XX (Записка А. Н. Оленина о засѣданіи Государственнаго Совѣта по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I); XXX и XXXI (Годы ученія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича; здѣсь (XXXI т.), между прочимъ, „Краткое обозрѣніе россійскихъ финансовъ въ 1838 г.“, составл. гр. Канкринымъ); LXXIII и LXXVIII (Бумаги графа Арсенія Андреевича Закревскаго); LXXIV и XC (Бумаги и журналы Высочайше утвержденнаго 6 декабря 1826 г. „Особаго Секретнаго Комитета“); XCVIII (Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и къ исторіи его царствованія; имп. Николай I въ совѣщательныхъ собраніяхъ; отчеты министерствъ за 25-лѣтіе царствованія императора Николая I); XCIII (Матеріалы для исторіи православной церкви въ царствованіе императора Николая I); CXXI и CXXII (Архивъ кн. Александра Ивановича Чернышева). — Архивъ кн. Воронцова, тт. I—X (Спб. 1870—75).—Донесеніе слѣдственной комиссіи для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ (Спб. 1826, перепеч. въ сборн.: „Государственныя преступленія въ Россіи“ т. I. (Спб. 1906), гдѣ помѣщены и другіе офиціальные документы, относящіеся къ дѣлу декабристовъ. См. также приложенія къ труду Шильдера — „Императоръ Николай I“, т. I.— Донесеніе Варшавскаго слѣдственнаго комитета (Варшава 1826).—Кавказскій Сборникъ (подъ ред. г.-м. Потто), тт. I—XXV (Тифлисъ 1876—1906).—Акты Кавказской Археографической Комиссіи (Тифл. 1866—1904), гл. обр. тт. VII—X.—Письмо П. П. Коновницына къ вел. кн. Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу 1816 г. (Русск. Стар. 1870, т. I).— Проектъ манифеста о бракосочетаніи вел. кн. Николая Павловича, составленный А. С. Шишковымъ, съ поправками императора Александра Павловича 1817 г. (Русск. Стар. 1870 г. I). — Письмо В. Н. Каразина къ

императору Николаю I, 18 сент. 1826 г. (Русск. Стар. 1870, т. II). — Записка Н. Кутузова, поданная имъ императору Николаю I (Русск. Стар. 1898, № 9). — Записка Ѳ. Ридигера „Внутреннее состояніе Россіи въ 1855 г.“ (Русск. Стар. 1901, № 3).—Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія т. II (Спб. 1865).—Десятилѣтіе Министерства Народнаго Просвѣщенія 1833—1843; записка, представленная императору Николаю Павловичу министромъ народнаго просвѣщенія гр. С. Уваровымъ (Спб. 1864). Высочайше утвержденная инструкція ректору и деканамъ юридическаго и перваго отдѣленія философскаго факультетовъ 24 окт. 1849 г. (Русск. Стар. 1872, т. VI).—В. Покровскій. Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи, т. I (изд. Деп. там. сб. Спб. 1902).—П. Петровъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ, т.т. I—III, и указатель.—Nesselrode comte. Lettres et papiers 1760—1856, 1—XI (P. 1908—1912).—F. Gentz. Mémoires et lettres inedits (Stuttgart 1841).—Его же. Dépêches inédits de Gentz aux hospodaires de Valachie pour servir à l'histoire de la politique européenne (1876).—Prokesch-Osten. Zur Geschichte der orientalischen Frage. Briefe aus dem Nachlass von Gentz 1823—1829 (Berlin 1877).—Metternich pr. Mémoires documents et écrits divers (Paris 1879). — Jakschitch. La Russie et la porte Ottomanne de 1812 à 1826 (Revue histor. 1906—1907, XCI и XCIII).—Recueil de documents, relatifs à la Russie... utils à consulter dans la crise actuelle (1854).—Affairs of Hungary 1849—1850. Messagers from the President of the U. S. transmitting correspondance with A. Dudley Mann (Wasch. 1910).

II. Документы, относящіеся къ Царству Польскому и къ возстанію 1830—1831 гг.

Международные трактаты и законодательные акты, касающіеся вопроса о государственно-правовомъ отношеніи Царства Польскаго и Россійской Имперіи (Спб. 1906).—Dziennik praw.—d'Angeberg comte. Recueils des Traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862.—Papers, relative to the suppréssion by the Gouverments of Austria, Prussia and Russia of the free state of Cracow, presented to both Houses of Parliament. (Lond. 1847).—Письмо (по поводу Польши) вел. кн. Николая Павловича къ императору Александру I (Русск. Стар. 1882, т. XXXV).—Hirschberg. Zbiór pamiętnikow do historyi powstania 1830 i 1831.—M. Mochnacki. Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831 (русс. пер.—Русск. Стар. 1891, т. LXIX).—Miroslawski. Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831.—Prądzynski. Pamietnik historyczny i wojskowy o wojnie polsko-rosyjskiej w roku 1831 (St.-Ptrsb. 1868).—L. Smitt. Feldherrn Stimmen aus und über den Polnischen Krieg vom Iahre 1831 (Lpz. 1858).—Буткевичъ — прелатъ. Возстаніе въ Варшавѣ и въ воеводствахъ Царства Польскаго въ 1830 — 1831 гг. (Русск. Стар. 1878, т. XXII). — А. Зеландъ. Воспоминанія о польскомъ возстаніи и о войнѣ 1830 — 1831 гг. (Русск. Стар. 1892, тт. LXXV и LXXVI).—К. Колзаковъ. Воспоминанія о пребываніи русскихъ въ Польшѣ и о революціи въ Варшавѣ

1815—1830 гг. (Русск. Стар. 1873, т. VII).—Д. Давыдовъ. Воспоминанія о польской войнѣ 1831 г. (Русск. Стар. 1872, т. VI).—Я. Ѳоминъ. Императоръ Николай Павловичъ въ Варшавѣ въ 1835 г. — Рѣчь императора Николая I депутатамъ Варшавы. Журнальная полемика по ея поводу въ то время (Русск. Стар. 1873, т. VII).—Рѣчь императора Николая Павловича римско-католическимъ епископамъ въ 1844 г. (Русск. Стар. 1892, т. LXXIV).—Письмо Паскевича императору Николаю о возстаніи поляковъ въ Краковѣ 1846 г. — Мнѣніе императора Николая по поводу возстанія въ Краковѣ (Русск. Стар. 1884, т. XL).

III. Собственныя записки императора Николая I; его переписка, рѣчи, данныя имъ инструкціи и т. п.

Записки императора Николая I (Русс. Стар. 1885, т. XLV и Былое 1907, № 10).—Его переписка съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ (Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, тт. CXXXI и CXXXII).—Его депеши къ имп—цѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и наслѣднику въ 1849 г. (Русс. Стар. 1896, т. LXXXVI).—Его письма къ вел. кн. Николаю Николаевичу (Русс. Арх. 1896, № 3). — Его письмо къ вел. кн. Ольгѣ Николаевнѣ (Русс. Арх. 1896, № 4).—Его письма къ великому князю Михаилу Павловичу (Русс. Стар. 1902, № 5). — Его письма (въ бытность великимъ княземъ) къ Коновницыну (Русск. Стар. 1870, т. I).—Его переписка съ Карамзинымъ (Рус. Арх. 1906, № 1).—Его письма къ гр. Ал. Хр. Бенкендорфу (Русс. Арх. 1884, № 1).—Его письма къ Витгенштейну (Русс. Стар. 1870, т. II).—Его переписка съ гр. Ив. Ив. Дибичемъ Забалканскимъ во время русско-турецкой войны 1828—1829 г. (Русск. Стар. 1872, 1877, 1880—1883). — Его письма къ Дибичу, Ермолову и Паскевичу Русск. Стар. 1880, т. XXIX).—Его письма къ гр. И. Ѳ. Паскевичу (Русск. Арх. 1897, т. I и 1910, тт. I—II).—Его переписка съ Б. Перовскимъ и письмо къ кн. П. Вяземскому (Старина и Новизна, кн. VI).—Его записочки къ кн. Васильчикову (ib. кн. XVI).—Отдѣльныя его письма, между прочимъ къ В. Р. Лепарскому и гр. Паскевичу (Русск. Стар. 1896, т. LX—XVI).—Его письмо къ Потемкиной (Русск. Арх. 1872, т. II). — Его письма къ гр. Ф. Сакену (Русск. Арх. 1884, № 6). — Его письма къ гр. П. Клейнмихелю (Русск. Арх. 1895, № 4).—Его письма къ П. А. Толстому (Русск. Стар. 1881, т. XXXI).—Его записка бар. Вревскому 1854 г. (Русск. Стар. 1872, т. VI).—Предсмертное письмо Николая Павловича М. Д. Горчакову (Русск. Стар. 1881, т. XXXII). — Сочиненіе великаго князя Николая Павловича о Маркѣ Аврелiи (Русск. Стар. 1874, т. IX).—Инструкція полковнику Бартоломею (Русск. Стар. 1910, т. CXLII).—Инструкція Нейдгарду 1832 г. (Русск. Стар. 1884, т. XLI).—Инструкція гр. Чернышеву 1849 г. (Русск. Стар. 1884, т. XLI).—Инструкція Козловскому 22 февр. 1854 г. объ охранѣ Кавказа (Русск. Арх. 1904, № 9). — С. Тучковъ. Депутація Новгородскаго дворянства въ Царскомъ Селѣ въ августѣ 1831 г. (Русск. Стар. 1891, т. LXX). — Слова, сказанныя императоромъ Николаемъ I при выпускѣ кадетъ въ офицеры въ 1847 г. (Русс. Стар. 1895, т. LXXXIII).—Рѣчь императора Николая Павловича къ петербургскому дворянству въ

1848 г. (Русск. Стар. 1883, т. XXXIX).—Его рѣчь къ петербургскому дворянству (Русск. Арх. 1884, № 5).—Высочайшее повелѣніе по поводу произвольнаго сокращенія резолюціи императора (Русск. Стар. 1884, т. XLI).—Мнѣніе императора Николая Павловича о смертной казни въ Россіи (Русск. Стар. 1883, т. XL).—Его мнѣніе о холерѣ (Русск. Арх. 1888, № 10).—Его мнѣніе объ укрѣпленіи западной границы въ 1843—1855 г. (Русск. Стар. 1884, т. XLII).—Его мнѣніе о прусскихъ дѣлахъ 1848 г. (Русск. Стар. 1870, т. I).—Его мнѣніе по поводу событій 1828—29 и 1853—55 гг. (Русск. Стар. 1876, тт. XVI и XVII).—Его мнѣніе о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ 1 февр. 1855 (Русск. Стар. 1881, т. XXXII).—К. Побѣдоносцевъ. Отмѣтки Николая Павловича на представляемыхъ ему бумагахъ (Русск. Арх. 1895, № 5).—М. Соколовскій Императоръ Николай I въ военно-судныхъ конфирмаціяхъ (Русск. Стар. 1905, т. CXXIV).—Война Россіи съ Турціей 1828 г.; письма императора Николая Павловича къ кн. Меншикову и Киселеву (Русск. Стар. 1876, т. XVII).—Императоръ Николай Павловичъ и его время 1831—49 гг. (Русск. Стар. 1884, т. XLI).—Война Россіи съ Турціей 1854—55 гг. (Русск. Старина 1876 и 1877).

IV. Заграничная публицистическая литература и памфлеты, относящіеся къ международной политикѣ николаевскаго царствованія, собраніе свѣдѣній о Россіи и т. п.

Pradt. Du système permanent de l'Europe à l'egard de la Russie et des affaires de l'Orient (P. 1828).—Ev. de Lacy. On the Designs of Russia (L. 1828; франц. перев. P. 1828).—Les cours du Nord devoileés, ou le secret de Toeplitz (P. 1835).—Progress and praesent Position of Russia in the East (L. 1836).—Confederation of Gaul. Copy of a diplomatic Paper, taken at St. Petersburgh in 1836 from the original documents (L. 1838).—The Portfolio, a collection of State Papers and others documents (L. 1835—37; всего 45 №№).—D. Urquhart. Turkey and its Ressources (L. 1833).—Его же England, France, Russia and Turkey (L. 1835; кромѣ того, нѣсколько изданій и франц. перев.; въ позднѣйш. озаглавл.: England and Russia).—Его же. La crise. La France devant les quatres puissances (P. 1840).—Goldmann. Die europäische Pentarchie (Lpz. 1839).—Suzannet. Souvenirs de voyage.—J. Förster und J. P. Dupré. Die slavische Politik entnommen aus den Portfeuille eines russischen Diplomaten (Strassb. 1840).—Hon. Arnoul. La verité sur l'Empereur Nicolas et les journaux Français (P. 1847).—Kaiser Nicolaus der I-ste gegenüber die offentliche Meinung von Europa (Weimar 1848; аноним.; по помѣткѣ на экземпл. Берлин. королевск. библіотеки—Nork'a, псевдон. Fr. Korn'a).—J. Radoulesco. Le protectorat du Czar, ou la Roumanie et la Russie (P. 1850)—Russland's Politik und Heer in den letzten Jahren (B. 1852).—W. Streubelt Russland historisch und strategisch beleuchtet (B. 1854).—La Russie e. l'equilibre europeen; par un homme d'etat (P. 1854; по помѣткѣ на экземпл. Берл. корол. библ.—Weudel-Heppler'a). K. Marx u F. Engels. Gesam. Schriften. 1852—1862; B. I—II (Stgrt 1917).

V. Письма, дневники, записки, воспоминанія и т. п.

А (на русск. яз.):Б. Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Ревелѣ 25—28 мая 1833 г. (Ревель 1833).—А. Бенкендорфъ гр. Изъ его записокъ (Историч. Вѣст. 1903, №№ 1—3, а также—полнѣе—въ дополненіяхъ къ труду объ имп. Николаѣ I Н. Шильдера).—А. Блудова. Николай Павловичъ (Русск. Арх. 1893, № 1).—Де-Брэ, гр. Императоръ Николай I и его сподвижники 1849—1852 гг. (Русск. Стар. 1902, т. CIX).—Ѳ. Бурдинъ. Воспоминанія артиста объ императорѣ Николаѣ I (Истор. Вѣст. 1886, № 1).—Н. Быковъ. Императоръ Николай Павловичъ и русскіе художники въ 1839 г. Письма гр. Ѳ. П. Толстого къ Вас. Ив. Григоровичу (Русск. Стар. 1878, т. XXI).—П. Валуевъ. Дневникъ 1847—1860 гг. (Русск. Стар. 1901, тт. LXX—LXXII).—Варнгагенъ фонъ-Энзе. Русскіе люди и дѣла въ 1845—1849 гг. (Русск. Стар. 1878, т. XXIII, 1879, т. XXIV).—Н. Вахтинъ. Артиллерійскій огонь 14 дек. 1825 г. (Русск. Стар. 1880, т. XXVIII).—А. Веригинъ. Воспоминанія объ осадѣ Варны и объ участіи въ ней Императора Николая Павловича (Русск. Стар. 1879, т. XXV).— А. Вилламовъ. Воцареніе императора Николая I (Русск. Стар. 1899, т. XCVII).—К. Военскій. Императоръ Николай I и Польша въ 1830 г. (Спб. 1905 г.; главн. содерж.—записки Ѳад. Вылежинскаго).—Гагернъ. Россія и русскій дворъ въ 1839 г. (Русск. Стар. 1891, т. LXIX).—П. Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой. 14 декабря (Русск. Арх. 1882, № 6).—Н. Голицынъ кн. Записки (Русск. Стар. 1880, т. XXIX, и 1881, тт. XXX — XXXII).—Деменковъ. 14 декабря 1825 г. на площадяхъ (Русск. Арх. 1877, № 11).—В. Денъ, ген. Записки 1823—1888 (Спб. 1890 г.).—П. Дараганъ. Воспоминанія перваго камеръ-пажа вел. кн. Александры Ѳеодоровны (Русск. Стар. 1875, тт. XII, XIII).—Дзюбенко. Полувѣковая гражданская служба за Кавказомъ 1829—1876 гг. (Русск. Стар. 1879, т. XXV).—Пав. Дивовъ. Дневники (Русск. Стар. 1897—1902).—М. Дубельтъ. Н. О. Сухозанетъ и императоръ Николай I (Русск. Стар. 1890, т. LXV).—А. Дюгамель. Автобіографія (М. 1885 г.).—Е. Егоровъ. Разсказы объ императорѣ Николаѣ (Русск. Стар. 1886, XLIX).—А. Ермоловъ. Записки за время управленія Грузіей 1816—1827 г.г. (Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древн. Росс. 1866, кн. 2 и 3).—В. Еропкинъ. День 14 декабря 1825 г. въ С.-Петербургѣ (Русск. Стар. 1885, № 4).—Ив. Жиркевичъ. Записки (Русск. Стар. 1874, т. III—1878, т. XXIII).—В. Жуковскій. Дневники (Русск. Стар. 1901—1909).—К. Занковскій. Воспоминанія объ императорѣ Николаѣ I (Историч. Вѣст. 1886, № 4.).—А. Зиссерманъ. Императоръ Николай въ Геленджикѣ въ 1837 г. (Русс. Стар. 1884, т. XLI).—Его же. О Николаѣ Павловичѣ (Русск. Арх. 1896, № 12).—Н. Имеретинскій кн. Записки стараго преображенца (Русс. Стар. 1900—1901).—Ф. Іорданъ. Записки (Русс. Стар. 1891, тт. LXIX—LII).—Я. Кастенецкій. Разсказы объ императорѣ Николаѣ I (Истор. Вѣст. 1883 г., т. XII).—Н. Кашинцовъ. Записки о посѣщеніи Государемъ Императоромъ Нижегородской ярмарки въ 1836 г. (Спб. 1837 г.).—И. Киселевскій. Воспоминанія о пребываніи Государя Императора въ

Кіевѣ въ 1829 г. (Кіевск. Губ. Вѣдом. 1853, № 27).—Д. Колокольцовъ. Пожаръ Зимняго дворца 17, 18 и 19 дек. 1837 г. (Русск. Стар. 1883, т. XL).—М. Корфъ бар. Изъ его записокъ (Русск. Стар. 1899—1900).—Кюстинъ. Россія и русскій дворъ въ 1839 г. (Русск. Стар. 1891, т. LXIX, и 1892, т. LXXIII).—Мандтъ. Ночь съ 17 на 18 февраля 1855 г. (Русск. Арх. 1884, № 1).—Его-же. О послѣднихъ недѣляхъ императора Николая Павловича (Русск. Арх. 1905, № 7).—К. Маньковскій. Императоръ Николай Павловичъ. 16 ноября 1830 г. (Русск. Стар. 1890, т. LXVI).—Ѳ. Миркович. Императоръ Николай и король Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ 1840 (Русск. Стар. 1886, т. LI).—А. Михайловскій-Данилевскій. О вступленіи на престолъ императора Николая I (Русск. Стар. 1890, т. LXVIII).—Его же. Изъ воспоминаній (Русск. Вѣстн. 1890, №№ 9, 10).—Его же. Записки 1829 г. (Русск. Стар. 1893, т. LXXIX).—Н. Муравьевъ. Записки (Русск. Арх. 1885—1895)—Его же. Турція и Египетъ въ 1832 и 1833 гг. (М. 1870 и 1874 гг.)—Его же. Русскіе на Босфорѣ въ 1833 г. (М. 1869 г.; срав. А. Заіончковскій. Замѣтки императора Николая Перваго на записки Н. Н. Муравьева—Военный Сборникъ 1903, № 2).—В. Мухановъ. Изъ его дневниковъ (Русск. Архивъ 1896 и 1897).—Д. Наумовъ. Эпизодъ изъ жизни императора Николая I (Историч. Вѣст. 1882, № 1).—А. Никитенко. Моя повѣсть о самомъ себѣ. Записки и дневникъ 1804—1877 гг. (Спб. 1905). — О** ген.-м. Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ: воспоминанія одного изъ воспитанниковъ (Русск. Стар. 1894, т. XLI).—Н. Императоръ Николай I въ Елизаветградѣ въ 1851 г. (Русск. Стар. 1898, т. XCVI).—Н. Палимпсестовъ. Митрополитъ Платонъ о Николаѣ Павловичѣ (Русск. Арх. 1893, № 4).—Пальмшернъ, шведск. посл. Донесенія объ императорѣ Николаѣ I (Русск. Стар. 1902, т. CIX).—В. Панаевъ. Воспоминанія (Русск. Стар. 1891—92 гг.).—В. Плаксинъ. Императоръ Николай Павловичъ (Русск. Стар. 1880, т. XXIX).—Ал. Поповъ. Записки 1854—56 гг. (Русск. Стар. 1881, т. XXXI).—М. Поповъ. Мелкіе разсказы (Русск. Стар. 1896, т. LVI).—Н. Рамазановъ. Императоръ Николай I въ Римѣ въ 1845 г. (Русск. Стар. 1891, № 9).—Н. Романовскій, герц. Лейхтенбергскій. Очеркъ моего дѣтства и юности. 1843—68 гг. (Русск. Стар. 1890, т. LXVI).—Я. Ростовцевъ. Изъ его записокъ (Русск. Арх. 1873, № 1).—В. Рѣпнина кн. Изъ воспоминаній о прошломъ (Русск. Арх. 1870).—Л. Савельевъ. Холера въ С. Петербургѣ въ 1830 г. (Русск. Стар. 1892, т. LXXV).—Як. де-Сапгленъ. Записки (Русск. Стар. 1882, т. XXXVI, 1883, т. XXXVII).—А. Сенявина. Письмо къ посланнику въ Тегеранѣ кн. Д. Долгорукому (Русск. Арх. 1916, кн. 2).—И. Соколовъ. Воспоминанія о Николаѣ Павловичѣ (Русск. Арх. 1886, кн. 2).—И. Сухозанетъ. 14 декабря 1825 г. (Русск. Стар. 1873, т. VII).—Г. Студенкинъ. Посѣщеніе императоромъ Николаемъ I Калинкинской больницы 21 окт. 1829 г. (Русск. Стар. 1876).—Его же. Пріѣздъ къ Высочайшему двору Хозревъ-Мирзы 30 іюня 1829 г. и Турецкое посольство 1833 г. (Русск. Стар. 1892, т. LXXVI).—Дм. Тарасовъ. почет. л.-хир. Воспоминанія моей жизни (Русск. Стар. 1871, т. IV, и 1872, т. V и VI).—Теобальдъ (А. Роткирхъ). Императоръ Николай Павловичъ (Русск. Стар. 1890, т. LXVI).—М. Урбановичъ-Пилецкій.

Письма изъ суздальскаго заточенія (Русск. Арх. 1916, кн. 2).— Н. Устряловъ. Воспоминанія (Древ. и Нов. Россія 1878, кн. I и 1880, кн. 8).— В. Фелькнеръ. Записки о событіяхъ 14 дек. 1825 г. (Русск. Стар. 1870).—Его же. Поѣздка императора Николая Павловича въ Стокгольмъ въ 1838 г. (Русск. Стар. 1875, т. XII).—Н. Фирсовъ. Воспоминанія объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ (Исторія. Вѣст. 1887, № 9).—Петербургское общество въ началѣ царствованія императора Николая. Письма и донесеніе М. М. Фока къ гр. А. Хр. Бенкендорфу. (Русск. Стар. 1881, т. XXXII). — М. Фредериксъ бар. Изъ ея воспоминаній (Истор. Вѣст. 1898 г. №№ 1—5).—Ал. Фроловъ. Воспоминанія и записки (Русск. Стар. 1882, т. XXXIV). — Ал. Храповицкій, инспект. по реперт. части 1828—39 гг. Дневникъ. (Русск. Стар. 1879, т. XXIX).— Н. Чернышева кам.-юнгф. Послѣдніе дни жизни императрицы Маріи Ѳеодоровны съ 13 сент. по 24 окт. 1828 г. (Русск. Стар. 1878, т. XXIII).— В. Шиманъ. Полвѣка назадъ (Русск. Арх. 1901 г. № 12). — Его же Эпизодъ изъ жизни Николая Павловича (Русск. Арх. 1901, № 8).—Его-же Николай Павловичъ и Александра Ѳеодоровна въ Динабургѣ (Русск. Арх. 1902, кн. 6).— Его же. Николай Павловичъ (Русск. Арх. 1902, № 4). — А. Шидловскій. Болѣзнь и кончина императора Николая Павловича. (Русск. Стар. 1896, т. LXXXVI).—Г. Щербачевъ. Двадцать лѣтъ моей молодости (Русск. Арх. 1890, № 1 и 2). — Междуцарствіе въ Россіи съ 19 ноября по 14 дек. 1825 г. (Русск. Стар. 1882, т. XXXV).—Николай Павловичъ въ Вѣнѣ въ 1835 г. (Русск. Арх. 1882, № 1).—Разсказы очевидцевъ о пожарѣ Зимняго дворца въ 1837 г. (Русск. Арх. 1865).—Покушеніе на жизнь императора Николая Павловича въ Познани въ 1843 г. (Русск. Стар. 1880, т. XXVIII).—Воспоминанія объ Августѣйшемъ посѣщеніи земли Войска Донского Е. И. Выс. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ 1850 г. (Спб. 1850 г.). — Николай Павловичъ и Александра Ѳеодоровна въ Кусковѣ (Русск. Арх. 1901, № 2).—Николай Павловичъ и петербургскіе старообрядцы (Русск. Арх. 1884, № 1).—Изъ воспоминаній разныхъ лицъ о Николаѣ Павловичѣ (Русск. Арх. 1895, № 6).—Черты изъ жизни и царствованія императора Николая I (Спб. 1869).—Изъ записанныхъ преданій объ императорѣ Николаѣ (Русск. Арх. 1892, № 8.).—Нѣкоторыя подробности о кончинѣ императора Николая Павловича (Русск. Арх. 1896, № 9).— Кромѣ того многочисленныя записки и воспоминанія декабристовъ.

Б (на иностр. яз.): de Bourgoin. Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques. (Paris 1864).—Eugen v. Wirtemberg pr. Aus demL eben des Prinzen... (Berlin 1862; часть перевед. на русскій яз.: „Турецкій походъ 1828 г. и событія за нимъ слѣдовавшія“ въ Русск. Стар. 1880, тт. XXVII и XXVIII): — Lieven pr. Letters of princess Lieven during his Residence in London 1812—1834 (London 1902). — Natzmer. Aus dem Leben des Generals v. Natzmer (Berlin 1876).—Comte de Reiset. Mes seuvenirs. La guerre de Grimée et la cour de Napoleon III (P. 1902).— Schnitzler. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas (Brux. 1847). — C. Fr. Stockmar. Aus den Papieren des Freiherrn Stokmar (Braunschweig 1872).—Trochu. Notes sur la guerre de Crimée (Revue de Paris 1913, 15 mai et juin).—Lubomirski pr. Souvenirs d'un page du tzar Nicolas (P. 1869).

См. также приложенія къ трудамъ: Заіончковскаго, Poschinger'a, Шильдера, Stern'a и др. и Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина тт. 1—32 (Спб. 1883—1910).

Изслѣдованія.

I. Общіе труды, относящіеся къ данной эпохѣ и захватывающіе царствованіе императора Николая I.

Th. Bernhardi. Geschichte Russlands und der europäischen Politik in XIX Jahrhundert (Lpz. 1863—1877).—A. Debidour. Histoire diplomatique de l'Europe 1814—1878 (Paris 1891).—Alfr. Stern. Geschichte Europa's seit den Verträgen von 1815 bis zum Frankfurter Frieden von 1871.

II. Обзоры и характеристики царствованія императора Николая I; біографіи его и нѣкоторыхъ изъ его сподвижниковъ и труды, заключающіе въ себѣ біографическія свѣдѣнія о нихъ.

М. Гершензонъ. Эпоха Николая I (М. 1910).—А. Кизеветтеръ. Внутренняя политика императора Николая Павловича. — Его же. Императоръ Николай I, какъ конституціонный монархъ (оба въ его „Историческихъ Очеркахъ“ М. 1912). — А. Корниловъ. Курсъ исторіи Россіи XIX в., ч. II (М. 1912).—Н. Устряловъ. Двадцатилѣтіе царствованія императора Николая I (собственноручныя поправки Николая I, внесенныя имъ въ первоначальный текстъ работы Устрялова и его замѣчанія къ нему см. въ вышеуказанныхъ воспоминаніяхъ Устрялова).—Н. Шильдеръ. „Императоръ Николай I“, тт. I и II (Спб. 1903; изложеніе доведено до 1831 г.; ко II тому дополненія: „Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 гг.“ и „Императоръ Николай I и освобожденіе христіанъ Востока“ и отзывъ объ этомъ трудѣ П. Щеголева. (Ист. Вѣст. 1903, № 7);—Th. Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Band I—III. (Berlin 1908—13).—P. Lacroix. Histoire de la vie et du regne de Nicolas I (Paris 1864).—А. Корсаковъ. Дѣтство и отрочество Николая Павловича (Русск. Арх. 1896, № 6). — Мод. Корфъ бар. Историческое описаніе 14 декабря 1825 г. и предшествовавшихъ тому событій (Спб. 1848; болѣе позднее изданіе—1857 — подъ заглавіемъ: Восшествіе на престолъ императора Николая I). — П. Щеголевъ. Николай I, тюремщикъ декабристовъ (Былое 1906, № 5). — Вел. кн. Николай Михайловичъ. Казнь пяти декабристовъ 13 іюля 1826 г. и императоръ Николай I (Ист. Вѣст. 1916, № 7).—Е. Пѣтуховъ. Объ отношеніяхъ Императора Николая I и Пушкина (Зап. Имп. Юрьев. Унив. 1897, № 2).—Н. Щеголевъ. Императоръ Николай I и Пушкинъ въ 1826 г. (Русск. Мысль 1910, № 6).—Г. Тельбергъ Участіе императора Николая I въ кодификаціонной работѣ его царствованія (Жур. Мин. Юст. 1916, № 1). — Н. Григоровичъ. Николай I въ Св. Синодѣ (Русск. Арх. 1869, № 5).—Чумиковъ. Гизо о Николаѣ Павловичѣ (Русск. Арх. 1880, т. I). — Его же. Маркизъ Кастельбажакъ о Николаѣ Павловичѣ (Русск. Арх. 1893, № 7).— Дм. Блудовъ. Послѣдніе ча-

ны жизни императора Николая I. (Спб. 1855). — Е. Карновичъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. (Спб. 1879).—A. Th. v. Grimm. Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland B. I—II. (Leipz. 1866). — Б. Глинка-Мавринъ. Т. А. Глинка, наставникъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича 1816—1818 гг. (Русск. Старина 1876, т. XVII).—Мод. Корфъ бар. Жизнь графа Сперанскаго (Спб. 1861).—А. Филипповъ. Сперанскій, какъ кодификаторъ (Русск. Мысль 1892 № 10).—Его же. Къ вопросу о составѣ перваго Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи (М. 1916).—И. Божеряновъ. Графъ Е. Фр. Канкринъ (Спб. 1897). — Р. Сементковскій. Е. Ф. Канкринъ (Спб. 1898). — А. Заблоцкій-Десятовскій. Графъ П. Д. Киселевъ и его время (Спб. 1882).—Е. Ковалевскій. Графъ Д. Н. Блудовъ и его время (Спб. 1866).—Н. Шильдеръ. Графъ Э. И. Тотлебенъ, его жизнь и дѣятельность (Спб. 1886). — А. Щербатовъ кн. Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ (Спб. 1888—1894).—Д. Романовскій. Генералъ-фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій и кавказская война 1815—1862 гг. (Русск. Стар. 1881, т. XXX).— И. Барсуковъ. Графъ Н. Н. Муравьевъ Амурскій тт. I—II (М. 1891). — Захарьинъ. (Якунинъ). Гр. В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву (Спб. 1903).

III. Внѣшняя политика.

С. Татищевъ. Внѣшняя политика императора Николая I (Спб. 1887).—Его же. Императоръ Николай и иностранные дворы (Спб. 1889).—С. Житаревъ. Русская политика въ восточномъ вопросѣ (М. 1896).—Я. Бутковскій. Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ (Спб. 1888).—A. Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs s. 1774 (Prag. Lpz. 1883).—С. Горяиновъ. Босфоръ и Дарданеллы. (Спб. 1907).—I. Espéret. La condition internationale des detroits des Bosphore et Dardanelles (P. 1907 и по-русски въ Соврем. Мірѣ за 1915, № 8).—А. Форштетеръ. Дунай, какъ международная рѣка (М. 1890).—В. Александренко. Россія и Англія въ началѣ царствованія императора Николая I (Русск. Стар. 1907, № 9).—Ѳ. Мартенсъ. Россія и Франція во время реставраціи и іюльской монархіи (Журн. Мин. Нар. Просв. 1907 іюль—авг.).—Th. Schiemann. Russisch-englische Beziehungen unter Kaiser Nikolaus (Z-ft. f. osteuropäische G-te B. III. Heft 4 1913).—E. Haumant. L'empereur Nicolas I et la France (Revue de Paris 1902, 15 avril).—Е. Ковалевскій. Восточныя дѣла въ 20-хъ годахъ (Вѣст. Евр. 1868 г.)—Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls der Griechen von türkischen Reich (Wien 1867).—Ѳеоктистовъ. Борьба Греціи за независимость.—Н. Епанчинъ. Очеркъ похода 1829 года въ Европейской Турціи, чч. I—III (Спб. 1905—1906).—Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи, чч. I—II (Спб. 1836).—Moltke. Zur russisch-türkischen Feldzug in der europäischen Türkei 1828 und 1829. (Berlin 1845); (русскій переводъ Н. Шильдера—Спб. 1876).—Fr. Simon dr. Medicinische Geschichte des russich-türkischen Feldzugs 1828—1829 (Hmbrg 1854).—Th. Schiemann. Die Sendung des F-ls Diebitsch nach Berlin Sept.—Nov. 1830 (Z-ft f. osteuropäische G-te B. I. Heft 1910).—Н. Поповъ. Россія и

Сербія (M. 1869).—Ed. Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat. t. I—II (P. 1882—84). — С. Горяиновъ. О тайномъ соглашеніи по дѣламъ Востока, состоявшемся въ 1844 г. между Николаемъ I и великобританскимъ правительствомъ (Извѣстія Мин. Ин. Дѣлъ 1812, III).— А. Поповъ. Сношенія Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850 г. (Журн. Мин. Народ. Просв. 1870, № 1—3; 5—7; 12.)—Его же Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи (Спб. 1868).—W. Alter. Die auswärtige Politik der ungarische Revolution 1849—1848.—Борецкій-Бергфельдъ. Борьба Венгріи за независимость (M. 1906).—Его же La Russie et la revolution hongroise 1848—1849 (Revue de Hongrie 1912, 15 mars). — Лозинскій. Революція 1848 въ Венгріи (Спб. 1906).—Н. Епанчинъ. Датская экспедиція 1850 (Русск. Стар. 1911, CXLVIII).—de Thouvenel. Nicolas I et Napoleon III 1852—1864 (Paris 1891). — R. Salomon. Die Anerkennung Napoleon's III; ein Beitrag zur Geschichte der Politik Nicolaus I (Zeitschrift für osteuropäischen Geschichte B. II Heft 3; 1912).—Ed. Bapst. L'empereur Nicolas I et la deuxieme republique française (P. 1898).—Его же Les origines de la guerre de Crimée. La France et la Russie 1848—1854 (P. 1912).—P. Rain. Les relations franco-russes sous le second Empire (Revue des études historiques 1913 nov.—de.).—Al. Wil Kinglake. The invasion in Crimea, I—VI (L. 1863).—A. Cullberg. La politique du roi Oskar pendant la guerre de Crimee (Stklm 1912).—М. Покровскій. Изъ исторіи русско-германскихъ отношеній; I. Россія и Пруссія наканунѣ Крымской войны (Гол. Минув. 1916, № 3).—G. Rothan. La Prusse et son roi pendant la guerre de Crimée (P. 1893).—N. Poschinger. Unter Friedrich Wilhelm IV, B. I—III. (B. 1901).—Его же Preussens auswärtige Politik, 1850—1858, B. I—III. (B. 1902; въ обоихъ трудахъ большое количество матеріала изъ бумагъ прусскаго министра-президента О ф. Мантейфеля). — F. У. Baddeley. The Russian conquest of the Caucasus (L. 1908). — Феоктистовъ. Русская политика на Востокѣ передъ Крымской кампаніей (Русск. Вѣст. 1868, № 1).—А. Жомини. Дипломатическое изслѣдованіе о крымской войнѣ (Вѣст. Евр. 1886 г.; первоначально въ отдѣльномъ изданіи по-французски: Ancien diplomate. Etude diplomatique sur la Guerre de Crimée. Paris 1874).—А. Заіончковскій. Восточная война 1855—56 гг. въ связи съ современной ей политической обстановкой (Спб. 1908 слѣд.).—М. Богдановичъ. Восточная война 1853—1856, тт. I—IV (Спб. 1876).—Н. Дубровинъ. Исторія крымской войны и обороны Севастополя, тт. I—III (Спб. 1900).—L. Rousset. Histoir de la guerre de Crimée.—В. Ульяницкій. Дипломатія во время Восточной войны и Парижскій трактатъ 1856 г. (Рус. Вѣст. 1877, № 12).—Также указ. ниже Исторія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

IV. Царство Польское и польское возстаніе 1830—31 гг.

St. Smolka. Polityka Lubeckiego, t. I—II (Краковъ 1907).—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1831 г. (Спб. 1890).—F. Smitt. Geschichte polnischen Aufstandes und Krieges in d. Jahren 1830 и 1831. B. I—III (2-е изд. Berl. 1848; есть русскій переводъ).—F. Skarbek. Krolewstwo

Polskie od epoki poczatku swego do rewolucyi listopadowej.—Ш. Аскенази. Царство Польское (М. 1915).—А. Корниловъ. Русская политика въ Польшѣ со времени раздѣловъ до начала XX вѣка (Петр. 1915).

V. Внутреннее управленіе.

А. Вороновъ. Преобразовательные планы въ началѣ царствованія императора Николая I (Новое Время 1896, №№ 7208 и 7303). — Государственный Совѣтъ 1801 — 1901 (Спб. 1901).—С. Середонинъ. Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, т. II, ч. 1 и 2 (Спб. 1902).—Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ 1711—1911, т. IV (Спб. 1911).—П. Майковъ. Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи (Спб. 1906).—Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія 1797—1897. (Спб. 1897).—Очеркъ исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (Спб. 1902).—Столѣтіе Военнаго Министерства (Спб. 1902 слѣд).—Историческій обзоръ развитія и дѣятельности Морского Министерства (Спб. 1902).—Коргуевъ. Русскій флотъ при Николаѣ I (Морской Сборникъ 1896). — Варадиновъ. Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.—Министерство Внутреннихъ Дѣлъ 1802—1902, историческій очеркъ и приложенія (Спб. 1902). — И. Блиновъ. Губернаторы (Спб. 1905). — Историческій очеркъ дѣятельности министерства юстиціи за 100 лѣтъ (Спб. 1902).—М. Митилинъ. Гражданскій судъ до и послѣ реформы (Труды кіев. юрид. об-ва при Унив. св. Владимира 1911—14 гг.).—Историческое обозрѣніе пятидесятилѣтней дѣятельности Министерства Государственныхъ Имуществъ (Спб. 1888).—Министерство Финансовъ 1802—1902 (Спб. 1902).—К. Ладыженскій. Исторія русскаго таможеннаго тарифа (Спб. 1886). — С. Гулишамбаровъ. Всемірная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи (Спб. 1898).—А. Семеновъ. Изученіе историческихъ свѣдѣній Россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII в. по 1858, чч. I—III (Спб. 1859).—М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ (Спб. 1907). — И. Бліохъ. Финансы Россіи и XIX в. (Спб. 1882). — Краткій историческій очеркъ вѣдомства путей сообщенія за сто лѣтъ 1798—1898 (Спб. 1898).—Краткій историческій очеркъ развитія водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній и торговыхъ портовъ въ Россіи (Спб. 1900).—Краткій историческій очеркъ начала и распространенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1879 г. включ. (Спб. 1898).—А. Савельевъ. Историческій очеркъ инженернаго управленія при Николаѣ I (Спб. 1897).—Его же Первые годы Главнаго Инженернаго Училища. — Максимовскій. Историческій очеркъ развитія Главнаго Инженернаго Училища 1819—1869.—Романовичъ-Словатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права 1870—А. Корфъ бар. Дворянство и его сословное управленіе 1762—1855. (Спб. 1906).—И. Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ въ Россіи (Спб. 1875—77).—Крестьянскій строй (сборникъ статей) т. I (Спб. 1905).—В. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II. (Спб. 1888).—Н. Дубровинъ. Кавказская война въ царствованіе императоровъ Николая I и Александра II (Спб. 1896).—Утвержденіе русскаго

владычества на Кавказѣ (подъ ред. г.-м. Потто; гл. обр. З. XII.—Иваненко. Гражданское управленіе Закавказьемъ. Тифл. 1901). — А. Бержe. Присоединеніе Грузіи къ Россіи 1799—1831 (Русск. Стар. 1870, т. XXVIII).—Благовидовъ. Оберъ-прокуроры Св. Синода (Казань 1900).—Н. Энгельгардъ. Николаевская цензура (Историч. Вѣстникъ 1901, № 9—11).—Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1850. (Спб. 1908)—Его же. Очерки изъ исторіи русской цензуры и журналистики XIX ст. (Спб. 1904).—Котовичъ. Духовная цензура въ Россіи (Спб. 1909).—М. Лалаевъ. Императоръ Николай I, зиждитель русской школы (Спб. 1904).—С. Рождественскій. Историческій обзоръ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія 1802—1902 (Спб. 1902).—П. Ферлюдинъ. Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи. Вып. I. Академія Наукъ и университеты (Саратовъ. 1864.)—Григорьевъ. Исторія С. Петербургскаго Университета (Спб. 1870). —Шевыревъ. Исторія Московскаго Университета (М. 1855).—Владимірскій-Будановъ. Исторія Императорскаго университета Св. Владиміра (Кіевъ 1884). — В. Шульгинъ. Историческій очеркъ учебныхъ заведеній въ юго-западной Россіи (Русское Слово 1889, № 9).—Д. Кобеко. Императорскій царскосельскій лицей (Спб.. 1911).—Н. Глиноецкій. Историческій очеркъ Николаевской Академіи Генеральнаго штаба (Спб. 1882).—Лалаевъ. Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній—(Спб. 1880).—Н. Врангель. бар. Искусство и Государь Николай Павловичъ (Старые Годы 1913, іюль—сентябрь).—А. Бенуа и Н. Лансере. Дворцовое строительство Императора Николая I (тамъ же).

Кромѣ того, многочисленныя сообщенія и статьи въ Русскомъ Архивѣ, Русской Старинѣ, Историческомъ Вѣстникѣ и, отчасти, въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Библіографія—въ приведенныхъ выше трудахъ Шильдера, Schiemann'a и Заіончковскаго. См. также С. Мицловъ. Обзоръ записокъ, дневниковъ... вып. II и III (Новгор. 1912) и соотвѣтствующія главы „Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ“ (изд. Т-ва Гранатъ и К°).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Предисловіе (введеніе) . . . . . .
II. Юность и женитьба (1814—1817) 11
III. Великій князь Николай Павловичъ во вторую половину александровскаго царствованія (1818 — 1825) 27
IV. Вопросъ о престолонаслѣдіи и вступленіе на престолъ Николая. 39
V. Новое правительство 59
VI. Внутренняя политика первыхъ лѣтъ царствованія 79
VII. Внѣшняя политика императора Николая; восточный вопросъ 1825 — 1829 89
VIII. Тридцатые и сороковые годы (1830—1848); польская революція во Франціи и революція въ Бельгіи 113
IX. Царство Польское въ началѣ царствованія императора Николая I; польская революція 1830—1831 гг. и ея усмиреніе; послѣдующая политика Николая I въ Польшѣ и Западномъ краѣ . 119
X. Внѣшняя политика императора Николая I въ 30-хъ и 40-хъ годахъ 147
XI. Личная жизнь государя въ 30-хъ и 40-хъ годахъ 184
XII. Николаевская система 201
XIII. Государственныя учрежденія въ царствованіе императора Николая I 209
XIV. Народное просвѣщеніе и вѣроисповѣдная политика въ николаевское царствованіе 226
XV. Николай I и искусство 248
XVI. Кодификація 256
XVII. Экономическая политика, пути сообщенія и финансы 266
XVIII. Николаевское законодательство о государственныхъ состояніяхъ 291
XIX. Военное дѣло и флотъ 321
XX. Кавказъ въ царствованіе Николая I 339
XXI. 1848 годъ. Внѣшняя политика и внутреннія мѣропріятія 347
XXII. Восточный вопросъ въ началѣ 50-хъ годовъ и Крымская кампанія; послѣдніе годы жизни императора Николая Павловича . 365
Послѣсловіе 378
Библіографія 381